

Археологические вести

— 31 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

К юбилею Натальи Вадимовны Хвоцинской

Archaeological news

31
(2021)

Saint-Petersburg
2021

Археологические вести

**31
(2021)**

Санкт-Петербург
2021

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбиляр» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Содержание

НАШ ЮБИЛЯР

Наш юбиляр. Наталия Вадимовна Хвощинская (В. А. Лапшин)	9
«По звёздам Млечного пути легла моя дорога...». 50 лет в археологии (П. Г. Гайдуков, М. В. Медведева, Е. Е. Носова)	11
Всегда в поиске и стремлении к совершенству (В. М. Горюнова)	16
«Цвети, латгальская краса, в словено-ильменской твердыне...». О моих друзьях и Учителях (Т. С. Дорофеева)	18
Наталия Вадимовна Хвощинская. Фотографии разных лет	19
Библиография работ Н. В. Хвощинской (составитель Л. М. Всевиов)	27

НОВГОРОД И ГОРОДИЩЕ

Т. С. Дорофеева. Украшения и элементы ювелирного производства из раннесредневекового слоя заполнения древнего рва Рюрикова городища	35
А. В. Плохов. Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища	41
П. Г. Гайдуков, Е. М. Ушанков. Находки западноевропейских монет XI — начала XII в. на Новгородском (Рюриковом) городище	53
Е. Ю. Медникова, О. В. Шаров. Раковины моллюсков в строительных материалах церкви Благовещения на Городище в Новгороде	63
А. М. Гринев. Усадьба «Д-2» Неревского раскопа во второй половине X в.	68
А. В. Андриенко, А. В. Шуреев, М. Н. Желтова. Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. на территории Ярославова дворища	85
Н. В. Ениосова, В. К. Сингх. Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа	93
А. М. Степанов, Н. Д. Страхова, В. К. Сингх. Редкая находка сельскохозяйственного орудия из Великого Новгорода	108
Л. В. Покровская. Балтские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)	113
Е. А. Тянина. Антропоморфные деревянные навершия средневекового Новгорода (хронология и топография)	128
Е. А. Рыбина. Берестяные грамоты о праве и судопроизводстве в средневековом Новгороде	140

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. А. Тарабардина, М. И. Петров, Е. С. Зубкова.</i> Головные уборы XIV в. из раскопа Дубошин II в Великом Новгороде	148
<i>А. А. Кудрявцев, Вл. В. Седов.</i> Энколпион XIV в. из монастыря Андрея на Ситке под Новгородом	154

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>А. Ю. Городилов, М. А. Раззак.</i> Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г.	163
<i>Н. И. Платонова, Т. А. Жеглова.</i> Заполье-3 — местонахождение «предсопочной» культуры в верхнем Полужье	179
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности	196
<i>Н. В. Лопатин.</i> Мисковидные формы лепной керамики Труворова городища	208
<i>В. Ю. Соболев.</i> Свои и чужие. Об одном нетипичном погребении Которского погоста	219
<i>В. Н. Кузнецова, И. В. Стасюк.</i> Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона	227
<i>С. И. Кочкуркина, О. В. Орфинская.</i> Элитарные изделия из курганов на р. Оять (Ленинградская область)	252
<i>А. А. Пескова, А. Ю. Кононович.</i> Писала и книжные застёжки из раскопок на Большом Шепетовском городище	264
<i>Н. В. Григорьева, В. А. Крупеник, З. В. Крупеник.</i> Медь Волховских берегов	277
<i>С. В. Белецкий.</i> Пломбы из Тверской, Новгородской и Смоленской областей в коллекции И. Н. Парусимова	286
<i>А. Е. Мусин.</i> Пломбы из Дрогичина и «дрогиичинские» пломбы: новое в изучении средневековых свинцовых пломб Восточно-Центральной Европы	290
<i>А. В. Михайлов.</i> Залахтовский археологический комплекс: грунтовые могильники XIII–XVII вв. (результаты исследований)	319
<i>П. А. Миляев.</i> Копья в комплексе вооружения воинов Ладоги XV–XVII вв.	332
<i>А. И. Сакса.</i> Средневековый Выборг — город, построенный на скале	354

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>М. В. Медведева.</i> «При археологических работах исполнял возложенные на меня обязанности ревниво, аккуратно и беспрекословно...». Надсмотрщик Керченского музея Самуил Петрович Петренко	359
Список сокращений	379

Contents

OUR HERO OF THE DAY

To the jubilee of Nataliya Vadimovna Khvoshchinskaya (<i>V. A. Lapshin</i>)	9
“Over stars of the Milky Way my road runs...». 50 years in archaeology (<i>P. G. Gaydukov, M. V. Medvedeva, E. E. Nosova</i>)	11
Always in search and the yearning for perfection (<i>V. M. Goryunova</i>)	16
“Be in flowering the Latgalian beauty, in Sloven-Ilmen stronghold...». About my friends and Teachers (<i>T. S. Dorofeyeva</i>)	18
Nataliya Vadimovna Khvoshchinskaya in photographs of different years	19
Bibliography of works by N. V. Khvoshchinskaya (<i>compiler L. M. Vseviov</i>)	27

NOVGOROD AND GORODISHCHE

<i>T. S. Dorofeyeva.</i> Ornaments and evidence of jewellery production from the early mediaeval layer of the fill of the ancient ditch at Ryurik Gorodishche.....	35
<i>A. V. Plokhov.</i> Novelties in studies of the “bread” ovens at Ryurik Gorodishche.....	41
<i>P. G. Gaydukov, E. M. Ushankov.</i> Finds of West-European coins of the 11 th — early 12 th century at Novgorod (Rurik’s) Gorodishche	53
<i>E. Yu. Mednikova, O. V. Sharov.</i> Shells in the building materials of the Church of the Annunciation at Gorodishche in Novgorod	63
<i>A. M. Grinev.</i> Urban property “Д-2” at the Nerevsky Excavation site of the 10 th century	68
<i>A. V. Andrienko, A. V. Shureyev, M. N. Zheltova.</i> The earliest archaeological materials from excavations of 2013–2014 in the area of Yaroslavovo Dvorishche	85
<i>N. V. Eniosova, V. K. Singkh.</i> Wooden finial in the shape of a ram head from the Property “С” of the Troitsky site	93
<i>A. M. Stepanov, N. D. Strakhova, V. K. Singkh.</i> Rare find of an agricultural tool from Veliky Novgorod	108
<i>L. V. Pokrovskaya.</i> Baltic and Balto-Finnish objects at urban properties of the Lyudin Konets of mediaeval Novgorod (after the materials from the Troitsky excavation)	113
<i>E. A. Tyanina.</i> Wooden anthropomorphic finials from mediaeval Novgorod (chronology and topography)	128
<i>E. A. Rybina.</i> Birchbark documents concerned with the law and legal proceedings in mediaeval Novgorod	140
<i>O. A. Tarabardina, M. I. Petrov, E. S. Zubkova.</i> Felt caps of the 14 th century from Duboshin II site in Novgorod.....	148

CONTENTS

- A. A. Kudryavtsev, Vl. V. Sedov.*
Encolpion of the 14th century from the St Andrew Monastery on Sitka near Novgorod..... 154
-

ANTIQUITIES OF EASTERN EUROPE

- A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak.*
Results of excavations of the settlement of Galik 11 in 2020 163
- N. I. Platonova, T. A. Zheglova.*
Zapolye-3 — a site of the “pre-sopki” culture in the Upper Luga River region..... 179
- E. R. Mikhaylova.*
Kurgan traditions of the North-West of the Russian Plain: the problem of the evolution and continuity 196
- N. V. Lopatin.*
Bowl-like forms of handmade pottery from Truvor’s Hillfort 208
- V. Yu. Sobolev.*
The relatives and aliens. About one non-typical burial in Kotorsk Pogost 219
- V. N. Kuznetsova, I. V. Stasyuk.*
Mediaeval jewellery from the Volga-Kama area in the East-Baltic region 227
- S. I. Kochkurkina, O. V. Orfinskaya.*
Elite objects from kurgans on the Oyat River (Leningrad Oblast) 252
- A. A. Peskova, A. Yu. Kononovich.*
Styli and book clasps from excavations at the Great Shepetovka Settlement 264
- N. V. Grigoreva, V. A. Krupenik, Z. V. Krupenik.*
Copper from banks of the Volkhov River 277
- S. V. Beletskiy.*
Seals from Tver, Novgorod and Smolensk oblasts in I. N. Parusimov’s collection 286
- A. E. Musin.*
Small lead seals from Drochiczyn and small lead seals of “Drochiczyn type”:
new light on the research on medieval “seal tags” in East-Central Europe 290
- A. V. Mikhaylov.*
Zalakhtovyе archaeological complex: flat-grave burial grounds of the 13th–17th centuries
(results of the investigations) 319
- P. A. Milyaev.*
Spears in the complex of the armament of warriors of Ladoga of the 15th–17th centuries..... 332
- A. I. Saksa.*
Mediaeval Vyborg — a town built on a rock..... 354
-

HISTORY OF SCIENCE

- M. V. Medvedeva.*
“During archaeological works, I fulfilled zealously, carefully and unquestioningly
the duties entrusted to me...” Supervisor of the Kerch Museum Samuil Petrovich Petrenko 359
- List of abriviations 379

НАШ ЮБИЛЯР

Наталья Вадимовна Хвощинская

Двадцать восьмого мая 2021 г. отметила юбилей Наталья Вадимовна Хвощинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Наталья Вадимовна родилась в Ленинграде. Путь в археологию начался для Наташи еще в школьные годы — в кружке при кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, которым руководил Лев Самуилович Клейн. И сейчас в ИИМК продолжают работать несколько бывших десятиклассников выпуска 1968 г., первым учителем которых в археологии стал Л. С. Клейн. После поступления на вечернее отделение истфака Наталья Вадимовна с апреля 1971 г. начинает трудовую деятельность в должности лаборанта Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Эти первые, «лаборантские», годы в Институте позволили будущему исследователю приобрести разнообразный полевой опыт, так необходимый для дальнейшей самостоятельной работы. Н. В. Хвощинская успела поработать в архитектурно-археологической экспедиции М. К. Каргера, принять участие в исследованиях поселений на Десне (рук. П. Н. Третьяков), в античной экспедиции на Тарханкуте (рук. А. Н. Щеглов), в Гнёздове (рук. В. А. Булкин, Д. А. Авдусин), в изучении длинных курганов на Смоленщине (рук. Е. А. Шмидт) и на могильнике Плакун в Старой Ладоге (рук. В. А. Назаренко).

Собирая материал для курсовой работы по культуре длинных курганов, Наталья Вадимовна познакомилась с Ольгой Ивановной Давидан, одной из хранителей археологических коллекций Эрмитажа. Общение с Ольгой Ивановной сыграло огромную роль в выборе научных тем и дальнейшей специализации нескольких поколений студентов кафедры археологии — будущих исследователей Северной Руси. Так, для Наталии Вадимовны откровением, определившим ее

дальнейшую научную судьбу, стало знакомство — из рук Ольги Ивановны — с коллекцией находок из курганного могильника у дер. Залахтовые на берегу Чудского озера, полученных еще в начале XX в. Поразило богатство и разнообразие металлического убора. «Это так контрастировало, — вспоминала Наталья Вадимовна, — с бедной культурой длинных курганов и даже не шло ни в какое сравнение с массовыми материалами курганных могильников древнерусского времени Северо-Запада. Коллекция создавала впечатление некоего феномена на территории Новгородской земли». В 1973 г. в Эрмитаж поступили вещи из грабительских раскопок на восточном берегу Чудского озера, и кафедра археологии ЛГУ направила студентку Н. В. Хвощинскую для оценки ущерба, нанесенного памятнику. Так начались планомерные исследования могильника Залахтовые, продолжавшиеся до 1984 г.

Закончив в 1974 г. кафедру археологии исторического факультета ЛГУ, Н. В. Хвощинская продолжила обучение в аспирантуре ЛОИА АН СССР. Ее научным руководителем стал член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков — ученый широчайшего диапазона интересов в археологической сфере. Общение с ним и участие в масштабных работах его славяно-русской экспедиции имели для аспирантки неоценимое значение. К сожалению, в 1976 г. Петр Николаевич ушел из жизни. Кандидатская диссертация «Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н. э. (по материалам погребальных памятников)» была завершена и защищена в 1978 г. под руководством А. Н. Кирпичникова. Базой для работы послужили материалы курганных могильников северного и восточного побережья Чудского озера как особого культурного региона западного пограничья Новгородской земли в раннем средневековье, а ее стержнем — комплекс Залахтовыя.

Раскрыть своеобразие памятника помогло применение Н. В. Хвоцинской новаторской методики — раскопок курганного могильника единой площадью. В результате было выявлено все разнообразие погребального обряда, ускользавшее от внимания исследователя при традиционных раскопках отдельных насыпей. Специфическими чертами Залахтовья являются присущий только этому могильнику характер погребального обряда, наличие особого типа трупосожжений и бескурганых труположений и то, что материальная культура населения имела ярко выраженный прибалтийско-финский характер. По-видимому, на рубеже X–XI вв. имела место миграция древнего эстонского населения с западного побережья Чудского озера. Анклав переселенцев сохранял своеобразие на протяжении двухсот лет и только к XIII в. интегрировался и растворился в древнерусской культуре.

Полевые исследования 1970–1980-х гг. на славяно-финском пограничье завершились изданием фундаментальной монографии «Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье)» (2004). Исследования Наталии Вадимовны в области финно-угорской и древнерусской археологии, а также сопутствующие работы по ювелирному ремеслу высоко оцениваются не только отечественными, но и зарубежными специалистами. Успеху способствовал и доброжелательный характер Наталии Вадимовны: с ближайшими коллегами — эстонскими и финскими археологами — неизменно устанавливались не только профессиональные, но и личные добрые отношения. Закономерным итогом многолетних исследований стала защита докторской диссертации «Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства» (2008).

С 1995 г. Наталия Вадимовна сосредоточила свои научные интересы на совместных с Евгением Николаевичем Носовым исследованиях Рюрикова городища под Новгородом — археологического памятника европейского масштаба, ключевого для изучения основных вопросов отечественной истории эпохи раннего средневековья. Трудно представить, что еще 50 лет назад Городище считалось «малоперспективным» памятником. Сейчас, когда результаты исследований Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской в основном введены в научный оборот, уже мало кто сомневается, что Городище — это и есть летописный Новгород IX в. Результатом этих работ стала серия коллективных монографий (2005, 2012, 2017). В настоящее время Наталия Вадимовна продолжает полевые исследования Городища и готовит очередную монографию, в которую войдут новые обширные материалы этого уникального памятника.

Неоценима многолетняя деятельность Наталии Вадимовны в качестве заместителя, а затем главного редактора «Археологических вестей», научного журнала ИИМК РАН. Признанием этой деятельности стало его включение Высшей аттестационной комиссией РАН в Перечень ведущих периодических изданий.

Наталия Вадимовна уделяет внимание и педагогической деятельности, осуществляя научное руководство работой студентов кафедры археологии исторического факультета СПбГУ и соискателей ИИМК РАН.

Коллектив ИИМК РАН от всей души поздравляет Наталию Вадимовну с юбилеем и желает ей новых научных достижений и крепкого здоровья.

*В. А. Лапшин,
доктор ист. наук, директор ИИМК РАН*

«По звёздам Млечного пути легла моя дорога...».¹ 50 лет в археологии

Наталья Вадимовна Хвощинская родилась в Ленинграде 28 мая 1951 г. в семье военно-служащего. Отец, майор медицинской службы Вадим Яковлевич Хвощинский, погиб в результате несчастного случая на Дальнем Востоке, когда Наташе было девять лет. Мать — Ольга Гавриловна Хвощинская (урожденная Колчина), работала в народной самодеятельности и занималась театральным искусством. Все детство и значительная часть взрослой жизни Натальи Вадимовны прошли в центре Ленинграда, на ул. Малая Посадская Петроградской стороны. В 1968 г. она закончила среднюю школу № 82, прочувившись в одном и том же классе все десять лет. До сих пор ее одноклассники встречаются, вспоминая свои «дворовые» приключения школьных лет. Дети 1960-х гг. после уроков были достаточно свободны и во многом предоставлены сами себе. Они могли, пробравшись через чердак Дома политкаторжан, посмотреть праздничный салют с козырька крыши, взять лодку на лодочной станции у начала Кронверкского пролива и выйти в Неву, а зимой «паровозиком» кататься с аппарели Меншикова бастиона Петропавловской крепости.

Об археологии Наталья Вадимовна узнала в старших классах из научно-популярных книг «Находки у Мёртвого моря» И. Д. Амусина, «Что такое археология» А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта и «В поисках исчезнувших цивилизаций». Заинтересовавшись этой необычной наукой, в 1966 г. она пошла в кружок, организованный при кафедре археологии исторического факультета ЛГУ. Руководил им ассистент кафедры Лев Самуилович Клейн. Его увлекательные рассказы, знакомство с культурами древних народов, а также

общая творческая атмосфера определили для Натальи Вадимовны выбор профессии. Именно Л. С. Клейна она считает своим первым учителем. Он активно привлекал школьников к настоящей научной деятельности: кружковцы участвовали в переписывании карточек англо-русского археологического словаря, создании картотеки с краткими резюме статей по археологии, опубликованных в журнале «Наука и жизнь», а самое главное — он пригласил их участвовать в работе своих студенческих семинаров, одним из которых был знаменитый Славяно-варяжский семинар.

По совету Л. С. Клейна кружковцы посещали научно-популярные лекции в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ЛОИА), которые проводились там каждую неделю. По окончании годовых занятий Л. С. Клейн предложил ребятам съездить на раскопки, но для этого надо было договориться с кем-то из руководителей экспедиций ЛОИА, набравших сотрудников. Многие не хотели брать школьников, а вот Михаил Константинович Каргер, тогда заведующий институтом, брал всех. Так Наталья Вадимовна оказалась в его архитектурно-археологической экспедиции в г. Полоцк вместе с еще тремя кружковцами.

Работа в экспедиции лишь укрепила желание поступить на кафедру археологии, однако туда был довольно большой конкурс (более 10 человек на место). На дневное отделение Наталья Вадимовна не поступила, но, успешно сдав второй тур экзаменов, в 1968 г. стала студенткой вечернего отделения, для зачисления на которое требовалась справка с места работы. Она пошла устраиваться на работу, обходя музеи в центре города, и везде получила отказ. Расстроенная Наташа пришла в деканат исторического факультета ЛГУ и наткнулась на декана В. В. Мавродина. Узнав, в чем дело, Владимир Васильевич привел ее в какой-то кабинет, где радостно представил:

¹ Песня археологов, созданная в период работы Славяно-варяжского семинара на Историческом факультете ЛГУ. Автор В.П. Петренко, при участии В. А. Назаренко и И. Г. Портнягина, 1966 г.

«Вот вам привел еще одну пионервожатую!» Так, поступив в университет, Наталия Вадимовна стала работать в школе № 24 на Васильевском острове. Учебное заведение с углубленным изучением английского языка считалось престижным. С учителями и ребятами у Наталии Вадимовны сложились прекрасные отношения, но неожиданным для нее оказалось, что работа пионервожатой полностью регулировалась райкомом комсомола. Насмотревшись вдоволь на глупости идеологического воспитания молодежи, особенно в год празднования 100-летия В. И. Ленина, Наталия Вадимовна в 1970 г. уволилась из школы.

В первые годы учебы в университете ее куратором был В. А. Булкин, который в дальнейшем, поступив в аспирантуру, стал ее научным руководителем на кафедре. Неслучайно первые студенческие экспедиции Наталии Вадимовны связаны со Смоленской землей. Два полевых сезона она работала у Е. А. Шмидта, а также участвовала в составе ленинградской группы под руководством В. А. Булкина в исследовании раскопа на селище Гнёздово, после смерти И. И. Ляпушкина. В этих экспедициях Наталия Вадимовна приобрела опыт в области методики полевых исследований курганных насыпей и культурного слоя поселений.

С 1970 г. она начала ежегодно ездить в Деснинскую экспедицию П. Н. Третьякова, изучающую раннеславянские памятники на территории Черниговской области. Близкое знакомство с Петром Николаевичем на раскопках сыграло ключевую роль в ее дальнейшей судьбе. Наталия Вадимовна посещала его лекции по финно-угорской археологии вместе со студентами дневного отделения, так как у вечерников этого курса не было. Однажды на лекции к ней подошел П. Н. Третьяков и предложил работать в ЛОИА в качестве препаратора (самая низкая ступень должности лаборанта). От такого предложения Наталия Вадимовна буквально потеряла дар речи: тогда для студентов было несбыточной мечтой попасть на работу в Институт археологии. Так, весной 1971 г., еще будучи студенткой 3-го курса, она была зачислена в штат института. С этого момента вот уже на протяжении пятидесяти лет вся жизнь Наталии Вадимовны связана с научной деятельностью ЛОИА, ставшего с 1991 г. Институтом истории материальной культуры РАН.

Важнейшее событие в ее личной жизни также произошло именно в экспедиции П. Н. Третьякова. Наташа Хвощинская и Женя Носов хорошо

знали друг друга по университету. Он учился на два курса старше неё, вместе они посещали Славяно-варяжский семинар, встречались на кафедре и студенческих вечеринках, но именно работа в Деснинской экспедиции сблизила их, и в 1977 г. они стали мужем и женой.

Студенты-археологи старались максимально использовать летнее время для поездок в экспедиции. Наталия Вадимовна не была исключением, тем более как лаборанта ЛОИА ее охотно брали на раскопки сотрудники института. В начале 1970-х гг. она побывала в Ладоге и Приладожье (нач. отряда В. А. Назаренко), в западной Белоруссии под Новогрудком (нач. отряда К. В. Павлова), в Порхове (нач. эксп. А. Н. Кирпичников), на Тарханкуте (нач. эксп. А. Н. Щеглов), после завершения раскопок у П. Н. Третьякова почти весь молодой состав экспедиции оставался продолжать работы у Е. А. Горюнова на Украине.

Еще будучи студенткой, Наталия Вадимовна получила собственный первый Открытый лист и начала самостоятельные исследования крупнейшего курганного могильника на берегу Чудского озера около дер. Залахтовье, которые продолжались в течение 10 полевых сезонов (1973–1984 гг.). Поводом послужило разграбление памятника, некоторые вещи случайно поступили в Эрмитаж, и по инициативе О. И. Давидан Наталия Вадимовна вместе со своими сокурсниками отправилась в мае 1973 г. оценить на месте размеры реального ущерба. Публикуя материалы этого уникального могильника через много лет, в конце монографии Наталия Вадимовна сама красочно описала события тех лет и ту варварскую картину, которую они застали после набега грабителей (*Хвощинская*, 2004. С. 177–180). Начав изучение Залахтовья, она оказалась одним из первопроходцев в разработке методики раскопок курганных могильников широкой площадью, хотя это было непростой методической задачей в условиях соснового бора. Но результат превзошел все ожидания! Были открыты различные типы грунтовых захоронений и деревоземляных конструкций, а также сопутствующие им сооружения. Это полностью перевернуло первоначальные представления о памятнике. В вышедшем в 2004 г. монографическом исследовании Наталия Вадимовна подвела итоги изучения этого уникального погребального комплекса. Яркая материальная культура, представленная в захоронениях, не вызывала сомнения в финской принадлежности некрополя. По ее мнению,

могильник был оставлен группой древних эстов, продвинувшихся с запада и занявших микрорегион, ранее освоенный носителями культуры длинных курганов. Погребальный обряд этого населения постепенно трансформировался и воспринимал элементы восточнославянской традиции (курганные насыпи), но при этом залахтовцы сохраняли свою этническую самобытность вплоть до конца XII в.

Окончив университет в 1974 г., Наталия Вадимовна поступила в аспирантуру ЛОИА. Ее руководителем стал П. Н. Третьяков, а после его смерти в последний год подготовки диссертации — А. Н. Кирпичников. В 1974 г. группа славяно-русской археологии была преобразована в сектор славяно-финской археологии ЛОИА, куда Наталия Вадимовна была зачислена младшим научным сотрудником сразу по окончании аспирантуры. Исследования молодых сотрудников и аспирантов, влившихся в те годы в сектор, тесным образом были связаны с финно-угорской тематикой и памятниками Северо-Запада России. Тема кандидатской диссертации, защищенной Наталией Вадимовной в 1978 г., — «Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. По материалам погребальных памятников», а докторской — «Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства» (2008 г.).

Исследовательские достижения Наталии Вадимовны в области изучения взаимодействия финнов и славян на северо-западных рубежах древнерусского государства во многом основываются на широте археологического кругозора, охватывающего одновременно памятники средневековых эстов на западе и древности Великого Новгорода на востоке, и на глубоком самостоятельном анализе археологических источников — документации старых раскопок и материалов новейших исследований. В результате ее работ были развеяны сложившиеся своеобразные историографические мифы, основанные на произвольной интерпретации летописных текстов, неверной локализации этнонимов, ошибках в археологической документации.

Так, ею был досконально проанализирован материал о загадочном племени «норове/нерома», однажды упомянутом в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку и помещенном некоторыми исследователями в бассейн р. Нарва. Наталия Вадимовна показала, что археологические материалы не дают никаких оснований для

локализации здесь какого-то особого финского племени. По мнению Наталии Вадимовны, наиболее аргументировано выглядит логика исследователей, склоняющихся к балтийской принадлежности данной группы населения, живущей в районе р. Нарев — правого притока Западного Буга.

Одно из направлений ее исследований коснулось «каменных фигур», раскопанных юным Н. К. Рерихом около дер. Извара и прочно вошедших в литературу как памятник воды. Скрупулёзное изучение архивных материалов показало, что это — плод воображения молодого художника, и раскопанные им случайные скопления камней вообще не имеют отношения к археологическим объектам.

Системное рассмотрение основных категорий археологических памятников, характеризующих этнокультурные процессы в Северо-Восточном Причудье и на Ижорском плато, и всей совокупности письменных источников, в которых упоминаются народы и племенные группы на данной территории, позволило Наталии Вадимовне воссоздать цельную картину расселения и взаимодействия основных этнических групп населения Северо-Запада Новгородской земли — эстов (летописной чуди), води и славян. Особой темой изучения являлись древности води, народа, родственного северным эстам. Начиная с XIX в. исследователи, опираясь на сведения письменных источников и этнографические данные, отводили этому племени огромную территорию от низовьев р. Луга на западе до р. Волхов на востоке. Наталии Вадимовне удалось доказать, что за их суждениями стояли границы южной части Водской пятины Великого Новгорода. Реально водское население проживало на компактной территории вдоль побережья Финского залива от Понаровья, включая районы Северо-Восточной Эстонии, до Копорья и его окрестностей. Именно в пределах этого региона были открыты памятники, датируемые начиная с римского времени, которые можно связать с водью.

Рассматривая механизм и процесс формирования древнерусской культуры в зоне соприкосновения и взаимодействия разноязычных народов, Наталия Вадимовна наряду с традиционным комплексным анализом источников применяет метод, построенный на реконструкции женского погребального убора, являющегося устойчивым этнографическим признаком и предоставляющим широкие возможности для этнокультурных

выводов. Наталии Вадимовне удалось существенно развить этот метод применительно к своему материалу. Она не только рассмотрела сходство и различия в комплексе элементов костюма, но и характер, «манеру» использования одних и тех же украшений населением различных территорий и этносов. Это открыло широкие возможности для выяснения национальных и эстетических предпочтений, и в конечном итоге, для раскрытия важнейших процессов культурного взаимодействия, происходивших на славяно-финском пограничье.

Поскольку финская тематика стала важной частью работы сотрудников сектора, А. Н. Кирпичников активно налаживал контакты с учеными Финляндии и Эстонии. Курировать связи с эстонскими археологами он поручил Наталии Вадимовне. В 1975–1976 гг. организуются совместные поездки по памятникам вокруг Чудского озера. С эстонской стороны группу возглавила Сильвия Лаул, из молодых археологов в нее входили Айн Лави и Маре Лаул (Соколовски). Поездки оказались весьма плодотворными и заложили основу дальнейшего сотрудничества, которое выразилось как в личных контактах, так и в организации совместных заседаний и конференций в Таллине и Ленинграде. На защите кандидатской диссертации самой Наталии Вадимовны наряду с В. В. Седовым оппонентом выступал известный эстонский археолог Э. Ю. Тыниссон.

С конца 1980-х гг. в орбиту научных интересов Наталии Вадимовны кроме финно-угорских древностей попадают материалы, связанные с исследованием памятников центральных районов Новгородской земли и прежде всего Рюрикова городища. Став заместителем начальника Новгородской областной экспедиции ЛОИА (рук. Е. Н. Носов), она принимает активное участие в разведочных работах и раскопках памятников новгородской округи, и исследовании Рюрикова городища. Ее перу принадлежит целый ряд работ, касающихся отдельных категорий материала, в специальных статьях рассматриваются проблемы бронзолитейного производства Рюрикова городища, связи населения Приильменья с народами Балтийского региона. Вместе с Ингмаром Янссоном, профессором Стокгольмского университета, Наталия Вадимовна начинает собирать каталог фибул Рюрикова городища, значительную долю которых составляют скандинавские украшения. К сожалению, эта актуальная работа так и остается

неопубликованной, можно только пожелать, чтобы она была завершена и издана.

В 2012 г., к 1150-летию юбилею российской государственности, по заказу администрации Великого Новгорода была издана монография «Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий», авторами которой стали Е. Н. Носов, М. В. Медведева и Н. В. Хвоцинская (Носов и др., 2012). В красочно оформленной книге обобщаются результаты многолетних раскопок Рюрикова городища и публикуются материалы из архива ИИМК РАН. Кроме того, Наталией Вадимовной вместе с Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым в 2017 г. была подготовлена монография по итогам археологических работ на Рюриковом городище в 1995–1996 и 2005–2012 гг. (Носов и др., 2017).

Помимо основной научной деятельности и работы в институте, Наталия Вадимовна с 1995 по 2002 г. преподавала историю в 5–6 классах 642-й гимназии «Земля и Вселенная». И там ко всем делам Наталия Вадимовна относилась с творческим задором. Во время работы в школе ею были созданы авторские программы по «Введению в историю» и «Истории древнего мира». Одновременно с работой в школе она несколько лет вела кружок по археологии во Дворце творчества юных. Ряд ее воспитанников связали свою жизнь с археологией и этнографией.

Наталия Вадимовна всегда принимала активное участие в общественной жизни института: была секретарем комсомольской организации, входила в состав месткома, и т. д. После преобразования в 1991 г. ЛОИА в самостоятельный институт с возвращением ему первоначального названия (Институт истории материальной культуры) у директора института В. М. Массона возникла идея создания нового научного издания. Зная ответственность, четкость и аккуратность Наталии Вадимовны он ставит ее во главе издательской группы, и уже в 1992 г. вышел первый номер ежегодника «Археологические вести». За прошедшие годы журнал зарекомендовал себя как солидное научное издание и занял прочное место в ряду других ведущих российских археологических периодических изданий (Хвоцинская, 2012. С. 9–12).

В конце 1990-х гг. ИИМК оказался в нелегком финансовом положении и коллектив был разобщен. В значительной степени по инициативе Наталии Вадимовны были возрождены «капустники»

и дружеские чаепития на общих новогодних собраниях коллектива, а также на Дне института, учрежденном Е. Н. Носовым и проходящем ежегодно в конце апреля. Многие сотрудники с удовольствием принимали участие в этих неформальных встречах и помогали в их организации (Хвоцинская, 2013. С. 401–407).

Наталья Вадимовна пользуется заслуженным уважением среди коллег не только как высококвалифицированный специалист, но и как доброжелательный и отзывчивый человек, всегда готовый оказать поддержку в трудной ситуации. Ее характеризует исключительная верность и преданность своему делу и семье. Пережив тяжелую

потерю горячо любимого мужа, Наталья Вадимовна продолжила его дело и взяла на себя руководство Новгородской областной экспедицией и археологическими исследованиями на Рюриковом городище.

Наталья Вадимовна относится к той редкой категории людей, в которых счастливо сочетаются природная красота и невероятное женское обаяние, человеческая доброта и чуткость, проницательный ум и интуиция настоящего ученого. От всей души поздравляем Наталию Вадимовну с юбилеем и желаем доброго здоровья, благополучия и свершения всех творческих начинаний!

*П. Г. Гайдуков, чл.-кор. РАН, ИА РАН,
М. В. Медведева, ИИМК РАН,
Е. Е. Носова, ООО НИЦ «Актуальная археология»*

*Носов и др., 2012 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.,
Медведева М. В. Новгородская Русь. Рождение
державы. Свидетельства из глубины столетий.
СПб.: ЛИК, 2012. 222 с.*

Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. 2017. 288 с.

Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам

могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин. 2004. 290 с.

Хвоцинская, 2012 — Хвоцинская Н. В. К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин. 2012. Вып. 18. С. 9–12.

Хвоцинская, 2013 — Хвоцинская Н. В. Не наукой единой // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 401–407.

Всегда в поиске и стремлении к совершенству

Мое первое знакомство тогда еще с просто Наташей состоялось на кафедре археологии ЛГУ, когда она училась на первом курсе, а я первый год работала там лаборантом. Но настоящее дружба у нас возникло в полевой сезон 1970 г. на Десне, сначала в экспедиции П. Н. Третьякова, а потом в разведочном отряде Е. А. Горюнова. И в первом случае, и во втором коллектив сотрудников был небольшим и практически неизменным, большей частью состоящий из студентов-археологов, и поэтому товарищеские отношения были естественными и единственно возможными в достаточно непростых бытовых условиях «непоседливости» экспедиции П. Н. Третьякова и «летучести» отряда Е. А. Горюнова. Несмотря на позднюю осень и непогоду, нередкие поломки экспедиционной машины или частые «вызволения» ее из болотистой поймы, а также долгий полевой сезон, когда обычно накапливаются усталость и раздражение, ничто не нарушало ровной дружеской атмосферы. А Наташа была солнечным центром нашей экспедиции: всегда ровная, спокойная, удивительно щедрая на улыбку и помощь в любой работе — на раскопе, на кухне, в устройстве нашего недолговременного быта, перетаскивании рюкзаков и спальников. Красивая, стройная, с длиннющей косой ниже пояса, она была неутомима на маршруте, в разведке, а на раскопе ни в чем не уступала мужской части отряда: вскрыть тяжелый дерновый слой глинистой почвы (да запросто!), передвинуть отвал (а кто больше и дальше!). И только вечером наши мужчины вспоминали о ее женской красоте и сути. «Наташа, распусти косу», — просили они. Наташа краснела, смущалась, но уступала, а они завороченно любовались золотистой волной ее волос.

Свой первый опыт в полевой археологии она приобрела в экспедиции известного смоленского археолога Е. А. Шмидта, крупного специалиста в области изучения длинных курганов и проблемы этногенеза кривичей. Ему удалось пробудить у вчерашней школьницы глубокий интерес к изучению курганной и поселенческой культуры населения Северо-Запада второй половины I тысячелетия н. э.

Он на всю жизнь определил вектор научной судьбы Наталии Вадимовны¹.

Сосредоточенность, огромная работоспособность, умение впитывать новые знания и развивать наблюдательность — всё это делало Наташу еще в студенческие годы бесценным экспедиционным «кадром» и желанным сотрудником экспедиции любого профиля (от архитектурной М. К. Каргера, до античной А. Н. Щеглова). Благодаря этим качествам Наталия Вадимовна уже к концу обучения на кафедре археологии стала профессиональным полевиком. Еще не окончив университет, в 1972 г., после четвертого курса, она возглавила Гдовский отряд ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). С этого года начинается ее восхождение на вершину научного поиска. Более десяти лет Наталия Вадимовна ведет разведки и раскопки длинных курганов и древнерусских могильников в Псковской области. Но главная удача и труд ее жизни — планомерные раскопки крупнейшего уникального финского некрополя на восточном побережье Чудского озера у дер. Залахтовы (1973–1984 гг.). Годы работы на памятнике шлифовали талант полевого исследователя. Каждый новый сезон ставил свои задачи, которые часто необходимо решать в поле, на ходу совершенствуя или изобретая новые методические приемы.

В результате Наталия Вадимовна на этом памятнике добилась невероятных успехов и сделала ряд открытий. Ею были зафиксированы грунтовые трупосожжения и труположения (ранее неизвестные в Залахтовы), интереснейшие детали погребальной обрядности, древоземляные сооружения типа «домиков мертвых» — новые типы погребальных сооружений, которые до нее археологами в силу ограниченности применяемой методики не могли быть обнаружены. Безусловно, такому успеху способствовало также вскрытие значительной части могильника сплошной площадью, что в те годы было несомненной новацией в полевой практике славяно-русской археологической науки.

¹ Правда, он сам, наверное, на всю жизнь запомнил, как счастливая своей первой находкой Наташа притащила в лагерь неразорвавшийся снаряд.

Вклад юбиляра отнюдь не исчерпывается полевыми исследованиями. Вернее, следует сказать так: достижения Наталии Вадимовны в полевой археологии послужили прочным фундаментом для ее научных публикаций. Многочисленные статьи и доклады юбиляра на конференциях в 1970–1980-е годы были посвящены археологическим реалиям западных территорий Новгородской земли второй половины I тысячелетия н. э. Тематика статей охватывала широкий круг: от общих вопросов формирования древнерусской культуры на данной территории, взаимодействия финнов и скандинавов в Балтийском регионе до специфики курганов Северо-Запада, культурных особенностей древних эстов, захоронений племен воедь. Интересовала Наталию Вадимовну и реконструкция мужской и женской одежды населения западных окраин Новгорода. В исследование археологических явлений каждой из вышеозначенных тем юбиляр внесла существенный вклад и новые, нестандартные подходы к решению проблем. Особое место в творчестве Наталии Вадимовны занимает монографическая работа «Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове)» — подведение итогов исследованиям на этом памятнике. Работа послужила основой для докторской диссертации.

Научная обработка полевых коллекций, привлечение к их анализу ряда специалистов естественных наук, неустанные кропотливые изыскания в архивах, музеях, пристальное внимание к работам и достижениям коллег, как российских, так и республик Прибалтики, многолетнее сотрудничество с эстонскими археологами — вот те слагаемые исследовательского процесса, которые способствовали успеху и укреплению авторитета Наталии Вадимовны среди археологического сообщества. За годы нашей совместной работы в стенах института мне непосредственно приходилось наблюдать, как в кабинетных изысканиях и полевых работах проявляются одни и те же качества ответственного, скрупулезного, постоянно совершенствующегося в своей профессии человека.

С 1995 г. в научной судьбе Наталии Вадимовны наступил новый период — работа в Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством мужа, Е. Н. Носова. Многолетние раскопки Рюрикова городища стали ее жизнью и заботой. Я, начиная с 1993-го и, с небольшими перерывами, до 2007 г., работала рядом с ними. Несмотря на прошедшие годы, приобретенные значительный научный багаж и авторитет, на Рюриковом городище я видела прежнюю Ната-

шу, ту, из 1970-го года Деснинской экспедиции П. Н. Третьякова: благожелательную, спокойную, удивительно щедрую на улыбку и помощь в любой работе, всегда готовую ободрить и поддержать не только словом, но и делом. Вот только рюкзаки и спальники из экспедиционной машины она уже не разгружала, хотя лопатой могла по-прежнему работать виртуозно.

И что хочется особо отметить, в эти годы мне посчастливилось наблюдать редчайшее явление в нашей археологии — научный тандем двух зрелых, крупных, талантливых ученых, которые не соперничали, а гармонично дополняли друг друга. В сложнейших топографических и стратиграфических условиях ими были сделаны большие и малые открытия в дополнение к прежним, обретенным в 1980-е гг. Из особо значимых надо отметить вскрытие на большой площади рва, выявление ремесленных построек и системы укреплений на мысовой части городища. У Наталии Вадимовны и Евгения Николаевича за время, прошедшее с 1995 г., вышло немало совместных статей и две коллективные монографии. Значительные усилия были направлены на сохранение Рюрикова городища — уникальнейшего явления общеевропейского значения — и скорейшее введение в научный оборот богатых материалов многолетних раскопок этого памятника. Безумно жаль, что этого тандема из-за безвременного ухода Евгения Николаевича уже не существует.

Можно еще долго говорить о разнообразных исследовательских достоинствах юбиляра, но скажу о главном. Все научные успехи Наталии Вадимовны определены уникальными духовными качествами человека колоссального трудолюбия, наделенного глубокой интуицией и тонкой наблюдательностью, человека оптимистичного, не поддающегося ударам судьбы и тяготам нашей действительности. Мы Наташу любим не только за блестящий исследовательский талант, но и за неизбывную щедрость, чуткость, умение вовремя оказать поддержку, прощать и надеяться на лучшее в человеческих душах.

Нимало не сомневаюсь, что нынешняя юбилейная дата — это не предел, не начало заслуженного отдыха, а лишь новый этап, канун новых научных открытий, переосмысления достигнутого и претворения в жизнь давно задуманных идей. Удачи, здоровья, нового дыхания в дальнейшем «походе» в этом несовершенном мире!

В. М. Горюнова,

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН

«Цвети, латгальская краса, в словено-ильменской твердыне...».¹

О моих друзьях и Учителях

Наталия Вадимовна Хвощинская... Наташа... Какая она для меня, какой я ее вижу и знаю... Замечательная женщина, оптимист, стойкий боец и борец, душа-человек. Наше знакомство произошло более сорока лет тому назад. Я, восторженная студентка, влюбленная в Городище, работала в экспедиции у Евгения Николаевича Носова, когда в гости к нему приехала его молодая жена Наташа (они поженились весной того года). Веселое, милое лицо, пушистые волосы, заплетенные в чудесную косу. Я всегда была уверена, что Евгений Николаевич (поскольку талантливый человек талантлив во всем!) выбрал себе в жены самую обаятельную девушку института.

Оба они с самого начала научной деятельности были серьезными исследователями, ответственно относящимися не только к своей работе, но и к любому поручаемому делу. В 1990-х гг., когда во время «парада суверенитетов» ЛОИА стал ИИМК, возглавлявший тогда институт Вадим Михайлович Массон инициировал выпуск ежегодника «Археологические вести», поручив курировать его Евгению Николаевичу Носову и Наталии Вадимовне Хвощинской. Поначалу о новом издании ИИМК пренебрежительно отзывались как о «местечковом для служебного пользования». Но с годами оно завоевало признание не только в России, но и за рубежом. И в этом, в первую очередь, заслуга Наталии Вадимовны, которая с первого выпуска стала опорой издания, его «несущей конструкцией», и выполняет эту функцию уже 30 лет, сменив недавно мужа на посту главного редактора. В профессиональном отношении муж и жена прекрасно дополняли друг друга, а самое главное, что в семье никогда не было конфликтов из-за ревности/зависти к его

или ее успехам. В науке они были единомышленниками и соратниками.

Мне очень повезло, что я несколько десятков лет близко знакома с этой замечательной семьей. Я видела их молодоженами, затем молодыми родителями. В 1979 г., когда пара ждала первенца, Евгений Николаевич волновался и каждый день ездил звонить с новгородского почтамта в Ленинград, чтобы узнать, как там дела у Наташи. Экспедиция переживала за обоих и гадала, когда ребенок появится на свет. Мне же почему-то казалось, что это радостное событие произойдет в день рождения самого Евгения Николаевича 21 августа (в качестве подарка). Ошиблась только на день, сын родился 20 августа. Через несколько лет, когда появился второй ребенок, Наталия Вадимовна, в силу обстоятельств, оставила свою экспедицию в Залахтовье и стала помогать мужу на Городище, став заместителем руководителя экспедиции. А после ухода Евгения Николаевича возглавила экспедицию на Рюриковом городище, продолжив работу на памятнике, исследованию которого ее муж посвятил всю свою жизнь. Благодаря инициативе Наталии Вадимовны были подготовлены и опубликованы несколько монографий по Рюрикову городищу.

Для меня и Наталия Вадимовна, и Евгений Николаевич стали Учителями. Но если от Евгения Николаевича исподволь я перенимала отношение к своей работе, то от Наталии Вадимовны — умение быть хозяйкой, женой, любящей матерью, а теперь и бабушкой. Для меня она образец настоящей мудрой русской женщины — надежная опора для близких, преданная друзьям, верная своему слову и долгу, несгибаемая и стойкая в любых невзгодах.

Т. С. Дорофеева,

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН

¹ Строка стихотворения, написанного участниками Славяно-варяжского семинара на день свадьбы Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Детство и юность: 1 — мать, Ольга Гавриловна; 2 — отец, Вадим Яковлевич; 3 — в 1954 г.; 4, 5 — в 1956 г.; 6 — 1968 г., выпускница школы № 82

Fig. 1. Childhood and young years: 1 — mother Olga Gavrilovna; 2 — father Vadim Yakovlevich; 3 — in 1954; 4, 5 — in 1956; 6 — 1968, school-leaver from School No. 82

Рис. 2. В экспедициях 1960–1980-х гг.: 1 — 1967 г., Смоленск; 2 — 1972 г., Деснинская (вместе с Е. Н. Носовым); 3 — 1973 г., Осыно; 4 — 1980 г., Безьва; 5 — 1978 г., Поозерье (слева направо: А. В. Плохов, С. Г. Попов, Н. В. Хвощинская, Т. С. Дорофеева)

Fig. 2. In research expeditions of the 1960–1980s: 1 — Smolensk, 1967; 2 — Desna (together with E. N. Nosov), 1972; 3 — Osyno, 1973; 4 — Bezva, 1980; 5 — Poozerye, 1978 (from left to right: A. V. Plokhov, S. G. Popov, N. V. Khvoshchinskaya, T. S. Dorofeyeva)

Рис. 4. В Новгороде: 1, 4 — дружная семья исследователей Новгорода, 1995 и 2020 г.; 2 — с О. И. Костроминым и О. А. Тарабардиной, 2004 г.; 3 — с В. Л. Яниным, М. Брисбейном, Е. А. Рыбиной и Е. Н. Носовым (слева направо), 2014 г.
 Fig. 4. In Novgorod: 1, 4 — the united family of Novgorod researchers, 1995 and 2020; 2 — with O. I. Kostromin and O. A. Tarabardina, 2004; 3 — with V. L. Yanin, M. Brisbane, E. A. Rybina and E. N. Nosov (from left to right), 2014

Рис. 4. В Новгороде: 1, 4 — дружная семья исследователей Новгорода, 1995 и 2020 г.; 2 — с О. И. Костроминым и О. А. Тарабардиной, 2004 г.; 3 — с В. Л. Яниным, М. Брисбейном, Е. А. Рыбиной и Е. Н. Носовым (слева направо), 2014 г.
 Fig. 4. In Novgorod: 1, 4 — the united family of Novgorod researchers, 1995 and 2020; 2 — with O. I. Kostromin and O. A. Tarabardina, 2004; 3 — with V. L. Yanin, M. Brisbane, E. A. Rybina and E. N. Nosov (from left to right), 2014

Рис. 5. Участники экспедиций на Рюриковом городище в 2005 и 2020 г.

Fig. 5. Participants of the expeditions at Rurikovo Gorodishche in 2005 and 2020

Рис. 6. С друзьями и коллегами: 1 — слева направо, верхний ряд: В. И. Поветкин, Е. А. Рыбина, В. Л. Янин, Б. Б. Овчинникова, Т. Л. Верхорубова, Л. П. Гайдукова, нижний ряд: П. Г. Гайдуков, Г. Е. Дубровин, Н. В. Хвошчинская; 2 — с Т. С. Дорофеевой, И. Янссоном и М. Ю. Данковым; 3 — с В. В. Одинцовой и Е. Н. Носовым; 4 — с Т. В. Рождественской и Е. А. Рыбиной; 5 — с В. Л. Яниным и Б. Б. Овчинниковой

Fig. 6. With friends and colleagues: 1 — from left to right, top row: V. I. Povetkin, E. A. Rybina, V. L. Yanin, B. B. Ovchinnikova, T. L. Verkhorubova, L. P. Gaydukova; lower row: P. G. Gaydukov, G. E. Dubrovin, N. V. Khvoshchinskaya; 2 — with T. S. Dorofeyeva, I. Jansson and M. Yu. Dankov; 3 — with V. V. Odintsova and E. N. Nosov; 4 — with T. V. Rozhdestvenskaya and E. A. Rybina; 5 — with V. L. Yanin and B. B. Ovchinnikova

Рис. 7. В кругу семьи: 1 — 1993 г.; 2 — 1994 г.; 3 — 2001 г.; 4 — 2018 г.; 5, 6 — 2020 г.

Fig. 7. In the family circle: 1 — 1993; 2 — 1994; 3 — 2001; 4 — 2018; 5, 6 — 2020

Рис. 8. В средневековом западнофинском костюме. Реконструкция выполнена П.-Л. Лехтосало-Хиландер по материалам могильника Маску. Национальный музей в Хельсинки, 1984 г.

Fig. 8. In a West-Finnish mediaeval costume. Reconstruction by P.-L. Lehtosalo-Hilander after materials from the burial ground of Masku, National Museum of Helsinki, 1984

Библиография работ Н. В. Хвощинской

Составитель Л. М. Всевиов

1971

О культуре древних курганов лесной зоны Восточной Европы // Тезисы III Региональной студенческой археолого-этнографической конф. вузов Северо-Запада СССР / Латвийский гос. ун-т им. П. Стучки. Рига: б. и., С. 67–69.

1973

Разведка в верховьях р. Плюссы // АО 1972. М.: Наука. С. 42 (в соавторстве с З. В. Прусаковой).

1974

Раскопки курганов у дер. Залахтовье // АО 1973. М.: Наука. С. 33–34 (в соавторстве с О. М. Прудько).

1975

Раскопки курганов у дер. Залахтовье // АО 1974. М.: Наука. С. 42–43 (в соавторстве с О. М. Прудько, В. А. Тюленевым, О. И. Тюленевой).

1976

Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтовье и Калихновщина) // КСИА. Вып. 146. С. 18–24.

Раскопки могильника у деревни Залахтовье // АО 1975. М.: Наука. С. 46–47 (в соавторстве с Е. Л. Фридрихберг).

1977

О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовье // КСИА. Вып. 150. С. 62–68: ил.

Погребения в грунтовых ямах в могильнике у д. Залахтовье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 18–120.

1978

Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. По материалам погребальных памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / АН СССР. Ин-т археологии, ЛО. Л.: б. и. 22 с.

1979

Исследования погребальных памятников на восточном берегу Чудского озера // АО 1978. М.: Наука. С. 43–44.

Финно-угорские элементы в одежде населения Восточного Побережья Чудского озера (XI–XIII вв.) // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов XVI Всесоюзной конф. финно-угроведов. Ч. 2. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. С. 61.

1980

О взаимоотношениях славянского и финского населения Новгородской земли в конце I — в начале II тысячелетия н. э. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука. С. 27–28.

1981

Балтские элементы в курганах Северной Руси // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов / Отв. ред. Р. К. Волкайте-Куликаускаене. Вильнюс: Ин-т истории. С. 55–56.

Культурные инновации и этнический процесс (по материалам Залахтовского могильника) // Преимущество и инновации в развитии древних культур: Материалы методол. семинара Ленингр. отд. ИА РАН / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука. С. 112–114.

О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли // КСИА. Вып. 166. С. 34–39.

1982

О связях населения западных окраин Новгородской земли с населением Финляндии и Скандинавии // Тезисы докладов 9-й Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1 / Отв. ред. Х. А. Пийримаэ. Тарту: Изд-во Тартуского ГУ. С. 198–199.

1983

К вопросу о древних захоронениях воды // КСИА. Вып. 175. С. 43–48.

Новые данные о погребальных памятниках западных районов Новгородской земли // АО 1981. М.: Наука. С. 42–43.

1984

Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли // КСИА. Вып. 179. С. 39–44; ил.

Новые данные о погребальном комплексе у д. Залахтовье // АО 1982. М.: Наука. С. 35–36.

О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, ЛО. С. 161–167 (в соавторстве с В. Я. Конечким, Е. Н. Носовым).

Dress of the Finnish population of the early second millennium A. D. in the Western areas of the Novgorod Land // Papers presented by the participants in the Soviet-Finnish Symposium (9–13 May 1983). Helsinki (ISKOS; 4). P. 174–178; ill.

1985

Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, ЛО. С. 28–33.

О работе Гдовского отряда // АО 1983. М.: Наука. С. 36–37.

О финно-угорском заселении Восточного Причудья // АиИППиЗ. Псков: б. и. С. 33–34.

Погребальные памятники Северного и Северо-Восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий: Сб. ст. / Ред. Ю. Селиранд. Таллинн: АН ЭССР. С. 168–179; ил, карт.

The Finno-Ugric population in the western outskirts of Novgorod territory // VI Международный конгресс финно-угроведов. Т. 4: Этнография. Археология. Антропология / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: б. и. С. 130–131.

1986

Одежда финского населения начала II тыс. н. э. западных районов Новгородской земли в связи с историей древнего костюма народов Балтийского региона // Финноугры и славяне: Сб. ст. / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар; Пермь: Изд-во Пермского ГУ. С. 67–74; ил., карт.

Раскопки на берегу Чудского озера и разведки в бассейне Плюссы // АО 1984. М.: Наука. С. 31–32.

1987

Встреча археологов в Ленинграде // Известия АН ЭССР. Обществ. науки. № 1. С. 84–86 (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

1988

Новые данные о развитии погребального обряда в могильнике Залахтовье // НиНЗИИА: ТД НПК. Новгород: б. и. С. 53–54.

1989

Особенности погребального обряда финского населения восточного побережья Чудского озера // XI Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. 1 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Ин-т истории АН СССР. С. 174–175.

1990

Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: Наука. С. 41–47 (в соавторстве с Е. А. Рябининым).

Население восточного берега Чудского озера // Там же. С. 6–14; ил.

Погребальный обряд финского населения западной окраины Новгородской земли в конце I — начале II тыс. н. э. // Современное финно-угроведение: опыт и проблемы / Отв. ред. О. М. Фишман. Л.: Ленуприздат. С. 36–39; ил.

Evolution of the burial rite of the Finnic population of the Eastern coast of lake Peipus in the beginning of the second millenium A. D. // Papers presented by the participants in the Finnish-Soviet archaeological Symposium (10–16 May 1988). Helsinki (ISKOS; 9). P. 107–111.

1992

О погребальном обряде населения восточно-го побережья Чудского озера во второй половине I тыс. н. э. // НиНЗИиА. Вып. 4. Новгород: РИО Упринформпечати. С. 104–108.

Textiles with bronze ornaments of the Eastern Baltic region // Archaeological textiles Newsletter. 1991. № 12, May. Copenhagen. P. 5–6.

New finds of Medieval textiles in the North of Novgorod Land // Archaeological textiles in Northern Europe. Tidens tand. № 5. Copenhagen. P. 128–133.

1993

Об особенностях костюма населения восточнобалтийского региона // Древности Северо-Запада России: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». С. 157–166: ил.

Открытие в Хегоме (уникальные данные по истории североевропейского костюма): Рец.: Nocker M. The Hogöm find and other migration period textiles and costumes in Scandinavia. — Umea, 1991 // АВ. СПб.: ИИМК РАН. Вып. 2. С. 207–209.

1994

Бронзовые украшения на одежде населения Балтийского региона // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Рос. этногр. музей. С. 44–49: ил.

Могильник у деревни Кривой Наволок в юго-восточном Приладожье (по следам забытой коллекции Новгородского музея) // Новые источники по археологии Северо-Запада: Сб. ст. / Под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН. С. 107–129 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, И. Янссоном).

Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // НиНЗИиА. Вып. 8. Новгород: НМЗ. С. 14–17 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, В. М. Горюновой, Т. С. Дорофеевой, А. В. Плоховым).

Новые данные о типологии широких ленточных браслетов // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии: Сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-Contact. С. 250–256: ил.

По следам забытой коллекции Новгородского музея (могильник у дер. Кривой Наволок на р. Паше) // НиНЗИиА. Вып. 8. Новгород: НМЗ. С. 103–116: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, И. Янссоном).

Evidence of economic activities in the burial rite of the population of the Novgorod land // Fenno-Ugri et Slavi 1992. Prehistoric economy and means of livelihood // Papers presented by the participants in the Finnish-Russian archaeological Symposium (11–15 May 1992) / Ed. P. Purhanen. Helsinki (Arkeologian osasto julkaisu; № 5). P. 23–25.

1995

Исследования Рюрикова городища // НиНЗИиА. Вып. 9. Новгород: НМЗ. С. 17–20 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, В. М. Горюновой, Т. С. Дорофеевой, А. В. Плоховым, И. Янссоном).

Контакты между Скандинавией и восточнобалтийскими землями в свете новых исследований: Рец.: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien Internationale konferenz. — Uppsala, 1992. — Studia Baltika Stockholmiensia. 9 // АВ. СПб.: ИИМК РАН. Вып. 4. С. 263–266.

1997

К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады пятого российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (Выборг, 1994 г.) / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 123–138: ил., карт.

Подковообразная фибула со звериными головками с Рюрикова городища // Древности Поволховья: Сб. ст. / Ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 176–179: ил.

О некоторых типах бронзовых подвесок из могильника Залахтове // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Сб. ст. памяти В. Д. Белецкого / Сост. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: Невельская типография. Т. 2. С. 374–378: ил.

1998

Могильники Готланда — начало новой серии публикаций: Рец.: Thummark-Hylen E. Die wikingerzeit Gotlands. 1. Abbildungen der grabfunde. Stockholm, 1995 // АВ. СПб.: ИИМК РАН. Вып. 5. С. 342–344.

Раскопки на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Вып. 12. Новгород: НМЗ. С. 22–24: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, К. А. Михайловым, В. М. Горюновой).

1999

Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой

Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина: Сб. ст. / Ред. кол. А. В. Гиппиус и др. М.: Русские словари. С. 39–50: ил.

Раскопки на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Вып. 13. Великий Новгород: НМЗ. С. 10–13 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, К. А. Михайловым, И. Янссоном).

Penannular brooches from Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th–13th centuries: Papers presented by the participants in the archaeological Symposium (13–14 May 1997). Helsinki (Arkeologian osasto julkaisu; № 8). P. 60–69.

2000

О продолжении исследований на поселении Прость под Новгородом // НиНЗИиА. Вып. 14. Великий Новгород: НМЗ. С. 41–44 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Б. Д. Ершевским).

Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады Международ. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские горы, 11–14 мая 1999 г.) / Ред. кол. А. Н. Кирпичников и др. СПб.: Вести. С. 245–253: ил., карт.

Славяне и их соседи (археология и ранняя история восточных славян) // Археология мечты. Образовательные и учебные программы. Сектор археологии, этнографии и истории религии отдела краеведения и туризма. СПб.: б. и. (Методологическая библиотека). С. 78–83.

2001

Продолжение исследований на поселении Прость под Новгородом // АО 1999. М.: Наука. С. 33–35 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Б. Д. Ершевским).

2002

Кольцевидные фибулы с Рюрикова городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 98–101: ил.

Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 114–121: ил.

2003

Исследования Рюрикова городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // НиНЗИиА.

Вып. 17. Великий Новгород: НМЗ. С. 19–23 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, И. И. Еремеевым, М. В. Медведевой, М. А. Юшковой).

Приладожские курганы в свете финской погребальной обрядности // Ладога и истоки российской государственности и культуры: Доклады междунар. научной конф. (Старая Ладога, 30 июня — 2 июля 2003 г.) / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести. С. 47–50.

2004

К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в средневековье: Сб. ст. к 80-летию В. В. Седова / Ред. кол. Н. А. Макаров и др. М.: Наука. С. 227–233: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 125–133: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Финское население западных окраин Новгородской земли // «Прекрасное ведет нас через все мосты»: Сб. ст., посв. русско-эстонским культурным связям. Извара: Музей-усадьба Н. К. Рериха. С. 30–38.

Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин (Тр. ИИМК; Т. 6). 428 с: ил.

2005

Новые свидетельства ремесленного производства в ранний период Рюрикова городища // Stratum plus. 2003/2004. № 5. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: ВАШ. С. 305–308: ил.

Работы на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Вып. 19. Великий Новгород: НМЗ. С. 29–35 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, М. В. Медведевой, М. А. Юшковой).

Раскопки на Рюриковом городище // АО 2004. М.: Наука. С. 61–63 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, М. В. Медведевой, М. А. Юшковой).

Юго-восточная Эстония в эпоху железного века: Рец.: Laul S. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kagusas 500 e. Kr — 500 p. Kr. — Tallinn, 2001 // АВ. Вып. 12. СПб.: ИИМК РАН. С. 228–231.

2006

Древние эсты на западе Новгородской земли // Вестник РАН. Т. 76, № 4. М.: Наука. С. 325–332: ил., карт.

Еще раз о загадочном племени «норова» в древнерусских летописях // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 236–248.

Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г.) / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История. С. 130–140: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Работы на Рюриковом городище в 2005 г. // НиНЗИиА. Вып. 20. Великий Новгород: НМЗ. С. 14–27: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, М. В. Медведевой, М. А. Юшковой).

Центральное Приильмень в контексте международной торговли с регионом Западной Балтики в IX–X вв. // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск. Т. 2. Изд-во ИА СО РАН. С. 175–176 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

In the appearance of pendants with bull head images in Ancient Rus // Arheologij un Etnografija. Riga: Latvijas vestures instituta apgads. Т. 23. P. 113–118: ил.

Links of the population of Western Finland and Estonia with the Central Ilmen region in the context of international trade in the Baltic Sea region in the 9th–10th century // Etnos ja kultuur. Urimus Silvia Lauulu auks. Tarty; Tallinn. P. 147–158: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

2007

Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин (Труды ИИМК; Т. 24). С. 123–141: ил.

Итоги работ Новгородской областной экспедиции // АО 2005 г. М.: Наука. С. 48–50 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, М. В. Медведевой, А. В. Плоховым, М. А. Юшковой).

Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков русской государственности:

историко-археологический сб.: Материалы международного научной конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.) / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 199–202: ил.

Некоторые итоги изучения Гдовского региона (к 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // АиИПиПЗ. № 54. Псков. С. 199–216 (в соавторстве с С. Г. Поповым).

Первый ремесленный комплекс X в. на Рюриковом городище // Труды по русской истории: Сб. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова / Ред. кол. Ю. Г. Алексеев и др. М.: Изд. дом «Парад». С. 257–263: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Раскопки на Городищенском холме // НиНЗИиА. Вып. 21. Великий Новгород: НМЗ. С. 13–236: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, А. М. Смирновым, М. А. Юшковой).

Связи населения Центрального Приильменя с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин (Труды ИИМК; Т. 24). С. 6–17: ил., карт. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Учебная практика на Рюриковом городище // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 3. История. СПб.: Изд. СПбГУ. С. 245–252 (в соавторстве с В. Н. Седых).

Some aspects of studies of ringed pins from Rus' // Cultural interaction between east and west. Archaeology, Artifacts and human contacts in the northern Europe. Stockholm studies in archaeology. Т. 44. Stockholm: Stockholms Universitet. P. 238–242: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

2008

«Загадочное» летописное племя норова в историко-археологическом контексте // Исторические записки. № 11. М.: Наука. С. 432–442.

Новый этап в развитии археологии Эстонии // Записки ИИМК. № 3. СПб. С. 251–256.

Прикосновение к прошлому: К итогам полевого сезона 2007 года на Рюриковом городище // Вестник СПбГУ. Сер. 2. № 3. С. 184–194: ил. (в соавторстве с В. Н. Седых).

Продолжение работ на Рюриковом городище // АО 2006 г. М.: Наука. 2008. С. 49 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, А. М. Смирновым, М. А. Юшковой).

Рец.: А. Zariņa. Salaspils Laukskolas Kapulauks 10.–13. gadsimts. Riga, 2006. S. 463 // РА. № 3. С. 128–131.

Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак-т. М. 54 с.

Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак-т. СПб., 2008.408 с.: ил. РГБ ОД, 71 09-7/41.

2009

«Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева: Сб. ст. / Ред.-сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород: ЛеопАрт. С. 370–384: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, Е. Ю. Гирей).

Могильник Залахтовье // Setomaa. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. Aastani. T. 2. Tartu: Eesti Ruhva. С. 439–441: ил., карт.

Могильники междуречья Желчи и Черной XI–XIII вв. // Ibid. С. 433–434: ил., карт.

Племя воль и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина / Отв. ред. А. Н. Макаров. М.: Памятники исторической мысли. С. 300–312: ил., карт.

Проблема коренной территории летописной воды // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном наследии: Сб. ст. / Отв. ред. В. Л. Янин. Екатеринбург: Банк культурной информации. Ч. 1. С. 26–36: ил.

Продолжение работ на Рюриковом городище // АО 2006 г. М.: Наука. С. 72–74: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, А. М. Смирновым, М. А. Юшковой).

Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // НиНЗИИА. Вып. 23. Великий Новгород: НМЗ. С. 27–36 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, А. М. Смирновым).

Северо-Восточное Причудье в период позднего железного века (XI–XIII вв.) // Setomaa. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. Aastani. T. 2. Tartu: Eesti Ruhva. С. 435–438: ил., карт. (в соавторстве с С. Г. Поповым).

Этнокультурные процессы на южном побережье Финского залива в конце I — начале II тыс. н. э.: миф и реальность // На Запад и на Восток: Межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси. Культура. Память. Идентичность: Резюме докладов и сообщений междунар. научной конф. (Санкт-Петербург — Великий Новгород, 21–24 июля 2009) / Сост. А. Е. Мусин, П. Бодуан. СПб.: б. и. С. 64–66.

2010

Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: Сб. ст. к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 66–78: ил. (в соавторстве с Е. А. Рыбиной).

Изучая далекое прошлое: к итогам полевого сезона 2008 г. на Рюриковом городище. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2: История. СПб.: Изд. СПбГУ. С. 211–218 (в соавторстве с В. Н. Седых).

Исследование древнего рва Рюрикова городища // АО 2007 г. М.: Языки славянской культуры. С. 47–49 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, А. М. Смирновым).

К вопросу о размещении участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. Т. 2. С. 60–70: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Продолжение исследований центральной части Рюрикова городища // НиНЗИИА. Вып. 24. Великий Новгород: НМЗ. С. 17–24: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, А. М. Смирновым).

Рец.: С. И. Кочуркина. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010. 264 с. // Ученые записки Петрозаводского ГУ. Серия: Общественные и гуманитарные науки. № 3 (116). Май. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ГУ. С. 116–117.

Уникальная находка деталей водского костюма XVII века // НиНЗИИА. Вып. 24. Великий Новгород: НМЗ. С. 96–100: ил.

2011

Новейшие открытия 2005–2007 гг. на Рюриковом городище // Новгородские археологические чтения-3: Материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» (Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г.) / Под ред. Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: Печатный двор «Великий Новгород». С. 68–79: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Раскопки рва Рюрикова городища в 2010 г. // НиНЗИИА. Вып. 25. Великий Новгород: НМЗ. С. 79–83 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, С. М. Смирновым).

Au pays de Novgorod: rencontre entre les Slaves, les Finnois et les Scandinaves // *Russie Viking, une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves á la du an du Moyen Âge (VIII–XV s.)* Caen, 2011 (в соавторстве с О. И. Богуславским).

2012

К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» // *АВ*. Вып. 18. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 9–12.

Новгородская Русь. Рождение державы: свидетельства из глубины столетий. СПб.: ЛИК. 224 с.: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, М. В. Медведевой).

Раскопки Рюрикава городища на месте установки «Княжего камня» // *НиНЗИиА*. Вып. 26. Великий Новгород: НМЗ. С. 42–50 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, Е. А. Жуковой).

Рюриково городище — археологическое исследование накануне юбилея Российского государства // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. № 4 (69). М.: б. и. С. 155–164: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Bronze working at Rurik Gorodishche and other settlements in region north of Lake Ilmen in the 9th and 10th centuries // *Archaeology of medieval Novgorod*. Oxford. Vol. 4. P. 152–171: ill., map.

2013

Исследования Рюрикава городища на месте установки памятного знака к 1150-летию русской государственности // *НиНЗИиА*. Вып. 27. Великий Новгород: НМЗ. С. 46–52: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой).

Не наукой единой // *Академическая археология на берегах Невы* / Ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 401–407.

Рюриково городище — археологические исследования накануне юбилея российского государства // *Новгородика-2012*. Великий Новгород: б. и. Ч. 1. С. 15–24 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Финское население на Северо-Западе Новгородской земли // *Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье: Доклады российско-литовского семинара* / Ред.-сост. Г. Вайткявичюс. Вильнюс: Изд-во Ин-та истории Литвы. С. 17–34: ил., карт.

2014

Об интерпретации одной находки с Рюрикава городища // *Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks (Muinasaja Teodus; Vol. 25)*. С. 261–270: ил.

Об одной находке с Рюрикава городища // *НиНЗИиА*. Вып. 28. Великий Новгород: НМЗ. С. 239–244: ил., карт.

Предметы вооружения с Рюрикава городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // *Stratum plus*. Вып. 6. СПб., Кишенев, Одесса, Бухарест: ВАШ. С. 37–54: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Рюриково городище — на перекрестках торговых путей Восточной Европы // *Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. 3. Казань: Отечество. С. 133–135 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Столяр Абрам Давидович (10.05.1921–20.04.2014). In memoriam // *РА*. № 4. С. 181–183 (в соавторстве с др.).

Scandinavian objects from the excavations of Novgorod // *Vers l’Orient et vers l’Occident*. Caen. P. 245–256: ill. (в соавторстве с Е. А. Рыбиной).

2015

Итоги исследования Рюрикава городища под Новгородом в 2010–2012 гг. // *АО 2010–2013*. М.: ИА РАН. С. 62–64 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой).

«Пегас» с Рюрикава городища // *Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова*: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 180–183: ил.

2016

The people of Vod’ and its Culture in Novgorod State // *New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium (Helsinki, 19–21 November, 2014)*. Helsinki (ISKOS; Vol. 21). S. 200–209.

2017

Атрибуция жилых построек древнерусского времени в центральной части Рюрикава городища (к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов) // *Elite ou Egalite Elite ou Egalite... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.*: Сб. ст. / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко. С. 179–197: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Древнерусская постройка из раскопок Рюрикава городища 2008–2009 гг. // *К вопросу о новгородском домостроительстве* // *АВ*. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН. С. 311–321: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Постройки с углубленными подпольями на Рюриковом городище (к вопросу о новгородском домостроительстве) // НиНЗИиА. Вып. 31. Великий Новгород: НМЗ. С. 91–99: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Рюриково городище: Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. 288 с.: ил.; 16 л. ил. (Труды ИИМК; Т. 49) (в соавторстве с Е. Н. Носовым, А. В. Плоховым).

2018

Деревоземляные укрепления IX в. на Рюриковом городище // Труды Истфака МГУ. Серия 2. № 83. М. С. 49–50 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г. // Записки ИИМК. № 19. С. 137–147: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе // АВ. Вып. 24. СПб.: ИИМК РАН. С. 182–189: ил., карт.

К истории возведения и разрушения древнейшего храма Благовещения на Городище (археологические наблюдения) // Всемирное наследие ЮНЕСКО: Пути и перспективы развития ценностного потенциала Северо-Запада России: Материалы научной конф. / Сост. Т. М. Воронина, Т. Н. Ярыш. Великий Новгород; Санкт-Петербург: НМЗ, Любавич. С. 50–58: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Находки железных заклепок на Рюриковом городище в свете проблем развития судостроения Северной Руси // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич. С. 146–151 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Новгородская колонизация в свете материальной культуры (о возможности источника) // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): В 2 ч. / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера» (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII). Ч. I. С. 182–191.

Открытие погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации): Рец.: Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века (в 2 т.) // Записки ИИМК РАН. № 19. С. 191–201 (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

2019

Исследования на Новгородском (Рюриковом) городище в 2017 г. // НиНЗИиА. Вып. 32. Великий Новгород: НМЗ. С. 85–89 (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Е. А. Михайловой, Т. С. Дорофеевой, В. Л. Полигаевым).

Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего рва Рюрикова городища // Архитектурная археология. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 55–81: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Рец.: Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017 // РА. № 1. С. 187–190.

Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий / Ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 303–323: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

Хлебные печи Рюрикова городища // Записки ИИМК. № 20. СПб.: ИИМК РАН. С. 121–131: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым).

2020

Археологические исследования на Рюриковом городище в 2018 г.: Наружная хлебная печь на дне рва // НиНЗИиА. Вып. 33. Великий Новгород: НМЗ. С. 31–38: ил. (в соавторстве с Е. Н. Носовым, Т. С. Дорофеевой, В. Л. Полигаевым, Е. Е. Носовой).

«Где начиналась Русь» (к 45-летию исследований на Городище Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН) // АВ. Вып. 28. СПб.: ИИМК РАН. С. 16–22.

Зарисовки из дневника Евгения Николаевича Носова // АВ. Вып. 28. С. 23–26.

К интерпретации камерных погребений X — начала XI в. на Старовознесенской возвышенности в Пскове // АВ. Вып. 27. СПб.: ИИМК РАН. С. 306–316.

Новые данные об укреплениях IX в. на Рюриковом городище под Новгородом // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. Т. II. С. 306–308.

2021

Археологические исследования древних укреплений на Рюриковом городище в 2019 г. // НиНЗИиА. Вып. 34. Великий Новгород: НМЗ. С. 14–23 (в соавторстве с Т. С. Дорофеевой, О. В. Григорьевой, В. Л. Полигаевым).

НОВГОРОД И ГОРОДИЩЕ

Украшения и элементы ювелирного производства из раннесредневекового слоя заполнения древнего рва Рюрикова городища¹

Т. С. Дорофеева²

Аннотация. В статье дается обзор украшений и связанных с ювелирным производством предметов, которые происходят из непо потревоженных раннесредневековых отложений с органическими остатками IX–X вв. заполнения древнего рва Рюрикова городища. Из почти 750 зафиксированных здесь находок 49 можно отнести к рассматриваемым категориям.

Annotation. This paper presents a review of ornaments and objects related with jewellery production provenient from undisturbed early mediaeval deposits with organic remains of the 9th–10th century in the fill of the ancient ditch at Rurik Gorodishche (Rurik's Hillfort). The categories of finds here discussed include 49 items from almost 750 artefacts here uncovered.

Ключевые слова: Рюриково городище, раннее средневековье, древний Новгород, ювелирные украшения и их производство.

Keywords: Rurik Gorodishche, early Middle Ages, early Novgorod, jewellery and its manufacture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-35-40

Анализ вещевых коллекций Рюрикова городища имеет некоторые трудности. Многие предметы обнаружены при разборке лишенных стратиграфии верхних слоев, содержащих находки от IX–X вв. и до наших дней. Тем большее значение приобретает изучение вещей, сохранившихся в заполнении древнего рва на северном берегу Сиверсова канала в мысовой части Городища. Работы здесь велись в 1997–2004 гг. и были возобновлены в 2018 г. На этом участке уцелели непо потревоженные раннесредневековые отложения IX–X вв. с органическими остатками. Из почти 750 находок, зафиксированных в слое, 49 можно отнести к ювелирным изделиям или деталям костюма, а также предметам, в той или иной степени связанным с ювелирным производством.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий»).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Судя по контексту находок, встреченные здесь ювелирные изделия и их фрагменты были случайно утеряны своими владельцами. В предлагаемом обзоре украшений Городища использована схема, предложенная М. В. Седовой для ювелирных изделий Великого Новгорода (Седова, 1981).

Головные украшения представлены фрагментом выполненного из медного сплава перстнеобразного височного кольца (НОЭ-99; РГ-315) (рис. 1, 12). Размер украшения 24 × 32 мм. Оно состоит из проволочной основы, которая в нижней части оплетена спиралькой из тонкой проволоки, образующей муфту. Концы кольца не сохранились, поэтому определить способ крепления кольца к головному убору не представляется возможным (Носов, 2000. С. 44).

Фрагмент шейной железной гривны зафиксирован в раннесредневековом коричневом слое с органикой X в. Дрот, из которого была сделана гривна, на всю сохранившуюся длину — 64,3 мм — перекручен, диаметр сечения 4,8 мм (НОЭ-04; РГ-462) (Дорофеева, 2013. Рис. 1, б) (рис. 1, 11).

Рис. 1. Рюриково городище: 1а, 1б — орнаментированная шишечка от скорлупообразной фибулы (фото и прорисовка); 2а, 2б — биллоновая бусина (фото и прорисовка); 3, 17 — привески-амулеты; 4 — бронзовый бубенчик; 5 — привеска со вставкой; 6а, 6б — поясная накладка (фото и прорисовка); 7, 8 — круглые привески; 9, 10 — перстни со стеклянными вставками (10а, 10б — фото и прорисовка); 11 — фрагмент железной гривны; 12 — височное кольцо; 13–15 — фрагменты цепочек (13а, 13б — фото и прорисовка); 16 — подковообразная фибула. Фото из архива Новгородской областной археологической экспедиции, рисунки И. Заботиной

Fig. 1. Ryurik Gorodishche: 1а, 1б — decorated small knob from an eggshell fibula (photo and drawing); 2а, 2б — billon bead (photo and drawing); 3, 17 — amulet-pendants; 4 — little bronze bell; 5 — pendant with an insert; 6 — belt mount (photo and drawing); 7, 8 — round pendants; 9, 10 — signet-rings with glass inserts (10а, 10б — photo and drawing)); 11 — fragment of an iron neck-ring; 12 — temple ring; 13–15 — fragments of small chains (13а, 13б — photo and drawing); 16 — horseshoe fibula. Photo from the archives of the Novgorod Oblast archaeological expedition, drawings by I. Zabolina

Привески представлены пятью предметами: двумя амулетами («молоточек Тора» и медвежий клык), двумя круглыми и привеской со стеклянной вставкой.

Миниатюрный «молоточек Тора» (НОЭ-99; РГ-472), длиной 25 мм, шириной 14 мм, шириной рукоятки 3–5 мм (рис. 1, 3), имеет подтреугольную форму, петля загнута на конце рукоятки крючка спирально закруглена (Дорофеева, 2013. Рис. 2, 2). Амулет из медвежьего когтя с отверстием для подвешивания (НОЭ-19; РГ2-122) происходит из слоя конца IX — начала X в., имеющего дендрохронологическую дату 908 г. (Хвоцинская и др., 2020. С. 22, рис. 8, 6). Его длина 42 мм, ширина в верхней части 25 мм, толщина 2–14 мм (рис. 1, 17).

Две круглые привески с чеканным узором (НОЭ-20; РГ1-18 и РГ-19) выполнены из свинца (рис. 1, 7, 8). На обеих частично сохранилось посеребрение. У одной, размером 22 × 23 мм, отломано ушко. Вторая имеет диаметр 22 мм, высота с ушком составляет 26 мм. Обе они происходят из слоя серой супеси в юго-западной части раскопа № 1, где в 2020 г. велись работы по изучению нижних частей двух линий деревянных клетей, открытых в 2003 г. (Хвоцинская, 2021).

Литая привеска со стеклянной вставкой из зеленоватого прозрачного стекла (НОЭ-99; РГ-550) выполнена из оловянисто-свинцового сплава (рис. 1, 5). Диаметр украшения — 24 мм, высота с ушком — 27,5 мм. Лицевая сторона выпуклая, оборотная — плоская. В центре находится гнездо для вставки. Орнамент вокруг него оформлен ложносканной нитью (Носов, 2000. С. 19). На Рюриковом городище уже встречались аналогичные подвески, две — со стеклянными вставками, одна — с сердоликовой. Первые происходят из раскопов на северном берегу Сиверсова канала, последняя является случайной находкой. Подвеска с сердоликовой вставкой зафиксирована в заполнении сруба с хлебной печью (дендрохронологическая дата 979 г.) (Носов, 2000).

Представляет интерес бронзовая орнаментированная подковообразная *фибула* со спиральными головками и ромбическим сечением дуги (НГМ КП 47394/39 А-231/39; НОЭ-04; РГ-534) (Носов и др., 2005а. С. 31) (рис. 1, 16). Ее размер 47 × 42 мм, длина язычка 54 мм. Находка происходит из слоя второй половины X в., ниже дендрохронологической даты 979 г. На Руси такие

фибулы бытовали в течение X и всего XI в. Кроме того, они известны по материалам из скандинавских стран и Прибалтики. Родиной фибул этого типа считается Швеция, где они датируются X в. (Мальм, 1967. С. 149–190; Седова, 1981. С. 84–87).

Примечательна находка двух орнаментированных свинцовых «шишечек» хорошей сохранности (НОЭ-99; РГ-493, 504) (Носов и др., 2000. С. 37–41) (рис. 1, 1). Диаметр их полусферических головок — около 10 мм, длина штифтов — около 8 мм. Такие «шишечки» скрепляли верхнюю и нижнюю части двускорлупных овальных скандинавских фибул 51-го типа (по Я. Петерсену). Скорлупообразные фибулы датируются в пределах первой половины X в. Чаще всего эти «шишечки» не сохраняются или теряют свою форму. Похожая находка (НОЭ-11; РГ-460) была сделана в 2011 г. на участке центральной площадки Городищенского холма, на краю, выходящем к Волхову, к юго-западу от церкви Благовещения, при зачистке поверхности раскопа после снятия темно-серого мешаного слоя и перед разбором заполнения ям (Носов и др., 2017. Рис. 56, 14).

К фибуле могла крепиться и латунная цепочка с каплевидной подвеской, декорированной стеклянной вставкой темного цвета (НОЭ-19; РГ2-106) (рис. 1, 13а, 13б). Ее большой обрывок был найден около хлебной печи с дендрохронологической датой 908 г. (Хвоцинская и др., 2021. С. 22, рис. 8, 8). Цепочка составлена из тонких проволочных S-видных звеньев, что создает впечатление плетеной «косы» или «колоса». Подобный способ плетения известен у разных народов. У ювелиров такая техника считается разновидностью «византийской». Небольшой обрывок цепочки, выполненной в такой же технике из медного сплава, размером 3,5 × 26 мм, найден в 2020 г. на раскопе № 1 также в коричневом слое с органикой X в. (Хвоцинская, 2021) (рис. 1, 14). В вещевой коллекции Рюрика городища фрагменты цепочек такого плетения уже встречались (Носов и др., 2005б. Табл. 30, 28) (рис. 1, 15).

К украшениям рук относятся два литых перстня со вставками из стекловидной массы³. Один из них — бронзовый, очень плохой сохранности (НОЭ-2000; РГ-421) (Носов и др., 2001. С. 11–15). Внутренний диаметр перстня 17 мм, высота со щитком — 26 мм. Размер овальной вставки

³ Реставрация обоих перстней выполнена Н. С. Кургановым (ИИМК РАН).

Рис. 2. Рюриково городище: 1 — тигель; 2 — ленточка фольги; 3 — фрагмент проволочки; 4, 5 — брусочки медного сплава; 6, 7 — кусочки серы

Fig. 2. Ryurik Gorodishche: 1 — crucible; 2 — band of foil; 3 — fragment of thin wire; 4, 5 — sticks of copper alloy; 6, 7 — pieces of sulphur

8 × 9,4 мм. Ранее предполагалось, что это перстень «салтовского типа». Расчистка украшения выявила, что вставка бирюзового цвета крепилась не лапками-«крапанами», а помещена в овальный щиток, длинной осью расположенный вдоль шинки (рис. 1, 9). С обеих сторон от щитка прослеживаются плохо различимые зооморфные изображения. Второй перстень сделан из свинцово-оловянистого сплава или очень низкопробного серебра (НОЭ-19; РГ-24) (рис. 1, 10а, 10б). Внутренний диаметр перстня 16 мм, высота со щитком — 22 мм. В его щитке круглой формы с помощью четырех лапок-«крапанов» закреплена вставка темно-коричневого цвета 8 мм в диаметре. Этот перстень происходит из слоя, для которого имеется дендрохронологическая дата 908 г. (Хвоцинская и др., 2021. С. 22, рис. 8, 7).

Различные детали костюма представлены поясной накладкой, двумя металлическими бусами и фрагментом бубенчика.

Концевая накладка на поясной ремень с остатками кожи (НОЭ-99; РГ-447), длиной около 30 мм и шириной около 12 мм (Носов и др., 2000. С. 37–41) (рис. 1, 6а, 6б). К. А. Михайлов в специальной работе, посвященной этой находке, отмечал, что поясная накладка подобной формы и с характерным орнаментом в Восточной Европе была встречена впервые (Михайлов, 2003. С. 154–159). Аналогичные накладки известны только в Англии. Их верхняя дата не выходит за пределы IX в. Прямые

анalogии городищенской находке происходят из Йоркшира (Там же).

В непосредственной близости с поясной накладкой найдены две биллоновые биконические бусы размером 18 × 14 мм (НГМ КП 47394/37 А-231/37; НГМ КП 47394/38 А-231/38) (рис. 1, 2а, 2б). Они изготовлены из металлического листа и декорированы тисненым ложнозерненным орнаментом, нанесенным с помощью одного и того же штампа. Подобные бусы неоднократно встречались в древнерусских кладах X в. (Носов, 2000. С. 16).

Из коричневого слоя с органикой X в. происходит и половина бронзового литого неорнаментированного бубенчика с крестовидной прорезью и косой насечкой в нижней части (НОЭ-04; РГ-538) (рис. 1, 4). Его диаметр составляет 16 мм, высота с ушком — 22 мм. Похожие бубенчики встречаются в материалах древнерусских памятников от середины X до середины XII в. (Седова, 1981. С. 156).

К находкам, связанным с ювелирным производством, можно отнести 26 предметов.

Это два целых и 15 фрагментов тиглей (рис. 2, 1), а также сырье для ювелирных работ: свернутая в рулончик 3 × 3 мм ленточка фольги (НОЭ-2000; РГ-667) (рис. 2, 2); небольшой (около 20 мм) фрагмент сплетенной из двух жилок проволочки металла желтого цвета (НОЭ-19; РГ-123) (рис. 2, 3); два брусочка из медного сплава (рис. 2, 4, 5), один длиной 65 мм и толщиной 3 × 3 мм (НОЭ-99; РГ-431), а второй, прямоугольный в сечении 2 × 4 мм, длиной 59 мм (НОЭ-99; РГ-576) (Носов, 2000. С. 13).

Для использования в качестве сырья могли быть предназначены полоска свинца и две пластинки цветного металла неправильной формы (определение состава не проводилось). Кроме того, найдены два кусочка серы, которая входила в состав смеси, используемой для чернения (рис. 2, 6, 7). Чернью декорируют ювелирные изделия из драгоценных металлов — золота и серебра, но она хорошо ложится и на медные сплавы.

Локализация находок на плане показывает, что украшения и их фрагменты встречаются на разных квадратах исследуемого участка древнего рва (рис. 3). Это говорит о том, что они были случайно потеряны владельцами. Иную картину видим в кв. 29 и 30, где концентрация обломков тиглей и ювелирного сырья свидетельствует о возможном расположении поблизости мастерской.

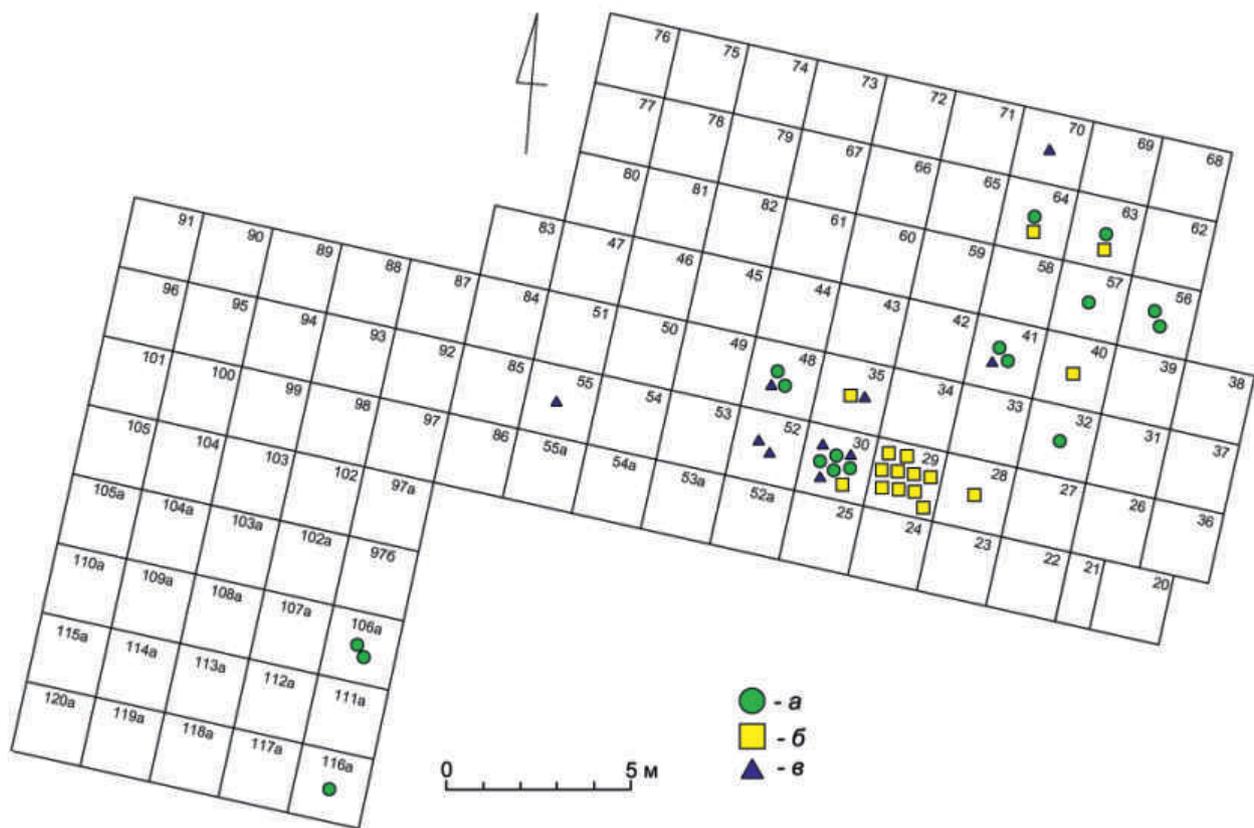

Рис. 3. Рюриково городище. Распределение находок украшений и предметов, связанных с ювелирным производством. Условные обозначения: а — украшения; б — тигли; в — ювелирное сырье

Fig. 3. Rurik Gorodishche. Distribution of ornaments and objects related with jewellery manufacture. Keys: a — ornaments; b — crucibles; v — raw materials for jewellery

Во все времена ювелирные изделия являлись не просто украшениями. Они выполняли одновременно несколько функций: социальную, ритуальную и эстетическую. Изделия из драгоценных металлов были вещами престижа и служили для демонстрации высокого социального положения того или иного человека. Люди более низкого статуса носили украшения из менее дорогих материалов — меди или бронзы. Отметим, что найденные на этом участке Городища украшения из латуни явно имитируют дорогие золотые,

а посеребренные свинцовые привески — серебряные. Независимо от статусности практически все украшения в средневековом костюме выполняли роль оберегов и амулетов. Даже такая относительно небольшая группа украшений и предметов, связанных с ювелирным производством, обнаруженная при изучении заполнения рва Рюрикова городища, дает информацию о процессах сложения славяно-русского ювелирного убора, на которые оказали влияние как скандинавские, так и византийские традиции.

Дорофеева, 2013 — Дорофеева Т. С. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 200–207.

Мальм, 1967 — Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки

по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Сов. Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 149–190.

Михайлов, 2003 — Михайлов К. А. Находка англосаксонского наконечника ремня с Рюрикова городища // НиНЗИиА. Великий Новгород: НГМ, 2003. Вып. 17. С. 154–159.

- Носов*, 2000 — *Носов Е. Н.* Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 1999 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2.
- Носов и др.*, 2000 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Янссон И.* Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2000. Вып. 14. С. 37–41.
- Носов и др.*, 2001 — *Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев Ст. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В.* Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 11–15.
- Носов и др.*, 2005а — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Юшкова М. А., Хвоцинская Н. В.* Работы на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2005. С. 29–31.
- Носов и др.*, 2005б — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 404 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Хвоцинская*, 2021 — *Хвоцинская Н. В.* Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2020 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2.
- Хвоцинская и др.*, 2020 — *Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Григорьева О. В., Полигаев В. Л.* Археологические исследования древних укреплений на Рюриковом городище в 2019 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 31–38.
- Хвоцинская и др.*, 2021 — *Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Григорьева О. В., Полигаев В. Л.* Археологические исследования древних укреплений на Рюриковом городище в 2019 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 14–23.

Ornaments and evidence of jewellery production from the early mediaeval layer of the fill of the ancient ditch at Rurik Gorodishche

T. S. Dorofeyeva

Analysis of collections of artefacts from Rurik Gorodishche (Rurik's Hillfort) presents certain difficulties. Many objects were found during excavation of the upper strata unrelated to any stratigraphic evidence and containing finds dating from the period from the 9th–10th century until present days. Of special importance therefore is examination of artefacts preserved in the fill of the ancient ditch on the northern bank of the Sivers Channel in the promontory section of the hillfort. In this area, undisturbed early mediaeval deposits with organic remains of the 9th–10th century have survived. Among the 750 finds revealed in this layer, there are 49 items pertaining to jewellery or costume details (Fig. 1) and to objects related, to some extent, with jewellery production (Fig. 2). The context of the finds suggests that these pieces of jewellery and their fragments here found have been fortuitously lost by their owners. The proposed here review of ornaments from Gorodishche employs the scheme developed by Mariya V. Sedova for jewellery from Veliky Novgorod. Almost all the ornaments here found are made from alloys based on copper or lead. The ornaments from brass imitate prestigious gold objects while silver-plated lead pendants might have reminded silver objects. Even this relatively small group of artefacts bear information about the processes of the formation of the Slavic-Russian jewellery assemblage influenced both by Scandinavian and Byzantine traditions.

Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища¹

А. В. Плохов²

Аннотация. Статья посвящена так называемым «хлебным» печам, возведенным в конце I тыс. н. э. в южной части Рюрикова городища на месте превращенной в ров сырой ложбины. На основании анализа имеющихся материалов в работе рассматриваются вопросы внешнего облика и хронологии этих сооружений.

Annotation. This paper is concerned with the so-called “bread” ovens installed in the end of the 1st millennium AD in the southern section of Rurik Gorodishche, in the place of a wet gully used as a defensive ditch. On the basis of the information available, this article discusses the questions of the external appearance and chronology of these structures.

Ключевые слова: Рюриково городище, «хлебные» печи.

Keywords: Rurik Gorodishche, “bread” ovens.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-41-52

Исток р. Волхов представляет собой чередование невысоких пологих песчаных всхолмлений и заливных лугов, разделенных многочисленными рукавами, протоками, ручьями и озерами. В весеннее половодье, когда в результате таянья снега уровень воды поднимается, эта местность превращается в сплошную водную гладь, над которой островками возвышаются отдельные холмы. На правом берегу р. Волхов Рюриково городище занимает первое от оз. Ильмень всхолмление, расположенное в месте, где в древности от реки отделялся один из ее рукавов — Малый Волховец.

В летнюю межень городищенский холм с наивысшей точкой 28,1 м БС возвышается над уровнем воды на высоту до 11 м. С запада всхолмление ограничено р. Волхов, которая частично разрушила юго-западную его часть, а с севера, востока и юга оно окружено пойменными лугами. С юга простирающаяся до Малого Волховца пойма была перерезана построенным в 1798–1803 гг. Сиверсовым каналом, достигающим в настоящее время

90–100 м ширины. В древности городищенский холм представлял собой остров, омываемый Волховом и его рукавами, Волховцем и Желотугом.

Различия в геологическом строении разных частей Рюрикова городища — возвышенности, сформированной озерно-ледниковыми песками, и поймы, сложенной глинистыми аллювиальными отложениями, — определили особенности культурного слоя в раскопах, заложенных на разных участках памятника. Если на основной, возвышенной, его части культурные напластования представляют собой в основном аморфные слои гумуса, то на мысовом пойменном участке сохранились стратифицированные отложения, включающие горизонты, содержащие органические материалы, в том числе остатки различных средневековых деревянных построек.

Наиболее значительный культурный слой отмечен в южной части городищенского холма, на месте разделяющей центральный и мысовой участки древнего поселения ложбины, которая во второй половине IX в. была использована при сооружении укреплений. Здесь, на территории раскопов 1977–1979, 1997–2004, 2018–2020 гг., расположенных на северном берегу Сиверсова канала, культурные напластования достигают шестиметровой толщины, причем в нижней их части мощностью почти в 3 м благодаря увлажненности довольно хорошо

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191196, Россия.

сохранились органические остатки, относящиеся к концу I тыс. н. э. (Носов, 1990. С. 47–83). Материалы, полученные в результате исследования этих отложений, предоставили важные данные о стратиграфии, планиграфии и хронологии Городища, для изучения его фортификации и других составляющих раннесредневековой материальной культуры. В частности, коллекции керамических находок из стратифицированных слоев раскопов 1977–1979 и 1997–2000 гг. на северном берегу Сиверсова канала были положены В. М. Горюновой в основу разработки хронологической шкалы развития раннегончарного комплекса памятника. Большое значение для ее исследования имело наличие серии дендродат, полученных при разборке древнейших отложений на этом участке поселения. Они позволили говорить об абсолютной датировке тех или иных форм сосудов, а также выделении в керамическом материале «некоторой группы хроноиндикаторов для X в.» (Носов и др., 2005. С. 82–121).

Большая часть датированных Н. Б. Черных и О. А. Тарабардиной спилов были получены при изучении остатков глинобитных «хлебных» печей, возводимых на месте превращенной в ров сырой ложбины на протяжении более 50 лет (рис. 1; 2). Описания городищенских печей неоднократно публиковались, анализировались их конструктивные особенности, рассматривалось с привлечением археологических и этнографических аналогий функциональное назначение этих объектов, обсуждались их хронология и место в социально-топографической структуре поселения (Носов, Петренко, 1986; Носов, 1990. С. 51–61; Носов, Хвоцинская, 2019; Носов и др., 2020; Мусин, 2020). Однако некоторые вопросы, главным образом связанные с обликом и датировкой данных хозяйственных сооружений, требуют уточнения³.

Все открытые в раскопах на северном берегу Сиверсова канала глинобитные печи расположены к юго-востоку от деревоземляных укреплений, возведенных на южном склоне городищенского холма. Древнейшее сооружение появилась в центральной части рва, когда в нем уже накопился культурный слой мощностью около 1 м (рис. 1; 3). Округлый под этой печи размерами 1,1 × 1,3 м состоял из плотно уложенных в один

слой небольших валунов, промежутки между которыми были заполнены глиной⁴. Слой обожженной глины над камнями достигал 6–10 см. Под печи был укреплен наклонно вбитыми кольями со всех сторон, кроме юго-восточной, где находилось устье данного нагревательного устройства. От стен и свода печи остался только пласт коричневой глины толщиной от 0,1 до 0,4 м, зафиксированный над подом и по его сторонам (Носов, Петренко, 1986. С. 10; Носов, 1990. С. 51–52; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 122–123). Печь помещалась внутри небольшого трехстенного бревенчатого сруба-обноски, располагавшегося поперек рва. Такая ориентация сооружения, очевидно, связана со значительным наклоном поверхности земли в том месте, где он был поставлен, в направлении с северо-запада на юго-восток. Эта конструкция, по-видимому, служила в качестве крепежа пласта коричневой глины, который являлся основанием для пода печи, а также для защиты ее от размыва водой, стекающей по склону⁵. Северо-западная стенка сруба имела высоту в четыре бревна, а северо-восточная и юго-западная — только в три, причем Е. Н. Носов полагал, что «более высоким сооружение никогда не было» (Носов, Петренко, 1986. С. 10; Носов, 1990. С. 51; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 122). По мнению исследователя, основанному на результатах дендрохронологического анализа, бревенчатая конструкция вокруг первой печи была сделана в два этапа. Первоначальная обноска, выполненная из тонких (диаметром 11–15 см) бревен длиной до 2,5 м, имела два венца с северо-запада и по одному с двух других сторон. Из четырех бревен определены даты трех. По заключению Н. Б. Черных, время их рубки, «вернее, время последних сохранившихся колец, приходится на отрезок 889–893 гг. (скорее всего, отсутствует не более 5 колец)» (Черных, 1996. С. 95)⁶. Несколько позднее конструкцию нарастили

⁴ Камни пода зафиксированы на глубине -131/-155 см от репера.

⁵ Для защиты печи, открытой в 2018 г., обитатели поселения с той же целью создали более примитивное сооружение — поставленную на ребро доску, закрепленную с двух сторон кольями, по-видимому, «нарощенную» плетнем (Носов и др., 2020. С. 35, рис. 3).

⁶ При этом Н. Б. Черных отмечала: «Возраст стволов от 57 до 64 лет. Сохранность дерева плохая, поэтому замеры были сделаны только по одному радиусу» (Черных, 1996. С. 95).

³ В работе использована полевая документация раскопок Е. Н. Носова за 1977–1979 гг., хранящаяся в НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 54–56; 1978. Д. 69, 70, 72; 1979. Д. 56, 58, 59.

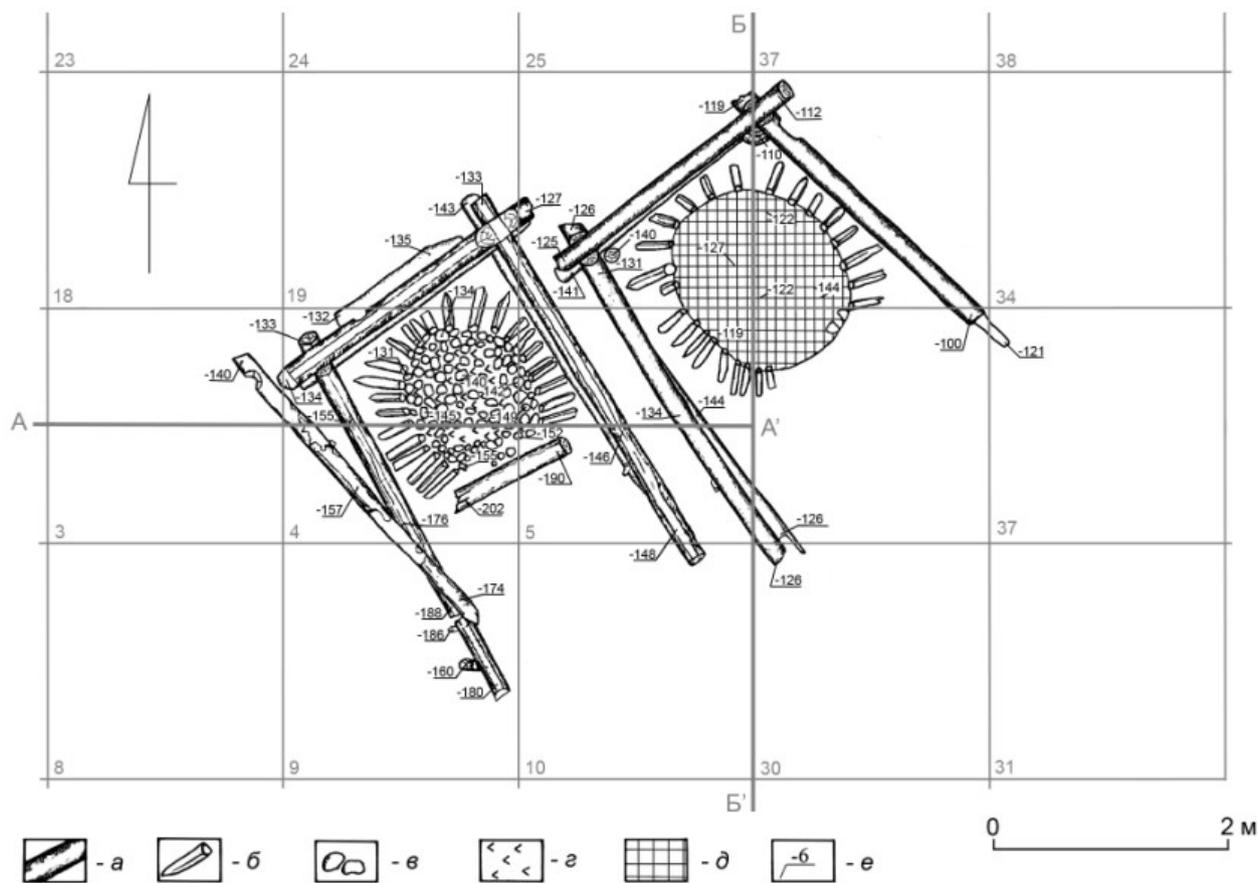

Рис. 1. Рюриково городище. План «хлебных» печей второй половины первого десятилетия X в. в раскопе 1977–1979 гг. А–А' — место стратиграфического разреза северной стенки раскопа 1977 г.; Б–Б' — место стратиграфического разреза восточной стенки раскопов 1977–1978 гг. Условные обозначения: а — бревна; б — колья; в — камни; з — обожженная глина; д — плотная обожженная глина — под печи; е — нивелировочные отметки

Fig. 1. Ryurik Gorodishche. Plan of the “bread” ovens of the second half of the first decade of the 10th century in the excavation of 1977–1979. Keys: А–А' — place of the stratigraphic section of the northern wall of the excavation of 1977; Б–Б' — place of the stratigraphic section of the eastern wall of the excavations of 1977–1978. Keys: а — logs; б — wooden polls; в — stones; з — fired clay; д — dense fired clay of the ovens; е — levelling marks

на два венца более крупными (диаметром 13–22 см) и более длинными (до 3,0–3,5 м) бревнами. Только после этого высота сооружения достигла уровня пода печи. Юго-западная стенка конструкции оказалась расположенной на неплотном грунте, заполнявшем самую глубокую часть рва, из-за чего бревна второго и третьего венцов обноси сильно просели и переломились. Четыре из шести бревен датированы, причем все одним годом — 905, однако завершение возведения стенок произошло позже, поскольку на их сооружение пошла вторично использованная древесина⁷

⁷ На одном из этих бревен зафиксирована врубка для дверного проема (Носов, 1990. С. 63, рис. 22). Следует отметить, что присутствие в раскопе еще нескольких

(Носов, Петренко, 1986. С. 10; Носов, 1990. С. 53; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 123).

Однако возможно, что у данного хозяйственного комплекса была другая история. Е. Н. Носов отметил, что нет никаких данных о подновлении печи (Носов, Петренко, 1986. С. 10; Носов, 1990. С. 53), что довольно странно, если принять предложенную исследователем хронологию этого сооружения. Вместе с тем на стратиграфическом разрезе северной стенки раскопа 1977 г. видно, что

бревен, заготовленных в том же 905 г., позволяет предположить большую конечную величину обноси. Одно из этих бревен с врубкой лежало чуть западнее печи, южным концом заходя на юго-западную стену рассматриваемого сооружения (рис. 1).

под глиняным основанием пода печи отмечены включения обожженной глины (рис. 3). На наш взгляд, именно они являются остатками древнейшего нагревательного устройства, сооруженного во второй половине 90-х гг. IX в. Позднее, на месте первой, видимо уже заброшенной, печи, возвели новую. Перед этим строители разровняли площадку, практически полностью уничтожив следы предшествующего глинобитного сооружения. Вокруг второй печи из бревен, срубленных, судя по результатам дендрохронологического анализа, в 905 г., была сооружена новая обноска. Ту же дату — 905 г. — имеет небольшое бревно⁸, ограничивающее с юго-восточной стороны глиняное основание зафиксированного при раскопках пода нагревательного устройства.

Через некоторое время, когда успел накопиться культурный слой толщиной 6–20 см, на том же месте был возведен новый комплекс с печью аналогичной конструкции (рис. 2; 3). Это устройство находилось внутри четырехстенного сруба размерами 3 × 5 м, которое сохранилось на высоту трех венцов. Предшествующее сооружение было использовано средневековыми строителями в качестве основания под сруб, но поскольку размер последнего был несколько больше, в роли фундаментной опоры его юго-западной стены выступили два положенных друг на друга бревна. Однако это не спасло от проседания насыщенного водой и органическими веществами грунта под весом возведенной конструкции, в результате чего бревна стены и верхняя подкладка переломились⁹, что потребовало укрепления их кольями. Сруб выполнен из бревен диаметром 11–20 см, часто с нестесанными сучками, а одно даже не ошкурено. Часть бревен была использована вторично. Как отметил Е. Н. Носов, сооружение сделано «очень небрежно», на некоторых бревнах отсутствовала подтеска, нужная для более плотной подгонки, «в трех случаях на концах бревен даже отсутствовали чашки,

⁸ Его нивелировочные отметки — 190/-202 см. Дата бревна (спил 77/23) указана Е. Н. Носовым на полевом чертеже 10-го пласта (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 56. Л. 12). Автор раскопок предположил, это бревно длиной около 1 м является отломанной частью бревна второго венца юго-западной стены сооружения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 56. Л. 19).

⁹ Нижняя, менее длинная, подкладка осталась целой, поскольку один ее конец не опирался на значительно более плотный глинистый склон ложбины.

и бревна верхних венцов были положены без всякого крепления», что потребовало дополнительного укрепления конструкции в углах и у стен кольями, вбитыми с внутренней стороны (Носов, Петренко, 1986. С. 10–11; Носов, 1990. С. 54). В пределах южной части сруба, но несколько ниже уровня бревен первого венца¹⁰, был обнаружен неполный скелет небольшой коровы, интерпретированный автором раскопок как свидетельство обряда жертвоприношения (строительная жертва).

В северной части сооружения был зафиксирован огромный массив глины¹¹. Он возвышался над бревнами третьего венца на высоту до 0,8 м¹². Этот массив состоял из чередующихся слоев глины, как сырой, так и обожженной, а также серого песка. Такое мощное скопление глины, безусловно, свидетельствует о неоднократных поновлениях печи, при которых остатки верхних куполообразных частей предшествующих нагревательных устройств оставались в пределах сруба. Округлый в плане под печи диаметром 1,2–1,4 м был отмечен на глубине -82/-97 см от репера. Так же как и у древнейшей городищенской глинобитной печи, под «состоял из слоя камней, промазанных глиной», и был укреплен наклонно вбитыми кольями (Носов, Петренко, 1986. С. 11; Носов, 1990. С. 54). На уровне пода зафиксирована обкладка¹³, состоящая из бревна и трех плах, некоторые были закреплены на месте кольшками. Это конструкция была сооружена уже при перестройке печи. На это указывает зафиксированная на стратиграфическом разрезе северной стенки раскопа 1977 г. прослойка серой частично обожженной глины, заходящей под плаху, составляющую юго-западную сторону обкладки (рис. 3). Первоначально глиняное основание печи с юго-восточной стороны было ограничено березовым бревном¹⁴, закрепленным на месте двумя кольями (рис. 2)¹⁵.

¹⁰ Нивелировочные отметки скелета коровы: -148/-155 см.

¹¹ Наивысшая его точка имеет нивелировочную отметку -46 см.

¹² Нивелировочные отметки бревен третьего венца варьируются в пределах от -92 до -120 см.

¹³ Нивелировочные отметки обкладки: -81/-107 см.

¹⁴ Его глубина залегания находится в пределах от -119 до -137 см.

¹⁵ К первоначальной обкладке печи, возможно, относится бревно длиной 1,32 м, лежащее параллельно

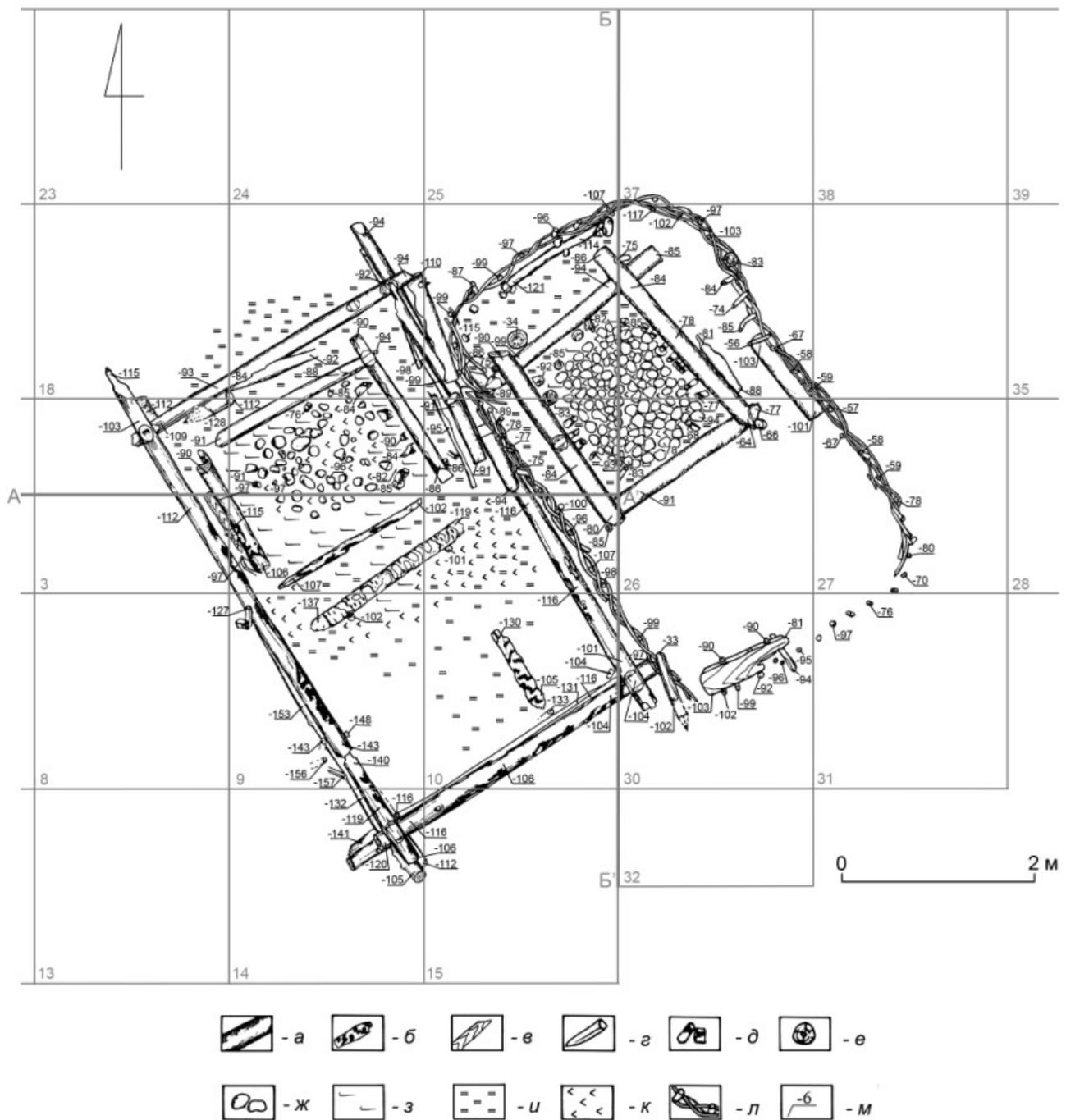

Рис. 2. Рюриково городище. План «хлебных» печей второго-пятого десятилетий X в. в раскопе 1977–1979 гг. Условные обозначения: А–А' — место стратиграфического разреза северной стенки раскопа 1977 г.; Б–Б' — место стратиграфического разреза восточной стенки раскопов 1977–1978 гг. а — бревна; б — горелое дерево; в — доски; г — колья; д — обожженные колья; е — столб; ж — камни; з — коричневая глина; и — серая глина; к — обожженная глина; л — плетень; м — нивелировочные отметки

Fig. 2. Ryurik Gorodishche. Plan of the “bread” ovens of the second to fifth decades of the 10th century in the excavation of 1977–1979 with. Keys: А–А' — place of the stratigraphic section of the northern wall of the excavation of 1977; Б–Б' — place of the stratigraphic section of the eastern wall of the excavations of 1977–1978. Keys: а — logs; б — charred wood; в — wooden planks; г — wooden polls; д — charred polls; е — pillar; ж — stones; з — brown clay; и — grey clay; к — fired clay; л — wattle fence; м — levelling marks

Для определения времени функционирования данной печи большое значение имеют результаты дендрохронологического анализа. Порубочные даты более чем десятка деревьев, использованных для строительства сооружения, приходятся на период 902–911 гг. Причем, по наблюдениям Е. Н. Носова, «все бревна со следами вторичного использования имеют даты рубки между 902 и 905 гг.» (Носов, 1990. С. 54). Исходя из этих данных, он предположил, что «сруб был возведен после 911 г., скорее всего во втором десятилетии X в.» (Там же; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 123). Судя по неоднократным реконструкциям глинобитной печи, это сооружение простояло довольно долго. Описывая найденные в срубе предметы, Е. Н. Носов датирует их «в пределах второй четверти X в., но не позднее середины столетия» (Носов, Рождественская, 1987. С. 48; Носов, 1990. С. 70, 79). Исследователь никак не обосновал данные хронологические рамки заполнения комплекса. Однако, действительно, такие находки, как односторонний роговой наборный гребень с узкими выпуклыми украшенными резным геометрическим орнаментом накладками, имеющими верхние выступы на концах (2-й тип II группы по классификации О. И. Давидан), биконическое пряслице из розового шифера и дисковидная сердоликовая бусина (Носов, 1990. С. 55, 70, 79–80, рис. 28, 3), вряд ли могли появиться на Городище ранее 930-х гг. По материалам Старой Ладogi, подобные изделия представлены в культурном слое Земляного городища, начиная с горизонта Д (Давидан, 1962. С. 101; 1981. С. 111, табл. 4; 1988. С. 114; 1998. С. 124; Рябинин, 1995. Табл. 2), постройки которого начали возводиться на рубеже 20–30-х гг. X в. (Рябинин, Черных, 1988. С. 97–98; Черных, 1996. С. 94). При датировке городищенского комплекса нужно иметь в виду, что отмеченные находки происходят из верхней части заполнения южной половины сруба — черного гумуса с включениями органических остатков¹⁶, который, скорее всего, отложился уже после окончания функционирования печи. Следует учитывать и тот факт, что при разборке культурного слоя в южной половине сооружения найдены только обломки лепных сосудов (194 фрагмента),

северо-западной стенке сруба в 0,42–0,44 м от нее на глубине -108/-110 см.

¹⁶ Они зафиксированы на уровне 6-го пласта (нивелировочные отметки: -100/-120 см).

а в верхней части северной половины сруба — обломок донца лепного горшка и несколько фрагментов от одного гончарного сосуда. Исходя из порубочных дат, датировки отмеченных выше предметов, а также динамики развития керамического комплекса Рюрикова городища и Старой Ладogi (Носов и др., 2005. С. 82–121), наиболее вероятным, на наш взгляд, временем существования рассматриваемого сооружения являются второе–третье десятилетия X в.¹⁷

По наблюдениям Е. Н. Носова, эта хозяйственная постройка погибла «во время пожара» (Носов, Петренко, 1986. С. 12; Носов, 1990. С. 54). Об этом свидетельствуют следы обугливания на разных деревянных деталях в ее южной половине: на бревнах третьего венца, на средней части бревен второго и первого (окладного) венцов юго-восточной стенки сруба, на юго-западной и юго-восточной плахах обкладки печи, на бревне, найденном в заполнении сооружения¹⁸, а также на вершинах двух кольев¹⁹, фиксирующих березовое бревно, ограничивающее с юго-востока глиняное основание печи (рис. 2). При этом в северной половине объекта следов термического воздействия почти не отмечено²⁰. Возможно, здесь деревянные конструкции ко времени пожара уже частично были перекрыты глиной, накопившейся в результате нескольких обновлений печи. Правда, реконструкция, предложенная для данного хозяйственного комплекса Е. Н. Носовым, противоречит такому предположению. Исследователь считал, что это была небольшая постройка без деревянного пола, но с покрытием, защищавшим печь от атмосферных осадков (Носов, 1990. С. 54, рис. 20). Однако мог ли «очень небрежно» возведенный

¹⁷ В связи с этим высказанное А. Е. Мусиным мнение о «временном перерыве в возобновлении и даже функционировании ранних печей в 910–930-х гг.» (Мусин, 2020. С. 55), представляется нам ошибочным. Возможно, какое-то временное запустение рассматриваемого участка поселения было в 930-х — первой половине 940-х гг., но для обоснования этого предположения у нас нет достаточных данных.

¹⁸ Его нивелировочные отметки: -105/-130 см.

¹⁹ Их нивелировочные отметки: -101 и -102 см.

²⁰ Они зафиксированы только на восточном конце бревна первого венца северо-западной стенки, выступающем за периметр сруба. Это бревно находилось во вторичном использовании и, возможно, обгорело в другом пожаре.

сруб иметь стены такой значительной высоты, а также могло ли перекрытие такой постройки выдержать ветровую и снеговую нагрузки? О том, что сооружение, скорее всего, никогда не было выше трех венцов, говорят два факта. Во-первых, вершины кольев, вбитых в углах и у стен для укрепления сруба, находятся примерно на этой высоте. Во-вторых, при исследовании культурного слоя рядом с данным хозяйственным комплексом не отмечено ни углистой прослойки, ни одного побывавшего в огне фрагмента дерева, которые, несомненно, должны были остаться после гибели в пожаре постройки.

Чуть восточнее уже описанных глинобитных печей в течение X в. на одном и том же месте функционировали еще три аналогичных устройства (рис. 1; 2). Эти сооружения располагались на внешнем склоне рва. Судя по стратиграфическому разрезу северной стенки раскопа 1977 г., перед возведением самой ранней печи строители подготовили площадку, для чего был выровнен накопившийся на склоне культурный слой (рис. 3). Под печи размерами 1,3 × 1,5 м, так же как и у остальных устройств, «состоял из плотного слоя валунов, промазанных глиной»²¹. Со всех сторон, кроме юго-восточной, где было устье, он был окружен вбитыми кольями (Носов, Петренко, 1986. С. 12; Носов, 1990. С. 57). С трех сторон почти вплотную к печи находились стены срубленного в обло сооружения. Для его возведения использованы бревна диаметром 12–19 см. В углах эта конструкция была укреплена кольями. Северо-западная стенка сруба имела высоту в четыре венца, а северо-восточная и юго-западная — в три. Общая высота конструкции — не более 0,4–0,5 м. Бревна верхних венцов обноски находились приблизительно на уровне пода печи²². По опубликованным Е. Н. Носовым данным, даты взятых для строительства этого сооружения бревен находятся в диапазоне между 900 и 907 гг. (Носов, 1990. С. 57). По уточненным сведениям Н. Б. Черных, время рубки деревьев «падает в интервал 900–906 гг.» (Черных, 1996. С. 95, рис. 9).

Таким образом, исходя из дендрохронологических дат, а также стратиграфических наблюдений

(рис. 3), можно утверждать, что этот хозяйственный комплекс возник практически синхронно «с увеличением высоты обноски у стоявшей рядом печи» (Носов, Петренко, 1986. С. 12; Черных, 1996. С. 97). Учитывая то, что при раскопках в 2018 г. приблизительно в 13 м к северо-востоку была найдена еще одна глинобитная печь, бревна обкладки которой были датированы О. А. Тарабардиной 908 г. (Носов, Хвоцинская, 2019. С. 124–126; Носов и др., 2020), число одновременно работающих «пекарен» возрастает до трех. А. Е. Мусин назвал эту возникшую в заплывающем рву в южной части Городища хозяйственную зону «печным кварталом» (Мусин, 2020. С. 54–55). Как уже писали исследователи, появление такого числа «хлебных» печей говорит о проживании на Городище в начале X в. довольно большого количества людей, для обеспечения ежедневного питания которых эти сооружения и были предназначены (Носов, Хвоцинская, 2019. С. 129–130; Носов и др., 2020. С. 38; Мусин, 2020. С. 55–56).

Новая печь на месте комплекса 906 г. возводится через довольно продолжительный промежуток времени (рис. 2). Судя по датам рубки деревьев, использованных для обкладки, ограничивающей ее основание, это произошло не ранее 944 г. (Черных, 1996. С. 95, 97, рис. 8). Под печи имел овальную форму размерами 1,0–1,1 × 1,4–1,5 м и конструкцию, аналогичную выше описанным сооружениям²³. Он располагался на основании в виде пласта коричневой глины мощностью 10 см. Деревянная обноски печи представляла собой раму размерами примерно 2 × 2 м, состоящую из двух бревен, на которые положены две плахи²⁴. Углы этой конструкции были зафиксированы на месте кольями (Носов, Петренко, 1986. С. 12; Носов, 1990. С. 58). Как видно из стратиграфических разрезов (рис. 3; 4), перед возведением новой печи строители сначала сместили к югу остатки верхней части предыдущего нагревательного устройства, в результате чего здесь образовалась прослойка из сырой и обожженной глины толщиной 10–25 см. Затем в основном из серой сырой глины, которая, по-видимому, была взята к северу от места будущего хозяйственного комплекса, сделали

²¹ Нивелировочные отметки пода: -114/-127 см.

²² Уровень залегания бревен верхнего венца находятся в пределах от -100 до -134 см, поскольку перепад высот между юго-западной и северо-восточной стенками обноски достигает от 7 (на севере) до 25 см (на юге).

²³ Нивелировочные отметки камней пода: -78/-85 см.

²⁴ Глубина залегания элементов обкладки находится в диапазоне от -64 до -99 см. С юго-западной стороны под плахой было зафиксировано подкладочное бревно длиной 1,12 м и диаметром 0,1 м.

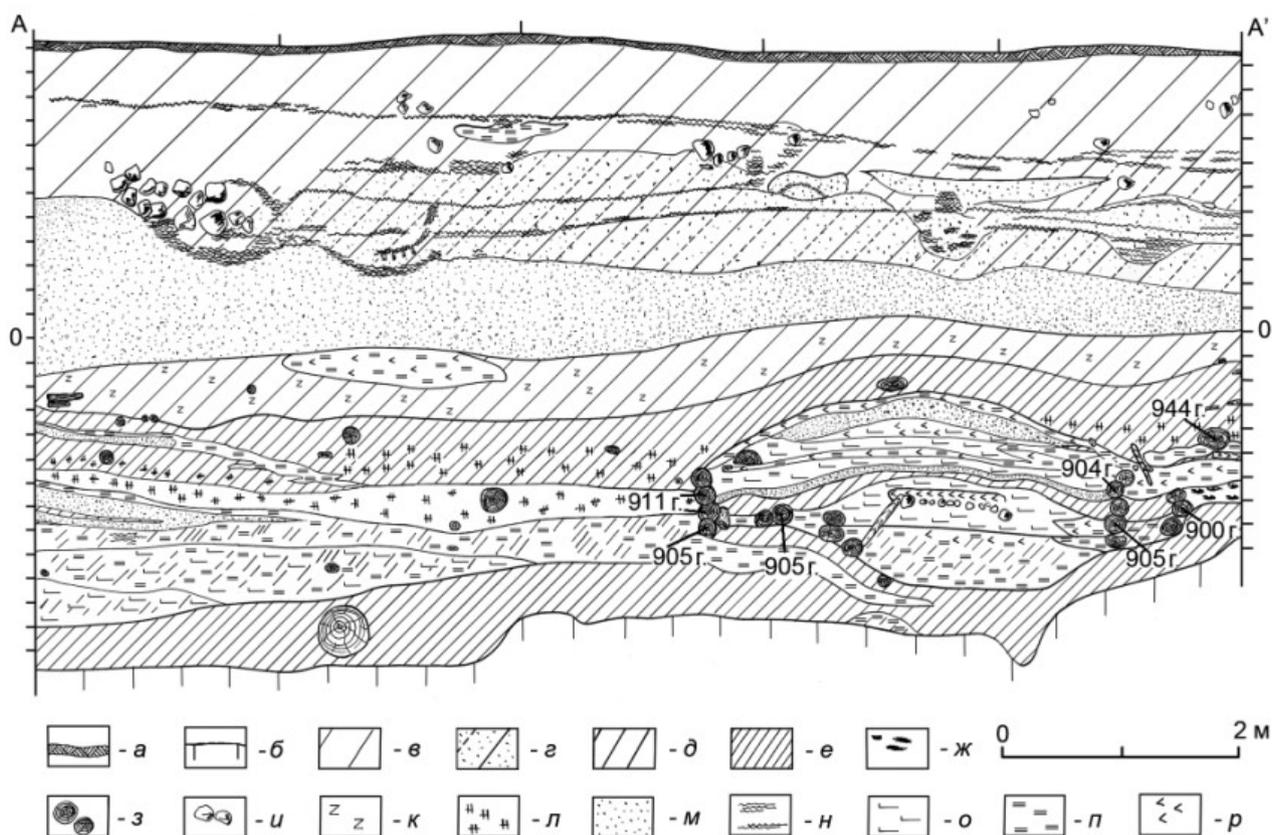

Рис. 3. Рюриково городище. Стратиграфический разрез северной стенки раскопа 1977 г. (А–А'). Условные обозначения: а — дерн; б — материк; в — темно-серый гумус; г — серый песчаный гумус; д — коричневый гумус; е — черный гумус; ж — уголь; з — дерево; и — камни; к — щепы; л — навоз; м — песок; н — древесный тлен; о — коричневая глина; п — серая глина; р — обожженная глина

Fig. 3. Ryurik Gorodishche. Stratigraphic section of the northern wall of the excavation of 1977 A–A'. Keys: а — topsoil; б — virgin soil; в — dark grey humus; г — grey sandy humus; д — brown humus; е — black humus; ж — charcoal; з — wood; и — stones; к — wood chips; л — dung; м — sand; н — decayed wood; о — brown clay; п — grey clay; р — fired clay

довольно мощную платформу под печь. Эта печь располагалась в небольшом дворике «с плетневыми стенами размерами 2,8–3,0 × 4,8–4,9 м» (Носов, 1990. С. 57–58). Коляя плетня диаметром 4–6 см располагались на расстоянии 0,2–0,3 м друг от друга. Толщина прутьев изгороди — 1,5–2,5 см. В южной части дворика у плетня была расчищена доска длиной 1,02 м и шириной 0,25 м²⁵, закрепленная на месте колышками. По-видимому, здесь находился вход в дворик.

Непростым является вопрос о времени существования этого «плетневого дворика». В публикациях Е. Н. Носова говорится, что в нем располагалась как печь, сооруженная после 906 г., так и устройство, возникшее на том же месте

после 944 г. (Носов, Петренко, 1986. С. 12, рис. 2; 3; Носов, 1990. С. 57–58, 61, рис. 16; 19; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 123). По данным исследователя, за время функционирования этих печей «внутри дворика накопился культурный слой мощностью 0,2–0,3 м²⁶, представляющий собой коричневый и черный углистый гумус», в котором было «обнаружено 16 обломков лепных и 8 обломков гончарных сосудов», а также некоторые другие находки (Носов, 1990. С. 58). Однако исследователь не объяснил, как такая недолговечная ограда, как изгородь, могла просуществовать почти

²⁵ Нивелировочные отметки доски: -81/-103 см.

²⁶ Толщина отложений вычислена Е. Н. Носовым по разнице между нивелировочными отметками верхнего и нижнего рядов прутьев плетня.

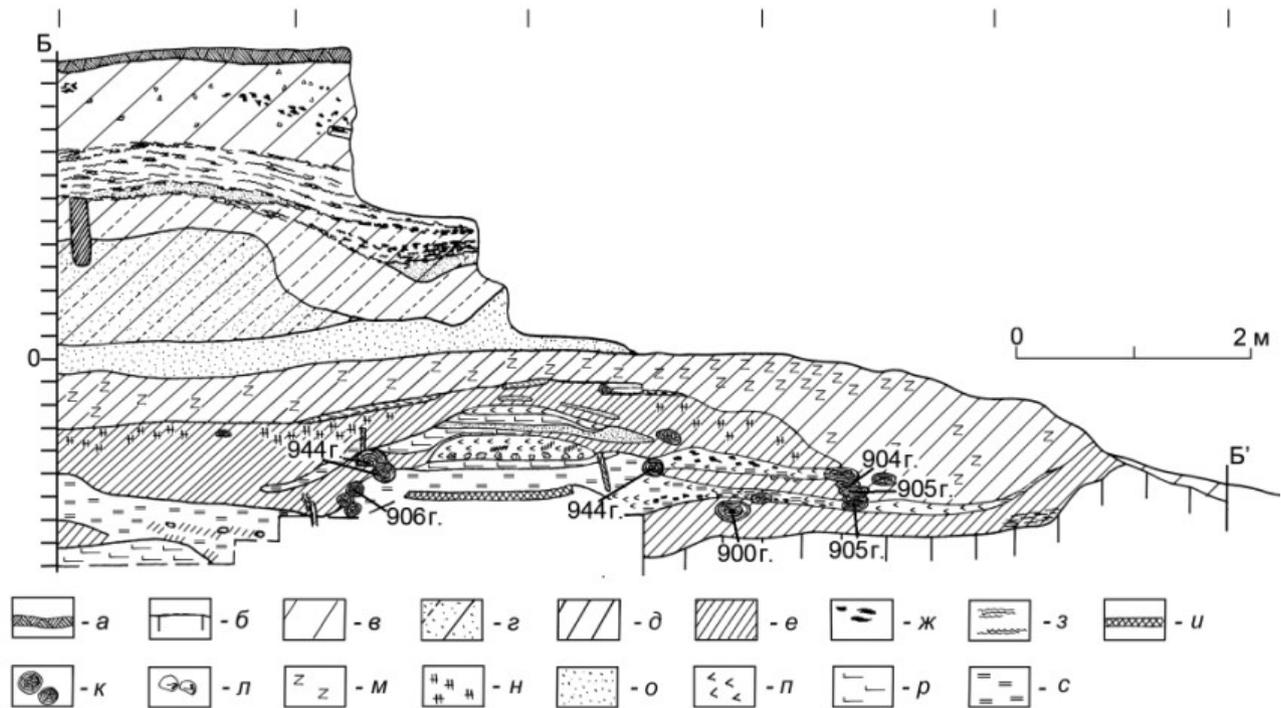

Рис. 4. Рюриково городище. Стратиграфический разрез восточной стенки раскопов 1977–1978 гг. (Б–Б'). Условные обозначения: а — дерн; б — материк; в — темно-серый гумус; г — серый песчаный гумус; д — коричневый гумус; е — черный гумус; ж — уголь; з — древесный тлен; и — плотная обожженная глина — под печи; к — дерево; л — камни; м — щепа; н — навоз; о — песок; п — обожженная глина; р — коричневая глина; с — серая глина

Fig. 4. Ryurik Gorodishche. Stratigraphic section of the eastern edge of the excavations of 1977–1978 Б–Б'.

Keys: а — topsoil; б — virgin soil; в — dark grey humus; г — grey sandy humus; д — brown humus; е — black humus; ж — charcoal; з — decayed wood; и — dense fired clay of the ovens; к — wood; л — stones; м — wood chips; н — dung; о — sand; п — red clay; р — brown clay; с — grey clay

40 лет²⁷. Нельзя также не отметить факт отсутствия на остатках плетня следов пожара, в котором погиб, по заключению ученого, расположенный вплотную к нему бревенчатый сруб²⁸. Плетневая ограда, безусловно, должна была сгореть, если бы ко времени этого пожара она существовала.

Для установления времени сооружения изгороди обратимся к имеющейся отчетной и полевой документации. С северо-восточной стороны двора (кв. 33, 34) нижние прутья плетня, маркирующие поверхность земли на время возведения ограды, зафиксированы на глубине

²⁷ К сожалению, мне не удалось найти в этнографической литературе данных о сроке службы этого типа ограждений. Имеются сведения, что плетни служат 3–6 лет (Звонарев, 2011. С. 8).

²⁸ Следует отметить, что нивелировочные отметки по верхним концам кольев западной части плетня на 10–40 см выше, чем у бревна третьего венца этой постройки.

–109/–132 см²⁹. Судя по нивелировочным отметкам, на этом уровне у стоящей рядом стенки обноска печи 906 г. находятся бревна третьего и второго венцов³⁰. Основание плетня на юго-востоке отмечено на глубине –128/–158 см, что также соответствует нивелировкам бревен третьего и второго венцов юго-западной стенки указанного сооружения³¹. Из этого следует, что изгородь

²⁹ При раскопках отмечался некоторый наклон плетневых стен ограды и обноска печи 906 г. в направлении с юго-востока к северо-западу, что объясняется рельефом материкового склона рва в этом месте.

³⁰ Нивелировочные отметки по верху бревна третьего венца: –100/–119 см, второго: –120/–139 см.

³¹ Нивелировочные отметки по верху бревна третьего венца: –124/–134 см, второго –126/–144 см. По чертежам видно, что верхние сохранившиеся прутья плетня перекрывают юго-западный конец бревна последнего венца северо-западной стенки обноска 906 г., тогда как нижние находятся под ним.

была создана позже возникновения хозяйственного комплекса 906 г., когда вокруг последнего уже накопился культурный слой. Судя по нивелировочным отметкам нижнего ряда прутьев плетня в кв. 5 и стратиграфическому разрезу северной стенки раскопа 1977 г., ограда расположена на слое черного гумуса, перекрывшем остатки древнейшей городищенской печи, сооруженной после 905 г. Глубже всего, в пределах от -153 до -166 см, нижний ряд прутьев находится в северо-западной части изгороди, что уже почти соотносится с уровнем самого нижнего бревна ближайшей к ней стенки обноска печи 906 г.³² Такая глубина ограды, скорее всего, объясняется тем, что в этом месте была взята глина для сооружения платформы под печь 944 г. Именно со строительством этого нагревательного устройства, на мой взгляд, и следует связать появление «плетневого двора».

В отличие от древнейших трехстенных бревенчатых обносков, плетневая ограда, так же как сруб, очевидно, защищали печь не от стекающей по склону воды, а строились с целью ограждения «хлебных» печей от скота. Неслучайно за изгородью к срубу было «прислонено долбленое корыто для кормления телят или поросят»³³ (Носов, Петренко, 1986. С. 13; Носов, 1990. С. 60, 67, рис. 25). О присутствии в районе расположения «пекарен» домашних животных говорит также навоз в отложениях, накопившихся за время их существования (рис. 3; 4). Возможно, с юго-западной стороны изгородью пытались ограничить глиняную платформу, на которой была устроена печь в середине — второй половине 40-х гг. X в.³⁴ Однако под давлением сползающей вниз по склону глины ограда стала заваливаться на соседний сруб. Видимо, чтобы подпереть плетень, вплотную к нему на северо-восточную стенку сруба рядом друг к другу было положено два небольших (длиной 0,7 и 1,24 м) бревна³⁵. В кв. 33 в ряду плетня был за-

фиксирован столб диаметром 17 см. Е. Н. Носов полагал, что он мог быть связан «с конструкцией какого-то навеса над печью» (Носов, 1990. С. 57; Носов, Хвоцинская, 2019. С. 124)³⁶.

Последнее по времени нагревательное устройство, открытое при исследованиях на северном берегу Сиверсова канала, было возведено на месте печи в «плетневом дворе», когда над остатками последней отложилась небольшая прослойка культурного слоя (рис. 4). От этого сооружения сохранились только массивный развал сырой и обожженной глины³⁷, под размерами 1,0 × 1,2 м из промазанных глиной валунов³⁸, расположенный на слое коричневой глины толщиной около 10 см, а также неокоренное березовое бревно длиной 2,1 м от обкладки, с вырубленными по краям чашами³⁹. Как считал Е. Н. Носов, «печь использовалась в первые десятилетия после середины X в.» (Носов, Петренко, 1986. С. 12; Носов, 1990. С. 58).

С окончанием функционирования этого хозяйственного комплекса завершилось и существование так называемого печного квартала у южного склона городищенского холма. К этому времени превращенная в ров сырая ложбина уже была в значительной мере заполнена культурным слоем. В третьей четверти X в. этот участок вошел в зону жилой застройки. При раскопках 1978–1979 г. были исследованы остатки срубного жилого дома размерами 4,1 × 4,3 м с печкой-каменкой в одном из углов (Носов, 1990. С. 61, рис. 21)⁴⁰. Эта постройка сгорела в пожаре, произошедшем на Городище, видимо, около 980 г. (Плохов, 2021).

Итак, новое обращение к материалам раскопок 1977–1979 гг. на Рюриковом городище

916 г. (спилы 78/7 и 8) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 72. Л. 6). С той же целью, возможно, было использовано и корыто.

³⁶ Еще один столб диаметром 20 см отмечен в кв. 20 вплотную к северо-западному бревну обкладки 944 г. Поскольку его вершина зафиксирована на глубине -39 см, Е. Н. Носов считал, что он «скорее всего, относится к более позднему времени», чем этот комплекс (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 69. Л. 9–10).

³⁷ Его верх в виде скопления обожженной глины зафиксирован на глубине -33 см.

³⁸ Камни лежат на глубине -37/-47 см.

³⁹ Нивелировочные отметки бревна: -52/-66 см.

⁴⁰ Остатки окладного венца постройки прослежены в виде тлена толщиной 2,0–2,5 см на глубине от +30 до -26 см.

³² Нивелировочные отметки этого бревна: -156/-165 см.

³³ Корыто было повернуто боком и с северной стороны зафиксировано на месте колом.

³⁴ С северо-запада от расположения глину удерживали верхние бревна обноска печи 906 г. и бревно обкладки нового отопительного устройства (рис. 4).

³⁵ Их нивелировочные отметки: -89/-94 и -91 см. На полевым чертеже 5-го пласта 1978 г. для этих бревен Е. Н. Носовым указаны одинаковые дендродаты —

позволило уточнить облик открытых хозяйственных сооружений и их датировки. Проведенный анализ планов и стратиграфических разрезов дал важную информацию для дальнейшего исследования хронологии развития керамического комплекса памятника, а также для изучения социально-топографической структуры поселения. Подводя итоги нашим «штудиям», можно констатировать, что в раннем средневековье в южной части городищенского холма функционировало не менее семи глинобитных «хлебных» печей. История «печного квартала» на данный момент выглядит так. Древнейшее нагревательное устройство, как уже неоднократно отмечалось Е. Н. Носовым, возникло в запыляющем рву в конце IX в. Имеющиеся археологические материалы позволяют датировать второй половиной первого десятилетия X в. сразу три «пекарни». Эти одновременно использовавшиеся хозяйственные комплексы были способны удовлетворить ежедневные потребности в готовой пище большого количества людей. Видимо, именно в это время произошло существенное увеличение размера поселения. В частности, застраивается низменная мысовая часть Городища. В 910–920-х гг.

во рву работала только одна зафиксированная раскопками «хлебная» печь. Однако вряд ли уменьшение числа подобных сооружений можно объяснить снижением активности жизни на поселении. Более вероятно, что это связано с изменениями в его социальной структуре. По-видимому, в конце 920-х — начале 930-х гг. на Городище произошел пожар, после которого была заброшена печь в срубной постройке. Два последних по времени нагревательных устройства, исследованных в раскопе на северном берегу Сиверсова канала, функционировали около середины X в. Более раннее из них было помещено в небольшой дворик, огороженный плетневыми стенами. В третьей четверти X в. в планиграфии поселения наблюдаются определенные изменения — хозяйственный участок на южном склоне холма входит в зону жилой застройки, а новые «хлебные» печи возводятся, как и прежде, во рву, но только более чем на 100 м севернее предыдущих. Возможно, эти перемены как-то связаны с упоминаемым летописью под 970 г. появлением в Новгороде молодого князя Владимира. Насколько высказанные предположения верны, покажут дальнейшие исследования Рюрикова городища.

Давидан, 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. Вып. 4: Славянские древности. С. 95–108.

Давидан, 1981 — Давидан О. И. Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. Л.: Искусство, 1981 (МИА; Вып. 22). С. 100–113.

Давидан, 1988 — Давидан О. И. Скарабей из Старой Ладogi // АСГЭ. Л.: Искусство, 1988. С. 112–116.

Давидан, 1998 — Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 33: Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 123–132.

Звонарев, 2011 — Звонарев Н. Изгороди и заборы своими руками. Деревянные, металлические, живые (Советы от Михалыча). М.: Центрполиграф, 2011. 127 с.

Мусин, 2020 — Мусин А. Е. Рюриково Городище, Ярославово Дворище и Великий Новгород // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 45–75.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 54–56; 1978. Д. 69, 70, 72; 1979. Д. 56, 58, 59.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 214 с.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения

Северного Приильмения: Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 404 с.

Носов и др., 2020 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Полигаев В. Л., Носова Е. Е. Археологические исследования на Рюриковом городище в 2018 г. Наружная хлебная печь на дне рва // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 32–38.

Носов, Петренко, 1986 — Носов Е. Н., Петренко В. П. Об одном типе средневековых печей Поволховья // КСИА. М.: Наука, 1986. Вып. 187: Славяно-русские древности. С. 8–15.

Носов, Рождественская, 1987 — Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища (Вопросы интерпретации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII / Отв. ред. В. А. Шишкин. Л.: Наука, Лен. отд., 1987. С. 45–55.

Носов, Хвоцинская, 2019 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Хлебные печи Рюрикова городища // Записки ИИМК. 2019. № 20. С. 121–131.

Плохов, 2021 — Плохов А. В. Пожар последней четверти X в. на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Вып. 34. Великий Новгород: НМЗ, 2021. С. 119–128.

- Рябинин*, 1995 — *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // *Ладога и Северная Русь: Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г.)* / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1995. С. 56–61.
- Рябинин, Черных*, 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // *СА*. 1988. №1. С. 72–100.
- Черных*, 1996 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996. 216 с.

Novelties in studies of the “bread” ovens at Rurik Gorodishche

A. V. Plokhov

In 1977–1979, during excavations of Rurik Gorodishche (Rurik’s Hillfort) on the northern bank of the Sivers Channel, the most considerable cultural deposits were recorded amounting to a thickness of six metres. In their lower layers, organic remains are fairly well preserved owing to the wetness of the soil. The investigations conducted have demonstrated that, in the end of the 1st millennium AD in this area of the settlement, in the place of a wet gully used as a ditch, there were “bread” ovens used for over fifty years (Fig. 1–4). These household installations were mentioned in publications not once. A new investigation has allowed the archaeologists to define more precisely the appearance of these open household structures and their dates. Analysis of the plans and stratigraphic sections has yielded important information for further studies of the chronology of the development of the ceramic complex at the site, as well as for investigation of the social and topographic organization of the settlement.

Находки западноевропейских монет XI — начала XII в. на Новгородском (Рюриковом) городище

П. Г. Гайдуков, Е. М. Ушанков¹

Аннотация. Статья посвящена публикации западноевропейских денариев XI — начала XII в. и подражаний им, происходящих с территории Новгородского (Рюрикова) городища. Анализируются все известные монеты, полученные как при проведении археологических раскопок (8 экз.), так и единичные находки частных лиц (13 экз.). Новые нумизматические материалы расширяют и дополняют имеющуюся информацию о древнейшем и важнейшем торгово-ремесленном и военно-административном центре Приильменя.

Annotation. This paper is a publication of West-European denarii of the 11th — early 12th century and their imitations provenient from the territory of Novgorod Gorodishche (Rurik's Hillfort). All the known coins are discussed — both those yielded by archaeological excavations (8 items) and single finds by private persons (13 items). The new numismatic materials expand and supplement the available information on the earliest and very important trade-handicraft and military-administrative centre of the Lake Ilmen region.

Ключевые слова: археология, Рюриково городище, торгово-ремесленный центр, нумизматика, денарий, монета, средневековье.

Keywords: archaeology, Rurik Gorodishche, trade and craft center, numismatics, denarius, coin, Middle Ages.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-53-62

Новгородское городище — древнейший торгово-ремесленный и военно-административный центр Приильменя — на ранних этапах своего существования не могло не быть вовлеченным в товарообмен между странами Балтики и Востока. Верхнее Поволжье является участком балтийско-волжского пути с наибольшим скоплением монетных кладов IX–X вв. (Носов, 1990. С. 187). На самом городище к середине 2005 г. зарегистрировано три небольших клада и 145 единичных находок целых и фрагментированных восточных монет VI–X вв. (Гайдуков и др., 2007. С. 86). Количество подобных зарегистрированных монет здесь постоянно растет (Там же. С. 88; Гомзин, 2019).

Гораздо более редкой находкой на Новгородском городище являются западноевропейские

денарии и подражания им. Они появляются в восточных кладах куфических монет начиная с конца X в., заменяют восточную валюту в начале XI в. и безраздельно господствуют в Северной и Восточной Европе до начала XII в.

Настоящая публикация направлена на рассмотрение всех зарегистрированных на Новгородском городище западноевропейских монет XI — начала XII в., как полученных при археологических раскопках (8 экз.), так и найденных частными лицами (13 экз.)². Несмотря на постоянное внимание, уделяемое специалистами этому выдающемуся памятнику, подробная информация о таких монетах ранее не издавалась³.

² Описание монет и сведения об их происхождении см. в табл. 1 и 2.

³ Работа ведется в связи с подготовкой общей сводки западноевропейских монет X–XII вв. из Новгорода и его округа.

¹ Гайдуков П. Г. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия. Ушанков Е. М. — Отдел нумизматики, Гос. Исторический музей; Красная пл., д. 1, г. Москва, 109012, Россия.

Остается загадкой указание Н. П. Пахомова на многочисленность таких находок⁴, поскольку в материалах его сборов 1960–1970-х гг. на Городище, хранящихся в фондах Новгородского музея, не выявлено пока ни одной подобной монеты.

Западноевропейские денарии впервые обнаружены Новгородской областной археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (НОАЭ) под руководством Е. Н. Носова в раскопе в центральной части Городища. В 1980 г. найдена одна монета (Носов, 1980. Л. 25, № 108), в 1981 г. — еще пять (Носов, 1981. Л. 4, 25–27, № 113, 117, 158, 167, 171). Все они залегали вне материковых непо потревоженных комплексов, в верхней перемешанной части культурного слоя городища.

Определения монет выполнены А. Н. Молвыгиным и опубликованы Е. Н. Носовым (Носов, 1990. С. 115). Большинство из них происходят из фризских монетных мастерских. Два денария — из Евера, чеканенные при герцоге Ордольфе (1059–1071) или графе Германе (ум. 1086) (табл. 1, 4, 5; рис. 1, 4, 5), еще два — западнофризские денарии графа Экберта II (1068–1090) (табл. 1, 1, 3; рис. 1, 1, 3). Пятая монета — подражание кельнскому денарию XI в. (табл. 1, 7; рис. 1, 7), последняя — практически полностью стертая монета, которую А. Н. Молвыгин отнес под вопросом к Германии.

В фондах Новгородского музея в январе 2018 г. выявлены все монеты, кроме последней. Их изображения впервые воспроизводятся в настоящей работе. Шестая монета пока не разыскана (Носов, 1981. Л. 27, № 171).

В 2007 г. при исследовании НОАЭ участка заполнения древнего рва, разделявшего укрепленную и неукрепленную части поселения в X в., обнаружен денарий из Нижней Саксонии, чеканенный в Госларе при императоре Генрихе V (1111–1125) (табл. 1, 6; рис. 1, 6). Монета залегала в темно-сером слое заполнения рва (Носов, 2007. Л. 33, № 395). Это наиболее поздний по времени чеканки денарий, найденный на Городище.

Две монеты обнаружены Архитектурно-археологическим отрядом ИА РАН под руководством Вл. В. Седова в 2016 г. в ходе исследования

церкви Благовещения на Городище. Одна из них — германский денарий, отчеканенный во Фризии, на монетном дворе Доккюма, в правление графа Экберта II (1068–1090) (табл. 1, 2; рис. 1, 2). Вторая монета точной атрибуции не поддается из-за плохой сохранности. Можно думать, что это подражание западноевропейской монете, вероятно, германскому денарию (табл. 1, 8; рис. 1, 8). Обе монеты найдены в слое, датированном XI в. (Гайдуков, Ушанков, 2019).

Еще одна монета найдена на Городище местным жителем А. Н. Сметаниным летом 2000 г. и зарегистрирована одним из авторов в феврале 2001 г. Это скандинавское подражание англосаксонскому пенни. Ее лицевая сторона подражает денарию времени короля Кнута (1016–1035) типа «четырёхлистник». Обратная сторона копирует более ранний тип «длинный крест», чеканившийся при предыдущем правителе, короле Этельреде II (978–1016).

В марте 2000 г. новгородский краевед Ю. П. Коньков представил для регистрации одному из авторов 12 западноевропейских монет, поступивших к нему от разных находчиков. Точных сведений о местах находок — Новгород или его окрестности — получить не удалось, но владелец монет был уверен, что они происходят с территории Новгородского городища.

Одиннадцать из двенадцати монет можно уверенно отнести к чеканке германских монетных дворов. Пять монет — широко распространённые на территории Древней Руси еверские денарии, чеканенные во второй половине XI в. (табл. 2, 5–9; рис. 2, 5–9). Два денария оказались соединёнными вместе окислами. Они относятся к западнофризской чеканке графа Экберта II (1068–1090) (табл. 2, 3, 4; рис. 2, 3, 4). Один из них отчеканен на монетном дворе Доккюма, легенда на втором денарии не читается. Ещё один фризский денарий отчеканен в Девентере утрехтским епископом Бернольдом (1027–1054) (табл. 2, 2; рис. 2, 2). Денарий Оттона и Адельгейды происходит с территории Саксонии (табл. 2, 10; рис. 2, 10). Он относится к пятому типу (983–1040) по классификации Веры и Герта Хатцев (Hatz V., 1961; Hatz et al., 1991). Одна монета представляет собой денарий кельнского типа (табл. 2, 1; рис. 2, 1), ещё одна — чеканена, вероятно, в Тюрингии, в Эрфурте (табл. 2, 11; рис. 2, 11).

Последняя монета из этой группы — гибридное подражание германской и датской монетам

⁴ «Почти так же часто, как и арабские дирхемы, на Городище встречаются западноевропейские денарии (целые и обломки). К сожалению, сохранность большинства из них такова, что прочитать легенды или изображения на них не всегда удается» (Пахомов, 2020. С. 89).

Рис. 1. Западноевропейские монеты, найденные на Новгородском городище. Без масштаба
Fig. 1. West-European coins found at Novgorod Gorodishche. No scale

Рис. 2. Западноевропейские монеты Ю. П. Конькова, найденные, вероятно, на Новгородском городище. Без масштаба
Fig. 2. Yu. P. Kon'kov's West-European coins found presumably at Novgorod Gorodishche. No scale

Таблица 1. Западноевропейские монеты, найденные на Новгородском городище
Table 1. West-European coins found at Novgorod Gorodishche

№	Атрибуция	Описание		Вес, г	Диаметр, мм	Литература	Данные о находке	Рис.
		Лицевая сторона	Оборотная сторона					
1	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Доккюм? Граф Экберт II (1068–1090). Денарий	В центре в точечном ободке погрудное изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: +...BER...	В центре в точечном ободке погрудные изображения двух святых анфас. Между ними, над головами — крест. Круговая легенда: +...I...NG(?)...V...I	0,38 (обл.)	18,0	Ср. <i>Dannenber</i> , 1876. 528*; <i>Ilsch</i> , 2000. 22.5; ср. <i>Chijs</i> , 1855. Bl. 64, 2, Pl. III, 2; <i>Leschhorn</i> , 2015. 308	Раскопки 1981 г. Е. Н. Носова. РГ-113, кв. 31, гл. –70/-90 см	1, 1
2	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Доккюм. Граф Экберт II (1068–1090). Денарий	В центре в точечном ободке погрудное изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: +EVBERTVS	В центре в точечном ободке погрудное изображение двух святых анфас. Между ними, над головами — крест. Круговая легенда: +DOGGINGVN	0,42	18,0	<i>Dannenber</i> , 1876. 528; <i>Ilsch</i> , 2000. 22.5; <i>Chijs</i> , 1855. Bl. 64, 2, Pl. III, 2; <i>Leschhorn</i> , 2015. 308	Раскопки 2016 г. Вл. В. Седова. Уч. III, кв. 3, пл. 12, гл. –210 см, № 52	1, 2
3	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Доккюм или Болсвард? Граф Экберт II (1068–1090). Денарий	В центре в точечном ободке погрудное изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: ...E...	В центре в точечном ободке погрудное изображение двух святых анфас. Между ними, над головами — крест. Круговая легенда: ...O...	0,34 (обл.)	18,0	Ср. <i>Dannenber</i> , 1876. 526–534; ср. <i>Ilsch</i> , 2000. 22.1–22.12; ср. <i>Chijs</i> , 1855. Bl. 64–66, 1–13, Pl. III, 1–14; <i>Leschhorn</i> , 2015. 308	Раскопки 1981 г. Е. Н. Носова. РГ-167, кв. 31, гл. 70/90 см	1, 3
4	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер, Герцог Ордульф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: +...D...D... (против часовой стрелки)	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда: +...DDO...V... (против часовой стрелки)	0,52 (обл.)	18,5	<i>Dannenber</i> , 1876. 595; <i>Kilger</i> , 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; <i>Leschhorn</i> , 2015. 632	Раскопки 1980 г. Е. Н. Носова. РГ-II-108, кв. 17, гл. –120/-140 см	1, 4

Таблица 1, окончание

№	Атрибуция	Описание		Вес, г	Диаметр, мм	Литература	Данные о находке	Рис.
		Лицевая сторона	Оборотная сторона					
5	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордульф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086) или подражание этому типу. Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда: ...OS I(?)...	0,43 (обл.)	16,0	Ср. <i>Dannenbergh</i> , 1876. 595–597; <i>Kilger</i> , 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2.1/2.3; <i>Leschhorn</i> , 2015. 630–633	Раскопки 1981 г. Е. Н. Носова. РГ-117, кв. 31, гл. -70/-90 см	1, 5
6	Германия, Саксония, Нижняя Саксония, Гослар. Генрих V (1111–1125). Денарий	В центре изображение бородатого правителя анфас, держащего в правой руке лилевидный скипетр, в правой – державу. Круговая легенда не читается	В центре погрудное изображение двух святых анфас, между них точка. Круговая легенда: ...SIM...	0,76	16,0	Ср. <i>Dannenbergh</i> , 1876. 681; <i>Hatz G.</i> , 2001. 61:48	Раскопки 2007 г. Е. Н. Носова. РГ-395, кв. 52а, гл. -290/-310 см, тёмно-серое заполнение рва	1, 6
7	Германия (?). Подражание западноевропейскому денарию	Изображение и легенда не читаются. У края монеты виден знак, напоминающий букву O	У края монеты видна линия. Легенда не читается	0,42 (обл.)	18,0	-	Раскопки 1981 г. Е. Н. Носова. РГ-158, кв. 39, гл. -70/-90 см	1, 7
8	Германия? Скандинавия? Славяне? Подражание западноевропейской монете?	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого по точке. Круговая легенда: ...T LV:CI...	Изображения и легенды не читаются	0,68	17,0	-	Раскопки 2016 г. Вл. В. Седова. Уч. IV, кв. 2, пл. 11, гл. -206 см, № 17	1, 8
9	Скандинавия. Подражание англосаксонским пенни королей Кнута (1016–1035) типа «четырёхлистник» (1017–1023) и Этельреда II (978–1016) типа «длинный крест» (997–1003)	В центре в четырёхлистнике погрудное изображение правителя в короне влево. Круговая легенда: CNV...ORV...	Изображение креста, обозованного двумя парами линий. Ветви креста оканчиваются орнаментом из трёх полумесяцев 2:1. Круговая легенда не читается	1,02 (обл.)	18,5	Ср. <i>Maitner</i> , 1997. 713.1137 ?	Найдена А. Н. Сметаниным летом 2000 г.; показана Ю. П. Коньковым 25.02.2001 г.	1, 9

* — в ссылках на источники указаны номера по каталогу.

Таблица 2. Западноевропейские монеты Ю. П. Конькова, найденные, вероятно, на Новгородском городище
Table 2. Yu. P. Kon'kov's West-European coins found presumably at Novgorod Gorodishche

№	Атрибуция	Описание		Вес, г	Диаметр, мм	Литература	Рис.
		Лицевая сторона	Оборотная сторона				
1	Германия, Нижняя Лотарингия, область Кёльна. Денарий конца X — XI в.	В центре крест с точками в углах. В круговой легенде видны буквы: +...DDOM...VN	Надпись в три строки: S/COLONI/A	1,22	≈17,0	Ср. Hävernick, 1935. 80–85*	2, 1
2	Германия, Нижняя Лотарингия, область Утрехта, Девентер. Бернольд (1027–1054). Денарий	В центре изображение епископа анфас. Круговая легенда не читается	В центре крест с точками в углах. Круговая легенда не читается	0,60	≈18,0	Dammenberg, 1876. 570–573; Ilisch, 2000. 1.12–1.16	2, 2
3	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Докюм. Граф Экберт II (1068–1090). Денарий (найден вместе с № 4)	В центре в точечном ободке погрудное изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: +ESBERTVS	В центре в точечном ободке погрудное изображение двух святых анфас. Между ними, над головами — крест. Круговая легенда: +DOG...GVN	0,45	≈18,0	Dammenberg, 1876. 528; Ilisch, 2000. 22.5; Chijs, 1855. Bl. 64, 2, Pl. III, 2; Leschhorn, 2015. 308	2, 3
4	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия. Граф Экберт II (1068–1090) или подражание этому типу. Денарий (найден вместе с № 3)	В центре в точечном ободке погрудное изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда: ...ER...	В центре в точечном ободке погрудные изображения двух святых анфас. Между ними, над головами — крест. Круговая легенда не читается	0,57	≈18,0	Ср. Dammenberg, 1876. 528; Ilisch, 2000. 22.5; Chijs, Bl. 64, 2, Pl. III, 2; Leschhorn, 2015. 308	2, 4
5	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордюльф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда не читается	0,65	≈18,0	Dammenberg, 1876. 595–597; Kilger, 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; Leschhorn, 2015. 632	2, 5
6	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордюльф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда не читается	0,56	≈18,0	Dammenberg, 1876. 595–597; Kilger, 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; Leschhorn, 2015. 632	2, 6
7	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордюльф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородатого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда не читается	0,64	≈18,0	Dammenberg, 1876. 595–597; Kilger, 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; Leschhorn, 2015. 632	2, 7

Таблица 2, окончание

№	Атрибуция	Описание		Вес, г	Диаметр, мм	Литература	Рис.
		Лицевая сторона	Оборотная сторона				
8	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордульф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородастого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда не читается	0,43	≈18,0	<i>Dammenberg</i> , 1876. 595–597; <i>Kilger</i> , 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; <i>Leschhorn</i> , 2015. 632	2, 8
9	Германия, Нижняя Лотарингия, Фризия, Евер. Герцог Ордульф/Отто или граф Герман (1059–1071–1086). Денарий	В центре в точечном ободке изображение бородастого правителя в короне анфас. Круговая легенда не читается	В центре в точечном ободке равноконечный крест, в каждом углу которого точки. Круговая легенда не читается	0,59	≈18,0	<i>Dammenberg</i> , 1876. 595–597; <i>Kilger</i> , 2000. 2.2.1, Gruppe Jev D 2:1/2:3; <i>Leschhorn</i> , 2015. 632	2, 9
10	Германия, Саксония, Нижняя Саксония, Гослар? Оттон и Адельгейда (1017–1040). Денарий	В центре изображение церкви, по сторонам от которой круг с точкой в центре — справа и пять точек — слева. В круговой легенде видны две буквы: ...EA...	В центре крест, в углах которого буквы ODOA. В круговой легенде видны две буквы: ...RA...	0,79	≈17,0	<i>Hatz V</i> , 1961. V:2i (?)	2, 10
11	Германия, Саксония, Тюрингия, Эрфурт? XI в. Денарий	В центре частично видно изображение храма и дифферента(?) справа от него. Круговая легенда не читается	В центре крест с точками в каждом углу. Круговая легенда не видна	0,81	≈18,0	Ср. <i>Dammenberg</i> , 1876. 877–879	2, 11
12	Германия? Скандинавия? Славяне? Гибридное подражание германской чеканке Дуйсбурга Генриха IV/V (1056–1105–1125) и датской чеканке Роскилле Свена Эстридсена (1047–1074). Денарий	В центре крест, по сторонам от креста пунктирные окружности, в которых латинские буквы RS, EA, перевёрнуты VI, TI	Между двух крестов в несколько строк имитация легенды, выполненная круглыми и прямоугольными пуансонами	0,83	≈18,0	Ср. <i>Dammenberg</i> , 1876. 321–323; <i>Hauberg</i> , 1900. 39	2, 12

* — в ссылках на источники указаны номера по каталогу.

второй половины XI — начала XII в. (табл. 2, 12; рис. 2, 12). Подобные подражания, воспроизводящие монеты разного времени и различных регионов на лицевой и оборотной сторонах, — интересное и характерное явление. Их появление следует связывать с территориями, на которых были распространены и хорошо знакомы монеты имитируемых типов и не было возможности или потребности в выработке собственных монетных типов. Местом чеканки публикуемого здесь гибридного подражания может быть пограничная зона между Датским королевством, Священной Римской империей и территорией расселения западных славян. Здесь местные жители вели активную торгово-экономическую деятельность, а также имели перед глазами необходимые прототипы, то есть монеты оригинального чекана.

Находки монет, подобных денариям Новгородского городища, известны для всего древнерусского Северо-Запада. Характерно преобладание монет из Фризского региона, чеканенных во второй половине XI в., а также с территории Саксонии и области Кёльна. Доминируют монеты середины — второй половины XI в., в то время как в Новгороде в значительном количестве встречаются монеты и первой половины столетия. Стоит отметить наиболее позднюю по времени чеканки монету императора Генриха V (1111–1125), что является редкостью для территории Древней Руси. В. М. Потин отмечает всего пять саксонских монет XII в. в древнерусских находках: одну чеканки Гослара и четыре — Эрфурта (Потин, 1968. С. 162, табл. 20).

Западноевропейских денариев по сравнению с восточными монетами на Новгородском городище зарегистрировано немного. Это может свидетельствовать о том, что в XI в. его роль как основного торгово-ремесленного поселения в Поволховье постепенно утрачивается. К началу XI в.

уже несколько десятилетий существует и активно развивается Новгород — новый политический центр, к которому перешли основные функции первоначального поселения в истоке р. Волхов.

Во второй половине XX в. при проведении археологических работ в Новгороде западноевропейские монеты XI в. были редкой находкой. К примеру, на крупнейшем Неревском раскопе (1951–1962) найден 21 денарий (Потин, 1981). На других объектах подобные находки отсутствуют или числятся единичными. Лишь на Троицком раскопе в 1993 г. был обнаружен клад из 57 западноевропейских и двух византийских серебряных монет (Янин, Гайдуков, 1996), а в 1999 г. — восемь единичных западноевропейских денариев (Янин и др., 2000. С. 9).

В начале XXI в., с улучшением методики раскопок и внедрением металлодетекторов в практику полевых исследований, ситуация в Новгороде резко изменилась. Находки мелких металлических предметов, в том числе и монет, на отдельных раскопах начали исчисляться десятками и сотнями. Точного подсчета новых западноевропейских монет XI — начала XII в. за последние 20 лет пока не проведено. Но предварительно можно заключить, что за эти годы археологами найдено более 100 единичных находок таких монет. Так, к примеру, на раскопе Рогатицкий-2 (2014) их обнаружено 11 экз. (Гайдуков и др., 2015. С. 68, 69, рис. 3), на раскопе Козмодемьянский-3 (2016) — 6 экз. (Гайдуков и др., 2017. С. 16, рис. 4, 5–10), на раскопе на ул. Литвинова-Лукина, д. 5 (2019) — 38 экз. (Гайдуков, Олейников, 2021. С. 49). Находки только трех городских раскопов последних лет дали 55 новых монет.

Единичные находки дополняет небольшой клад западноевропейских монет XI в. (24 экз.) из раскопа Десятинный-2 (2008) — второй подобный клад в Новгороде (Гайдуков, Фараджева, 2015).

Гайдуков, Олейников, 2021 — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2019 г. (Раскоп на ул. Литвинова-Лукина, д. 5) // НиНЗИИА. 2021. Вып. 34. С. 43–49.

Гайдуков, Ушанков, 2019 — Гайдуков П. Г., Ушанков Е. М. Западные европейские монеты из раскопок церкви Благовещения на Городище в 2019 г. // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 137–139.

Гайдуков, Фараджева, 2015 — Гайдуков П. Г., Фараджева Н. Н. Новый новгородский клад западноевропейских монет XI в. // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура (к 60-летию Н. А. Макарова): Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда, 2015. С. 521–530.

Гайдуков и др., 2007 — Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. Находки восточных монет V–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // Истоки русской государственности: Историко-

- археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 82–88.
- Гайдуков и др., 2015 — Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., Степанов М. А., Языков С. В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (Раскоп Рогатицкий-2) // НиНЗИиА. 2015. Вып. 29. С. 66–77.
- Гайдуков и др., 2017 — Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Исаев А. А., Короткова Е. В., Степанов М. А. Работы на Софийской стороне Великого Новгорода в 2016 г. (Раскопы Козмодемьянский-3, ул. Воздвиженская, д. 9 и Троицкая, д. 16) // НиНЗИиА. 2017. Вып. 31. С. 14–19.
- Гомзин, 2019 — Гомзин А. А. Куфические монеты из раскопок церкви Благовещения на Рюриковом городище 2016 г. // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 140–144.
- Носов, 1980 — Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии в 1980 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 8228.
- Носов, 1981 — Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1981 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 8806.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.
- Носов, 2007 — Носов Е. Н. Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2007 г. Ч. 1: Раскопки на Рюриковом городище // НОА ИА РАН. Р-1. № 33690.
- Пахомов, 2020 — Пахомов Н. П. Монетные клады Новгородской области. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.
- Потин, 1968 — Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л.: Советский художник, 1968. 239 с.
- Потин, 1981 — Потин В. М. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды Гос. Эрмитажа. 1981. Т. XXI: Нумизматика. [Вып.] 5. С. 78–89.
- Янин, Гайдуков, 1996 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994 г. М.: Археографический центр, 1996. С. 151–170.
- Янин и др., 2000 — Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий раскоп XII) // НиНЗИиА. 2000. Вып. 14. С. 5–9.
- Chijs, 1855 — Chijs P. O., van der. De Munten van Friesland, Groningen en Drenthe (der heeren van keevorden) van de vroegste tijden tot aan de pacificatie van Gend. Haarlem, 1855. 690 S. + XXI.
- Dannenberg, 1876 — Dannenberg H. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Berlin, 1876. 98 S.
- Hatz G., 2001 — Hatz G. Die deutschen Münzen des Fundes von Burge I, Ksp. Lummelunda, Gotland (tpq 1143). Ein Beitrag zur ostfälischen Münzgeschichte. Stockholm: Royal Academy of Letters History and Antiquities in collaboration with Stockholm Numismatic Institute at the Stockholm University, 2001 (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova Series 16). 232 S.
- Hatz V., 1961 — Hatz V. Zur Frage der Otto-Adelheid-Pfennige, Versuch einer Systematisierung auf Grund des schwedischen Fundmaterials // Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis: I. Stockholm, 1961. S. 105–144.
- Hatz et al., 1991 — Hatz G., Hatz V., Zwicker U., Gale N., Gale Z. Oddo-Adelheid-Pfennige. Untersuchungen zu Münzen des 10./11. Jahrhunderts. Stockholm: Royal swed. acad. of letters, history a. antiquities, 1991 (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series 7). 146 S.
- Hauberg, 1900 — Hauberg P. Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtill 1146. København: Blaneo Lunos Bogtrykkeri, 1900. 382 S. + XV + vii.
- Hävernich, 1935 — Hävernich W. Die Münzen von Köln. Vom Beginn der Prägung bis 1304 // Die Münzen und Medaillen von Köln. Herausgegeben von der Stadt Köln. Bd. I. Köln, 1935.
- Ilisch, 2000 — Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. Bd. I: Die Münzprägung in den Räumen Utrecht und Friesland im 10. und 11. Jahrhundert // Jaarboek voor munt- en penningkunde. 84–85 (1997/1998). Amsterdam, 2000. S. 1–272.
- Kilger, 2000 — Kilger Ch. Pfennigmärkte und Währungslandschaften. Monetarisierungen im sächsisch-slavischen Grenzland ca. 965–1120. Stockholm: Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities, 2000 (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series 15). 391 S.
- Leschhorn, 2015 — Leschhorn W. Mittelalterliche Münzen. Bd. 2. Braunschweig: Herzog Anton Ulrich-Museum Braunschweig, 2015. 1364 S.
- Malmer, 1997 — Malmer B. The Anglo-Scandinavian Coinage c. 995–1020. Stockholm: Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities, 1997 (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series 9). 635 S.

**Finds of West-European coins of the 11th — early 12th century
at Novgorod (Rurik's) Gorodishche**

P. G. Gaydukov, E. M. Ushankov

Archaeological investigations of Novgorod Gorodishche (Rurik's Hillfort) have yielded to researchers numerous numismatic materials which reflect different stages of the occupation of the site. While the finds of Eastern coins are fairly well studied, the West-European numismatic evidence has been studied much worse. Although some researchers noted the mass numbers of finds of West-European denarii in the area of the hillfort, by present days only evidence on a few such finds has been published. The present authors have succeeded in collecting data on 21 West-European coins and their imitations obtained both during archaeological excavations (8 items) at the hillfort and from private persons (13 items). Most of these coins were struck in the territory of modern-day Germany in the 11th — early 12th century. The quantity of West-European coins and their imitations found at Novgorod Gorodishche is smaller than that coming from strata of Veliky Novgorod (over 100 items) suggesting the loss of the position of the leading trade-manufacturing centre in the region. At the same time, the numismatic evidence indicates an important role of Gorodishche in the trade activities.

Раковины моллюсков в строительных материалах церкви Благовещения на Городище в Новгороде

Е. Ю. Медникова, О. В. Шаров¹

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализа плинфы и строительного раствора церкви Благовещения на Городище 1103 г. методом полиполяризации. Авторы приходят к выводу, что в строительный материал при возведении данного памятника древнерусского зодчества добавлялись дробленые моллюски, что характерно для традиций античной и киевской архитектурных школ.

Annotation. This paper considers the results of analysis of plinthoi and building mortars in the construction of the Church of the Annunciation of 1103 at Gorodishche. The analyses were conducted by the method of polypolarization. The authors made the conclusion that, during the construction of this monument of Old-Russian architecture, crushed molluscs were added to the building material as is typical of the traditions of the ancient and Kievan architectural schools.

Ключевые слова: оптико-электронная полиполяризационная система, анализ, плинфа, строительные растворы, ракушки, обугленные моллюски.

Keywords: optic-electronic polypolarization system, analysis, plinthos, building mortars, mollusc shells, charred molluscs.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-63-67 ¹

В Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН начиная с 1980-х гг. большое внимание уделялось изучению древнерусских строительных растворов, поэтому оптико-электронная полиполяризационная система для бесконтактного исследования минералов и органических структур методом полиполяризации была создана и запатентована (Куликов и др., 2009; 2012) в первую очередь для изучения древних строительных технологий.

Метод полиполяризации получил свое название из-за большого количества одновременно исследуемых поляризационных зон изучаемого

объекта. Существенным преимуществом данного метода применительно к археологии является крайне малый размер необходимых для анализа образцов, что позволяет практически не нарушать форму и структуру объекта.

Основное отличие этого метода от стандартных оптических методов исследования с помощью микроскопа заключается в плавном снижении интенсивности фонового излучения первичного источника (в данном случае галогенной лампы), проходящего вокруг исследуемого объекта, с целью обнаружения «забиваемого» (первичным источником) излучения исследуемого объекта (вторичное излучение). Поскольку с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы изучается окрашивание самого объекта, то для проведения исследований не требуется воздействия каких-либо химических реагентов на исследуемый объект, его искусственного окрашивания, использования цветных фильтров. Проведенные анализы также показали, что черный цвет присущ только углю, материалам,

¹ Медникова Е. Ю. — Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Шаров О. В. — Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия.

Е. Ю. Медниковой исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009.

покрытым угольной пылью, железу и оксиду железа (II).

Методика исследования состоит в сравнительном анализе фрагментов изучаемых археологических образцов с эталонами с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы при компьютерном 550-кратном увеличении. Одними из первых были проанализированы известковые растворы античного винодельческого комплекса Темрюкского района. В них были обнаружены раздробленные раковины моллюсков и органика, присущая им. Мелко истолченные раковины с обугленными моллюсками присутствовали в цемянке и строительных растворах этого винодельческого комплекса (Медникова, Шаров, 2019).

При анализе римских плинф (V–VI вв.) в тесте идентифицированы мелкие фрагменты раковин моллюсков и органические остатки². Аналогичные результаты были получены при анализе плинф с некоторых древнерусских памятников. Наличие раковин моллюсков в тесте плинф могло объясняться двойкой: их присутствием в глине, использовавшейся для изготовления плинф, либо их добавлением в тесто плинф. С целью выяснения этого вопроса были использованы строительные материалы церкви Благовещения на Городище в Новгороде. Данный памятник выбран неслучайно. Во-первых, здесь находятся залежи двух типов глин (коричневого и серо-зеленого цвета), которые, с нашей точки зрения, применялись для изготовления плинф. Во-вторых, рядом с церковью Благовещения зафиксирована печь для обжига плинф, которую исследователи относят ко времени строительства первого храма в 1103 г. (Носов, Хвощинская, 2019), что является доказательством местного изготовления кирпичей.

Глины. На территории Рюрикова городища выявлено два типа глин: коричнево-красные и серо-зеленые. При полиполяризационном анализе в глинах обнаружены в незначительном количестве фрагменты раковин моллюсков размерами несколько микрон, и только единичные фрагменты достигали размеров от 0,3 до 0,5 мм. Следы органики, присущие раковинам, также присутствовали в глинах.

² Здесь и далее авторы под органическими остатками подразумевают органику от самой раковины (белок конхиолин, который связывает карбонат кальция) и частично высохшие остатки тел моллюсков.

Фрагменты плинф. Фрагменты плинф были отобраны во время раскопок на Рюриковом городище, а также на территории кладбища у церкви Благовещения на Городище. У некоторых фрагментов, преимущественно с кладбища, частично сохранились поверхности с обеих сторон, благодаря чему можно было измерить толщину плинфы, которая составила 43–45 мм. Фрагменты плинф были нескольких цветов: красные, красно-оранжевые и коричневые.

Красные и красно-оранжевые плинфы. Как показал анализ, в тесте фрагментов всех плинф присутствуют мелко раздробленные раковины моллюсков размерами от 10–50 микрон до 2–3 мм и органика, характерная для них (рис. 1, 1).

У большинства фрагментов плинф красно-оранжевого цвета на поверхностях изломов хорошо просматриваются светло-серые и белые включения изогнутой формы, толщиной около 0,5–0,7 мм и длиной 7–10 мм, либо круглые, диаметром 1–3 мм. Анализ теста плинфы, проведенный с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы, показал, что эти включения являются фрагментами раздробленных раковин моллюсков. В отдельных образцах были обнаружены растительные волокна (рис. 2, 1). В результате проведенного сравнительного анализа с эталонами растительных волокон установлено, что это волокна льна (рис. 2, 2).

Наибольший интерес представлял фрагмент красной плинфы с темно-серой сердцевинной (рис. 3, 1). В тесте красного слоя, покрывающего темно-серую сердцевину сверху и снизу, присутствуют фрагменты раковин моллюсков размерами около 0,5–2,0 мм и органика, характерная для них. На поверхности красного слоя встречаются светло-розовые включения размером 0,5–2,0 мм. Полиполяризационный анализ показал, что данные включения представляют фрагменты раковин моллюсков, перемешанные с красной глиной.

Разница включений раковин моллюсков в тесто плинф, вероятно, объясняется разными способами их добавления в глину. В первом случае раковины моллюсков просто дробились и добавлялись в глину, а во втором (красная плинфа с темно-серой сердцевинной) — дробились и растирались вместе с глиной. Анализ теста из темно-серой сердцевины подтвердил, что в слое также присутствуют раздробленные раковины моллюсков размерами от нескольких микрон до 3–5 мм, органика, присущая им, и сгустки черной массы

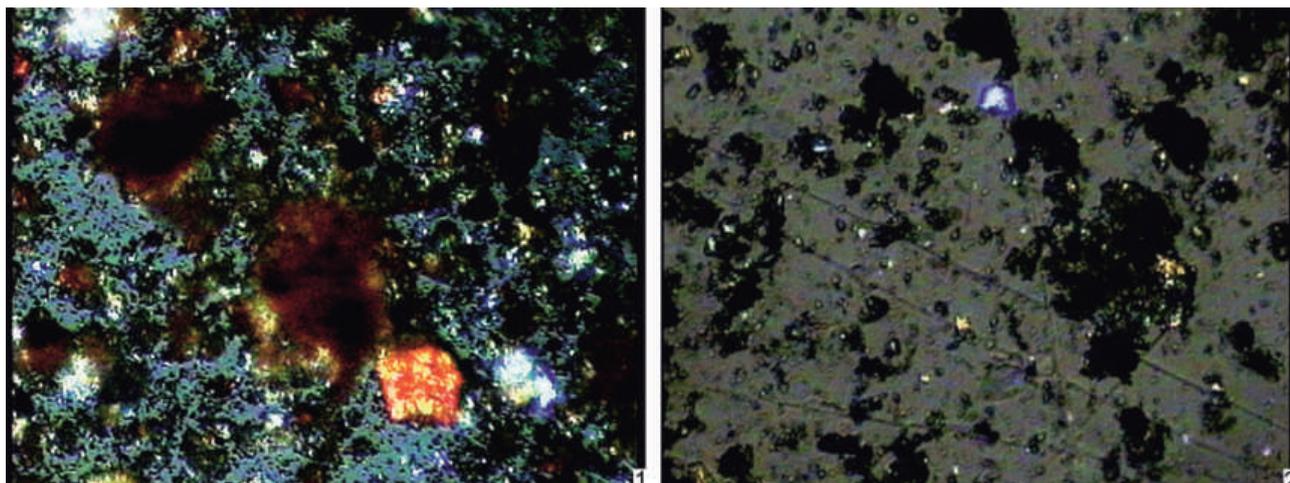

Рис. 1. Порошки плинфы в воде: 1 — порошок красной плинфы; 2 — фрагмент порошка из черной середины плинфы (обугленная органика на фрагментах ракушек)

Fig. 1. Powders plinthos in water: 1 — powdered red plinthos; 2 — fragment of the black core from a powdered plinthos (charred organics on shell fragments)

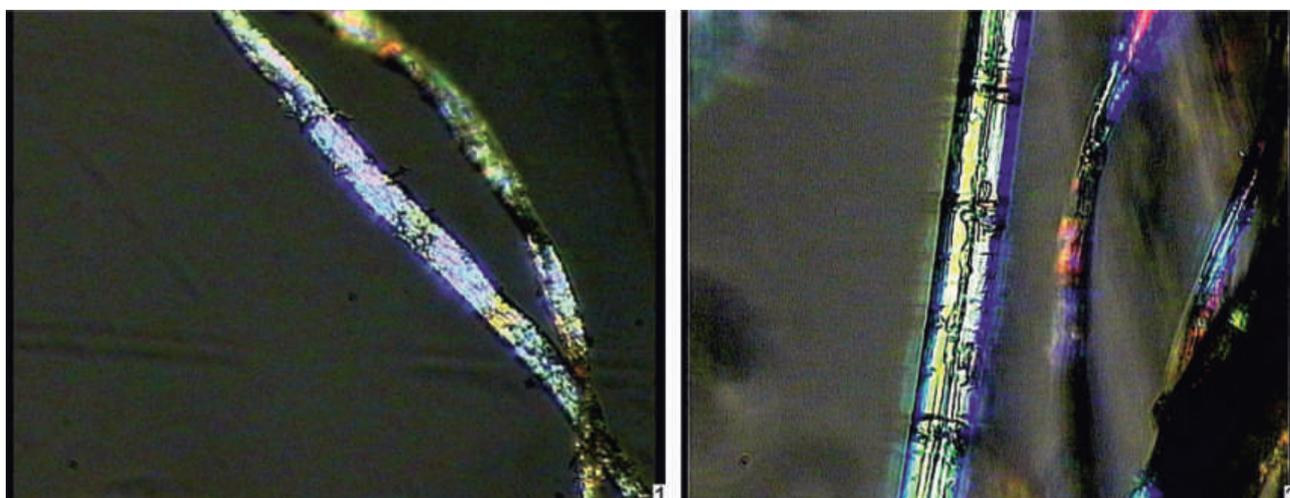

Рис. 2. Образец льна при использовании метода полиполяризации: 1 — волокна льна из плинфы; 2 — эталон льна

Fig. 2. Flax sample when using the method of polypolarization: 1 — fibres of flax from plinthoi; 2 — reference sample of flax

Рис. 3. Фрагменты плинфы: 1 — с темно-серой сердцевиной; 2 — коричневая плинфа с овальным отверстием, повторяющим форму раковины моллюска

Fig. 3. Fragment of a plinthos: 1 — with the dark gray core; 2 — a brown plinthos with an oval hole repeating the shape of a shell

(обугленные моллюски), иногда слипшиеся с раковиной. Это свидетельствует о том, что раковины дробились вместе с моллюсками и смешивались с глиной (рис. 1, 2). В тесте плинфы также были обнаружены волокна льна.

Исследования, проведенные с кирпичами, в тесто которых добавлялась органика, показали, что темно-серая сердцевина в кирпичах получается в результате обугливания органических веществ с образованием углистого органического остатка при недостаточном времени выдержки при температуре 800–900 °С (Вдовина и др., 2007). Поэтому можно предположить, что причина образования темно-серой середины плинфы тоже обусловлена недостаточным временем ее выдержки при высокой температуре.

Коричневая плинфа. Цвет плинфы зависит от исходного сырья. В данном случае, вероятно, для производства плинф применялась серо-зеленая глина. В тесте коричневой плинфы также обнаружены мелко раздробленные раковины моллюсков и органика, характерная для них. В отличие от красной плинфы в тесте отсутствуют включения крупных фрагментов раковин, однако встречаются овальные отверстия, повторяющие форму раковин речных моллюсков (рис. 3, 2). Это, вероятно, свидетельствует о более высокой температуре обжига коричневой плинфы, что также подтверждается меньшим количеством углистого остатка органики в светло-серой сердцевине коричневых плинф. Песок не обнаружен, но присутствуют волокна льна.

Строительные растворы. На двух фрагментах плинф сохранились строительные растворы с цемянкой. Полиполяризационный анализ показал, что как в строительных растворах, так и в цемянке присутствуют раздробленные раковины моллюсков. Из-за небольших фрагментов цемянки не

удалось определить, является ли она специально обожженной глиной или это фрагменты мелко раздробленной плинфы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что: 1) при производстве кирпича применялись разные глины; 2) вероятно, менялась температура обжига; 3) возможно, использовались разные способы введения раковин моллюсков в глиняное тесто; 4) но добавление в глину раковин моллюсков, как и волокон льна, неизменно.

На разный состав плинф указывал Д. Д. Ёлшин: «...применение разной рецептуры керамического теста плинфы вполне вписывается в исторический контекст строительства церкви Благовещения. Будучи недостаточно знакомыми со свойствами местной глины, мастера-плинфodelы могли на первых порах экспериментировать с составом керамического теста» (Ёлшин, 2019). Он же подчеркивает, что «способ формовки плинфы церкви Благовещения на Городище однозначно указывает на приезд в Новгород именно киевских плинфodelов» (Там же).

С технологической точки зрения использование раковин с телами моллюсков способствует улучшению качества строительных материалов. Моллюски увеличивают пластичность глины, а раковины препятствуют усадке изделия во время их сушки и обжига (Бобринский, 1978). Добавление раздробленных раковин в известковые растворы создает дополнительные центры кристаллизации, тем самым придавая им дополнительную прочность. Несмотря на небольшое количество проведенных анализов, можно предположить, что состав теста плинф и строительных растворов с использованием раковин с моллюсками широко применялся и античными, и киевскими строителями, что подтверждает выводы о преемственности не только архитектурных стилей, но и строительных технологий.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Вдовина и др., 2007 — Вдовина Е. В., Абдрахимова Е. С., Абдрахимов В. З. Определение черной сердцевины при обжиге кирпича из бейделлитовой глины и продукта стгорания базальтовой шихты // Башкирский химический журнал. Уфа, 2007. Т. 14, № 2. С. 102–104.

Ёлшин, 2019 — Ёлшин Д. Д. Плинфа церкви Благовещения на Городище XII века (по материалам коллекции и раскопок 2016–2017 гг.) //

Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 82–89.

Куликов и др., 2009 — Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я. Устройство для оптико-электронного бесконтактного исследования минералов и органических структур: Патент № 2402753 от 27 октября 2010 г., приоритет изобретения 7 апреля 2009 г.

Куликов и др., 2012 — Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н. Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и

органических структур с различными коэффициентами пропускания: Патент № 2466379 от 10 ноября 2012 г., приоритет изобретения от 8 апреля 2011 г.

Медникова, Шаров, 2019 — Медникова Е. Ю., Шаров О. В. Технологические особенности строительных растворов, полученных при исследовании винодельческих комплексов поселения Ильич 1 Темрюк-

ского района Краснодарского края // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2019. № 4: Меч Марса. С. 343–358.

Носов, Хвоцинская, 2019 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего Рюрикова городища // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 55–69.

Shells in the building materials of the Church of the Annunciation at Gorodishche in Novgorod

E. Yu. Mednikova, O. V. Sharov

The article presents the results of analysis of the clay of plinthoi (thin bricks) and building mortars in the construction of the Church of the Annunciation at Gorodishche (Hillfort). The analyses were conducted using an optic-electronic polypolarization system designed at the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS. In all the fragments of analyzed plinthoi, there were identified crushed shells and the organics inherent in mollusc shells. In red plinthoi with dark-grey core layers, fragments of shells are preserved with charred molluscs resulted of carbonized organics and insufficient time of baking at the temperature of 800–900 °C. The data obtained allow us to state that crushed shells together with the molluscs were introduced into the clay paste of the plinthoi. Fragments of shells are also present in the building mortars. The composition of the paste of plinthoi and building mortars tempered with shells together with the molluscs was widely used not only by ancient builders but also by Kievan ones, this fact confirming the supposition about the continuity of not only of architectural styles but also of the building technologies.

Усадьба «Д-2» Неревского раскопа во второй половине X в.

А. М. Гринев¹

Аннотация. Данная работа посвящена комплексному анализу усадьбы «Д-2» Неревского раскопа второй половины X в. Рассматривается история ее изучения, характеризуется застройка владения, дается подробный разбор вещевого комплекса древнейшего яруса и анализируется пространственное распределение отдельных категорий находок. В заключении статьи обосновывается время заселения усадьбы и описывается ее вероятный облик во второй половине X в.

Annotation. This work is an interdisciplinary analysis of the urban property “Д-2” at the Nerevsky excavation site of the second half of the 10th century in mediaeval Novgorod. Here, the history of its investigations is considered, the layout of the area is characterized, a detailed study of the complex of artefacts from the earliest horizon is presented and the spatial distribution of particular categories of finds is analysed. In the article’s conclusion, the time of the occupation of the property is grounded and its possible character in the second half of the 10th century is described.

Ключевые слова: вещевые комплексы, городская усадьба, Неревский конец, пространственный анализ, скандинавская культура, средневековый Новгород, эпоха викингов.

Keywords: complexes of artefacts, urban property, Nerevsky Konets, spatial analysis, Scandinavian culture, medi-aeval Novgorod, Viking Age.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-68-84

Многолетние археологические исследования на Неревском раскопе (1951–1962 гг.) стали важной вехой в истории отечественной археологии. Здесь благодаря последовательному вскрытию большого участка средневекового города ученым впервые удалось обнаружить целые кварталы древней застройки и обратиться к изучению городских усадеб, являвшихся структурообразующей единицей Новгорода (Хорошев, 1997. С. 411). Уникальный «мокрый» культурный слой обусловил хорошую сохранность предметов как из неорганических, так и из органических материалов, что позволило исследователям всесторонне изучить быт средневековых жителей, а открытие берестяных грамот дало возможность установить принадлежность дворовых комплексов. Колоссальный объем полученного в ходе работ материала потребовал больших усилий по его обработке,

из-за чего полноценное введение коллекции в научный оборот, а также комплексная характеристика усадеб сильно растянулись по времени и продолжают до сих пор.

Древнейшие культурные напластования Неревского раскопа, зафиксированные преимущественно на южных усадьбах «К», «К-2», «И», «И-2», «Е», относятся к середине X в. В течение столетия город постепенно разрастался на север и запад, занимая все новые территории (Петров, Тарабардина, 2020. С. 137–139), и работы 1951–1962 гг. в целом отразили этот процесс, поскольку наиболее ранние отложения в северной и северо-западных частях Неревского раскопа датируются только последней четвертью X в. (Гринев, 2019. С. 21–26).

Усадьба «Д-2» была обнаружена в западной части Неревского раскопа и исследовалась на площади раскопов XXVIII (1958–1959 гг.) и XXXI–XXXIII (1961–1962 гг.). Общая изученная площадь усадьбы составила около 600 кв. м (рис. 1; 2, А). С юга ее территория была ограничена мостовой Кузьмодемьянской улицы, с востока к ней

¹ Кафедра истории России и археологии Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого; Б. Санкт-Петербургская ул., д. 41, г. Великий Новгород, Новгородская обл., 173003. Россия; e-mail: amgrinev@mail.ru.

Рис. 1. Застройка усадеб Неревского раскопа в последней четверти X в.

Fig. 1. Buildings of the urban properties at the Nerevsky excavation in the last quarter of the 10th century

примыкала усадьба «Д», а северная и западная границы уходили за пределы раскопа. Таким образом, этот дворовый комплекс был исследован не полностью, но в поле зрения ученых попала основная его часть.

Среди других владений Неревского раскопа усадьба «Д-2» оказалась одной из наименее изученных. О ее древнейшей застройке П. И. Засурцев писал, что данная территория во второй половине X в. являлась окраиной города и не была заселена, а в первой половине XI в. здесь проходила дорога в объезд первоначального поселка (Засурцев, 1963. С. 111–112). В дальнейшем внимания исследователей удостоивались лишь отдельные элементы материальной культуры усадьбы (Колчин, 1971. С. 10; Седова, 1981. С. 144, 149; Фараджева, 2015. С. 130–131; и пр.).

В ходе археологических работ 1961–1962 гг. был собран значительный по объему материал, зафиксированный на высоком для своего времени методическом уровне. Именно отчетная документация за 1961–1962 гг. (полевые дневники по XXXI–XXXIII раскопам, камеральные описи и дневники находок) легли в основу нашего исследования.

В качестве рабочего инструмента в работе были использованы средства пространственного анализа ГИС, успешно апробированные на новгородском материале М. И. Петровым (Петров, 2009. С. 226–243; 2012. С. 27–37; 2016. С. 68–102). В основу предложенной им методологии изучения усадебных комплексов положена процедура согласования пластов и ярусов, опирающаяся на построение виртуальных поверхностей границ строительных ярусов, с которыми сопоставляются данные горизонтальных пластов (Петров, 2009. С. 226–235). Однако в случае данного исследования неполнота используемого археологического источника и недостаточный объем информации для построения поверхности яруса наложили определенные ограничения на возможность применения этого метода.

Для древнейшего яруса усадьбы «Д-2» надежно реконструируется только поверхность материка (предматерика), в то время как модели других поверхностей, в условиях отсутствия качественной фиксации культурного слоя, в значительной степени гипотетичны. Для большей части исследуемой усадьбы культурные напластования не отображались графически, а лишь описывались в полевых дневниках и отчетах, поэтому наибо-

лее достоверно по текстовому описанию устанавливается только расположение ярких угольных прослоек. Соотнесение их со следами пожаров на срубах позволило в общих чертах реконструировать поверхность гибели строительного яруса.

Таким образом, в рамках данного исследования рассматриваются древнейшие напластования, сооружения и вещевой комплекс усадьбы «Д-2» с момента появления здесь следов хозяйственной активности человека до первого пожара конца X в.

Застройка усадьбы «Д-2»

Ранние усадьбы Неревского конца располагались на пологонаклонной равнине озерно-ледникового происхождения, имеющей спуск в направлении р. Волхов (Гринев, 2019. С. 14). На территории усадьбы «Д-2» наклон составлял в среднем около $1^{\circ}20'$, однако к северо-востоку его угол постепенно увеличивался (рис. 2, А).

Восточную границу владения определял часток из небольших бревен или жердей диаметром до 10 см. Ограда сохранилась очень фрагментарно и представлена тремя небольшими участками по 0,5, 1,0 и 4,0 м.

На усадьбе «Д-2» в слоях второй половины X в. располагались три постройки (рис. 2, А). В центральной части участка, в 20 м к северу от Кузьмодемьянской улицы, находилось сооружение Д26Б, представлявшее собой четырехугольный в плане сруб размерами около $5,0 \times 5,7$ м. Сохранность постройки была очень плохой, от нее остались лишь два обломка бревен западной стены длиной 2,3 и 1,0 м, тонкое бревно южной стены длиной 5,7 м и три небольшие доски, уложенные перед южной стеной. Сверху сооружение было перекрыто угольным слоем (Арциховский, Колчин, 1962. Л. 146–147, 149).

В четырех метрах к югу от сруба располагалась конструкция из десяти уложенных плотно друг к другу тонких бревен длиной около 2,8 м, ориентированных с севера на юг. Видимо, это была дворовая вымостка перед сооружением Д26Б.

В 6 м к северу от сруба Д26Б находилась постройка Д26В, представлявшая собой рубленный в обло прямоугольный сруб размерами $4,5 \times 3,5$ м с примыкающим с юга крыльцом-площадкой. От основной камеры сохранились стены, сложенные из бревен диаметром 0,22 м, и три врубленные

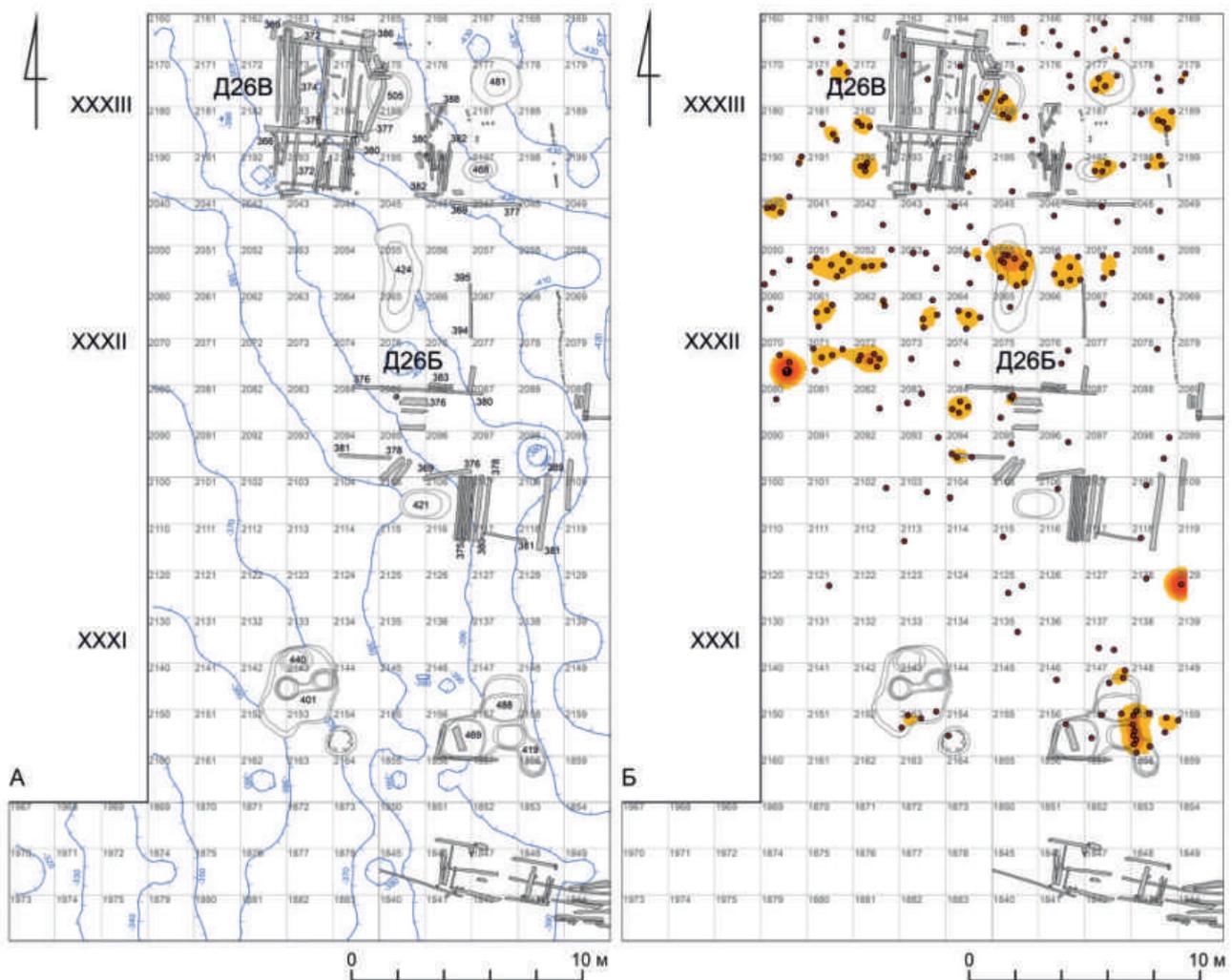

Рис. 2. Усадьба «Д-2» во второй половине X в.: А — палеорельеф и застройка усадьбы во второй половине X в., Б — план распределения индивидуальных находок с указанием ядер наибольшей их концентрации в радиусе 1 м
 Fig. 2. Property “D-2”: A — palaeorelief and layout of the property in the second half of the 10th century, B — plan of the distribution of individual finds with indication of the spots of their utmost abundance within the radius of 1 m

насквозь переводины пола, ориентированные с севера на юг. Привходная конструкция, ограниченная выпусками боковых бревен основной камеры, имела размер 3,2 × 2,2 м и состояла из двух лаг, поверх которых были положены доски шириной до 0,2 м (Арциховский и др., 1963. Л. 63). По-видимому, данная постройка принадлежала к числу хозяйственных (Фараджева, 2015. С. 131).

В 3,4 м к востоку от сруба Д26В, рядом с частоколом, был обнаружен развал из нескольких бревен, образующих конструкцию с прямым углом в юго-западной части. Под ним была зафиксирована обширная прослойка глины площадью более 20 кв. м, которая могла служить фундаментной

площадкой. Внутреннее пространство сооружения было заполнено слоем навоза мощностью до 5 см, при этом бревна в восточной части явно ограничивали его распространение (Арциховский и др., 1963. Л. 43). Возможно, здесь могла располагаться еще одна хозяйственная постройка, разобранная в конце X в.

Сооружения в северной части усадьбы располагались не на предматерике, а на тонкой прослойке плотной темно-коричневой земли. Сверху они были перекрыты горелым слоем, который, видимо, синхронен угольной прослойке поверх сруба Д26В и остальным следам пожара из нижних пластов раскопов XXXI и XXXII (Арциховский и др., 1963. Л. 40–43).

**Вещевой комплекс усадьбы «Д-2»
второй половины X в.**

К древнейшему ярусу усадьбы «Д-2» отнесено 240 предметов из различных традиционных для Новгорода материалов: дерева (80 экз.), железа (41 экз.), стекла (40 экз.), камня (32 экз.), кости и рога (17 экз.), цветного металла (7 экз.), глины (5 экз.) и пр. (18 экз.) (рис. 2, Б). Чтобы отразить особенности хозяйственной деятельности на усадьбе, все находки были разделены на несколько функциональных групп: домашняя утварь, хозяйственный инвентарь, запорные системы, инструменты прядения и ткачества, рыболовный инвентарь и пр. Подобный подход успешно применялся для анализа обширных и разнородных коллекций из раскопок средневековых городов, в том числе Новгорода (Петров, 2017. С. 171–186).

Домашняя утварь включает в себя находки, связанные с приготовлением, хранением и потреблением пищи. К их числу относятся следующие подгруппы предметов.

Столовая посуда представлена небольшим числом находок: деревянной резной чашей с полукруглой орнаментированной ручкой (рис. 3, 3), обломком деревянного точеного (?) сосуда (рис. 3, 2), двумя резными ковшами, один из которых был украшен головой зверя (рис. 3, 10), черпаком (рис. 3, 9) и обломком деревянной ложки (рис. 3, 4).

Особого внимания заслуживает обломок резной чаши с орнаментом (рис. 3, 3), от которой сохранились часть стенки и ручка. Чаши такого типа изготавливались из березового капа и были найдены на поселениях и в погребениях лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии (Колчин, 1968. С. 44–46; Давидан, 1995. С. 163). Декоративный элемент на нижней стороне рукоятки изображает узел, перехватывающий две зеркально отраженные растительнообразные петли. Подобные узлы являются характерной чертой распространенного в середине IX — второй половине X в. стиля Борре и встречаются на многих предметах североευропейского облика (Petersen, 1928. S. 184, fig. 227; Wilson, Klindt-Jensen, 1980. Pl. XXVII; Каргер, 1958. С. 189, рис. 36; Хвоцинская, 2017. С. 43, рис. 6, 5). Чаша Неревского раскопа является единственным в Новгороде деревянным предметом, орнаментированным подобным образом. Морфологически близкий декор известен также на серебряной оковке чаши, происходящей из камерного погребения 6 (вторая половина X в.)

Старовознесенского некрополя в Пскове (Ершова, 2015. С. 268, 294, рис. 3а).

Из *кухонных принадлежностей* на усадьбе «Д-2» найдены только две деревянные мутовки (рис. 3, 1).

Бондарная тара характеризуется традиционным набором вещей, в который входят бондарные днища (2 экз.), крышка от бочки, деревянный обод, затычки от бочки (2 экз.) и железная дужка ведра.

Берестяная тара представлена четырьмя днищами туесов и стенкой сосуда.

Практически все предметы домашней утвари располагались рядом с постройками Д26Б и Д26В. Вблизи центральной постройки усадьбы были найдены обломок резной чаши, черпак и большая часть донцев туесов (рис. 4, А).

Хозяйственный инвентарь включает в себя различные орудия труда универсального и специального характера, а также предметы широкого спектра применения, используемые в быту.

Среди *универсальных деревянных орудий труда* на усадьбе «Д-2» найдены деревянные лопаты (2 экз.), цилиндрическая рукоять с отверстием в центре, чекмарь и конопатка (?) для уплотнения щелей. К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* относятся железные кольца (2 экз.) и железный пробой с кольцом (рис. 5, 9–10).

Орудия для обработки прядильных растений представлены только деревянным чесалом.

Из остальных предметов этой функциональной группы найдены деревянное коромысло, деревянное кольцо для петли лассо (рис. 3, 5) и два деревянных клина для раскалывания бревен.

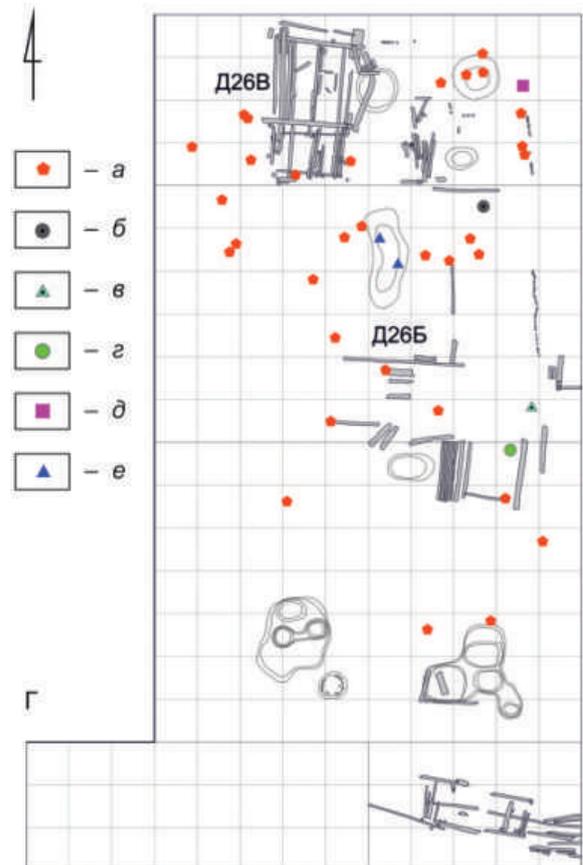
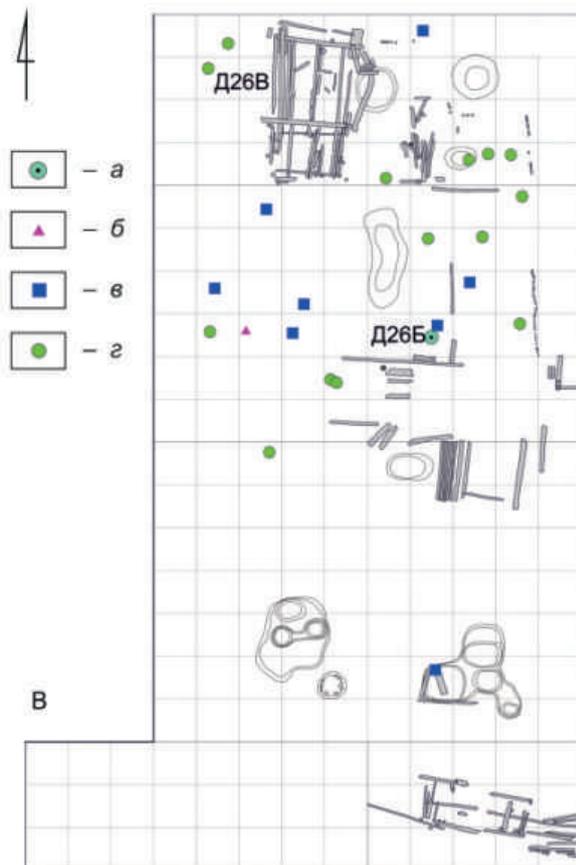
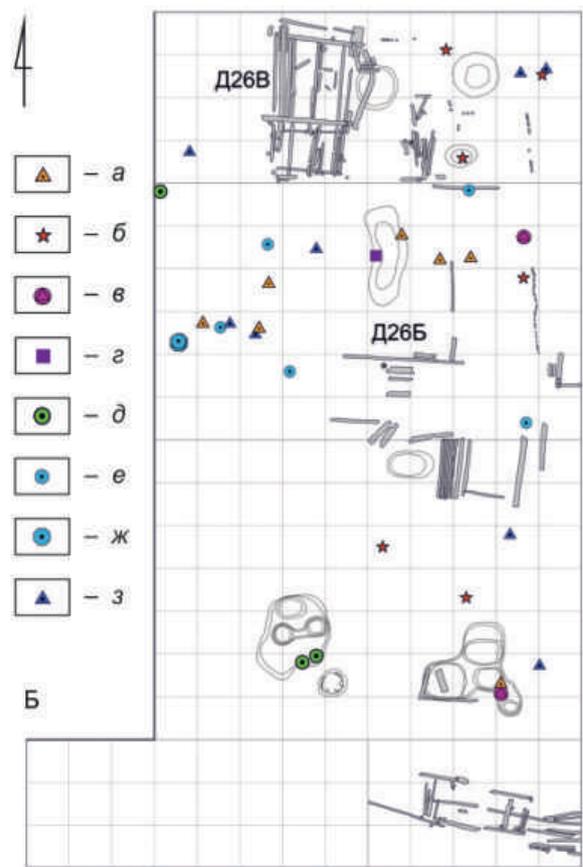
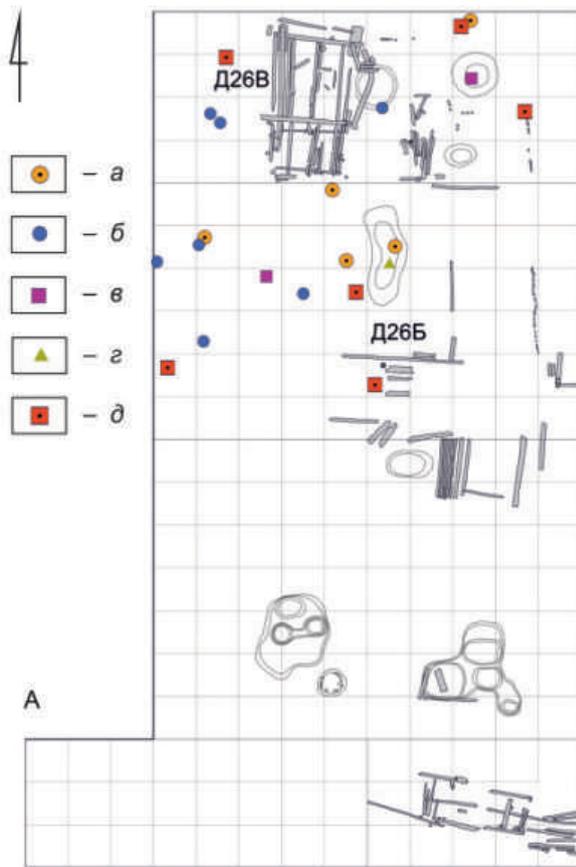
Универсальный инструментарий. Эта категория находок представлена традиционным набором предметов, включающим железные ножи с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку (6 экз.; рис. 5, 1–4), деревянную рукоять с обломком ножа (рис. 5, 5), пружинные ножницы (2 экз.; рис. 5, 8) и шилья с острием круглого сечения (3 экз.; рис. 5, 6, 7). Среди *инструментов для заточки* здесь встречены только призматические точильные бруски (7 экз.).

Запорные системы. На усадьбе «Д-2» найдено два железных ключа типа А от деревянных нутряных замков (рис. 5, 12), характерной особенностью которых является коленчатая форма и наличие зубьев на конце (Колчин, 1959. С. 86; Кудрявцев, 2014. С. 16–17). Оба предмета были

Рис. 3. Деревянные изделия усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1 — мутовка (30-2062); 2 — чаша точеная (31-2080); 3 — чаша резная (30-2064); 4 — ложка (31-2099); 5 — петля для лассо (31-2192); 6, 7 — поплавки деревянные (31-2190, 31-2159); 8 — бирка счетная (30-2055); 9 — черпак (31-2085); 10 — ковш с зооморфной рукоятью (32-2188). 1-10 — дерево. Масштаб: а — для 1-5, б — для 6-8, в — для 9-10

Fig. 3 Wooden objects from property “Д-2” of the second half of the 10th century: 1 — churn staff (30-2062); 2 — chiselled bowl (31-2080); 3 — carved bowl (30-2064); 4 — spoon (31-2099); 5 — loop for a lasso (31-2192); 6, 7 — wooden fishing floats (31-2190, 31-2159); 8 — counting tag (30-2055). 1-8 — wood. Scale: а — for 1-5, б — for 6-8, в — for 9-10

обнаружены в южной части двора рядом с Кузьмодемьянской улицей.

Крепежи. К средствам крепежа на усадьбе «Д-2» относятся железные гвозди (8 экз.), скобы (2 экз.) и небольшая железная заклепка с шайбой ромбовидной формы.

Приспособления для обработки цветных металлов. К предметам этой функциональной группы относится глиняная плоскодонная льячка с боковой втулкой для вставки деревянного стержня (рис. 5, 11). Подобные льячки использовались для плавки свинца, олова и их сплавов, поскольку тесто сосудов не предназначалось для воздействия более высоких температур, а в самих льячках были обнаружены следы этих металлов (Ениосова, Ререн, 2011. С. 249). Также рядом со срубом Д26Б был найден обломок медной проволоки, которую могли использовать в качестве сырья в ювелирном производстве.

Инструменты прядения и ткачества. В древнейших отложениях усадьбы «Д-2» обнаружены одно деревянное веретено и 14 пряслиц, среди которых были встречены традиционные для Новгорода битрапещиевидные пряслица из розового пиррофиллита (11 экз., рис. 6, 8–13) и три пряслица из глины. Среди глиняных пряслиц два отличаются более плотной структурой теста и имеют форму, близкую к конусовидной, с выраженным ребром у основания (рис. 6, 14, 15). Конусовидные и морфологически близки к ним пряслица не являются характерными для материальной культуры древнерусских поселений, но широко встречаются в Швеции, Норвегии и Дании, где составляют большую часть коллекций (Andersson, 2003. P. 73–76, 118–121; Blomqvist, Mårtensson, 1963. S. 173; Deutgen, 1990. S. 112–113, fig. 2; Øye, 2011. P. 341–345). На поселениях южного побережья Балтийского моря, связанных

со скандинавским присутствием, конусовидные глиняные пряслица известны в очень небольшом количестве (Janowski, 2019. P. 295, 298, fig. 118; Hertrampf, 2005. S. 33, 40–41). По-видимому, конусовидные пряслица, найденные на усадьбе «Д-2», следует в той или иной степени связывать с северо-европейским влиянием.

Среди ткацких орудий на усадьбе обнаружены классические костяные проколки (8 экз., рис. 6, 1–7), которые, по мнению ряда исследователей, использовались для подбивания нитей утка к нитям основы во время работы на вертикальном ткацком станке (Смирнова, 2000. С. 240). Вместе с тем не отрицается возможность полифункционального использования этих предметов (Wywrot-Wyszowska, 2019. P. 167–169). Кроме того, на усадьбе обнаружена железная игла, характеризующая швейные принадлежности (рис. 7, 16).

В пространственном отношении больше половины инструментов прядения и ткачества были найдены в связи с постройкой Д26Б, в то время как рядом с хозяйственным сооружением Д26В были встречены лишь отдельные пряслица (3 экз.) и проколка. Еще небольшое скопление пряслиц (4 экз.) отмечено у развала постройки в северо-восточной части усадьбы (рис. 4, В).

Рыболовный инвентарь на усадьбе «Д-2» представлен только средствами сетевого лова, к которым относятся каменные грузила (5 экз.), заготовки каменных грузил (8 экз.), деревянные поплавки (8 экз.) и берестяной поплавок (1 экз.). Информация о большей части каменных грузил и поплавков утрачена, известно только, что два поплавка (рис. 3, 6, 7) имели полукруглую форму с двумя отверстиями на концах и использовались для крупных отцеживающих сетей (Колчин, 1968. С. 22). Основная часть принадлежностей для

Рис. 4. Пространственное распределение находок по функциональным группам на усадьбе «Д-2» во второй половине X в.: А — домашняя утварь (а — берестяная тара, б — бондарная тара, в — кухонная утварь, г — прочее, д — столовая посуда); Б — инструменты (а — брусок точильный, б — нож, в — ножницы, г — рукоять, д — шило; е — грузило, ж — заготовка грузила, з — поплавок); В — прядение и ткачество (а — веретено, б — игла, в — проколка, г — пряслице); Г — украшения и детали костюма (а — бусина, б — привеска-дирхем, в — цепочка, г — бубенчик, д — пряжка, е — фибула)

Fig. 4. Spatial distribution of finds through functional groups at urban property “Д-2” in the second half of the 10th century: А — domestic utensils (а — birchbark containers, б — cooperage, в — kitchen utensils, г — other objects, д — tableware); Б — all-purpose tools and fishing inventory (а — whetstone, б — knife, в — scissors, г — handle, д — awl, е — sinker, ж — blank for a sinker, з — float); В — tools for spinning and weaving (а — spindle, б — needle, в — borer, г — spindle-whorl); Г — ornaments from glass and metal and costume details (а — bead, б — dirham-pendant, в — small chain, г — small bell, д — clasp, е — fibula)

рыбной ловли была найдена у западной стены постройки Д26Б (рис. 4, Б).

Вооружение. К этой категории предметов на усадьбе «Д-2» относится только целая роговая гирька кистеня с железным стержнем и ушком для подвешивания (рис. 7, 31), принадлежащая к типу I по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1966. С. 59).

Украшения из стекла. На усадьбе «Д-2» в слое второй половины X в. найдены 40 стеклянная бусина, среди которых встречаются как бусы, выполненные в технике тянутой трубочки, являющиеся наиболее распространенными в это время (*Львова*, 1968. С. 82–90), так и бусы в технике навивки.

Бусины из тянутой трубочки традиционно для X в. преобладают (26 экз.). К ним относятся одночастные бусины и многочастные пронизки с декором и без. Многочастные пронизки без декора представлены двухчастными лимоновидными пронизками синего стекла (3 экз.; рис. 7, 16) и желтой двухчастной пронизкой (рис. 7, 5). Из пронизок с декором найдена продольно-полосатая двухчастная пронизка белого стекла с черными накладными нитями.

Среди одночастных бус без декора больше всего встречено лимоновидных бус синего полупрозрачного стекла (7 экз.; рис. 7, 16), составляющих один комплекс с описанными выше синими пронизками. Кроме них найдены лимоновидные бусы желтого стекла (4 экз.; рис. 7, 4, 7) и ребристая лимоновидная желтая бусина (рис. 7, 3). Декорированные одночастные бусы представлены обломком продольно-полосатой лимоновидной желтой бусины с нитями красного стекла (рис. 7, 2).

Кроме того, было обнаружено девять рублевых желтых бисерин (рис. 7, 8–14), что составляет почти четверть от всех стеклянных украшений, найденных на усадьбе.

Навитые бусы без декора встречены в сравнительно небольшом количестве. К ним относятся зонные бусы из прозрачного синего стекла (рис. 7, 17–19), зонная бусина бордового стекла, таблетковидная бусина голубого непрозрачного стекла (рис. 7, 15) и желтая цилиндрическая бусина.

Декорированные навитые бусы представлены двумя золотостеклянными битрапецевидными бусинами (рис. 7, 6), шаровидной черной бусиной с поперечным пояском красного стекла²

и цилиндрической бусиной из желтого с включениями светло-коричневого непрозрачного стекла, украшенной волнистой нитью светло-зеленого стекла по центру и прямыми нитями такого же стекла по краям (рис. 7, 1).

Последняя вещь заслуживает особого внимания. Типологически близкие бусины со схожей орнаментацией являются характерной находкой для Скандинавии (типы В021О, В308О, В615ST-О по Ю. Кальмеру), где основное время их бытования приходилось на вторую половину IX — первую половину X в. (*Callmer*, 1977. Р. 83). В более позднее время эти украшения встречались единично. По мнению Ю. Кальмера, немногочисленные цилиндрические бусы с волнистым орнаментом, изготовленные из желтого непрозрачного стекла, являлись результатом неудачной окраски, и по этой причине он не стал выделять их в отдельный тип. Однако все известные в Новгороде бусины этого вида, обнаруженные на Троицком и Неревском раскопах, изготовлены именно из желтого непрозрачного стекла, что заставляет критически подойти к выводам Ю. Кальмера. Присутствие в синхронных культурных отложениях цилиндрической бусины с волнистым орнаментом и золотостеклянных навитых бус, начало бытования которых приходится на рубеж X–XI вв. (*Седых, Френкель*, 2012. С. 312–315), свидетельствует либо о более длительном бытовании первых на Северо-Западе Руси, либо о сильной спрессованности напластований второй половины X в. на усадьбе «Д-2» и возможном более раннем ее освоении.

Еще четыре бусины не удалось отнести к какой-либо категории либо по причине плохой сохранности (рис. 7, 20), либо из-за отсутствия информации о них в источниках.

Украшения из металла. Рядом со срубом Д26Б были найдены обрывок бронзовой цепочки и привеска-дирхем с приклепанным ушком, использовавшаяся в качестве нагрудного украшения (рис. 7, 27). Исследование химического состава монеты показало, что она была отлита из свинцово-оловянного сплава с примесями и в ней не было обнаружено серебра. Таким образом, этот дирхем относится к числу фальшивых, как и остальные отдельные монеты Неревского раскопа (*Гомзин, Гайдуков*, 2019. С. 405).

Детали костюма. Эта группа предметов включает в себя следующие находки: подковообразную латунную фибулу с гвоздевидными

² Точный тип бусины установить невозможно, поскольку она представлена только некачественным карандашным рисунком в дневнике находок за 1962 г.

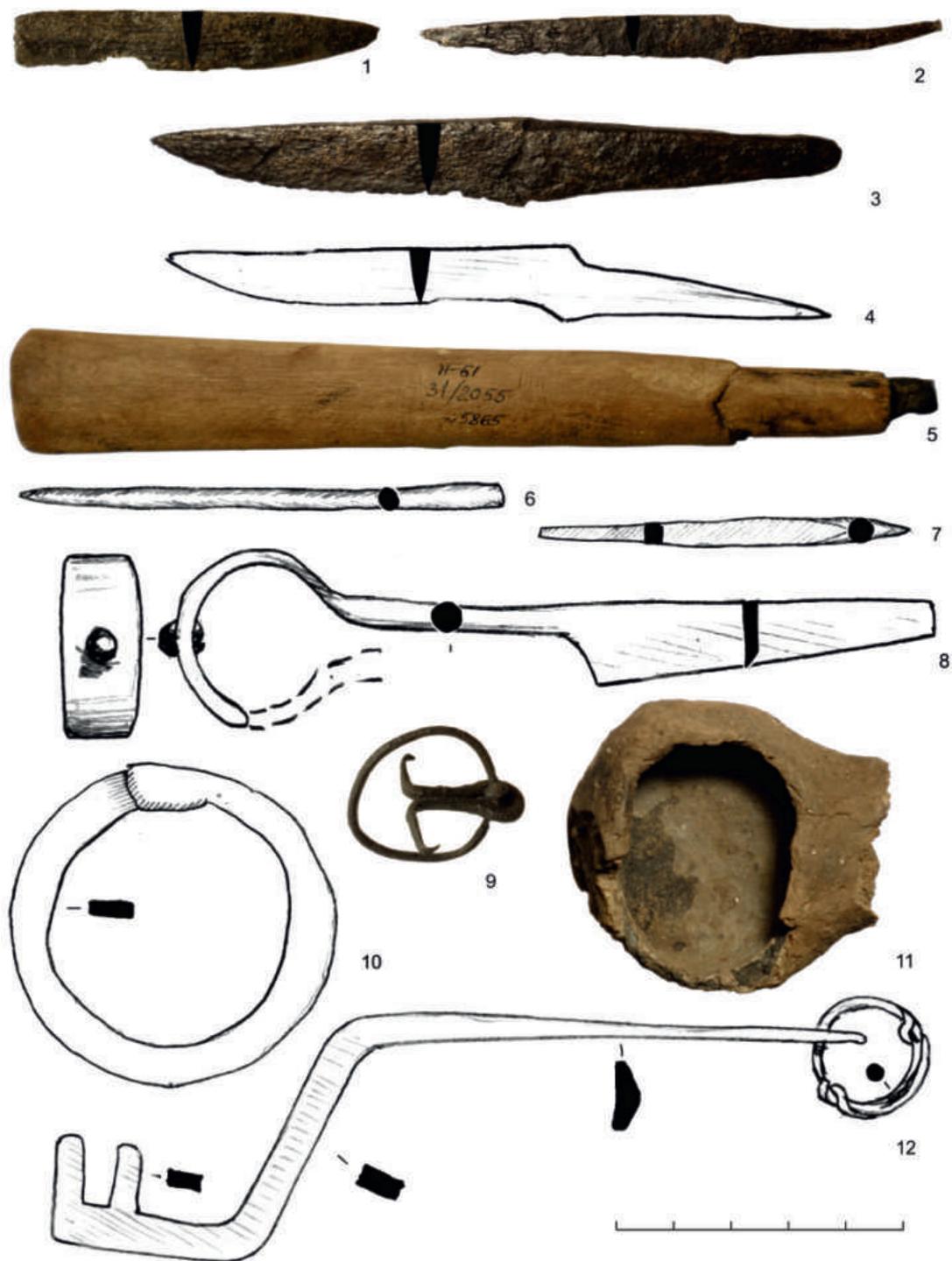

Рис. 5. Универсальный инструментарий, хозяйственный инвентарь и запорные системы усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1-4 — ножи (32-2166, 32-2179, 32-2197 (яма), 31-2137); 5 — рукоять с обломком ножа (31-2055); 6-7 — шилья (31-2153, 31-2040); 8 — ножницы (31-2158); 9 — пробой с кольцом (30-2046), 10 — кольцо (31-2056); 11 — льячка (31-2125); 12 — ключ (31-2147). 1-4, 6-10, 12 — железо; 5 — дерево, железо; 11 — глина

Fig. 5. All-purpose instruments, household inventory and locking appliances from property “Д-2” of the second half of the 10th century: 1-4 — knives (32-2166, 32-2179, 32-2197 (pit), 31-2137); 5 — grip with a knife fragment (31-2055); 6-7 — awls (31-2153, 31-2040); 8 — scissors (31-2158); 9 — punch with a ring (30-2046), 10 — ring (31-2056); 11 — casting ladle (31-2125); 12 — key (31-2147). 1-4, 6-10, 12 — iron; 5 — wood, iron; 11 — clay

Рис. 6. Инструменты прядения и ткачества и предметы культа усадьбы «Д-2» второй половины X в.:

1-7 — проколки (31-2067, 31-2063, 31-2061, 31-2076, 30-2156, 31-2042, 31-2166); 8-13 — пряслица битрапезиевидные (31-2055, 31-2048, 31-2057, 31-2171, 31-2198, 31-2078); 14, 15 — пряслица конусовидные (31-2109, 30-2084); 16 — игла (31-202); 17 — тесло (31-2188). 1-7 — кость; 8-13 — розовый пиррофиллит; 14-15 — глина; 16 — железо; 17 — сланец

Fig. 6. Spinning and weaving tools and religious objects from property “Д-2” of the second half of the 10th century: 1-7 — borers (31-2067, 31-2063, 31-2061, 31-2076, 30-2156, 31-2042, 31-2166); 8-13 — bi-trapezoid spindle whorls (31-2055, 31-2048, 31-2057, 31-2171, 31-2198, 31-2078); 14, 15 — cone-shaped spindle whorls (31-2109, 30-2084); 16 — needle (31-202); 17 — adze (31-2188). 1-7 — bone; 8-13 — pink pyrophyllite; 14, 15 — clay; 16 — iron; 17 — chert

Рис. 7. Украшения, детали костюма, предметы личного пользования и инструменты взвешивания усадьбы «Д-2» второй половины X в.: 1-20 — бусы (31-2146, 32-2193, 30-2063, 31-2056, 31-2051, 31-2178, 30-2051, 31-2177, 31-2198, 31-2198, 30-31-2136, 31-2056, 33-2188, 31-2044, 31-2096, 31-2129, 31-2041, 31-2054, 31-2129, 31-2129); 21 — раковина каури (33-2167); 22-26 — гребни (31-2053, 30-2070, 31-2055, 31-2106, 31-2165); 27 — привеска-дирхем (31-2047); 28 — фибула подковообразная с гвоздевидными головками (31-2055); 29 — бубенчик (яма — 2108); 30 — гирька бочонковидная (31-2197); 31 — гирька кистеня (30-2094). 1-20 — стекло; 21 — раковина моллюска; 22-26 — рог; 27 — латунь; 28 — бронза; 29 — железо, бронза; 30 — рог, железо; 31 — свинцово-оловянный сплав

Fig. 7. Ornaments, details of costume, items of personal use and weighing instruments from property "Д-2" of the second half of the 10th century: 1-20 — beads (31-2146, 32-2193, 30-2063, 31-2056, 31-2051, 31-2178, 30-2051, 31-2177, 31-2198, 31-2198, 30-31-2136, 31-2056, 33-2188, 31-2044, 31-2096, 31-2129 (10 items), 31-2041, 31-2054, 31-2129, 31-2129); 21 — cowry shell (33-2167); 22-26 — combs (31-2053, 30-2070, 31-2055, 31-2106, 31-2165); 27 — dirham-pendant (31-2047); 28 — horseshoe brooch with nail-shaped finials (31-2055); 29 — little bell (pit — 2108); 30 — barrel-shaped weight (31-2197); 31 — striking head of a war-flail (30-2094). 1-20 — glass; 21 — mollusc shell; 22-26 — horn; 27 — brass; 28 — bronze; 29 — iron, bronze; 30 — horn, iron; 31 — lead-tin alloy

головками (рис. 7, 28), иглу подковообразной фибулы, грушевидный бубенчик (с крестовидной прорезью (?); рис. 7, 29) и язычок поясной пряжки. Рядом с постройкой Д26Б были найдены только фибула и язычок пряжки, а остальные предметы происходят с окраины усадьбы (рис. 4, Г).

Предметы личного пользования. Гребни из рога обнаружены на усадьбе «Д-2» в пяти экземплярах. Три из них относятся к типу В-2 по К. Амброзиани (*Ambrosiani*, 1984. S. 164–165), особенностью которого является орнамент из вертикальных линий и небольшие выступы на краях накладок (рис. 7, 22–24). Еще два гребня были орнаментированы циркульным орнаментом (тип В-3 по К. Амброзиани, *Ibid.* S. 164–165), причем на одном из них центральные части пластин были украшены двумя рядами концентрических кружков (рис. 7, 25), а на втором ряд кружков располагался вдоль верхнего края накладки и был заключен в рамку (рис. 7, 26).

Футляры гребней представлены здесь всего одним экземпляром с накладками, украшенными комбинацией из циркульного орнамента в центре и вертикальных линий на краях.

К **инструментам взвешивания** на усадьбе относится обтянутая медью железная бочонковидная гирилка весом 34,34 г, маркированная пятью кружками с соединительными линиями (рис. 7, 30).

Средства учета. Внутри сруба Д26Б была найдена деревянная счетная бирка, на которой сохранилось 27 зарубок, конец бирки обломан (рис. 3, 8).

Среди **предметов культа** на усадьбе «Д-2» обнаружено сланцевое тесло эпохи неолита — раннего металла (рис. 6, 17), вероятно, использовавшееся древними новгородцами в лечебной магии и для отпугивания духов (*Тянина*, 2008. С. 180–183).

Детали **транспортных средств** представлены санными копылами (4 экз.), зафиксированными преимущественно в южной части двора, рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Детские игрушки на усадьбе «Д-2» очень малочисленны. К ним относятся рукоять деревянного игрушечного меча, деревянная фигурка и волчок.

Из **элементов интерьера** в южной части двора найден деревянный подвесной крюк.

Предметы за пределами функциональных групп. Значительная часть предметов (56 ед., 23,3 %) не может быть отнесена к каким-то

функциональным группам по причине их невыясненного назначения, плохой сохранности или фрагментарности. Такие предметы для удобства описания были разделены по материалу, из которого изготовлены.

Различные **предметы из дерева** включают в себя деревянные поделки неопределенного назначения (33 экз.), детали средних размеров (3 экз.), обруч, фрагмент плетеного из прутьев изделия и деревянную застежку.

К **предметам из металла** относятся различные неопределимые предметы из железа (8 экз.), пластина, железный крюк и втулка от неопределенного инструмента.

К **прочим находкам** принадлежат обрывки веревок (3 экз.), раковина каури (рис. 7, 21), раковина *unio* и неопределенная костяная поделка.

Распространение массового материала

Применявшаяся на Неревском раскопе поквадратная фиксация массового материала стала незаменимым источником для изучения зон хозяйственной активности. Для древнейшего яруса усадьбы «Д-2» было рассчитано и отражено графически содержание обломков костей и глиняной посуды каждого квадрата раскопов XXXI–XXXIII (рис. 8).

Керамика (рис. 8, А). Для слоев второй половины X в. отмечаются следующие особенности распространения керамики. На большей части владения обломки посуды встречены в небольшом количестве (от 0 до 20 экз.). Основными зонами их низкой концентрации являются юго-западная часть усадьбы (вероятно, въезд), окрестности постройки Д26В и пространство между восточной стенкой постройки Д26Б и усадебным частоколом. Рядом с центральным сооружением усадьбы и в юго-восточной части владения количество обломков битой посуды увеличивается (от 40 до 100), при этом в юго-западном и северо-восточном углах сруба фиксируются отдельные скопления. Также повышенное содержание керамики отмечено к западу от постройки. В северо-восточной части усадьбы рядом с развалом бревен и частоколом наблюдается наибольшее число обломков горшков (около 40–100), а внутри предполагаемой хозяйственной постройки их концентрация достигает 200–260 шт. на квадрат.

Кости (рис. 8, Б). Распределение обломков костей в целом совпадает с распределением

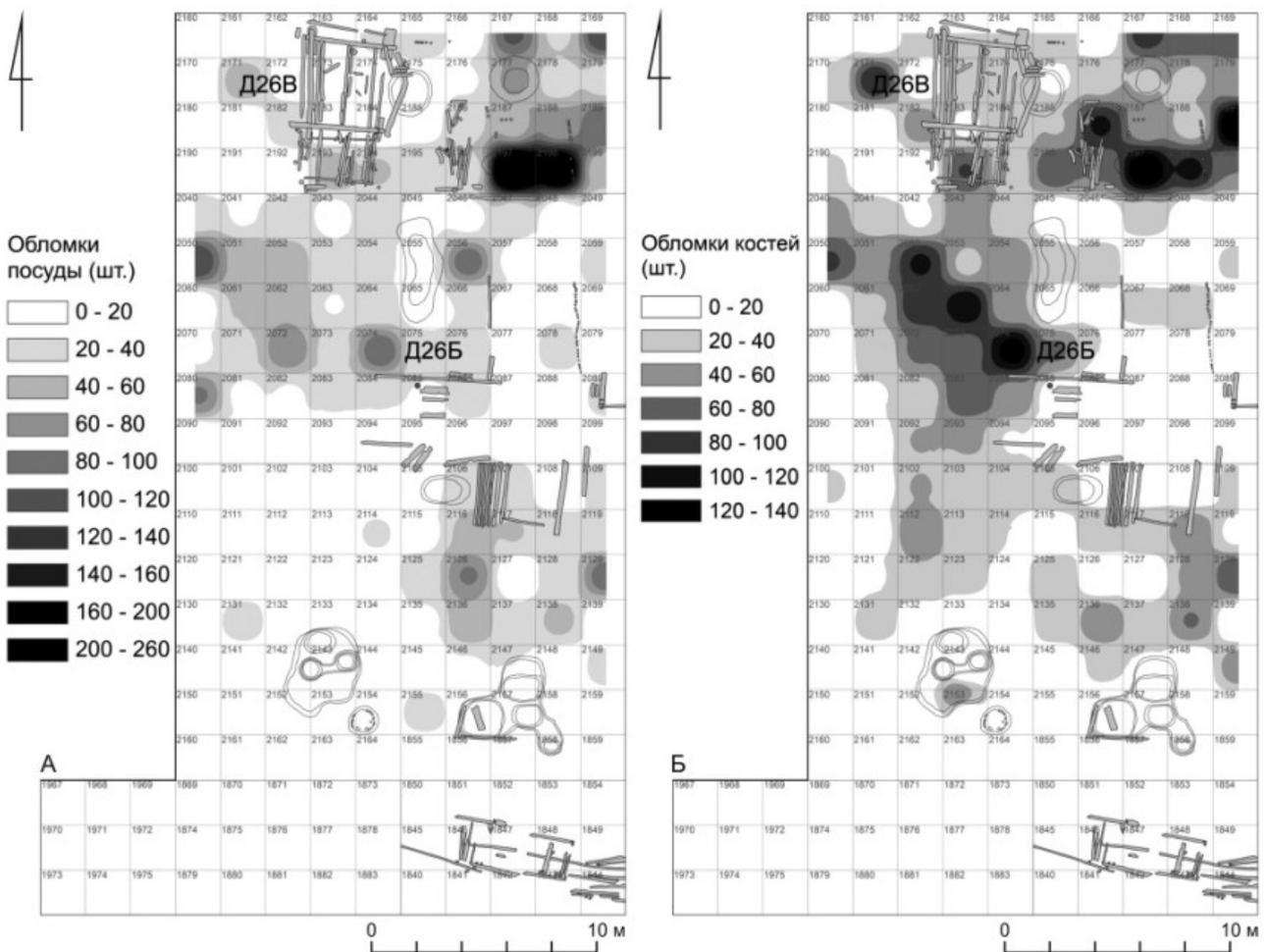

Рис. 8. Пространственное распределение массового материала на усадьбе «Д-2» во второй половине X в.:
 А — керамика; Б — кости

Fig. 8. Spatial distribution of mass finds from property “D-2” of the second half of the 10th century:
 A — pottery; B — bones

керамики. Низкая их концентрация связана с юго-западной и восточной частями владения, а также с участками около сруба Д26В. К западу от постройки Д26Б и в юго-западном ее углу содержание костей значительно увеличивается и достигает 100–140 обломков на квадрат. Такая же высокая концентрация фиксируется и в северо-восточной части владения, там же, где отмечалось повышенное скопление обломков посуды.

Общая характеристика усадьбы «Д-2» во второй половине X в.

Комплексный анализ материалов древнейшего яруса усадьбы «Д-2» позволяет обозначить основные аспекты жизни населявших ее людей и ответить на ряд существенных вопросов. Одним из них является вопрос о времени освоения этого

участка. Заселение территории к западу от усадьбы «Д» (рис. 1) произошло в третьей четверти X в., возможно в 960-е гг., о чем свидетельствует, с одной стороны, определенная концентрация лепной керамики в этой части Неревского конца (Смирнова, 1976. С. 4; Плохов, 2009. С. 429) и попадание ранних типов бус, а с другой — наличие в этих же слоях навитых золотостеклянных бус, появившихся в Древней Руси только с конца X в.

В древнейшем ярусе усадьбы «Д-2» зафиксированы три постройки, располагавшиеся в центральной части владения и на ее периферии. Сооружение средних размеров Д26Б являлось основным на усадьбе. С ним связан набор предметов, характерный и для других жилых комплексов X в.: находки столовой посуды, глиняные и шиферные пряслица, костяные проколки,

украшения из стекла и металла, бронзовая фибула, гребни и инструменты. Внутри сруба, особенно в юго-западном углу, фиксируются отдельные скопления костей и керамики, которые, вероятно, маркируют кухонную зону. Снаружи постройки, вдоль ее западной стены, также отмечено много битой посуды и обломков костей, обозначающих, по-видимому, место утилизации бытовых отходов.

В 6 м к северу находился хозяйственный сруб Д26В с крыльцом-площадкой. Внутри постройки практически не было встречено индивидуальных находок и отсутствовали скопления массового материала (за исключением крыльца). Отдельные хозяйственные принадлежности, детали бондарной тары, деревянные поделки, пряслица и бусы были найдены вокруг сооружения. По-видимому, данная постройка не предполагала постоянного присутствия людей и использовалась как место хранения.

В 3,4 м к востоку от сруба Д26В был обнаружен развал из нескольких бревен на глиняной подушке, ограничивающих тонкую прослойку навоза. Внутри конструкции было встречено небольшое количество находок (отметим только несколько пряслиц), но вместе с тем здесь фиксировалось наибольшее скопление массового материала. По-видимому, на этом месте располагалась хозяйственная постройка, которая была разобрана в конце X в.

Пространственное распределение находок по территории усадьбы демонстрирует высокую плотность предметов в северной половине двора и низкую — в южной, а также отчетливо различает жилую и хозяйственную зоны усадьбы. В целом вещевая коллекция усадьбы «Д-2» довольно типична и не имеет ярко выраженных особенностей. Анализ материальной культуры свидетельствует о том, что здесь проживала семья из нескольких человек, в состав которой входили мужчины, женщины и дети. Круг их занятий включал различные домашние ремесла, изготовление тканей, рыбную ловлю и пр. Обращает на себя внимание отсутствие ярких предметов вооружения, снаряжения коня и всадника и престижных импортов, характерных для ряда других усадеб Неревского конца этого времени («Б», «Е», «К» и др.). В то же время следует отметить находки, связанные со скандинавскими древностями, а именно редкие для Северо-Запада Руси конусовидные глиняные пряслица, чашу, орнаментированную узлом в стиле Борре, и бочонковидную бусину желтого стекла с волнистым орнаментом.

В конце X в. на усадьбе «Д-2» произошел пожар, обширный слой которого перекрыл обе постройки, и Д26Б, и Д26В. Видимо, он являлся частью большого пожара, отмеченного на остальной площади Неревского раскопа (Гринев, 2019. С. 25–26).

Арциховский и др., 1963 — Арциховский А. В., Колчин Б. А., Янин В. Л., Авдусина Г. А. Отчет о раскопках Новгородской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Московского государственного университета в 1962 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 2542. 1963.

Арциховский, Колчин, 1962 — Арциховский А. В., Колчин Б. А. Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции в 1961 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 2381. 1962.

Гомзин, Гайдуков, 2019 — Гомзин А. А., Гайдуков П. Г. Куфические монеты Неревского раскопа и новые свидетельства фальшивомонетчества в Новгороде // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 402–410.

Гринев, 2019 — Гринев А. М. Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Неревского раскопа): Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.06 — Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2019. 28 с.

Давидан, 1995 — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi

(из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. СПб.: ФАРН, 1995. Вып. 9. С. 156–167.

Ениосова, Ререн, 2011 — Ениосова Н. В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3: Материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» / Под ред. Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: Печатный двор «Великий Новгород», 2011. С. 243–254.

Ершова, 2015 — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: В 2 т. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 257–308.

Засурицев, 1963 — Засурицев П. И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 123). Т. 4. С. 6–126.

- Каргер*, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. I. 579 с.
- Кирпичников*, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. 146 с.
- Колчин*, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. 2. С. 7–120.
- Колчин*, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Вып. Е1-55). 178 с.
- Колчин*, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 62 с.
- Кудрявцев*, 2014 — *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИА РАН. М., 2014. 23 с.
- Львова*, 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi: Ч. I // АСГЭ. Л.: Советский художник, 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Петров*, 2009 — *Петров М. И.* Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23. С. 226–242.
- Петров*, 2012 — *Петров М. И.* Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 27–37.
- Петров*, 2016 — *Петров М. И.* Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа. (По материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде) // НИС. Вып. 16 (26). Великий Новгород: СПБИИ РАН, Новгородский ГУ, 2016. С. 68–102.
- Петров*, 2017 — *Петров М. И.* Анализ функциональных групп в археологии средневекового города: возможности применения и исследовательский потенциал // АиИПиПЗ. М., Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32(62). С. 171–186.
- Петров*, *Тарабардина*, 2020 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 134–151.
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева: Сб. ст. / Сост. А. Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 417–431.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седых*, *Френкель*, 2012 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерева: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения И. А. Тихомирова. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2012. С. 296–322.
- Смирнова*, 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова*, 2000 — *Смирнова Л. И.* Проколки (хронология и функциональное назначение) // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 7. С. 236–246.
- Тянина*, 2008 — *Тянина Е. А.* Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2008. Вып. 22. С. 172–184.
- Хвоцинская*, 2017 — *Хвоцинская Н. В.* Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг. // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 34–103.
- Хорошев*, 1997 — *Хорошев А. С.* Новгородские усадьбы X–XV вв. // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. Т. 2. С. 411–424.
- Фараджева*, 2015 — *Фараджева Н. Н.* Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // РА. 2015. № 4. С. 123–133.
- Ambrosiani*, 1984 — *Ambrosiani K.* Kämme // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1984. S. 161–176.
- Andersson*, 2003 — *Andersson E.* Tools for Textile Production from Birka and Hedeby. Birka Studies 8. Stockholm: Birka Project, 2003. 166 p.
- Blomqvist*, *Mårtensson*, 1963 — *Blomqvist R., Mårtensson A. W.* Vardagsliv i lerhyddor // Thulegrävningen 1961. En berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade. Archaeologica Lundensia II. Lund: Skånska Centraltryckeriet, 1963. S. 136–212.
- Callmer*, 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1977. 256 p.
- Deutgen*, 1990 — *Deutgen L.* Textilhantverk I — spinning och väving // Makt och Människor i Kungens

- Sigtuna. Sigtunautgrävningen 1988–90. Sigtuna: Sigtuna museer, 1990. S. 112–116.
- Janowski, 2019 — Janowski A. Clay Artefacts // Wolin — the Old Town. Vol. II Studies on Finds. Szczecin: IAE PAN, 2019. P. 291–322.
- Herrmann, 2005 — Herrman J. Ralswiek auf Rügen. Die Slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland. Teil III — Die Funde aus der Hauptsiedlung. Schwerin: Archäologisches Landesmuseum und Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommer, 2005. 262 s.
- Petersen, 1928 — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger Museum, 1928. 221 s.
- Wilson, Klindt-Jensen, 1980 — Wilson D., Klindt-Jensen O. Viking Art. London: George Alken and Unwin, 1980. 253 p.
- Wywrot-Wyszkowska, 2019 — Wywrot-Wyszkowska B. Antler, Bone, and Horn Artefacts // Wolin — the Old Town. Vol. II Studies on Finds. Szczecin: IAE PAN, 2019. P. 137–190.
- Øye, 2011 — Øye I. Textile-production Equipment // Things from the Town. Artefacts and Inhabitants in Viking-age Kaupang. Oslo: Museum of Cultural History, University of Oslo, 2011 (Kaupang Excavation Project Publication Series, Volume 3. Norske Oldfunn XXIV). P. 339–372.

Urban property “Д-2” at the Nerevsky Excavation site of the 10th century

A. M. Grinev

Archaeological investigations at the Nerevsky excavation of 1951–1962 have yielded a huge volume of materials of which the scientific analysis is continuing until now. Here, 17 mediaeval housing properties were discovered of which nine have been completely excavated. Property “Д-2” situated in the western section of the Nerevsky excavation site was the last investigated. The present study involves its cultural strata of the second half of the 10th century.

The occupation of property “Д-2” took place in the third quarter of the 10th century, possibly around the 960s, as is evidenced by finds of handmade pottery and certain early types of beads. In the earliest building horizon, three houses were uncovered of which the residential one was in the centre of the courtyard while at the periphery of the property there were two economic buildings (Fig. 2, 1). The family living here was probably composed of several persons including men, women and children.

Through the distribution of individual finds and mass artefacts over the area of the property, two zones are clearly distinguishable: a zone of economic activities in the north and a residential courtyard area in the south. The predominant number of the artefacts was concentrated in the northern section of the property (Fig. 2, 2, 9). The finds included diverse domestic utensils, household inventory, different tools, ornaments, items of personal use, religious objects, etc. Noteworthy is the absence of prestigious objects here, i.e. weapons, horse gear or imported ware. Evidently, the property was of quite an ordinary character during that period; its owners were occupied with diverse domestic trades, manufacture of textiles, fishing, etc. Also there are found a number of objects of everyday use belonging to North-European antiquities distinguishing this property against the background of the other ones.

In the end of the 10th century, a fire occurred at the property burying the earliest building horizon. Similar strata of fire were noted also at other properties of this period at the Nerevsky excavation.

Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. на территории Ярославова дворища

А. В. Андриенко, А. В. Шуреев, М. Н. Желтова¹

Аннотация. В статье рассматривается вещевой материал из нижнего горизонта культурных напластований Дворищенского раскопа 2013–2014 гг. на Ярославовом дворище в Великом Новгороде. На основании морфологического изучения предметов выделены три хронологические группы находок, относящиеся к средневековому периоду (X–XI вв.), раннему железному веку и эпохе раннего металла.

Annotation. This paper considers the archaeological artefacts from the lower horizon of cultural deposits of the site excavated in 2013–2014 at Yaroslavovo Dvorishche in Veliky Novgorod. On the basis of morphological examination of the finds, three chronological groups have been distinguished dating from the mediaeval period (10th–11th century), early Iron Age and the Early Metal Age.

Ключевые слова: Ярославово дворище, раскопки, керамика, кремневые предметы, эпоха раннего металла, ранний железный век, раннее средневековье.

Keywords: Yaroslavovo Dvorishche, excavations, pottery, flint lithics, Early Metal Age, early Iron Age, early Middle Ages.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-85-92

В 2013–2014 гг. Новгородским музеем-заповедником был проведен завершающий этап археологических исследований на участках Дворищенских XIX и XX раскопов общей площадью 84 кв. м, расположенных у восточной стены Никольского собора на Ярославовом дворище в Великом Новгороде (рис. 1).

Нижний горизонт культурного слоя раскопа, представленный гумусированным песком темно-серого цвета с включениями мелких угольков и дресвы, был перекрыт достаточно мощным выбросом практически стерильного песка, образовавшимся при строительстве Никольского собора. Материковый песок из фундаментных рвов

законсервировал культурные отложения, что позволило соотнести верхнюю хронологическую границу перекрытого слоя с летописной датой начала строительства храма — 1113 г. (НПЛ, 1950. С. 20, 204).

При разборке заполнения нижнего горизонта был выявлен ряд разновременных групп глиняной посуды. Керамический материал характеризуется небольшими по площади фрагментами сосудов. Наблюдение за степенью фрагментированности керамики может указывать на хронологические различия материала, а также на особенности технологии изготовления.

В керамической коллекции, найденной при промывке данных отложений, доминируют раннесредневековые круговые сосуды (66%). В другую группу (9%) объединены обломки лепной посуды широкого хронологического диапазона. Значительная часть коллекции (25%) представлена мелкофрагментированной керамикой с утраченными поверхностями, что затрудняет ее отнесение к той или иной выделенной группе.

¹ Андриенко А. В. — Отдел хранения и изучения археологических коллекций, НГОМЗ; Кремль, 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия; e-mail: av_andrienko@mail.ru. Шуреев А. В. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований, НГОМЗ; ул. Ильина, 26, г. Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: rev21@bk.ru. Желтова М. Н. — Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mpraslova@mail.ru.

Рис. 1. План расположения участка Дворищенского раскопа 2013–2014 гг. А — ситуационный план; Б — расположение раскопа по отношению к Николо-Дворищенскому собору. 1 — Николо-Дворищенский собор; 2 — Дворищенский раскоп

Fig. 1. Plan of the location of the Dvorishche excavation of 2013–2014. А — situational plan; Б — location of the excavation relative the Nicholas-Dvorishche temple. 1 — Nicholas-Dvorishche temple; 2 — Dvorishche excavation area

Фрагменты круговой керамики выделяются из всего объема материала большой площадью черепка, обработкой поверхностей, а также орнаментом. Набор посуды представлен исключительно горшками, отнесенными к двум типам. К типу I относятся горшки с вертикальным венчиком, который имеет косой срез внутрь и желобок по его краю (рис. 2). Орнаментацию составляют псевдовалики с гребенчатым штампом, многорядные линии и волны. Тип II объединяет сосуды эсвидной профилировки с укороченным венчиком (рис. 3). Венчики плавно отогнуты наружу, имеют прямой срез или небольшой желобок и оттяжку вверх. На внутренней стороне шейки некоторых сосудов прослеживается утолщение, связанное с архаическим приемом соединения жгутов. Декорирован этот тип сосудов многорядными линиями и волнами.

Технология изготовления представленных типов круговой керамики достаточно однообразна. В качестве исходного сырья использовалась влажная глина с естественным включением песка и бурого железняка. Формовочную массу составляет ожелезненная глина с искусственным добавлением дресвы и органики животного

происхождения. Дресва в основном имеет размер частиц 0,5–0,9 мм, что соответствует составу тонких формовочных масс вида 5, по А. А. Бобринскому (Бобринский, 1978. С. 109–111). Органические включения вводились в тесто во влажном состоянии. В свежих изломах керамики фиксируются линзы органики и отпечатки стеблей травы. В некоторых случаях прослеживаются пустоты с глянцевой пленкой, что не исключает введение органического раствора.

Конструирование полого тела сосудов производилось жгутовым налепом. Донца горшков изготовлены по программе донных начинов. Выделяются монолитные донные начини и составные, свитые из жгута по спирали. Наружная поверхность большинства донцев носит следы подсыпки золы. В редких случаях удалось выявить признаки выбивания.

В обработке поверхности сосудов прослеживаются несколько приемов. Наиболее распространенный из них связан с динамическим заглаживанием деревянным ножом внешней поверхности и пальцами рук — внутренней. На придонных частях фиксируются следы вертикального заглаживания, что можно связать с культурными

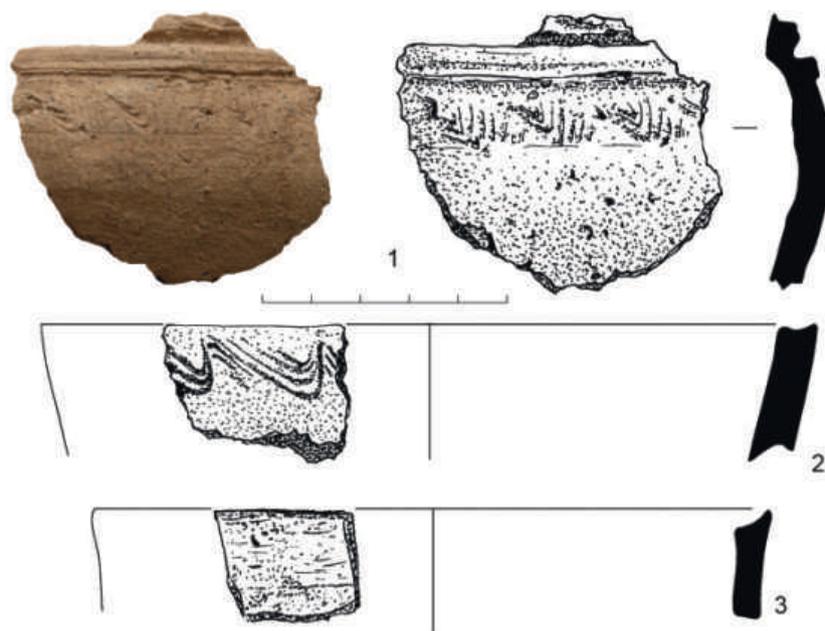

Рис. 2. Фрагменты раннесредневековых сосудов (тип I). Фото А. В. Шуреева, рисунки А. С. Юркиной
Fig. 2. Fragments of early mediaeval pottery (type I). Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

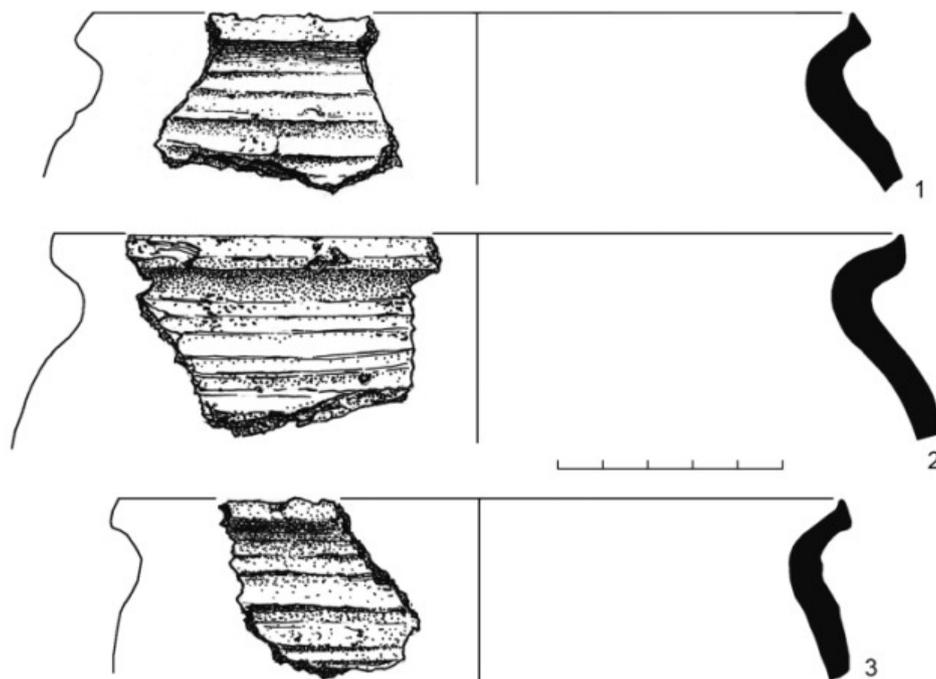

Рис. 3. Фрагменты раннесредневековых сосудов (тип II). Фото А. В. Шуреева, рисунки А. С. Юркиной
Fig. 3. Fragments of early mediaeval pottery (type II). Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

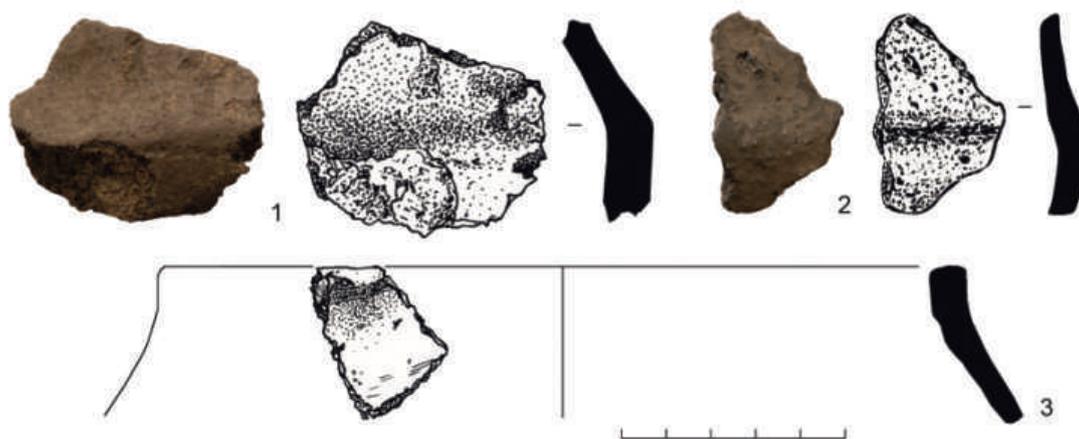

Рис. 4. Фрагменты лепных раннесредневековых сосудов. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной
 Fig. 4. Fragments of early mediaeval handmade pottery. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

традициями изготовления лепной керамики, сохранившимися в среде гончаров.

Круговые сосуды, обнаруженные в нижнем горизонте раскопа, характерны для средневекового Новгорода. Выделенные формы находят прямые аналогии во всех работах, посвященных типологии местной керамической посуды (Смирнова, 1974. С. 228–231; Горюнова, 1997. С. 117–123; Малыгин и др., 2001. С. 88–94). Начало распространения выявленных типов круговой керамики также традиционно для Новгорода и может быть датировано рубежом X–XI вв. Завершение бытования этих форм посуды в материалах Дворищенских XIX и XX раскопов связано с началом строительства Никольского собора.

Лепная керамика представлена небольшими по площади фрагментами, что затрудняет морфологическое и типологическое атрибутивное большей части образцов данной группы. Поэтому удалось выявить лишь некоторые технологические особенности ее изготовления. Как уже отмечалось, среди лепной посуды выделяются несколько категорий керамики, отличающихся яркими внешними признаками, что может иметь ключевое значение в определении периодизации.

Первую категорию составляет лепная посуда с четким ребром на переходе от плечика к тулову и слабопрофилированные горшки с пологим плечиком (рис. 4). Керамика таких типов хорошо представлена в древнейших отложениях Новгорода (Смирнова, 1976. С. 3–10; 1978. С. 165–167; Гайдуков, 1988. С. 61–63; Малыгин и др. 2001. С. 88; Плохов, 2009. С. 417–431) и имеет аналогии

в материалах других памятников региона конца I тысячелетия н. э. (Орлов, 1972. С. 127–138; Носов и др., 2005. С. 76–77).

В качестве исходного сырья для ее изготовления использовалась ожелезненная глина с естественной примесью песка. Формовочную массу составляла влажная глина с искусственным добавлением дресвы и органики животного происхождения. В одном случае удалось выявить искусственное привнесение в тесто песка. Минеральная примесь имеет более крупную фракцию, чем в круговой посуде. Размер зерен дресвы достигает 2–4 мм в поперечнике. Поверхность керамики носит следы ручного заглаживания, иногда динамического характера. Декорирование сосудов этой категории лепной керамики не производилось. Как отмечается в исследованиях, орнаментация для новгородской лепной посуды нехарактерна и встречается крайне редко (Плохов, 2009. С. 424).

Во вторую категорию выделены два венчика, имеющие уплощенный край и ямочный орнамент на слабопрофилированном плечике (рис. 5, 1–2). Такой вид узора не встречается на новгородских раннесредневековых лепных сосудах. Дополняют данную категорию керамики несколько стенок, покрытых сетчатыми отпечатками (рис. 5, 3–6), и стенка с ямочным орнаментом (рис. 5, 7). Формовочная масса составлена из ожелезненной глины с искусственным включением дресвы и органики. Ближайшие аналогии данной категории керамики удастся обнаружить на серии памятников Приильменя и Поволховья периода раннего железного века (Орлов, 1967. С. 233–236; 1984. С. 70–73;

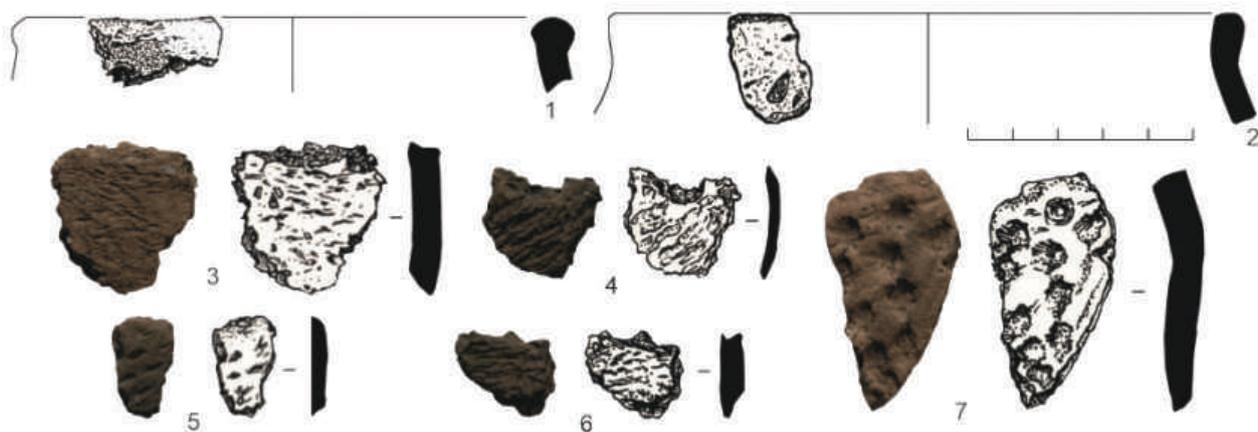

Рис. 5. Фрагменты керамики раннего железного века: 1, 2 — венчики с ямочным орнаментом; 3–6 — стенки с сетчатыми отпечатками; 7 — стенка с ямочным орнаментом. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной
 Fig. 5. Fragments of pottery of the early Iron Age: 1, 2 — rims with pit ornamentation; 3–6 — pot walls with grid imprints; 7 — wall with a pit ornamentation. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Рис. 6. Фрагменты керамики эпохи раннего металла. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной
 Fig. 6. Fragments of pottery of the Early Metal Age. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Носов, Плохов, 1989. С. 34–36; Кулькова, Юшкова, 2008. С. 209; Носов и др., 2017. С. 36–37). Прослеживается определенная близость выявленного керамического набора с материалами Холопьево-Городка (Кулькова, Юшкова, 2008. С. 209–210, рис. 9). Следует отметить, что материалы раннего железного века уже фиксировались при археологических исследованиях на Ярославском дворе (Рыбина и др., 2011. С. 55–56, рис. 3).

Третью категорию лепной керамики составляют фрагменты, имеющие окатанные края и визуально напоминающие окаменелые пластинки глины природного происхождения (рис. 6). Цвет внешней поверхности имеет бежевый оттенок, а внутренняя поверхность — черная. Орнамент на представленных образцах отсутствует, однако на одном фрагменте отчетливо читается валик.

В технологическом отношении эта категория керамики резко отличается от групп посуды, представленных ранее. В формовочную массу в качестве искусственной добавки вводилось большое количество измельченной органики. Отпечатки органики фиксируются и на поверхностях сосудов. Выявленное отличие в традиции изготовления данной керамики позволяет предположить ее более раннюю датировку и отнести к эпохе раннего металла.

Тем не менее для уточнения периодизации и особенностей технологии изготовления выделенных групп керамики необходимы дополнительные исследования.

О степени интенсивности хозяйственной деятельности применительно к нижнему горизонту культурных отложений раскопа может говорить

Таблица 1. Нижний горизонт раскопа. Средняя плотность находок
Table 1. Lower horizon of the excavation site. Average density of finds

Находки	Объем культурного слоя, куб. м	Количество, фрагменты	Плотность, фрагментов /куб. м
Древнерусская круговая керамика	36,07	685	18,9
Древнерусская лепная керамика		69	1,9
Относящиеся к раннему железному веку		9	0,25
Относящиеся к эпохе бронзы		21	0,6

плотность находок керамического материала (табл. 1). Так, этот показатель для керамики древнерусского времени значительно ниже, чем на других городских раскопах, где применялась методика подсчета средней плотности находок как количественной характеристики комплекса (Петров, 2011. С. 137–147). Использование подобных подсчетов для древнейших поселенческих памятников региона ранее не осуществлялось.

Низкий показатель плотности находок является дополнительным аргументом для атрибуции нижнего горизонта раскопа как пахотного слоя, о чем также свидетельствуют выявленные в его основании, на границе с предматериком, следы перекрестной распашки.

Из рассматриваемого горизонта культурного слоя Дворищенского XX раскопа происходит небольшая коллекция из одиннадцати кремневых предметов, которая представляется несколько разнородной. Часть предметов (3–4 экз.) можно отнести к эпохе раннего металла, 1–2 экз. — к средневековому периоду, хронологическую принадлежность остальных установить нельзя. К эпохе раннего металла можно отнести двустороннеобработанный наконечник стрелы (рис. 7, 3), заготовку двустороннеобработанного орудия (рис. 7, 4) и скребок на отщепе (рис. 7, 2). Очень возможно, что к этой же группе относится и продолговатый остроконечный отщеп серовато-бежевого кремня.

Заготовка орудия типа миниатюрного тесла изготовлена из куса неоднородного коричневатого кремня. Плоская поверхность полностью обработана уплощающими встречными сколами с краев заготовки, выпуклая практически не обработана, широкий конец орудия сформирован сломом.

Наконечник относится к группе треугольно-черешковых и близок к сейминскому типу по классификации И. В. Гавриловой (Гаврилова, 1965. С. 209). Он изготовлен из красноватого кремня

с уплощенным подпрямоугольным насадом, на одном уголке имеется небольшой выступ. Второй уголок насада такого выступа не имеет из-за внутренней трещины отдельности кремня, из которой сделан наконечник. На самом кончике — небольшой плоский скол, свидетельствующий о контакте с твердым материалом при попадании в цель. Этот тип следов износа характерен для наконечников, использовавшихся по прямому назначению.

Скребок на отщепе серо-красного кремня побывал в огне, отчего поверхность его покрыта сетью микротрещин, имеются небольшие участки белой патины. Возможно, что этим же обусловлен красный цвет отдельных участков кремня, некоторые разновидности серого кремня краснеют в высокотемпературных условиях. На конце отщепы имеется выступающий носик, однако основной рабочей частью орудия был толстый округлый левый край, на котором сохранился участок корки. Второе, слегка вогнутое, лезвие находится в дистальной части на правом краю.

Остроконечный отщеп является сколом подправки края площадки предмета расщепления. К эпохе раннего металла его предположительно можно отнести лишь на том основании, что в средневековье для получения кресальных кремней конкреции разбивали относительно бессистемно, здесь же мы имеем дело с проявлением определенной стратегии расщепления. Мелкая и микроретушь на краях отщепы, вероятнее всего, являются следствием повреждений.

К средневековью относятся кресальный кремень (рис. 7, 1) и, возможно, мелкий отщеп кремня хорошего качества, случайно отлетевший при контакте кремня с твердым отбойником (вероятно, металлическим предметом).

Кресальный кремень изготовлен на отщепе, которому придана подпрямоугольная форма. Один длинный край представляет собой слом, на втором располагается основная зона

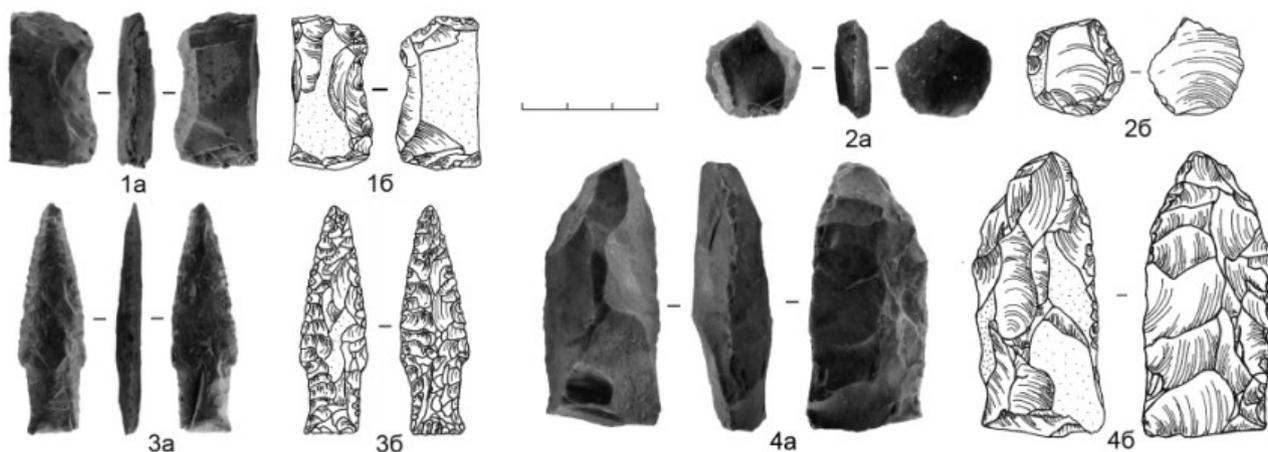

Рис. 7. Предметы из кремня: 1а, 1б — кресальный кремь; 2а, 2б — скребок на отщепе; 3а, 3б — двусторонне-обработанный наконечник стрелы; 4а, 4б — заготовка двустороннеобработанного орудия. Фото М. Н. Желтовой, прорисовки А. И. Корниенко

Fig. 7. Flint objects: 1a, 1b — flint fire-striker; 2a, 2b — scraper on flake; 3a, 3b — bifacial arrowhead; 4a, 4b — blank for a bifacial tool. Photo by M. N. Zheltova, drawings by A. I. Kornienko

использования со сформировавшейся выемкой. Оба коротких края орудия, прямой и слегка выпуклый, также использовались для добывания огня.

Остальные пять находок невыразительны, это два мелких первичных отщепа, побывавших в огне, первичный скол и две кремневые чешуйки. В дистальной части последней, на левом краю у острого кончика и на самом кончике, имеется небольшой участок регулярной микроретуши.

Таким образом, несмотря на небольшую площадь исследований, полученные материалы дали

новую информацию об одном из важнейших участков в средневековой городской топографии. Описанные группы вещей позволяют говорить не о случайном характере их нахождения в средневековом культурном слое, а о располагавшихся на этой территории поселениях, относящихся к ранним этапам антропогенного освоения Поволжья и Приильменя. Дальнейшие исследования, в том числе с привлечением естественнонаучных методов, позволят существенно расширить источниковую базу и дополнить выводы по обозначенной проблематике.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с., ил.

Гаврилова, 1965 — Гаврилова И. В. Типы наконечников стрел эпохи неолита и бронзы костромского Поволжья // Палеолит и неолит СССР. М., Л.: Наука, 1965 (МИА; № 131). Т. V. С. 204–213.

Гайдуков, 1988 — Гайдуков П. Г. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1988. Вып. 1. С. 61–63.

Горюнова, 1997 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого X раскопа) // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 115–138.

Кулькова, Юшкова, 2008 — Кулькова М. А., Юшкова М. А. Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы — раннего железного

века из юго-восточного Приладожья, Поволжья и Приильменя // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008 (Замятинский сборник; Вып. 1). С. 201–219.

Малыгин и др., 2001 — Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 82–97.

Носов, Плохов, 1989 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. М.: Наука, 1989. Вып. 195: Славяно-русская археология. С. 34–42.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 403 с.

- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Орлов*, 1967 — *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода // СА. 1967. № 2. С. 233–236.
- Орлов*, 1972 — *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127–138.
- Орлов*, 1984 — *Орлов С. Н.* Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 70–84.
- Петров*, 2011 — *Петров М. И.* Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2011. Вып. 25. С. 137–147.
- Плохов*, 2009 — *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева: Сб. ст. / Сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеонАРТ, 2009. С. 417–431.
- Рыбина и др.*, 2011 — *Рыбина Е. А., Пежемский Д. В., Самойлов К. Г., Курбанова М. П.* Исследования на Ярославовом дворище в Великом Новгороде // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 54–56.
- Смирнова*, 1974 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 228–248.
- Смирнова*, 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М.: Наука, 1976. Вып. 146: Славяно-русские древности. С. 3–10.
- Смирнова*, 1978 — *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего культурного слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 165–171.

The earliest archaeological materials from excavations of 2013–2014 in the area of Yaroslavovo Dvorishche

A. V. Andrienko, A. V. Shureyev, M. N. Zheltova

In the course of archaeological excavations of 2013–2014 near the eastern wall of the St Nicholas temple at the Yaroslavovo Dvorishche (Yaroslav's Yard) in Veliky Novgorod, the earliest horizon of the cultural deposits was revealed in the area of 84 sq. m. This layer was covered with spoils of virgin sand from the foundation ditches during the construction of the church (1113). This horizon was interpreted as an arable layer of the Old-Russian time as indicated by traces of cross-ploughing revealed in its foundation at the boundary with the layer next to the virgin soil. An additional argument for such an interpretation was presented by the low concentration of findings from this stratum. In the course of the morphological examination of the artefacts, three categories of pottery have been distinguished related with different chronological spans: early mediaeval period (10th–11th centuries), Early Iron Age, and Early Metal Age. For each of the distinguished cultural and chronological groups of pottery, characteristic manufacturing techniques were defined. Some of the flint lithics also are related with the earliest period. Nevertheless, this group is overall inhomogeneous in its composition. The earliest objects are dated to the final Neolithic — Early-Metal Epoch, a few artefacts — to the Middle Ages; it is impossible to establish the age of some finds because of their indistinct character. Nevertheless, the conducted investigations suggest a non-fortuitous nature of occurrence of the earliest artefacts in the mediaeval cultural layer and, on the contrary, indicate the presence of settlements in these territories dated to the early stages of the anthropogenic occupation of the Volkhov and Ilmen regions. Exactly the presence of typologically indistinct objects among the collection of flint finds, such e.g. as chips and primary flakes, suggests the absence of purposeful sorting of the material and knapping of the flint in location. Notably, traces of the settlements of early archaeological cultures in the area included later in the composition of mediaeval Novgorod have been recorded for the first time. This fact makes the obtained evidence important and expands our notions about the early settlement in the region.

Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа

Н. В. Ениосова, В. К. Сингх¹

Аннотация. Статья посвящена находке резного деревянного навершия в форме головы барана из раскопок усадьбы «С» Троицкого раскопа. В декоре сохранившегося фрагментарно изделия сочетаются элементы стилей Маммен, Борре и Винчестер, распространенных в прикладном искусстве Скандинавии и Британских островов в эпоху викингов. Возможная атрибуция этого предмета как детали кресла-трона, мастерство исполнения и орнамент, отражающий мифологические представления скандинавов, свидетельствуют о высоком статусе владельца и присутствии скандинавов среди первых поселенцев усадьбы «С». Дендрохронологическая дата сруба, около которого обнаружена резная деталь, совпадает с принятыми в западноевропейской литературе датировками стиля Маммен: между серединой X и серединой XI в.

Annotation. The paper presents a study of the wooden finial in the form of a ram head that was found in Novgorod the Great on the Troitsky XII site. The ornament of fragmentarily preserved object combines elements of Mammen, Borre and Winchester styles that are characteristic for the Viking Age applied art of Scandinavia and the British Isles. Possible attribution of the detail as the skillfully carved wooden chair-throne finial testifies for the high social status of the Property owner. It indicates to Scandinavians among the first settlers of the Property and reflects their pagan cult practices. The dendrochronological dating obtained for the wooden structures fits well with the dates (950–1050 A. D.) proposed for the Mammen style within Scandinavia and the British Isles.

Ключевые слова: Великий Новгород, Троицкий раскоп, прикладное искусство, эпоха викингов.

Keywords: Novgorod the Great, Troitsky site, applied art, Viking Age.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-93-107

Деревянное навершие, оформленное в виде головы барана, обнаружено в Великом Новгороде в 2000 г. на раскопе Троицкий XII. Оно вырезано в невысоком рельефе из цельного массива клена полукруглого сечения. Изделие сохранилось не полностью: обломан его нижний край, орнамент на плоской стороне читается только в верхней части композиции. Есть отдельные утраты и на полукруглой лицевой стороне: в изогнутой части, изображающей голову барана в профиль, и в нижней, первоначально полностью покрытой резьбой (рис. 1)².

Мастер вырезал голову животного вполне реалистично, нет никаких сомнений в его видовой принадлежности. У барана короткий плоский нос с круглой ноздрей и двумя параллельными рядами точек над ней; чуть «отвисшая» нижняя губа, большой миндалевидный глаз, подчеркнутый двойным контуром, с выходящим из него завитком; закрученный в спираль рог, маленькое треугольное ушко и рельефная щека или грива. Тонкие линии подчеркивают линию лба, затылка и шеи.

Ниже шеи на выступающей полукруглой поверхности размещена сложная несимметричная композиция, включающая изображение фантастического животного, туловище которого повернуто в профиль, а голова-личина подтреугольной формы расположена фронтально. У зооморфной маски острый подбородок, миндалевидные глаза,

¹ Ениосова Н. В., Сингх В. К. — кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; e-mail: eniosova@gmail.com; arxeolog@gmail.com.

² Рисунок по фотографиям в отчете выполнен А. С. Дементьевой, которой мы выражаем искреннюю признательность

Рис. 1. Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа: фотография (1а) и прорисовка А. С. Дементьевой (1б)

Fig. 1. Wooden finial in the form of a ram's head from Property 'C' at the Troitsky Excavation site: photo (1a) and redrawing by A. S. Dement'yeva (1b)

примыкающие к носу, язык и маленькие ушки. Контур личины обведен двойной линией. По обеим сторонам от языка — усы в виде узких изогнутых полос, переходящих в ленточный плетеный орнамент, изгибающийся и закручивающийся в петли и спирали вокруг туловища. Под личиной размещены две передние конечности — зверь припал на передние лапы. Изогнутое туловище оканчивается задней лапой и хвостом с окончанием миндалевидной формы. Завершение лент, состоящих из трех или четырех параллельных линий, оформлено в виде закрученных в одну сторону завитков-«усиков» и половинами листьев аканта. Орнамент на лицевой стороне навершия в его нижней части не поддается реконструкции из-за утрат, частично сохранились лишь переплетающиеся ленты, оканчивающиеся завитками.

На оборотной плоской стороне навершия реалистичного изображения бараньей головы нет, только ее внешний контур, внутри которого размещены переплетающиеся ленты с цепочками круглых перлов. На наиболее полно сохранившемся участке мы видим элементы симметричного геометрического орнамента — ромбы и треугольники, объединенные переплетающимися окружностями — двойными лентами, оканчивающимися спиралями и завитками в виде листьев аканта.

По ряду признаков орнамент на лицевой стороне навершия принадлежит к североевропейскому стилю Маммен. Согласно норвежской исследовательнице искусства эпохи викингов С. Х. Фюглесанг, одним из основных мотивов этого стиля является полуреалистическое изображение льва, вписанного в асимметричную композицию, состоящую из заполняющих всю поверхность переплетенных, причудливо изогнутых лент. Разветвляющиеся ленты образуют двойные петли и петли в виде «кренделя», оканчиваясь полуспиральными завитками и завитками в виде аканта (Fuglesang, 1991. P. 85–86). Чаще всего голова льва повернута в профиль, но встречается и анфасное изображение зверя (рис. 2, 1, 2), например, на некоторых панелях ларцов из Бамберга и Каммина, вырезанных из моржового клыка (Muhl, 1990. S. 72–276; 283–284; 308–316).

Как полагают, мотив льва заимствован скандинавами из обширного репертуара универсальных христианских символов, истоки изображения можно искать в византийском, англо-саксонском или германском искусстве эпохи Оттонов. Однако прямого прототипа льва стиля Маммен нет ни среди каменных резных рельефов, ни в декоре византийских или восточных шелковых тканей или иллюминированных манускриптов. Одно

Рис. 2. Изображение льва стиля Маммен на ларцах из Бамберга и Каммина: 1 — на боковой панели Бамбергского ларца, вырезанной из моржового клыка (Muhl, 1990. S. 373, Abb. 6); 2 — на боковой панели ларца из Каммина (Muhl, 1990. S. 405, Abb. 2).

Fig. 2. Representations of a lion in the Mammen style on boxes from Bamberg and Kammin: 1 — on the lateral side of the Bamberg box carved from a walrus tusk (Muhl, 1990. S. 373, Abb. 6); 2 — on the lateral side of the box from Kammin (Muhl, 1990. S. 405, Abb. 2)

из первых изображений льва, адаптированного к «варварским» вкусам северной элиты, датские резчики поместили на знаменитом Еллингском камне — королевском монументе, воздвигнутом в промежутке между 960 и 985 г. (Fuglesang, 1991. P. 103).

Ленточный орнамент новгородского навершия, дополненный растительными элементами, полностью заполняет пространство композиции, оплетая и обрамляя фигуру зверя, завершая его лапы и хвост. Исследователи художественных стилей эпохи викингов считают, что мотивы завитков-усиков, лепестков и листьев аканта были заимствованы из двух источников — каролингского искусства и англо-саксонского стиля «Винчестер», также сложившегося под влиянием континентальной художественной традиции (Lennartsson, 1999. S. 454–455). К «Винчестерской» школе принадлежат иллюминированные манускрипты, каменные архитектурные детали, навершия посохов из моржового клыка и многочисленные поясные металлические аксессуары, получившие распространение на юге Англии и в северо-восточной области Денло. Расцвет и наивысшая популярность стиля «Винчестер» приходится на вторую половину X — середину XI в.: во многом его широкое распространение связано с культурным обменом и ассимиляцией в смешанных англо-скандинавских сообществах в период

наиболее сильного влияния датчан. Воздействие художественных мотивов англо-саксонского искусства на развитие стилей Борре, Еллинге, Маммен и Рингерике нашло отражение в изделиях, декорированных в смешанных стилях (Kershaw, 2008. P. 254–269).

Из-за датского происхождения наиболее известных находок, выполненных в стиле Маммен, — Еллингского камня, топора из кургана Бьеррингхей (Bjerringhøj) в Маммене или Бамбергского ларца, принадлежащего дочери Кнута Великого, — данный стиль иногда называют южноскандинавским. Однако находки, относящиеся к этому кругу древностей, получили распространение на обширных территориях от Британских островов на западе до Южной Руси на Востоке, от Норвегии на севере до Испании на юге (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. P. 132–133). Нет необходимости приводить их полный список, но следует отметить, что наиболее популярными материалами для резчиков были моржовый клык и камень: изображения в стиле Маммен помещали на рунические камни и каменные кресты. Хорошо известны такие шедевры прикладного искусства, как металлические накладки на лошадиный хомут из Сёллестед (Дания) или флюгер из Хеггена (Норвегия), а также инкрустированные серебром предметы вооружения. Значительно реже встречаются резные предметы из дерева и металлические

украшения (Wilson, 2012. P. 330–331). Изделия из дерева, декорированные в стиле Маммен, встречаются редко. Одно из них обнаружено в Дублине в археологическом контексте с монетами 920–950-х гг. (Lang, 1988. P. 10–17).

В последние десятилетия перечень находок, опубликованный в статье С. Х. Фюглесанг, пополнился изделиями из рога и дерева, происходящих из раскопок польского Волина (Stanislawski, 2007. S. 44–46, гус. 18, 49, с). Расширился и список предметов с декором в стиле Маммен с территории Древней Руси. К хорошо известным произведениям косторезного ремесла — накладкам на луку седла из погребения 42 в Шестовице и рукояти из Гнёздовского некрополя (курган 16 из раскопок С. И. Сергеева в 1900 г.) следует добавить византийский глиняный сосуд, на днище которого процарапан орнамент в виде трех переплетенных змей из шестовицкого погребения 105, а также ребро коровы с резным изображением дракона — случайную находку из Черниговской области (Андрущук, Зоценко, 2012. С. 208, рис. 148, а-б; С. 266–267, рис. 206, а-б; С. 307, рис. 242; Пушкина, 1993. С. 61–62, рис. 6). Из черниговского кургана Черная могила (980–1025 гг.) происходит парадный железный скипетр, инкрустированный серебром. Исследования, проведенные недавно с помощью синхротронного и нейтронного методов анализа, выявили декор, принадлежащий по морфологическим и технологическим признакам к стилю Маммен (Murasheva et al., 2021. P. 9, fig. 13). Два роговых острия с объемным изображением головы зверя и плетеным резным орнаментом на тулове, обнаруженные на Замковой горе в Киеве, были отнесены к стилю Маммен в публикации Т. Капелле (Capelle, 1998. S. 561–563, Abb. 2, 3).

Исследователи скандинавского искусства эпохи викингов отмечают, что стиль Маммен в некоторых случаях совмещается с более поздним стилем Рингерике: их объединяют такие общие признаки, как асимметрия, ленточное плетение, зооморфные и растительные мотивы. Немало общих черт у стиля Маммен с предшествующим стилем Еллинге: в некоторых случаях между ними трудно провести отчетливую границу (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. P. 118). В известных нам публикациях и музейных коллекциях до сих пор не встречались предметы, в декоре которых соединялись бы характерные черты стилей Маммен и Борре. Вероятно, навершие в виде головы барана из Новгорода является одним из редких случаев использо-

вания мотива симметричных кольцевых звеньев, характерных для стиля Борре, в сочетании с переплетенными двойными лентами, оканчивающимися листьями аканта (рис. 1). Конечно, орнамент на оборотной стороне новгородской находки нельзя отнести к «незамутненно-чистому» примеру самого популярного стиля эпохи викингов с его четкой ритмичной организацией, но, вместе с тем, навершию нет места и среди изделий, в декоре которых использован редуцированный мотив Борре — цепочка соединенных друг с другом треугольников-позвонков и кольцевидных узлов, получившая название «Gaut's ring chain» (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. P. 108, fig. 49). Эта характерная черта особого «колониального» стиля, получившего широкое распространение во второй половине X — начале XI в. в Ирландии и Англии, балтийском регионе и Новгороде, отражает влияние северного искусства в период максимальной экспансии скандинавов в Европе (Ó Floinn, 2001. Pp. 89–91; Точилова, 2021. С. 203–205).

По мнению Н. Н. Точиловой, наиболее ранние новгородские деревянные находки с редуцированным мотивом кольцевидных цепочек стиля Борре, появились под влиянием северной художественной традиции и находят параллели в периферийных регионах скандинавского мира (Точилова, 2021. С. 205). Навершие в виде головы барана с Троицкого раскопа отличается от произведений этого круга уровнем мастерства и несомненной принадлежностью к классическим образцам стилей Маммен и Борре, хотя сочетание их отдельных диагностических признаков на оборотной стороне изделия необычно для скандинавского искусства.

Перенос элементов плетения стиля Маммен на оборотную плоскую сторону навершия создает эффект объемного изображения. Несомненно, эта вещь выполнена опытным резчиком: он хорошо понимал стилевые и семантические особенности орнамента и виртуозно объединил реалистическое изображение головы барана, «условного льва» и кольцевую симметричную цепочку Борре со сложным, лишенным симметрии плетением из лент, завитков, спиралей и листьев аканта.

Для изготовления навершия мастер выбрал прочную и твердую древесину клена — светлую, с желтоватым оттенком и шелковистым блеском. Такой материал хорошо подходит для резьбы вручную, создания сложного декора и объемных скульптурных изображений. Судя по результатам

определения пород древесины Троицкого XIII и XIV раскопов, сделанных Л. Н. Соловьевой³ (выборка превышает 1000 образцов), клен чаще всего использовали для изготовления ложек и сосудов. Находки заготовок различных предметов свидетельствуют, что этот материал был хорошо знаком новгородским резчикам по дереву уже на самых ранних этапах существования города. На ковшах, чашах и тарелках из клена иногда встречаются языческие и христианские символы (*Мусин и др.*, 2016. С. 157–170). Изделия из клена получили широкое распространение и в Северной Европе, среди находок из этой породы дерева известны отходы токарного производства из Хеддебу, резные детали мебели и посох из Лунда, знаменитые скульптурные головы драконов из погребения в Усеберге (*Från Vikingar till Korsfarare*, 1992. P. 261, 96, 271, 166; *Blomquist, Martensson*, 1963. S. 213, 16).

Вероятнее всего, мастер, создавший навершие, был скандинавом, но место производства этого предмета определить сложно. В скандинавской литературе принято относить резьбу в стиле Маммен к произведениям элитарного искусства (*Fuglesang*, 1991. P. 85). Неслучайно практически все древнерусские находки, принадлежащие к этому кругу, происходят из наиболее богатых и статусных погребений Чернигова, Шестовицы и Гнёздова.

Близкая параллель новгородскому навершию происходит из городского слоя шведского Лунда (рис. 3). Это целиком сохранившийся посох длиной 98,5 см, вырезанный из цельного массива кленового дерева, его рукоять — скульптурная голова дракона с гривой, выступающим носом, большими круглыми глазами, полуоткрытой пастью и закрученными в спираль усами. Орнамент, покрывающий верхнюю часть посоха, представляет синтез стилей Рингерике и «Винчестер». На гладком участке рунами вырезано скандинавское имя «Ulvkil». Датировка находки из Лунда укладывается в промежуток между 975 и 1050 г. (*Roesdahl*, 1981. Pp. 34–35, fig. B42). Подпись мастера Ульфкила из Лунда обнаружена также на двух серебряных фибулах: из Лунда в шведской провинции Сконе и с острова Лолланн в Южной Дании. Как полагают, он жил в первой половине XI в. и был человеком высокого статуса — златокузнецом и

³ Мы выражаем глубокую признательность Л. Н. Соловьевой за предоставленные данные.

Рис. 3. Кленовый посох с орнаментом в стилях Рингерике и «Винчестер» первой половины XI в. из раскопок в Лунде (*Rosborn*, 2004. S. 81)

Fig. 3. Maple staff with a decoration in the Ringerike and “Winchester” styles of the first half of the 11th century from excavations at Lund (*Rosborn*, 2004. S. 81)

чеканщиком монет (*Från Vikingar till Korsfarare*, 1992. P. 232, 19).

Несмотря на несомненное сходство с посохом из Лунда, новгородскую находку отличают не только морфологические и стилистические особенности изображения, но и функциональное назначение. Посох имеет в сечении круг, а навершие с Троицкого раскопа — сегмент круга, то есть оно вырезано из ствола дерева, обтесанного с одной стороны. Кроме того, в нижней обломанной части изделия частично сохранилось просверленное круглое отверстие: с его помощью резная деталь с головой барана крепилась к основе. Возможно, новгородское навершие является верхней частью опоры спинки кресла либо одним из подлокотников, украшающих его передние стойки. Его внешняя сторона была полукруглой, а внутренняя — плоской.

Парные боковые планки в изголовье лежанок известны в погребениях IX в. из Усеберга и Гокстада, они украшены резными головами драконов. Вертикальная задняя планка, завершающаяся

Рис. 4. Спинка кресла-трона первой половины XI в. из раскопок в Лунде (Rosborn, 2004. S. 81)

Fig. 4. Back of a throne chair of the first half of the 11th century from excavations at Lund (Rosborn, 2004. S. 81)

вверху резной головой зверя, происходит из округи Брауншвейга в Нижней Саксонии (Vierck, 2002. S. 53, abb. 18, б). Судя по высоте планки, округлому сечению в ее верхней части и прямоугольному — в нижней, а также из-за отверстий для крепления спинки можно предположить, что эта деталь была частью трона, принадлежавшего правителю, знатному человеку или церковному иерарху в период правления Салической династии (1024–1125 гг.).

Вертикальные стойки из тесаных кленовых досок высотой 75 см и крепившаяся между ними спинка происходят из раскопок Лунда (рис. 4). Это простое по форме кресло первой половины XI в. не имело резных деталей, но исследователи полагают, что оно принадлежало персоне высокого ранга. В эпоху викингов такие кресла-троны символизировали могущество и власть. Люди простого звания сидели на полу или простых скамьях и табуретах (Från Vikingar till Korsfarare, 1992. P. 270, 163; P. 272, 167; P. 375, 561).

Идея использования трона как манифестации высокого социального статуса была почерпнута скандинавами у элиты Каролингской империи вместе с другими королевскими инсигниями.

Изображение правителя на троне с подлокотниками в виде резных львиных голов можно найти, например, в миниатюрах псалтыри императора Лотаря, относящейся к 842 г. (Wamers, 2005. S. 37–47, abb. 6). На тронах с резными подлокотниками восседают английский король Эдвард, Вильгельм Завоеватель и другие исторические персонажи гобелена из Байе, созданного между 1077 и 1082 г. (Musset, 2002. P. 88, 146).

Амулеты в виде миниатюрных моделей тронов обнаружены в женских погребениях и кладках IX–XI столетий из Швеции, Дании, Германии и с островов Готланд и Эланд (Vierck, 2002. S. 42–43, abb. 10; Jensen, 2010. P. 58–61). Наиболее сложный по композиции и символике серебряный экземпляр происходит с поселения Лейре в Дании: спинка трона декорирована звериными мордами, на поручнях разместились птицы, а передние стойки украшены фигурными навершиями. Антропоморфная фигурка на троне, возможно, изображение Одина или вельвы (Price, 2013. P. 174, fig. 14). Одни исследователи полагают, что амулеты являются моделями тронов, стоявших в скандинавских языческих храмах: на них восседали жрецы-шаманы (Price, 2002. P. 167). Другие считают, что эти подвески к женским ожерельям в большей степени христианские символы, указывая, что в некоторых погребениях они обнаружены вместе с крестами-подвесками (Jensen, 2010. P. 61). Х. Фирк связывал происхождение данной разновидности амулетов с королевскими регалиями континентальной Европы и полагал, что эти редкие находки⁴ свидетельствуют о высоком статусе владевших ими женщин и в целом отражают синкретические религиозные воззрения скандинавов (Vierck, 2002. S. 47–55).

Средневековые деревянные скамьи с резными опорами спинки и подлокотниками на передних стойках (так называемые «королевские скамьи») сохранились до наших дней в некоторых скандинавских церквях и региональных музеях народного искусства. Одной из наиболее древних считается экземпляр (рис. 5) из провинции Вестерноррланд в Северной Швеции (Kühne, Walker, 1997. S. 4–5).

Таким образом, нам удалось установить, что новгородское резное навершие в виде головы барана принадлежит к довольно узкому кругу

⁴ Всего известно 17 находок, на территории Древней Руси этот вид амулетов пока не обнаружен.

предметов, декорированных в целом в стиле Маммен, но отражающих влияние англо-саксонской художественной традиции. Уникальной чертой этого экземпляра является включение в структуру орнамента элементов более раннего скандинавского стиля Борре. Принимая во внимание элитарный характер декора, мастерство резчика и вероятную атрибуцию находки как элемента престижной мебели, мы можем предположить, что этот редкий для Новгорода экземпляр свидетельствует о высоком социальном статусе владельца и его прямых контактах с Северной Европой. Возможно, он и сам был скандинавом.

Обратимся к контексту находки.

Усадьба «С» относится к дворовладениям, расположенным в южной части Троицкого раскопа. Она находилась на перекрестке Пробойной улицы и безымянного переулка. С севера она граничила с усадьбой «Е», а на западе — с усадьбами «Ж» и «У» (рис. 6).

В отличие от большинства дворов, открытых на Троицком раскопе, усадьба «С» исследована лишь частично. Она изучалась на XII (1995–2000 гг.) XIII (2001–2009 гг.) и XIV (2001–2011 гг.) участках Троицкого раскопа. В площадь исследований небольшими полосами попали северная и западная зоны этой усадьбы. Основная ее часть до сих пор остается нераскопанной, что не позволяет в полной мере достоверно судить о размерах и системе внутриусадебной планировки и застройки. Тем не менее, по направлению межусадебных оград, следов от них в материке и трассе безымянного переулка, можно определить границы, примерную площадь и ориентировку усадьбы в пределах городского квартала.

Необходимо отметить, что на раннем этапе освоения этой территории Людина конца Новгорода (30-е гг. X — первая половина XI в.) площадь усадьбы «С» занимали два двора, разделенные плетневой оградой. Усадьба, на которой была найдена зооморфная резная деталь, занимала второе место от перекрестка Пробойной улицы и безымянного переулка (усадьба «С2»). Въезд на территорию усадьбы располагался с юга, со стороны безымянного переулка. На всю длину прослежена ее западная граница, составляющая 30 м, и северная — около 25 м. Таким образом, общая площадь домовладения составляла порядка 750 кв. м (при исследованной площади около 220 кв. м).

Древнейшая застройка на данной территории возникла не на пустом месте. Какое-то время этот

Рис. 5. «Королевская» скамья из церкви, провинция Вестерноррланд в Северной Швеции (Kühne, Walker, 1997. S. 4)

Fig. 5. "Royal" bench from a church in Västernorrlands län in Northern Sweden (Kühne, Walker, 1997. S. 4)

участок использовался для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют разрозненные скопления деталей от деревянных конструкций, а также некоторые материковые ямы, которые перекрывались сооружениями первого яруса застройки (Янин и др., 2001. С. 189). Уже в это время данная территория Людина конца была разделена на участки плетневыми оградами, по линиям которых впоследствии прошли межусадебные частоты, отделявшие северные усадьбы, выходившие на Черницыну улицу, от южных, ориентированных на безымянный переулоч.

В юго-восточном углу тыльной части домовладения располагался только один сруб (XII–194). Он сохранился на высоту двух венцов и был рублен в обло из бревен диаметром 18–22 см. Постройка имела подквадратную в плане форму, размерами 4,8 × 5,2 м. Западные концы северной и южной стен выступали на 2,0–2,5 м, образуя широкое крыльцо перед входом в дом. В юго-западном углу сруба зафиксированы два столба, вероятно, от опечка, однако каменного развала печи не сохранилось. Под углы сруба подведены фундаментные подкладки. Вдоль стен сруба была устроена обкладка-завалинка (фундаментная площадка)

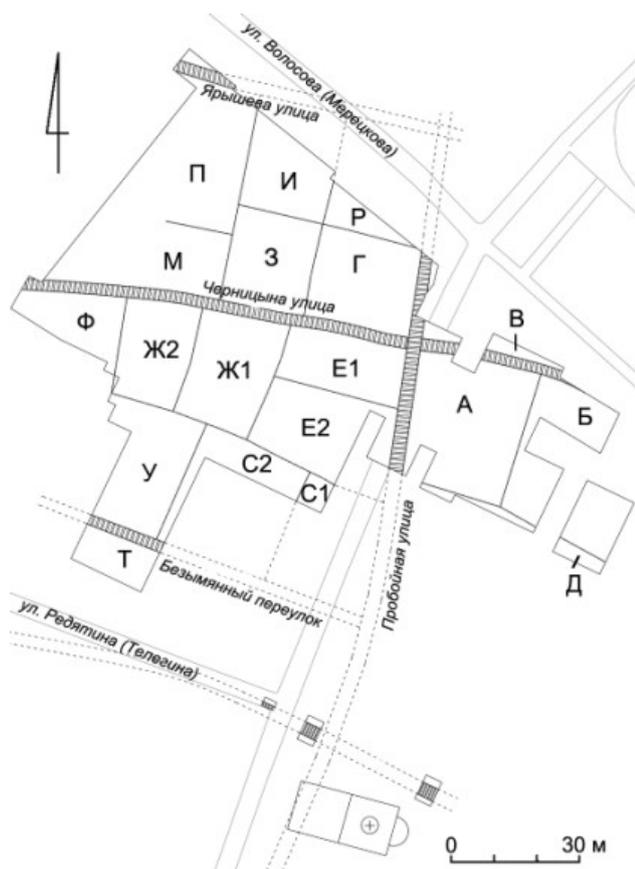

Рис. 6. Ситуационный план усадеб Троицкого раскопа
Fig. 6. Situational plan of properties at the Troitsky Excavation

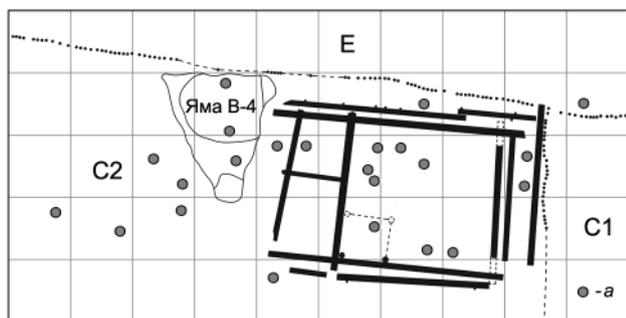

Рис. 7. Топография находок на усадьбе «С» у сруба XII-194. а — находки
Fig. 7. Topography of the finds from Property 'C' near wood-frame structure XII-194. a — finds

из бревен, закрепленных кольями с внешней стороны. Дендрохронологический анализ деталей конструкции выявил дату рубки — 957 г.⁵ К западу от сруба зафиксированы отдельные

⁵ Дендрохронологический анализ образцов проведен канд. ист. наук, ведущим научным сотрудником Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

скопления деревянных деталей, обрубков бревен, досок, горбылей, не образующих конструкций.

Деревянная резная деталь, оформленная в виде головы барана, была найдена в узком пространстве между восточной стеной сруба XII-194 и плетневой оградой усадьбы. Вероятно, ее могли туда выбросить после поломки кресла-трона.

Интерес представляет и комплекс находок, обнаруженный как внутри сруба, так и на прилегающей к нему территории (рис. 7). К кругу скандинавских древностей относится фрагмент железной крученой гривны (рис. 8, 3), найденный внутри постройки (23-1560-81⁶). Тордированные гривны, к которым могли быть подвешены миниатюрные молоточки и свернутые из проволоки кольца, связаны с культом скандинавского бога Тора. Они широко распространены в Средней Швеции и на территории Древней Руси (Янссон, 1999. С. 31). Помимо рассматриваемой находки обломки гривен обнаружены на усадьбах «Е» Неревского и Троицкого раскопов. К магическим предметам относится свинцовый молоточек Тора (рис. 8, 2) — изделие очень низкого качества, вероятно, литейный брак (яма⁷ В-4-1526-?)⁸. Он обнаружен в материковой яме, расположенной в непосредственной близости от сруба (у северо-западного угла). Более качественный экземпляр из медного сплава происходит с усадьбы «У», граничащей с усадьбой «С». Четыре железных молоточка на тордированном кольце с завязанными концами найдены на усадьбе «Г» (Рыбина, Хвоцинская, 2010. С. 74, рис. 8).

К культовым предметам, вероятно, принадлежит грубо вырезанная антропоморфная фигурка: хорошо читается мужское лицо и две клинообразно заточенные ножки (рис. 9, 1). Аналогии антропоморфному миниатюрному изваянию распространены в X-XI вв. в Балтийском регионе, например, в Хедебю в мокром слое сохранились находки такого рода из дерева, кости и рога. Как полагают, среди них представлены игральные фишки, фигурки домовых и божков (Schietzel, 2014. S. 463). В Новгороде большинство таких

⁶ Здесь и далее в скобках указаны паспортные данные находок: пласт — квадрат — полевой номер.

⁷ Здесь и далее в скобках дается: наименование объекта, № квадрата и № вещи.

⁸ В статье А. Е. Мусина и О. А. Тарабардиной ошибочно указано отношение этой находки к усадьбе «Е» (Мусин, Тарабардина, 2019. С. 772).

Рис. 8. Находки из сруба XII-194 и прилегающей к нему территории: 1 — звенья костыльковой цепочки с кольцами (железо, медный сплав); 2 — подвеска — молоточек Тора (свинец); 3 — тордированная гривна (железо)

Fig. 8. Finds from wood-frame structure XII-194 and the adjoining area: 1 — links of a nail chain (iron, copper alloy); 2 — Tor's hammer pendant (lead); 3 — torc (iron)

предметов обнаружено в слоях X и XI в., но они встречаются и в более поздних напластованиях.

Т. Д. Панова выделяет три типа антропоморфной скульптуры: стержни с навершием в виде головы человека, небольшая скульптура с четко выраженным постаментом или плоским основанием и фигурки на двух ногах (Панова, 1989. С. 88). Наша находка относится к третьему типу по данной классификации. Антропоморфные фигурки из Новгорода нельзя рассматривать только в рамках германской языческой традиции (Мусин и др., 2016. С. 161–162). Народная вера в домашнего духа — покровителя семьи, скота и хозяйства в целом, обитающего в каждом доме и дворе, — имеет глубокие корни и в славянской мифологии (Левкиевская, 1999. С. 120–124). По мнению А. В. Арциховского и Б. А. Колчина, новгородские антропоморфные фигурки являются отражением языческих представлений славян о домовых, оберегающих домочадцев от злых сил и бедствий (Арциховский, 1956. С. 33; Колчин, 1971. С. 42).

Из той же материковой ямы, где найден свинцовый молоточек Тора, происходит фаллический предмет (рис. 9, 2), украшенный резьбой и росписью (яма В-4-1526-7). Два аналогичных предмета были найдены на усадьбах «И» (предматерик, кв. 1252) и «Р» (яма В-203, кв. 1236). Во всех трех случаях они обнаружены у межусадебных границ.

Возможно, подобные находки свидетельствуют о наличии культа рождения новой жизни, плодородия, жизненной силы и связаны с языческими обрядами первопоселенцев Новгорода. На существование фаллического культа в раннем Новгороде указывает и находка с усадьбы «Е» Неревского раскопа: здесь в слое рубежа X–XI вв. было обнаружено латунное навершие — сидящая фигурка божка с выраженными половыми признаками. Возможно, это изображение бога плодородия Фрейра из скандинавского пантеона. Самая близкая аналогия этой находке — металлическая миниатюрная фигурка Фрейра — происходит из Рэлинге в шведской провинции Сёдерманланд (Мусин, Тарабардина, 2019. С. 768, рис. 2, E2).

В культовой практике языческой Скандинавии совмещались религиозные и сексуальные ритуалы. Эти языческие обряды нашли отражение в сагах и эддической поэзии, в сочинениях Ибн-Фадлана и Адама Бременского. Известна находка деревянного резного фаллоса из раскопок укреплений Даневирке в Ютландии. Как полагают, это либо часть большой деревянной скульптуры — языческого идола, либо жезл для ритуальных действий, связанных с культом плодородия (Hedeager, 2011. P. 104–115).

Среди находок из дерева, обнаруженных внутри сруба XII-194, есть еще два предмета,

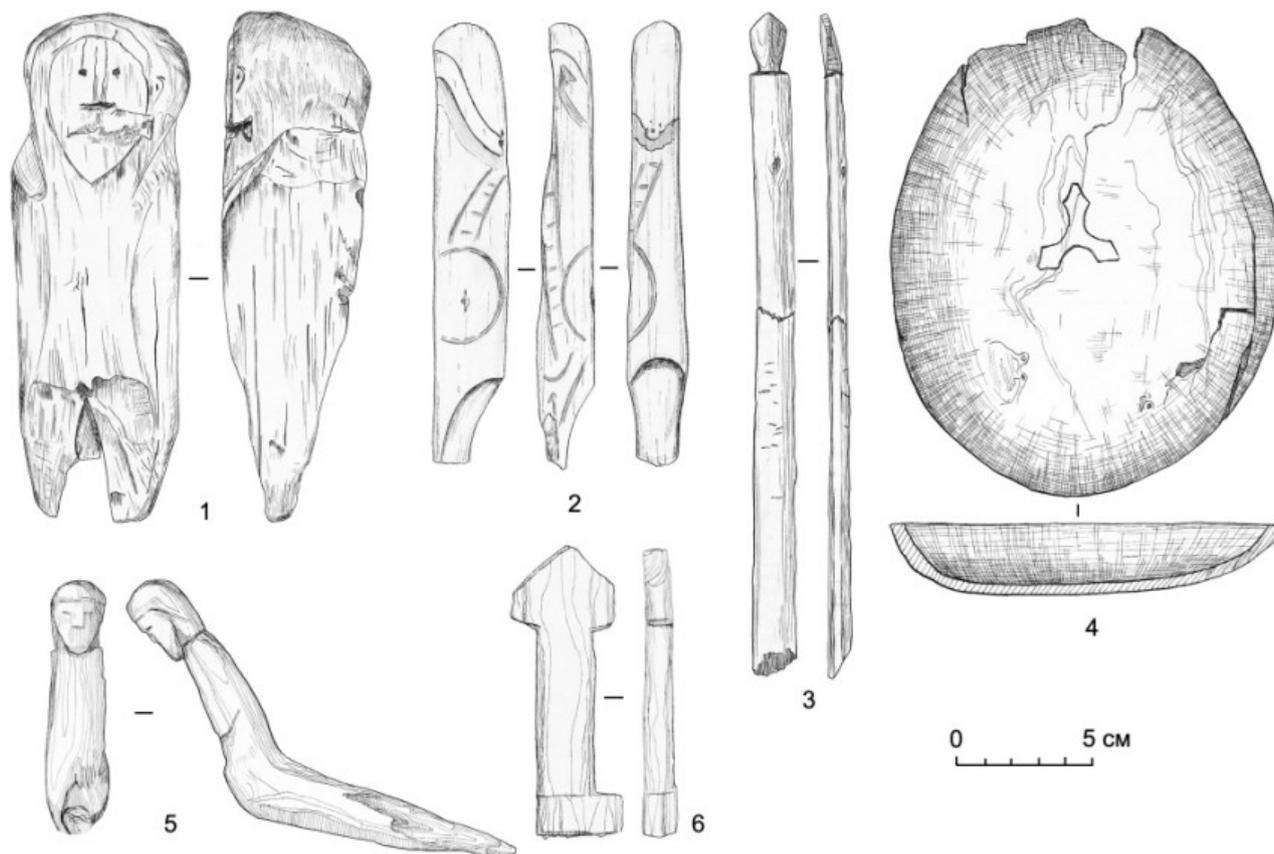

Рис. 9. Находки из сруба XII-194: 1 — антропоморфная фигурка (дерево); 2 — фаллический предмет (дерево); 3 — фрагмент игрушечного лука (дерево); 4 — точеная чаша со знаком трикветра (дерево); 5 — крюк с антропоморфным навершием (дерево); 6 — рукоять игрушечного меча (дерево)

Fig. 9. Finds from wood-frame structure XII-194: 1 — anthropomorphic figurine (wood); 2 — phallic object (wood); 3 — fragment of a toy bow (wood); 4 — chiselled bowl with triquetra sign (wood); 5 — hook with an anthropomorphic tip (wood); 6 — hilt of a toy sword (wood)

указывающих на влияние скандинавской материальной культуры, хотя их нельзя отнести к импортам из Северной Европы или этническим маркерам присутствия скандинавов. К ним относятся деревянная точеная чаша (рис. 9, 4) с вырезанным на ней редуцированным знаком трикветры (23-1544-23) и рукоять игрушечного деревянного меча типа 2 (рис. 9, 6) с подтреугольным навершием (22-1542-79).

Трикветры относятся к апотропейным символам, они встречаются на памятниках Скандинавии и в тех пунктах на территории Руси X — начала XI в., где ощутимо скандинавское влияние. Изображения этого символа известны в Новгороде на усадьбах «И» (ручка ковша, последняя четверть X в.) и «Г» (уключина, конец X — начало XI в.) (Мусин, Тарабардина, 2016. С. 163, рис. 6, 1, 2).

Детские мечи типа 2, сохранившие характерные детали боевого оружия, сходны по форме

с типами А, В и Н по классификации Я. Петерсена. Они бытуют в Новгороде с X по XIII в., но пик их распространения приходится на X–XI столетия. Аналогичные находки встречаются в Старой Ладогге, Пскове, Гданьске и других памятниках Балтийского региона (Сингх, Степанов, 2020. С. 185–187, 191–192, рис. 3, 4). На усадьбе «С» найден также фрагмент деревянного игрушечного лука (22-1553-32).

Внутри сруба XII-194 обнаружена деревянная посуда — ложки (в том числе с резными рукоятками и заготовки), ковш, чаши; универсальные инструменты (ножи и шилья), сельскохозяйственные орудия (деревянная мотыга, два сошника и серп), рыболовные снасти (деревянные поплавки со знаками, жерлица, каменные грузила); детали саней; деревянные крюки (в том числе с антропоморфным навершием — 22-1555-41) (рис. 9, 5), а также бытовая и хозяйственная утварь.

К бытовым находкам следует, вероятно, отнести звенья железных костыльковых цепочек (23–1559–63; 23–1558–72). Одна из них состоит из пяти звеньев с проволочными завязанными кольцами из медного сплава на концах (рис. 8, 1). На одном кольце сохранилась железная трапециевидная подвеска, обломанная в нижней части. Возможно, она использовалась для крепления цепочки к коже или дереву либо это обломок предмета, висящего на цепочке. Согласно классификации Г. Арвидссон, сделанной для материала из могильника Бирки, такой тип цепочек относится к типу 7. С их помощью к поясу подвешивали ключи, ножи, ножницы, игольники и другие необходимые в повседневной жизни предметы (Arvidsson, 1989. S. 73–74, abb. 14, 7).

Во дворе перед срубом и в пространстве между стеной сруба и плетневой оградой найдено шесть ладейных заклепок. Они относятся к наиболее распространенному в Северной Европе типу: с округлой головкой, стержнем, округлым в сечении, и ромбовидной шайбой (Bill, 1994. P. 57). Различаются лишь диаметр ножки и ее длина (от 1,5 до 5,5 см), а, соответственно, и расстояние между шляпкой и шайбой.

Эти изделия традиционно связывают с кораблестроением и, по мнению исследователей, подобные находки являются практически единственным археологическим свидетельством наличия дощатых судов ладейного типа с жесткими связями и клинкерной обшивкой (Дубровин, 2000. С. 34). По мнению П. Е. Сорокина, заклепки являются прямым свидетельством связей с Северной Европой, так как они обнаружены по всем основным путям следования торговых судов в Восточной Европе (Сорокин, 2018. С. 73). Вместе с тем такие заклепки могли использоваться в строительстве домов, дверей, мебели, транспортных средств и других деревянных конструкций (Zori, 2007. P. 32).

Ладейные заклепки обнаружены и на соседних усадьбах «Е», «Ж» и «У» в синхронных хронологических слоях, а также на других дворах, открытых на Троицком раскопе. В связи с этим стоит отметить значительное количество деревянных нагелей на усадьбе «Е», а также вымостку из корабельных деталей, построенную в конце X — начале XI в. Вероятно, пришедшие в негодность деревянные суда были разобраны, а их детали использованы вторично.

В срубe XII–194 и перед входом в постройку найдено шесть односторонних роговых гребней

(один из них в футляре), что составляет половину известных на усадьбе «С» находок этой категории. Все они относятся к типу 1 («А») по классификации Л. И. Смирновой или группе 2 по О. И. Давидан (Smirnova, 2005. P. 97). Несмотря на широкое распространение наборных гребней в Балтийском регионе и Восточной Европе, нельзя не признать, что на новгородскую усадьбу второй половины X в. эти изделия, принадлежащие скандинавской производственной традиции, попали вместе с другими характерными для эпохи викингов атрибутами вместе со своими владельцами, самым тесным образом связанными с Северной Европой. Об их участии в международной торговле с югом свидетельствуют находки раковины каури (23–1543–90) и скорлупы грецких орехов.

Анализ находок с усадьбы «С» показывает, что среди ее первых жителей, несомненно, были люди скандинавского происхождения. Наиболее выразительными атрибутами их материальной культуры являются предметы, связанные с магией и культом: железная гривна, молоточек Тора, антропоморфная фигурка и фаллический жезл. Возможно, владелец кресла-трона, от которого сохранилась только резная деталь подлокотника, был владельцем усадьбы и участвовал в ритуальных действиях, например, в строительных жертвах, оберегающих пространство жилища и двора от злых сил.

Скульптурное изображение головы барана на резной детали северного происхождения неизбежно вызывает ассоциации с одним из персонажей скандинавского языческого пантеона, хотя поиск прямых и однозначных соответствий ограничен из-за позднего характера привлекаемых письменных источников (Hedeager, 2011. P. 21–32). В скандинавской мифологической традиции баран ассоциируется с Хеймдалем (Heimdallr) — богом из рода асов, стражем богов и мирового дерева. Среди его необыкновенных качеств — способность слышать рост травы и овечьей шерсти. Таким образом, баран выполняет роль священного и жертвенного животного, в образе которого Хеймдаль является другим героям северных мифов (Simek, 2008. P. 136).

Жертвоприношения животных и связанные с этим ритуалы нашли отражение как в скальдической поэзии, так и в региональных средневековых законах Северной Европы, запрещающих эту практику (Hultgård, 2012. P. 215–217). На территории Древней Руси жертвоприношения баранов зафиксированы в больших курганах Гнёздова и

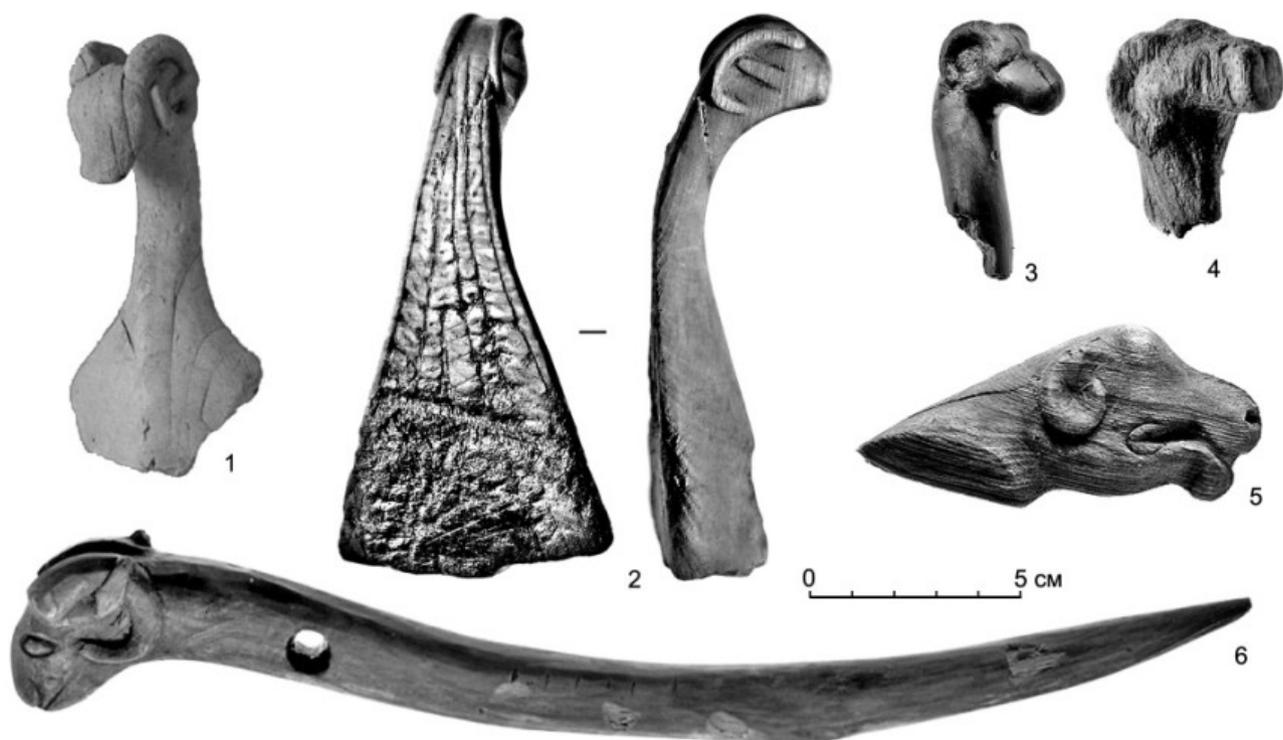

Рис. 10. Деревянные предметы с изображением головы барана
 Fig. 10. Wooden objects with representations of a ram's head

Чернигова (Петрухин, 1975. С. 85–92). В этой связи интересно отметить находки двух бараньих черепов в этих же хронологических слоях, но обнаруженных на соседней усадьбе «Е». Один из черепов находился у межусадебной границы, буквально в двух метрах от северо-восточного угла сруба XII–194 и резной детали в виде головы барана.

На усадьбах, открытых на Троицком раскопе, в слоях 30-х гг. — второй половины X в. найдено несколько предметов, оформленных в виде бараньих голов. Деталь в виде изогнутого острия, завершающегося искусно вырезанной головой животного, очень похожа на аналогичные изделия из рога, но ближе к скульптурной головке просверлено отверстие, а в центральной части есть шесть параллельных насечек (рис. 10, 6). Острие найдено в слоях середины X в. на границе усадеб «М» и «З» (пл. 21, кв. 516). Еще пять резных бараньих голов, выполненных с разной степенью реалистичности, завершают рукояти чаш или ковшей. Они найдены на усадьбах «А», «Ж1» (2 экз.), «Ж2» и «Р» (рис. 10, 1–5). Очевидно, что образ барана имел определенную популярность у новгородских резчиков по дереву и первых жителей Людина конца. Помимо возможной символической

и ритуальной роли этого животного следует отметить и повседневные потребности, связанные с приготовлением пищи, получением сырья для изготовления шерстяных тканей и косторезного ремесла. Археозоологические исследования на Троицком раскопе показали, что в X–XII столетиях мясо молодых домашних коз, овец и баранов составляло значительную долю в мясном рационе новгородцев (Maltby, 2012. P. 351–380).

Оценивая резную деталь в виде головы барана в контексте находок скандинавского круга, обнаруженных на Троицком раскопе, следует подчеркнуть, что она занимает среди них исключительное место. На фоне рядовых и широко распространенных изделий северного происхождения, изготовленных из черного и цветного металла, камня, кости, рога и дерева, ее отличают мастерство исполнения, принадлежность к редким произведениям прикладного искусства, выполненных в стиле Маммен, и функциональное назначение. Это одно из редких изделий, свидетельствующих об использовании престижной мебели с орнаментом, отражающим мифологические представления и ритуальную языческую практику скандинавов второй половины X в. Дендрохронологическая дата

сруба, около которого обнаружено резное навершие, дает еще одно твердое основание для определения хронологических рамок стиля Маммен и совпадает с принятыми в западноевропейской литературе датировками: между серединой X и серединой XI в. Трудно даже гипотетически определить, в силу каких обстоятельств обломок резного кресла-трона оказался между стенкой

сруба и плетневой оградой усадьбы «С» и сохранились ли другие детали. Можно надеяться, что дальнейшие исследования на этом участке подтвердят или опровергнут нашу атрибуцию этой замечательной находки и принесут новый материал, свидетельствующий о хозяйстве, быте и языческих культах первых поселенцев Людина конца.

- Андрощук, Зоценко, 2012 — Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси // *Ossational Monographs* — 3 published by Ukrainian National Committee for Byzantine Studies. Paris, 2012. 367 с.
- Арциховский, 1956 — Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 7–43.
- Дубровин, 2000 — Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. В 2-х тт. М.: ИА РАН, 2000. 442 с.
- Колчин, 1971 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 114 с.
- Левкиевская, 1999 — Левкиевская Е. Е. Домовой // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 695 с.
- Мусин и др., 2016 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // РАЕ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 2015–2016. № 5–6. С. 157–170.
- Мусин, Тарабардина, 2019 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.
- Панова, 1989 — Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. // СА. 1989. № 2. С. 88–96.
- Петрухин, 1975 — Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. № 2. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 85–92.
- Пушкина, 1993 — Пушкина Т. А. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // *Средневековые древности Восточной Европы*. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 57–68.
- Рыбина, Хвоцинская, 2010 — Рыбина Е. А., Хвоцинская Н. В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова* / Под ред. Н. В. Хвоцинской, А. Е. Мусина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.
- Сингх, Степанов, 2020 — Сингх В. К., Степанов А. М. Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 182–194.
- Сорокин, 2018 — Сорокин П. Е. О погребениях в ладье на территории Руси // *Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия*. Сб. материалов междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.; Изд-во МГУ, 2018. С. 73–74.
- Точилова, 2021 — Точилова Н. Н. Происхождение и атрибуция декора некоторых деревянных предметов раннесредневекового Новгорода // *НиНЗИиА. Великий Новгород*: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 200–206.
- Янин и др., 2001 — Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 2000 год. М., 2001 // *НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1*. № 23596.
- Янсон, 1999 — Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Arwidsson, 1989 — Arwidsson G. Ketten // *Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1989. S. 73–78.
- Bill, 1994 — Bill J. Iron Nails in Iron Age and Medieval Shipbuilding. Crossroads in Ancient Shipbuilding. ISBSA 6. Oxford; Oxbow Monographs, 1994. P. 55–63.
- Blomquist Mårtensson, 1963 — Blomquist R., Mårtensson A. W. Thulegrävninggen 1961: en berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade. Lund: Kulturhistoriska museet, 1963. 300 s.

- Capelle*, 1998 — *Capelle T.* Eine skandinavische Hornschnitzerwerkstatt in Kiev // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1998. S. 561–563.
- Från Vikingar till Korshfarare, 1992 — Från Vikingar till Korshfarare. Norden och Europa 800–1200. Stockholm. 1992. 432 p.
- Fuglesang*, 1991 — *Fuglesang S. H.* The axehead from Mammen and the Mammen style // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1999. P. 83–107.
- Hedeager*, 2011 — *Hedeager L.* Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. Routledge. London; New York, 2011. 286 p.
- Hultgård*, 2012 — *Hultgård A.* The Old Norse gods // The Viking World. Routledge. London; New York, 2012. P. 219–223.
- Jensen*, 2010 — *Jensen B.* Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe // BAR International Series 2169. Oxford. 2010. 211 p.
- Kershaw*, 2008 — *Kershaw J.* The Distribution of “Winchester” style in Late Saxon England: Metalwork Finds from the Danelaw // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History, 15. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2008. P. 254–269.
- Kühne, Walker*, 1997 — *Kühne M., Walker J.* levande föremål. Ett studiematerial om vård, inventering och katalogisering. Länsmuseet Västernorrland, 1997. 31 s.
- Lang*, 1988 — *Lang J. T.* Viking-Age decorated Wood. A Study of its Ornaments and Style // Medieval Dublin Excavations 1962–81. Ser. B. Dublin, 1988. 102 p.
- Lennartsson*, 1999 — *Lennartsson M.* Karolingische Metallarbeiten mit Pflanzenornamentik // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte und Mittelalterarchäologie. 1997/98. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1999. Bd. 54/55. S. 431–621.
- Maltby*. 2012 — *Maltby M.* From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The Archaeology of Medieval Novgorod in its Wider Context. Oxford: Oxbow Books (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). 2012. P. 351–380.
- Muhl*, 1990 — *Muhl A.* Der Bamberger und der Camminer Schrein Zwei im Mammenstil verziertr Prunkkästchen der Wikingerzeit // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte und Mittelalterarchäologie. 1990. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1990. Bd. 47. S. 241–421.
- Murahseva et al.*, 2021 — *Murahseva V. V., Kainov S. Yu., Kovalenko E. S., Podurets K. M., Glazkov V. P., Murashev M. M., Chichaev I. A., Presniakova N. N., Tereschenko E. Yu., Retivov V. M., Yatsishina E. B.* Barbarian Scepters of the Viking Age from the Chernaya Mogila burial mound at Chernigov (present-day Ukraine) // Journal of Archaeological Science. 2021. Vol. 37. Art. 102946.
- Musset*, 2002 — *Musset L.* The Bayeux Tapestry. Woodbridge: The Boydell Press, 2002. 271 p.
- Ó Floinn*, 2001 — *Ó Floinn R.* Irish and Scandinavian Art in the Early Medieval Period // The Vikings in Ireland. The Viking Ship Museum. Roskilde, 2001. Pp. 87–99.
- Price*, 2002 — *Price N.* The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia // AUN (Arkeologiska Undersökningar ved Uppsala Universitet) 31. Stockholm, 2002. 435 p.
- Price*, 2013 — *Price N.* Belief and ritual // Viking. National Museum of Denmark. Copenhagen, 2103. P. 162–196.
- Roesdahl*, 1981 — *Roesdahl E.* From a Danish Homeland // The Vikings in England and in their Danish Homeland. London, 1981. Pp. 19–39.
- Simek, Hall*, 2007 — *Simek R., Hall A.* A Dictionary of Northern Mythology. Rochester; New York: Boydell and Brewer, 2007. 438 p.
- Schietzel*, 2014 — *Schietzel K.* Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu. Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster; Hamburg: Wachholtz, 2014. 647 S.
- Smirnova*, 2005 — *Smirnova L.* Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition. Oxford, 2005 (BAR International Series; 1369). 334 p.
- Stanisławski*, 2007 — *Stanisławski B.* Sztuka wikingijska s Wolina // Średniowiecze polskie I powszechnie. Sperka, Katowice, 2007. T. 4. S. 28–50.
- Vierck*, 2002 — *Vierck H.* Zwei Armuttbilder als Zeugnisse des ausgehenden Heidentums in Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2002. S. 9–207.
- Wamers*, 2006 — *Wamers E.* Insignien der Macht // Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden. Regensburg: Verlag Schnell & Steiner, 2006. S. 35–72.
- Wilson*, 2012 — *Wilson D. M.* The development of Viking art // The Viking World. Routledge. London; New York, 2012. P. 323–338.
- Wilson, Klindt-Jenssen*, 1963 — *Wilson D., Klindt-Jenssen O.* Viking Art. Ithaca-NY: Cornell University Press, 1963. 171 p.
- Zori*, 2007 — *Zori D.* Nails, Rivets, and Clench Bolts: A Case for Typological Clarity // Archaeologia Islandica. 2007. № 6. P. 32–47.

Wooden finial in the shape of a ram head from the Property “C” of the Troitsky site

N. V. Eniosova, V. K. Singkh

The paper presents a study of the fragmented wooden crooked detail in the form of a ram head that was found in Novgorod the Great on the Troitsky XII site in 2000. It was carved from soft and flexible maplewood. One of the faces of the sculptural head combines features of a real ram and semi-fantastic lion with a ribbon-like body and asymmetrical interlace pattern of ribbons, tendrils, spirals, and the acanthus leaves. The ornament can be assigned to the Mammen style of the Viking Age as proved by stylistic comparison with a small number of objects originating from Scandinavia, Germany, England, Ireland, Iceland, Spain, Poland, and Old Rus'. The ornament on the other face exhibits interlaced double ribbons, scrolls, tendrils, and floral motives as well the most diagnostic elements of the Borre ring chain — a symmetrical interlaced pattern. The floral motifs on both faces reflect the influence of the Anglo-Saxon Winchester style.

Despite a similar appearance to a wooden crozier, the crooked detail from the Troitsky site could not be attributed to this kind of objects because of its semicircular cross-section. Based on rare archaeological samples and medieval illuminated manuscripts we can assume that it was zoomorphic finial of the chair back or front arm. Chair-thrones were symbols of might and power in the Viking Age. Elite and fascinating décor, professional skill of wood cover, and possible attribution to prestigious furniture testify to the owner's high social status and direct North European connections.

The furniture detail was found at the partly excavated Property “C” in the narrow space between wooden building XII-194 and the wattle fence. According to dendrochronological data the structural timbers were cut down in 957. A range of domestic utensils and objects of the northern magic cults were found in and around the timber building. It testifies that Scandinavians were within the first settlers of Property “C”. The owner of the decorated chair-throne might have been a ritual actor, taking part in an animal sacrifice before the construction of the building. Two skulls of the rams dated to the second part of the 10th century were found at the neighboring Property “E” excavations. There were also some wooden objects decorated with the ram's head found in the earliest layers of the Troitsky site properties. In Norse mythology, a sacred ram has a particular association with the god Heimdallr. In general assessment, the carved wooden furniture detail from Property “C” perhaps is exceptional among the objects of Scandinavian origin found at the excavations of the Troitsky site because of its skillful wood carving, artistic style, function, and purpose. It is one of the rare artefacts reflecting pagan views and cult practice of the Scandinavian settlers in Novgorod in the second half of the 10th century. The dendrochronological data fits well with the dates (950–1050 AD) proposed for the Mammen style within Scandinavia and the British Isles.

Редкая находка сельскохозяйственного орудия из Великого Новгорода

А. М. Степанов, Н. Д. Страхова, В. К. Сингх¹

Аннотация. В статье описана находка сельскохозяйственного орудия — рала, обнаруженная в ходе исследований на Троицком раскопе в Великом Новгороде. В рамках исследования данной находки проведен поиск изобразительных и этнографических аналогий и предпринята попытка отнесения рала к определенному типу пахотных орудий.

Annotation. This paper describes the find of an agricultural tool — simple light plough (ard) revealed in the course of the investigations at the Troitsky excavation in Veliky Novgorod. During the study of this find, parallels were searched for among the figurative and ethnographical sources and an attempt was made at the attribution of the plough to a particular type of tilling tools.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, рало, сельское хозяйство, пахотные орудия.

Keywords: mediaeval Novgorod, Troitsky excavation, ard, agriculture, tilling tools.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-108-112

В 2019 г. на Троицком XV раскопе (Людин конец средневекового Новгорода, исследования начаты Новгородской археологической экспедицией в 1973 г.) была сделана неожиданная находка. На территории усадебного двора, среди набросов обломков мелкого дерева, найден предмет, состоящий из четырех сохранившихся деталей, определенный как рало (*Янин и др.*, 2019. С. 28, рис. 7).

Работы проводились в слоях первой половины XII в. В этот период усадебная застройка была сдвинута к югу, поэтому не попадает в границы основной площади раскопа. На участках, прилегающих к Черницыной улице, вскрыты остатки нескольких дворовых печей, часть из которых,

возможно, сосуществовала на определенном отрезке времени. Они не входили в участки усадебных дворов, отделены от них оградами, частично прослеженными при работах на раскопе. Выяснить сейчас принадлежность двора к определенной усадебной территории затруднительно, так как четких границ усадеб на прослежено. На раскопе зафиксированы только фрагментарные остатки одной постройки (небольшие обрубки венцов и подкладки под них и углы сруба), относящейся к усадьбе, на которой обнаружено рало. К сожалению, это затрудняет процесс воссоздания общей картины яруса застройки и его датировку. Вместе с тем, с подкладок сделано шесть спилов для дендрохронологического анализа, по результатам которого вся серия датирована 1118 г.² С учетом того, что все подкладки сруба могли быть вторичного использования, а ярус 15 мостовой Черницыной улицы датирован 1137 г., и принимая во внимание разницу во времени застройки усадьбы и замены настилов улицы, находку можно

¹ Степанов А. М. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ; ул. Ильина, д. 26, г. Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: sam0464@mail.ru. Страхова Н. Д. — кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; ИНИОН РАН; Нахимовский пр., д. 51/21, г. Москва, 117418, Россия; e-mail: snatd@yandex.ru. Сингх В. К. — кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: arxeolog@gmail.com.

² Датировка выполнена заведующей Центром по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ, канд. ист. наук О. А. Тарабардиной.

Рис. 1. Находка рала на XV Троицком раскопе в Новгороде, 2019 г.: 1 — рало *in situ* (фото А. М. Степанов); 2 — изометрический чертёж (И. А. Воронков); 3 — изометрический чертёж, поворот в $\frac{3}{4}$, без масштаба (И. А. Воронков); 4 — планиметрический чертёж (Д. Ю. Трифонов, И. А. Воронков)

Fig. 1. Simple light plough found at Troitsky excavation in Novgorod, 2019: 1 — light plough *in situ* (photo by A. M. Stepanov); 2 — isometric drawing (by I. A. Voronkov); 3 — isometric drawing, turned at $\frac{3}{4}$, no scale (I. A. Voronkov); 4 — planimetric drawing (D. Yu. Trifonov, I. A. Voronkov)

датировать второй четвертью XII в. Найденное на Троицком раскопе рало по типологии Ю. А. Краснова, на наш взгляд, можно отнести к 3-му типу прямогрядильных рал с ральником, вставлявшимся в грядиль снизу (Краснов, 1987. С. 73–74).

Находка имеет частичные разрушения — полоза в месте насадки наральника и в районе крепления рукояти в грядиль. Возможно, на усадебный двор она попала для починки, которая не была осуществлена (рис. 1).

Рало состоит из четырех частей.

Грядиль (дышло). Общая длина — 2,65 м. Изготовлена из цельного фрагмента дерева хвойных пород, по-видимому, сосны. Для упряжи вырублена односторонняя чашка шириной 0,08 м и глубиной 0,02 м. Со стороны упряжи грядиль имеет округлое сечение диаметром 0,08 м; на расстоянии 0,71 м в сторону рукояти принимает трапецевидную форму, увеличиваясь в сторону

рукояти, — от $0,06 \times 0,08 \times 0,08$ до $0,08 \times 0,10 \times 0,09$ м. В дышле зафиксированы четыре сквозных пазы: два вертикальных (относительно расположения чашки для упряжи), размерами $0,10 \times 0,03$ м и $0,09 \times 0,04$ м (в последний вставлена рукоять); два горизонтальных, размерами $0,07 \times 0,04$ м (имеет дополнительный вертикальный паз, не сквозной, в него вставлена стойка, глубина паза 0,07 м) и $0,08 \times 0,04$ м.

Рукоять. Общая длина 0,86 м. Изготовлена из цельного фрагмента дуба. Подтесана под доску, ширина 0,08 м, толщина 0,03 м. Вставлена в сквозные пазы грядиля и полоза. У вставки в полоз подтесана под доску частично, сохранена часть бревна, по-видимому, для крепления в паз. Рукоять как таковая не сохранилась. В верхней части (над грядилем) — паз размерами $0,02 \times 0,02$ м, в котором зафиксированы остатки древесины (нагель или рукоять как таковая?).

Стойка. Находится на расстоянии 0,48–0,52 м от рукояти в сторону упряжи. Общая длина 0,62 м. Для ее изготовления был использован цельный фрагмент дуба. Доска шириной 0,08 м и толщиной 0,03 см. Вставлена в пазы грядила и полоза. Для вставки в пазы концы подтесаны в форме трапеции.

Полоз. Частично обломан, длина сохранившейся части — 0,85 м. Для его изготовления использован цельный фрагмент дерева, вероятно, хвойных пород (сосны?) подпрямоугольного сечения. Имеет два сквозных пазы: горизонтальный, размерами 0,10 × 0,03 м (частично обломан), и вертикальный, размерами 0,11 × 0,03 м (в него была вставлена стойка).

Рало является древнейшим из почвообрабатывающих орудий, известных восточнославянским племенам с раннего средневековья. Рало широко использовалось не только на территории Восточной Европы, но и Западной.

К ралам относятся разнообразные по конструкции устройства, разрыхляющие пласт земли, который при движении орудия разваливается на две части (*Краснов, 1982. С. 63*). Таким образом, их можно отнести к группе черкающих и пашущих по классификации русского этнографа Д. К. Зеленина (*Зеленин, 1907. С. 11–12*). На территории Восточной Европы известны несколько типов рал, которые возникли в результате приспособления к различным географическо-климатическим условиям и сельскохозяйственным техникам.

В отечественной историографии сложилось мнение о том, что они послужили основой более совершенных видов пахотных орудий — сохи и плуга (*Краснов, 1982. С. 63*). По этнографическим данным, рала продолжали использоваться на территории Юго-Восточной Европы вплоть до XVIII–XIX вв. при вторичной распашке почв, которые до этого обрабатывались плугом или сохой (*Мамонов, 1952. С. 69; Вилкуна, 1973. С. 93–94*), а в ряде регионов и позже.

Изучению пахотных орудий было посвящено большое количество работ отечественных исследователей. Одним из первых серьезных исследований можно считать монографию уже упомянутого выше русского этнографа Д. К. Зеленина «Русская соха: ее история и виды», вышедшую в 1907 г. В этой работе автор предложил классификацию основных видов орудий, исходя из способа

воздействия на почву, а также дал подробное описание их разновидностей.

Несколько иной вариант классификации был предложен советским археологом П. Н. Третьяковым в 1932 г. Он также использовал функциональный признак в качестве основы разделения орудий на бороздящие и пашущие. К первой группе относятся орудия, только разрыхляющие почву, но не переворачивающие ее. Во вторую группу вошли орудия, оборачивающие пласт земли (*Третьяков, 1932. С. 25–26*).

В 1959 г. вышла статья советского этнографа Д. В. Найдич, в которой был предложен несколько иной вариант классификации пахотных орудий (*Найдич-Москаленко, 1959. С. 38–52*). Автор предложила использовать в качестве отличительного признака не характер воздействия на почву, а способ крепления тягловой силы. Решающее значение при изготовлении определенного типа орудия, по мнению Д. В. Найдич, имеет система земледелия, которая складывалась на той или иной территории в зависимости от географическо-климатических условий. В соответствии с характером почв место крепления тягловой силы могло располагаться выше или ниже. Для лесной зоны, с легкими почвами и большим количеством препятствий в виде пней и корней, орудия, которые глубоко сидят в земле, были бы непригодны. В таких условиях использовались орудия с высоким креплением тягловой силы, легкие и пружинистые. Орудия с низким креплением тягловой силы применялись на тяжелых, дернистых почвах и при обработке целины. Автор относит рало к разрывающим орудиям с низким креплением тягловой силы (*Там же. С. 41–51*).

Как правило, основным археологическим свидетельством наличия пахотных орудий являются железные наконечники их рабочих частей. До настоящего времени для территории Северной Руси какие-либо деревянные элементы конструкции неизвестны, за исключением рассохи с двумя зубьями, найденной Н. И. Репниковым во время раскопок Земляного городища Старой Ладogi. Однако данная находка нигде не зафиксирована и была утрачена еще до войны. В 1921 г. при раскопках в торфянике у с. Токари на северо-востоке Украины было обнаружено деревянное рало. Его подробное описание было сделано Ю. А. Красновым, который определил его как кривоградильное (*Краснов, 1981. С. 58–59*).

В отечественной историографии принято разделять железные наконечники на три группы по принципу принадлежности к тому или иному орудью: наральники, сошники и лемехи. Исследователь В. И. Довженок делит их по форме рабочей части на два типа. Первый тип представляют собой наральники, лопасть которых не превышает по ширине втулку и не имеет плечиков; такие наральники были рабочими частями рал без полоза, работающих под углом к почве. Второй тип включает в себя наконечники, в которых ширина лопасти превышает ширину втулки и лопасть имеет прямые плечики. Подобные наральники использовались на орудиях, подрезавших пласт горизонтально. Широколопастные наральники (лемехи) использовались на плугах (Довженок, 1952. С. 151). Подобной точки зрения придерживалась советский археолог В. П. Левашева, которая соотносила наральники без плечиков с бесполозными ралами и с плечиками для рал с полозом (Левашева, 1956. С. 26–29).

Более подробную классификацию представил А. В. Чернецов при разработке периодизации восточнославянских пахотных орудий. В основу периодизации были положены формальные признаки отдельных групп наконечников, так как изменения их форм автор считает бесспорным доказательством усовершенствования этих орудий или смены традиций их изготовления. А. В. Чернецов также предложил свою хронологию и классификацию железных наконечников пахотных орудий. Условно он разделил их на наконечники лесной, лесостепной и степной зон. Далее наконечники подразделяются на наральники, лемехи и сошники (Чернецов, 1976. С. 32–34).

Важнейшее значение для изучения пахотных орудий имеют работы советского археолога Ю. А. Краснова, которые легли в основу его монографии, посвященной древним и средневековым пахотным орудиям Восточной Европы (Краснов, 1976. С. 37–43; 1982. С. 63–81). В своих работах он предлагает классификацию орудий и их наконечников, основанную на функциональных и конструктивных признаках. Пахотные орудия автор подразделяет по принципу их воздействия на почву и способу крепления тягловой силы, таким образом соединяя классификации, предложенные предшественниками. Говоря о наконечниках орудий, он предлагает подразделять их

не только с точки зрения особенностей их формы, которые обычно описываются словами, но и по размерам (Краснов, 1987. С. 3–28). Ю. А. Краснов также предложил соотносить определенные типы наконечников с типом орудия.

Как уже было отмечено, находки деревянных элементов конструкции пахотных орудий для территории Древней Руси очень редки, рало из Токаревского торфяника отличается от обнаруженного в Новгороде строением, поэтому для поиска аналогичных орудий была предпринята попытка обратиться к этнографическому материалу. Подобное рало было обнаружено в коллекции Словенского этнографического музея³. В описании к орудью сказано, что оно было приобретено у крестьянина из с. Подгорье недалеко от г. Словень-Градец в 1956 г. Данное орудие относится к типу прямогрядильных рал с полозом и стойкой между грядилем и полозом. Общая длина рала составляет 3,73 м, длина полоза — 0,64 м, высота рукояти — 0,58 м, стойки — 0,56 м. Между стойкой и рукоятью имеется доска длиной 0,26 м, прикрепленная к клину, который позволяет перемещать ее влево и вправо. Общая длина наральника составляет 0,19 м, ширина 0,14 м. Наверху рукоять естественным образом раздвоена. Все детали изготовлены из бука, за исключением железного наконечника рабочей части. По типологии Ю. А. Краснова рало также можно отнести к 3-му типу прямогрядильных рал с ральником, вставлявшимся в грядиль снизу (Краснов, 1987. С. 73–74).

Обнаруженное в ходе археологических изысканий на Троицком XV раскопе рало имеет важное значение для изучения сельского хозяйства не только средневекового Новгорода, но и Северной Руси. Как уже было упомянуто выше, подобные находки крупных пахотных орудий встречаются крайне редко, а для исследуемой территории — неизвестны. В силу данных обстоятельств обнаружение остатков деревянной конструкции рала проливает свет на особенности устройства данных орудий, которые, как правило, реконструируются на основании изучения этнографических материалов.

³ Slovenski etnografski muzej [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.etno-muzej.si/sl/digitalne-zbirke/lokacije/podgorje-pri-slovenj-gradcu> (дата обращения 26.01.2021).

- Вилкуна*, 1973 — *Вилкуна К.* Как пахали поле до появления плуга // СЭ. 1973. Вып. 1. С. 93–100.
- Довженок*, 1952 — *Довженок В. И.* К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси // *Материалы по истории земледелия СССР: Сб. / Отв. ред. Б. Д. Греков.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 115–159.
- Зеленин*, 1907 — *Зеленин Д. К.* Русская соха и ее история и виды. Вятка: Вят. губ. стат. комитет, 1907. 18 с.
- Краснов*, 1976 — *Краснов Ю. А.* Об одном типе пахотных орудий древней Руси // КСИА, 1976. Вып. 146: Славяно-русские древности. С. 37–43.
- Краснов*, 1981 — *Краснов Ю. А.* Рало из Токаревского торфяника // КСИА. 1981. Вып. 164: Славяно-русская археология. С. 58–66.
- Краснов*, 1982 — *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3. С. 63–80.
- Краснов*, 1987 — *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 234 с.
- Левашева*, 1956 — *Левашева В. П.* Сельское хозяйство // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова.* М.: Госкультпросветиздат, 1956 (Тр. ГИМ; Вып. 32). С. 19–105.
- Мамонов*, 1952 — *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре // СЭ. 1952. № 4. С. 67–90.
- Найдич-Москаленко*, 1959 — *Найдич-Москаленко Д. В.* О принципах классификации русских пахотных орудий // СЭ. 1959. Вып. 1. С. 38–52.
- Третьяков*, 1932 — *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л.: ОГИЗ, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XIV, вып. 1). 43 с.
- Чернецов*, 1976 — *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. 1976. Вып. 146: Славяно-русские древности. С. 32–35.
- Янин и др.*, 2019 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Е. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2019 г. (Троицкие раскопы) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 23–37.

Rare find of an agricultural tool from Veliky Novgorod

A. M. Stepanov, N. D. Strakhova, V. K. Singkh

In 2019, during archaeological researches in Veliky Novgorod at the Troitsky excavation, a unique find was discovered. In the area of a domestic courtyard, in layers of the first half of the 12th century, there was recovered a partly damaged wooden implement consisting of several parts. In the course of its examination, this find was interpreted as an ard (light plough). After further studies the plough was attributed to straight-beamed ploughs with a ploughshare inserted into the plough beam from below (type 3 after Yu. A. Krasnov's typology). Ards are among the earliest tilling tools known to man. These implements had been used in the territories of East and West Europe until the early 20th century. Ards comprise tilling tools of various designs loosening the layer of earth cutting it in two during the movement of the tool. In the national historiography, the hypothesis has been established that the evolution of ards induced the emergence of more complicated tilling tools such as wooden and iron ploughs. As a rule, the single archaeological evidence of the tillage agriculture is constituted by iron coulter of the ploughing tools while the finds of wooden structures are extremely rare. The find published in this paper is unique not only within the territory of Novgorod and the Novgorod Land but also in entire Northern Rus'. In the course of this investigation, an analogous tool was discovered among the collections of the Slovenian Ethnographical Museum which also belongs to straight-beamed ploughs with a ploughshare inserted into the plough beam from below (type 3 after Yu. A. Krasnov's typology).

Балтские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)

Л. В. Покровская

Аннотация. Находки предметов балтского и западнофинского происхождения составляют на Троицком раскопе небольшую, но стабильную группу, встречаясь в слоях конца X — первой половины XIV в. Хронологический и топографический анализ этой группы предметов позволил установить связи владельцев усадеб, открытых на Троицком раскопе, с Восточной Прибалтикой, Северо-Западным Приладожьем и Северо-Западом Новгородской земли.

Annotation. Finds of objects of Baltic and West-Finnish provenience constitute a small but stable group at the Troitsky excavation and are encountered in layers of the late 10th — first half of the 14th century. Chronological and topographic analysis of this group of objects allowed the researchers to establish the connections of the owners of the urban properties investigated at the Troitsky excavation, with the Eastern Baltic region, North-Western Ladoga and the North-West of the Novgorod Land.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, Людин конец, археология, балты, финно-угры, украшения, систематизация, хронология, топография.

Keywords: mediaeval Novgorod, Troitsky excavation, Lyudin Konets, archaeology, Balts, Finno-Ugrians, ornaments, systematization, chronology, topography.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-113-127

Введение

Археологические исследования на Троицком раскопе, расположенном в Людином конце средневекового Новгорода, были начаты в 1973 г. и продолжаются до сих пор. Здесь открыт целый квартал средневекового города с улицами (Пробойной, Черницыной и Рядятиной) и прилегающими к ним усадьбами (рис. 1), его общая площадь составляет более 7000 кв. м. За годы изучения этого района Людина конца была собрана огромная вещевая коллекция, характеризующая разнообразные аспекты жизни и быта средневековых новгородцев. Каждый год она пополняется материалами, позволяющими по-новому рассматривать некоторые, казалось бы, уже изученные вопросы, например, проблему этнического состава населения раннего периода и характер взаимо-

отношений средневекового Новгорода с прибалтийско-финскими племенами. Одним из источников информации по этим темам могут служить находки предметов балтского и западно-финского происхождения (84 экз.), которые составляют на Троицком раскопе небольшую, но стабильную группу, встречаясь в слоях конца X — первой половины XIV в. (Покровская, 2018. С. 81–82)².

Распределение предметов по усадьбам

Важным аспектом изучения балтских и прибалтийско-финских предметов, найденных на Троицком раскопе, является их топографический анализ. Распределение по усадьбам предметов этой группы, обладающих яркой этнической характеристикой, позволит выявить наличие или отсутствие их комплексов на конкретных усадьбах.

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

² Предметы раннего периода опубликованы в работе: Покровская, 2018.

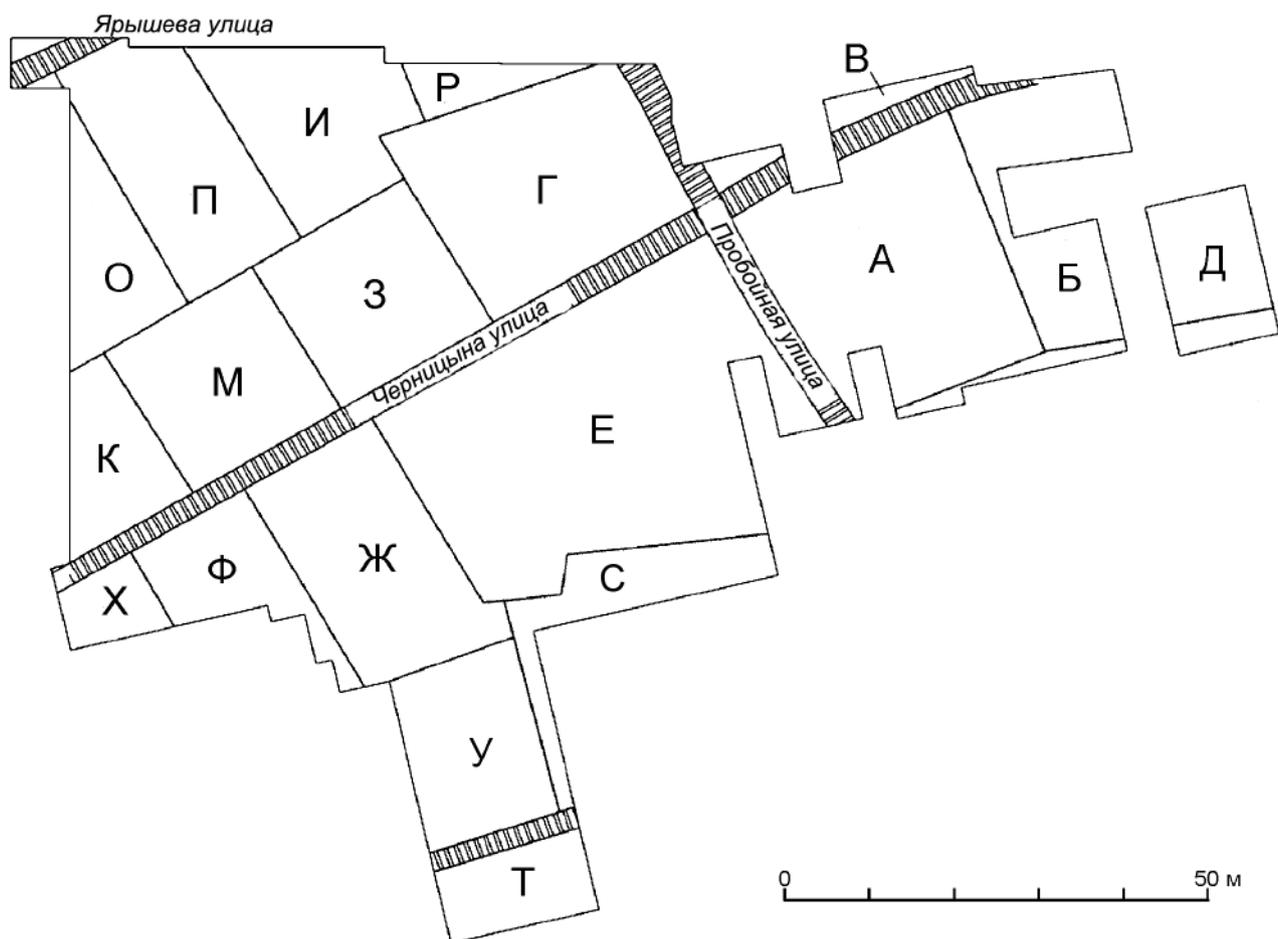

Рис. 1. План Троицкого раскопа с усадьбами
 Fig. 1. Plan of the Troitsky excavation with the urban properties

Усадьбы, расположенные к востоку от Пробойной улицы: «А», «Б», «В»

Наиболее подробно исследована усадьба «А», расположенная на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц. Культурный слой усадеб «Б» и «Д» на многих участках был скрыт и испорчен перекопами. Усадьба «В», раскопанная на небольшой площади, находится в северной части раскопа, напротив усадьбы «А» (рис. 1).

В слоях конца X — первой половины XI в. на усадьбах «А» и «Б» найдены (рис. 2): узкомассивный браслет (усадьба «А»), булавка с крестообразной головкой (усадьба «Б») и зооморфный амулет, аналогия которому происходит из ливского могильника.

В XII в. усадьбы принадлежали боярскому клану Мирошки Нездинича (Хорошев, 1994. С. 65–66), в последней трети столетия здесь жил новгородский художник Олисей Гречин (Колчин

и др., 1981. В слоях этого времени предметов изучаемой группы нет. И только к слою конца XII в. относится находка костяного амулета в виде миниатюрных ножен.

В слоях XIII в. найдены круглая выпуклая щитковая фибула (усадьба «Б») и два двуспиральных цепедержателя. Один из них (I тип, первый вариант) найден в слое первой половины XIII в. на усадьбе «Б» недалеко от частокола, отделяющего эту усадьбу от усадьбы «А», второй (I тип, второй вариант) происходит с усадьбы «А» из слоев конца XIII в. Находка фибулы «терветского» типа относится к слоям середины XIII в. К изучаемой группе предметов может быть условно отнесен зооморфный амулет (XIII тип, третий вариант), найденный в слое первой половины XIII в. Подковообразная фибула с зооморфными головками не датирована.

В слоях начала XI в. и начала XII в. на усадьбе «В» найдены (рис. 3) булавка с двумя округлыми

Рис. 2. Предметы из цветного металла с усадеб «А» и «Б»: 1 — булавка (пл. 23, кв. 267, усадьба «Б»); 2, 3 — зооморфные амулеты (пл. 20, кв. 277, усадьба «Б»; пл. 12, кв. 97, усадьба «А»); 4, 5 — двуспиральные цепедержатели (пл. 10, кв. 6; пл. 5, кв. 83, оба — усадьба «А»); 6 — фибула с зооморфными головками (южный профиль (раскопы I, II), усадьба «А»); 7 — фибула «терветского типа» (пл. 12, кв. 49, усадьба «Б»)

Fig. 2. Objects from nonferrous metal from properties “A” and “B”: 1 — pin (horizon 23, square 267, property “B”); 2, 3 — zoomorphic amulets (horizon 20, square 277, property “B”; horizon 12, square 97, property “A”); 4, 5 — two-spiral chain holders (horizon 10, square 6; horizon 5, square 83, both — property “A”); 6 — brooch with zoomorphic heads (southern profile (excavations I, II), property “A”); 7 — brooch of the “Tervete type” (horizon 12, square 49, property “B”)

боковыми лопастями, булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними, меньшего размера, и узкомассивный браслет.

Особый интерес представляет комплекс карельских украшений, который, вероятно, следует датировать второй половиной XII в. (подковообразная фибула с орнаментом на дуге, скорлупообразная фибула (тип Н), Ф-образная привеска и двуспиральный цепедержатель (II тип, второй вариант). Этот убор и его этническая принадлежность подробно рассмотрены в статье «Комплекс ювелирных украшений усадьбы „В“ Троицкого раскопа» (Покровская, 2005. С. 120–132). Скорлупообразная фибула, Ф-образная привеска и двуспиральный цепедержатель, видимо, составляли единый убор, аналогия которому происходит из карельского могильника (Кочкуркина, 1981. С. 90). Возможно, его появление на усадьбе свидетельствует о каком-то одномоментном событии, связанном с деятельностью владельцев усадьбы в Карельских землях (Покровская, 2005. С. 120–132).

Усадьбы, расположенные к западу от Пробойной улицы

Усадьбы Ярышевой улицы: «Р», «И», «П», «О»

Освоение этой территории датируется 30-ми годами X в. (Фараджева и др., 2013. С. 131–133). На усадьбах «И» и «П» в слоях конца X — XI в. найдены (рис. 4) балтский цепедержатель, подковообразная фибула с зооморфными головками, узкомассивный и ширококонечный браслеты.

На усадьбе «О» к слоям второй половины XI в. относится находка подковообразной фибулы с ромбовидными головками и орнаментом на дуге и головках. В слое первой половины XI в. на усадьбе «Р» обнаружена булавка с крестовидной головкой. Кроме того, в слоях второй половины X — начала XI в. на усадьбе «П» найдены финно-угорские амулеты из таранных костей бобра (Покровская, Тянина, 2015. С. 89–100).

После пожара 1207 г. застройка усадеб «И» и «П» становится более скромной, а по вещевым находкам фиксируется понижение социально-имущественного статуса жителей усадьбы (Фараджева и др., 2013. С. 137; Гайдуков и др., 1997. С. 50). То же можно сказать и о застройке усадьбы «О» во второй половине XIII в. (Фараджева и др., 2014. С. 208). Здесь в слоях этого периода обнаружена Ф-образная пронизка. На рубеже XIII–XIV вв. происходит значительное сокращение площади усадьбы «П» (Гайдуков и др., 1997. С. 50–51). В слоях второй половины XIII — начала XIV в. на усадьбах «И» и «П» обнаружен комплекс украшений изучаемой группы: булавка с крестовидной головкой, арочкообразный цепедержатель, три фибулы с зооморфными головками, узкомассивный браслет и спиральный перстень. Можно предположить, что комплекс предметов, обнаруженный на усадьбах Ярышевой улицы, связан с событиями, зафиксированными в берестяных грамотах № 704 (усадьба «П») и № 636 (усадьба «З»). Они найдены в слоях второй половины XIII в. и представляют

Рис. 3. Предметы из цветного металла с усадьбы «В»: 1, 3 — булавки (пл. 14, кв. 373, пл. 21, кв. 169А); 2 — привеска (пл. 7, кв. 365); 4 — скорлупообразная фибула (пл. 10, кв. 366); 5 — ажурный крестообразный цепедержатель (пл. 7, кв. 365); 6 — подковообразная фибула (пл. 13, кв. 373)

Fig. 3. Objects from nonferrous metal from property "B": 1, 3 — pins (horizon 14, square 373; horizon 21, square 169A); 2 — pendant (horizon 7, square 365); 4 — eggshell brooch (horizon 10, square 366); 5 — openwork cross-shaped chain holder (horizon 7, square 365); 6 — horseshoe brooch (horizon 13, square 373)

собой донесения с юго-западных рубежей Новгородского государства (Янин, 1998. С. 370–373).

Усадьбы, расположенные к северу от Черницыной улицы: «Г», «З», «М», «К»

Освоение территории, расположенной к северу от Черницыной улицы вдоль нее, и ее разделение на усадьбы происходило постепенно (Покровская, 1998. С. 23).

В слое первой половины XI в. на территории усадьбы «М» (рис. 5) найдена бронзовая привеска-уточка (II тип). Ко второй половине столетия относятся находки трех браслетов: двух узкомассивных (усадьбы «Г» и «З») и звериноголового (усадьба «Г»). Из слоев первой половины XII в. с усадьбы «Г» происходят находки костяного амулета в виде ножен и игольника с арочным навершием. На усадьбе «М» в слоях этого периода зафиксированы находки двух амулетов-ножен (бронзовый вариант двойных и изготовленный из кости). В слоях второй половины XII в. обнаружены: подковообразная фибула с конусовидными головками

(усадьба «Г»), подковообразная фибула с ромбовидными орнаментированными головками (усадьба «М»), зооморфная привеска (возможно, бракованная отливка с амулета XIV типа) и спиральный перстень (усадьба «З»). Еще один спиральный перстень найден на усадьбе «З» в слое первой половины XIII в. Ко второй половине XIII — началу XIV в. относятся находки двух двуспиральных цепедержателей (I тип, первый вариант — усадьбы «Г», «М»), витого звериноголового браслета (усадьба «М») и игольника с арочным навершием (усадьба «Г»). В слое второй половины XIV в. на усадьбе «М» найден цилиндрический игольник.

Усадьбы, расположенные к югу от Черницыной улицы: «Е», «С», «Ж», «У», «Т», «Ф» и «Х»

Освоение территории начинается в 30-е гг. X в. (усадьба «Ж»), а комплекс вещевых находок характеризует владельцев этих усадеб как обладающих высоким социальным статусом. Усадьбы

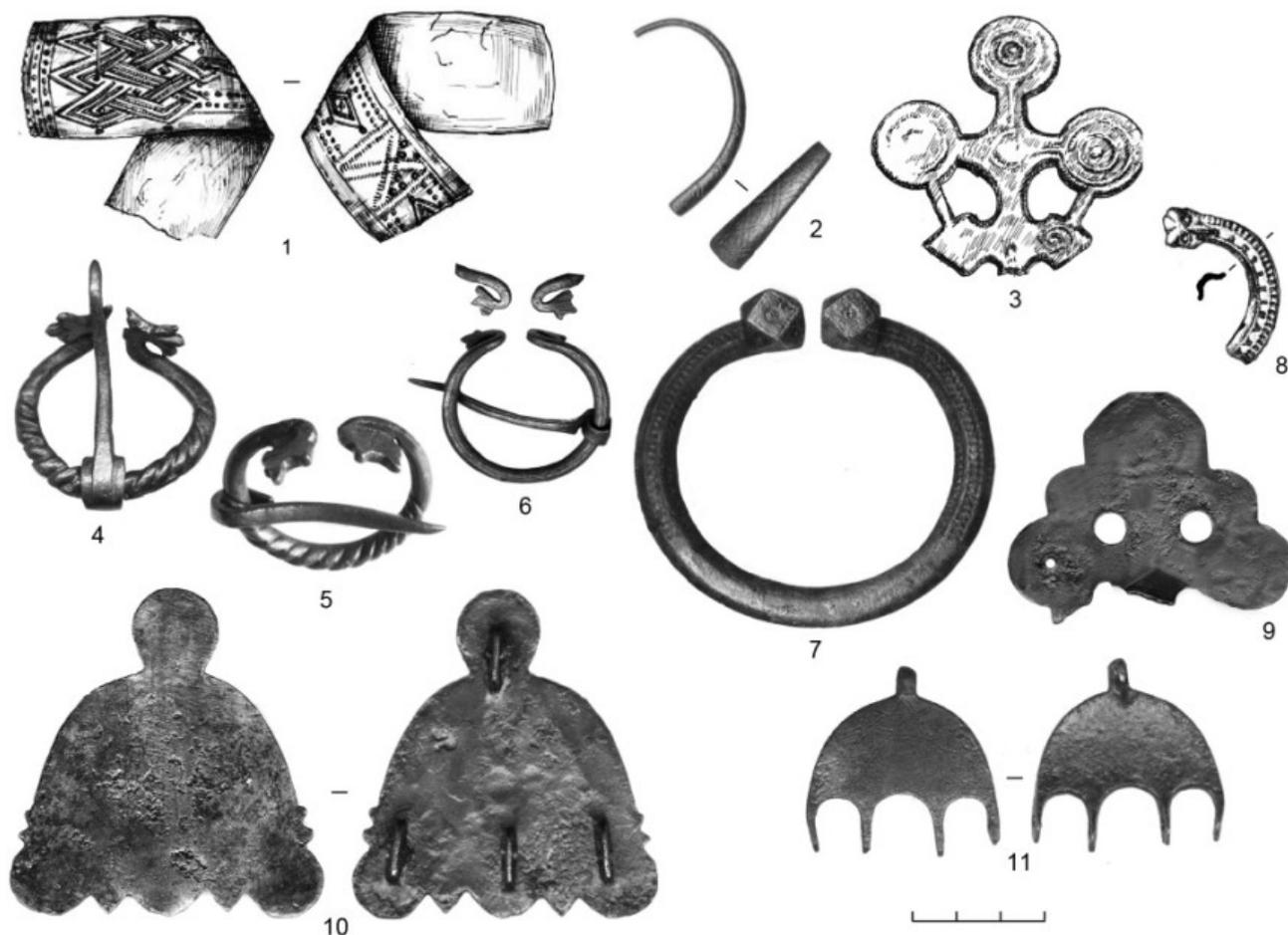

Рис. 4. Предметы из цветного металла с усадеб Ярышевой улицы («Р», «И», «П», «О»): 1 — ширококонечный браслет (пл. 14, кв. 1077, усадьба «И»); 2 — узкомаассивный браслет (пл. 4, кв. 1173); 3, 9 — булавки (пл. 11, кв. 1254, усадьба «Р»; пл. 4, кв. 1114, усадьба «И»); 4–6, 8 — фибулы с зооморфными головками (пл. 1, кв. 1097, усадьба «И»; пл. +4, кв. 1103, усадьба «П»; пл. 2, кв. 1119, усадьба «И»; пл. 13, кв. 1197, усадьба «П»); 7 — подковообразная фибула (пл. 16, кв. 843, усадьба «О»); 10, 11 — цепедержатели (пл. 3, кв. 1172; пл. 15, кв. 1072, оба — усадьба «П»)

Fig. 4. Objects from nonferrous metal from properties of Yarysheva Street (“P”, “I”, “P”, “O”): 1— broad-ended bracelet, horizon 14, square 1077, property “I”; 2 — narrow massive bracelet (horizon 4, square 1173); 3, 9 — pins (horizon 11, square 1254, property “P”; horizon 4, square 1114, property “I”); 4–6, 8 — brooches with zoomorphic heads (horizon 1, square 1097, property “I”; horizon +4, square 1103, property “P”; horizon 2, square 1119, property “I”; horizon 13, square 1197, property “P”); 7 — horseshoe brooch (horizon 16, square 843, property “O”); 10, 11 — chain holders (horizon 3, square 1172; horizon 15, square 1072, both — property “P”)

«Е», «Ж» и «У» археологически изучены полностью, усадьбы «С» и «Т» — на небольших участках, а усадьбы «Ф» и «Х» находятся в процессе археологического изучения.

На усадьбе «Е» (рис. 6), расположенной на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц, в слоях второй половины X — XII в. украшений изучаемой группы нет. К кругу предметов, которые могут характеризовать связи владельцев усадьбы с Прибалтикой, вероятно, можно отнести находки коньков-амулетов «смоленского» типа (3 экз.)

и привеску с изображением быка. В первой половине XI в. на этой усадьбе, видимо, жил священник, о чем свидетельствуют находки церы и иконки на бересте, а в 20–70-е гг. XII в. усадьба «Е» была административным центром Людина конца (Янин и др., 2001. С. 7). В слое второй половины XII в. на этой усадьбе найдены костяная привеска-ножны и «рогатая» привеска-уточка. К слоям XIII в. относятся находки двуспирального цепедержателя (I тип, первый вариант) и двух «рогатых» птицевидных привесок.

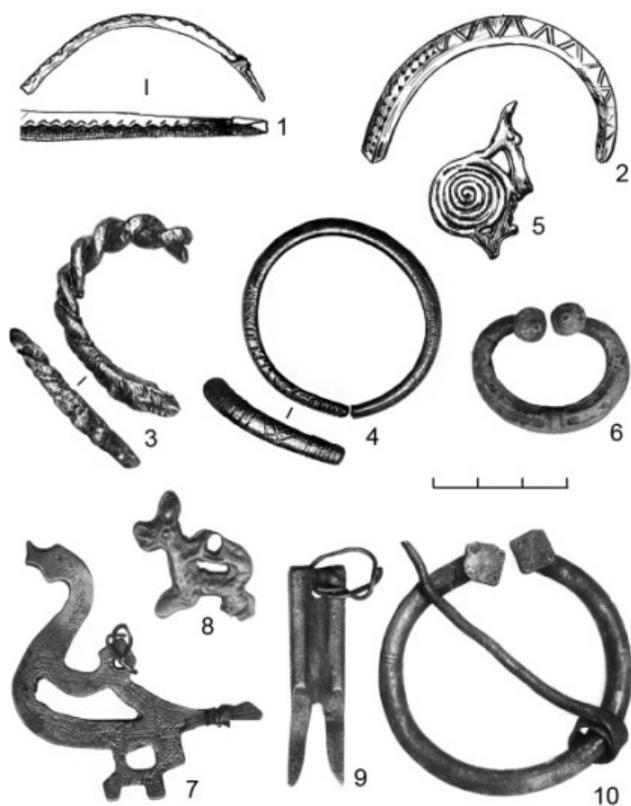

Рис. 5. Предметы из цветного металла с усадеб «Г», «З», «М», «К»: 1 — звериноголовый браслет (пл. 15, кв. 328, усадьба «Г»); 2, 4 — узкомассивные браслеты (пл. 16, кв. 753; пл. 15, кв. 701, оба — усадьба «Г»); 3 — витой звериноголовый браслет (пл. 6, кв. 871, усадьба «М»); 5 — двуспиральный цепедержатель (пл. +2, кв. 937, усадьба «К»); 6, 10 — подковообразные фибулы (пл. 10, кв. 590, усадьба «Г»; пл. 9, кв. 907, усадьба «М»); 7 — птицевидная привеска (пл. 15, кв. 905, усадьба «М»); 8 — зооморфная привеска (пл. 6, кв. 914, усадьба «М»); 9 — ножны-амулет (пл. 10, кв. 861, усадьба «М»)

Fig. 5. Nonferrous metal objects from properties "Г", "З", "М" and "К": 1 — beast-head bracelet (horizon 15, square 328, property "Г"); 2 — narrow massive bracelets (horizon 16, square 753; horizon 15, square 701, both — property "Г"); 3 — twisted beast-head bracelet (horizon 6, square 871, property "М"); 5 — two-spiral chain holder (horizon +2, square 937, property "К"); 6, 10 — horseshoe brooches (horizon 10, square 590, property "Г"; horizon 9, square 907, property "М"); 7 — bird-like pendant (horizon 15, square 905, property "М"); 8 — zoomorphic pendant (horizon 6, square 914, property "М"); 9 — sheath-amulet (horizon 10, square 861, property "М")

Рис. 6. Предметы с усадьбы «Е»: 1 — привеска с изображением быка (пл. 22, кв. 1396); 2–4 — зооморфные привески (пл. 17, кв. 1350; пл. 17, кв. 1488; пл. 15, кв. 1345); 5–7 — птицевидные привески (пл. 13, кв. 445; пл. 8, кв. 1448; пл. 6, кв. 1302); 8 — двуспиральный цепедержатель (пл. 5, кв. 1344); 9 — ножны-амулет (пл. 13, кв. 1317). 1–8 — цветной металл; 9 — кость

Fig. 6. Objects from property "Е": 1 — pendant with representation of a bull, horizon 22, square 1396; 2–4 — zoomorphic pendants (horizon 17, square 1350; horizon 17, square 1488; horizon 15, square 1345); 5–7 — bird-like pendants (horizon 13, square 445; horizon 8, square 1448; horizon 6, square 1302); 8 — two-spiral chain holder horizon 5, square 1344; 9 — sheath-amulet, horizon 13, square 1317. 1–8 — nonferrous metal; 9 — bone

К западу от усадьбы «Е» вдоль Черницыной улицы расположена усадьба «Ж» (рис. 7). Характер застройки и вещевой комплекс этой усадьбы в X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе ее владельцев (Рыбина и др., 2020. С. 12–14).

В слоях конца X — середины XI в. здесь обнаружены балтский головной венчик, обломок

булавки с крестовидной головкой, ширококонечный и узкомассивный браслеты, костяная привеска-уточка и пластинчатый зооморфный амулет. Также к слоям второй половины X — начала XI в. относится комплекс предметов скандинавского облика (Там же. С. 14–15). В первой половине XII в. одной из статей доходов владельцев усадьбы была торговля пушниной, о чем свидетельствуют

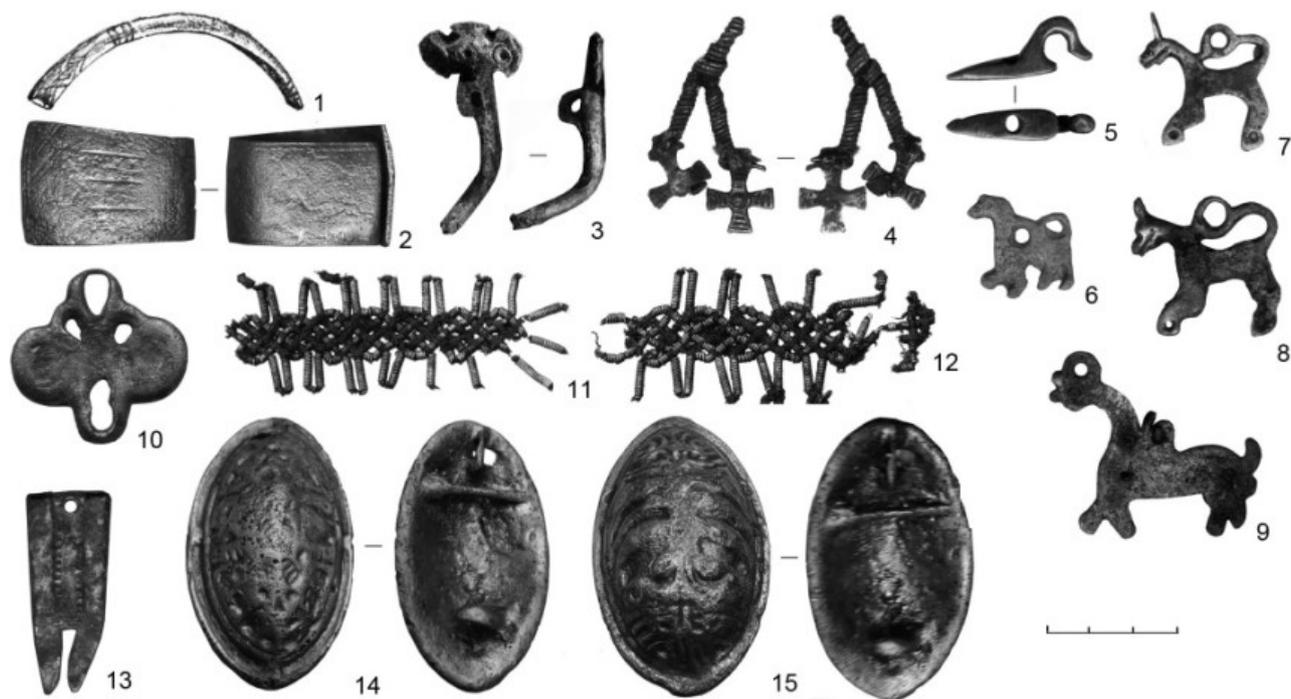

Рис. 7. Предметы с усадьбы «Ж»: 1 — узкомассивный браслет (пл. 19, кв. 614); 2 — ширококонечный браслет (пл. 15, кв. 1838); 3 — булавка (пл. 17, кв. 1611); 4 — головной венчик (пл. 14, кв. 1621); 5 — птицевидная привеска (пл. 16, кв. 1811); 6–9 — зооморфные привески (пл. 6, кв. 1852; пл. 7, кв. 1862; пл. 7, кв. 1836; пл. 16, кв. 1812); 10 — двуспиральный цепедержатель (пл. 6, кв. 586); 11–12 — фрагменты ткани с орнаментом из бронзовых спиралек (пл. 11, кв. 1604); 13 — ножны-амулет (двойные) (пл. 10, кв. 1802); 14, 15 — скорлупообразные фибулы (пл. 1, кв. 1815; пл. 2, кв. 1818). 1–3, 6–10, 13–15 — цветной металл; 5 — кость; 4, 11, 12 — цветной металл, шерсть

Fig. 7. Objects from property “Ж”: 1 — narrow massive bracelet (horizon 19, square 614); 2 — broad-end bracelet (horizon 15, square 1838); 3 — pin (horizon 17, square 1611); 4 — diadem (horizon 14, square 1621); 5 — bird-like pendant (horizon 16, square 1811); 6–9 — zoomorphic pendants (horizon 6, square 1852; horizon 7, square 1862; horizon 7, square 1836; horizon 16, square 1812); 10 — two-spiral chain holder (horizon 6, square 586); 11–12 — fragments of textile with a pattern of bronze spirals (horizon 11, square 1604); 13 — sheath-amulet (double) (horizon 10, square 1802); 14–15 — eggshell brooches (horizon 1, square 1815; horizon 2, square 1818). 1–3, 6–10, 13–15 — nonferrous metal; 5 — bone; 4, 11, 12 — nonferrous metal, wool

тексты берестяных грамот и находки товарных пломб (Там же. С. 22–26). К этому периоду относятся находки трех бронзовых амулетов в виде миниатюрных ножен (один из них относится к варианту двойных). В середине — второй половине XII в. происходит расширение границ усадьбы, а комплекс вещевых находок и берестяных грамот свидетельствует о высоком социальном статусе ее владельцев (Там же. С. 29–30). К этому периоду относятся находки двух «смоленских» коньков-амулетов, зооморфного амулета, который мог быть бракованной отливкой, и обрывка ткани с узором из бронзовых спиралек. Одним из основных занятий владельцев усадьбы в этот период была торговля, о чем свидетельствуют, прежде всего, тексты берестяных грамот (Там же. С. 27), а одно из ее направлений отражено в грамоте № 1035

с записью «а вот ливские». На рубеже XII–XIII вв. после пожара 1207 г. площадь усадьбы сокращается, меняется характер застройки и вещевого комплекса, что, вероятно, свидетельствует о смене владельцев (Там же. С. 26–29). В слоях XIII в. найдены две карельские скорлупообразные фибулы (типов Н и С) и двуспиральный цепедержатель (I тип, первый вариант).

Усадьбы «У» и «Т» расположены в южной части Троицкого раскопа (рис. 8). Начало освоения этой территории датируется второй половиной X — первой половиной XI в. (первый строительный период). Второй хронологический период охватывает вторую половину XI — рубеж XII/XIII вв. В эти периоды владельцы усадеб обладали высоким социальным статусом (Степанов и др., 2015. С. 263–275). Находки украшений изучаемой

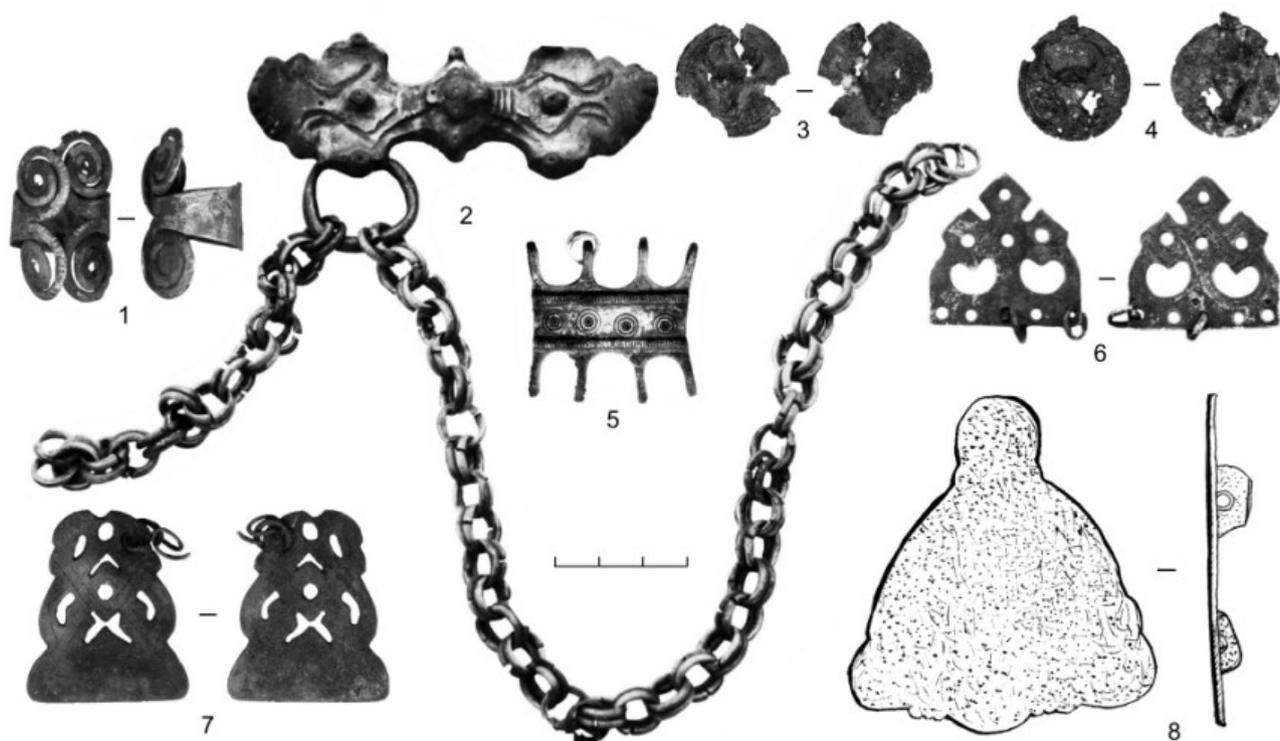

Рис. 8. Предметы из цветного металла с усадеб «У» и «Т»: 1 — перстень (пл. 20, кв. 1740); 2 — равноплечая фибула (пл. 14, кв. 1781); 3, 4 — привески с изображением быка (пл. 18, кв. 1706; пл. 18, кв. 1656); 5 — разделитель цепей (пл. 9, кв. 1789); 6, 8 — цепедержатели (пл. 17, кв. 1713; пл. 5, кв. 1782); 7 — гребень-амулет (пл. 18, кв. 1656)

Fig. 8. Nonferrous metal objects from properties “Y” and “T”: 1— finger-ring (horizon 20, square 1740); 2 — equal-arm brooch (horizon 14, square 1781); 3, 4 — pendants with representation of a bull (horizon 18, square 1706; horizon 18, square 1656); 5— chain divider (horizon 9, square 1789); 6, 8 — chain holders (horizon 17, square 1713; horizon 5, square 1782)

группы на усадьбе «У» ограничиваются ранним периодом (второй половиной X — первой половиной XI в.): перстень с четырьмя волютами, балтский цепедержатель и бронзовый гребень-амулет с зооморфной спинкой. К этому же периоду относятся находки двух привесок с изображением быка. На усадьбе «Т» в слое второй половины XI в. найдена равноплечая фибула с цепочкой, слое первой половины XII в. — прибалтийско-финский разделитель цепей, ко второй половине XIII в. относится находка арочкообразного цепедержателя.

Характеристика новгородских находок балтского и прибалтийско-финского происхождения

Балтский головной венчик (рис. 7, 4) найден в слое второй четверти XI в. От него сохранились бронзовые спиральки, нанизанные на шерстяную нитку, к которым прикреплены две крестовидные привески. Подобные головные уборы наиболее характерны для латгалов и встречаются на всей

территории их расселения (Финно-угры..., 1987. С. 360; Латгалы..., 1999. С. 23).

Булавки с крестообразными головками (6 экз.). Самая ранняя булавка с округлыми плоскими лопастями (рис. 2, 1) найдена в слое конца X — начала XI в. Такие булавки известны среди древностей Литвы и получили широкое распространение в Эстонии, где становятся этноопределяющим украшением эстов (Финно-угры..., 1987. С. 19). Булавка с двумя округлыми боковыми лопастями, соединенными перекладиной с нижними лопастями меньшего размера (рис. 3, 1), найдена в слое начала XI в. Булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними меньшего размера (рис. 3, 3) происходит из слоя начала XII в. Еще одна булавка с сохранившимися нижними лопастями обнаружена в слое начала XI в. (рис. 7, 3). Булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними меньшего размера, соединенными с верхними лопастями перепонкой, относится к слоям первой половины XII в. (рис. 4, 3).

Подобные булавки известны у воды (Рябинин, 1997. С. 30, рис. 5, 1), финно-угорского населения восточного берега Чудского озера (Хвоцинская, 1990. С. 12) и в Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 69–70). Несмотря на то что булавки этого типа встречаются в памятниках Новгородской земли и в Финляндии, они являются эстскими по происхождению (Хвоцинская, 2004. С. 70). Булавку с головкой без орнамента, найденную в слое конца XIII — начала XIV в. (рис. 4, 9), вероятно, можно отнести к позднему варианту, у которого все лопасти соединяются перепонкой. Подобная булавка известна в Варболе (Финно-угры..., 1987. Табл. II, 3), Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 69–70, табл. СХХVI) и Мануйлово (Рябинин, 1997. Рис. 5, 1).

Фибулы (14 экз.), относящиеся к кругу балтских и прибалтийско-финских древностей, происходят на Троицком раскопе из слоев второй половины XI — начала XIV в. *Равноплечная фибула с цепочкой* (рис. 8, 2) найдена в слое второй половины XI в. Подобные фибулы известны на территории Финляндии и Приладожской Карелии, а на территории Северо-Запада их находки единичны (Носов, Хвоцинская, 2007. С. 11–12, рис. 2, 4, 5). *Карельские скорлупообразные фибулы* (3 экз.) получают наибольшее распространение среди карельских древностей. Две фибулы, относящиеся по классификации Ю. Айлио (Ailio, 1922. S. 42–57) к типу Н, найдены в слоях второй половины XII (рис. 3, 4) и второй половины XIII в. (рис. 7, 15). Такие фибулы встречаются на памятниках Финляндии и Северо-Западного Приладожья, однако больше всего их на территории расселения древнекарельских племен (Кочкуркина, 1982. С. 108). В. В. Седов считает эти фибулы карельско-емским украшением (Финно-угры..., 1987. С. 48). Еще одна фибула, вероятно, является грубой отливкой с фибулы типа С (рис. 7, 14), найдена в слое второй половины XIII в. Подобные фибулы распространены на территории летописной карелы (Кочкуркина, 1982. С. 104–105; Сакса, 2010. С. 107–114). *Круглая выпуклая щитковая фибула* с отверстием в центре и орнаментом на щитке («терветского» типа) найдена в слое середины XIII в. (рис. 2, 7). Такие фибулы известны по материалам раскопок Асотского городища, но особенно много их в Тервете (Шноре, 1961. Табл. III:14; Латгалы, 1999. С. 27). *Подковообразные фибулы с зооморфными головками* (5 экз.) по стилю оформления головок относятся к кругу балтских и западнофинских

древностей (Kivikoski, 1973. Abb. 699. S. 297; Финно-угры..., 1987. Табл. III, 10; СХV, 3; СХVIII, 8; СХХ, 4; СХХII, 6; СХХV, 19; СХХХIV, 19). Одна фибула происходит из слоя конца XI в. (рис. 4, 8), три найдены в слоях второй половины XIII — XIV в. (рис. 4, 4–6), одна не датирована (рис. 2, б). *Подковообразные фибулы с ромбовидными орнаментированными головками и дугой* (2 экз.). Одна из них найдена в слое второй половины XI в. (рис. 4, 7; 5, 10), вторая — в слое середины XII в. Подобные фибулы большого диаметра встречаются в основном в мужских погребениях у балтов и эстов (Седова, 1981. С. 86). Основным районом их распространения была Эстония, что позволяет считать их эстонским типом подковообразных фибул. Подобные фибулы датируются в Эстонии концом X — началом XI в., а в погребениях Залахтовского могильника встречаются до конца XI в. (Хвоцинская, 2004. С. 81). *Подковообразная фибула с гранчатыми головками и орнаментом на дуге* найдена в слое первой половины XII в. (рис. 3, б) и в отличие от серебряных карельских (Сакса, 2010. С. 128) изготовлена из бронзы. Ближайшие аналогии карельским фибулам известны на территории Ижорского плато (Там же. С. 130). *Подковообразная фибула с конусовидными головками и орнаментом на дуге* (рис. 5, б) происходит из слоя второй половины XII в. Подобные фибулы встречаются среди древностей прибалтийских финнов (Седова, 1981. С. 89; Финно-угры..., 1987. Табл. III, 7; XIV, 8).

Цепедержатели (12 экз.) использовались в костюме балтов и прибалтийских финнов для крепления цепочек и шумящих украшений к булавам или овально-выпуклым фибулам. *Цепедержатель полукруглой формы с петлями для крепления цепочек и орнаментом на тулове* происходит из слоя первой половины XI в. (рис. 4, 11). Такие цепедержатели имеют куршское происхождение, известны среди древностей эстов и латгалов (Финно-угры..., 1987. Табл. CVIII, 18; СХХХIII, 7). *Ажурный цепедержатель* (рис. 8, б) найден в слое середины XI в. Подобные цепедержатели известны среди древностей эстов, латгалов (Финно-угры..., 1987. Табл. CV, 6), ливов (Зариня, 1985. Рис. 2, 2; Спиргис, 2012. Рис. 6, б) и на Северо-Западе Новгородской земли (Финно-угры..., 1987. Табл. II, 22; VIII, 14; X, 9; Хвоцинская, 2004. С. 70, табл. ХСIX, 4). *Арочкообразные цепедержатели* (2 экз.) (рис. 4, 10; 8, 8) найдены в слое второй половины XIII в. Такие цепедержатели были

широко распространены у прибалтийских финнов — эстов и ливов (*Хвоцинская*, 2004. С. 70–71, табл. СХVII, 36, 37; СХХVI; СХХХIII). *Двусторонние цепедержатели* (7 экз.) обнаружены в слоях XIII — первой половины XIV в. Их хронология и типология разработана С. И. Кочуркиной (*Кочуркина*, 1982. С. 112). *Цепедержатели типа I, первый вариант* (5 экз.) (рис. 2, 4, 5; 5, 5; 6, 8, 7, 10) известны на карельских, эстских и западнофинских памятниках, в новгородских и костромских курганах, поэтому, по мнению некоторых исследователей, их нельзя считать характерными только для древнекарельского убора (*Седова*, 1981. С. 35; *Финно-угры...*, 1987. С. 48). *Цепедержатель I типа, второй вариант* (декоративный). Подобные цепедержатели редко встречаются за пределами расселения летописной карелы, что позволяет считать их карельским изобретением (*Кочуркина*, 1982. С. 113) (рис. 2, 5). *Цепедержатель II типа, второй вариант*, также является карельским (*Кочуркина*, 1982. С. 114) (рис. 3, 5).

Для прикрепления цепочек в балтских и прибалтийско-финских костюмах кроме цепедержателей использовались разделители цепей. Ближайшая аналогия *разделителю цепей* (рис. 8, 5), найденному в слое первой половины XII в., обнаружена на одном из памятников водской земли (*Рябинин*, 1997. Рис. 5, 8).

Ф-образная пронизка найдена в слое второй половины XIII в. Подобные пронизки широко распространены на памятниках Прикамья, перми вычегодской и веси (*Седова*, 1981. С. 34), а также среди древностей Карельского перешейка (*Кочуркина*, 1982. С. 112). Типологически близкой к Ф-образным пронизкам является *привеска*, найденная в слоях конца XII в. (рис. 3, 2). От пронизок ее отличает западная нижняя часть с тремя петлями для привешивания шумящих украшений. Подобная привеска известна по материалам одного из погребений могильника Туккала (*Кочуркина*, 1981. С. 90).

Привески-амулеты (5 экз.). Среди привесок, найденных на Троицком раскопе, есть амулеты, нехарактерные для древнерусского убора, но хорошо известные в Прибалтике и Финляндии. *Гребень-привеска с зооморфной спинкой* (рис. 8, 7), оформленной в виде стилизованных головок птиц, найден в слое первой половины XI в. Подобные бронзовые амулеты характеризуются исследователями как изделия, связанные с прибал-

тийско-финской художественной традицией (*Носов*, *Хвоцинская*, 2007. С. 7–10). *Бронзовая пластинчатая привеска-уточка*, найденная в слое первой половины XI в. (рис. 5, 7), относится ко II типу (*Рябинин*, 1981. С. 16–17). Подобные привески не получают распространения на территории Древней Руси, но хорошо известны на археологических памятниках эстов и ливов (*Хвоцинская*, 2004. С. 72–73). Е. А. Рябинин отмечает, что основной район концентрации привесок этого типа (тип II) зафиксирован на территории Латвии (*Рябинин*, 1981. С. 16–17). *Объемная привеска-уточка, изготовленная из кости*, найдена в слое середины XI в. (рис. 7, 5). За пределами Древней Руси подобные амулеты известны в Прибалтике, в том числе в Эстонии. Некоторые исследователи связывают появление костяных привесок-уточек на славянских памятниках с балтской традицией (*Рябинин*, 1981. С. 44). Аналогия *зооморфному амулету* (рис. 2, 2), найденному в слое конца X — начала XI в., происходит из ливского могильника (*Tõnisson*, 1974. Abb. 29, 4). *Зооморфный амулет* (рис. 7, 9), происходящий из слоя первой половины XI в., относится к XII типу (*Рябинин*, 1981. С. 27). Подобные привески концентрируются в Юго-Восточном Приладожье (*Рябинин*, 1981. С. 27). Наиболее близкая по форме привеска происходит из Эстонии (*Кузнецова*, 2018. С. 292, рис. 1–9).

Браслеты (12 экз.). *Узкомассивные браслеты* (8 экз.) найдены в слоях конца X — начала XI в. (3 экз.), второй половины XI — начала XII в. (3 экз.) и XIII в. (2 экз.) (рис. 4, 2; 5, 2, 4; 7, 1). Широкое распространение узкомассивных браслетов в Восточной Прибалтике, в том числе в Эстонии, позволяет предположить, что именно оттуда они попадают в северо-западные районы Новгородской земли (*Левашева*, 1967. С. 242; *Седова*, 1981. С. 103; *Нукшинский могильник...*, 1957. Табл. V, 3; VI, 4). *Ширококонечные браслеты* (2 экз.) распространены на памятниках Балтийского региона и характерны для балтского и финно-угорского круга древностей (*Левашева*, 1967. С. 236; *Седова*, 1981. С. 110). Браслет, найденный в слое второй половины XI в., относится к раннему типу (рис. 4, 1). Второй браслет, происходящий из слоя первой половины XI в. (рис. 7, 2), сопоставим с поздней группой браслетов этого типа (*Хвоцинская*, 2004. С. 84–86). *Звериноголовые браслеты* (2 экз.) — характерное украшение балтов — найдены в слое второй половины XI в. и первой половины XII в.

(рис. 5, 1, 3). Из Прибалтики они распространяются на землях, заселенных финно-уграми и славянами (Левашева, 1967. С. 241; Седова, 1981. С. 112). Известны они и у прибалтийско-финских племен, в частности, у эстов, где считаются привозными (Финно-угры..., 1987. С. 19).

Перстни (4 экз.). *Перстень с четырьмя волютами* (рис. 8, 1) происходит из слоя конца X — начала XI в. Подобные перстни были широко распространены в Эстонии, известны они на археологических памятниках латгалов и в Финляндии (Лесман, 2011. С. 408). В Залахтовье такие перстни встречены в 35 погребениях (Хвоцинская, 2004. С. 90, табл. XIX, 9–11). *Спиральные перстни* (3 экз.) найдены в слоях первой половины XII, первой половины XIII и второй половины XIII в. Подобные перстни широко распространены у балтов и прибалтийских финнов (Седова, 1981. С. 125; Финно-угры..., 1987. Табл. II, 17; CV, 2; CVII, 6, 7; CXIV, 24).

Обрывок ткани с узором из бронзовых спиралек (рис. 7, 11, 12) найден в слое середины XII в. Характер орнамента и техника изготовления свидетельствуют о его несомненном прибалтийско-финском происхождении (Хвоцинская, 1993. С. 157–166).

Среди украшений и амулетов, найденных на усадьбах, открытых на Троицком раскопе, можно выделить группу предметов, которые нельзя однозначно относить к группе предметов балтского или прибалтийско-финского круга древностей. Однако они, вероятно, могут характеризовать связи жителей усадеб с Прибалтикой или с Северо-Западом Новгородской земли.

Круглые привески с изображением быка (3 экз.) (рис. 6, 1; 8, 3, 4) найдены в слоях конца X — первой половины XI в. Возможно, такие привески изготавливались на городище Даугмале, о чем свидетельствует находка каменной литейной формы (Хвоцинская, 2000. С. 247–249), а большинство находок привесок этого типа имеют «достаточно выраженный балто-финский контекст» (Хвоцинская, 2004. С. 75).

Зооморфная привеска (рис. 2, 3) найдена в слое первой половины XIII в. и относится к XIII типу, третий вариант (Рябинин, 1981. С. 28). Две подобные подвески происходят из Новгородской земли, две — из Приладожья, по одной — из Костромской и Московской областей (Там же. С. 28). Еще одна подвеска, но более стилизованная, происходит с городища Даугмале (Там же. С. 28, табл. XI, 5; XII, 2).

Коньки-амулеты так называемого смоленского типа (7 экз.) — XIV тип, первый вариант (Рябинин, 1981. С. 29–31). Два из них происходят из слоя первой половины XI в., один — из слоя второй половины этого же столетия, к середине XII в. относятся находки двух привесок этого типа (рис. 6, 2–4; 7, 7, 8). Еще две привески, которые могли быть местными поздними вариантами или литейным браком, найдены в слоях второй половины XII в. (рис. 5, 8; 7, 6). Зооморфные привески XIV типа получают широкое распространение на территории Древней Руси, в том числе в землях, не связанных с финно-угорским миром, что позволяет предположить их древнерусское происхождение. Одним из районов их концентрации была область расселения смоленско-полоцких кривичей. Поэтому их часто называют коньками «смоленского» типа. По мнению Е. А. Рябинина, в XI–XII вв. второй центр изготовления коньков-амулетов этого типа мог находиться в Восточной Прибалтике (Там же. С. 29–31). Он предполагает, что у прибалтийских привесок уши оформлялись в виде одного или двух выступов, а у древнерусских — в виде колечек (Там же. С. 31). По этому признаку новгородские амулеты предположительно имеют прибалтийское происхождение. Детальному анализу коньков-амулетов «смоленского» типа посвящена статья Р. Спиргиса (Спиргис, 2012. С. 195–220). Он установил, что в XI — первой половине XII в., во время наибольшего распространения коньков-амулетов «смоленского» типа на территории Древней Руси, в Латвию попадают отдельные экземпляры. В XII в. их начинают изготавливать на городище Даугмале, а время наибольшего распространения коньков-амулетов этого типа на территории Латвии приходится на XII–XIII вв. (Там же. С. 209). Этот вывод в некоторой степени ставит под сомнение прибалтийское происхождение новгородских привесок. Однако, на мой взгляд, только топографический анализ и сочетание этих привесок с балтскими и прибалтийско-финскими предметами в пределах одной усадьбы и одного хронологического периода могут уточнить их происхождение в каждом конкретном случае.

Плоские прорезные «рогатые» уточки (3 экз.) — тип III, первый вариант (Рябинин, 1981. С. 17–18) — происходят из слоев второй половины XII в., первой половины XIII в. и второй половины XIII в. (рис. 6, 5–7). Е. А. Рябинин отмечает их концентрацию в северо-западных областях Древней

Руси (Там же. С. 17). Довольно много таких привесок в Прибалтике, например в Восточной Латвии (Спиргис, 2012. Рис. 4, 8–12).

Ножны-амулеты (9 экз.), изготовленные из кости (5 экз.) и цветного металла (4 экз., два — вариант двойных ножен), найдены в слоях XII в. (рис. 5, 9; 6, 9; 7, 13). Такие амулеты происходят в основном с памятников северных и северо-западных областей Древней Руси (Рябинин, 1988. С. 61). За пределами Древнерусского государства они были широко распространены в Прибалтике, на древнеэстонских и ливских памятниках, что позволяет предположить их прибалтийско-финское происхождение (Рябинин, 1988. С. 61; Недошивина, 1993. С. 40). Типологически близкими к амулетам в виде ножен являются **привески-игольники**, широко распространенные среди финно-угорских древностей (Седова, 1981. С. 34–35). От ножен-амулетов их отличает наличие внутреннего канала для ношения игловок. Два игольника с арочным навершием найдены в слоях второй половины XIII в., а цилиндрический — в слое второй половины XIV в.

Заключение

Таким образом, во второй половине X — XI в. балтские и прибалтийско-финские украшения (31 экз.) известны практически на всех усадьбах, открытых на Троицком раскопе и, вероятно, отражают связи жителей этих усадеб с Восточной Прибалтикой. Аналогии большинству из них находятся среди древностей эстов. Можно предположить, что население этой части Людина конца в ранний период могло быть полиэтничным, а в составе жителей некоторых усадеб были эсты. В X — первой половине XI в. наиболее яркий иноэтничный комплекс (22 экз.) выявлен на усадьбах, расположенных в южной части Троицкого раскопа (усадьба «Ж» — 5 экз., усадьба «У» — 6 экз.). Вероятно, к этому комплексу можно отнести находку равноплечей фибулы, обнаруженную в слоях второй половины XI в. на усадьбе «Т». На усадьбе «Е», также расположенной к югу от Черницыной улицы, на ее перекрестке с Пробойной, не найдено украшений этого времени, обладающих яркой этнической характеристикой, но есть предметы, косвенно подтверждающие контакты ее владельцев с Прибалтикой. Во второй половине XI — начале XII в. количество украшений изучаемой группы уменьшается (9 экз.), и для этого периода не выявлено ярких иноэтничных комплексов.

Судить о характере связей жителей «троицких» усадеб с Восточной Прибалтикой по сравнительно небольшой группе предметов раннего периода достаточно сложно. Однако исходя из высокого социального положения владельцев усадеб, можно предположить, что их деятельность была связана с укреплением контактов и, возможно, с контролем над сбором дани и торговлей и что во второй половине X — XII в. торговые отношения связывали жителей этой части Людина конца с крупным торгово-ремесленным центром, расположенным на левом берегу Даугавы — Даугмале, население которого было полиэтничным. В его составе были ливы и земгалы, его посещали скандинавы и славяне (Финно-угры..., 1987. С. 374–375). Следует также отметить, что практически все балтские и прибалтийско-финские предметы раннего периода представлены женскими украшениями и амулетами. Поэтому, возможно, одним из механизмов упрочнения власти или налаживания контактов могло быть заключение браков между рядовыми членами прибалтийско-финских общин и жителями усадеб Людина конца.

В XII в. более половины предметов изучаемой группы (26 экз.) составляли амулеты (в виде миниатюрных ножен — 14 экз., игольника с арочным навершием и зооморфные — 6 экз.). В отличие от деталей одежды и украшений, характеризующих этническое своеобразие убора особенно в ранний период, амулеты могли использоваться и в городском костюме. В XII в. на усадьбах, открытых на Троицком раскопе, балтские и прибалтийско-финские предметы практически не составляют комплексов. Исключением является карельский убор, найденный на усадьбе «В» (Покровская, 2005. С. 120–132).

В слоях первой половины XIII в. после пожара 1207 г., когда этот район Людина конца был передан новым поселенцам (Хорошев, 1994. С. 66), обнаружено всего шесть предметов изучаемой группы. Во второй половине XIII — начале XIV в. их количество существенно возрастает (20 экз.). Предметов, которые датируются XIV в., всего четыре.

В XIII–XIV вв. на усадьбах появляются двуспиральные и арочкообразные цепедержатели, амулеты прибалтийско-финского происхождения практически исчезают. В этот период в комплексе украшений, найденных на «троицких» усадьбах, увеличивается количество предметов, характеризующих его близость с комплексом украшений

населения Северо-Запада Новгородской земли. Одной из особенностей новгородского городского убора было включение в его состав некоторых деталей прибалтийско-финского костюма (Покровская, 2007. С. 36–51), которые так же, как и на Северо-Западе Новгородской земли, использовались в качестве декоративных элементов одежды (Рябинин, Хвоцинская, 1990. С. 46). Во второй половине XIII — начале XIV в. на усадьбах Ярышевой улицы («И», «П») выделяется комплекс пред-

метов изучаемой группы, появление которых на этих усадьбах, возможно, связано с событиями на юго-западных рубежах Новгородского государства (Янин, 1998. С. 370–373).

Таким образом, по немногочисленным, но достаточно надежным археологическим источникам устанавливаются стабильные связи владельцев усадеб, открытых на Троицком раскопе, с Восточной Прибалтикой, Северо-Западным Приладожьем и Северо-Западом Новгородской земли.

Гайдуков и др., 1997 — Гайдуков П. Г., Фараджева Н. Н., Дубровин Г. Е. Динамика застройки новгородской усадьбы X–XV вв. (по материалам усадьбы «П» Троицкого раскопа // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 48–51.

Зариня, 1985 — Зариня А. Одежда ливов X–XII вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий / Под ред. Ю. Селиранда. Таллин: АН Эстонской ССР, Ин-т истории, 1985. С. 36–45.

Колчин и др., 1981 — Колчин Б. А., Янин В. Л., Хорошев А. С. Усадьба Новгородского художника XII века. М.: Наука, 1981. 176 с.

Кочуркина, 1981 — Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л.: Наука, Лен. отд., 1981. 160 с.

Кочуркина, 1982 — Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, Лен. отд., 1982. 216 с.

Кузнецова, 2018 — Кузнецова В. Н. Прибалтийский компонент в зооморфных украшениях Древней Руси // АиИПиПЗ. М.: ИА РАН, 2018 (Семинар им. академика В. В. Седова; Вып. 32: Материалы 62-го заседания). С. 297–293.

Латгалы..., 1999 — Латгалы / Текст: А. Радиньш; пер. на рус. яз.: Т. Михайлова. Рига: б. и., 1999. 68 с.

Левашева, 1967 — Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.

Лесман, 2011 — Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // Российский археологический ежегодник. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. № 1. С. 396–420.

Недошивина, 1993 — Недошивина Н. Г. Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 39–45.

Носов, Хвоцинская, 2007 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Связи населения Центрального

Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 6–17.

Нукшинский могильник..., 1957 — Нукшинский могильник: [Пер. с латыш.] / Под ред. Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейда. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1957 (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР / АН Латвийской ССР; Ин-т истории и материальной культуры; 1). 148 с.

Покровская, 1998 — Покровская Л. В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография. Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / МГУ. М., 1998. 30 с.

Покровская, 2005 — Покровская Л. В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы «В» Троицкого раскопа // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2005. Вып. 19. С. 120–132.

Покровская, 2007 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник РГНФ. М., 2007. № 3 (48). С. 36–51.

Покровская, 2018 — Покровская Л. В. Балтские и западнофинские украшения XI в. в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина: Тезисы докладов. М.: б. и., 2018 (Тр. Ист. ф-та МГУ; Т. 140). С. 81–82.

Покровская, Тянина, 2015 — Покровская Л. В., Тянина Е. А. Амулеты с усадеб Ярышевой улицы Троицкого раскопа // РА. 2015. № 4. С. 89–100.

Рыбина и др., 2020 — Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В. Краткая история археологического изучения усадьбы «Ж» Троицкого раскопа в Новгороде // Усадьба X–XI веков в Людином конце

- средневекового Новгорода (по материалам усадьбы «Ж» Троицкого раскопа) / Отв. ред. В. К. Сингх, В. В. Новиков. М.: Наука, 2020. С. 8–29.
- Рябинин, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; EI-60). 124 с.
- Рябинин, 1988 — *Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 55–62.
- Рябинин, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рябинин, Хвоцинская, 1990 — *Рябинин Е. А., Хвоцинская Н. В.* Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI–XV вв. М.: Наука, 1990. Вып. II. С. 41–47.
- Сакса, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I тысячелетия — начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 107–120.
- Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Спиргис, 2012 — *Спиргис Р.* Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: ВАШ, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. С. 195–220.
- Степанов и др., 2015 — *Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.* Усадьбы «Т» и «У» в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Исторические исследования: Электронный научн. журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 263–275 / [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/50> (дата обращения 3 февраля 2020).
- Фараджева и др., 2013 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 131–133.
- Фараджева и др., 2014 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьба «О» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 204–217.
- Финно-угры..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Хвоцинская, 1990 — *Хвоцинская Н. В.* Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе VI–XV веков. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: ИА РАН, 1990. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования. С. 6–14.
- Хвоцинская, 1993 — *Хвоцинская Н. В.* Об особенностях костюма населения восточноприбалтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 157–166.
- Хвоцинская, 2000 — *Хвоцинская Н. В.* Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы). СПб.: Изд-во ИПК Вести, 2000. С. 246–253.
- Хвоцинская, 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 (Тр. ИИМК РАН; Т. VI). 428 с.
- Хорошев, 1994 — *Хорошев А. С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба «А») // [Первые] Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.). Новгород: НМЗ, 1994. С. 54–66.
- Шноре, 1961 — *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига: АН Латвийской ССР, 1961. 234 с.
- Янин, 1998 — *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М.: Языки русской культуры, 1998. 461 с.
- Янин и др., 2001 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Сорокин А. Н.* Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 2000 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 5–11.
- Ailio, 1922 — *Ailio J.* Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1922 (SMYA; XXXII (3)). 81 s.
- Kivikoski, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands: Bildwerk und Text. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1973. 250 s.
- Tõnisson, 1974 — *Tõnisson Z.* Die Gayjahiven und Inke Materielle Kultur (11th aufand 13th). Tallin: Eesti Raamat, 1974. 209 s.

Baltic and Balto-Finnish objects at urban properties of the Lyudin Konets of mediaeval Novgorod (after the materials from the Troitsky excavation)

L. V. Pokrovskaya

Investigation of a group of Baltic and Balto-Finnish objects at the properties excavated at the Troitsky excavation in Novgorod has allowed the researchers to establish chronological and topographic peculiarities of their distribution in this sector of Lyudin Konets. In the second half of the 10th and 11th century they are known practically at all the urban properties here while their majority is found among antiquities of the Ests suggesting a mixed ethnic composition of the dwellers of the mansions in the early period. During that period, the activities of the owners of the properties were concerned with the strengthening of the contacts with the eastern Baltics. The most distinctive complex of the foreign-ethnic objects was revealed at the properties situated in the southern section of the Troitsky excavation (properties “Ж”, “У”, “Т”) (Fig. 8; 9). Possibly, in the second half of the 10th–12th century, trade connections linked the inhabitants of this part of Lyudin Konets with the trade-handicraft centre Daugmale, where the population comprised Zemgalians and Livs. In the 12th century, Baltic and Baltic-Finnish artefacts practically do not constitute any complexes, while over half the objects of the group under study are represented by amulets which can have been used in the urban costume. At property “В”, situated in the north-eastern part of the excavation, a complex of Karelian ornaments was found (Fig. 4). In the 13th–14th century, at the properties uncovered at the Troitsky Excavation, two-spiral and arch-like chain holders were introduced, whereas amulets of the Baltic-Finnish provenience practically disappeared. During this period, among the complexes of the ornaments from the properties, the numbers of those objects increase. This fact indicates their closeness to the complex of ornaments of the population of the north-western Novgorod Land. In the second half of the 13th — early 14th century, at the properties of Yarysheva Street (“И”, “П”), a complex of objects of the group under study is distinguishable. Its appearance was probably related with the events at the south-western borders of the Novgorod state reflected in birchbark documents (Fig. 5).

Антропоморфные деревянные навершия средневекового Новгорода (хронология и топография)

Е. А. Тянина¹

Аннотация. В статье впервые публикуется полный комплекс антропоморфных деревянных наверший средневекового Новгорода с хронологическим и топографическим анализом находок, а также с выделением условных вариантов самих изображений. Комплексное исследование показывает, что эта редкая категория языческих культовых предметов была распространена в Новгороде с X по XIV в. без хронологического разрыва. Топографически находки в основном связаны с сооружениями, что указывает на их основную семантику как домашних оберегов.

Annotation. This paper is the first publication of the complete complex of anthropomorphic wooden finials from mediaeval Novgorod with a chronological and a topographical analysis of the finds. Also conditional variants of the representations themselves are considered. An interdisciplinary study demonstrates that this rare category of heathen cult objects was widespread in Novgorod from the 10th to 14th century without any chronological disruption. In terms of topography, the finds are mainly related with buildings that suggests their basic semantics as domestic talismans.

Ключевые слова: археология Новгорода, культовые предметы, язычество, антропоморфная скульптура, топография, хронология.

Keywords: archaeology of Novgorod, cult objects, paganism, anthropomorphic sculpture, topography, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-128-139

Археологическое изучение языческих культовых предметов позволяет не только существенно дополнить немногочисленные известия письменных источников о древнерусском язычестве, но и реконструировать сложные процессы, происходившие в духовной жизни Руси как накануне, так и после официального принятия христианства. Многолетние и плодотворные исследования в Великом Новгороде позволили существенно обогатить коллекцию вещей, связанных с дохристианской традицией. Благодаря раскопкам значительными площадями и возможностям датирования новгородских напластований, можно проследить топографию и хронологию отдельных категорий языческих древностей.

Среди таких находок скульптурные изображения людей составляют особый тип. Их семантическое значение связывается с антропоморфным

образом божества как высшей формы развития языческого мировоззрения по сравнению с поклонением природным объектам или зоолатрией. Антропоморфные изображения богов в восточнославянской традиции фиксируются письменными источниками уже в эпоху государственности, накануне принятия христианства. В Повести временных лет под 980 г. говорится о «пантеоне Владимира», включавшем в себя скульптуры шести основных языческих божеств, а также об установке воеводой Добрыней еще одного «кумира» в Новгороде (ПСРЛ, 2001. Стб. 79).

В археологическом материале средневекового Новгорода традиция антропоморфных изображений находит отражение в деревянной скульптуре малых форм (Колчин, 1971. С. 41–44; Панова, 1989. С. 88–96). Отдельный тип таких находок составляют антропоморфные навершия — резные изображения человеческой головы на стержне. Эти предметы по своим морфологическим признакам входят в две классификационные

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

схемы: в классификацию антропоморфной деревянной скульптуры малых форм, разработанную Т. Д. Пановой, где автор выделяет стержни с завершением в виде человеческой головы в 1-й тип (Панова, 1989. С. 88), и в типологию деревянных наверший, составляющих достаточно большую категорию древностей. Это стержни с фигурными набалдашниками, изготовленными из комлевого сучка. По форме верхней части деревянные навершия подразделяются на зооморфные (изображающие зверя или птицу), антропоморфные и стержни с завершением в виде геометрической фигуры, в основном представленные шаровидными экземплярами. Антропоморфные навершия выделены в отдельный тип в двух существующих версиях типологии деревянных наверший. В схеме, предложенной Г. Е. Дубровиным, это тип М (голова человека) (Дубровин, 2000. С. 150–152). В свою очередь, Л. В. Покровская относит их к разряду «антропоморфные» (Покровская, 2004. С. 70).

В настоящее время в культурном слое Великого Новгорода обнаружено 23 экз. антропоморфных деревянных наверший. Основная часть коллекции происходит с двух наиболее значительных по площади раскопов Софийской стороны: Неревского (8 экз.) и Троицкого (10 экз.), соответственно Неревского и Людина концов средневекового города. На Торговой стороне, в Славенском конце, находки были сделаны на трех раскопах — Ильинском (1 экз.), Михайловском (2 экз.) и Лукинском 1993 г. (1 экз.). Еще одно навершие происходит с Никитинского раскопа Плотницкого конца. Новгородская коллекция этих предметов в настоящее время является самой многочисленной. Аналогии новгородским находкам есть в Старой Ладогe (Панова, 1989. С. 90–91), Старой Руссе (Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 80), Смоленске и Риге (Сауне, 2003. Р. 375–390, att. 9). В 2018 г. два навершия были найдены на Рюриковом городище (Дорофеева, 2020. С. 214–215).

Вопрос о характере использования различных типов деревянных наверший до сих пор является дискуссионным, несмотря на имеющиеся публикации, затрагивающие так или иначе проблемы интерпретации этих предметов. Не все исследователи связывают эту категорию древностей с культовым аспектом жизни средневековых новгородцев, предполагая для отдельных типов иное толкование. Так, например, некоторые варианты шаровидных наверший трактуются как символы власти (Колчин, 1971. С. 20; Покровская, 2004.

С. 72), а для орнитоморфных есть предположение об утилитарном использовании в виде наверший плетей (Дубровин, 1989. С. 62–64). Экземпляры с антропоморфным завершением выделяются в отдельную группу предметов, самую малочисленную, но и, с семантической точки зрения, наиболее колоритную. В научной литературе отношение этого типа наверший к языческим древностям практически не оспаривается (Арциховский, 1956. С. 33; Колчин, 1971. С. 42–43; Покровская, 2004. С. 70; Панова, 1989. С. 88–95; Сауне, 2003. Р. 375–390; Дорофеева, 2020. С. 213–214). Это связано не только с маловероятностью утилитарного использования таких предметов, но и с семантическим значением антропоморфных изображений (идолов) в древнерусской языческой традиции. Деревянные идолы средневековым населением ассоциировались с языческими божествами и были одним из самых частых предметов обличения в русских поучениях против язычества. Отдельные сомнения относительно культовой принадлежности антропоморфных наверший были связаны исключительно с поздней датировкой находок, а не с морфологическими характеристиками (Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 81–82).

Вопрос о конкретном семантическом значении антропоморфных деревянных находок впервые поставил А. В. Арциховский. Он отнес их предположительно к изображениям духов мифологических персонажей низшего ранга — домовых (Арциховский, 1956. С. 33). Эту гипотезу поддержал Б. А. Колчин (Колчин, 1971. С. 41–44). Б. А. Рыбаков семантически объединял антропоморфные и шаровидные навершия, считая их развитием единой культовой традиции, где под влиянием христианства антропоморфные изображения были заменены на более простые геометрические. Оба типа автор относил к реквизиту языческого праздника Русалий (Рыбаков, 2002. С. 645–647).

Т. Д. Панова рассматривала все виды антропоморфной скульптуры малых форм как изображения языческих богов (Панова, 1989. С. 89–94). Для определения семантики она привлекла описание капища русов у Ибн-Фадлана: «каждый из них выходит к высокой воткнутой деревяшке, у которой имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее маленькие изображения». По мнению автора, здесь обрисован общинный культовый центр с группой антропоморфных идолов, один из которых был центральным по отношению

к другим. Т. Д. Панова видит в мелкой антропоморфной скульптуре ту же семантическую нагрузку и рассматривает их как воспроизведение таких общинных капищ в домашних алтарях или жертвенниках (Панова, 1989. С. 89–90). Т. С. Дорофеева связывает антропоморфные навершия, найденные на Рюриковом городище, с ритуалом выпекания хлеба в печах (Дорофеева, 2020. С. 214–215).

Хронологическое распределение находок антропоморфной скульптуры 1-го типа позволяет особо выделить эту группу предметов. Если скульптура «на подставке» и полнофигурные изображения (2-й и 3-й типы по Т. Д. Пановой) встречаются исключительно в слоях X — начала XI в., то антропоморфные навершия бытовали и в более поздние хронологические периоды. Вместе с тем в вопросе о хронологии антропоморфных наверший Новгорода до сих пор господствует гипотеза о двух периодах бытования, между которыми имеется хронологический разрыв примерно в 200 лет (Колчин, 1971. С. 42; Рыбаков, 2001. С. 647). В основе этой гипотезы лежат датировки антропоморфных наверший Неревского раскопа, которые, действительно, четко подразделяются на две хронологические группы — раннюю (X в.) и позднюю (XIII в.). В свое время это породило предположения о двух различных традициях использования антропоморфных наверший, причем существование поздней группы объяснялось либо неожиданным «языческим ренессансом» (Рыбаков, 2001. С. 647–648), либо вообще не связывалось с языческой традицией (Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 81–83).

Для воссоздания картины бытования антропоморфных деревянных наверший и их интерпретации необходимо комплексное исследование всей новгородской коллекции этих находок, включающее в себя уточнение хронологии, а также морфологический и топографический анализ. Прежде всего, это касается комплекса находок с Троицкого раскопа, большинство из которых до сих пор не были введены в научный оборот.

Классификация антропоморфной деревянной скульптуры внутри самого типа — задача достаточно сложная. Единого канона изображений не существовало. Кроме того, нужно учесть, что мы имеем дело не только с культовым предметом, но и с художественной резьбой по дереву, и вариативность изображений человеческих лиц на навершиях могла зависеть не от конкретных

религиозных или магических замыслов, а просто от уровня способностей резчика. Однако детальный анализ изображений все же позволяет выделить несколько условных вариантов.

К *первому варианту* можно отнести профилированное изображение человеческого лица с подчеркнутой небольшой бородкой, иногда сильно выступающей вперед и загнутой на конце (рис. 1, 3, 4, 7; 2, 3, 2, 9). Усы показаны менее отчетливо, но на некоторых экземплярах прослеживаются в виде насечек или глубоких вырезов. Детали лица (глаза, рот, нос) изображены схематически, с помощью последовательно срезанных углубленных уступов. Головной убор отсутствует либо показан чуть заметными срезами на макушке.

Второй вариант представляет собой изображение гладкого овального или круглого лица (рис. 1, 1, 5; 2, 1, 8; 3, 3, 4). Усы и борода либо отсутствуют вовсе, либо совсем небольшие и показаны невыразительно. Головной убор также отсутствует. При этом отдельные детали самого лица (глаза, рот, уши) в таких навершиях, напротив, выполнены тщательно, а иногда и дополнительно акцентированы различными вставками или краской.

Третий вариант — мужчина в остроконечном головном уборе (шапке или шлеме), с усами и небольшой бородкой (рис. 1, 2; 2, 5; 3, 1). Этот вариант имеет сходство с некоторыми экземплярами типов 2 и 3 (по классификации Т. Д. Пановой) антропоморфной скульптуры, также изображающих бородатых мужчин в островерхих уборах. Возможно, все типы такой скульптуры имели схожую семантику.

Отдельно следует выделить и *четвертый вариант* — так называемые навершия-маски (рис. 1, 6; 2, 6, 7), изображающие скорее не реальные человеческие лица, а фантастические личины. Такие навершия могли символизировать хтонических божеств или духов умерших.

Следует отметить, что некоторые экземпляры стоят особняком и их сложно отнести к какому-либо варианту.

Рассматривая антропоморфные навершия, нужно обратить внимание не только на изображение, но и на форму стержня и его завершение. К сожалению, у большинства экземпляров стержни были обломаны в древности, и выяснить их длину не представляется возможным. Но анализ полностью сохранившихся находок позволяет разделить их на две группы.

Рис. 1. Антропоморфные навершия Неревского раскопа: 1 — Нер. 27-25-998 (Колчин, 1971. Табл. 34, 1); 2 — Нер. 26-31-794 (фото автора); 3а, 3б — Нер. 26-24-991 (3а — Древний Новгород, 1985. С. 108, № 205; 3б — без масштаба, длина стержня 42 см); 4а, 4б — Нер. 10/11-12-919 (4а — фото автора, 4б — Колчин, 1971. Табл. 34, 2); 5 — Нер. 15-19-329 (Там же. Табл. 35, 2); 6 — Нер. 11-10-1681 (Там же. Табл. 36, 1); 7 — без паспорта (фото автора)

Fig. 1. Anthropomorphic finials from the Nerevsky excavation: 1 — Нер. 27-25-998 (Колчин, 1971. Табл. 34, 1); 2 — Нер. 26-31-794 (photo of the author); 3а, 3б — Нер. 26-24-991 (3а — Древний Новгород, 1985. С. 108, № 205; 3б — no scale, rod length 42 sm); 4а, 4б — Нер. 10/11-12-919 (4а — photo of the author, 4б — Колчин, 1971. Табл. 34, 2); 5 — Нер. 15-19-329 (Там же. Табл. 35, 2); 6 — Нер. 11-10-1681 (Там же. Табл. 36, 1); 7 — without a passport (photo of the author)

Первая группа представляет собой навершие на коротком (не более 10–15 см) стержне, конец которого оформлен в виде конусовидной заточки или паза (рис. 2, 4, 6, 7). Эти предметы объединяет то, что они должны были крепиться к чему-то или вставляться во что-то заточенным концом. Среди них также можно выделить две находки

настенных крюков с антропоморфным завершением (рис. 1, 2; 2, 4). Оба предмета происходят из предматериковых слоев X в. Причем у экземпляров с Неревского раскопа стержень выточен как крюк, но от функционального крюка его отличают слишком маленькие размеры (длина клина составляет 6,5 см, высота навершия — 9 см).

Рис. 2. Антропоморфные навершия Троицкого раскопа: 1 — Н-1994, Тр. X, 18-1157-61 (архив Новгородской экспедиции); 2 — Н-1986, Тр. VII, 19-579-19 (*Там же*); 3 — Н-1993, Тр. X, 14-1193-15 (*Там же*); 4 — Н-2000, Тр. XII, 23-1355-41 (*Там же*); 5 — Н-2012, Тр. XIII-Г, 10-1810-130 (*Там же*); 6 — Н-1993, Тр. IX-X, 12-6/кв-6 (фото автора); 7 — Н-1998, Тр. XII, 12-1308-6/н (фото С. А. Орлова); 8а, 8б — Н-1996, Тр. XI, 2-1261-14 (8а — архив Новгородской экспедиции; 8б — фото из фондов НГОМЗ); 9 — Н-1992, Тр. X, 8-1199-77 (архив Новгородской экспедиции); 10 — Н-1998, Тр. IX, +2-860-104 (*Там же*)

Fig. 2. Anthropomorphic finials from the Troitsky excavation: 1 — Н-1994, Тр. X, 18-1157-61 (archive of the Novgorod expedition); 2 — Н-1986, Тр. VII, 19-579-19 (*Ibid.*); 3 — Н-1993, Тр. X, 14-1193-15 (*Ibid.*); 4 — Н-2000, Тр. XII, 23-1355-41 (*Ibid.*); 5 — Н-2012, Тр. XIII-Г, 10-1810-130 (*Ibid.*); 6 — Н-1993, Тр. IX-X, 12-6/кв-6 (photo of the author); 7 — Н-1998, Тр. XII, 12-1308-6/н (photo of the S. A. Orlov); 8а, 8б — Н-1996, Тр. XI, 2-1261-14 (8а — archive of the Novgorod expedition; 8б — photo from funds Novgorod State United Museum-Reserve); 9 — Н-1992, Тр. X, 8-1199-77 (archive of the Novgorod expedition); 10 — Н-1998, Тр. IX, +2-860-104 (*Ibid.*)

Троицкий экземпляр представляет собой не крюк как таковой, а сильно искривленную палку, остро заточенную на конце. Возможно, резчик не собирався изготавливать подобие крюка, а ему просто попался такой сучок.

Ко второй группе относятся экземпляры с длинными (30 см и более) стержнями (рис. 1, 3, 4; 2, 8; 3, 4), закругленными на конце. Сохранившиеся на столь значительную длину стержни у таких наверший (а не обрезанные для удобства хранения или использования) указывают на то,

что длинные рукояти имели определенное значение в ритуальном действе, в котором участвовали эти предметы.

Топографический анализ антропоморфных наверший ранее не проводился. Как уже упоминалось, общая топография демонстрирует, что антропоморфные навершия, несмотря на редкость находок, встречаются в четырех концах города из пяти, и их количество вполне сопоставимо с масштабами раскопанных площадей. Распределение по усадьбам также не позволяет сделать

какие-либо выводы вследствие малочисленности и сильной хронологической разбросанности находок. Единственное, что следует отметить, — это практически синхронные находки двух наверший на усадьбе «Е» Неревского раскопа (рис. 1, 1, 3) и на усадьбе «Ж2» Троицкого раскопа (рис. 2, 2, 4). Оба комплекса датируются серединой — второй половиной X в. При этом пары наверший относятся к разным вариантам изображений и найдены довольно далеко друг от друга. Нет никаких оснований считать, что они некогда составляли комплекс. Остальные экземпляры встречены на разных усадьбах в разные строительные периоды единично и не дают какой-либо целостной картины бытования и использования. Данные по внутриусадьбной топографии приводились в публикациях лишь по отдельным предметам (Колчин, 1971. С. 42; Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 80).

Неревский раскоп (8 экз.)

Подробное описание шести неревских наверший были опубликованы Б. А. Колчиным (Колчин, 1971. С. 42–43, рис. 16, 10, табл. 33–36). Данные еще двух находок содержатся в статье П. Г. Гайдукова и Г. Е. Дубровина (Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 80). Одна из находок с Неревского раскопа, обнаруженная в фондах Новгородского музея-заповедника, не имеет паспортных данных (рис. 1, 7). Можно лишь сказать, что она относится к первому варианту изображений. Как уже говорилось, неревские находки делятся на две хронологические группы. Ранняя группа (X в.) представлена тремя предметами, а поздняя (XIII в.) — пятью.

1. 27-25-998² (рис. 1, 1). Находка относится ко второму варианту. Изображено безусое и безбородое лицо, отличительной особенностью являются вставленные в глазницы горошины, следы которых выявлены при расчистке находки (Колчин, 1971. С. 42, табл. 34, 1). Навершие изготовлено из осины³. На дереве прослежены следы воздействия огня, стержень сохранился лишь на

² Данные находок с Неревского раскопа указаны по схеме «ярус–пласт–квадрат» по публикациям Б. А. Колчина, П. Г. Гайдукова, Г. Е. Дубровина. Данные находок с других раскопов указаны по схеме «пласт–квадрат–номер».

³ Исследования древесины были выполнены в рамках гранта № 10-06-00164а «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение» (2010–2012 гг.).

несколько сантиметров. Находка происходит из нижнего строительного горизонта усадьбы «Е» и связана с комплексом сооружений Е27В–Е27Д, причем была сделана в непосредственной близости от входа в этот комплекс (Засурцев, 1963. С. 116, рис. 39).

2. 26-24-991 (рис. 1, 3). Навершие относится к первому варианту (профилированное изображение бородатого мужчины) с полностью сохранившимся стержнем длиной 42 см (Колчин, 1971. Табл. 34, 2). Изготовлено из осины, на стержне сохранились остатки коры. Связано с комплексом жилых сооружений 26-го яруса той же усадьбы Е26А–Е26Б–Е26В–Е26И (Засурцев, 1963. С. 116).

3. 26-31-794 (рис. 1, 2). Крюк с антропоморфным завершением, относящимся к третьему варианту (Колчин, 1971. Табл. 31, 4). Датировка — вторая половина X в. Находка обнаружена непосредственно на мостовой Великой улицы, что еще больше ставит под сомнение возможное утилитарное использование этого предмета как домашнего настенного крюка. Можно предположить, что это антропоморфное изображение изначально было вбито между колами частокола, а уже оттуда попало на мостовую.

4. 15-19-329 (рис. 1, 5). Навершие, относящееся ко второму варианту: овальное лицо, лишенное растительности, с детально вырезанными чертами (глаза, уши, рот). Для более четкого обозначения зрачков в глазницы были вбиты бронзовые гвоздики, на губах сохранились остатки красной краски (Колчин, 1971. Табл. 35, 2). Возможно, изначально навершие было раскрашено. Стержень сохранился полностью и имеет длину 30 см. Находка была сделана на усадьбе «В», в слое первой половины XIII в., и происходит из развала сруба (Колчин, 1971. С. 42).

5. 13-18-296. Навершие происходит с усадьбы «Б», из слоя середины XIII в., и соотносится с сооружением Б13И. Это хозяйственный сруб с печью в средней части, определенный П. И. Засурцевым как коптильня (Засурцев, 1963. С. 159, рис. 48). Находка сделана в северо-восточном углу постройки.

6. 11-12-919 (рис. 1, 4). Навершие первого варианта, изготовленное из вяза. Стержень сохранился на длину 9 см. Находка происходит с усадьбы «Б», из слоя конца XIII в., найдена у входа в жилой сруб-пятистенок Б11Г (Засурцев, 1963. С. 160, рис. 50).

7. 11/12-13-1901. Топографию этого навершия с усадьбы «И» определить сложно, так как

в паспортных данных указаны два яруса. В 11-м ярусе на этом месте сооружений не прослежено, но в 12-м ярусе здесь располагалось сооружение И13Р — четырехстенный сруб со входом, сохранившийся от предшествующего периода (Засурцев, 1963. Рис. 49; 50). Не исключено, что находку следует связать с этим сооружением. Датировка ярусов — вторая половина XIII в.

8. 11-10-1681 (рис. 1, б). Навершие по морфологии ближе к четвертому варианту «маски» с гипертрофированно показанным улыбающимся ртом (Колчин, 1971. Табл. 36, 1). Стержень сохранился на длину 13 см. Обращает на себя внимание сходство этого предмета с шаровидным типом наверший, особенно с так называемыми орнаментированными булавами с боковым расположением шара. Это сходство проявляется не только в морфологии завершения (фактически это шар, на который нанесены черты лица), но и в орнаментальных мотивах задней части навершия. Навершие изготовлено из дуба, что сближает его с шаровидными навершиями из городов Литвы (Kaminskaitė, 2009. P. 164)⁴. Находка сделана на усадьбе «Д», в слое второй половины XIII в., вне сооружений.

Троицкий раскоп (10 экз.)

В напластованиях X — начала XI в. найдено четыре экземпляра, такое же количество относится к XII в., две находки сделаны в слоях XIV в.

9. 18-1157-61 (рис. 2, 1). Навершие второго варианта представляет собой голову мужчины с выпуклыми глазами, в которых обозначены зрачки, контурами уха и небольшой схематически показанной бородкой. Тыльная часть антропоморфного изображения не обработана. Стержень тонкий, обломан практически у основания. Навершие происходит с усадьбы «П» (Ярышева ул.), из слоя второй четверти — середины X в. — времени заселения данной территории, когда появилась первая застройка. Находка может быть соотнесена с остатками сруба X-144 30-го яруса, локализуется у северо-западного угла постройки.

10. 19-579-19 (рис. 2, 2). Навершие первого варианта — профилированное лицо, черты которого показаны с помощью нескольких глубоких вырезков-уступов. Стержень обломан, сохранился на длину 10,5 см, на нем имеются беспорядочно

нанесенные зарубки. Находка относится к горизонту последней четверти X в. — к раннему периоду существования усадьбы «Ж», когда она разделялась на две усадьбы — «Ж1» и «Ж2». Происходит с усадьбы «Ж2», из сооружения VII-58.

11. 23-1355-41 (рис. 2, 4). Навершие на сильно изогнутом стержне с заостренным концом, напоминающим крюк. Вариант самого изображения близок к третьему, но черты лица показаны схематически, а оформление верхней части головы больше напоминает прическу «под горшок», чем головной убор. Поэтому однозначно отнести к какому-то из вариантов эту находку нельзя. Общая длина стержня — около 13 см. Находка происходит с той же усадьбы «Ж2», но из более раннего слоя (середины X в.), и найдена в сооружении VII-76/XII-177.

12. 14-1193-15 (рис. 2, 3). Навершие первого варианта, но с несколько более уплощенным лицом. Борода показана в виде вертикальных насечек. Навершие имеет очень небольшой размер (высота лица — менее 3 см), стержень обломан почти у основания. Находка происходит с усадьбы «П», из слоя начала XI в. Застройка этого яруса практически полностью погибла в пожаре. Однако по скоплению находок на этом уровне в данном квадрате и вокруг него можно предположить, что на этом месте находилась постройка.

13. 8-1199-77 (рис. 2, 9). Навершие первого варианта, лицо размещено на сильно изогнутом вниз сучке. Лицо сильно профилировано, брови, глаза, нос и нижняя часть лица с бородкой показаны несколькими глубокими срезами. Стержень сохранился на длину 4 см, само навершие имеет небольшой размер (высота лица — 4,5 см). Найдено на усадьбе «О», в слоях первой половины XII в., вне сооружений.

14. 10-1810-130 (рис. 2, 5). Навершие, соотносимое с изображением человека в островерхом головном уборе (третий вариант). Лицо показано схематично, несколькими вырезами. Стержень сохранился на длину 18 см, в нижней части — восемь глубоких зарубок. Находка встречена в районе входа в основное жилое помещение — пятистенный сруб XIII-Г-10, в напластовании первой четверти XII в. усадьбы «Ж». Очень близкая аналогия изображению была обнаружена на Федоровском раскопе, в слоях последней четверти XI в. (Дубровин, 2020. С. 308, рис. 106, 1). Г. Е. Дубровин определяет ее как скульптуру 3-го типа и относит к категории игрушек, хотя заостренное основание

⁴ По коллекции новгородских шаровидных наверший подобных исследований не проводилось.

скульптуры с выемкой могло служить не «ножками», а формой крепления. Любопытно, что эта находка близка к троицкой не только по хронологии и характеру изображения, но и тем, что она была связана с сооружением.

15. 12-1308-б/н (рис. 2, 7). Навершие-маска четвертого варианта представляла собой личину, вырезанную на цилиндрическом завершении. Черты лица показаны в виде вырезанных полукругов и прямоугольников, наиболее детально изображены зубы. Стержень сохранился полностью, имеет длину 8 см и заточен на конце. Навершие происходит с усадьбы «Е», из слоя середины XII в. Оно найдено непосредственно у западной стены небольшого сруба XII-86 яруса 13, видимо, являвшегося хозяйственной постройкой. Этот сруб составлял единый комплекс с расположенным западнее основным жилым помещением — срубом-пятистенком. Таким образом, навершие находилось между этими сооружениями. Расстояние между срубами — менее 1 м, поэтому определить с точностью, к какому из них относилась находка, нельзя. Можно лишь констатировать ее принадлежность к комплексу в целом.

16. 12-б/кв-6 (рис. 2, 6). Навершие-маска четвертого варианта с гипертрофированно показанными ушами. Остальные черты лица изображены схематично, несколькими плавными вырезами. Стержень уплощенный, менее 3 см, с обеих сторон оформлен пазами. Вероятно, предмет изначально был куда-то вставлен. Происходит из горизонта первой половины XII в. Топографический анализ этой находки невозможен, так как в ее паспортных данных отсутствует номер квадрата.

17. 2-1261-14 (рис. 2, 8). Навершие относится ко второму варианту, с прекрасно оформленными выпуклыми глазами, носом и усами. Особенно тщательно вырезаны зубы. Бородка маленькая и изображена схематично. На темени показана прическа в виде небольшой тонкой косички, остальная часть головы гладкая. Стержень полностью сохранился, его длина составляет 77,5 см. Навершие сделано из вяза. Находка происходит с усадьбы «Г», из слоя XIV в., и относится к жилому сооружению XI-40 (*Гайдуков, Дубровин, 1996. С. 80–83*).

18. +2-860-104 (рис. 2, 10). Грубо вырезанное стилизованное навершие на обломанном стержне. По характеру близко ко второму варианту, но при этом изображение слишком схематично. Стержень сохранился на длину 6 см. Навершие

найдено на усадьбе «М», в слоях XIV в., в центральной части жилого сруба IX-49 яруса 8 с хорошо сохранившимися полами.

Михайловский раскоп (2 экз.)

19. 22-62-15 (рис. 3, 1). Навершие, относящееся к третьему варианту, — изображение головы человека с небольшой бородкой в островерхом головном уборе (*Колчин, 1971. С. 43–44, табл. 33, 7*). Черты лица выполнены аккуратными вырезами. Навершие изготовлено из дуба. Стержень сохранился на длину 11 см, в верхней части оформлен выступом и валиком (возможно, имитирующим ворот одежды). Идентичная по выполнению фигурка на аналогично оформленном стержне была найдена в Старой Ладобе, но в слоях X в. (*Панова, 1989. С. 90*). По хронологии Михайловского раскопа навершие относится к 5-му строительному периоду и может быть датировано второй половиной XIII в. (*Колчин, Хорошев, 1978. С. 135–173, рис. 15; 22, 7–8*). Находка сделана вне сооружений.

20. 23-54-6 (рис. 3, 2). Навершие, изображающее мужчину с удлиненной бородой и уплощенным завершением на голове, возможно, имитирующим головной убор. Однозначно отнести его к какому-либо из предложенных вариантов нельзя. Предмет изготовлен из лещины, стержень сохранился на длину 12 см. Интересно, что схожее по характеру изображения навершие обнаружено в Риге, также в слоях XIII в. У мужчины с рижского навершия более длинная и ярко выраженная борода и более четко показана шапка (*Сауне, 2003. Р. 381, att. 4*). Топографически предмет относится к срубам № 7, он найден в районе юго-восточного угла этого сооружения, где располагался вход к вымостке въезда на усадьбу (*Колчин, Хорошев, 1978. С. 164–166, рис. 20*).

Ильинский раскоп (1 экз.)

21. 16-66-б/н (рис. 3, 3). Фрагмент антропоморфного изображения, вероятнее всего относящегося к типу наверший. Сохранилась лишь передняя часть головы с реалистически выполненным лицом с широким носом (Б. А. Колчин сравнивает его с «носом пьяницы»), тщательно вырезанными ртом, бровями и глазами, что характерно для второго варианта скульптуры (*Колчин, 1971. С. 44, табл. 33, б*). Навершие относится к строительному горизонту 11 (первая половина XIV в.), найдено вне сооружений, но в непосредственной близости от межусадебного

Рис. 3. Антропоморфные навершия Славенского и Плотницкого концов: 1а, 1б — Михайловский раскоп, 22-62-15 (1а — архив Новгородской экспедиции; 1б — Древний Новгород. С. 109, № 206); 2а, 2б — Михайловский раскоп, 23-54-6 (2а — Древний Новгород. С. 109, № 207; 2б — архив Новгородской экспедиции); 3а, 3б — Ильинский раскоп, 16-66-6/н (3а — Колчин, 1971. Табл. 33, 6; 3б — фото автора); 4 — Никитинский раскоп, 27-159-168 (архив Новгородской экспедиции)

Fig. 3. Anthropomorphic finials from the Slavensky and Plotnitsky kotsy: 1a, 1b — Mikhaylovsky excavation, 22-62-15 (1a — archive of the Novgorod expedition; 1b — Древний Новгород. С. 109, № 206); 2a, 2b — Mikhaylovsky excavation, 23-54-6 (2a — Древний Новгород. С. 109, № 207; 2b — archive of the Novgorod expedition); 3a, 3b — Pyinsky excavation, 16-66-6/n (3a — Колчин, 1971. Табл. 33, 6; 3b — photo of the author); 4 — Nikitinsky excavation, 27-159-168 (archive of the Novgorod expedition)

частокола (Колчин, Черных, 1978. С. 57–116, рис. 19).

Лукинский раскоп (1 экз.)

22. 10-69-90. Непотревоженные напластования раскопа, из которых происходит находка, датируются в пределах XII–XIII вв. (Яременко, Тарабардина, 1994. С. 13).

Никитинский раскоп (1 экз.)

23. 27-159-168 (рис. 3, 4). Навершие представляет собой человеческое лицо, вырезанное на геометрическом навершии (форма геометрической фигуры близка к цилиндру и стоит между шаровидным и так называемым молотовидным типами). Лицо без признаков растительности выполнено плавными аккуратными срезами, близко ко второму варианту изображения. Стержень сохранился практически полностью и имеет длину около 30 см. Находка относится к «доярусному периоду» напластований Никитинского раскопа, датируемому второй половиной XIII в. (Дубровин, 2010. С. 45–51, прил. 3; 322, рис. 60, 17).

Представленный анализ коллекции антропоморфных деревянных наверший позволяет как уточнить некоторые положения, уже высказывавшиеся в литературе, так и сделать новые выводы о предназначении этой категории предметов. Прежде всего это касается хронологического распределения находок, которое можно представить следующим образом:

Х в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.
6 экз.	1 экз.	4 экз.	8 экз.	3 экз.

Датировка антропоморфных наверший Троицкого раскопа опровергает представление о двухсотлетней хронологической лакуне и двух периодах бытования этих предметов. Рамки самой лакуны значительно сужаются — до второй — четвертой четвертей XI в. (указанный в таблице экземпляр относится к началу этого столетия). Это, с учетом редкости находок, может означать не полную лакуну, а некоторое ослабление интереса к антропоморфным навершиям, что вполне согласуется с отмеченным в письменных источниках именно в это время усилением борьбы с проявлениями язычества, в ходе которой антропоморфные идолы должны были уничтожаться особенно беспощадно. Но уже к рубежу XI–XII вв. антропоморфные навершия вновь занимают свое место в духовной культуре новгородского

населения. В Людином конце они встречаются на протяжении всего XII в. Напротив, среди наверший Троицкого раскопа нет ни одного, датированного XIII в. В этом столетии все находки происходят с Неревского конца и Торговой стороны. В то же время в Неревском конце навершия XIV в. не найдены, все экземпляры относятся к Славенскому и Людину концам. То есть, несмотря на единичность находок, можно говорить о непрерывной традиции использования этой категории предметов. И если навершия X — начала XI в. имеют прямую связь с дохристианской традицией, нет никаких оснований искать для находок XIII–XIV вв. какое-либо иное объяснение их происхождения и значения. Как показали исследования разных категорий языческих культовых предметов, для этого периода характерно увеличение интереса и к некоторым другим предметам языческого культа (таким как «громовые» орудия или зооморфные амулеты-коньки). Распространение разных вариантов изображений также никак не соотносится ни с отдельными новгородскими концами, ни с хронологическими периодами. Навершия двух основных вариантов встречаются как в ранних, так и поздних слоях, как на Неревском, так и Троицком раскопе. Причем в находках раннего и позднего периодов, особенно относящихся к первому варианту изображения, прослеживается значительное сходство.

Топография находок антропоморфных наверший средневекового Новгорода показывает, что большинство из них было сделано в сооружениях. Эта тенденция отмечается для всех хронологических периодов, что также отражает единство традиции применения этих культовых предметов. Их хранили в домах и использовали в качестве домашних апотропеев. Обращает на себя внимание то, что целый ряд находок внутри срубов обнаружен вблизи входа в сооружение. Эти предметы могли магически охранять такой сакральный локус, как порог или притолока. То же значение имела и локализация наверший у внешних и межусадебных частоколов, где они оберегали границу усадьбы. Такие выводы согласуются и с топографией находок с других памятников. Так, находка в Старой Ладогe была сделана в срубе X в., который, возможно, являлся общинным святилищем (Панова, 1989. С. 90). На еще один локус, охранительную функцию которого выполняли антропоморфные навершия, указывает топография находок с Рюрикова городища.

Они происходят из заполнения древнего рва, где в более поздний период зафиксированы несколько ярусов хлебных печей (Дорофеева, 2020. С. 214). Одна из находок Неревского раскопа также происходит из хозяйственного сооружения, определенного П. И. Засурцевым как «копильня», то есть места, где готовили пищу, в том числе и для обрядовых трапез. Возможно, что часть новгородских наверший, найденных во внутреннем заполнении сооружений, также была связана с печами. При этом если навершия на коротких заостренных стержнях были размещены в домах или на частоколах стационарно, то предметы с длинными рукоятями могли выноситься из дома для совершения тех или иных охранительных ритуалов.

Отдельные наблюдения можно сделать и на основе пород деревьев, из которых изготовлялись навершия. И если о мифологическом значении дуба и вяза, символизирующих Мировое древо, а также об апотропейных свойствах осины хорошо известно, то о лещине стоит сказать особо. По данным этнографии, лещина является не только оберегом от болезней и нечистой силы, но и защищает от удара грома (Славянские древности..., 2004. С. 110). Предметы и объекты с подобной охранительной функцией в языческой традиции были изначально связаны с грозowymi культурами. В самих изображениях на усиление апотропеического эффекта указывают обнаженные зубы у некоторых наверший. В этнографии зубы связаны с понятиями здоровья и жизненной силы, а в народной медицине и заговорах они также имеют отгонно-поражающее значение, с их помощью «грызут, кусают и поедают» болезни (Славянские древности..., 1999. С. 359–362).

Таким образом, антропоморфные деревянные навершия являлись предметами дохристианской традиции, которая сохранялась и после принятия христианства. Об этом свидетельствует не только хронология новгородских находок, но и выявление некоторых единых форм изображения человеческих лиц. Внутриусадебная топография находок показывает тяготение их к сооружениям, местам входа в сооружения либо другими локусам, маркирующим пространственные границы обитания. При этом такие предметы могли храниться как в жилых, так и в хозяйственных постройках, и быть апотропеями мест, имеющих сакральные функции (например, печей). Однако связь антропоморфных наверший с жилищем вовсе

не означает их безусловного соотнесения с домовыми. Письменными источниками этого периода фиксируется целый ряд божеств, которые выступают охранителями освоенного пространства, но при этом не являются духами низшего ранга в мифологической иерархии. К таким домашним божествам, в частности, большинство исследователей относят Рода, который наряду с Рожаницами считается покровителем рода и семьи, связанным с культом умерших предков (Гальковский, 2000. Т. 1. С. 153–188). Еще одним таким божеством был бог огня очага Сварожич, которому также поклонялись в домах и под овинами (Срезневский, 1848. С. 23–26; Гальковский, 2000. Т. 2. С. 23, 37).

В честь этих божеств совершали ритуалы и жертвоприношения именно главы семей, а не жрецы на общественных святилищах. Как показывают поучения против язычества, традиции почитания домашних божеств надолго пережили публичные поклонения верховным богам языческого пантеона и дольше сохранялись после принятия христианства (Гальковский, 2000. Т. 2. С. 23–33). Именно таких богов языческого пантеона и могли символизировать антропоморфные наверхшия. В этом случае их столь длительное бытование вполне согласуется с данными письменных источников. Возможная конкретная атрибуция различных вариантов требует дальнейшего рассмотрения.

Арциховский, 1956 — Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. I. С. 7–42.

Гайдуков, Дубровин, 1996 — Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е. Антропоморфное деревянное наверхшие с Троицкого XI раскопа // НиНЗИиА. Новгород: б. и., 1996. Вып. 10. С. 80–83.

Гальковский, 2000 — Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1–2. Репр. изд. 1913–1916 гг. М.: Индрик, 2000. 308 с.

Дорофеева, 2020 — Дорофеева Т. С. Новые находки деревянных наверхший на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 213–216.

Дубровин, 1989 — Дубровин Г. Е. Зооморфные деревянные наверхшия // НиНЗИиА. Новгород: б. и., 1989. С. 62–64.

Дубровин, 2000 — Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М.: ИА РАН, 2000. Т. I. С. 150–152.

Дубровин, 2010 — Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.

Дубровин, 2020 — Дубровин Г. Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 608 с.

Засурцев, 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции / Ред. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 123). Т. IV: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165.

Колчин, 1971 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Е1-55). 62 с.

Колчин, Хорошев, 1978 — Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1978. С. 135–173.

Колчин, Черных, 1978 — Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1978. С. 57–116.

Панова, 1989 — Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры // СА. 1989. № 2. С. 88–95.

Покровская, 2004 — Покровская Л. В. Культовые предметы средневекового Новгорода // Новоторжский сборник. История, археология, историческая география / Отв. ред. В. В. Кузнецов. Торжок: Изд-во Всероссийского историко-этнографического музея, 2004. Вып. 1. С. 65–85.

ПСРЛ, 2001 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. I: Лаврентьевская летопись. 496 с.

Рыбаков, 2001 — Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: София Гелиос, 2001. 739 с.

Рыбаков, 2002 — Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: София Гелиос, 2002. 592 с.

Славянские древности..., 1999 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с.

Славянские древности..., 2004 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.

- Срезневский, 1848* — *Срезневский И. И.* О языческом богослужении древних славян. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. 96 с.
- Яременко, Тарабардина, 1994* — *Яременко Е. В., Тарабардина О. А.* Лукинский раскоп в Новгороде // НиНЗИиА. Новгород: б. и., 1994. Вып. 8. С. 11–14.
- Caune, 2003* — *Caune A.* Rīgas 12.–13. gadsima antropomorfe kokgriezumi // *Pitijum Rīgas arheoloģijā. Rakstu izlase.* Rīga, 2003. P. 375–390.
- Kaminskaitė, 2009* — *Kaminskaitė I.* XIII–XIV A. Medinės lazdos su buoželėmis: faktai ir hipotezės // *Lietuvos archeologija, 34* / Red. A. Simniškytė. Vilnius, 2009. P. 154–155.

Wooden anthropomorphic finials from mediaeval Novgorod (chronology and topography)

E. A. Tyanina

Among the finds stemming from the pre-Christian tradition, sculptural human representations are of special significance. Their semantic meaning is related with an anthropomorphic image of a deity as the supreme form of the evolution of the heathen worldview. In mediaeval Novgorod, one of the most interesting categories of such finds is that of the anthropomorphic wooden finials — carved representations of a human head on a rod. At present their finds number 23 items.

In terms of the character of the representations of human faces on the finials, it is possible to distinguish arbitrarily several variants. Particular items differ also in length and in the shape of the end of the rod. Chronological distribution of the anthropomorphic finials suggests that they were used during the entire period from the 10th to 14th century with a relatively short interruption in the 11th century. Thus the conclusion drawn on the basis of the materials from the Nerevsky excavation about a prolonged chronological pause has not corroborated by finds from the Troitsky excavation.

The topography of the wooden anthropomorphic finials within the urban properties shows that their majority were found in buildings suggesting the basically sacral function of these objects as domestic apotropaions. Their protective function is indicated also by the composition of the wood from which the finials were made and some details of the representations (e. g., the naked teeth). Of special note are a series of finds near entrances to the houses as well as in the vicinity of the palings encircling the properties. Evidently, the presence of these finials at the properties and inside the dwellings was marking the spatial boundaries as is typical of the talismans protecting the house and the mastered space. Another locus which was guarded by means of the anthropomorphic finials may have been represented by ovens and other places of cooking the food, including the ritual one. Some examples with long rods can have been used also in calendar rituals or some other similar magic practices. On the basis of this evidence, the anthropomorphic finials must be considered as related with the deities who acted as the guards of the family and of the mastered space, but, at the same time, they were not spirits of the lower mythology. These “domestic” deities included, in particular, Rod and the hearth-fire deity Svarozhich. In honour of these deities, rituals and sacrifices were performed by exactly the heads of the families, while the traditions of their worship outlasted for a long time the public worship of the gods of the heathen Pantheon, having survived for several centuries after the adoption of Christianity.

Берестяные грамоты о праве и судопроизводстве в средневековом Новгороде

Е. А. Рыбина

Аннотация. В статье содержится обзор берестяных грамот, свидетельствующих о состоянии правовых отношений в средневековом Новгороде. Приводится перечень юридически-правовых терминов (более 60), многие из которых впервые зафиксированы в берестяных грамотах. Подробно рассмотрены берестяные грамоты, содержащие сведения о судебном процессе, наследственном праве, правовом сознании средневековых новгородцев. Особое внимание уделено текстам о долговых обязательствах и штрафных санкциях.

Annotation. This paper reviews the birchbark documents indicating the state of the legal relations in mediaeval Novgorod. It presents the list of juristic-legal terms (over 60) of which many were first recorded in birchbark letters. The article discusses in detail the birchbark letters mentioning legal procedures, hereditary law, notions about law of the mediaeval Novgorodians. A special attention is focused on the texts of promissory notes and penalty formulas.

Ключевые слова: средневековый Новгород, берестяные грамоты, судопроизводство, штрафные санкции, правосознание.

Keywords: mediaeval Novgorod, birchbark letters, legal procedure, penalties, notions about law.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-140-147

Впервые берестяные грамоты как источник по истории новгородской судебной системы были рассмотрены Л. В. Черепниным (Черепнин, 1969). В распоряжении ученого находились найденные к тому времени 424 грамоты. Два очерка в своем исследовании историк посвятил анализу берестяных грамот, свидетельствующих о правовом состоянии средневекового Новгорода. С тех пор число грамот увеличилось более чем вдвое (к началу 2021 г. в Новгороде найдено 1135 грамот). Среди них немало новых свидетельств о судебном деле в средневековом Новгороде. Кроме того, тексты многих грамот, прокомментированные Л. В. Черепниным, благодаря лингвистическому анализу А. А. Зализняка были уточнены, и часть из них изменилась настолько кардинально, что это привело к отмене прежних комментариев.

Берестяные грамоты как источник по истории русского права привлекли внимание и юристов. В 1997 г. вышло учебное пособие В. В. Момотова (Момотов, 1997), в котором автор использовал берестяные грамоты для характеристики юридических норм в Древней Руси. Кроме того, отдельные сюжеты судопроизводства и правового состояния Новгорода были рассмотрены в нескольких статьях разных авторов (Горский, 1982. С. 25–35; Безус, 1998. С. 170–176; Гимон, 2016. С. 18–48).

Судя по письменным источникам, в числе которых Русская Правда, княжеские уставы, договоры с князьями, торговые договоры, Новгородская судная грамота, церковные уставы, средневековый Новгород отличался развитой правовой системой. В перечисленных документах регламентируются судопроизводство, уголовное и гражданское право, система наказания и т. д. Но о том, как применялись законы на практике, почти ничего не было известно, а для раннего периода такие примеры вообще отсутствовали.

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

Правовая система новгородского средневекового общества нашла отражение во многих берестяных грамотах, которые стали яркими иллюстрациями применения правовых документов на практике. В грамотах зафиксирована развитая юридически-правовая лексика с многочисленными терминами (более 60), которые характеризуют правовое состояние и различные этапы судебного производства. При анализе лексического состава берестяных грамот А. А. Зализняк писал, что «степень развитости и детализированности этой терминологии до открытия берестяных грамот невозможно было даже себе представить» (Зализняк, 2004. С. 225–226). При этом многие из этих терминов ранее не были известны в традиционных письменных источниках и впервые зафиксированы в берестяных грамотах.

Далее в алфавитном порядке приводится перечень правовых терминов с указанием номеров грамот, в которых они встречаются².

Безадыщина, выморочное имение — 3.
Бессудная грамота — 137, 251, 302, 366.
Бирич, судебный пристав — 471, 578, 1098.
Борец, сборщик податей — 68, 318, 463.
Вера, в вере, под клятвой, под присягой — 154, 579, 724, 820.
Вестись, вести тяжбу, обвинять — 25.
Видети (юрид.), видел и слышал — 154.
Вода, испытание водой — 238.
Волочити, таскать по судам — 237.
Вырути, подвергнуть конфискации — 246, 3326.
Дать руку, поручиться за кого-то — 531, 731.
Дворняя грамота, право собственности на двор — 55.
Дворянин, судебный исполнитель — 5, 9, 67, 289, 345, 531.
Детский, должностное лицо при князе и суде — 222, 295, 615, 718.
Доведка, дознание — 724.
Довести, доказать — 531.
Должница, долговой документ — 449.
Жеребей — 213, 222, 257, 295.
Задница, наследство — 198, 562/607.
Заклад — 531.
Заяти, занять — 75, 336, 673, 776.
Извет, заявление о правонарушении — 531, 744.

Изветати, заявить о правонарушении — 531.
Измучити, подвергнуть пытке — 156.
Истина, исто, основной капитал, долг без процентов — 61, 114, 509, 526, 567.
Клеветникъ, обвинитель — 247.
Обида, правонарушение, причинение вреда — 33, 725.
Одернь, в полную собственность — 1031.
Опась, стража — 235.
Орудье, судебное дело — 531, 1097.
Отатьбити, обвинить в воровстве — 135, 256.
Отрок, младшее должностное лицо, судебный исполнитель — 241, 509, 644, 819, 831, 834, 915, 947, 1050, 1120.
Отсылка, судебная повестка — 471 (XV в.).
Пограбити, ограбить — 235, 248, 699.
Погреб, темница, подземная тюрьма — 296, 952 (XII в.).
Подвойский, должностное лицо — 147, 262.
Познати, опознать — 25, 135, 305.
Позов, вызов в суд — 122 (1410–1420).
Позовная грамота, судебная повестка — 385 (XIV в.).
Позовник, судебный исполнитель — 1079 (XIV в.).
Позовница, судебная повестка — 307 (1420–1430 гг.).
Поклепати, обвинять — 247, 834.
Порубити (*порути*), конфисковать — 959.
Поручень, поручитель — 235, 260, 510.
Потяти, убить — 531.
Праведщик, судебный исполнитель — 154.
Правка, судебное разбирательство — 494/469.
Приставити, приставить отрока — 947.
Продажник, судебный исполнитель — 1001.
Разграбити — 252, 496.
Ростягатися, начать тяжбу — 154.
Рути, конфисковать — 776.
Рядец, свидетель, участник составления договора — 366.
Свод, очная ставка — 109, 819.
Сковати, заковать в кандалы — 411.
Сложитъ с себе поводъ, отвести обвинение — 25.
Суд — 14, 25, 137, 213, 227.
Тать, вор — 222, 297.
Татьба, кража — 213, 256, 907.
Тяжа, тяжба — 112, 142, 247, 600, 603, 831.
Убити — 249, 252, 415, 466, 952.
Ухо, свидетельское показание в суде — 25.
Ябетник, судебный исполнитель — 235, 421.
Яти, арестовать — 952.

В грамотах нашла отражение организация судебного процесса: вызов в суд, предъявление иска, ведение судебных дел, протокол судебного разбирательства, свидетельские показания, объяснительные записки в суд. К числу других

² Выборка проведена по словоуказателям к берестяным грамотам, составленным А. А. Зализняком (Зализняк, 2004. С. 710–839; Янин и др., 2015. С. 177–191), и текстам грамот, найденных в 2015–2020 гг.

юридических сюжетов относятся: взыскание долгов через судебных исполнителей, меры воздействия на должников, регулирование тех или иных конфликтов, наследственное право. Есть примеры поручительства за виновника, зафиксированы также и меры наказания.

В рамках настоящей статьи невозможно охватить весь спектр новгородской судебно-правовой системы, нашедшей отражение в берестяных грамотах, поэтому здесь будут рассмотрены лишь некоторые сюжеты.

Судебный процесс

Вызов в суд обеспечивался повестками или непосредственно судебным исполнителем, в качестве которых в грамотах фигурируют *бирич*, *дворянин*, *позовник*, *продажник*. Например, в грамоте № 289 (XIV в.)³ автор обращается за помощью к своим адресатам в связи с его вызовом в суд: «...позвале дворянине Федоре...». Авторы грамоты № 1079 (XIV в.) просят послать *позовника* к их ответчикам. Судебная повестка в берестяных грамотах обозначалась терминами *отсылка* (№ 471, XIV в.) или *позовная грамота* (№ 385, XIV в.).

Участие в судебном процессе свидетелей зафиксировано в грамотах № 25, 140, 298, 932, которые датируются XIV–XV вв. Две из них (№ 298 и 932) содержат списки *послухов* (свидетелей). Автор грамоты № 140 обращается с просьбой быть свидетелем в суде при разборе его дела. О судебном заседании с упоминанием свидетельских показаний (*ухо*) идет речь в грамоте № 25.

Целая грамота № 154 (1420-е гг.), в которой отсутствует этикетная формула, трактуется как протокол судебного разбирательства тяжбы между Филиппом и Стоиком. Текст начинается с опроса судебными исполнителями (*праведщиками*) свидетеля, который видел и слышал, что произошло между тяжущимися сторонами. По контексту грамоты № 1121 (1140–1160 гг.), к сожалению, дошедшей в виде обрывка, можно судить, что это был также протокол судебного разбирательства, посвященный краже бобров: «...и я украл бобров (*продаю — 8 гривен в бобровых шкурах*). А вот украли 20 шкур у Мило... сам вор...» (Гиппиус, 2020. С. 31–32). Полный текст этого документа, очевидно, сохранил запись показаний обвиняемого.

³ Здесь и далее все тексты грамот и их даты даны по сайту gramoty.ru ([Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://gramoty.ru/birchbark>).

О подготовке судебного процесса идет речь в грамоте № 531 (1200–1220 гг.), имеющей особое значение среди судебных документов. Она представляет собой исписанный с двух сторон лист бересты длиной 43 см и шириной 5 см. Автор грамоты Анна обращается к своему брату Климяте с просьбой о помощи в организации судебного расследования. Анну и ее дочь некий Коснятин обвинил в мошенничестве и грубо оскорбил обеих. Анна подробно излагает брату существо дело и утверждает, что ее дочь поступала по закону и все обвинения против самой Анны и ее дочери несправедливы. Оскорбленная несправедливыми обвинениями Анна готова отречься от родных: «*я тебе не сестра, а мужу — не жена*», что является древнейшей формулой отречения от родства.

Письмо написано очень эмоционально, со многими ошибками, тут же исправленными, что подтверждает авторство Анны. Историческое значение грамоты № 531 состоит в том, что она демонстрирует применение норм гражданского судопроизводства на 200–250 лет ранее, чем это было известно прежде по юридическим памятникам XV в.

Наследственное право

О наследственном праве свидетельствуют, прежде всего, завещания, точнее черновики завещаний, написанные на бересте. К настоящему времени известно десять завещаний (№ 28, 42, 138, 389, 519/520, 580, 692, 1077, 1078, 1122/1123)⁴, из которых самое раннее (№ 138) относится к рубежу XIII–XIV вв., остальные происходят из словес XIV–XV вв. Начальная формула в большинстве завещаний звучит стандартно: «*Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ рабъ Божиин* (такой-то) *пишу рукописание при своем животе...*». Такое начало идентифицирует любую грамоту как завещание даже при отсутствии дальнейшего текста (№ 28, 1078). В нескольких грамотах (№ 369, 519/520, 580) первая фраза опущена и текст начинается со слов: «*Се азъ рабъ Божиин ... пишу рукописание...*». Далее указываются наследники и перечисляется наследство. Однако в целой грамоте № 138 с таким формуляром наследники не названы, а после первой фразы сразу следует список лиц с указанием сумм или имущества, которые за ними числятся. При публикации этой грамоты А. В. Арциховский отнес ее к разряду ростовщических

⁴ Два завещания написаны на двух разных листах бересты, грамоты № 519/520 и 1122/1123.

записей, интерпретируя в данном случае термин *рукописание* как *рукопись* (Арциховский, Борковский, 1958. С. 13). Эту версию поддержал историк Б. Б. Кафенгауз (Кафенгауз, 1960. С. 173). Однако Л. В. Черепнин, сославшись на ст. 14 Псковской судной грамоты, пришел к выводу, что грамота № 138 представляет собой «духовное завещание особого типа, фиксирующее ростовщические сделки» (Черепнин, 1969. С. 369).

В большинстве случаев наследниками являлись дети, которым завещалась земля (№ 519/520), деньги и имущество (№ 1077, 1122/1123). В грамоте № 519/520 кроме детей наследником указываются тесть и дети других лиц, возможно, родственников завещателя. В завещаниях, сохранившихся полностью или с незначительной утратой текста, кроме упоминания наследников содержится список должников завещателя с указанием их денежного долга, зерна, имущества (№ 42, 138, 1077, 1122–1123). В частности, в грамоте № 1077 долги указаны главным образом в коробьях ржи и овса, а за одним из должников числится баранья шуба. В некоторых случаях завещатель называет и свой долг, который поручает выполнить наследникам.

Авторами трех завещаний (№ 28, 580, 692) были женщины, что свидетельствует о правовом положении женщин в новгородском обществе в целом. При этом, судя по текстам указанных грамот, их авторы не принадлежали к привилегированным слоям новгородского общества. Одна из них, Ульяна, завещает своим сыновьям землю, что дал ей свекор (№ 580). Мария завещает свой *остаток*, то есть наследство, некоему Максиму, потому что детей у нее нет. Очевидно, наследство Марии было невелико, коль скоро в конце она пишет, чтобы Максим употребил наследство на поминки по ней.

Наряду с прямыми завещаниями в некоторых грамотах (№ 148, 198, 213) зафиксированы своего рода косвенные завещания. Автор грамоты № 148 (конец XIII в.) задолжал кредитору (имя не сохранилось) 10 гривен серебра, которые тот завещал вернуть третьему лицу. Целая грамота № 198 (XIII в.), представляет собой записку Семьюна, который сообщает, возможно, в суд, что он забрал у некоего Храря наследство Шибенца, которое больше «нь надобе никому», то есть никто не может предъявлять претензии по поводу этого наследства. Радослав, один из персонажей памятной записки «Про Местятку» (№ 213, XIII в.), завещает третьему лицу, не названному по имени, получить с Местятки семь гривен.

Долговые обязательства и взыскание долгов

Самую большую группу документов юридического характера составляют грамоты о долгах, подавляющее число которых обнаружено в слоях XI — первой половины XIII в. (табл. 1). Судя по текстам завещаний, кроме денежных сумм долги могли выражаться в зерне и различном имуществе. В фонде берестяных грамот наряду с долговыми списками существует немало документов с записями оброка, выраженного в деньгах, зерне, продуктах и пр. Отличить списки оброков от долговых списков с перечнем зерна или каких-то предметов затруднительно, тем более что большинство таких грамот найдено в обрывках. В связи с этим в данной статье указаны только денежные долговые списки, но в разделе штрафных санкций рассматриваются и грамоты, содержащие сведения о возвращении имущественного долга.

В долговых списках на бересте перечисляются имена лиц, за которыми указана та или иная сумма долга. Информация о существовании долговой записи (*должницы*) содержится в грамоте № 449 (1180–1200 гг.), в которой автор напоминает адресатам, что деньги в размере шести гривен они взяли по его долговой записи.

Кроме бересты для фиксации долгов использовались «доски», сведения о которых содержатся в Новгородской летописи (НПЛ, 1950. С. 51) и Псковской судной грамоте (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 333–335, 340). О существовании таких «досок» в Новгороде известно также из грамоты № 82 (Зализняк, 2004. С. 430). До сих пор нет представления о том, как эти «доски» выглядели. В. Л. Янин не исключал, что «досками» могли называться расколотые пополам деревянные палочки с зарубками и надписями на плоской стороне, которые обнаруживаются при раскопках Новгорода (Янин, 1986. С. 82–85). Одна половина такой счетной бирки оставалась у кредитора, другая передавалась должнику с тем, чтобы при возвращении долга сверить его количество. Очевидно, о таком предмете идет речь в грамоте № 295 (1220–1240 гг.), автор которой расщепил жеребий (деревянную палочку с зарубками и надписью) с должниками и теперь требует возвращения долга, грозя обращением в суд через детского.

Сведения об условиях займа в грамотах практически отсутствуют. Однако в Пространной Русской Правде имеются статьи (50, 51, 53), в которых обусловлены сроки и условия займов и

Таблица 1. Сюжеты и хронология грамот о долгах
Table 1. Themes and chronology of birchbark documents concerned with debt

Содержание грамоты	Номер грамоты и временной период, в.					Всего
	XI	XII	XIII	XIV	XV	
Долговые списки	90, 526, 789, 905, 958 (всего 5)	168, 228, 230, 234, 240, 509, 516, 630, 631, 710, 770, 833, 919, 976, 1063 (всего 15)	73, 75, 151, 215, 212+214+ 216+ 217*, 218, 223, 224, 410, 575, 1064 (всего 11)	355, 1084	—	33
Просьба о займе	—	—	114	567	—	2
О возвращении долга, штрафные санкции	915	61, 155, 170, 235, 238, 241, 332 об., 449, 524, 662/684, 676, 736а, 776, 804, 862, 877/572, 900, 947, 1001, 1031, 1047, 1050, 1072, 1087, 1112 (всего 25)	61, 293, 295, 615 (всего 4)	445, 1098	—	32
«Рубеж» — конфискация	246	332, 776, 952	—	—	—	4
Договор по займу	—	—	—	45	—	1
Поручительство за должника	—	—	—	389	—	1
Всего	7	43	16	7	—	73

* Грамоты № 212, 214, 216, 217 представляют собой обрывки одного документа.

возвращения долгов. Судя по ним и другим данным, кредит давался под проценты на месяц или на более длительный срок. Среди берестяных грамот единственным свидетельством договора о займе является грамота № 45 (1320–1340 гг.), в которой указан срок в три года на возвращение долга с процентами. В ряде грамот, где речь идет о возвращении долга, также указан срок в три года (№ 61, 1240–1260 гг.), который, видимо, был стандартным при заключении ростовщической сделки. Общепринятой процентной ставкой, судя по грамотам, была треть от займа. В обрывочной грамоте № 75 (1200–1220 гг.) сказано: «...заято в треть». Не исключено, что полный текст этой грамоты также был договором о займе.

При возвращении долга запись на бересте «заглаживалась», то есть зачеркивалась, что стало известно из берестяной грамоты № 662/684 (1160–1180 гг.): «...у других взято, а не заглажено», что означало возвращение долга, запись о котором еще не ликвидирована. Пример «заглаживания» находим в грамоте № 218 (1240–1260 гг.), в которой четыре должника отделены друг от друга ступенчатыми линиями, при этом записи о двух должниках заштрихованы, следовательно, их долг возвращен.

В случае несвоевременного возврата долга или отказа к должнику применялись штрафные санкции, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты.

Штрафные санкции

По свидетельству берестяных грамот в большинстве случаев заимодавцы предварительно напоминали должнику о его долге и только после этого угрожали штрафными санкциями и вызовом в суд. Самый ранний пример такого рода содержится в сохранившейся целиком грамоте № 915 (1050–1075 гг.), автор которой Рожнет требует у должника скорейшего возвращения гривны серебра, в противном случае тому придется вернуть в полтора раза больше, то есть Рожнет грозит штрафом в 50 %. В грамоте № 241 (1100–1120 гг.) Коснятин велит адресату Ждану заплатить Степанцу долг к Рождеству. В данном случае неважна суть взаимоотношений между тремя персонажами этой грамоты. Несомненно, что Ждан был должником, которому был назначен срок возврата долга. В случае несвоевременной уплаты ему придется возвращать долг через отрока, что грозит увеличением процентной ставки вдвое. Автор грамоты № 804 (1160–1180 гг.) спрашивает своего адресата, собирается ли тот платить шесть гривен. Если тот не намерен платить, пусть едет в город⁵ на суд.

При невозвращении долга в срок или при отказе от его уплаты кредитор обращался к судебным

⁵ Во всех берестяных грамотах под термином *город* подразумевался Новгород.

исполнителям, в таком случае процентная ставка долга увеличивалась. Этот порядок зафиксирован в упомянутой уже грамоте № 241 и во многих других, датированных в основном XII–XIII вв.

Далее — несколько примеров. Тексты грамот приводятся в переводе в хронологическом порядке.

№ 862 (1100–1120 гг.): «...гривну не дашь (не вернешь), а пошлю на тебя...». Смысл этого обрывка очевиден, несмотря на его краткость. При неуплате долга автор пошлет к должнику судебного исполнителя.

№ 1050 (1100–1120 гг.): «От Словяты грамота к Гюрцу. Выведа (вызвав) отрока на Микулу и на Лешана, возьми четыре с половиной гривны. Славомир здесь не дает (или: не дал). Если вы правы, вы вызовете отрока на Славомира». Речь в грамоте идет о денежных взаиморасчетах между несколькими людьми и возвращении долга через отрока. Очевидно, пять персонажей этой грамоты связаны каким-то общим делом, скорее всего представляют группу складников, учитывая, что грамота найдена на усадьбе «Ж», жители которой в первой половине XII в. активно занимались торговлей (*Рыбина и др.*, 2019. С. 174–175). Отмечу, что Микула упоминается еще в одной грамоте с торговым сюжетом, также происходящей с усадьбы «Ж».

№ 1001 (1140–1160 гг.): «...А иначе вы (двое) потом не жалуйтесь, если к вам явится продажник». Продажник — судебный исполнитель, взимающий штрафы (*Зализняк и др.*, 2011. С. 16).

№ 170 (1160–1180 гг.): «...в другую треть...». Из этого короткого обрывка следует, что должник кроме процентной ставки в 33 % должен будет заплатить еще одну треть.

В уже цитированной выше грамоте № 295 (1220–1240 гг.) речь идет о расчете по долгу. В случае невыполнения долговых обязательств автор намерен послать к должникам *детского*, что повлечет за собой дополнительный штраф.

№ 615 (1280–1290 гг.): «Поклон от Ляха Флярю. Если ты получил с Русилы десять гривен, с Микулой пошли [их] сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского». Здесь так же, как и в других грамотах (№ 241, 295, 1050), денежными расчетами связаны несколько человек. Как правило, такие взаиморасчеты характерны при ведении совместной торговли, что неоднократно зафиксировано в берестяных грамотах (*Рыбина*, 2003. С. 97). Вероятно, и перечисленные здесь грамоты являются перепиской купцов-складников.

№ 1098 (1360–1380 гг.): «Поклон от Терентия к Онтону и к Моисею. Я к вам шлю уже третью грамоту, а вы мне не присылаете ни процентных денег, ни рыб. А теперь если не пришлете к воскресенью ни процентных денег, ни рыб, то мне [остается] слать на вас биричей, а на меня не жалуйтесь». Замечу, что термины *отрок* и *детский*, обозначавшие судебных исполнителей, к XIV в. исчезли из употребления, их заменили *бирич*, *дворянин* и *позовник* (табл. 2). Так же, как и в грамоте № 1001 XII в., кроме напоминания о долге автор предупреждает о посылке судебного исполнителя и при этом добавляет, чтобы его адресаты не жаловались. Не исключено, что в обоих случаях должниками были родственники истцов.

Таблица 2. Хронология терминов со значением «судебный исполнитель»
Table 2. Chronology of the terms meaning “officer of the law”

Термин	Номер грамоты и временной период, в.				
	XI	XII	XIII	XIV	XV
Отрок	915	241, 509, 644, 819, 831, 834, 1047, 1150, 1120	—	—	—
Продажник	—	1001	—	—	—
Ябетник	—	235, 421, Ст.Р. 12	—	—	—
Детский	—	235, 421	222, 295, 615, 718	—	—
Дворянин	—	—	531	5, 67, 289, 345	—
Бирич	—	—	—	578, 1098	471
Позовник	—	—	—	1079	—
Праведщик	—	—	—	—	154

Единственный в берестяных текстах случай несогласия должника с предъявленным иском зафиксирован в грамоте № 238 (1100–1120 гг.), одной из самых ранних долговых грамот. Перевод: «[Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой». Испытание водой зафиксировано в статье 22 Пространной Правды. Оно заключалось в том, что испытуемого связывали и бросали в воду, и он признавался невиновным, если тонул (Законодательство Древней Руси, 1984. С. 93). Автор грамоты № 238 готов на серьезные испытания, чтобы доказать свою правоту.

В торговой практике при невозвращении долга применялся «рубеж», означавший конфискацию товара или имущества, при этом «рубеж» мог быть прямым и косвенным (Рыбина, 2008. С. 68–82). При прямом «рубеже» конфискация производилась непосредственно у ответчика. Например, авторы грамоты № 776 (1140–1160 гг.) грозят своему псковскому компаньону Мостке конфискацией: «рути ты хоцю», то есть хочу у тебя конфисковать товар. Еще один пример прямого «рубежа» находится в грамоте № 332. Косвенный «рубеж» применялся при отсутствии ответчика к третьим лицам, имевшим отношение к виновному. Примеры косвенного «рубежа» содержатся в двух полностью сохранившихся берестяных грамотах. Автор грамоты № 246 (1020–1050 гг.) Жировит, проживавший в Смоленске, Полоцке или Витебске (Зализняк, 2004. С. 280–281)⁶, посылает новгородцу Стояну грамоту с напоминанием о том, что тот не возвращает долг в течение девяти лет. Терпение у Жировита кончилось, и он грозит Стояну тем, что за его долг конфискует товар или имущество у *лучшего новгороджанина*, который пребывает в его городе. Купцы-складники из грамоты № 952 (1160–1180 гг.), находящиеся в городе N. по торговым делам, жалуются в Новгород, что за вину некоего новгородца Фомы с них требуют 400 гривен и хотят посадить в *погреб* (тюрьму).

В ранний период (XI–XIII вв.) в грамотах с юридическими сюжетами фиксируются главным образом споры по денежным делам, рассматриваются проблемы, связанные с возвращением долгов. Для XIV–XV вв., напротив, характерны

⁶ Эта грамота XI в. не содержит признаков древненовгородского диалекта, особенно характерных для раннего времени.

споры по земельным вопросам, наследственные дела по землевладению. Очевидно, это неслучайно. На протяжении XI–XII вв. шел процесс накопления денежных средств новгородскими боярами, что в дальнейшем позволило им скупать общинные земли и становиться крупными землевладельцами.

Правовое сознание

Берестяные грамоты свидетельствуют о высоком уровне правосознания средневековых новгородцев, что иллюстрируют приведенные выше примеры разрешения разнообразных конфликтных ситуаций обращением в суд. Все спорные вопросы решались новгородцами через суд, в том числе и конфликты между родственниками. В качестве примера приведу сохранившуюся целиком грамоту № 644 (1100–1120 гг.), автор которой Нежка недовольна тем, что брат-ювелир не выполняет ее поручения об изготовлении украшения, и далее она пишет, что, если что-то должна, пусть брат посылает к ней отрока, то есть судебного исполнителя.

Ярким примером правового сознания средневекового новгородца является целая грамота № 53, датированная первой третью XIV в.: «Поклонъ ѿ Потра к Марѣ. Покосиле есмь пожню и озеричи оу мене сѣно ѿѡли. Спиши списокъ с купной грамотѣ да приши сѣмо, куды грамота поведе, дать ми разумно». Петр на купленном им участке земли в Озерах скопил сено, которое местные жители у него отняли, подозревая Петра в захвате чужой земли. Петр просит прислать ему копию купчей грамоты для уточнения границы своей земли, то есть использует юридически оформленный документ для разрешения конфликта.

Арциховский, Борковский, 1958 — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Наука, 1958. 152 с.

Безус, 1998 — Безус Н. Б. Судебные исполнители в Новгороде XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот) // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1998. Вып. 12. С. 170–176.

Гимон, 2016 — Гимон Т. В. Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. М.: ИВИ РАН, 2016. Вып. 3. С. 18–48.

Гиппиус, 2020 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и

Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.

Горский, 1982 — Горский А. Д. О вотчинном суде на Руси в XIV–XV вв. // Россия на путях централизации: Сб. ст. / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. С. 25–35.

Законодательство Древней Руси, 1984 — Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юридическая литература, 1984. Т. I: 432 с.

Зализняк, 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

- Зализняк и др.*, 2011 — *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания*. 2011. № 4. С. 3–19.
- Кафенгауз*, 1960 — *Кафенгауз Б. Б.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // *История СССР*. 1960. № 1. С. 159–174.
- Момотов*, 1997 — *Момотов В. В.* Берестяные грамоты — источник познания русского права XI–XV вв.: Учебное пособие. Краснодар: Кубанский ГУ, 1997. 195 с.
- Рыбина и др.*, 2019 — *Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В.* Археологические исследования Людина конца в Новгороде (Троицкий раскоп) // *Вестник РГНФ. Серия «Гуманитарные и общественные науки»*. 2019. № 3 (96). С. 167–185.
- Рыбина*, 2003 — *Рыбина Е. А.* О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот) // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы междунар. конф. (Великий Новгород, 24–27 сент. 2001 г.)* / Под общ. ред. В. Л. Янина. М.: Индрик, 2003. С. 96–101.
- Рыбина*, 2008 — *Рыбина Е. А.* Акция «рубежа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация // *Новгородский исторический сборник. Вып. № 11 (21)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 68–82.
- Черепнин*, 1969 — *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969. 439 с.
- Янин*, 1986 — *Янин В. Л.* Надписи на деревянных «счетных» бирках // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.
- Янин и др.*, 2015 — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* НГБ (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. XII. 286 с.

Birchbark documents concerned with the law and legal proceedings in mediaeval Novgorod

E. A. Rybina

The legal system in the mediaeval Novgorod society has been reflected in numerous birchbark letters which vividly illustrate the application of legal documents in practice. The letters recorded an advanced juristic-legal vocabulary including numerous terms (over 60) characterizing the principles of law and different stages of legal proceedings.

The article examines some subjects from judicial practice with examples from birchbark documents, including legal proceeding, hereditary law, promissory notes, notions about law among the mediaeval Novgorod citizens.

A call to the court was done through summons or immediately by a bailiff mentioned in the letters as birich, dvoryanin, pozovnik, prodazhnik. The summons were specified in the birchbark letters by the terms of otsylka (dispatch) or pozovnaya gramota (summoning letter).

The hereditary law is reflected, primarily, in testaments, or rather, their draft copies written on birchbark. The wills, along with the mentioning of the heirs, contain a list of debtors of the testator specifying their debt in the form of money, grain, or property. The authors of three testaments were women this fact indicating, in general, the legal state of women in the Novgorod society.

The most numerous group of documents of a legal character are constituted by letters about debts; the predominant number of these has been revealed in layers of the 11th — first half of the 13th century.

In case of the belated payment or denial of the debt, the debtor was subjected to penalties as is evidenced by numerous letters. If the debt was not returned on time or denied, the creditor appealed to bailiffs, in this case, the debt rate increased. In the trade practice, if the debt was not returned, the debtor was subjected to “rubezh” (limiting), i. e. confiscation of goods or property.

Birchbark letters demonstrate a high level of feeling for law among the mediaeval Novgorodians. All the arguable issues, including conflicts between relatives, were settled by the Novgorodians at court.

Головные уборы XIV в. из раскопа Дубошин II в Великом Новгороде

О. А. Тарабардина, М. И. Петров, Е. С. Зубкова¹

Аннотация. Статья посвящена средневековым головным уборам — войлочным шапкам, обнаруженным в ходе археологических исследований в Славенском конце Новгорода на раскопе Дубошин II: их характеристике, археологическому контексту находок, принадлежности к определенным комплексам усадебной застройки и хронологии.

Annotation. This paper is devoted to mediaeval headdresses — felt caps found during archaeological investigations at the Slavensky Konets (district) in Novgorod at excavation Duboshin II. It comprises their characterisation, archaeological context of the findings, belonging to particular complexes of the buildings at the urban properties and chronology.

Ключевые слова: средневековый Новгород, раскоп Дубошин II, усадьбы, комплексы застройки, материальная культура, головные уборы.

Keywords: mediaeval Novgorod, excavation area Duboshin II, urban properties, complexes of buildings, material culture, headdresses.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-148-153

При археологическом изучении культурных напластований Новгорода в руки исследователей попадают артефакты из органических материалов, характеризующие различные аспекты быта средневековых горожан, в том числе такие, которые достаточно редко встречаются в ходе раскопок. К числу нечастых находок, безусловно, следует отнести головные уборы — за многолетнюю историю археологического изучения Новгорода найдены всего несколько предметов такого рода. Тем интереснее, что в 2017 г. при работах в центральной части Славенского конца города на раскопе Дубошин II в слоях XIV в. были обнаружены сразу три войлочные шапки (Петров, Тарабардина, 2019; Зубкова, Сингх, 2018).

Публикация этих находок, описание археологического контекста, в котором они обнаружены, определение их принадлежности конкретным

комплексам усадебной застройки и хронологии являются задачей настоящей статьи.

В ходе исследований в пределах раскопа Дубошин II выявлены две средневековые усадьбы: большую часть территории занимала усадьба «А» (изучено более 50 % ее площади), а в юго-западном углу зафиксирован фрагмент усадьбы «Б», располагавшейся южнее усадьбы «А». Обе усадьбы в древности выходили на Витков переулок, проходивший западнее зоны исследований (Петров, Тарабардина, 2019. С. 29).

Головные уборы, которым посвящена эта статья, найдены на территории усадьбы «А» в слоях XIV в. В этот период жилые и хозяйственные постройки располагались по периметру усадьбы: крупный жилой сруб находился, как правило, в ее юго-восточной части, а вдоль северной и восточной границ усадьбы ставились 3–4 небольшие постройки, с трех сторон окружая мощный двор. Мощения и настилы, перекрывающие значительную часть двора, также являлись характерной чертой этого времени: эти элементы благоустройства очень облегчали жизнь обитателей усадьбы в условиях быстрого формирования культурных отложений и повышенной увлажненности участка. Такой принцип организации

¹ Тарабардина О. А., Петров М. И. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника; ул. Ильина, д. 26, г. Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: o.tarabardina@mail.ru; m_i_petrov@mail.ru. Зубкова Е. С. — Псковско-Изборский государственный музей-заповедник; ул. Некрасова, д. 7, г. Псков, 180000, Россия; e-mail: zuba.pskov@gmail.com.

усадебного пространства воспроизводился с вариациями в нескольких ярусах; всего же на протяжении XIV в. прослежено восемь разновременных горизонтов застройки (горизонты 2–9). Высокие темпы накопления культурного слоя обусловили хорошую сохранность построек, а также частую смену внутриусадебных мощений. Жилым и хозяйственным сооружениям того или иного горизонта зачастую соответствовали несколько разновременных настилов, которые маркировали различные этапы жизни усадьбы в рамках одного строительного горизонта.

В слоях XIV в. на усадьбе «А» собран многочисленный и разнообразный вещевой материал. Наряду с бытовой утварью здесь обнаружены девять берестяных грамот², цера с остатками воска и следами записей, четыре свинцовые буллы и четыре заготовки печатей, элементы снаряжения всадника, четыре западноевропейские свинцовые пломбы, предметы импорта (ткани: фрагменты шелка и сукна (Зубкова, 2019. С. 266–271), греческие орехи, хрустальные бусы). О высоком культурном уровне владельцев усадьбы «А» в этот период помимо грамот и церы говорят многочисленные находки шахмат, в том числе неполный комплект из 22 шахматных фигур из камня.

Особенностью вещевых комплексов усадеб XIV в. является то, что большую часть найденных здесь индивидуальных находок (67 % коллекции) составляют предметы из органических материалов — дерева (36 %), кожи (23 %), кости (2 %), тканей и войлока (6 %). К категории нетканого текстиля относятся три шапки, которые в момент находки представляли собой бесформенные комки войлока, и лишь после обработки в камеральной лаборатории стала возможной идентификация этих предметов.

Первый головной убор (30-13-№ 14³) — изготовленная из войлока шапка полусферической, несколько вытянутой формы была найдена на территории двора усадьбы «А». Высота изделия при отвернутом нижнем крае (шапка сохранила

отворот-околыш по тулье) — 18–20 см, диаметр по макушке — примерно 8 см (рис. 1, 1). Отворот двойной: нижний край на ширину около 6–7 см отвернут на тулью, а затем обратно вниз. Таким образом, ширина околыша составляет около 3,0–3,5 см. Длина окружности по нижнему краю — 60–62 см. Шапка сильно повреждена: имеются многочисленные разрывы, нижний край частично оборван. Предмет обнаружен в слое навоза со щепой наряду с фрагментами ткани, тесьмы и деталями кожаной обуви. Эти напластования синхронны застройке горизонта 5 (5-1, 5-2⁴) и могут датироваться 1350–1360-ми гг.

Вторая шапка (31-40-№ 4) обнаружена в южной части двора усадьбы «А», в темно-коричневом слое со щепой; ее параметры — высота и длина окружности по нижнему краю точно не определяются из-за плохой сохранности изделия (край полностью оборван), но диаметр макушки составляет, как и у описанной выше, 8 см (рис. 1, 2). Рядом с войлочной шапкой найдены фрагменты кожаной обуви и деревянные детали. Слой, в котором сделана находка, также отложился в период существования горизонта 5 (5-3) и в целом имеет ту же датировку.

Третья шапка (35-3-№ 51) найдена в северо-западной части усадьбы «А» при рытье северной дренажной траншеи. Она отличается лучшей сохранностью, чем две предыдущие; высота изделия — 24–25 см, длина окружности по нижнему краю — 60–63 см, диаметр макушки — 8 см (рис. 1, 3). Шапка обнаружена в темно-коричневом слое с высокой концентрацией щепы и включениями навоза, фактически не содержащем находок, под срубом № 44. Обилие щепы и отсутствие находок, как правило, отмечается в слое строительства сооружений того или иного горизонта (в данном случае — построек горизонта 5).

Таким образом, шапки Дубошина раскопа идентичны по форме — это колпаки с вытянутой полусферической тульей, изготовленные из войлока, толщина которого колеблется на отдельных участках (в зависимости от сохранности) от 3 до 4 мм. У одной из описанных шапок по тулье явно прослеживается отворот-околыш. Сохранность же двух других не позволяет уверенно судить об оформлении нижнего края шапок. Однако изображения в различных источниках — как ранних, так и более поздних (фрески, книжные миниатюры, зарисовки из записок иностранцев) —

² Всего на раскопе найдены 12 грамот: одна грамота относится к концу XII — началу XIII в., девять документов — к XIV в., две грамоты происходят из слоев конца XIV — первой четверти XV в.

³ Здесь и ниже в шифрах находок первая цифра обозначает номер пласта (мощность пласта на раскопе Дубошин II составляла 10 см), вторая — номер квадрата, третья — номер находки в полевой описи.

⁴ Горизонт 5 разбит на три подгоризонта: 5-1, 5-2, 5-3.

Рис. 1. Раскоп Дубошин II. Головные уборы, войлок: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51
Fig. 1. Excavation area Duboshin II. Headdress, felt: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51

свидетельствуют о том, что околыш у такого типа головных уборов был неизменным элементом.

Как показано выше, все три головные убора, обнаруженные на раскопе Дубошин II, найдены в сходных стратиграфических обстоятельствах — на территории двора усадьбы «А», вблизи построек (что облегчает датировку), в слое с высоким содержанием щепы и навоза. Все шапки связаны с напластованиями горизонта 5, постройки которого сооружаются в 1350-е гг. и существуют до 1360-х гг., когда им на смену приходят сооружения горизонта 4. Опираясь на стратиграфические данные, можно предположить, что последний из рассматриваемых головных уборов (35-3-№ 51) оказался в культурном слое в ходе строительства на усадьбе в 1350-х гг., а другие — на разных этапах функционирования этого комплекса сооружений в 1350–1360-е гг. (рис. 2).

В отличие от выше- и нижележащих горизонтов застройки, все постройки горизонта 5 вошли в раскоп лишь частично, что затрудняет определение их размеров и функционального назначения. Тем не менее очевидно, что вход на усадьбу располагался в северо-западной части раскопа, со стороны Виткова переулка. Шесть небольших построек размещались по периметру усадьбы, вдоль ее западной (сооружение № 33), северной (сооружения № 43, 44, 46) и восточной границ (сооружения № 32, 36). Сооружение № 33, находившееся в западной части усадьбы, — постройка явно нежилого характера, но с большой печью, сложенной из кирпича, что довольно редко в средневековом Новгороде (Петров, Тарабардина, 2019. С. 30, рис. 5). На начальном этапе исследований предполагалось, что постройка имеет производственное назначение, однако отсутствие предметов, указывающих на ремесленный характер усадьбы, за исключением домашнего ремесла (прядание, ткачество), опровергает это предположение.

Сплошные мощения, подобные тем, что зафиксированы в более раннем (горизонты 8–9, первая треть XIV в.) и более позднем (горизонт 4 — 1360–1370-е гг.) периодах, на этом хронологическом отрезке отсутствуют. Во дворе прослеживались остатки мощений, выполненных из вторично использованного дерева. Дневная поверхность понижалась в западном направлении (перепад глубин составлял около 0,2 м), слой откладывался очень интенсивно: постройки сохранились на 2–9 венцов, а мощность синхронных им напластований, образованных темно-

коричневым гумусом со щепой и пластами навоза, достигала 0,6 м.

Скорость формирования отложений — до 60 см за 10 лет, то есть до 6 см в год, свидетельствует о высокой интенсивности жизнедеятельности в этом горизонте усадьбы (Долгих и др., 2018. С. 60). Наличие мощных отложений навоза указывает на содержание здесь значительного количества домашнего скота, что может служить дополнительной имущественной характеристикой жителей.

В вещевом комплексе этого горизонта широко представлены разнообразные бытовые предметы (главным образом из дерева и кожи), артефакты, связанные с домашними ремеслами и промыслами, детали обуви, детские игрушки, деревянные счетные бирки. Также здесь найдена берестяная грамота № 1102 — письмо Лукерьи к матери, написанное по поводу устройства поминок и других дел, вызванных смертью родственника (Гиппиус, Зализняк, 2018). В грамоте упоминаются передаваемые по завещанию денежные средства — рубль и полтина. При этом среди находок мало изделий из металла, в частности, украшений, отсутствуют свинцовые печати, скреплявшие различные документы, и импортные предметы. Впрочем, это может быть вызвано тем, что в пределы раскопа попала главным образом дворовая территория со свойственными ей находками хозяйственного назначения. В целом создается впечатление, что усадьба «А» в этот период принадлежала горожанам не слишком высокого имущественного статуса.

Таким образом, все три находки относятся к очень узкому хронологическому периоду — 1350–1360-м гг., и это примечательно, хотя определить причины такой концентрации редко встречаемых артефактов на одной средневековой усадьбе не представляется возможным.

Большинство войлочных шапок, датировки которых нам известны, происходят, как и дубошинские находки, из слоев XIV в.: это находки с Неревского и Троицкого раскопов в Новгороде и Пятницкого раскопа в Старой Руссе (Зубкова, Сингх, 2018)⁵. В 2020 г. на раскопе Дмитриевский 3 в Неревском конце Новгорода обнаружена еще одна войлочная шапка — и тоже в напластованиях второй половины XIV в. По облику эти

⁵ Аналогичные головные уборы известны по раскопкам в древнем Берестье (Лысенко, 1985. С. 374) и на посаде крепости Орешек (Кирпичников, 1980. С. 50), но они имеют более широкие датировки: соответственно XIII–XIV вв. и XIV—конец XV в.

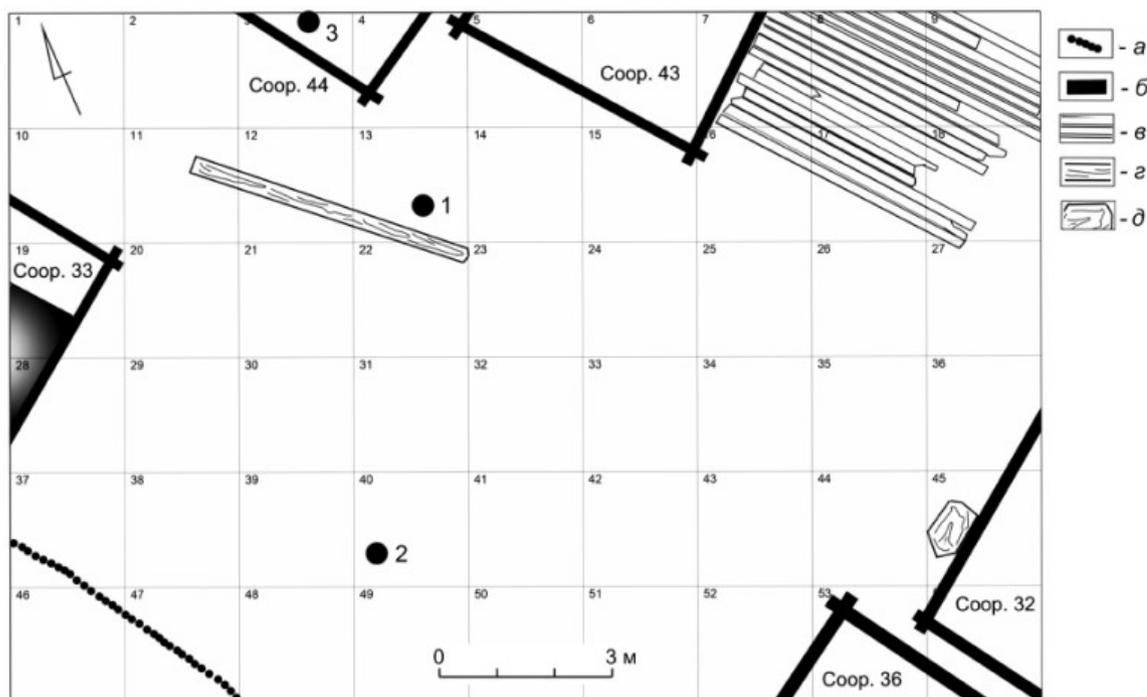

Рис. 2. Раскоп Дубошин II. Схема застройки горизонта 5 (1350–1360-е гг.) с обозначением мест находки войлочных шапок: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51. Условные обозначения: а — трасса межусадебного частоккола; б — постройки; в–д — тесанные внутриусадебные мощения

Fig. 2. Excavation area Duboshin II. Scheme of the buildings of horizon 5 (1350s–1360s) with findspots of felt caps: 1 — 30-13-№14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51. Keys: a — fence; б — buildings; в–д — intra-estate paving

предметы фактически аналогичны и различаются в основном степенью сохранности.

Дополнительным фактором, способствовавшим консервации органики, в том числе текстиля, в слое являются высокие темпы формирования культурных напластований, связанные с интенсивностью жизнедеятельности и качеством жизни новгородцев в этот период. По нашим наблюдениям, на раскопе Дубошин II культурный слой наиболее активно откладывался именно в XIV в. — мощность отложений этого периода более 3 м (для сравнения отметим, что за XIII столетие на участке отложилось около 1,3 м, а в XII в. — около 1,2 м слоя). Значительная мощность слоев XIV в. отмечена и на других раскопах центральной части Славенского конца — Ильинском, Михайловском, Кировском, Нутном (Колчин, Черных, 1978; Колчин, Хорошев, 1978; Колчин, Рыбина, 1982; Гайдуков, 1992).

Кроме сходства по форме, материалу, технологии изготовления и датировкам все известные к настоящему моменту войлочные шапки объединяют условия находки — в жилых кварталах древнерусских городов, в большинстве случаев в хозяйственной зоне усадеб. Сравнивая контекст находок, уместно заметить, что одна из известных

новгородских шапок с Неревского раскопа происходит с усадьбы «И1» и найдена между двумя срубами, как и шапка с Троицкого раскопа (Зубкова, Сингх, 2018. С. 84–85, рис. 5, 3; 3). Усадьба, по мнению П. И. Засурцева, принадлежала представителям боярского рода, но обитателями небольших жилых построек являлись люди, зависимые от хозяев усадьбы (Засурцев, 1963. С. 143–144). Войлочная шапка, найденная при раскопках средневекового посада крепости Орешек в 1968 г., обнаружена в сооружении, атрибутированном А. Н. Кирпичниковым как загон для скота, в слое навоза (Кирпичников, 1980. С. 50–51). Приведенные примеры весьма напоминают обстоятельства находки дубошинских шапок и свидетельствуют о том, что в XIV в. головные уборы такого типа были достаточно популярны среди горожан. Простота формы и доступность войлока как материала привели к широкому распространению колпака среди различных социальных слоев русского населения⁶.

⁶ По мнению исследователей, валянные из войлока шапки являлись обычным головным убором крестьян (Левашева, 1959. С. 54).

Рассмотренные в настоящей статье войлочные шапки явно не принадлежали представителям социальной верхушки Новгорода. Как свидетельствует предварительный анализ застройки и вещевого материала горизонта 5 раскопа Дубошин II, перед нами мужские головные уборы, которые могли носить обитатели городских усадеб среднего достатка. Были ли это владельцы усадеб или жив-

шие здесь зависимые люди, выполнявшие различные хозяйственные работы, — это, по выражению А. В. Арциховского, «гадательно». В заключение отметим, что для убедительной интерпретации имущественного и социального аспектов тех или иных находок необходимо тщательное комплексное изучение новгородской усадьбы — ее топографии, застройки, вещевого материала и хронологии.

- Гайдуков*, 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Наука, 1992. 198 с.
- Гиппиус, Зализняк*, 2018 — *Гиппиус А. А., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 7–24.
- Долгих и др.*, 2018 — *Долгих А. В., Петров М. И., Александровский А. Л.* Культурный слой средневекового Новгорода: формирование, преобразование, современный облик // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия: Материалы междисциплинарной науч. конф. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2018. С. 57–63.
- Засурцев*, 1963 — *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. IV: Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 123). С. 5–165.
- Зубкова*, 2019 — *Зубкова Е. С.* Коллекция текстиля из раскопа Дубошин-II-2017 г. в Славенском конце Новгорода (краткий обзор) // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 266–271.
- Зубкова, Сингх*, 2018 — *Зубкова Е. С., Сингх В. К.* Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич, 2018. С. 63–67.
- Кирпичников*, 1980 — *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек / Под. ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, Лен. отд., 1980. 124 с.
- Колчин, Рыбина*, 1982 — *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 178–238.
- Колчин, Черных*, 1978 — *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1978. С. 57–134.
- Колчин, Хорошев*, 1978 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1978. С. 135–173.
- Левашева*, 1959 — *Левашева В. П.* Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки истории русской деревни X–XIII вв.: Сб. ст. М.: ГИМ, 1959 (Тр. ГИМ; вып. 33). С. 38–60.
- Лысенко*, 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 395 с.
- Петров, Тарабардина*, 2019 — *Петров М. И., Тарабардина О. А.* Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II в 2017 г. // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 28–33.

Felt caps of the 14th century from Duboshin II site in Novgorod

O. A. Tarabardina, M. I. Petrov, E. S. Zubkova

The article deals with three felt caps which were discovered during archaeological excavation on Duboshin II site in Novgorod. The text describes their characteristics, archaeological context, chronology and situation on certain city plot.

All three objects were discovered in cultural deposits of the city plot “A” dated back to the 1350s–1360s. Peculiarities of their deposition allows to suppose that one of objects was deposited in the early 1350s when construction activities at city estate “A” took place. Two others are slightly later and dated back to the 1360s. All of them are of a same kind: high bell-shaped felt headwear and at least one of them had turn-ups, two others are less preserved to discuss their style.

Analysis of city estate constructions and artifact complex allows to suppose that inhabitants of the household were of moderate income (not rich). Similar headwear discovered at three sites in Novgorod and also in Staraiia Russa, Oreshek and Berest'e. They are quite similar in their form, material, technology of production and chronology; all of them were discovered in city plots. Our research shows that such felt caps were popular among city inhabitants in the 14th century Russia. Simplicity of forms and easy access to felt caused widespread of such caps in various strata of medieval population.

Энколпион XIV в. из монастыря Андрея на Ситке под Новгородом¹

А. А. Кудрявцев, Вл. В. Седов²

Аннотация. При археологических исследованиях 2020 г. селища Ситка I, расположенного к югу от Новгорода, проведены раскопки некрополя храма Андрея Юродивого Ситецкого монастыря. В перемешанных напластованиях между погребениями XVII–XVIII вв. выявлена лицевая створка энколпиона с Распятием, датируемая по аналогиям XIV в. Видимо, она происходила из разрушенного погребения более позднего времени и принадлежала представителю духовенства.

Annotation. During archaeological investigations of 2020 at the settlement of Sitka I situated to the south from Novgorod, the necropolis of the Church of St Andrew the Holy Fool on Sitka of the Sitka Monastery was excavated. In the mixed strata between burials of the 17th–18th century, the face valve of an encolpion with the Crucifix was found dated through analogues to the 14th century. Apparently, it came from a disturbed later grave and belonged to a representative of the clergy.

Ключевые слова: Новгород, Ситецкий монастырь, церковь Андрея Юродивого, христианские древности, энколпион, мощевик, некрополь.

Keywords: Novgorod, Sitetsky monastery, Church of St Andrew the Holy Fool, Christian antiquities, encolpion, reliquary cross, necropolis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-154-162

В окрестностях Великого Новгорода расположены остатки монастыря Андрея на Ситке, стоящего на древнерусском селище Ситка I. Поселение занимает террасу правого берега р. Правощня — протоки р. Малый Волховец (Волховец). Селище было обнаружено Е. Н. Носовым в 1984 г. По сборам подъемного материала ученый выделил лепную керамику конца I тыс. н. э., фрагменты древнерусских горшков XI–XIII вв. и позднесредневековых сосудов. Площадь селища

определена в 80 × 260 м, тогда же был снят его инструментальный план (Носов, 1985. С. 7, рис. 30; Носов, 1991. С. 10).

Раскопки на селище с 2017 г. ведет А. А. Кудрявцев (Вдовиченко, Кудрявцев, 2019. С. 120–121). В 2017–2019 гг. исследования были сосредоточены на юго-западной окраине поселения, где был заложен раскоп 1. Его общая площадь составляет 65 кв. м. В ходе работ зафиксированы подпечная яма наземной постройки, датированная XII в., и закрытые комплексы этого времени. Данные по керамической коллекции в целом подтверждают заключения Е. Н. Носова, но включают также и материалы XIV–XV вв. (Вдовиченко, Кудрявцев, 2020. С. 90–99).

С 2013 г. по настоящее время каменный храм Андрея Юродивого последовательно раскапывает М. В. Вдовиченко (Вдовиченко, 2014. С. 116–120). В 2020 г. с целью изучения некрополя Ситецкого монастыря А. А. Кудрявцевым был заложен раскоп 2 (12 кв. м), примыкающий к раскопу

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00357 А: «Археология монастырей и приходских храмов средневекового Новгорода на примере Юрьева, Кириллова и Ситецкого монастырей и церкви Бориса и Глеба в Детинце. Комплексное исследование».

² Кудрявцев А. А. — Научно-отраслевой архив, Институт археологии РАН; ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru. Седов Вл. В. — Отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН; e-mail: sedov1960@mail.ru.

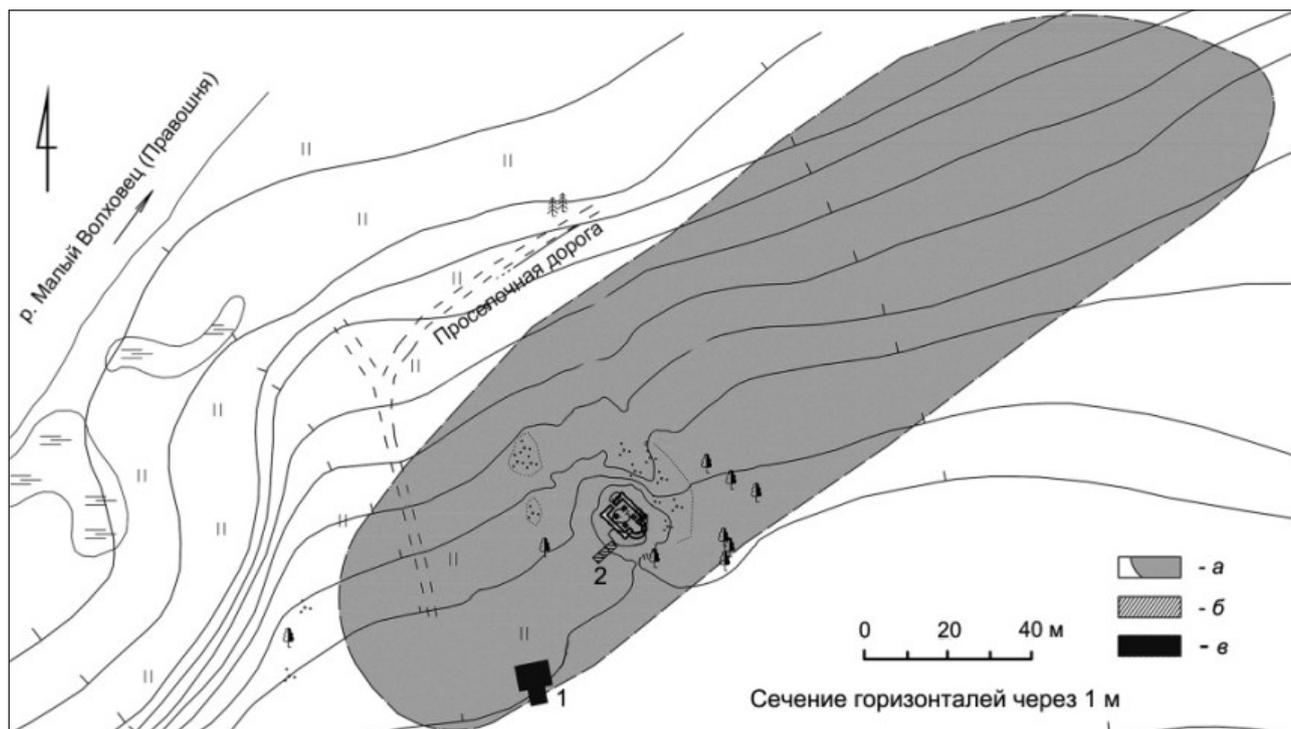

Рис. 1. Селище Ситка I. Инструментальный план 1984 г. (Носов, 1985). Условные обозначения: а — граница селища по Е. Н. Носову (1984 г.); б — раскоп 2 (2020 г.); в — раскоп 1 (2017–2019 гг.). Сечение горизонталей через 1 м
 Fig. 1. Settlement of Sitka I. Instrumental plan of 1984 (Nosov, 1985). Keys: а — boundary of the settlement after E. N. Nosov (1984); б — excavation 2 (2020); в — excavation 1 (2017–2019). Section of the horizontals over 1 m

М. В. Вдовиченко (рис. 1). Он расположен южнее церкви Андрея Юродивого на Ситке, бывшим соборным храмом небольшого мужского монастыря. Эта церковь построена в камне в 1371 г.: «В лѣто 6879... Постави Наталья церковь каменну святаго Андрѣя Оуродиваго на Ситискѣ» (НЛЛ. С. 295; Секретарь, 2011. С. 472–476).

Вся исследованная площадь раскопа 2 затронула кладбище при храме — всего было открыто 27 погребений. Наличие нательных крестов с надписями (3 экз.) у ряда захоронений первого уровня и железные обувные набивные подковки у одного из погребений нижнего яруса позволяют предварительно отнести его верхнюю границу к XVIII в.

Видимо, начало формирования некрополя можно отнести к XVI в. Об этом свидетельствуют косвенные данные о ремонте храма Андрея Юродивого в XVI в.: наличие кирпичей этого времени в развале здания храма и множественные находки монет времени правления Ивана IV в слое его разрушения. К тому же культурный слой селища содержит значительное количество белоглиняной керамики XVI–XVII вв., а фрагменты сосудов

XV в. представлены в значительно меньшей степени.

В переотложенных напластованиях центрального сектора раскопа 2 между ярусами погребений был найден литой бронзовый крест-энколпион, вернее, его верхняя створка (рис. 2). Данный крест принадлежит к энколпионам, между двумя створками которых хранились мощи или иные реликвии.

На внешней стороне верхней створки креста расположены изображения; внутренняя сторона имеет небольшое заглабление, ограниченное выступающей по краям рамкой. Подобная, но четче обозначенная рамка обходит крест с внешней стороны, отдельные изображения также имеют рамки-перегородки, отделяющие их от соседних. Крест равноконечный, на концах имеет расширения, превращающие ветви креста в самостоятельные кресты. Снизу створки энколпиона расположено ушко для соединения с утраченной нижней створкой, а сверху размещены два ушка, соединявшиеся шарнирно с отдельной «головкой», в которой находится канал для гайтана или цепочки. Крест ремонтировался еще

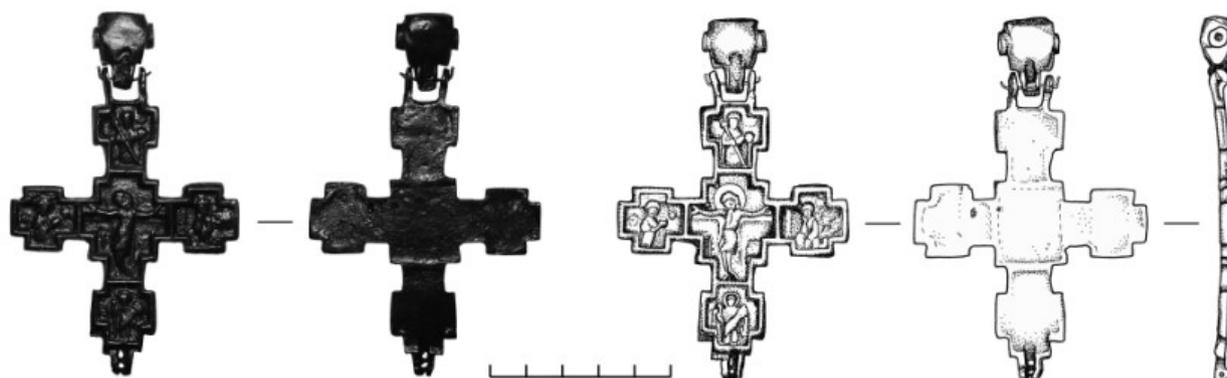

Рис. 2. Селище Ситка I. Раскоп 2 (2020 г.). Створка энколпиона, бронза (рисунок А. О. Дмитриевой)
 Fig. 2. Settlement of Sitka I. Excavation 2 (2020). Valve of encolpion, bronze (drawing by A. O. Dmitrieva)

в древности: сейчас он связан с головкой довольно тонкой бронзовой проволокой, концы которой загнуты (видимо, до ремонта была утрачена или пришла в негодность нижняя часть).

По данным анализа химического состава металла креста, сплав, из которого он отлит, согласно принятой классификации, где порог легирования принят в 1 %, относится к многокомпонентным низколегированным сплавам (CuSnPbZn), где содержание олова в среднем зафиксировано на уровне 7,68 %, свинца — 5,38 %, цинка — 1,12 % (таблица).

Подобные сплавы не создавались преднамеренно, а появились в результате смешения различного по составу и происхождению сырья и

являются индикаторами многочисленных переплавок. Они характерны преимущественно для XIII–XIV вв. (Асташова и др., 2013. С. 63), но их доля в материалах Новгорода совсем незначительна. Местные ювелиры в основном использовали сырьевой металл, минимально подвергшийся переплавке. При этом высокий процент многокомпонентных сплавов зафиксирован в Пскове и на других памятниках Северо-Западной Руси (Ениосова и др., 2008. С. 147, табл. 3.6).

Размеры креста следующие: высота 68 мм, ширина 63 мм, ширина ветвей в узкой части 11 мм, в широкой части — 19 мм, толщина створки 2 мм, высота верхней рамки 2 мм, высота внутренней рамки 3,1 мм.

Таблица. Химический состав металла створки энколпиона из Ситецкого монастыря*
 Table. Chemical composition of the metal of the valve of the encolpion from the Sitetsky monastery*

Металл Точка	Cu	Fe	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb
T.1	83,47	0,61	0,12	1,02	1,12	0,47	7,05	0,98	5,18
T.2	87,93	0,54	0,10	0,65	0,93	0,31	5,18	0,83	3,54
T.3	83,49	0,63	0,12	1,21	0,97	0,45	7,08	0,99	5,06
T.4	85,91	0,79	0,09	0,84	0,92	0,35	5,56	0,88	4,66
T.5	81,56	0,98	0,11	1,34	1,15	0,49	7,84	1,08	5,45
T.6	83,89	0,61	0,13	1,13	0,96	0,42	7,07	1,03	4,75
T.7	70,21	0,90	0,00	1,86	1,27	0,88	14,41	1,58	8,88
T.8	82,93	0,59	0,10	0,97	1,08	0,48	7,30	1,03	5,51
Среднее	82,423	0,707	0,094	1,125	1,050	0,483	7,685	1,052	5,380

* Анализ проведен канд. ист. наук И. А. Сапрыкиной (ИА РАН) с использованием портативного РФА-спектрометра 5i Tracer (Bruker). Источник возбуждения: рентгеновская трубка (мощность 4 Вт) с зеркалом из родия (Rh); напряжение: 6–50 кВ; ток: 4,5–195 мкА; время измерения — от 30 с. Измерения были проведены по восьми точкам. Представлены результаты, полученные для каждой из точек; далее результаты усреднялись. Авторы выражают глубокую благодарность И. А. Сапрыкиной.

На створке энколпиона в средней части в сложной крестообразной рамке изображено Распятие, у Христа склоненная направо голова, преувеличенно крупные ладони, характерный для поздневизантийского времени изгиб туловища и ног. Распятие является частью Деисуса: слева расположена полуфигура молящей Богородицы, справа — апостол Иоанн с узнаваемым жестом (прижатой к щеке рукой). В верхней части находится ростовая фигура апостола с копьем и сферой, в нижней — апостол с посохом и свитком. Все изображения даны в очень обобщенной манере, однако они узнаваемы и выразительны; этот предмет как будто восходит к первоначальным образцам стиля, впитавшего в себя большие эстетические традиции, но является его предельно упрощенной, размытой, но не лишенной художественности версией.

На первый взгляд энколпион из Ситецкого монастыря можно датировать XIV–XV вв.; с большей вероятностью — второй половиной XIV столетия. Однако только стилистической оценки недостаточно ни для определения места артефакта в новгородской культуре послемонгольского времени, ни для предварительного указания на распространение и характер подобных предметов. Для более детального анализа предпринята попытка собрать прямые и косвенные аналогии найденному кресту.

Прежде всего подчеркнем, что такая форма энколпионов с крестообразными концами и фигурами и композициями в рамках характерна для довольно обширного круга вещей, датируемых в пределах XIV–XV вв. В самом Новгороде известен двусторонний крест, найденный на Неревском раскопе в слоях рубежа XIV–XV вв. и опубликованный М. В. Седовой (Седова, 1981. С. 59, рис. 19.1-2; НГМ, КП 34792, Ф 110-612). Этот крест, форму которого публикатор определяет как «четырёхконечный крест-энколпион со ступенчато расширяющейся средней частью и крестовидными концами», сделан из характерной для Новгорода «чистой» меди³ (Cu — 98,09 %; Sn — 0,6 %; Pb — 0,5 %; Zn — 0,05 %) (Коновалов, 2008. С. 37, 53, 79, 94; табл. 2, № 234).

На кресте изображены: на лицевой стороне — Распятие с предстоящими Богородицей и

Иоанном (в середине), на концах — апостол Матвей (слева) и апостол Павел (справа), вверху — архангел Михаил, внизу — архангел Гавриил; на оборотной стороне: в середине — архангел Сихаил в рост, в концах — погрудные изображения святых Сисиния (слева) и Пантелеймона (справа), вверху — святой Николай, внизу — неизвестный святитель.

Что касается стиля креста с Неревского раскопа, по сравнению со стилем створки из Ситецкого монастыря он гораздо архаичнее: с одной стороны, несколько более проработанный, детальный, а с другой — более декоративный и дробный. Это позволяет датировать его второй половиной XIV — самым началом XV в. Створка энколпиона с Ситки и энколпион с Неревского раскопа дают представление о распространенности (скорее всего, небольшой) подобного рода предметов в культурном слое Новгорода и окрестностей.

Еще один крест-энколпион, подобный кресту с Неревского раскопа, хранится в Новгородском музее, куда он поступил в 1976 г. из коллекции Н. А. Крашенинникова (НГМ, инв. 34792-612; размеры 10,30 × 6,50 × 0,97 мм). Это двухстворчатый энколпион с подобными уже описанным выше изображениями на лицевой и оборотной сторонах (Гнутова, 1996. С. 402–403, № 130–131). На лицевой стороне исследователи определяют изображение Распятия, по бокам — апостолов Матфея и Павла, вверху — некоего архангела, внизу — архангела Гавриила; на оборотной стороне в середине — архангела Сихаила, вверху — святого Николая, внизу — неизвестного святого, по сторонам — святые целители (в которых М. В. Седова видела святого Сисиния и святого Пантелеймона). В целом этот крест представляет собой прямой аналог креста с Неревского раскопа, и хотя место происхождения данного типа вещей неизвестно, все же косвенные свидетельства позволяют предполагать, что они были изготовлены в новгородских мастерских.

Проанализировав иконографический состав медной пластики Новгорода, С. В. Гнутова сделала вывод о широком распространении местного почитания архангела Сихаила (Там же. С. 342), что подтверждается и данными ряда берестяных грамот: № 734, 930, 1022 (Янин, Зализняк, 2000. С. 33; Янин и др., 2015. С. 24–26, 119–120). Архангел Сихаил упоминается и в ряде древнерусских молитв и заговоров, что позволило еще коллекционерам конца XIX в. предположить, что энколпионам

³ В публикации М. В. Седовой со ссылкой на диссертацию А. А. Коновалова указана оловянистая бронза (Седова, 1981. С. 59).

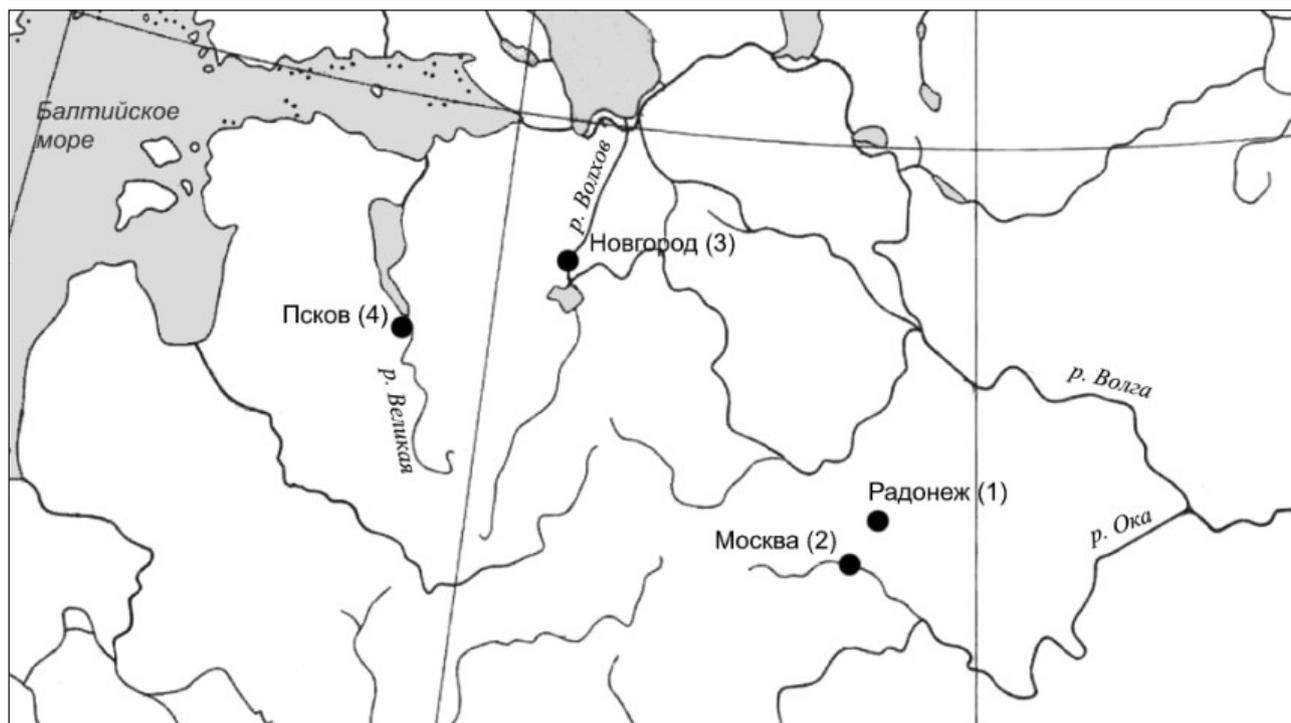

Рис. 3. Топография находок энколпионов с крестообразными концами. В скобках — количество экземпляров
 Fig. 3. Topography of finds of encolpiions with cross-shaped terminals. In brackets — the number of exemplars

с его изображением приписывались целебные свойства (Древности русские..., 1899. С. 20).

В Северо-Западной Руси подобная форма литых крестов-энколпионов встречается не только в Новгороде, но и в Пскове (4 экз.): подобной формы крест с шарнирным оглавием находится в экспозиции Псковского музея; на нем в середине изображен святой Никита, побивающий беса, по бокам, — возможно, Богородица и Иоанн (как на кресте с Ситки), вверху и внизу (тоже как на кресте с Ситки) — изображения архангелов (Колпакова, 2011. С. 154, рис. 5.3). Еще один такой крест происходит из Новоторговского раскопа (Колпакова, 2015. С. 210, рис. 2.3). Два энколпиона с изображениями на лицевой створке Распятия и на оборотной архангела Сихаила выявлены на Лужском раскопе и при работах у церкви Георгия со Взвоза (Колпакова, 2015. С. 209, рис. 2.1–2).

Мы предполагаем, что лицевой стороной подобных крестов-энколпионов (мощевиков), обращенной вовне, была створка с изображением Распятия. К телу была обращена створка, на которой было два варианта изображений: или архангела Сихаила, или святого Никиты Бесогона.

Можно предположить, что такие кресты получили определенное распространение на Северо-

Западе Руси в XIV — первой половине XV в.: из Новгорода происходят три предмета, из Пскова — четыре (рис. 3). Вероятно, они изготовлялись в этих центрах и имели охранительное значение, поскольку обращались не только к классическим христианским сюжетам (таким как Распятие), но и на оборотной створке имели образы архангелов и святых, связанных с исцелением, отведением зла и победой над ним.

Несколько энколпионов подобного типа происходит из Москвы и с территории Московского княжества. Нам известны два предмета. При раскопках в Московском кремле выявлена оборотная створка такого энколпиона, датируемая первой половиной XV в. В ее центре помещен архангел в полный рост с миндалевидным щитом, на концах — погрудные изображения святых (Степанова, 2020. С. 293, рис. 3.11). Стиль этого предмета по сравнению с новгородско-псковскими крестами несколько более грубый.

В слое кладбища Зачатьевского (Алексеевского) монастыря в Москве был найден целый энколпион с изображением Распятия на лицевой створке и Никиты Бесогона — на оборотной (Беляев, 2008. С. 86, ил. 526–527). Здесь, наоборот, при сохранении общей формы креста и даже примерно

схожей иконографии лицевой створки (хотя на «московской» створке фигуры архангелов сделаны поясными, а не в рост) стиль разработаннее, детальнее, но и более дробный: присутствуют мелкие черты и формы, добавлены надписи и дополнительные рамочки. Этот энколпион, несомненно, создан несколько позднее креста с Ситки, может быть, в середине — второй половине XV в.

Фрагмент оборотной створки еще одного мощевика, подобного ситецкому, с изображением архангела Сихаила, и верхняя лопасть с фигурой архангела происходят из скопления нательных и наперсных крестов различных типов, открытого в верхнем пахотном слое могильника в урочище Погост на Афанасовом поле в Радонеже (Чернов, 2000. С. 67, рис. 3.3). С. З. Чернов время существования кладбища датирует 1570–1610-ми гг. Комплекс крестов ученый относит к этому периоду, рассматривая их как произведения местного радонежского бронзолитейного ремесла. Рассматриваемый обломок креста был подвергнут спектральному анализу, который показал, что он изготовлен из сплава, в котором отсутствует цинк в качестве легирующей составляющей и имеется значительное количество мышьяка. Авторы исследования отмечают, что он выполнен на высоком технологическом уровне (Шемаханская, 2000. С. 84–86, табл. 1).

Довольно значительная часть таких энколпионов происходит из различных музейных собраний. Эти кресты депаспортизированы, но обзор коллекций дополняет общие сведения об их иконографии и особенностях изготовления. Наиболее полно они представлены в фондах Государственного исторического музея — 11 экземпляров. Кресты различаются степенью качества отливки, оформлением оголовья. На большинстве створок мощевиков изображен архангел Сихаил (6 экз.). По аналогиям публикаторы датируют эти кресты в основном XIV в. Химический анализ состава металла позволил установить, что основная их часть изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы, лишь один крест сделан из многокомпонентной бронзы (Асташова и др., 2013. С. 46–47, 285–291, табл. 2, № 264–274).

Два подобных энколпиона происходят из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Лицевая створка одного из них фактически идентична створке энколпиона из Ситецкого монастыря. На его оборотной стороне помещен архангел

Сихаил. На концах — поясные изображения святых, на верхнем — святитель Николай Чудотворец. Этот крест публикаторы датировали XIV в. Другой крест представлен одной створкой с изображением Никиты Бесогона в центре (Гнутова, Зотова, 2000. № 14–15); он датирован XIV — началом XV в.

Две отдельные створки энколпионов с Распятием и Никитой, побивающим беса, присутствуют в коллекции Ярославского музея-заповедника (Горбачева, Харламова, 2011. С. 209–211, № 8–9).

В собрании Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко были представлены четыре энколпиона рассматриваемого типа. На оборотных створках двух энколпионов изображен Никита Бесогон, на другом экземпляре — архангел Сихаил. Следующий мощевик представлен только лицевой створкой с Распятием (Древности русские..., 1899. С. 16, табл. VI.77; С. 20, табл. VIII.101–105). Подобный двухстворчатый энколпион с Распятием и архангелом Сихаилом происходит из частной коллекции снимков, также сформировавшейся в Киеве (Леонардов, 1891. С. 8, табл. 1.9; 4.9).

Возвращаясь к мощвику из Ситецкого монастыря, можно еще раз отметить его несомненное новгородское происхождение и даже местную манеру исполнения. Эти поздние кресты-энколпионы сложной формы принадлежали к распространенному в послемонгольской Руси типу.

Вместе с тем аналогичные кресты, кроме мощевика из Неревского раскопа, непосредственно при раскопках в Новгороде выявлены не были, хотя новгородская коллекция поздних энколпионов за последние годы значительно пополнилась (Олейников, 2018). Не представлены подобные послемонгольские энколпионы и в материалах раскопок Рюрикова городища (Григорьева, 2015) и новгородской округи в целом. Это говорит об определенной уникальности данного типа предметов.

Интересен контекст находки на Ситке. С оборотной стороны найденной створки находились отпечатки ткани. Видимо, энколпион происходил из разрушенного погребения. А. Е. Мусин выделил только шесть погребений с энколпионами в Новгородской земле, относящихся к домонгольскому периоду. Из них ближайшее к Новгороду — в могильнике Косицкое III (Верхнее Полужье), раскопки Н. Г. Богословского. Погребение с энколпионом XIII в. было впущено в сопку (Мусин, 2002. С. 184, рис. 8). Редки подобные кресты-

энколпионы и в погребальном обряде Суздальской земли в XI–XIII вв. (Макаров, Зайцева, 2020. С. 59).

Возможно, рассматриваемый энколпион мог относиться к более раннему и пока не открытому некрополю Ситецкого монастыря, который начал формироваться в период возведения храма Андрея Юродивого в 1371 г. Нельзя исключить и возможность существования предшествующей ему деревянной церкви, при которой также могли быть захоронения. При исследовании кладбища XVI–XVIII вв. были зафиксированы отдельные скопления человеческих черепов. Можно предположить, что они происходили из более ранних погребений, нарушенных при устройстве позднего кладбища. Обитель была сожжена в 1386 г. при наступлении войск Дмитрия Донского (НЛ. С. 346). После этого развитие первоначального некрополя могло на время прекратиться. Отметим, что позднее кладбище нарушило и слой средневекового селища — погребения перебили ряд материковых ям, а в их засыпке были выявлены фрагменты древнерусских круговых и лепных сосудов.

В обширной историографии, посвященной древнерусским энколпионам, много внимания уделено рассуждениям о том, кому в основном они могли принадлежать. К их владельцам относят, как правило, представителей духовенства и знати (Корзухина, Пескова, 2003. С. 39; Асташова и др., 2013. С. 7). Материалы археологических исследований сельских поселений Суздальского Ополя показывают, что основную часть их обладателей в домонгольское время составляли светские лица (Макаров, Зайцева, 2020. С. 59). Топография находок в Новгороде послемонгольских энколпионов скорее подтверждает это заключение, но на другом материале и в другое, более позднее время.

Что касается креста из Ситецкого монастыря, то он, видимо, мог принадлежать одному из настоятелей обители или кому-то из ктиторов этого монастыря, среди которых могли быть и заказчики строительства каменного храма Андрея Юродивого. Нельзя исключать и его вероятную связь с монашеским погребением.

Однако аргументом против такой «исторической» трактовки может быть фактическое прерывание в XIII в. не слишком распространенной и до этого традиции помещать кресты в погребения (Мусин, 2002. С. 198). В Новгороде можно отметить лишь хронологически близкие монашеские

захоронения с кожаными крестами аналами в Юрьевом монастыре, но они датируются не позднее XIII в. (Каргер, 1946. С. 209–210, рис. 28; Седов, Вдовиченко, 2019. С. 58). К XIV–XV вв. относится лишь находка плетеного из кожаных ремней креста в одном из ладьевидных саркофагов Аркажского монастыря (Панова, 2004. С. 160).

Все же более вероятно принадлежность энколпиона из Ситки позднему кладбищу. Как и любая другая реликвия, он, возможно, долго был в использовании и передавался из поколения в поколение, о чем свидетельствует и дополнительно проделанная проволока, которая должна была соединять створки. Отметим, правда, что его изображения довольно хорошо сохранились и не стерты. Можно представить, что он мог археологизироваться в начальный период существования позднего кладбища и относиться к погребению XVI в. В этом случае его использовали уже не как мощевик: створка с Распятием превратилась в отдельный наперсный крест и в таком виде была помещена в погребение, которое было впоследствии нарушено. Если такое предположение верно, она могла принадлежать скорее представителю духовенства.

В качестве примера укажем, что некоторые аналогичные псковские кресты происходят из более позднего слоя, датируемого XVI в. (Колпакова, 2015. С. 209). Отметим и крест-реликварий более раннего типа, датируемый XIII в. и происходящий из Власьевского монастыря в Волоколамске, но, вероятно, отложившийся в культурный слой в XV в. (Чернов, 2018. С. 103). Наиболее близкой аналогией по археологическому контексту является уже указанный энколпион из московского Зачатьевского монастыря, выявленный в слое кладбища XVII–XVIII вв.

Находка створки послемонгольского энколпиона при раскопках некрополя Ситецкого монастыря является важным дополнением к сведениям о христианской культуре новгородских монастырей. Свидетельствует она и о возможном последующем использовании створок энколпионов в качестве наперсных крестов. Исключителен также ее погребальный контекст, столь редкий в Новгородской земле для данного вида предметов личного благочестия.

Очевидно, что раскопки селищ и некрополей ближайшей новгородской округи несут в себе значительный потенциал для дальнейших археологических исследований.

- Асташова и др.*, 2013 — *Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг, 2013. 320 с.
- Беляев*, 2008 — *Беляев Л. А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Зачатьевского монастыря в Москве в 2007 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 28962. 2008.
- Вдовиченко*, 2014 — *Вдовиченко М. В.* Архитектурно-археологические исследования церкви Андрея на Ситке в 2013 году // НиНЗИиА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 116–120.
- Вдовиченко, Кудрявцев*, 2019 — *Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А.* Археологические исследования на территории Ситецкого монастыря под Новгородом в 2017 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 116–121.
- Вдовиченко, Кудрявцев*, 2020 — *Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А.* Раскопки на территории Ситецкого монастыря под Новгородом в 2018 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 90–99.
- ГнUTOва*, 1996 — *ГнUTOва С. В.* Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв.: Каталог // Декоративно-прикладное искусство Новгорода. Художественный металл XI–XV века / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М.: Наука, 1996 (Центры художественной культуры средневековой Руси). С. 334–411.
- ГнUTOва, Зотова*, 2000 — *ГнUTOва С. В., Зотова Е. Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Альбом. М.: Интебрук-бизнес, 2000. 136 с.
- Горбачева, Харламова*, 2011 — *Горбачева Н. И., Харламова И. Г.* Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII веков в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Каталог. Ярославль: ЗАО «2К», 2011. 296 с.
- Григорьева*, 2015 — *Григорьева О. В.* Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21. С. 246–260.
- Древности Русские...*, 1899 — *Древности Русские. Кресты и образки.* Вып. 1 [Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко]. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1899. 33 с.
- Енисосова и др.*, 2008 — *Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–189.
- Каргер*, 1946 — *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1932–1935 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 175–224.
- Колтакова*, 2011 — *Колтакова Ю. В.* Энколпины из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2: К юбилею Лабутиной Инги Константиновны. Псков: Стерх, 2011. С. 141–156.
- Колтакова*, 2015 — *Колтакова Ю. В.* Новые находки энколпионов и крестов-складней в Пскове и Старом Изборске (2000–2014 гг.) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2015. Вып. 29. С. 203–210.
- Коновалов*, 2008 — *Коновалов А. А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 7–106.
- Корзухина, Пескова*, 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.
- Леопардов*, 1891 — *Леопардов Н. А.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Серия 2, вып. 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. 30 с.
- Макаров, Зайцева*, 2020 — *Макаров Н. А., Зайцева И. Е.* Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в X–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 52–67.
- Мусин*, 2002 — *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. 272 с.
- Н4Л — Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- Носов*, 1985 — *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1984 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 10638. 1985.
- Носов*, 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. М.: Новгородская археологическая экспедиция МГУ, 1991. С. 5–37.
- Олейников*, 2018 — *Олейников О. М.* Новые находки энколпионов второй половины XIII — XV в.

- в Великом Новгороде // КСИА. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 251. С. 278–290.
- Панова, 2004 — Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунца, 2004. 181 с.
- Седов, Вдовиченко, 2019 — Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в ц. Благовещения на Городище и Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 2017 г. // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 40–60.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Секретарь, 2011 — Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 597 с.
- Степанова, 2020 — Степанова Ю. В. Изделия из цветного металла из раскопок на территории Тайницкого сада Московского кремля в 2007 г. // КСИА. Вып. 259. М.: ИА РАН, 2020. С. 283–300.
- Чернов, 2000 — Чернов С. З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // РА. 2000. № 1. С. 63–81.
- Чернов, 2018 — Чернов С. З. Энколпион из Власьевского монастыря в Волоколамске и его археологический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 97–115.
- Шемаханская, 2000 — Шемаханская М. С. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже // РА. 2000. № 1. С. 82–89.
- Янин и др., 2015 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянских культур, 2015. 288 с.
- Янин, Зализняк, 2000 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари, 2000. 430 с.

Encolpion of the 14th century from the St Andrew Monastery on Sitka near Novgorod

A. A. Kudryavtsev, Vl. V. Sedov

Since 2017, archaeological investigations have been conducted at the Old-Russian settlement of Sitka I situated to the south from Novgorod in the territory of the former Sitetsky Monastery. This settlement was discovered by Evgeniy N. Nosov in 1984 (Fig. 1). The ceramic collection allows us to date the settlement to the 10th–17th century. In 2020, for investigation of the necropolis of the cloister, excavation no. 2 was started to the south from the ruins of the Church of St Andrew the Holy Fool.

Totally, 26 graves of the 17th–18th century have been excavated. In the central section of the excavation, in mixed strata between the burials, a bronze cast front valve of an encolpion with cross-shaped terminals was uncovered (Fig. 2). On the cross, in its middle area, a crucifix is represented which is part of the Deisis: on the left, a semi-figure of the praying Mother of God is depicted, on the right there is John the Apostle. Above there is a full-height figure of an apostle with a spear and a sphere, at the bottom there is an apostle with a staff and a scroll. Through the parallels, the cross is datable to the 14th century. During excavations in Novgorod, only one analogous reliquary cross has been found dated to the boundary between the 14th and 15th centuries. Similar crosses are represented also among materials from Pskov, Moscow and Radonezh (Fig. 3). Many undocumented reliquary crosses of this type are kept in different museum collections.

Chemical analysis has shown that the metal from which the cross is cast belongs to a group of multi-component low-doped alloys (*CuSnPbZn*) (Table).

On the reverse side of the valve, there are imprints of a textile indicating a funerary character of the find. In the 13th century, the tradition, rare as it was, to place crosses in graves was interrupted. This fact makes it improbable that the find is dated to the period of the 14th–15th century. Evidently, the cross came from a disturbed burial of a period later than the object itself. Moreover, it was not already been used as a reliquary. The valve with the crucifix became a separate pectoral cross and was placed in the grave which afterwards was destroyed. If it is true, it may have probably belonged to a representative of the clergy.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г.¹

А. Ю. Городилов, М. А. Раззак²

Аннотация. В статье рассматриваются результаты раскопок поселения Галик 11, расположенного в нижнем течении р. Луга. В материалах раскопок представлены три разновременных комплекса находок позднего неолита — эпохи бронзы, связанных с культурой гребенчато-ямочной керамики, шнуровой керамики, сетчатой керамики. Находки различных групп разделяются планиграфически. В результате раскопок получены опорные коллекции материалов культуры шнуровой керамики и сетчатой керамики для рассматриваемого региона.

Annotation. This paper discusses the results of excavations of the settlement-site of Galik 11, situated on the lower Luga River. The materials from the excavations represent three complexes of different periods with finds of the late Neolithic — Bronze Age related to the cultures of the pit-comb ware, corded ware, and textile ceramics. The findings of different groups are separated planigraphically. The excavations have resulted in obtaining reference collections of materials of the corded ware and textile ceramics of the Bronze Age in the region under consideration.

Ключевые слова: поселение, поздний неолит, эпоха бронзы, культура шнуровой керамики, культура сетчатой керамики, гребенчато-ямочная керамика, нижняя Луга.

Keywords: settlement, late Neolithic, Bronze Age, Corded Ware culture, Textile pottery culture, Pit-Comb Ware culture, lower Luga.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-163-178

Поселение Галик 11 расположено в нижнем Полужье, в Кингисеппском районе Ленинградской области. Оно было открыто и раскапывалось в 2020 г. Ленинградской областной экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН в ходе работ на участке, предназначенном для хозяйственного освоения. Памятник находится в 0,7 км к востоку от правого берега р. Луга, в 1 км к юго-востоку от поворота автодороги 41К-005 «Псков—Гдов—Сланцы—Кингисепп—Краколье», в урочище Галик. Поселение расположено на песчаной гряде и вытянуто в субмеридиональном направлении. Общие размеры поселения около 400 × 70–80 м. При раскопках найдены материалы

неолитического периода, эпохи раннего металла и эпохи бронзы. В данной статье представлены первые обобщенные результаты недавно проведенных раскопок.

Нижнее Полужье и прилегающие участки юго-восточного берега Финского залива активно изучаются на протяжении последних 15 лет. За это время в Нарвско-Лужском междуречье, в нижнем Полужье, в долине р. Хаболовка выявлены десятки новых стоянок каменного века — эпохи раннего металла. Стоянки каменного века в регионе приурочены к древним береговым линиям Финского залива и палеокосам. В ходе междисциплинарных археологических и палеогеографических исследований проводилось изучение взаимосвязи систем расселения древнего человека с палеоландшафтами. Результаты этих работ обобщены в недавней коллективной монографии о памятниках каменного века Нарвско-Лужского междуречья (Памятники..., 2019), каталог памятников содержит сведения о 58 стоянках и местонахождениях региона. Также более 10 стоянок

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственных работ № 0184-2019-0007 и № 0184-2019-0011.

² Городилов А. Ю. — Отдел охранной археологии ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: gamaritec@yandex.ru. Раззак М. А. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; e-mail: marija_ju@mail.ru.

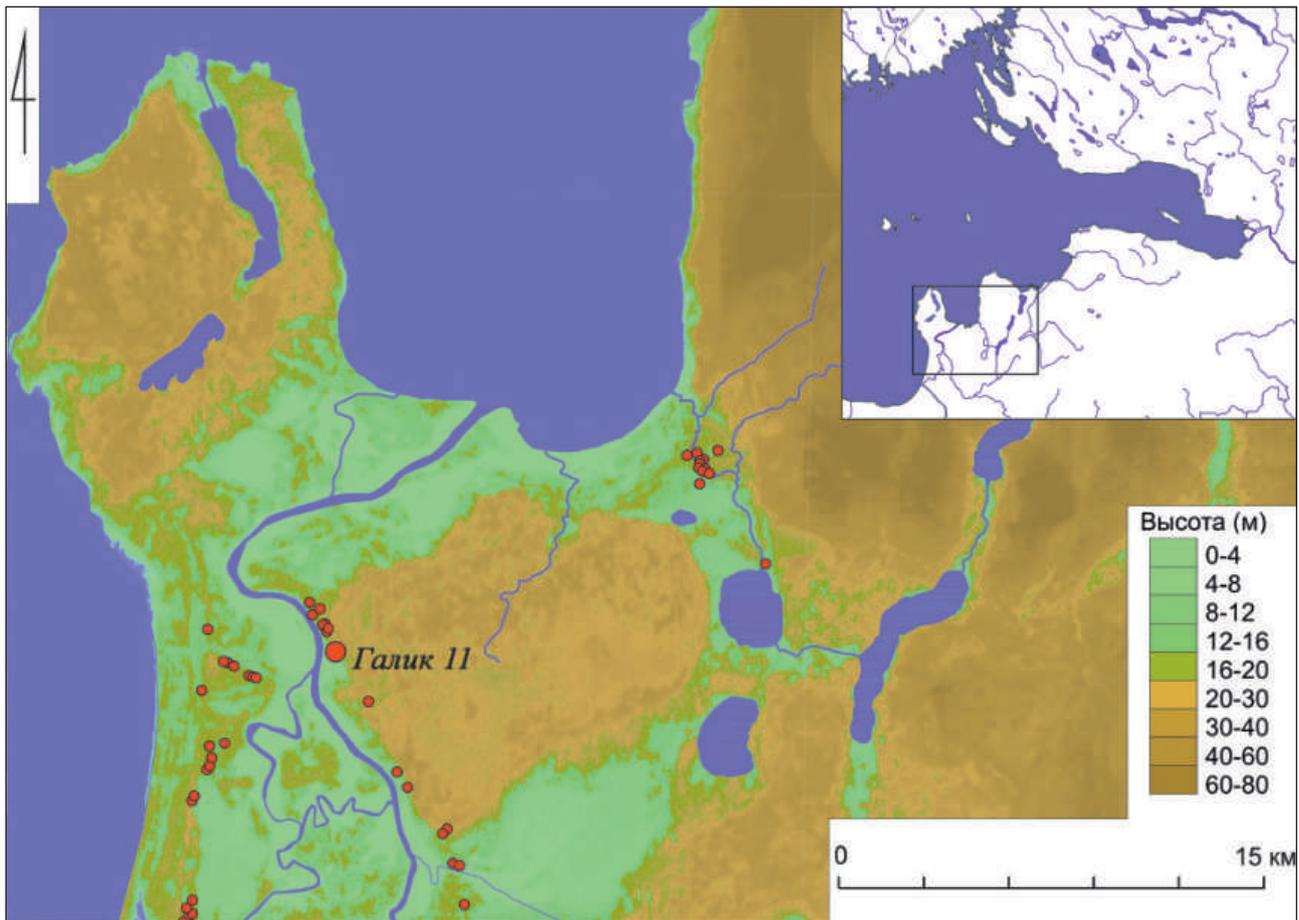

Рис. 1. Карта расположения поселения Галик 11 и других известных памятников каменного века — эпохи бронзы в исследуемом регионе

Fig. 1. Map of the locations of the settlement of Galik 11 and other known sites of the Stone Age — Bronze Age in the region under study

каменного века — эпохи раннего металла выявлено к востоку от нижней Луги в бассейнах рек Хаболовка и Коваша³.

Поселение Галик 11 расположено на Галикской палеокосе, вытянутой вдоль подножия западного края Куровицкого плато. Общая протяженность палеокосы достигает 4,5 км при максимальной ширине 0,7 км. Галикская палеокоса не является единой формацией, а состоит из серии песчаных гряд, вытянутых преимущественно в субмеридиональном направлении. В южной части палеокоса состоит из двух параллельных песчаных гряд общей шириной не более 60 м, возвышающихся над окружающей местностью на высоту около

1 м. С запада гряды ограничены заболоченной пологонаклонной низиной, тянущейся до берега р. Луга (удалена на 700 м), с востока — неширокой (около 30 м) заболоченной низиной, отделяющей территорию памятника от западного склона Куровицкого плато (рис. 1).

Галикская палеокоса в южной части имеет высотные отметки около 9 м по Балтийской системе координат (далее БС). Вероятно, она сформировалась в ходе литориновой трансгрессии, датирующейся VI тыс. до н. э. Об аллювиальном характере свидетельствует и состав отложений, прослеженный в серии стратиграфических шурфов и раскопе 2020 г. Коса сложена из желтого среднезернистого песка с выраженной слоистостью. Общее направление падения слоев — на запад в сторону Луги. Согласно общепринятой схеме, литориновая трансгрессия являлась последним крупным поднятием воды в регионе Финского

³ Памятники выявлены в 2017–2019 гг. в ходе разведочных работ Ленинградской областной археологической экспедиции Отдела охранной археологии ИИМК РАН под руководством А. Ю. Городилова.

Рис. 2. Общий вид раскопа 2020 г. с востока
 Fig. 2. General view at the excavation of 2020 from east

залива, после нее началось постепенное плавное понижение уровня воды (Sandgren *et al.*, 2004; Rosentau *et al.*, 2013). Согласно предложенной схеме, в III тыс. до н. э. уровень воды имел отметки около 2–3 м БС. Этот реконструируемый уровень воды не коррелирует с высотными отметками стоянок IV–III тыс. до н. э. — они приурочены к формам рельефа с высотными отметками 7,5–10,0 м БС и зачастую расположены вдалеке от современных водотоков.

Раскопки на поселении Галик 11 проводились осенью 2020 г., площадь раскопа составила 1550 кв. м. Раскоп имел подпрямоугольную форму и располагался в центральной части поселения, от его западной до восточной границы. Раскоп пересекал две субпараллельные гряды — западную и восточную, разделенные небольшим понижением, ширина каждой около 30 м. Высотные отметки дневной поверхности раскопа: до 9,5 м БС — на вершине восточной гряды, до 9,0 м БС — на вершине западной гряды и около 8,0–8,5 м БС — в заболоченных низинах, окружающих памятник (рис. 2).

В процессе раскопок выяснилось, что на поселении представлены материалы различных культурно-хронологических групп — типичной гребенчато-ямочной, шнуровой и сетчатой керамики. Подавляющее большинство находок сосредоточено на возвышенных участках поселения, они практически отсутствуют в понижениях между грядами и с их внешних сторон. Также было выявлено, что находки различных культурно-хронологических групп имеют особенности в топографической приуроченности. Гребенчато-ямочная керамика локализуется на восточной гряде, в северной ее части (в пределах раскопа). Находки, связанные с поселением культуры шнуровой керамики, представлены преимущественно на западной гряде, в ограниченном количестве они присутствуют и на восточной. Находки сетчатой керамики концентрируются на центральном участке восточной гряды и также в ее северной части, на западной гряде они практически не встречаются (рис. 3). Количественное соотношение находок различных типов приведено в таблице 1.

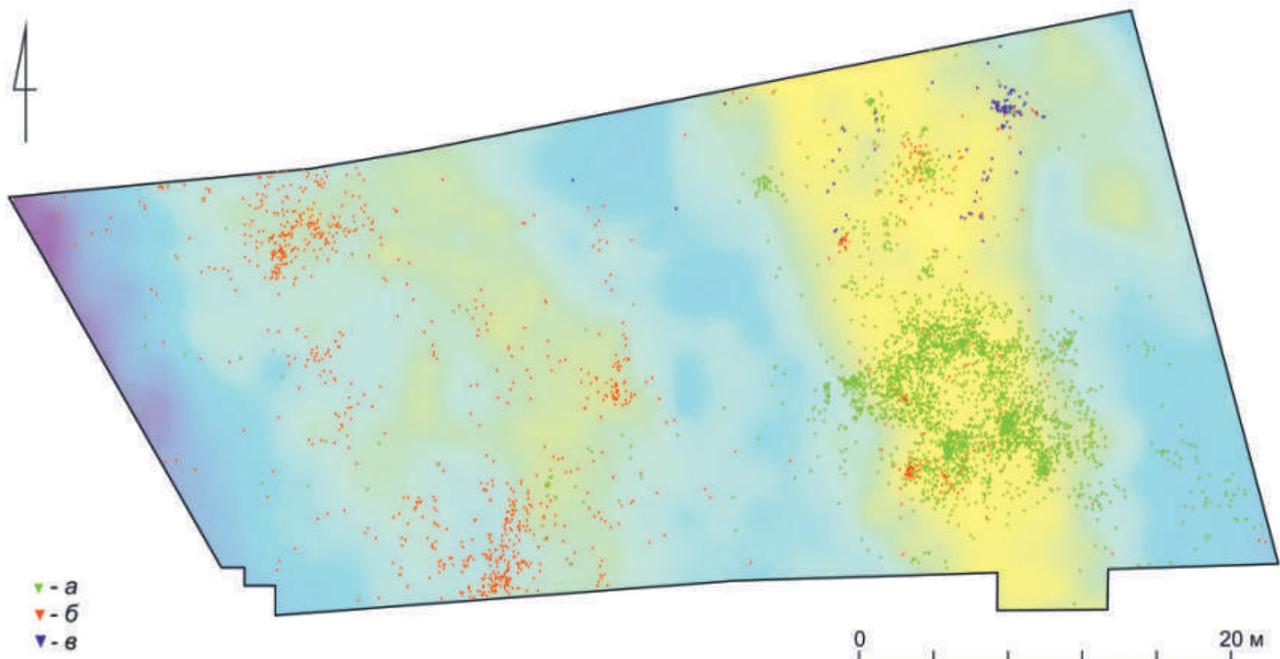

Рис. 3. Распределение фрагментов керамики различных типов на площади раскопа. Условные обозначения: фрагменты сетчатой (а), шнуровой (б), гребенчато-ямочной (в) керамики

Fig. 3. Distribution of pottery fragments of different types over the excavation area. Keys: fragments of textile (a), corded (b), pit-comb (v) ware

Таблица 1. Соотношение различных типов керамики на площади раскопа
Table 1. Ratio between different types of pottery throughout the excavation area

Тип керамики	Локализация, количество, фр. / вес, кг		Всего, фр. / кг
	Западная гряда	Восточная гряда	
Гребенчато-ямочная	–	140 / 0,8	140 / 0,8
Шнуровая	1115 / 5,8	323 / 2,1	1438 / 7,9
Сетчатая	66 / 0,7	4021 / 39,4	4087 / 40,1

Вместе с различным топографическим положением находок наблюдаются различия и в их стратиграфическом положении, а также в литологических особенностях вмещавших их слоев. Относительно стратиграфического положения находок разных типов можно отметить, что находки шнуровой и гребенчато-ямочной керамики залегали на глубине около 0,15–0,40 м от дневной поверхности в литологически невыраженных слоях в толще желтого песка и были перекрыты напластованиями оподзоленного песка и дерна практически без находок. Фрагменты сетчатой керамики концентрировались в литологически выраженном культурном слое и фиксировались, начиная с самой верхней части напластований, — со слоя дерна.

Находки гребенчато-ямочной керамики

К наиболее раннему этапу освоения территории относятся находки, принадлежащие к гребенчато-ямочной керамической традиции. Данный культурно-хронологический пласт представлен на памятнике наиболее слабо. Связанные с ним находки концентрируются в северной части восточной гряды и отсутствуют на остальных частях раскопа. Помимо гребенчато-ямочной керамики на данном участке примерно в равном соотношении представлены находки шнуровой и сетчатой керамических традиций.

Фрагменты гребенчато-ямочной керамики залегают в пределах одного участка, где на площади около 30 кв. м было найдено 139 фрагментов общей массой 0,8 кг. Вероятно, все они относятся

к одному сосуду. Основная масса находок размещается в верхней части слоя желтого песка на глубине до 30 см от его кровли на отметках 8,9–9,3 м БС. Литологически выраженный слой, который можно было бы связать с гребенчато-ямочной керамикой, отсутствует.

Сосуд состоит из плотного теста с обильной примесью дресвы размерами до 0,5 см. Толщина стенок составляет 0,8–1,0 см, тесто промешано относительно плохо — в изломе фиксируются границы между пластинами. Верхняя лента шириной около 2 см крепилась встык. Внешняя поверхность сосуда заглажена, внутренняя более шершавая, со слабовыраженными расчесами. Зачастую отмечается отслоение внутренней поверхности. Венчик сосуда прямой, слегка скошен внутрь, с незначительным утолщением внешней части. По срезу венчика сосуд декорирован оттисками гребенчатого штампа шириной 0,3 см, состоящими из шести сегментов. Оттиски нанесены параллельно друг другу под углом к краю венчика. Под венчиком с внешней стороны расположен ряд параллельных косых оттисков гребенчатого штампа, ниже идет ряд конических ямок диаметром 0,8–0,9 см и глубиной 0,6–0,8 см. Ниже ямок нанесены наклонные оттиски гребенчатого штампа, образующие ромбы. В целом композиция декорирования сосуда характерна для культуры типичной гребенчато-ямочной керамики и состоит из горизонтальных рядов конических ямок, перемежающихся рядами оттисков косого гребенчатого штампа и ромбами из таких же оттисков. Интересная деталь присутствует на одном из фрагментов венчика — здесь зафиксирован пальцеобразный налест диаметром 1,5 см и длиной 1,7 см, горизонтально отходящий внутрь сосуда (рис. 4). Помимо охарактеризованных черепков от одного сосуда в коллекции имеется еще один обломок гребенчато-ямочной керамики от другого сосуда.

Найденные на поселении сосуды относятся к типичной гребенчато-ямочной керамике стиля II-1 по Европеусу (*Europaeus-Åyräpää*, 1930. S. 179–183), распространенной на достаточно обширной территории восточной части Балтики в IV — начале III тыс. до н. э.

Культура шнуровой керамики

Следующий этап освоения территории представлен материалами культуры шнуровой керамики. Среди них можно отметить фрагменты

Рис. 4. Фрагменты типичной гребенчато-ямочной керамики

Fig. 4. Fragments of typical pit-comb ware

сосудов, кальцинированные кости, изделия из кремня и каменные абразивы.

Всего насчитывается 1438 фрагментов сосудов, относящихся к данной керамической традиции⁴. Большая часть находок этого времени приурочена к западной, обращенной в сторону Лути, гряде. В общей сложности здесь зафиксировано 1115 фрагментов массой 5,8 кг. На восточной гряде найдено 323 фрагмента массой 2,1 кг. По верхним частям реконструируется не менее 63 сосудов: на западной гряде — 48 сосудов, на восточной — 15. Распределение находок в пределах гряд имеет явную корреляцию с рельефом — основная их часть приурочена к наиболее возвышенным частям, по мере спуска по склону их количество уменьшается и практически сходит на нет у основания гряд. Стратиграфически основная масса находок, как и в случае с гребенчато-ямочной керамикой, приурочена к верхней части толщи желтого среднезернистого песка, залегающей от его кровли на глубину до 30–40 см, что на западной гряде соответствует высотным отметкам 8,3–9,0 м БС, на восточной — 8,9–9,3 м БС. Литологически выраженный культурный слой, соответствующий этим находкам, не зафиксирован.

В пределах западной гряды находки распределяются неравномерно и образуют локальные скопления площадью до 100 кв. м, расположенные на расстоянии нескольких метров друг

⁴ При подсчете учитывались фрагменты размером более 1 × 1 см с определенной культурной принадлежностью.

Рис. 5. Развал камней в северной части западной гряды. Вид с запада

Fig. 5. Heap of collapsed stone in the northern section of the western ridge. View from west

от друга (рис. 5). В пространстве между скоплениями концентрация материала существенно снижается. Так, в пределах западной гряды фиксируются три выраженных скопления: в южной части, центральной и северной.

С местами повышенной концентрации находок связан ряд объектов, принадлежность которых к поселению шнуровой керамики не вызывает сомнений. В первую очередь, это скопления камней, состоящие из гранитных и гнейсовых галек, и небольших валунов, большая часть которых несет на себе следы температурной нагрузки. Камни в скоплениях, как правило, располагаются хаотично, на некотором расстоянии друг от друга, не образуя четких конструкций. Единственное упорядоченное скопление зафиксировано в центральной части западной косы. Здесь на площади $0,6 \times 0,3$ м расчищено несколько галек, уложенных вплотную друг к другу в один ярус. Стратиграфически все камни приурочены к верхней части слоя желтого среднезернистого песка.

Еще одним видом объектов, связанных с поселением шнуровой керамики, являются ямы. В общей сложности на западной гряде насчитывается 11 ям, четыре из которых приурочены к южному скоплению керамики, а семь — к северному. Метрические размеры, как и заполнение ям, схожи — в основном это ямы подовальной или подокруглой формы размерами $1,0 \times 1,5$ м и глубиной около 0,5 м, заполненные серым слабогумусированным песком. Возможно, часть этих ям имеет природное происхождение.

Описание керамического материала. В целом вся коллекция шнуровой керамики принадлежит одной керамической традиции. Все представленные фрагменты выполнены из плотного хорошо обожженного теста светло-коричневого цвета. Тесто промешано относительно плохо, в разломе фиксируются границы между пластами глины. Особенно это заметно в придонной части сосуда, расслаивающейся из-за плохой промешанности. В изломе черепки двухцветные, реже трехцветные: центральная или внешняя часть сосуда более

темная. Разлом по лентам заметен у нескольких сосудов. В основном стык лент выполнен внахлест с перехлестом лент 1,0–1,5 см. Верхняя лента сосуда присоединена встык.

Во всех сосудах, кроме двух, имеется примесь выгоревшей органики, состоящая из хаотично расположенных полостей от тонких волокон. Подобные полости встречаются как на внешней и внутренней поверхностях сосудов, так и в самом тесте. Кроме них в тесте фиксируются небольшие каверны размерами 1 × 2 мм, также происходящие от выгоревшей органики. Кроме органической примеси в тесте некоторых фрагментов прослеживается незначительная примесь песка, встречается и примесь шамота.

Поверхность большинства сосудов гладкая и не имеет видимых следов технологической обработки. В ряде случаев на внешней и внутренней поверхностях сосудов фиксируются расчесы от заглаживания. В пределах одного черепка расчесы могут быть параллельны, однако в целом на поверхности сосуда они имеют хаотический рисунок. В нескольких случаях поверхность сосудов была «сетчатая».

Большинство сосудов орнаментировано — 46 экземпляров, на 12 сосудах орнамент отсутствует, для пяти сосудов он не зафиксирован в связи с плохой сохранностью черепков или их незначительными размерами. Все сосуды декорированы схожим образом: орнаментирована только верхняя часть — срез венчика и узкая полоса под ним — шириной от 0,7 до 4,0 см. Полную ширину орнаментированной зоны можно установить у восьми сосудов: у четырех сосудов она составляет 3,4–3,8 см, еще у четырех — 0,7–1,0 см. При орнаментации сосуда использовался, как правило, оттиск только одного, редко двух, штампов.

При общих способах изготовления и декорирования сосудов они отличаются по размерам, форме и орнаментальным мотивам.

В коллекции выделяются пять типов сосудов:

1. Широкогорлые плоскодонные слабопрофилированные толстостенные сосуды — основной тип, который представлен на памятнике. Всего их насчитывается 28 экземпляров. Диаметр по венчику варьируется от 20 до 30 см, диаметр донца несколько меньше — около 15 см (рис. 6, 1–3).

Для данной группы характерны прямые, слегка скошенные внутрь сосуда венчики, иногда с утолщением на внешней части. Они

фиксируются у 22 сосудов. Другие типы венчиков представлены единичными экземплярами: прямой Г-образный венчик с утолщением на внешней части сосуда (1 экз.) и прямой П-образный (2 экз.).

На сосудах данной группы прослежены следующие орнаментальные мотивы.

1) Параллельные горизонтальные линии из оттисков шнура, расположенные на расстоянии 0,2–0,7 см друг от друга, суммарно представлены на 17 сосудах. Данным мотивом орнаментировалась область под венчиком сосуда — верхний оттиск обычно расположен на расстоянии около 1 см от среза венчика. Общее количество образуемых оттиском линий достигает шести при ширине зоны орнаментации 3,7 см. Данным мотивом декорирован также срез венчика — параллельно краю нанесено от одной до трех линий из оттисков шнура. Орнаментация по венчику зафиксирована почти у половины сосудов.

2) Параллельные горизонтальные продавленные линии шириной 0,2–0,3 см, расположенные на расстоянии 0,3–0,5 см друг от друга. Всего данный мотив встречен на четырех сосудах. По способу нанесения и метрическим характеристикам он очень схож с описанным выше, с той лишь разницей, что состоит не из оттисков шнура, а из параллельных продавленных линий. Общая ширина зоны орнаментации не определяется из-за небольших размеров фрагментов. Максимально фиксируются пять линий. В двух случаях орнаментация расположена по срезу венчика в виде одной продавленной линии вдоль его края.

3) Один сосуд орнаментирован горизонтальными нерегулярными рядами конусообразных ямок диаметром 0,15 см и глубиной 0,2–0,3 см, на сохранившейся части сосуда представлено три ряда, расстояние между оттисками в рядах и между самими рядами — 1–2 мм.

4) К данной группе относятся пять неорнаментированных сосудов.

2. Широкогорлые плоскодонные сосуды со слабовыраженным S-видным профилем. Сосудов данного типа на памятнике выявлено несколько меньше — 18 экземпляров. Для них характерны чуть меньшая толщина стенок и несколько большая профилировка тулова. Диаметр по венчику также составляет от 20 до 30 см (рис. 6, 4–6). Для всех сосудов данной группы характерны отогнутые наружу венчики.

Рис. 6. Фрагменты шнуровой керамики: 1-3 — тип 1; 4-6 — тип 2; 7 — тип 3; 8 — тип 4; 9 — тип 5
Fig. 6. Fragments of corded ware: 1-3 — type 1; 4-6 — type 2; 7 — type 3; 8 — type 4; 9 — type 5

На сосудах данной группы прослежены следующие орнаментальные мотивы.

1) Горизонтальные ряды аморфных ямок размерами 0,5 × 0,4 см. Отмечены на трех сосудах. Верхний ряд ямок нанесен на расстоянии 0,7–1,5 см под срезом венчика. Полная зона орнаментации сохранилась в одном случае, она состоит из трех рядов ямок. Общая ширина зоны орнаментации 3,7 см. При использовании такого орнаментального мотива край венчика декорирован насечками.

2) Горизонтальные ряды подовальных ямок. Представлены на четырех сосудах. Срез венчика при таком способе орнаментации не декорирован.

3) Горизонтальные ряды параллельных ногтевидных вдавлений. Присутствуют на двух сосудах. Ряды вдавлений нанесены на срез венчика и под венчиком. Ширина зоны орнаментации составляет около 1 см.

4) Горизонтальные ряды насечек по краю венчика нанесены вертикально или под небольшим углом. Насечки имеют ширину 0,2 см, длину 0,6 см и глубину 0,2 см. Зафиксированы на шести сосудах, расстояние между оттисками 0,4–0,8 см. В трех случаях нанесены совместно с орнаментом, состоящим из горизонтальных рядов аморфных ямок.

5) Орнамент в виде «елочки», состоящий из параллельных насечек длиной 1–2 см и шириной около 0,2 см, нанесенных под углом к венчику на расстоянии около 1 см друг от друга. Отмечен на двух сосудах.

6) Параллельные горизонтальные линии из оттисков шнура; представлены на одном сосуде.

3. Миниатюрные тонкостенные сосуды. Всего найдено четыре таких сосуда. Для них характерна меньшая толщина стенок — около 0,5 см и меньший диаметр по венчику — около 13–18 см. Фрагментов донец, которые можно было бы однозначно связать с подобными сосудами, не найдено (рис. 6, 8). Для данной группы характерны прямые венчики без утолщений: П-образный, приостренный или скошенный внутрь. Один из них орнаментирован двумя рядами параллельных ногтевидных вдавлений, по срезу венчика и непосредственно под ним.

4. Сосуд с волнообразными пальцевыми налепами представлен в одном экземпляре. Общая форма сосуда не реконструируется. Форма венчика П-образная. Зона под венчиком декорирована пальцевыми налепами на ширину до 3,7 см. В тесте сосуда присутствует примесь песка

и отсутствует примесь растительных волокон (рис. 6, 9).

5. Кубок представлен только в одном экземпляре. Диаметр венчика составляет 11 см, высота сосуда чуть меньше. Венчик отогнут наружу, дно уплощенное. Кубок декорирован орнаментом в виде «елочки», состоящей из параллельных углубленных насечек длиной 1,0–1,5 см и шириной около 0,1 см. Как и в остальных случаях, декорирована только верхняя часть сосуда. В целом кубок отличается от основной массы сосудов небольшим размером, тонкими стенками (0,4 см) и характером теста — в нем присутствует шамот и отсутствует примесь растительных волокон, характерная для основной массы керамики поселения (рис. 6, 7).

Между выделенными типами керамики и скоплениями находок на раскопе нет прямого соответствия. Практически во всех скоплениях встречаются сосуды разных типов. Тем не менее определенные закономерности в распределении типов сосудов в пределах раскопа прослеживаются. Так, широкогорлые сосуды, декорированные шнуровым орнаментом (тип 1), сосредоточены преимущественно в северном скоплении на западной гряде, при этом здесь они составляют большую часть от общего количества шнуровой керамики. На остальной территории раскопа фрагменты, декорированные шнуровым орнаментом, представлены единичными экземплярами. В скоплении в центральной части западной гряды больше фиксируется сосудов с S-видным профилем (тип 2). Широкогорлые же сосуды (тип 1) залегают здесь преимущественно ближе к северному скоплению. В скоплении в южной части западной гряды сосуды 1–2 типов присутствуют примерно в равных пропорциях.

Несколько большее разнообразие отмечается на восточной гряде. Так, для южной ее части зафиксированы только S-видные сосуды с ногтевидным орнаментом (тип 2), в северной части представлены преимущественно неорнаментированные широкогорлые сосуды (тип 1). Впрочем, данные тенденции можно объяснить небольшим количеством сосудов, найденных на восточной гряде. Отдельно следует сказать о развале кубка, зафиксированном в центральной части восточной гряды. Здесь на площади около 1 кв. м (в пределах жилой зоны эпохи бронзы) было расчищено скопление из более чем 40 фрагментов, принадлежащих к одному сосуду. Скопление было

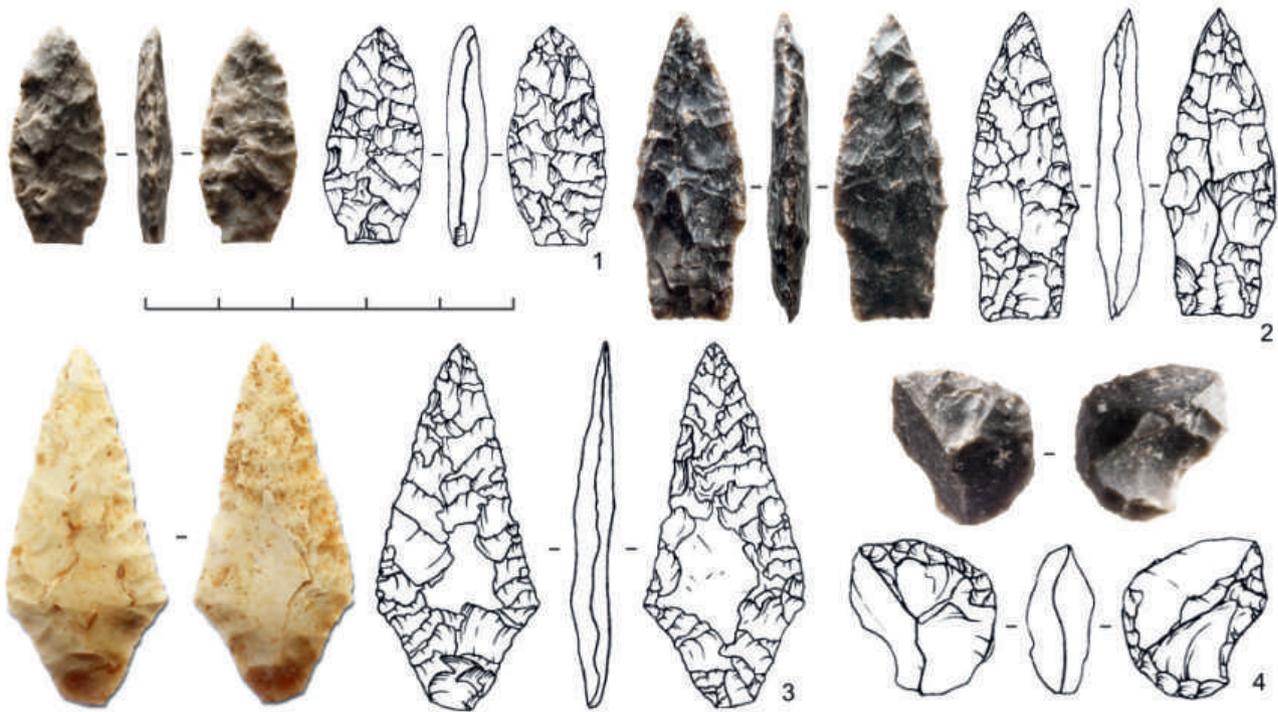

Рис. 7. Кремневый инвентарь культуры шнуровой керамики: 1–3 — наконечники стрел; 4 — скребок
 Fig. 7. Lithics of the Corded Ware culture: 1–3 — arrowheads; 4 — scraper

расположено на глубине около 0,5–0,6 м от современной поверхности и приурочено к слою желтого песка. Развалы подобных сосудов обычно происходят из погребений, что позволяет поставить вопрос о наличии погребения на территории памятника. Среди находок на поселении присутствует одна кость человека — дистальная часть проксимальной или средней фаланги кисти⁵. Она найдена в северной части западной гряды в скоплении шнуровой керамики. Эта находка указывает на возможность наличия могильника на территории памятника.

Каменный инвентарь. Наиболее многочисленной категорией находок из камня являются абразивы, всего найдено 15 экземпляров. Они разделяются на четыре основные группы — это обломки среднезернистых песчаниковых плиток небольших размеров (в среднем 4 × 4 × 4 см) со следами использования их в качестве абразива — восемь экземпляров; массивные фрагменты крупнозернистых песчаниковых плиток — три экземпляра; две мелкозернистые гальки со следами залощенности и сланцевые плитки (два фрагмента).

⁵ Благодарим И. Г. Широкова (МАЭ РАН) за определение.

Находки из кремня и кварца малочисленны. Всего на западной гряде их зафиксировано 12 экземпляров, среди которых два кремневых наконечника стрел (рис. 7, 1, 2), два фрагмента кремневых скребков (рис. 7, 4), семь кремневых отщепов и один кварцевый. Еще один кремневый наконечник был найден весной 2020 г. во время археологической разведки (рис. 7, 3).

Историко-культурный контекст. На территории восточной части Балтики время бытования культуры шнуровой керамики определяется в пределах 2900/2800 — 2300/2000 лет до н. э. (Holtqvist et al., 2018. P. 77). Керамический комплекс, исследованный на поселении Галик 11, наиболее близок к эстонскому варианту культуры шнуровой керамики. В настоящее время на территории Эстонии известно около 70 поселений этого типа (Sikk et al., 2020. P. 125–129). На южном берегу Финского залива в пределах Ленинградской области известно около 15 памятников — стоянки Россонь 1–3, 5–10, 12 на территории Нарвско-Лужского междуречья (Памятники..., 2019. С. 137) к западу от поселения Галик 11 и стоянки Косколово 6, 7, 12 на р. Хаболовка к востоку от поселения.

Развал кубка и фрагменты сосуда с волнообразными пальцевыми налестями находят прямые аналогии как на ближайших памятниках культуры шнуровой керамики Нарвско-Лужского междуречья — Россонь 9 (*Там же*. Рис. 78), Нарва-Йыэсуу-2b (*Крийска и др.*, 2015. Рис. 3), так и на памятниках Карельского перешейка — Саккиярви Рави (*Euro-raues*, 1923. Fig. 6–8) и среди материалов циркумбалтийского региона и Европы в целом (*Holmqvist et al.*, 2018. Fig. 2; *Larsson*, 2009. P. 145). Основная часть керамической коллекции — типы 1–3 — также находят прямые аналогии и на ближайших памятниках Нарвско-Лужского междуречья и бассейна р. Хаболовка, и в целом на памятниках Восточной Балтики (*Holmqvist et al.*, 2018. P. 77–81).

Культура сетчатой керамики эпохи бронзы

При раскопках поселения Галик 11 в 2020 г. найдены 4087 фрагментов сетчатой керамики общим весом около 40 кг. Наибольшее количество фрагментов концентрируется в центральной части восточной гряды. Эти находки приурочены к литологически выраженному слою серого и серо-желтого песка. Этот слой был выявлен после снятия дерна с высотных отметок 9,35–9,45 м БС на площади 10 × 12 м. Наиболее отчетливо читались его северо-западная и северо-восточная границы, в южной и юго-восточной части он был нарушен перемешанными напластованиями. По мере расчистки культурного слоя внутри его первоначальных границ были обнаружены два очага и серия аморфных пятен серого гумусированного песка. Очаг № 1 представлял скопление камней подовальной формы, размерами 1,0 × 0,7 м. Очаг № 2 выложен из камней, имел округлую форму, диаметр 0,8 м. Общая мощность культурного слоя (серо-желтый песок) составила около 0,4 м, в ямах — до 1 м. Всего исследовано 14 ям, в том числе ямы под очагами. Большинство ям имело подовальную форму, некоторые соединялись друг с другом. Размеры ям — от 0,5 до 3,0 м в наибольшем измерении, глубина — до 0,6 м от уровня пятен. Слой серо-желтого песка с очагами и скоплениями находок был интерпретирован как жилая зона носителей культуры сетчатой керамики.

Жилая зона расположена в центральной части восточной гряды, здесь найдено 90 % всей сетчатой керамики в раскопе. Кроме фрагментов сосудов на рассматриваемом участке поселения встречены предметы, связанные

с бронзолитейным делом, изделия из камня, мелкие фрагменты кальцинированных костей.

На данном этапе исследования выявлено не менее 42 сосудов. Данная коллекция керамики относительно однородна в типологическом отношении (рис. 8). В тесто всех сосудов добавлена примесь дресвы, размеры фракции дресвы составляют до 0,5–0,9 см. Внешняя поверхность подавляющего большинства сосудов полностью покрыта сетчатыми отпечатками, около половины сосудов имеют сетчатые отпечатки на внутренней поверхности. По размеру могут быть выделены две группы — обычные и миниатюрные. Обычные сосуды имеют диаметры от 27 до 40 см, наиболее часто встречаются горшки диаметром 32–35 см, толщина стенок — 0,9–1,2 см. Миниатюрные сосуды имеют диаметр от 8 до 18 см, толщина их стенок около 0,5–0,8 см. Профилировка большинства сосудов прямая или слабовыраженная S-видная, присутствуют открытые формы, дно — плоское. Все сосуды орнаментированы сходным образом — одним рядом ямок или отверстий под венчиком.

Разделение массива керамики на отдельные сосуды позволило получить данные по распространению отдельных фрагментов одного сосуда в культурном слое. При учете исходных мест нахождения склеившихся впоследствии фрагментов выяснилось, что культурный слой в значительной степени перемешан. Так, подклеились друг к другу фрагменты не только из различных участков жилой зоны, но и из различных ям.

Предметы из бронзы представлены двумя находками (рис. 9, 1, 2). Одна из них являлась лезвием серповидной формы (фрагмент бритвы?), края обломаны, сохранившаяся часть изделия имеет длину 2,8 см, ширину 1,1 см, толщину до 1 мм; найдено в слое заполнения ямы № 4–8. Второе изделие представлено фрагментом узкой пластинки длиной 1,8 см, шириной 0,3 см, толщиной до 2 мм, в сечении — уплощенный полукруг, края обломаны; найден в культурном слое жилой зоны. К предметам, связанным с бронзолитейным делом, относятся фрагменты тиглей (10 экз.) и два мелких обломка литейных форм (рис. 9, 3–8). Они выполнены из теста без видимых примесей.

Среди находок из камня основную группу составляют изделия из песчаника с заглаженными рабочими поверхностями (21 экз.). На одном из изделий зафиксированы проточки, которые могут быть следами заточки металлического

Рис. 8. Сетчатая керамика

Fig. 8. Textile ceramics

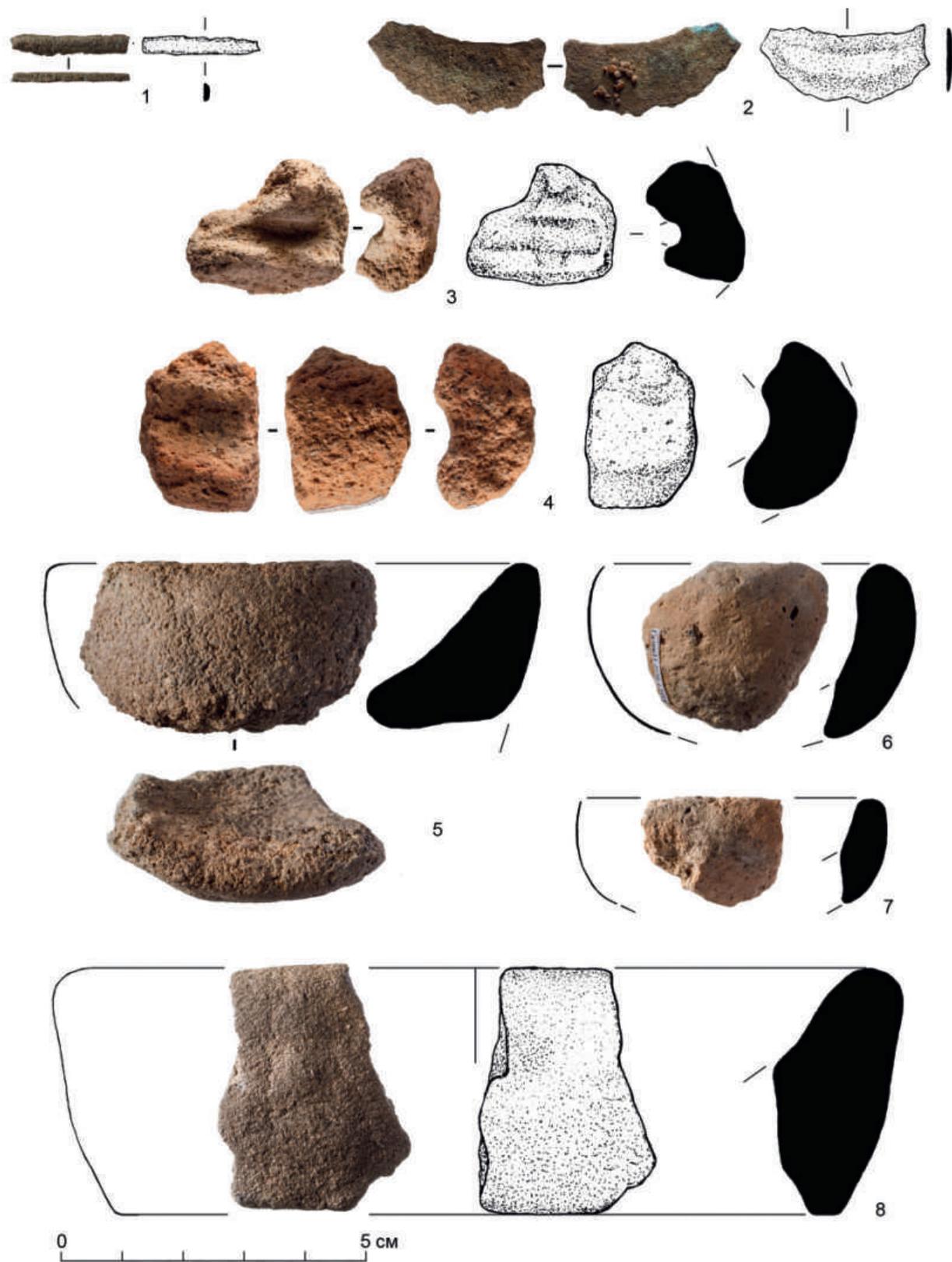

Рис. 9. Бронзовые изделия (1, 2), фрагменты литейных форм (3, 4), тигли (5–8)

Fig. 9. Bronze objects (1, 2), fragments of casting moulds (3, 4), crucibles (5–8)

предмета. Также найден небольшой фрагмент сланцевого шлифованного топора, немногочисленные кремневые отщепы (10 экз.).

Историко-культурный контекст. Культурно-хронологическая атрибуция комплекса с сетчатой керамикой основана на сопоставлении полученных материалов с памятниками соседних территорий. В будущем она может быть уточнена в результате датирования отобранных при раскопках образцов.

Ближайшими памятниками с сетчатой керамикой являются поселения юго-запада Ленинградской области, Эстонии, юго-восточного Приладожья, Карельского перешейка и юго-восточной Финляндии (Юшкова, 2015). В нижнем Полужье до недавнего времени не были известны памятники с сетчатой керамикой, только в последние годы два таких поселения выявлены в ходе разведочных работ (Городилов, Раззак, 2020. С. 242–247). На юго-западе Ленинградской области расположено многослойное поселение Сяберское 3, его раскопки в 1980-е гг. проводил В. И. Тимофеев. Среди материалов поселения выделена немногочисленная группа сетчатой керамики с примесью дресвы, которая может быть отнесена к эпохе бронзы (Тимофеев, 1993. С. 30–32).

В Эстонии керамика с сетчатыми отпечатками появляется ещё в неолите, однако для неё характерна примесь органики. Сетчатая керамика с примесью дресвы в Эстонии известна по раскопкам поселений Акали и Кулламяги в устье р. Эмайыги (Янитс, 1959. С. 143–151). Два фрагмента сосудов сходного типа из поселений Алткюла и Ассаку (западная и северная Эстония) датированы по нагару концом II — началом I тыс. до н. э. (Kriiska et al., 2005; Крийска, Лавенто, 2007). В северной Эстонии фрагменты керамики с сетчатыми отпечатками входят в состав выделенных В. Лангом групп керамики позднего бронзового века асва и люганузе (Lang, 2007. Fig. 58, 60).

На востоке Ленинградской области группа поселений с сетчатой керамикой известна в юго-восточном Приладожье и Нижнем Поволховье (Гурина, 1961). Лучше всего исследовано поселение Усть-Рыбежна 2. В материалах этого поселения практически все сосуды богато орнаментированы ямками, гребенчатыми штампами и различными оттисками, которые образуют многорядные композиции. Кроме того, здесь найдены многочисленные кремневые орудия и отщепы от их производства, предметы, связанные с бронзолитейным делом. В целом сравнение керамики поселения

Галик 11 с материалами поселения Усть-Рыбежна 2 показывает, что эта керамика может быть отнесена к одной культурной группе, но сосуды поселения Усть-Рыбежна 2 отличаются более профилированными формами и многообразием орнамента. Наибольшее сходство отмечается в наличии предметов из бронзы и формах тиглей.

Культура сетчатой керамики эпохи бронзы на Северо-Западе России в целом датируется от первой/второй четверти II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э. Среди типологических особенностей керамики поселения Галик 11 отсутствуют признаки, типичные для более ранних материалов этой культуры (Юшкова, 2015. С. 314–315), соответственно можно предполагать, что комплекс сетчатой керамики поселения Галик 11 датируется в пределах второй половины II — рубежа II и I тыс. до н. э. Культуру сетчатой керамики эпохи бронзы в регионе сменяют памятники волховского типа, датируемые около первой половины I тыс. до н. э.

Среди материалов поселения также выделяются немногочисленные находки с неясной культурно-хронологической атрибуцией. К ним относятся заготовка каменной «булавы», фрагмент лезвия шлифованного топора, кремневый нож и несколько фрагментов керамических сосудов.

Выводы

В результате раскопок определены три культурно-хронологические группы материалов позднего неолита — эпохи бронзы (IV–II тыс. до н. э.). Благодаря большой площади раскопа удалось выявить планиграфическую привязку материалов разных культурно-хронологических групп к разным участкам микрорельефа. Так, находки, связанные с культурой шнуровой керамики, преобладают на западной гряде, в ограниченном объеме встречаются они и на восточной. Также предполагается, что на восточной гряде могло быть совершено погребение этого периода. В последующую эпоху бронзы западная гряда не была заселена, все материалы сосредоточены на восточной гряде. Фрагменты гребенчато-ямочной керамики локализируются исключительно в северо-восточной части раскопа.

В пределах выделенных зон находки распределяются неравномерно. Находки культуры шнуровой керамики образуют несколько скоплений. Подавляющее большинство находок культуры сетчатой керамики (около 90 %) концентрируется в ареале жилой зоны площадью около 120 кв. м и рядом с ней.

Также в пределах раскопа зафиксированы участки значительных размеров, на которых практически не встречались находки. Они соответствуют понижениям рельефа между песчаными грядами и с их внешних сторон.

На различных участках поселения слои, содержащие находки, имели различные характеристики. Находки сетчатой керамики приурочены к литологически выраженному слою серого и серо-желтого гумусированного песка. Слой желтого песка, в котором была найдена шнуровая керамика, визуально не отличался от нижележащих материковых напластований. Эти различия могут свидетельствовать о различной интенсивности заселения в разные периоды.

Благодаря большой площади раскопа для двух основных периодов заселения собрана представительная коллекция материалов, включающая различные категории инвентаря. Среди материалов шнуровой керамики выделены различные группы сосудов, с находками керамики соотнесена коллекция каменного инвентаря. Для сетчатой керамики выявлена и полностью исследована жилая зона с очагами и ямами.

Анализ полученных материалов еще только начат, предполагается провести более подробное исследование керамики методами естественных наук, изучение образцов грунта из культурного слоя с сетчатой керамикой с целью выявления функциональных зон, радиоуглеродное датирование.

- Городилов, Раззак, 2020 — Городилов А. Ю., Раззак М. А. Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг. // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 233–248.
- Гурина, 1961 — Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Лен. отд., 1961 (МИА; № 87). 588 с.
- Крийска, Лавенто, 2007 — Крийска А., Лавенто М. Текстильная керамика в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конф., посв. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург). СПб.: Теза, 2007. С. 243–250.
- Крийска и др., 2015 — Крийска А., Нордквист К., Герасимов Д. В., Санделл С., Холкина М. А. Новые исследования памятников со шнуровой керамикой в Нарвско-Лужском междуречье, на пограничье России и Эстонии // Тверской археологический сборник. Северск: Триада, 2015. Вып. 10: Материалы V Тверской археологической конф. и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 195–203.
- Памятники..., 2019 — Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / Под ред. Д. В. Герасимова. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 200 с.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 8–34.
- Юшкова, 2015 — Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятинский сборник; Вып. 4). С. 278–318.
- Янитс, 1959 — Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин: б. и., 1959. 382 с.
- Europaues, 1923 — Europaues A. Säkijärven Ravin kivikautiset asuinpaikat // Suomen museo. Helsinki, 1923. Vol. XXIX. P. 20–31.
- Europaues-Äyräpää, 1930 — Europaues-Äyräpää A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1. S. 165–190, 205–220.
- Holmqvist et al., 2018 — Holmqvist E., Larsson Å. M., Kriiska A., Palonen V., Pesonen P., Mizohata K., Kouki P., Räsänen J. Tracing grog and pots to reveal neolithic Corded Ware Culture contacts in the Baltic Sea region (SEM-EDS, PIXE) // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 91. P. 77–91.
- Kriiska et al., 2005 — Kriiska A., Lavento M., Peets J. New AMS dates of the neolithic and bronze age ceramics in Estonia: preliminary results and interpretations // Estonian Journal of Archaeology. 2005. N 9. P. 3–31.
- Lang, 2007 — Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2007. 298 p.
- Larsson, 2009 — Larsson Å. M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala: Department

of Archaeology and Ancient History; Uppsala University, 2009. 455 p.

Rosentau et al., 2013 — Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D. A., Vassilje J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, eastern Gulf of Finland // *Boreas*. 2013. Vol. 42 (4). P. 912–931.

Sandgren et al., 2004 — Sandgren P., Subetto D. A., Berglund B. E., Davydova N. N., Savelieva L. A. Mid-Holocene Littorina Sea transgressions based on stratigraphic studies in coastal lakes of NW Russia // *GFF*. 2004. Vol. 126. P. 363–380.

Sikk et al., 2020 — Sikk K., Kriiska A., Johanson K., Sander K., Vindi A. Environment and settlement location choice in stone age Estonia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2020. Vol. 24 (2). P. 89–140.

Results of excavations of the settlement of Galik 11 in 2020

A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak

The site of Galik 11 is situated on the lower Luga River on the Galik palaeo-spit ranged along the western slope of the Kurovitsy Plateau, 0,7 km from the right bank of the Luga River. The site was discovered in 2020; its general size is measuring about 400 × 70–80 m. In 2020, excavations over an area of 1,550 sq. m were conducted. The excavation was located in the central part of the settlement; it was of nearly rectangular plan, and was ranging from the western to the eastern border of the settlement site, the altitudinal marks of the modern surface equalling up to 9,5 m BSH.

In the course of the excavations, it became clear that the site represents materials of different cultural and chronological groups: the typical pit-comb ware, corded ware and textile and, moreover, they are separated topographically.

Fragments of pit-comb pottery are dated to the earliest stage of the occupation of the site, they were compactly deposited and included 1 or 2 vessels. The pottery of this type is dating from the 4th — early 3rd millennium BC.

The corded ware is represented by jars of different types. The total number of the vessels was at least 63, they were subdivided into three main groups and still other two types were represented by single specimens. The fragments of the pottery constituted accumulations where a lithologically distinguishable layer was absent. The vessels were made of dense, well fired clay with additions of organics; most of them were decorated at the upper body with lines of cord imprints, scratched lines and, occasionally, pits or nail impressions. As a single case, fragments of a vessel with wavy appliqué finger patches and fragments of a beaker were encountered. The lithics are represented by abrasives, not numerous tools and flint flakes including two points. In the eastern Baltic Sea region, the period of the occurrence of the Corded Ware culture is dated to within 2900/2800 — 2300/2000 BC.

The materials of the textile ceramics culture of the Bronze Age were encountered predominantly within a lithologically distinguishable layer of grey-yellow and grey humic sand up to 0,4 m thick. In it, there were revealed two hearths and household pits. The area of the distribution of this layer is about 120 sq. m. This area was interpreted as a dwelling zone of the culture of textile ceramics. Here there were found numerous fragments of textile pottery, articles from stone and bronze, and objects related to the bronze-casting industry. The pottery is fairly uniform; at least 42 vessels have been revealed. They all have additions of crushed rock in the paste, net imprints over the entire surface, a straight profile and are decorated with a single row of pits or holes beneath the rim. The metal finds include a blade and a strip of metal; also fragments of casting moulds and crucibles were encountered. Among the lithics, articles from sandstone with smoothed working edges predominate. The presumed date is within the second half of the 2nd — the turn of 2nd/1st millennium BC.

The excavations have yielded reference collections of materials of the corded ware and textile ceramics of the Bronze Age in the region under consideration.

Заполье-3 — местонахождение «предсопочной» культуры в верхнем Полужье¹

Н. И. Платонова, Т. А. Жеглова²

Аннотация. Под насыпью сопки № 4 близ Передольского погоста выявлены грунтовые погребения в ямках и скопление ям неясного назначения, в том числе столбовых. Часть их датирована по ¹⁴C в интервале IV–VII вв. Керамика из двух ям имеет аналогии в «предсопочных» древностях и КПДК. Погребенный дерн на площадке почти стерилен, но на материке выявлены две находки римского времени. Возможно, культурный слой отложился в ходе обрядовой деятельности, производившейся в сакральной зоне могильника в разные эпохи.

Annotation. Under the mound of sopka no. 4 near the village of Peredolsky Pogost, there were revealed flat-grave burials in small pits and a concentration of pits of an unclear purpose including pillar holes. Some of them were ¹⁴C dated to within the interval of the 4th–7th century. The pottery from two of the pits has parallels in the “pre-sopki” antiquities and the culture of the Pskov long barrows. The buried topsoil in this area is almost sterile, but two finds of the Roman period were recovered from the surface of the virgin soil layer. Possibly, the cultural layer was deposited in the course of ritual activities performed in the sacral zone of the burial ground in different epochs.

Ключевые слова: Заполье-3, Передольский погост, хронология, раннее средневековье, римское время, сакральная зона, треугольные подвески, лепная керамика, преемственность.

Keywords: Zapolye-3, Peredolsky Pogost, chronology, early Middle Ages, Roman period, sacral zone, triangular pendants, handmade pottery, continuity.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-179-195

Введение

Под насыпью сопки № 4 в группе Заполье-1 (между деревнями Подгорье и Заполье, Батецкого района Новгородской области), в 1 км от Передольского погоста, в ходе раскопок 1995 г. были выявлены грунтовый могильник с кремациями (Заполье-2) и остатки культурного слоя с лепной керамикой (Заполье-3) (Платонова, 1996. С. 9–11) (рис. 1). Памятники располагались на пологой нижней террасе р. Луга, примерно в 80 м от воды. В публикацию результатов раскопок сопки

(Платонова, 2002. С. 188–193) указанные материалы не вошли³.

Ядро сопки № 4 было сложено из гумуса, снятого, видимо, с обширной площади вокруг нее (Там же. С. 184, 186, рис. 3). В насыпи встречалась измельченная лепная керамика. Погребенный дерн сохранился *in situ* лишь на подкурганной площадке. Незначительное количество керамики, как в теле сопки, так и в погребенной почве под ней, свидетельствует о том, что вне углубленных комплексов насыщенность слоя культурными остатками была минимальной. Вся керамическая коллекция Заполья-3, за малым исключением, происходит из двух материковых ям — № 1 и, в меньшей степени, № 10 (рис. 1; 2).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Платонова Н. И. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Жеглова Т. А. — Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных, Невский пр., д. 39, Санкт-Петербург, 191011, Россия.

³ Материалы полевого отчета Н. И. Платоновой 1995 г. частично опубликованы И. В. Ислановой в работе, посвященной раннесредневековым группам памятников на Северо-Западе (Исланова, 2016. С. 151–152, рис. 30).

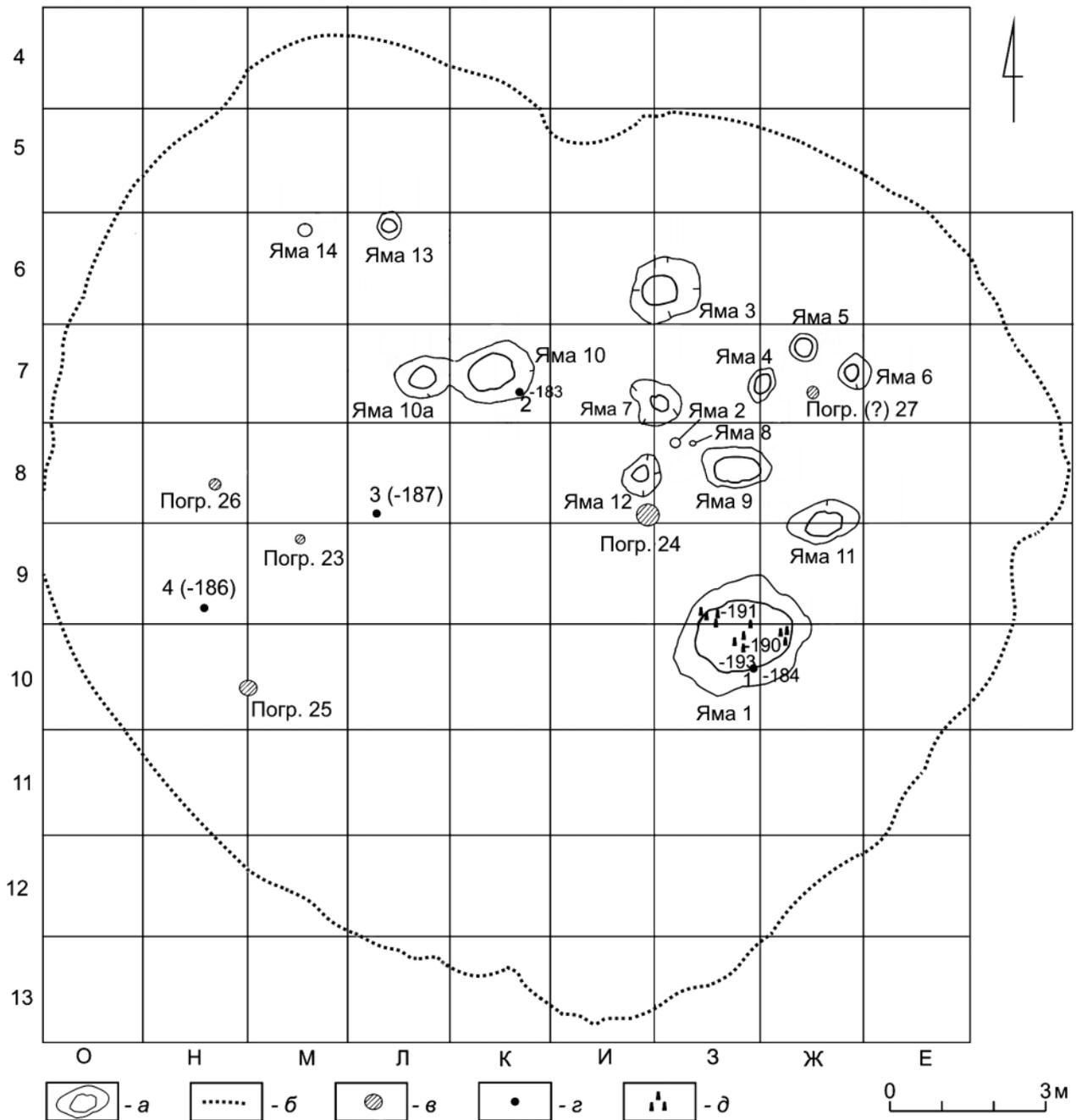

Рис. 1. Локализация грунтовых погребений (Заполье-2) и культурных остатков селища (Заполье-3) на подкурганной площадке сопки № 4. План подкурганной площадки. Условные обозначения: а — ямы в материке; б — граница сохранившегося погребенного дерна на подкурганной площадке; в — грунтовое погребение; г — индивидуальная находка; д — развал лепной керамики

Fig. 1. Localisation of flat-grave burials (Zapolye-2) and cultural remains of the settlement (Zapolye-3) in the sub-kurgan area of sopka no. 4. Plan of the sub-kurgan area. Keys: а — pits in the virgin soil; б — boundary of the extant buried topsoil in the sub-mound area; в — flat-grave burial; г — individual find; д — heap of broken handmade pottery

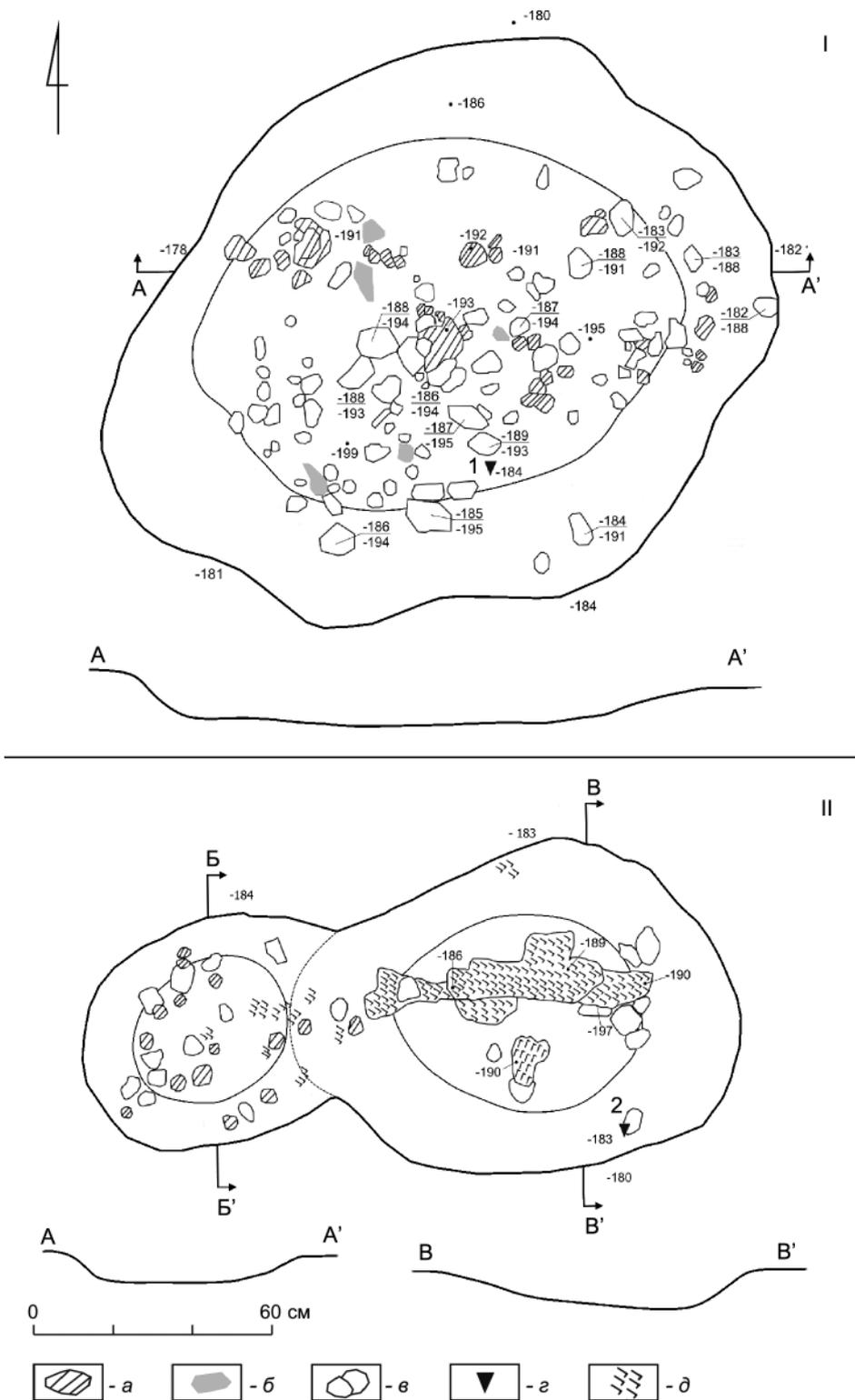

Рис. 2. Заполье-3. Углубленные комплексы № 1, 10, 10а, планы и профили: I — яма № 1; II — ямы № 10 и 10а; 1 — бронзовый наконечник стрелы; 2 — обломок железного ножа. Условные обозначения: а — керамика; б — кости; в — камни; з — индивидуальная находка; д — обугленное дерево

Fig. 2. Zapolye-3. Underground complexes no. 1, 10, 10a, plans and profiles: I — pit no. 1; II — pits no. 10 and 10a; 1 — bronze arrowhead; 2 — fragment of an iron knife. Keys: a — pottery; б — bones; в — stones; з — individual find; д — charred wood

Яма № 1 (кв. Ж-З₉₋₁₀) имела неправильно-округлую форму и плоское дно (рис. 2, I). Заглублена в материк на 0,11–0,15 м. Размеры: 2,2–2,3 м (запад–восток) × 2,0–2,1 м (север–юг). В западной части по дну прослеживался углистый слой. Заполнение — серый суглинок, мелкие камни, большое количество черепков от почти двух десятков разных сосудов. Керамика исключительно лепная, гладкостенная. Встречены кости животных плохой сохранности. В южной части заполнения обнаружен бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы.

Ямы № 10 и 10а (кв. К₇-Л₇) представляли собой углубление восьмеркообразной формы, образовавшееся при наложении двух ям одна на другую (рис. 2, II). Размеры их: 1,7 × 1,3 × 0,18 м (№ 10) и 1,1 × 0,9 × 0,13 м (№ 10а). Заполнение — серый суглинок. В яме № 10а найдены малоинформативные по большей части раскрошившиеся фрагменты лепной керамики, кости животных, угольки. В яме № 10 сохранились остатки обугленных плашек и лепная керамика. На периферии ямы, в верхней части заполнения, найден обломок ножа. Его принадлежность к данному комплексу вызывает сомнения. Возможно, он был втоптан в дерн над ямой, в период, предшествовавший сооружению сопки.

Мелкие обломки керамики обнаружены также в ямах № 3 и 9.

Ямы № 2, 4, 5, 8, 13, 14 (рис. 1) можно интерпретировать как столбовые, не образующие правильной

конструкции. Культурные остатки в них отсутствовали, за исключением угольков в яме № 5.

Из погребенного дерна вне ям помимо сильно измельченной лепной керамики происходят треугольная подвеска с шаровидными концами (кв. Л₈) и обломок бронзового спирального перстня (кв. Н₉). Обе находки сделаны при зачистке материка.

Радиоуглеродная хронология

Отправной точкой в суждениях о хронологии памятника служат данные радиоуглеродного анализа. В ходе раскопок 1995 г. было отобрано семь образцов⁴ на ¹⁴C. Полученные в 1996 г. даты откалиброваны заново в 2021 г.⁵ (табл. 1, рис. 3).

Выработка хронологии на базе дат ¹⁴C подразумевает, что «...отбор образцов... должен вестись строго по объектам, с обязательным учетом их микростратиграфии...» (Аникович и др., 2008. С. 195). Подчеркнем: научная интерпретация данных ¹⁴C-анализа не имеет ничего общего

⁴ Анализы двух образцов, включая пробу из ямы № 5, к сожалению, не дали результатов.

⁵ Авторы выражают глубокую благодарность коллективу Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН в лице Г. И. Зайцевой, С. Г. Попова и Н. Д. Буровой, благодаря которым в 1996 г. был произведен, на безвозмездной основе, анализ данной серии образцов, а в 2021 г. осуществлена их новая калибровка.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников Заполье-1–3 по материалам раскопок 1995 г.
Table 1. Radiocarbon dates of sites of Zapolye-1–3 after materials of excavations of 1995

Памятник	Объект, комплекс	Материал	Индекс	Дата (лет назад)	Калиброванные даты*	Источник
Заполье-1, сопка № 4	В вершине сопки, под дерном, кв. ЗИ ₉₋₁₀ (сборный образец)	Уголь	Le-5150	1250±150	1σ: 650–960 (62,1 %: 650–900); 2σ: 400–1200	Публикуется впервые
Заполье-3, селище под сопкой № 4	Яма № 1	Уголь	Le-5151	1380±30	1σ: 635–670; 2σ: 605–685	То же
	Яма № 10	Уголь	Le-5152	1610±60	1σ: 390–540; 2σ: 250–590 (93,0 %: 320–590)	То же
	Ямы № 10, 10а (сборный образец)	Уголь	Le-5153	1970±150	1σ: 170 BC— 220 AD; 2σ: 400 BC— 400 AD	То же
Заполье-2, грунтовый могильник под сопкой № 4	Погребение № 24: ямка, заполненная кальцинированными костями с угольками	Уголь	Le-5154	1640±30	1σ: 350–530 (56,2 %: 380–440); 2σ: 330–540	То же

* 1σ — вероятность 68,2 %; 2σ — вероятность 95,4 %.

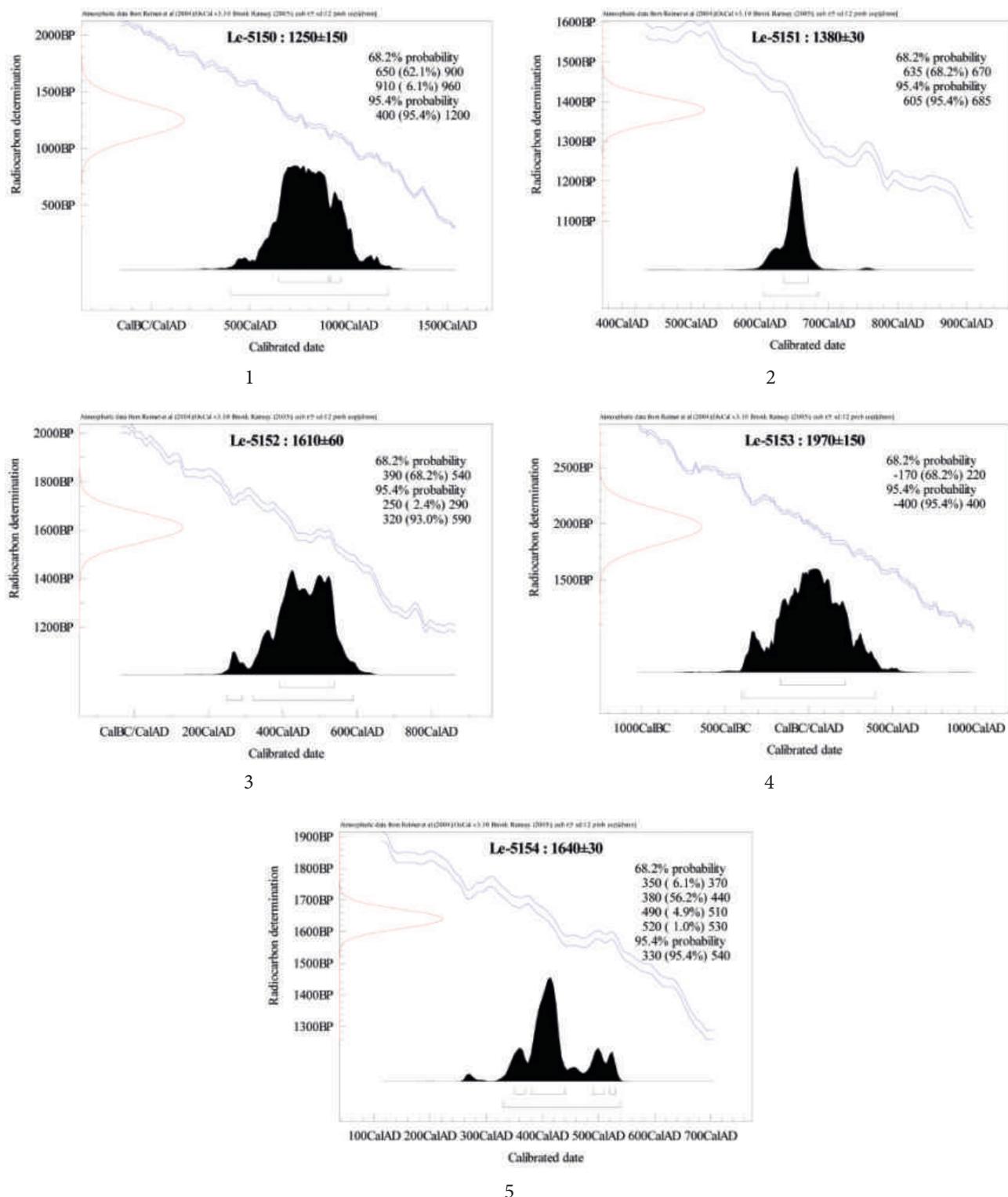

Рис. 3. Радиоуглеродные даты памятников Заполье-1–3 (калибровочные диаграммы): 1 — Заполье-1, сопка № 4, юго-восточный сектор, центр насыпи под дерном, угли; 2 — Заполье-3, яма № 1, образец № 2, уголь; 3 — Заполье-3, яма № 10, уголь; 4 — Заполье-3, ямы № 10, 10а, уголь; 5 — Заполье-2, погребение № 24, уголь

Fig. 3. Radiocarbon dates of the sites of Zapolye-1–3 (diagrams): 1 — Zapolye-1, sopka no. 4, SE sector, centre of the mound beneath the topsoil, charcoal; 2 — Zapolye-3, pit no. 1, sample 2, charcoal; 3 — Zapolye-3, pit no. 10, charcoal; 4 — Zapolye-3, pits no. 10, 10a, charcoal; 5 — Zapolye -2, burial no. 24, charcoal

с «методом простого отброса» неугодных результатов. Основанием для исключения даты из списка могут быть только несомненные методические ошибки, допущенные в ходе подготовки или анализа образцов. Что касается растянутости хронологической шкалы памятника или излишнего разброса датировок, то «...здесь возможно влияние множества факторов: расположение датируемого образца в слое, его степень сохранности, стратиграфия, динамика накопления и сноса минерального вещества, правильность отбора, диагенетические процессы и т. д. <...> Возникший разброс дат по одному памятнику должен заставить исследователя рассматривать его *не как единое целое, а как сумму динамических объектов, развивавшихся в прошлом...* (курсив наш. — Авт.)» (Свеженцев, 1997. С. 15). Возникающие проблемы решаются не игнорированием «неподходящих» дат, а путем детального анализа их археологических контекстов.

Те образцы из нашего списка, где в составе присутствовали, предположительно, материалы длительного накопления (Le-5150) или угли, происходящие из разных комплексов (Le-5153), показывают при калибровке очень широкие хронологические интервалы. Так, дата, полученная по образцу Le-5150, сформированному из мелких угольков, выбранных из аморфного «костеносного слоя» под дерном в вершине сопки (рис. 3, 1), сильно растянута во времени. Еще более широкий интервал показал сборный образец Le-5153, включавший угольки из перекрывавшихся ям № 10 и 10а (принятых в начале разборки за единый комплекс). По нему была получена дата 400 г. до н. э. — 400 г. н. э., наиболее вероятный интервал 170 г. до н. э. — 220 г. н. э. (рис. 3, 4).

Все проблемы, связанные с датировкой грунтового могильника и «костеносного слоя» в вершине сопки, будут детально проанализированы далее. Сейчас важно отметить следующее.

1. Комплекс ямы № 1 датирован в узком интервале 605–685 гг., более вероятно — 635–670 гг. (Le-5151). Таким образом, погребение № 24, относящееся к 330–540 гг., но с наибольшей вероятностью к 380–440 гг. (рис. 3, 2, 5), оказывается заметно древнее этой ямы, но может быть синхронным яме № 10. Это подтверждает, что на момент формирования комплекса № 1 в VII в. подкурганная площадка еще не была перекрыта насыпью, и погребения на ней совершались в середине I тыс. н. э. именно как грунтовые.

2. Функционирование могильника, скорее всего, осуществлялось параллельно с некой социальной деятельностью, остатками которой являются ямы от столбов, углубленные комплексы со следами горения, вещевые находки и керамика. Дата, полученная для погребения № 24, исключает предположение, что могильник просто перекрыл оставленный к тому времени участок селища.

Сопоставление результатов, полученных при анализе образцов из ям № 10 и 10а, позволяет предположить, что яма № 10, датируемая в интервале 320–590 гг. (или 390–540 гг.), частично перекрывает остатки комплекса раннеримского времени неясной культурной принадлежности (яма № 10а) (рис. 3, 3, 4).

Вещевой комплекс Заполье-3

Вещевые находки местонахождения Заполье-3 представляют собой неожиданное сочетание.

Бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы со следами шипа (яма № 1, кв. З₁₀) относится к категории С-26 — трехлопастных с лавролистным в плане пером, выступающей втулкой, иногда с боковым шипом (*Кузьминых*, 1983. С. 106–107, табл. XLIII, 44–65). Подобные наконечники были распространены в евразийских степях в VII–VI вв. до н. э.

Исходная длина изделия примерно 3,2 см, диаметр втулки — примерно 0,7 см. Две лопасти из трех повреждены коррозией, острие обломано. След бокового шипа прослеживался в момент находки, но подвергся коррозии в период хранения: на фотографии его уже не видно (рис. 4, 1). Наконечник отлит из мышьяково-оловянистой бронзы (табл. 2) — сплава, типичного для стрел VIII–VI вв. до н. э. на ананьинских памятниках.

Близкий по типу наконечник был обнаружен в 2012 г. в основании культурного слоя Старой Руссы на Пятницком II раскопе (раскопки Е. В. Тороповой) (*Торопова*, 2013. Ч. 3, прил. 1, рис. 75, 4). В отличие от нашего экземпляра, он двухлопастный и относится к категории С-10 (наконечники с ромбовидным пером и выступающей втулкой), датируемой серединой VIII — серединой VII в. до н. э. (*Кузьминых*, 1983. С. 105, табл. XLIII, 19–36; *Кузьминых, Чижевский*, 2014. С. 108).

Вероятный исходный контекст наконечника из Руссы был открыт в том же сезоне. Он представлял собой «...перекрытые и частично переработанные предматериковыми напластованиями

Таблица 2. Заполье-3. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа предметов из цветного металла
 Table 2. Zapolye-3. Results of X-Ray fluorescent analysis of objects from nonferrous metal

Памятник, контекст	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Bi	Zn	Прочие	Сплав
Заполье-3, яма № 1	Наконечник стрелы трехлопастный	Осн.*	5–7	16–20	<0,8	<0,5	–	<0,8	–	–	Мышьяково-оловянистая бронза
Заполье-3, кв. Н ₉ , зачистка материка	Перстень (?) спиральный	Осн.	–	3–5	3–4	–	<0,2	–	10–12	–	Оловянистая латунь
Заполье-3, кв. Л ₈ , зачистка материка	Треугольная подвеска	Осн.	<0,3	2–4	1–3	<0,3	<0,3	–	10–12	–	Свинцово-оловянистая латунь

* Осн. — основной элемент сплава. ** Анализ произведен С. В. Хавриным (Гос. Эрмитаж).

аморфные остатки культурного слоя эпохи раннего металла...» с находками керамики с ямочным и гребенчатым орнаментом и расчесами по внутренней поверхности (Торопова, 2013. Ч. 1. С. 361–362). Автором раскопок отмечалась трудность выделения данного слоя, который по ряду признаков почти не отличался от материка (Там же. С. 336). Вероятно, находка из Заполья-3 также восходит к трудноуловимому местонахождению эпохи раннего металла. В раннесредневековом комплексе VII в. н. э. такой наконечник представлял собой раритет, вряд ли использовавшийся по назначению. Эта вещь могла быть актуальной лишь в сакральном контексте, при совершении обрядовых или магических действий.

Треугольная подвеска, найденная в Заполье-3, имеет форму равнобедренного треугольника с вогнутыми сторонами и плоско-выпуклой поверхностью (рис. 4, 2). Верхняя петелька и один конец обломаны. Высота без учета петельки — 2 см, реконструируемая ширина в нижней части — примерно 1,8–1,9 см, толщина — примерно 0,2 см. Вогнутая нижняя сторона с утолщенными и закругленными «рожками» придает изделию сходство с миниатюрной лунницей, стилистически близкой украшениям «круга выемчатых эмалей».

Близкие аналогии изделию обнаруживаются в культуре таранд Северо-Восточной и Юго-Восточной Эстонии, где они называются «подвесками с шаровидными концами» (Карпо, 2011. С. 184). Судя по сохранившимся обрывкам креплений, их носили на цепочках (рис. 5, 6) и на костыльках,

в составе сложных украшений (рис. 5, 4–5), а также в качестве привесок к перстням (?) (рис. 5, 2).

Такие подвески — нечастая находка в каменных могильниках Эстонии. Изучение списков вещевого инвентаря, опубликованных в монографии М. Х. Шмидехельм (Шмидехельм, 1955. С. 239–261), показывает, что пять экземпляров, изображенных на рисунках (Там же. Рис. 18, 9; 25, 8; 31, 5; 33, 5; 44, 6), отражают всю имевшуюся тогда в коллекциях серию подвесок с шаровидными концами (в отличие, к примеру, от спиральных перстней, реальное количество которых в сотни раз превышало число попавших в таблицы).

Сейчас нам известно девять таких изделий из восьми каменных могильников Эстонии. К опубликованным М. Х. Шмидехельм экземплярам из Ябара В и Е, Кохтла-Ярве I–II и Ууэ-Сытке добавились находки из Камбья (Laul, 2001. Joop. 56, 1), Аакре (Ibid. Joop. 56, 8) и Лахепера (Карпо, 2011. Рис. 2, 5) (рис. 5, 3–7). Возможно, в действительности их больше, но вряд ли ситуация изменилась качественно. В группе доминирует вариант в виде равнобедренного треугольника с тремя слегка вогнутыми сторонами, без орнамента (рис. 5, 1–4). К этому варианту относится и экземпляр из Заполья-3.

Помимо серии подвесок из Восточной Эстонии аналогии нашей находке имеются в Западной Литве, в могильниках с ингумациями на побережье Балтики. Здесь они входили в комплекс нагрудных украшений (рис. 5, 8–9) (The Curonians..., 2009. P. 16–18; Kulikauskienė, Rimantienė, 1958. Fig. 97–98; см. также: Брянский клад..., 2018. Рис. 67, 3), а изредка могли декорировать

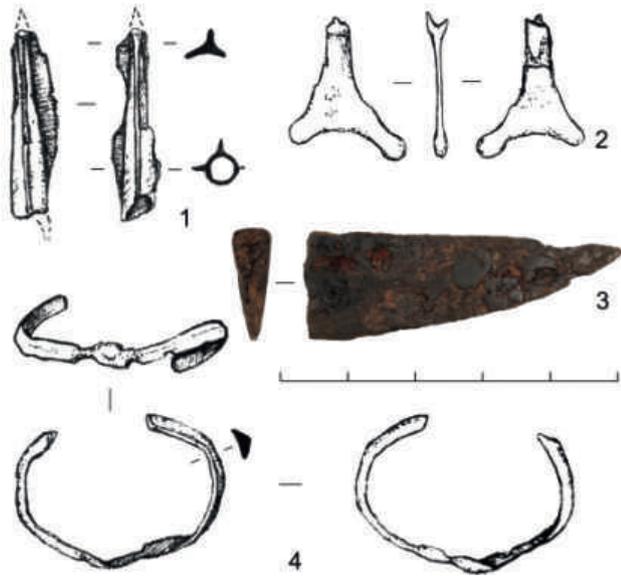

Рис. 4. Заполье-3. Вещевые находки: 1 — наконечник стрелы (яма № 1, кв. З₁₀); 2 — треугольная подвеска с шаровидными концами (кв. Л₈); 3 — обломок ножа (яма № 10, кв. К₇); 4 — спиральный перстень (кв. Н₉). 1–2, 4 — цветной металл; 3 — железо

Fig. 4. Zapolye-3. Artefacts: 1 — arrowhead (pit no. 1, square З₁₀); 2 — triangular pendant with round terminals (square Л₈); 3 — knife fragment (pit no. 10, square К₇); 4 — spiral finger-ring (square Н₉). 1–2, 4 — nonferrous metal; 3 — iron

женскую обувь (рис. 5, 11) (The Semigallians..., 2005. P. 117). Отметим, что литовская серия еще более малочисленна, чем эстонская. Наибольшее сходство с экземпляром из Заполья-3 имеет находка из погребения № 267 могильника Генчяй I (Genčai) (рис. 5, 9).

В погребальных древностях западной Эстонии и Латвии первой половины — середины I тыс. н. э. нам не удалось выявить подвески с шаровидными концами. Судя по публикациям, там имели хождение треугольные подвески иных типов — без таких утолщений на концах, с выпрямленным основанием, нередко с удлиненным переходом к ушку (Šnore, 1930. Tab. I, 26, II, 20; Latvijas PSR..., 1974. Tab. 32, 4; lpp. 161, att. 84; Šnore, 1993. Att. 66, 1, tab. III, 6; IV, 4, 11). Присутствовали и треугольные подвески с орнитоморфными признаками, встречающиеся по всей территории Балтии (Šnore, 1930. Tab. I, 22, II, 26, 28; XI, 5; LAB, 1961. Pav. 140; Laul, 2001. Joon. 56, 2, 5).

В статье К. Карро подобные украшения с шаровидными концами из тарандов датированы IV–V вв., а их аналогии в Литве — периодом до VIII в. включительно (Карро, 2011. С. 184). Однако в монографии С. Лаул, на которую ссылается в данном случае Карро (Laul, 2001. Ил. 141), речь идет не о датировке этого варианта, а о суммарной дате всех разновидностей треугольных подвесок. Указание о бытовании до VIII в. относится к литым треугольным подвескам с круглым ушком, находящимся в одной плоскости с подвеской (Laul, 2001. Joon. 56, 3; LAB, 1961. Pav. 228). Эта форма, действительно широко распространенная на территории Восточной Европы в третьей четверти I тыс. н. э., имеет мало общего с находкой из Заполья-3. Что касается собственно подвесок с вогнутыми сторонами и шаровидными «рожками», также отнесенных С. Лаул и К. Карро к IV–V вв., то в литовских публикациях комплексы с такими украшениями имеют дату II–III вв.

Упомянутый выше экземпляр из Генчяй I найден в погребении, датированном автором раскопок второй половиной II в. (The Curonians..., 2009. P. 16–18). Две подвески из могильника Эглишкяй-Андуляй (Ēglišķiņi-Anduliņi) (близкие по типу, но с усложненным оформлением «рожков») (рис. 5, 10) отнесены А. Блюене к концу II — первой половине III в. (Bliujienė, 2013. P. 378. Pav. 251). В ту же хронологическую группу входит находка из Курмайчяй (Kurmaičiai), где 18 однотипных подвесок с рельефными ободками вокруг рожков (рис. 5, 8) обнаружены в комплексе с витой гривной с петельчатыми концами (Kulikauskienė, Rimantienė, 1958. Fig. 97–98; LAB, 1961. Pav. 130). Такие гривны бытовали в Прибалтике в фазах B2, C1–C2 (то есть до начала IV в.) (Воронятов, Хомякова, 2018. С. 83–84).

Исключением из ряда ранних комплексов является погребение № 399 грунтового могильника Йаунеикяй (Jauneikiai), отнесенное автором раскопок к VII в. (Vaškevičiūtė, 1987. P. 77; The Semigallians..., 2005. P. 117). Оттуда происходят пять подвесок с вогнутыми сторонами (2,5 × 2,0 см). Однако эти находки имеют ключевое отличие от всех, упомянутых выше. Они изготовлены из тонкой пластины; не имеют ни литого ушка, ни шаровидных утолщений на концах. Верхняя часть их усеченная, с пробитым отверстием для колечка — как у трапецевидных подвесок, широко распространившихся в лесной зоне в последней четверти I тыс. н. э. (рис. 5, 11).

В свете всего изложенного датировка эстонских подвесок с шаровидными концами IV–V вв. вызывает сомнения. Она основана на традиционных представлениях о хронологии тарандов и о запаздывании местных типов по отношению к импортам в Восточной Прибалтике (критику этих положений см.: Кулешов, 2005. С. 187–188; Шаров, 2010. С. 621–625; Юшкова, 2010. С. 317–319).

Конечно, нельзя исключать полностью, что подвески из тарандов восточной Эстонии имеют иной (или более широкий) диапазон бытования по сравнению с их литовскими аналогами. Но без обращения непосредственно к коллекциям решить этот вопрос невозможно. К сожалению, специальной работы, посвященной типологии и хронологии треугольных подвесок в Прибалтике, нет.

Пока вопрос не решен, существует некоторая вероятность, что находка из Заполя-3 действительно выпала в землю во второй четверти — середине I тыс. н. э. Но следует учесть: в пределах раскопа имеется объект неясной культурной принадлежности (яма № 10а), предположительно раннеримского времени. Теоретически к этому времени может относиться и подвеска, найденная вне комплекса, на материке.

Обломок спирального украшения представляет собой разогнутый спиральный перстень, изготовленный из треугольной в сечении проволоки шириной 3,5 мм и толщиной 1,5 мм. Один конец его обломан (рис. 4, 4).

На территории Северо-Запада России I тыс. н. э. спиральные перстни сравнительно редки. Они мало представлены в КПДК. Единичные экземпляры происходят из пограничных частей ареала — западной (Лаоссина II, Обинитса) и восточной (Шихино) (Михайлова, 2014. С. 108–109, рис. 25, 16, 20; Исланова, 2019. С. 167, рис. 178, 2). И. Г. Розенфельдт датировала распространение спиральных перстней в Восточной Европе периодом VI в. и позднее (Розенфельдт, 1982. С. 91–93). Однако привлечение эстонских материалов и находки последних десятилетий позволяют скорректировать этот вывод.

Спиральные перстни в значительном количестве представлены в каменных могильниках Эстонии, особенно в северных и центральных районах (Lang, 2007. P. 214). В соответствии с традиционной хронологией культуры таранд период их наибольшего распространения охватывает IV–V вв. (Lang, 1996. Lk. 42, 127; 2007. P. 214, fig. 137; Laul, 2001. Lk. 145; Kappo, 2011. С. 184). Однако сейчас

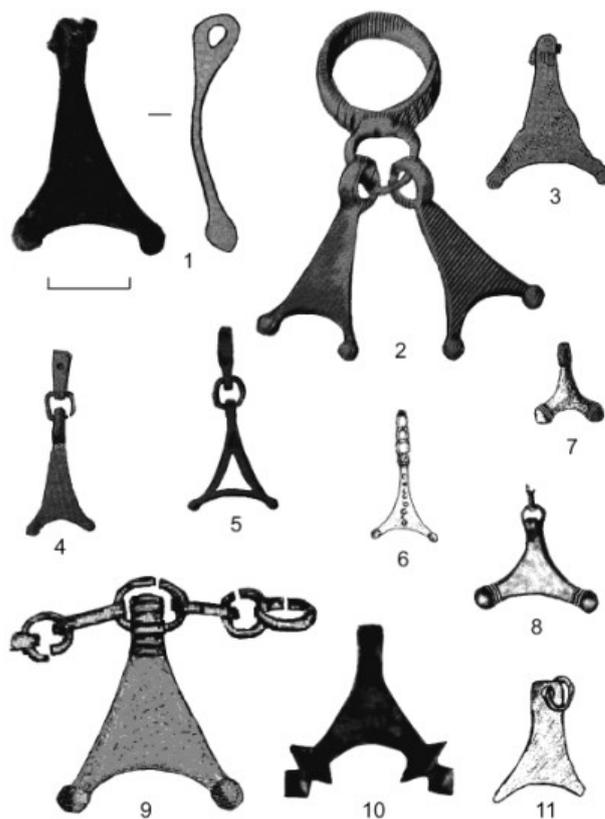

Рис. 5. Треугольные подвески с шаровидными концами в погребальных древностях Эстонии и Литвы: 1 — Лахепера (Kappo, 2011. Рис. 2, 5); 2 — Аакре (Laul, 2001. Joon. 56, 8); 3 — Ябара Е, оградка (Шмидехельм, 1955. Рис. 25, 8); 4 — Ябара В, северо-западная краевая насыпь (Там же. Рис. 18, 9); 5 — Кохтла-Ярве II (Там же. Рис. 33, 5); 6 — Ууэ-Сытке (Там же. Рис. 44, 6); 7 — Кохтла-Ярве I (Там же. Рис. 31, 5); 8 — Курмайчяй (Kulikauskienė, Rimantienė, 1958. Pav. 97); 9 — Генчяй I, погребение № 267 (The Curonians..., 2009. P. 16–18); 10 — Эглишкяй-Андуляй (Bliujienė, 2013. Pav. 251); 11 — Яаунейкяй, погребение № 399 (The Semigallians..., 2005. P. 117)

Fig. 5. Triangular pendants with round ends among funerary antiquities of Estonia and Lithuania: 1 — Lahepera (Kappo, 2011. Рис. 2, 5); 2 — Aakre (Laul, 2001. Joon. 56, 8); 3 — Jäbara E, enclosure (Шмидехельм, 1955. Рис. 25, 8); 4 — Jäbara B, north-western bordering mound (Там же. Рис. 18, 9); 5 — Kohtla-Järve II (Там же. Рис. 33, 5); 6 — Uue-Sõtke (Там же. Рис. 44, 6); 7 — Kohtla-Järve I (Там же. Рис. 31, 5); 8 — Kurmaičiai (Kulikauskienė, Rimantienė, 1958. Pav. 97); 9 — Genčiai I, burial no. 267 (The Curonians..., 2009. P. 16–18); 10 — Egliškiai-Anduliai (Bliujienė, 2013. Pav. 251); 11 — Jauneikiai, burial no. 399 (The Semigallians..., 2005. P. 117)

хронологические маркеры этой культуры активно «сдвигаются вниз», в результате синхронизации с европейскими шкалами (Шаров, 2009. С. 7–17; Юшкова, 2010. С. 317–319). Новые памятники типа таранд, открытые на Северо-Западе России (Сорокин, Юшкова, 2014. С. 312–313, рис. 1), вполне ожидаемо получают более ранние хронологические привязки. Удревняются и датировки вещевого материала. Так, например, верхняя дата небольшой серии спиральных перстней, встреченных в каменном могильнике Кёрстово-1 на западной окраине Ижорского плато, соответствует рубежу II–III вв. н. э., исходя из общей датировки могильника фазами B2–B2/C1 (Юшкова, Кулешов, 2010. С. 223). Таким образом, спиральные перстни достоверно бытовали на Северо-Западе уже в первой четверти I тыс. н. э. Это позволяет рассматривать экземпляр из Заполя-3, найденный, как и подвеска, при зачистке материка, в одном хронологическом кластере с ней.

И подвеска, и обломок спирального перстня отлиты из многокомпонентного сплава (оловянистая и свинцово-оловянистая латунь), характеризуемого относительно высоким содержанием цинка — 10–12 % (табл. 2). Соотношение основных компонентов (цинка, олова, свинца) у них очень близко. В то же время сплав резко отличается по составу от металла бронзового наконечника стрелы из ямы № 1, принадлежавшего ананьинскому культурному миру. Но делать на основе аналитики металла какие-то выводы о иных хронологии и культурной принадлежности этих находок пока преждевременно.

От *железного ножа*, найденного на южной периферии ямы № 10, сохранился обломок острия длиной 4,6 см. Ширина лезвия в месте слома — 1,55 см, ширина спинки — 0,5 см. Это фрагмент ножа с прямой или слегка изогнутой спинкой — тип, представлявший собой ведущую форму в лесной зоне Восточной Европы в IV–V вв. и позднее, вплоть до XI в. (Минасян, 1980. С. 69; Исланова, 2019. С. 71–72). На Северо-Западе ножи такой формы были в употреблении в течение всего I тыс. н. э., их находят в том числе на памятниках КПДК и культуры сопков (Михайлова, 2014. С. 129–130).

Сузить дату находки из Заполя помогает технологическое исследование, выполненное В. И. Завьяловым по методике, разработанной в кабинете металлографии Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Согласно его

описанию, при исследовании полного поперечного сечения клинка были обнаружены три зоны, разделенные сварными швами. Швы имели вид несколько расплывчатых белых полос. Во всех зонах наблюдается много шлаковых включений — мелких, преимущественно вытянутых. Левая зона — феррит и феррит с перлитом. Феррито-перлит расположен вдоль сварного шва. Зерно феррита мелкое. Содержание углерода 0,2–0,3%. Правая зона и лезвие — мелкоигльчатый мартенсит. Микротвёрдость феррита 171,3–176,4 кг/мм², мартенсита — 347,2–645,5 кг/мм².

Таким образом, нож из Заполя изготовлен по технологии сварки стального лезвия в железную основу. Ковка и сварка проводились длительное время при повышенных температурах, из-за чего, как считает В. И. Завьялов, произошли диффузия углерода (феррито-перлит в железной зоне) и некоторая «размытость» сварных швов. Качествоковки и сварки хорошее. Изделие было закалено с последующим самоотпуском.

Описанная технология представляет собой разновидность трехслойного пакета. В Северной Европе древнейшие экземпляры ножей, изготовленных по этой технологии, обнаружены на памятниках вендельского периода. На Северо-Западе самые ранние находки происходят из нижнего горизонта Земляного городища Старой Ладogi. Это позволяет связывать их появление с активизацией Великого Волжского пути и северо-европейским влиянием (Завьялов и др., 2012. С. 35–54). В свете изложенного, нож из Заполя вряд ли датируется ранее конца VIII — IX в. Его можно с уверенностью относить к периоду, непосредственно предшествовавшему сооружению сопки № 4. Связь данного артефакта с ямой № 10 следует считать случайной. Выпадение его в слой, скорее всего, было связано с действиями по подготовке подкурганной площадки перед началом строительства насыпи. Хронология этого события в настоящий момент определяется достаточно точно — в интервале с конца IX до начала X в. (Платонова, 2021). Именно тогда фрагмент сломанного ножа оказался втоптаным в погребенную почву на месте будущей сопки.

Стоит особо подчеркнуть не только хронологический, но и культурный контекст данной находки. Если до выпадения в слой нож находился в руках одного из строителей сопки, значит, его владелец напрямую был включен в социум создателей и носителей культуры сопков. Отметим по-

путно, что многочисленные следы раннесредневекового металлургического производства на расположенном рядом поселении Передольский погост (Платонова и др., 2007. С. 159–160) делают вероятным местное происхождение описанной вещи.

Керамический комплекс Заполье-3

Исследователи нередко отмечают невыразительность и плохую сохранность раннесредневековой лепной керамики. Материалы Заполья-3 к тому же очень малочисленны. Было собрано немногим более 250 черепков. При этом весь более-менее информативный материал, за исключением одного венчика, происходит из ямы № 1 (рис. 6–8). В коллекции опознаются две группы керамики: груболопная и столовая.

Столовая посуда представлена всего двумя находками.

Венчик с вертикальным срезом и простыми насечками по верхнему краю (рис. 7, б). Это единственный орнаментированный фрагмент в коллекции. Он заметно отличается от прочей керамики качеством теста и малым диаметром (около 10 см). Черепок плотный, тонкостенный, с примесью мелкой дресвы. Цвет его серо-желтый, с белесым оттенком, как на внешней стороне, так и на изломе. Эту находку следует отнести к комплексу сравнительно качественной столовой посуды (чаша).

Вдавления и насечки по краю венчика, нанесенные без помощи гребенчатого штампа, представляют собой один из видов декора керамики круга Заозерье–Узмень. Данный прием был «практически обязателен» на памятниках типа среднего слоя Тушемли (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 16). Встречается он также на поселениях мощинского круга в Поочье и Мстинско-Моложском регионе (Исланова, 2019. Рис. 76, 3, 7). В верхнем Подвинье указанный орнаментальный прием был распространен и в более поздний период. Стоит отметить его частое присутствие на лепной керамике из нижних отложений Витебска (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 364, 5; 365, 8; 366, 2; 367, 5; 368, 2; 369, 5; и др.).

Венчик с заметным наклоном внутрь и тонким, оттянутым наружу внешним краешком «козырьком» (рис. 7, а). Склеен из двух фрагментов, темно-красного цвета, однотонный. Как и предыдущий, он заметно выделяется на общем фоне своей плотностью. В тесте примесь мелкой (до 1 мм) дресвы. Поверхность ровная, со следами лощения. Диаметр сосуда — около 26 см, форма геометрически правильная, верхний край

горизонтально срезан. Характер наклона венчика свидетельствует, что тулово имело резкий перегиб при переходе в придонную часть. Судя по высоте венчика, он представляет собой фрагмент лощеной (подлощенной?) реберчатой миски или горшка улучшенной выделки, близкого типу Р-1 (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 22, 9, 14).

Аналогия лощеной миске с такой профилировкой верхней части имеется в Шугайлово, в горизонте типа верхнего слоя Тушемли (Шмидт, 2003. Табл. 29, 16). Очень близкие формы обнаружены и на других однокультурных памятниках Днепро-Двинского междуречья — Микулино, Дроково, Заозерье, Близнаки, Соколя Горы. По мнению Е. А. Шмидта, аналогии этой посуде представлены в Поднепровье, на поселениях мощинской культуры (Наквасино и др.) (Шмидт, 2014. С. 198, рис. 20; 24, 8, 9).

В Приильменье появление лощеной керамики зафиксировано в раннем комплексе Городка на Маяте V–VI вв. И. И. Еремеев связывает это с продвижением на север части населения Днепро-Двинского региона, оставившего памятники типа Заозерье–Демидовка (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 114–115). В Полужье обломки лощеных венчиков, близких по типу экземпляру из Заполья, обнаружены на городище Втырка. Е. Р. Михайлова связывает это с эстонским влиянием (Михайлова, 2017. С. 276–277, рис. 10). Наконец, примесь лощеной керамики на «предсопочных» селищах верхнего Помостья И. В. Исланова объясняет контактами с носителями мощинских традиций или влиянием позднедьяковской культуры из Верхневожжья (Исланова, 2019. С. 148, 153).

Груболопная посуда Заполья-3 представлена одной целой реконструированной формой и фрагментированными остатками 17–18 разных горшков. Подавляющая их часть имеет плохой обжиг; цвет черепков желтый или светло-коричневый, с черными и серыми пятнами. В процессе расчистки керамика крошилась и расслаивалась, требуя обязательной пропитки и закрепления на месте раскопок. На поверхности прослеживался сероватый или белый налет с внешней и внутренней сторон (возможно, помимо плохого обжига на сохранность материала повлияли условия залегания в низине, близ реки). Отощителем служила дресва — как мелкая, так и очень крупная (до 7 мм). Стенки часто неровные, с выступающими зернами дресвы и следами вертикального заглаживания.

Рис. 6. Заполье-3. Керамика группы 1: 1-5, 7-11 — яма № 1; 6 — яма № 10
 Fig. 6. Zapolye-3. Pottery of group 1: 1-5, 7-11 — pit no. 1; 6 — pit no. 10

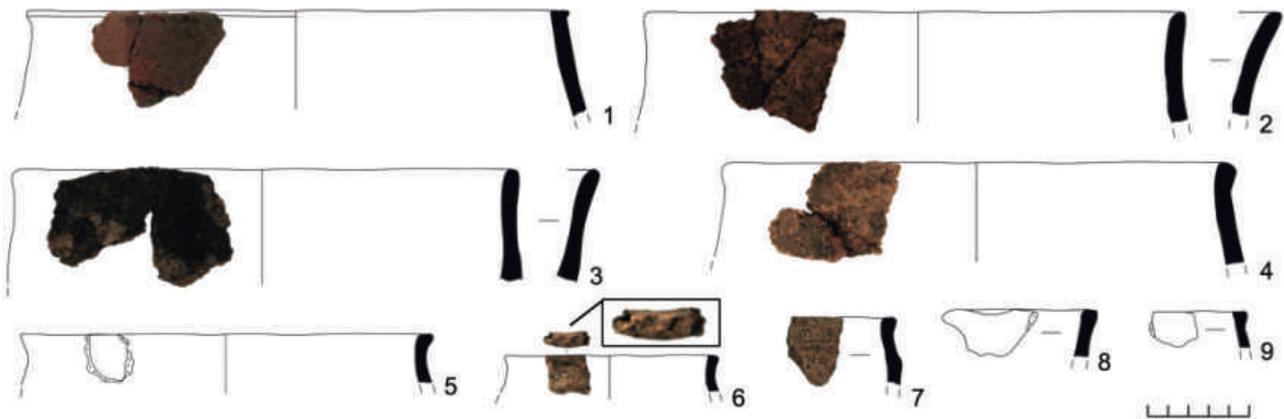

Рис. 7. Заполье-3. Керамика группы 2, яма № 1 (1-9)
 Fig. 7. Zapolye-3. Pottery of group 2, pit no. 1 (1-9)

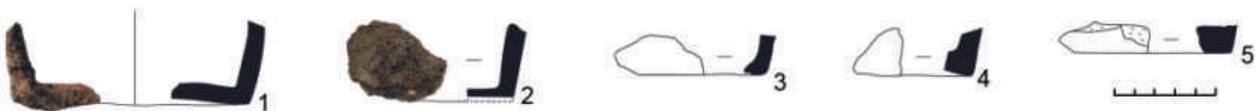

Рис. 8. Заполье-3. Обломки придонных частей сосудов, яма № 1
 Fig. 8. Zapolye-3. Fragments of near-bottom parts of the vessels, pit no. 1

Венчики представлены в основном мелкими обломками, не позволяющими определить диаметр и профиль верхней части сосудов: слом обычно проходил по шейке, до ее перехода в тулово. В тех случаях, когда определение возможно, диаметр по венчику составляет 19–28 см (рис. 6, 1–5; 7, 1–6). Декор на сосудах отсутствует.

Сохранившиеся фрагменты донцев принадлежат, как минимум, шести сосудам (рис. 8). Закраин они не имеют. Тесто в придонной части очень рыхлое, крошащееся, с крупными зернами дресвы. В месте соединения стенки и донца фиксируется небольшой нагар. Диаметр сосудов по дну (там, где можно его определить) составляет 12–15 см.

В одном случае донце склеилось практически полностью, несмотря на сильную измельченность обломков. Принадлежит оно упомянутой выше реконструированной форме. Достоверно зафиксирован вариативный профиль нижней части этого горшка с разных сторон: тулово имело форму, расширяющуюся кверху, но сосуд оказался кривобоким (рис. 6, 1). В других случаях характер придонной части свидетельствует, скорее, о форме, близкой баночной, с тенденцией к выводу стенки в почти вертикальное положение (рис. 8, 1–2).

Все венчики достаточно условно разделяются на две группы: 1) S-видные, отогнутые наружу (рис. 6); 2) вертикальные прямые или с небольшим отклонением (рис. 7).

Группа 1 (с S-видным профилем). За очень небольшим исключением, все S-видные венчики в коллекции, исключая совсем мелкие фрагменты, плавно отогнуты наружу и имеют закругленный (реже — скошенный наружу) утолщенный край (рис. 6, 1–5, 7, 9). Наибольший интерес в этой группе представляют реконструированный горшок из ямы № 1 (рис. 6, 1) и сравнительно крупный фрагмент венчика, найденный в яме № 10 (рис. 6, 6). Этот последний отличается от других более плотной фактурой и горизонтально срезанным краем. Он красноватого цвета, с примесью мелкой дресвы. Имеет сглаженный, хорошо выраженный S-видный профиль, ассоциируемый, скорее всего, с типом 10 по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 11).

Реконструированный горшок из ямы № 1 характеризуется умеренным расширением в верхней трети ($D = 28$ см), слабо выраженным изгибом профиля и высокими плечиками. Венчик отогнут

наружу, край закруглен и слегка утолщен. Высота склеенной части — 17 см, диаметр по дну — 15 см. Тесто грубое, рыхлое, с примесью крупной дресвы. На тулове видны следы вертикального заглаживания. Придонная часть асимметрична, демонстрирует с разных сторон различные варианты профилировки. Такая асимметричность и проистекающие отсюда трудности в определении типа отмечались и ранее на материалах раннесредневековых памятников Северо-Запада (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 41; Исланова, 2019. С. 159). Заметный отгиб венчика и высокое плечико позволяют ассоциировать этот сосуд с типом 11 по Н. В. Лопатину, но сравнительно стройные пропорции сближают его, скорее, с типом 8 (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 11).

Описанные варианты обнаруживают явную близость с материалами так называемых предсопочных (или предкурганых) памятников, фиксируемых в середине — третьей четверти I тыс. н. э. в пределах тех почвенно-ландшафтных зон, которые в дальнейшем стали ареалом сопки. Но вполне отчетливое сходство наблюдается с так называемой хорошо профилированной керамикой из памятников КПДК, широко представленной в восточной части их ареала — Верхнемстинском и Верхневолжском регионах.

Аналогии керамике с S-видным профилем из Заполя-3 выявлены в Приильменье — в материалах селища и насыпи вала городища Городок на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 77, 1; 85, 1, 2); в верхнем Подвинье — в нижних напластованиях селища Горяне 1 (Там же. Рис. 301, 2); в верхнем Помостье и Верхневолжье — на селищах Юрьевская горка и Ронское 3 (Исланова, 2016. Рис. 47, 5, 6; 50, 5; 2019. Рис. 257, 10).

В ареале КПДК определенное сходство с керамикой из Заполя-3 имеют сосуды типа 6 (по А. В. Плохову) из комплекса у озера Съезжее (Носов, Плохов, 2016. Рис. 10, 20; 12, А), а также отдельные формы из слоя селищ Пески 1 и Городок 1 (Исланова, 2019. Рис. 167, 7; 157, 2, 7, 9), урны из кургана № 10 в могильнике Пуйга 1 (Там же. Рис. 182, 6), курганов 2, 6, 15 могильника Шихино (Там же. Рис. 171, 2; 172, 3; 181, 2) и др. Эти сосуды исследователи соотносят в основном с типами 8 и 10 по классификации Н. В. Лопатина (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 8, 12–14; 19; Носов, Плохов, 2016. С. 355; Исланова, 2019. С. 149–151, 159–160).

Все перечисленные аналогии датируются в пределах V–VII вв., но нельзя не отметить и

существенного сходства венчиков группы 1, включая реконструированную форму, с материалами более позднего времени, зафиксированными в сопочном ареале. В качестве примеров можно привести отдельные формы керамики горизонта E_{3-3} Земляного городища Старой Ладоги (типы Ф1 и ФV-B по Т. Б. Сениченковой) (Сениченкова, 2014. С. 348–349) и верхнего слоя городища Городок на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 151; 152, 1, 2, 5, 7; 165, 2). Наблюдаемое сходство позволяет поставить вопрос об отсутствии резкого перелома в развитии керамической традиции в регионе при переходе от третьей четверти I тыс. н. э. к периоду ранней Древней Руси (до появления гончарного круга). С учетом датировки ямы № 1 можно предположить, что по крайней мере некоторые варианты горшков VII в. очень мало отличались от тех, что использовались 100–150 лет спустя.

Группа 2 (с вертикальным профилем). Венчики группы 2 в основном представляют собой экземпляры низкого качества, с рыхлой, слегка ошлакованной поверхностью и неровным краем (рис. 7, 2–4, 8). Они принадлежат небольшим горшкам с цилиндрическим или слегка раскрытым горлом. Близкие формы венчиков в большом количестве представлены на селище Городок на Маяте, в частности, в ранних комплексах XVII и XIX (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 100–101. Рис. 84, 1–2, 4; 95; 97; 107; 108, 1–10). Указанные фрагменты можно соотнести с типом 4 по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 17).

В одном случае короткий, почти вертикальный венчик, с утолщением краешка (рис. 7, 7) имеет переход в тулово, близкий к ребру. Вероятно, перед нами небольшой сосуд баночной формы. Аналогичные формы встречены на селище Городок на Маяте, причем как в раннем слое (Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 98, 4), так и в позднем (Там же. Рис. 168, 2). Обнаружены они также на селище Городок 1 в верхнем Помостье (Исланова, 2019. Рис. 158), на селище и могильнике Съезжее (Носов, Плохов, 2016. Рис. 11, 1; 23, 36). Эти сосуды близки типу 11 по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев, 2007). Сходную профилировку можно предположить и еще для нескольких мелких венчиков из Заполья-3 (рис. 7, 5–6, 9).

В целом, несмотря на малочисленность керамической коллекции, она, безусловно, заслуживает внимания как первый «предсопочный» комплекс третьей четверти I тыс. н. э. в верхнем

Полужье. Залегание подавляющего количества фрагментов в яме № 1 сообщает этому комплексу точную хронологическую привязку.

Заключение

Уточнить функциональные характеристики участка, исследованного под сопкой № 4, на основании имеющихся материалов затруднительно. Можно рассматривать два варианта: 1) обнаруженные комплексы являлись окраиной некой жилой или хозяйственной зоны; 2) культурные остатки Заполья-3 представляют собой следы социальной активности иного рода, целенаправленно проявлявшейся в сакральном пространстве могильника.

Близкое соседство грунтового могильника и жилой зоны для середины — третьей четверти I тыс. н. э. являлось обычным. Одним из примеров тому служит комплекс памятников Юрьевская горка, где «остатки грунтового могильника обнаружены... частично под напластованиями селища» (Исланова, 1996. С. 14). Однако в Заполье-3, в отличие от памятников удомельского типа, достоверные остатки жилых конструкций не зафиксированы, а насыщенность погребенной почвы вне ям культурными остатками минимальна. Поэтому будет правильнее называть этот интереснейший памятник не селищем, а местонахождением. Связь обнаруженных комплексов с могильником и обрядовой деятельностью на его территории пока представляется более вероятной, чем их профанный, бытовой характер. Хотя, разумеется, точку в рассуждениях ставить рано.

Точного ответа на вопрос, где располагалось настоящее поселение, синхронное грунтовому могильнику, у нас нет. Однако в 2020 г. появились основания считать, что по крайней мере в период формирования комплекса ямы № 1 это поселение могло находиться там же, где и в X–XI вв. — на Передольском погосте. По образцам угля, отобранным из раскопа 1а, ныне получена серия из 12 ^{14}C дат, четко разделившаяся пополам⁶. Анализ половины образцов дал ожидаемые значения в интервале с середины X до конца XII в. Вторая половина — шесть образцов, отобранных в основании заполнения жилой ямы (раскопки 2005 г.), —

⁶ Анализ произведен М. А. Кульковой в Изотопном центре на кафедре геологии и геоэкологии географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Авторы приносят ей искреннюю благодарность.

показала значения в интервале второй половины VI — первой половины VII в.

Выводы, сделанные нами на основании анализа ¹⁴C дат и немногочисленного вещевого инвентаря Заполья-3, говорят о возможности присутствия здесь не только раннесредневекового горизонта середины — третьей четверти I тыс. н. э., но и горизонта находок римского времени, II–III вв. Не исключено, что преемственность в использовании данного сакрального пространства для захоронений и совершения необходимых обрядов

сохранялась в течение очень длительного периода, охватывая разные исторические эпохи.

Благодарности. Авторы искренне признательны коллегам В. И. Завьялову и С. В. Хаврину за произведенный анализ отдельных категорий материала и ценные консультации; А. Блюене (A. Bliučienė), Р. Йонайтису (R. Jonaitis), М. М. Казанскому, Р. Спиргису (R. Spirgis), И. В. Стасюку — за помощь в подборе литературы и плодотворное обсуждение сюжетов, рассмотренных в статье.

- Аникович и др.*, 2008 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.
- Брянский клад...*, 2018 — *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; Вологда: Древности Севера, 2018 (PCM; Вып. 18). 562 с.
- Воронятов, Хомякова*, 2018 — *Воронятов С. В., Хомякова О. А.* Витые гривны с окончанием в виде петель // *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)* / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; Вологда: Древности Севера, 2018 (PCM; Вып. 18). С. 82–85.
- Завьялов и др.*, 2012 — *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.
- Еремеев, Дзюба*, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Исланова*, 1996 — *Исланова И. В.* О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Тверь: ТНИРЦ, 1996. Вып. 1. С. 11–17.
- Исланова*, 2016 — *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)* / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (PCM; Вып. 17). С. 136–220.
- Исланова*, 2019 — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах
- Верхней Волги и Верхней Мсты: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / ИА РАН. М.: ИА РАН, 2019. 338 с.
- Карро*, 2011 — *Карро К.* Каменные могильники Ала-соо и Лахепера вблизи западного побережья Чудского озера // *АиИПиПЗ*. М.; Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 27 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 57-го заседания). С. 182–189.
- Кузьминых*, 1983 — *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых, Чижевский*, 2014 — *Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // *Поволжская археология*. Казань, 2014. № 3 (9). С. 101–137.
- Кулешов*, 2005 — *Кулешов В. С.* Памятники культуры tarandgräber на Северо-Западе Европейской части России // *Альманах молодых археологов*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 183–198.
- Лопатин, Фурасьев*, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (PCM; Вып. 8). 252 с.
- Минасян*, 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // *АСГЭ*. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 68–74.
- Михайлова*, 2017 — *Михайлова Е. Р.* Городище на Втырке // *ÉLITE OU ÉGALITÉ: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом Бранко, 2017. С. 261–282.
- Михайлова*, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Носов, Плохов*, 2016 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее //

- Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (ПСМ; Вып. 17). С. 349–394.
- Платонова, 1996 — Платонова Н. И. О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: б. и., 1996. С. 9–12.
- Платонова, 2002 — Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 181–195.
- Платонова и др., 2007 — Платонова Н. И., Желгова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 142–194.
- Платонова, 2021 — Платонова Н. И. «Предпочные» и сопочные погребальные древности в верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // Записки ИИМК. 2021. № 25. В печати.
- Розенфельдт, 1982 — Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 180 с.
- Свеженцев, 1997 — Свеженцев Ю. С. Радиоуглеродная хронология в археологии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии / Отв. ред. А. А. Сеницын, Н. Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН; АкадемПринт, 1997. С. 11–15.
- Сениченкова, 2014 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 346–360.
- Сорокин, Юшкова, 2014 — Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // АиИПИПЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. Вып. 29 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 59-го заседания). С. 312–322.
- Торопова, 2013 — Торопова Е. В. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2012 г. В 4 ч. // Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Ч. I, II: Текст; Ч. III, IV: Альбом иллюстраций и приложения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novsu.ru/archeology> (дата обращения 11.06.2020).
- Шаров, 2009 — Шаров О. В. Находки римской эпохи на Северо-Западе России // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 7–20.
- Шаров, 2010 — Шаров О. В. Римская фибула из Старой Ладоги // Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Łódź; Warszawa, 2010. Т. II. С. 607–630.
- Шмидехельм, 1955 — Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. 271 с.
- Шмидт, 2003 — Шмидт Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: б. и., 2003. 296 с.
- Шмидт, 2014 — Шмидт Е. А. Древности Смоленской земли. Материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014. 204 с.
- Юшкова, 2010 — Юшкова М. А. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (Die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е. Н. Носова / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–329.
- Юшкова, Кулешов, 2010 — Юшкова М. А., Кулешов В. С. Кёрстово 1 — новый могильник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов (этнокультурные контакты): Конференция 2 [ноябрь 2008 г.]. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2010. Ч. 1. С. 218–238.
- Bliujienė, 2013 — Bliujienė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai (Lietuvos archeologija, t. III). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2013. 752 p.
- Kulikauskienė, Rimantienė, 1958 — Kulikauskienė R., Rimantienė R. Senovės lietuvių papuošalai, I. Lietuvių liaudiesmenas, 4. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1958. 388 p.
- LAB, 1961 — Lietuvos Archeologijos Bruozai / Red. K. Jablonskis, P. Kulikauskas. Vilnius: Valstybine. Politines ir mokslines literaturos leidykla, 1961. 562 p.

- Lang*, 1996 — *Lang V.* Muistne Rävala. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1996. 629 s.
- Lang*, 2007 — *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: University of Tartu Press, 2007. 298 p.
- Latvijas PSR..., 1974 — Latvijas PSR arheoloģija / Археология Латвийской ССР / Red. A. Bironis, E. Murgurēvičs, Ā. Stubavs, E. Šnore. Riga: Zinātne, 1974. 374 lpp.
- Laul*, 2001 — *Laul S.* Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. — 500 p. Kr.). Tallinn: Ajaloo Instituut, Õpetatud Eesti Selts, 2001 (Muinasaja teadus, 9; Õpetatud Eesti Seltsi kirjad, 7). 278 p.
- The Curonians..., 2009 — The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data: Catalogue. Vilnius: Lietuvos nacionalitas muziejus, 2009. 462 p.
- The Semigallians..., 2005 — The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition: Catalogue. Vilnius: Lietuvos nacionalitas muziejus, 2005. 240 p.
- Šnore*, 1930 — *Šnore R.* Dzelzs laikmeta Latviešu rotas adatas // Latviešu Aizvestures Materiāli / Prof. Fr. Balozā un prof. K. Strauberga redakcija. Riga, 1930. Lpp. 39–108, I–XXXI.
- Šnore*, 1993 — *Šnore E.* Agrā dzelzs laikmeta uzkalniņi Latvijas austrumu daļā. Riga: Zinātne, 1993. 112 lpp.
- Vaškevičiūtē*, 1987 — *Vaškevičiūtē I.* Jauneikių (Joniškio r.) V–XI a. kapinynas (5. Rankų papuošalai. Kiti dirbiniāi), Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija. 1987. T. 4 (101). P. 71–81.

Zapolye-3 — a site of the “pre-sopki” culture in the Upper Luga River region

N. I. Platonova, T. A. Zheglova

The paper analyses the evidence initially interpreted as a settlement site (Zapolye-3), revealed under sopka no. 4 near Peredolsky Pogost. The site was represented by a concentration of pits of an unclear purpose dug in the virgin soil, including pillar holes forming no structures. These complexes are neighbouring with flat-graves in small pits, uncovered also in the sub-kurgan area. Two pits with traces of burning are reliably dated to the early Middle Ages through results of ¹⁴C analysis and finds of pottery having parallels among the “pre-sopki” antiquities and the culture of the Pskov long barrows (PLB). One pit of an unclear cultural belonging is ¹⁴C dated broadly to ≈2nd century BC — early 3rd century AD. The majority of the pottery is concentrated in a complex dated narrowly to the 7th century AD. Particular forms of the pottery display analogies with the later (8th–10th century) ones suggesting a continuity of their evolution. From the topsoil outside the complexes, two finds typologically belong to the Roman period (2nd–3rd century AD) were retrieved. In one of the pits, an arrowhead of the Ananyino type was found in a secondary deposition. In general, the cultural layer here can be interpreted as either outskirts of some dwelling (economic) zone or as traces of ritual activities performed in the sacral zone of the cemetery. The second supposition seems more plausible because of the absence of remains of dwelling structures, practical sterility of the soil outside the pits, and the extremely wide chronological range of the finds. It seems appropriate to raise the question as to the continuity in the use of this sacral space during different epochs.

Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности

Е. Р. Михайлова¹

Аннотация. Курганные традиции захоронения I тыс. (культура псковских длинных курганов, возможный курган восточнолитовского типа, молодого-судские курганы, сопки) рассматриваются в сопоставлении с данными о бескурганных могильниках с кремациями. Многие детали погребального обряда обеих групп кремационных захоронений соответствуют друг другу (размещение кремированных останков россыпью, их неполнота, наличие коллективных захоронений, присутствие костей животных). Курганы с ингумациями древнерусского времени представляют собой качественно иное явление, часть древнерусской христианской культуры, распространявшееся вместе с другими культурными чертами от городских центров в сельскую местность.

Annotation. The funerary kurgan traditions of the 1st millennium (culture of the Pskov long barrows, a kurgan presumably of the East-Lithuanian type, Mologa-Suda kurgans, sopki) are considered in this paper in comparison with the data on unbounded cemeteries with cremations. Many features of the burial rite of the two groups of cremation burials are similar (scattered deposition of the cremated remains, their incompleteness, the presence of collective burials, the presence of animal bones). The kurgans with inhumations of the Old-Russian period demonstrate a qualitatively differing phenomenon as part of the Old-Russian Christian culture spreading, together with other cultural features, from urban centres to the rural localities.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, сопки, молодого-судские курганы, кремации, древнерусская культура.

Keywords: culture of the Pskov long barrows, sopki, Mologa-Suda kurgans, cremations, Old-Russian culture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-196-207

«Есть же памятники, где длинные курганы сочетаются с древнерусскими и даже с жальниками, вот собрала бы ты их как-нибудь и написала об этом», —

Наталья Вадимовна Хвоцинская — автору,
сколько-то лет назад

Курганные древности Северо-Запада активно исследуются со второй половины XIX в. (здесь можно назвать уже классические труды А. А. Спицына, Н. Е. Бранденбурга, Н. К. Рериха, В. Н. Глазова и многие другие) и часто представляются сравнительно хорошо изученной категорией памятников. Значительный вклад в изучение курганов внесла Н. В. Хвоцинская,

исследовавшая один из крупнейших некрополей Северо-Запада — Залахтовье (Хвоцинская, 2004) и ряд не столь крупных, но не менее интересных погребальных памятников (Хвоцинская, 1981, 1983, 1985, 1997; Попов, Хвоцинская, 2007; и другие работы). Изучавшиеся Н. В. Хвоцинской курганные могильники, как правило, сочетали в своем составе курганы с различной культурно-хронологической приуроченностью, что закономерно привело исследовательницу к постановке вопроса о взаимном соотношении и возможной преемственности различных погребальных традиций, в первую очередь — памятников культуры длинных курганов и позднейших древнерусских курганных кладбищ (Хвоцинская, 1997. С. 137; 2004. С. 145–146).

На Северо-Западе Русской равнины известны погребальные насыпи, связанные с несколькими

¹ Лаборатория археологии, ист. социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

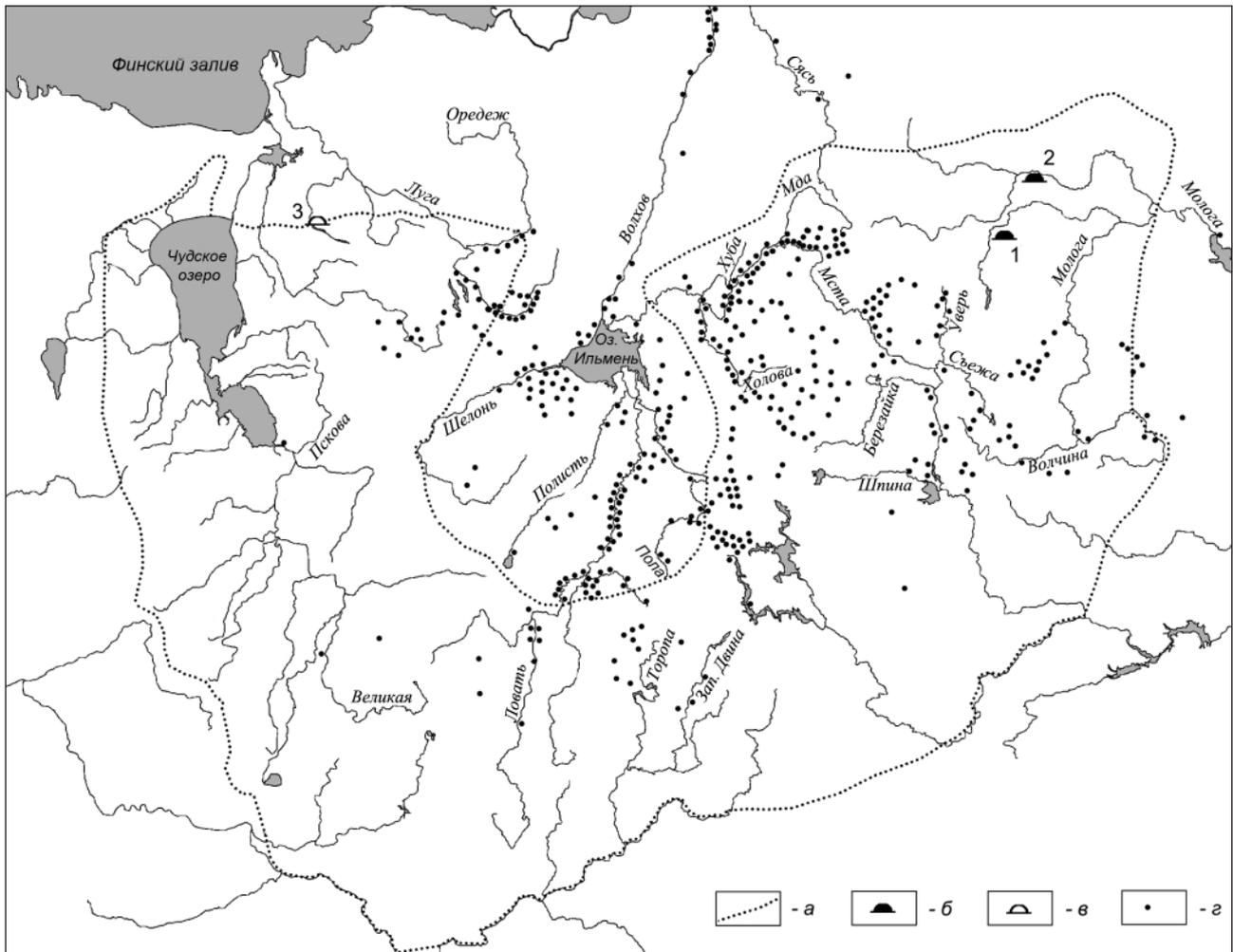

Рис. 1. Схематическая карта распространения курганных традиций в I тыс. на Северо-Западе Восточной Европы: 1 — Усть-Белая I; 2 — Чагода I; 3 — Доложский погост. Условные обозначения: а — граница ареала культуры псковских длинных курганов; б — раскопанные молого-судские курганы; в — восточнолитовский (?) курган; з — сопки; (Седов, 1982. Карта 9, с уточнениями автора)

Fig. 1. Schematic map of the spread of the kurgan traditions in the 1st millennium in the North-West of Eastern Europe: 1 — Ust-Belaya I; 2 — Chagoda I; 3 — Dolozhsky Pogost. Keys: а — the boundary of the area of the culture of Pskov long barrows; б — excavated Mologa-Suda kurgans; в — East-Lithuanian (?) kurgan; з — sopki burials (Седов, 1982. Карта 9)

культурно-хронологическими пластами (рис. 1). Охарактеризуем их кратко.

Подавляющее большинство курганных некрополей Северо-Запада второй половины I тыс. связаны с так называемой культурой псковских длинных курганов. Памятники этой культуры известны на обширной территории от Восточной Эстонии до Юго-Западного Белозерья, что в 1980-х гг. вызвало в археологической литературе появление расширительного термина «культура псковско-новгородских курганов» или даже «культура псковско-боровичских курганов» (см.,

например: Лебедев, 2001. С. 34). Другое название той же культуры — «культура ранних длинных курганов» — распространено в белорусской историографии (см., например: Штыхаў, 1999). Мы будем пользоваться общепринятым названием «культура псковских длинных курганов» (КПДК), подразумевая под ним не точную географическую привязку, а условное обозначение обширной группы древностей.

Самой заметной частью погребальной обрядности КПДК являются курганы различной формы и размера, хотя при раскопках курганных

групп неоднократно встречены и грунтовые захоронения, расположенные в межкурганном пространстве. Чаще всего встречаются насыпи следующих форм: длинные (валообразные) насыпи, удлиненные (длина которых незначительно превышает ширину), невысокие полусферические, низкие круглые в плане курганы значительного диаметра и такие же, но высокие, насыпи (сопковидные), а также «комбинированные» курганы, сочетающие 2–4 насыпи различной формы. Важная особенность курганов КПДК — этапность их сооружения: больше половины раскопанных курганов возведено в два или более этапов. В ходе реконструкции курганы увеличивались в длину или в высоту или приобретали вид «комбинированной» насыпи. То, что речь идет именно об отдельных этапах строительной истории конкретного кургана, а не о сложном порядке его сооружения, доказывается выкапыванием, по завершении каждого этапа, нового ровика вокруг его основания. План любого сложного кургана, таким образом, демонстрирует от двух до пяти ровиков, постепенно сооружавшихся вокруг первоначальной насыпи (подробнее см.: *Михайлова, 2009*) (рис. 2).

Другая важная особенность погребальной обрядности КПДК — расположение и состав захоронений. Все захоронения совершены по обряду кремации на стороне, места и способы их размещения в насыпи очень разнообразны. Кремированные останки могут быть положены в урну или перекрыты опрокинутым сосудом, помещены в грунтовую ямку или рассыпаны по поверхности насыпи, высыпаны на дно рва вокруг кургана. При этом к разным этапам одного и того же кургана может быть приурочено или одно захоронение, или несколько, или ни одного. Не менее разнообразен состав погребенных в каждом конкретном захоронении: среди определенных захоронений встречены не только индивидуальные, но и многочисленные коллективные (парные, женщины с ребенком или несколькими детьми, нескольких детей или нескольких взрослых), а также совместные захоронения человека с одним или несколькими различными животными, чаще всего с лошадьми (см., например: *Андреева, 1969; Попов, 2012; Черных и др., 2013. С. 462; Клещенко, 2016. С. 51–53; Михайлова, 2018. С. 176–178*).

Сложная погребальная обрядность КПДК, вероятно, соответствовала не менее сложному комплексу представлений, связанных с миром

ушедших, выразившемуся в разнообразии курганных насыпей, их неоднократной реконструкции, не выясненных пока закономерностях расположения захоронений внутри насыпи или рядом с ней.

У северо-восточного края области распространения КПДК, в бассейнах верхнего течения р. Молога и притока р. Шексна — Суды, А. Н. Башенькиным и М. Г. Васениной была изучена серия могильников, в состав которых входили курганы иной традиции (Чагода I, Усть-Белая I и др.). Подавляющее большинство молодого-судских курганов представляли собой невысокие (до 1 м) круглые в плане насыпи, окруженные кольцевыми рвами. Эти курганы также содержали многочисленные кремации, однако, в отличие от псковских длинных курганов, в курганах молодого-судских основная масса кальцинированных костей, перемешанных с углем и золой, залегала в виде сплошного слоя в основании насыпи. Аналогичные темные слои, насыщенные пережженными костями, были прослежены при раскопках домиков мертвых, входивших в состав тех же могильников. Две исследованные в бассейне верхнего течения р. Молога высокие («сопковидные») насыпи имели сложное строение и были возведены в несколько этапов, но большая часть захоронений в них также представляла собой слои кальцинированных костей на погребенной почве или поверхности промежуточной насыпи (*Башенькин, 1995. С. 12–20; Башенькин, Васенина, 2003. С. 15–19; Башенькин, Васенина, 2011*). Для захоронений в молодого-судских курганах характерно депонирование на место захоронения не всех сожженных останков, а лишь их части, коллективность захоронений, частое наличие костей животных (*Клещенко, 2016. С. 51–53*).

А. Н. Башенькин датировал раскопанные в бассейне р. Молога курганы первой половиной I тыс., отмечая параллели в позднесарматских и дьяковских памятниках, а также наличие вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей, и связывал появление курганов с культурными импульсами с юга, со стороны степи. В середине I тыс., с появлением в верхнем течении р. Молога памятников культуры псковских длинных курганов, прежнее население смещается к востоку, в бассейн р. Шексна, где оно продолжает хоронить своих умерших в аналогичных курганных могильниках вплоть до древнерусского времени (*Башенькин, 1995. С. 12–16, 19–20*).

На противоположной, западной, окраине ареала культуры псковских длинных курганов

известна подкурганная кремация, исследованная в 1891 г. Л. К. Ивановским близ Доложского погоста в бассейне среднего течения р. Луга (*Спицын*, 1896. С. 108–109). Сопровождавшие захоронение предметы вооружения и конского снаряжения могут быть сопоставлены с древностями Восточной Литвы; можно предположить, что и сама курганная насыпь была аналогична курганам восточнолитовского типа, однако сведений о ее внутреннем устройстве нет. Доложское погребение пока остается уникальным для Русской равнины комплексом и единственным к востоку от Чудского озера курганным памятником середины I тыс., не связанным с КПДК непосредственно (подробнее см.: *Михайлова*, 2018. С. 174).

Не позднее IX в. на территории Северо-Запада появляется новый тип земляных насыпей — сопки, высокие крутобокие насыпи, часто приуроченные к коренным берегам рек. Наиболее ранние памятники этого типа сосредоточены в Нижнем Поволжье (*Петренко*, 1994. С. 90; *Кузьмин*, 1997. С. 111); исследованные в остальных регионах сопки датируются в основном X в. (см., например: *Платонова*, 2002; *Кузьмин*, 2001; 2010). Сопки также имеют регулярную внутреннюю структуру, отличающую их от прочих высоких насыпей. Сопки возводились, как правило, на вырезанных из материка останцах-«платформах» и имели ярусное строение, причем нижний из ярусов представлял собой низкую плоскую насыпь. Основание насыпи окружалось каменной обкладкой или иными ограждениями, например отсыпанными из грунта валиками по краю «платформы». Ярусная насыпь сопки сооружалась вокруг центральной оси, обозначенной деревянным столбом (рис. 3). С. Л. Кузьмин сопоставлял такую ярусную конструкцию с вертикальной осью с архаичной моделью мироздания.

Погребения внутри сопочных насыпей единичны или вовсе отсутствуют, но раскопками второй половины XX в. выявлены неоднократные погребения, приуроченные к вершинам сопки. Эти погребения разнообразны: россыпи кальцинированных костей на вершине, поставленные друг на друга урны с пережженными костями внутри каменной конструкции, пристроенные друг к другу каменные «ячейки», крупный деревянный ящик. Вместе с человеческими останками в захоронениях на вершинах сопки часто встречаются кости животных и птиц (*Конецкий*, 1989. С. 141–144; *Петренко*, 1994. С. 44–68; *Кузьмин*,

1997. С. 108–112; 2001. С. 59–60; 2010. С. 123, 124; *Платонова*, 2002. С. 188–191).

Итак, известные нам на Северо-Западе курганные памятники, хотя и различаются деталями своей внутренней структуры и обрядности, обладают целым рядом общих черт. Все они представляли собой сложно упорядоченные комплексы — вероятно, места регулярного совершения ритуалов (по-видимому, не только погребально-поминальных). Кремированные на стороне останки зачастую переносились с места сожжения на место захоронения не полностью² и в то же время помещались на место захоронения вместе с кремированными останками других индивидов и животных, порой довольно многочисленными. Были ли эти погребения коллективными (то есть останки нескольких людей были сознательно похоронены совместно в течение короткого промежутка времени) или многократными (когда вновь принесенные останки подхоранивались в погребальное сооружение на протяжении длительного времени), установить сложно.

Перечисленные черты погребального обряда находят свое полное соответствие в бескурганных кремациях I тыс. н. э. в лесной полосе Восточной Европы. Задача найти и изучить кремации, не связанные с хорошо известными курганными традициями («третьи и четвертые типы памятников» — *Носов, Плохов*, 1991. С. 131), встала перед исследователями еще в конце прошлого века (*Лебедев*, 1982. С. 33; *Носов, Плохов*, 1991. С. 131; *Платонова*, 1996. С. 9–12; *Исланова*, 2016. С. 151–163). Полевые исследования конца XX — начала XXI в., действительно, выявили довольно многочисленные и разнотипные погребальные памятники, лишённые наземных признаков, причем не только на территории Северо-Запада России (см., например: *Wickholm*, 2005; *Вишневский, Новоселова*, 2010; *Allmäe*, 2013; *Потемкина и др.*, 2013; *Михайлова*, 2014; *Сыроватко*, 2014; *Бельский*, 2017; *Макаров и др.*, 2020). Вновь выявленные памятники характеризуются низкими или вовсе отсутствующими наземными сооружениями, последовательным помещением кремированных останков в одно

² Интересной иллюстрацией «частичности» погребений помимо наблюдений антропологов может служить курган 4 в могильнике КПДК Эосте-Тагаметса в Восточной Эстонии. В двух соседних погребениях — № 5 и 7 — были найдены обломки одной и той же сломанной накладки (*Аун*, 1984).

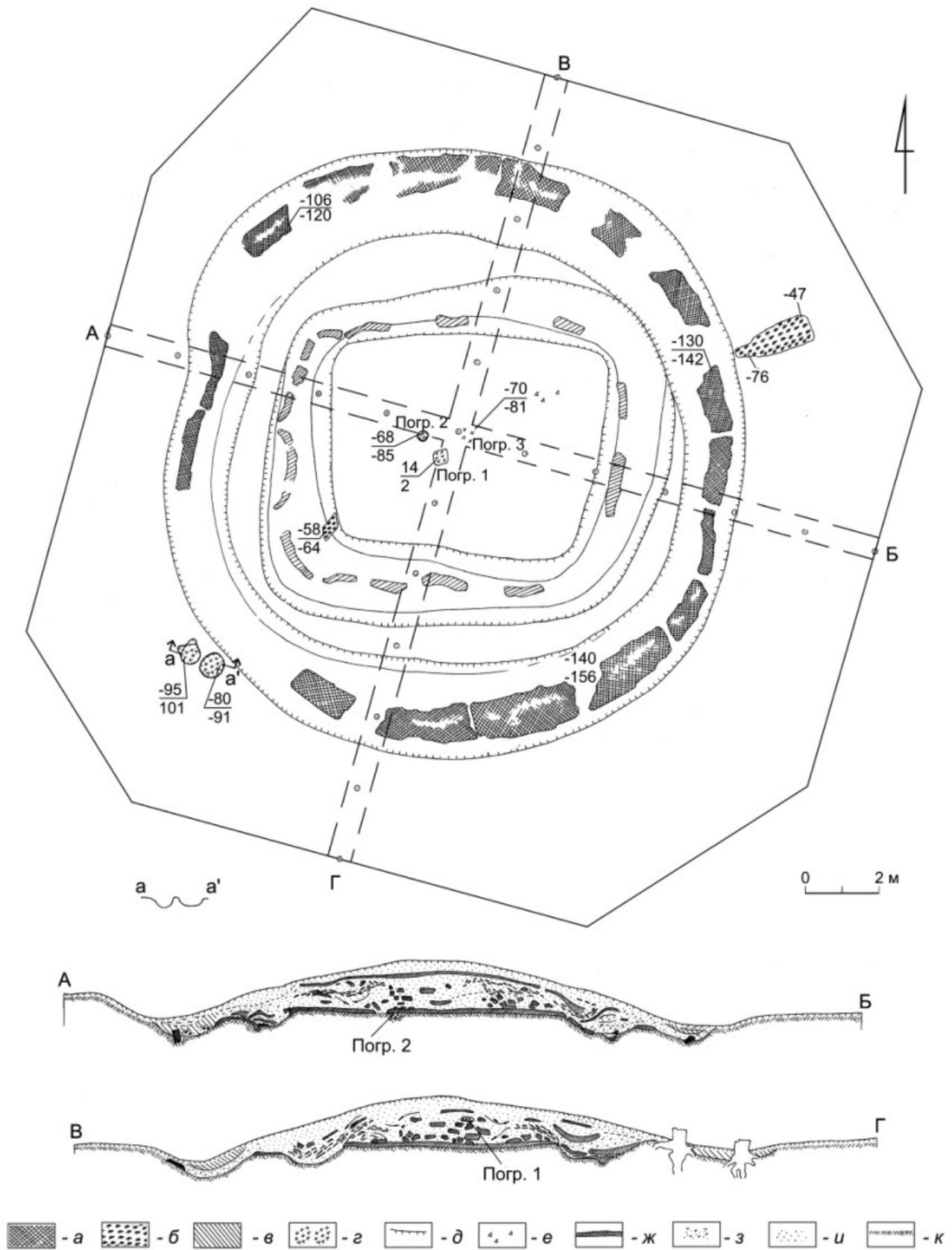

Рис. 2. Характерный пример кургана КПДК, сооруженного в два приема, сопровождавшегося грунтовыми захоронениями с внешней стороны ровика (Засобье II, курган № 2. Раскопки автора). Условные обозначения: *a* — древесный тлен; *б* — угли и углистый песок; *в* — темно-серый гумусированный песок (заполнение рва); *г* — кальцинированные кости; *д* — современный дерн; *е* — фрагменты лепной керамики; *ж* — темно-серый гумусированный песок (погребенный дерн на подкурганной площадке и фрагменты в насыпи); *з* — серо-желтый слабогумусированный песок; *и* — желтый песок насыпи; *к* — материк

Fig. 2. A characteristic example of a kurgan of the culture of Pskov long barrows constructed in two stages, with flat-grave burials on the external side of the ditch (Zasobyе II, kurgan no. 2. Excavation by the author).

Keys to the figure: *a* — rotten wood; *б* — charcoal and carbonaceous sand; *в* — dark-grey humic sand (fill of the ditch); *г* — calcined bones; *д* — modern topsoil; *е* — fragments of handmade pottery; *ж* — dark-grey humic sand (buried topsoil in the sub-kurgan area and fragments in the mound); *з* — grey-yellow slightly humic sand; *и* — yellow sand of the mound; *к* — virgin soil

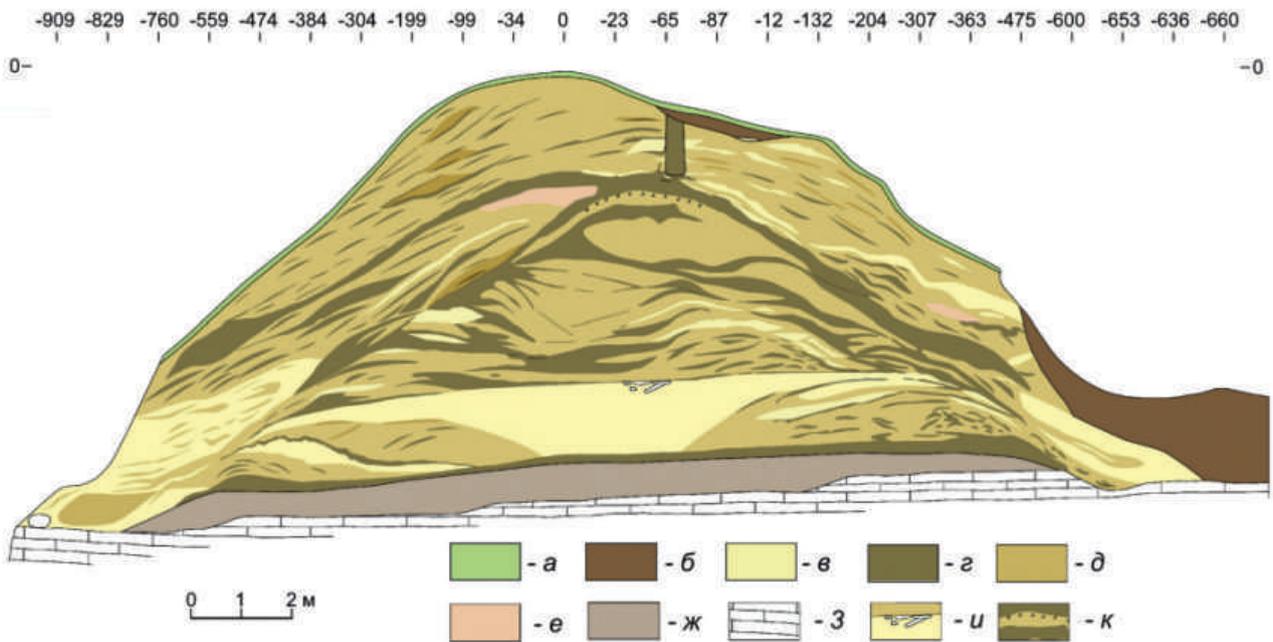

Рис. 3. Разрез трехъярусной насыпи сопки со следами центрального столба в верхнем ярусе (Новые Дубовики, сопка № 3. Раскопки С. Л. Кузьмина. Иллюстрация выполнена Д. Н. Мурзенковым по полевому чертежу Е. Р. Михайловой). Условные обозначения: *a* — современный дерн; *б* — заполнение перекопов XX в.; *в* — светло-желтый щебень; *г* — плотный гумусированный суглинок; *д* — серо-желтый мешанный щебень разных оттенков; *е* — красноватый щебень; *ж* — материковый суглинок; *з* — известняковая скала; *и* — развал каменных плит на поверхности нижней (из трех) насыпи; *к* — россыпь кальцинированных костей по вершине второй (из трех) насыпи

Fig. 3. Section of the three tier mound of a sopka with traces of the central pillar in the upper tier (Novye Duboviki, sopka no. 3. Excavation by S. L. Kuz'min. The illustration was executed by D. N. Murzenkov after the field drawing by E. R. Mikhaylova). Keys to the figure: *a* — modern topsoil; *б* — fill of the re-dug trenches of the 20th century; *в* — light-yellow gravel; *г* — dense humic loam; *д* — grey-yellow mixed gravel of different hues; *е* — reddish gravel; *ж* — virgin loam; *з* — limestone rock; *и* — scattered stone slabs on the surface of the lower (of the three) mound; *к* — scattered accumulation of calcined bones on the top of the second (of the three) mound

сооружение на протяжении длительного времени, наличием коллективных захоронений, наличием в составе кремаций костей не только человека, но и животных, часто — небольшим числом пережженных костей, свидетельствующим о неполном переносе останков с места кремации.

Успешные исследования существенно скорректировали прежние представления о погребальной обрядности. Давнее преимущественное внимание археологов к курганным древностям объясняет недостаток знаний не только о поселениях, но и о некурганных кремационных погребениях, которые, по-видимому, были распространены не меньше, чем захоронения, связанные с земляными насыпями. Возможно, мы только сейчас начинаем предметно изучать другие встречающиеся в древности формы захоронений. Не исключено, что накопленная к настоящему времени источниковая база неточно отражает действительное соотношение «давно выявляемых» погребальных памятников (в первую очередь связанных с земляными насыпями) и разнообразных рассыпных, вторичных и тому подобных кремаций, методика поиска и изучения которых, по существу, только нарабатывается. Все чаще выявляются остатки могильников с кремациями, находящиеся в природных условиях, не всегда привлекающих внимание археологов в процессе разведок. Тут можно назвать, например, захоронение Россонь XI, зафиксированное на низкой плоской террасе берега р. Россонь (*Mikhaylova et al.*, 2021), расположенный практически в пойме р. Луга могильник, частично сохранившийся под сопкой № 4 в комплексе Передольского погоста (*Платонова*, 1996. С. 10–11).

На этом фоне и следует рассматривать кратко охарактеризованные выше курганные традиции. Все они не связаны друг с другом непосредственно. Курганный обряд, судя по всему, несколько раз привносился на Северо-Запад Русской равнины из разных регионов и при разных обстоятельствах, и каждая из соответствующих традиций представляет собой обособленное явление (ср.: *Александров*, 1982). Важно подчеркнуть, что все курганные традиции захоронения как бы наслаиваются на уже существующую погребальную обрядность, усваивают некоторые ее элементы и сосуществуют с иными, некурганными погребальными памятниками.

Новацией на фоне прежних погребальных традиций в начале II тыс. стали так называемые древнерусские курганы — сравнительно небольшие

насыпи, сооруженные над одной или двумя могилами, с погребением по обряду ингумации. Распространение ингумаций, безусловно, следует связывать с крещением древнерусского населения и усилиями властей по внедрению новых норм поведения и ритуалов (см., например: *Макаров*, 1994; *Кузьмин*, 1995; *Мусин*, 2002; *Карпов*, 2008. С. 133–172; *Соболев*, 2015; ср. противоположное мнение: *Седов*, 1992; *Конецкий*, 1990).

Материалы наиболее полно раскопанных могильников свидетельствуют о том, что сложение новой обрядности было сложным и внутренне неоднородным процессом даже в пределах одного региона. Так, в Залахтовском могильнике подкурганным ингумациям в первой половине XI в. предшествовали ингумации в грунтовых ямах (*Хвоцинская*, 2004 С. 146–147). В комплексе Рапти-Наволока на двух соседних древнерусских кладбищах XI — начала XII в. одновременно сосуществовали разные варианты погребальных сооружений: наземные деревянные конструкции, курганы над могилами с деревянными перекрытиями и погребальная камера (подробнее см.: *Михайлова*, 2017). В комплексе памятников Которского погоста на каждом из расположенных рядом друг с другом синхронных курганных кладбищ курганы возводились по своему образцу: предварительно сооруженные низкие насыпи, в вершину которых впускались могилы (Которск IX); окруженные аморфными ямами для взятия грунта простые земляные насыпи над могилами (Которск XI); невысокие кольцевые стенки из дерна, окружавшие могилу и засыпанные внутри материковым грунтом (Которск III) (*Михайлова*, 2020. С. 443–444).

Можно предположить, что вариативность обряда — показатель его неустойчивости в период формирования, когда недавно крещеное население только вырабатывало способы погребения, подходящие вновь предписанным нормам. Новые предписания могли быть в первую очередь простым запретом хоронить так, как делалось раньше, без детализации новых норм. В тех могильниках, где соседствуют друг с другом кремационные захоронения и древнерусские курганы с ингумациями, проследить перерастание одного обряда в другой не получается, очевиден разрыв между ними. В ряде случаев удается отметить мелкие детали, косвенно свидетельствующие о принадлежности тех и других захоронений одной и той же группе населения. Так, курганы уже упоминавшегося могильника Которск IX

напоминают курганы КПДК, также возводившиеся заранее, до совершения захоронений. В могильнике Безьва II в одном из женских захоронений были встречены мелкие серебряные бляшки, по мнению Н. В. Хвоцинской, напоминающие бляшки-скорлупки КПДК (Хвоцинская, 1997. С. 137). Но более убедительны в этом отношении материалы соответствующих поселений, жизнь на которых не прерывалась.

Распространение в XI в. на Северо-Западе подкурганных ингумаций как основного вида погребений отмечает новый этап древнерусской культуры, для которого характерна определенная унификация всех сфер жизни. Это касается не только погребальной обрядности, но и общего облика материальной культуры. В течение X–XI вв. оформляется и широко распространяется узнаваемый комплекс бытовых предметов, инструментария, оружия и украшений, во многих отношениях восходящий к североевропейским и византийским образцам. Важной составляющей древнерусского комплекса является также круговая керамика характерных форм и орнаментации.

Круговая керамика, вещевой комплекс и обряд погребения по обряду ингумации, чаще всего под индивидуальными курганами, составляют наиболее яркие внешние черты древнерусской культуры, распространявшиеся одновременно и, по-видимому, из одних и тех же центров — ранних городов. Неслучайно наиболее ранние курганные кладбища, демонстрирующие к тому же процесс перехода от индивидуальных кремаций к ингумациям, представляют собой некрополи древнерусских городов (Пушкина, 2012). На территории Северо-Запада ранние курганные могильники или их следы обнаружены в Пскове, Изборске, Ладозе, Усвяте (Мальшева, 2012; Салмина и др., 2019; Седов, 1988; Кузьмин, Волковицкий, 2001; Еремеев, 2020). Исключением является Новгород, городской некрополь которого пока неизвестен. Выявленные недавно погребения в раскопе на ул. Обороны относились скорее к пригородному поселению, а наличие или отсутствие намогильных сооружений над ними установить не удалось (Исаев и др., 2018).

Таким образом, на территории Северо-Запада Русской равнины на протяжении всего I тыс. господствовал кремационный обряд погребения — вернее, многочисленные сходные обряды. Сожженные на стороне останки рассыпались по поверхности земли, помещались в материковые ямы либо культовые постройки. Общими чертами

этих погребений было перенесение с погребального костра лишь части сожженных останков, многократное использование мест захоронения, где скапливались в результате останки многих индивидов, наличие в кремациях кальцинированных костей животных. На этом фоне несколько раз в отдельных регионах возникали погребальные традиции, связанные с помещением останков в земляную насыпь. Курганные традиции захоронения формировались каждый раз в новых обстоятельствах и в новой культурно-исторической ситуации. Они не связаны друг с другом непосредственно, способ возведения и внутренняя структура курганов в них различны, хотя в каждой можно проследить определенные черты сходства или непосредственную связь с синхронными бескурганными памятниками. Эта картина не уникальна. Сходное чередование курганных и грунтовых способов захоронения можно отметить, например, юго-западнее, в ареале балтских культур (подробный обзор на русском языке: Седов, 1987).

Древнерусские подкурганные ингумации представляли собой качественно новое явление, отмечающее наступление нового исторического периода. Невысокие курганы, возведенные над индивидуальными или парными могилами, не ограничены каким-либо регионом, а представляли собой основной, массовый погребальный обряд населения Древней Руси начиная с XI в. Подкурганные ингумации распространяются совместно и одновременно с характерным древнерусским вещевым комплексом и круговой керамикой, вероятно, от городских центров в сельскую местность, отмечая окончательное оформление древнерусской культуры на огромной территории, прежде занятой разнородными локальными культурами и сообществами.

Распространение древнерусских курганных кладбищ связано с появлением нового комплекса религиозных представлений и серьезными изменениями в мировоззрении местного населения, и потому археологические материалы фиксируют не постепенное изменение погребальной традиции, а ее коренной слом. Это особенно очевидно на материалах тех довольно многочисленных комплексов памятников, где в составе одного могильника сочетаются насыпи КПДК и древнерусские курганы с ингумациями, а соответствующее могильнику поселение демонстрирует непрерывность жизни.

И, наконец, в ареале культуры псковских длинных курганов, преимущественно в Причудье, Плюсье и Повеличье, известно около 70 могильников, в составе которых насыпи КПДК сочетаются с позднейшими жальниками. При обращении к топографии этих памятников заметно, что разнотипные погребальные насыпи расположены не попеременно,

а занимают разные участки могильника, порой обособленные друг от друга. Здесь следует видеть результаты неоднократного освоения местности, когда новые поселенцы традиционно выбирали для своего кладбища возвышенный сухой участок, вероятно, уверенно определяя расположенные на нем древние курганы именно как погребальные сооружения.

- Александров*, 1982 — *Александров А. А.* Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. 1982. Вып. 171: Славяно-русская археология. С. 21–28.
- Андреева*, 1969 — *Андреева Е. Г.* Кости животных из курганов в окрестностях Вышнего Волочка // Экспедиции ГИМ: Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. / Ред. В. П. Левашова. М.: ГИМ, 1969. С. 189–199.
- Аун*, 1984 — *Аун М.* Курганные могильники Тагаметса и Сууре-Рысна // Известия АН ЭССР. Общие науки. 1984. Т. 33, № 4. С. 352–354.
- Башенькин*, 1995 — *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995 (Славяно-русские древности; вып. 3). С. 3–29.
- Башенькин, Васенина*, 2003 — *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже: Итоги исследований 1985–2002 гг. // Археология: история и перспективы. Первая межрегион. конф.: Сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2003. С. 11–21.
- Башенькин, Васенина*, 2011 — *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Могильник Чагода I и его место в кругу древностей раннего железного века // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. II. С. 8–10.
- Бельский*, 2017 — *Бельский С. В.* Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко, 2017. С. 90–115.
- Вишневский, Новоселова*, 2010 — *Вишневский В. И., Новоселова Т. Н.* Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. Вып. 6. С. 67–82.
- Еремеев*, 2020 — *Еремеев И. И.* Новый этап исследования средневекового Усвята // Экспедиция працягласцю ў жыццё. Актуальныя пытанні археалогіі і нумізматыкі Беларусі і сумежных рэгіёнаў. Памяці беларускага археолога і нумізмата Аляксандра Мікалаевіча Плавінскага (1952–2019 гг.). Мінск: б. и., 2020. С. 697–713.
- Исаев и др.*, 2018 — *Исаев А. А., Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Великий Новгород. Софийская сторона (ул. Обороны, д. 2) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: Материалы спасательных археологических исследований / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. Т. 25. С. 124–131.
- Исланова*, 2016 — *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 136–220.
- Карнов*, 2008 — *Карнов А. В.* Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб.: Алетейя, 2008. 179 с.
- Клещенко*, 2016 — *Клещенко Е. А.* Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тыс. н. э. (Опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 36–58.
- Конецкий*, 1989 — *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 140–149.
- Конецкий*, 1990 — *Конецкий В. Я.* О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли в эпоху средневековья (по данным археологии) // НиНЗИИА. Новгород: б. и., 1990. Вып. 3. С. 76–78.

- Кузьмин*, 1995 — *Кузьмин С. Л.* Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конф. / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: б. и., 1995 (Археологические изыскания; вып. 26). Ч. 1. С. 87–90.
- Кузьмин*, 1997 — *Кузьмин С. Л.* Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской: Материалы к чтениям / Ред. Д. И. Мачинский. СПб.: б. и., 1997. С. 108–112.
- Кузьмин*, 2001 — *Кузьмин С. Л.* Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. СПб.: б. и., 2001. № 1 (Спец. вып.: Археология). С. 56–62.
- Кузьмин*, 2010 — *Кузьмин С. Л.* Оредежские сопки // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 119–132.
- Кузьмин, Волковицкий*, 2001 — *Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И.* К вопросу о некрополе Старой Ладоги // Вестник молодых ученых. Исторические науки. СПб.: б. и., 2001. № 1 (Спец. вып.: Археология). С. 44–51.
- Лебедев*, 1982 — *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 29–39.
- Лебедев*, 2001 — *Лебедев Г. С.* Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 31–58.
- Макаров*, 1994 — *Макаров Н. А.* Первые христиане или последние язычники? // Кириллов: Историко-краеведческий альманах / Гл. ред. Ф. Я. Коновалов. Вологда: Русь, 1994. Т. 1. С. 67–80.
- Макаров и др.*, 2020 — *Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В.* Средневековый могильник Шекшово: «Владимирские курганы» в свете новых полевых исследований // РА. 2020. № 4. С. 121–140.
- Мальшиева*, 2012 — *Мальшиева Н. Н.* Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова. По материалам раскопов на территории Среднего города / Отв. ред. И. К. Лабутина. С. 26–90.
- Михайлова*, 2009 — *Михайлова Е. Р.* О деталях строения насыпей и структуры некрополей культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск, 2009. Vol. V. С. 75–88.
- Михайлова*, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Бескурганная могильника близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура: Тез. конф. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова*, 2017 — *Михайлова Е. Р.* Погребальные памятники комплекса Рапти-Наволоки: О сложении и развитии древнерусской обрядности // АВСЗ. Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 7 С. 19–29.
- Михайлова*, 2018 — *Михайлова Е. Р.* «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорюльского / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: БГУ, 2018. С. 173–184.
- Михайлова*, 2020 — *Михайлова Е. Р.* Древнерусские курганы могильника Которск IX // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: ВАШ, 2020. С. 433–447.
- Мусин*, 2002 — *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 272 с.
- Носов, Плохов*, 1991 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М., 1991. С. 117–149.
- Петренко*, 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука, 1994. 137 с.
- Платонова*, 1996 — *Платонова Н. И.* О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Европа.

- Вторые чтения памяти Анны Мачинской: Материалы к чтениям / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: б. и., 1996. С. 9–12.
- Платонова, 2002 — Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 181–195.
- Попов, 2012 — Попов С. Г. Курганы второй половины I тысячелетия н. э. могильника Сторожинец (исследования 1998–1990 гг.) // *Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist*. Tallinn; Värskä, 2012. Lk. 90–139.
- Попов, Хвоцинская, 2007 — Попов С. Г., Хвоцинская Н. В. Некоторые итоги изучения Гдовского района (К 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // АиИПиПЗ. Псков, 2007 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы ЛП заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева). С. 199–216.
- Потемкина и др., 2013 — Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А. Соколова Пустынь — новый погребальный памятник позднелужицкого времени // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 260–266.
- Пушкина, 2012 — Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. (несколько предварительных наблюдений) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова. По материалам раскопок на территории Среднего города / Отв. ред. И. К. Лабугина. С. 5–25.
- Салмина и др., 2019 — Салмина Е. В., Салмин С. А., Белоус В. А., Косовец К. С., Фисенко А. В., Щукина Т. А. Возвращение через 105 лет: раскопки 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2019 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Вып. 34: Материалы 64-го заседания (2018 г.)). С. 25–39.
- Седов, 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Седов, 1987 — Седов В. В. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987 (Археология). С. 353–420.
- Седов, 1988 — Седов В. В. Погребальные памятники Изборска // Археологический памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. Методические материалы к «Своду памятников истории и культуры СССР» / Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 91–106.
- Седов, 1992 — Седов В. В. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. 1992. Вып. 208: Средневековая археология Восточной Европы. С. 3–11.
- Соболев, 2015 — Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21. С. 352–367.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1896 (МАР; № 20). 123 с.
- Сыроватко, 2014 — Сыроватко А. С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.
- Хвоцинская, 1981 — Хвоцинская Н. В. О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 34–37.
- Хвоцинская, 1983 — Хвоцинская Н. В. Новые данные о погребальных памятниках западных районов Новгородской земли // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 42–43.
- Хвоцинская, 1985 — Хвоцинская Н. В. Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий: Сб. ст. / Ред. Ю. Селиранд. Таллин: АН ЭССР, 1985. С. 168–178.
- Хвоцинская, 1997 — Хвоцинская Н. В. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Докл. Рос.-финлянд. симп. по вопросам археологии (1994 г., Выборг) / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 123–138.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 (Тр. ИИМК РАН; вып. VI). 428 с.
- Черных и др., 2013 — Черных И. Н., Олейников О. М., Исланова И. В. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989–1990 гг.) // ТАС. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9 / Под ред. И. Н. Черных. С. 445–481.
- Штыхаў, 1999 — Штыхаў Г. В. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII стст.) // Археалогія Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 1999. Т. 2: Жалезны век і ранняя сярэднявечча / Рэд. В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. С. 376–383.

Allmäe, 2013 — *Allmäe R.* Observations on Estonian Iron Age cremations // *Archaeologia Baltica*. 2013. Vol. 19. P. 31–47.

Mikhaylova et al., 2021 — *Mikhaylova E. R., Shirobo-
kov I. G., Shmelev K. V., Danilov G. K., Kriiska A., Gera-
simov D. V.* Buried in the dunes: Migration Period cre-
mation Rosson 11 in the Narva-Luga Klint Bay // *Est-
onian Archaeological Journal*. 2021. Vol. 25, 1. P. 32–54.

Wickholm, 2005 — *Wickholm A.* The cremation cem-
eteries under flat ground — a representative of
what? // *Linzer Gespräche zur interpretativen Eisen-
zeitarchäologie. Studien zur Kulturgeschichte von
Oberösterreich (Folge 18)* / Eds. R. Karl, J. Leskovar.
Linz: Oberösterreichischen Landesmuseum, 2005.
P. 31–40.

Kurgan traditions of the North-West of the Russian Plain: the problem of the evolution and continuity

E. R. Mikhaylova

In the North-West of the Russian plain, there are known funerary mounds with cremations of the 1st millennium AD connected to a number of cultural and chronological horizons. These are monuments of the culture of Pskov long barrows, kurgans on the Mologa and Suda rivers, a tumulus of, presumably, the East-Lithuanian type in the basin of the Luga River (Dolozhsky Pogost) and sopki (monumental tumuli). These installations, although they differ in details of their internal structure and rite, possess quite a number of common features — these are complicatedly ordered complexes related with performing of rituals. The remains cremated aside frequently were incompletely transferred from the place of cremation to the place of their interment and were placed into the burial together with the remains, occasionally fairly numerous, of other individuals and animals. It is difficult to define whether these burials were collective (i. e. the remains of several individuals were intentionally interred jointly over a brief span of time) or repeated (where the transferred remains had been intruded into the funerary structure during a long period).

The features of the funerary rite mentioned above find complete correspondence with the unrounded cremations of the 1st millennium AD in the forest zone of East Europe. Field archaeological investigations of the late 20th — early 21st century have revealed fairly numerous and diverse funerary monuments devoid of surface signs, moreover they all are situated within the territory of the entire forest zone of East Europe, including its north-western part. The newly revealed sites are characterized by low or totally absent surface installations, sequential deposition of the cremated remains into a single structure over a long period, the presence of collective burials, the occurrence of not only human skeletal remains but also animal bones in the composition of the cremations, often with only a slight number of calcined bones suggesting an incomplete transference of the remains from the place of cremation.

The kurgan rite was evidently several times independently introduced in the North-West of the Russian Plain from different regions and in different circumstances with each of the corresponding traditions representing a separate phenomenon. All the kurgan traditions of the burials of the 1st millennium AD seem to have been superimposed onto the already existing funerary rite, absorbed some of its elements and coexisted with other, unrounded, burial monuments.

In the early 2nd millennium, the so-called Old-Russian kurgans became a novelty at the background of the previous funerary traditions. These were relatively small mounds constructed over one or two graves with interments in the inhumation rite. The distribution of sub-kurgan inhumations as the main type of burials throughout the North-West in the 11th century was related with the establishment of the Christianity and marked a new stage of the Old-Russian culture. Its main feature, besides the wide distribution of graves in the rite of inhumation (most often under individual barrows), included the appearance of a characteristic complex of grave goods and forms of wheelmade pottery uniform throughout practically the entire territory of Rus'.

Мисковидные формы лепной керамики Труворова городища

Н. В. Лопатин¹

Аннотация. В статье систематизируются миски и горшки-миски из набора лепной керамики Изборского (Труворова) городища. Выделено 8 типов, из которых три объединяют привозные сосуды. Определен круг аналогий и основания датировки. Делается вывод, что относительно высокая доля мисковидных сосудов среди лепной керамики памятника (10 %) объясняется влиянием прибалтийско-финских культур на местное гончарство.

Annotation. This paper systematizes bowls and pots/bowls from the collection of handmade pottery from the Izbornsk Gorodishche (Truvor's Hillfort). Eight types have been distinguished, of which three comprise imported ware. In the paper, the circle of analogues and the foundations for dating have been established. The conclusion has been drawn that the high ratio (10 percent) of bowl-like vessels among the handmade pottery from the site under consideration is explained by the influence of Baltic-Finnic cultures upon the local pottery-making.

Ключевые слова: Изборск, лепная керамика, миска, орнамент, эпоха викингов, прибалтийские финны, латгалы.

Keywords: Izbornsk, handmade pottery, bowl, decoration, Viking Age, Baltic Finns, Latgalians.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-208-218

Лепной керамике Изборского (Труворова) городища посвящен ряд исследований (Седов, 1978; 2007. С. 77–84; Белецкий, 1979; Лопатин, 2006; 2007. С. 217–221). В этих работах представлена типология керамических форм, обсуждаются их хронология и этнокультурное происхождение. Присутствие мисковидных сосудов кратко отмечалось В. В. Седовым. Более подробно их типологию рассмотрел С. В. Белецкий в диссертации о керамике Псковской земли в целом. Некоторые дополнительные наблюдения сделаны в публикациях Н. В. Лопатина.

Шкала общей пропорциональности сосудов на основе показателя отношения высоты (Н) к наибольшему диаметру (D_{\max}) разработана А. А. Бобринским и Ю. Б. Цетлиным (Цетлин, 2018. С. 128–130). К «мисковидным» отнесены сосуды с показателем менее 0,3535, к «горшкам-мискам» — до 0,7069. Согласно этому критерию, среди реконструированных форм, отобранных здесь из публикации С. В. Белецкого (рис. 1), к мискам

должны быть причислены только пять экземпляров (рис. 1, 3, 4, 6–8), остальные — к горшкам-мискам. Однако представляется, что данный набор изборских сосудов более естественно делится на рубеже около 0,55. В этом случае к горшкам-мискам относим четыре изделия (рис. 1, 12–15), остальные — к мискам; пограничные пропорции имеет сосуд № 11.

При отборе материала для нашей темы невозможно применить числовой критерий, поскольку коллекция керамики в большинстве своем состоит из фрагментов. Поэтому здесь к мисковидным отнесены те экземпляры верхних частей сосудов, которые позволяют графически реконструировать относительно низкие раскрытые формы, включая горшки-миски, которые можно назвать также высокими мисками.

С. В. Белецкий в свое исследование включил материалы раскопок Труворова городища 1971–1975 гг., поэтому для моей работы была в первую очередь определена коллекция более поздних полевых сезонов. К настоящему времени осмотрены материалы, полученные в 1976–1978 и 1981–1991 гг.

¹ Отдел научной информации и подготовки публикаций, Институт археологии РАН; ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2, г. Москва, Россия.

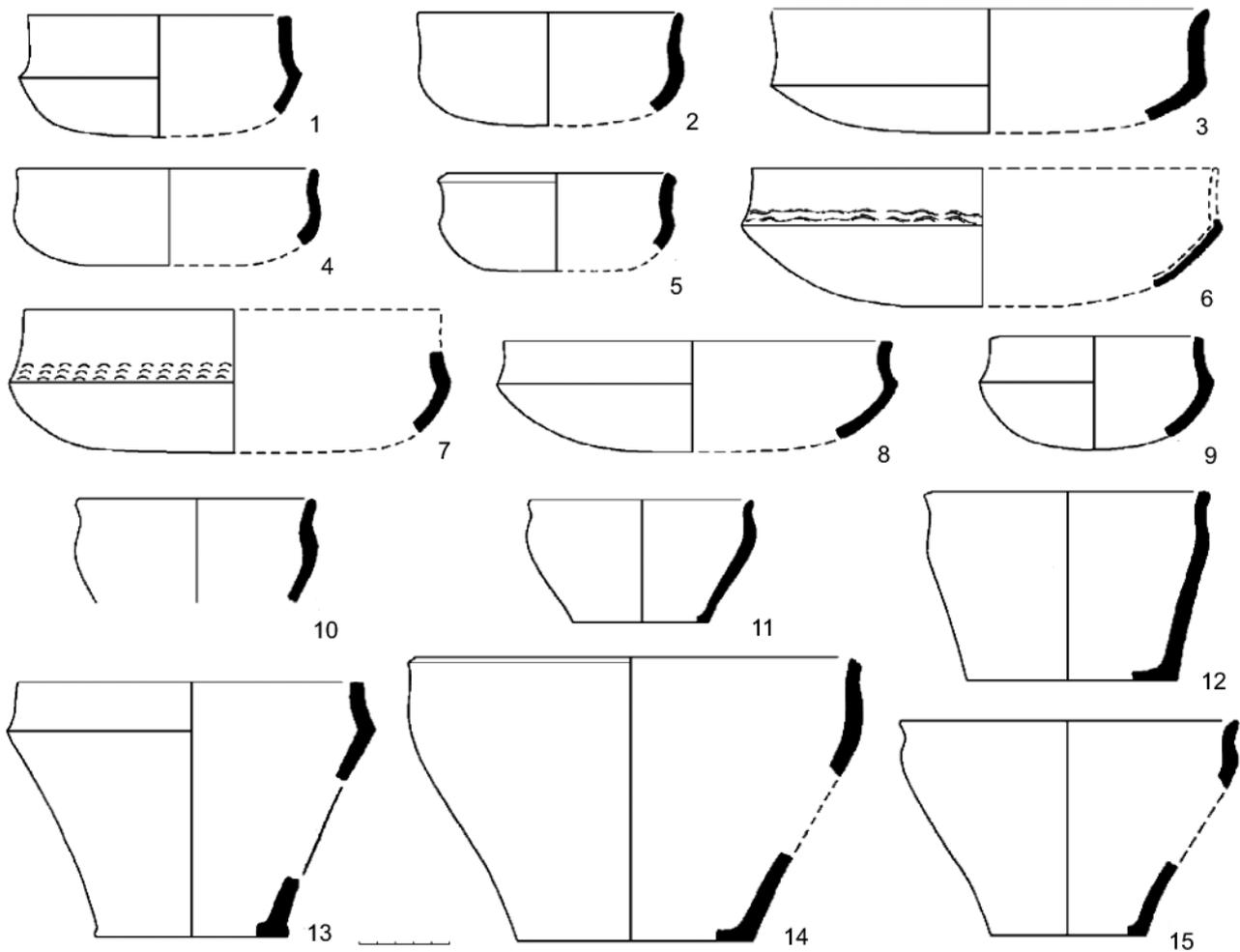

Рис. 1. Миски (1–11) и горшки-миски (12–15) Труворова городища (Белецкий, Лесман, 2003–2004. С. 520–522): 1 — 1972-Д-45-пл.5; 2 — 1974-П-54-пл.4; 3 — 1973-Х-45-пл.4; 4 — 1972-М-44-пл.5; 5 — 1971-Г-39-пл.4; 6 — 1971-К-41-пл.4; 7 — 1971-О-39-пл.3; 8 — 1972-В-42-пл.5; 9 — 1972-А-45-пл.5; 10 — 1972-уч-6-яма-2; 11 — 1971-уч. 2; 12 — 1975-Ж-12-пл.7-8; 13 — 1972-В-42-пл.6; 14 — 1972-У-46-пл.5; 15 — 1971-О-38-пл.5

Fig. 1. Bowls (1–11) and pots/bowls (12–15) from Truvor's Hillfort (Белецкий, Лесман, 2003–2004. С. 520–522): 1 — 1972-Д-45-пл.5; 2 — 1974-П-54-пл.4; 3 — 1973-Х-45-пл.4; 4 — 1972-М-44-пл.5; 5 — 1971-Г-39-пл.4; 6 — 1971-К-41-пл.4; 7 — 1971-О-39-пл.3; 8 — 1972-В-42-пл.5; 9 — 1972-А-45-пл.5; 10 — 1972-уч-6-яма-2; 11 — 1971-уч. 2; 12 — 1975-Ж-12-пл.7-8; 13 — 1972-В-42-пл.6; 14 — 1972-У-46-пл.5; 15 — 1971-О-38-пл.5

В классификации С. В. Белецкого выделены, во-первых, миски среди грубой керамики (рис. 1, 10, 11, 14, 15) — «конические приземистые сосуды с намеченными плечиками, широким дном, максимальным расширением, приходящимся на венчик; высота менее диаметра венчика в полтора-два раза» (Белецкий, 1979. С. 37, 349). Во-вторых, среди «парадной» керамики выделено три типа чаш (которые по пропорциям также следует отнести к мисковидным формам): округлобокие (рис. 1, 2, 4, 5), ребристые (рис. 1, 1, 3, 6–9) и воротничковые (Там же. С. 38, 358). В общем виде

эта классификация не вызывает возражений, но требует развития и уточнения.

В нижеследующем описании типов и отдельных экземпляров уже не будем касаться вопроса, насколько правомерно деление всех низких раскрытых сосудов на миски и чаши, поскольку, как увидим, четкую границу между ними указать сложно. Оставляем условно один общий термин — миски. В подрисуночных подписях указаны последовательно: полевой паспорт (год раскопок, квадрат, пласт, объект); музейный инвентарный номер (коллекция хранится в Музее-заповеднике

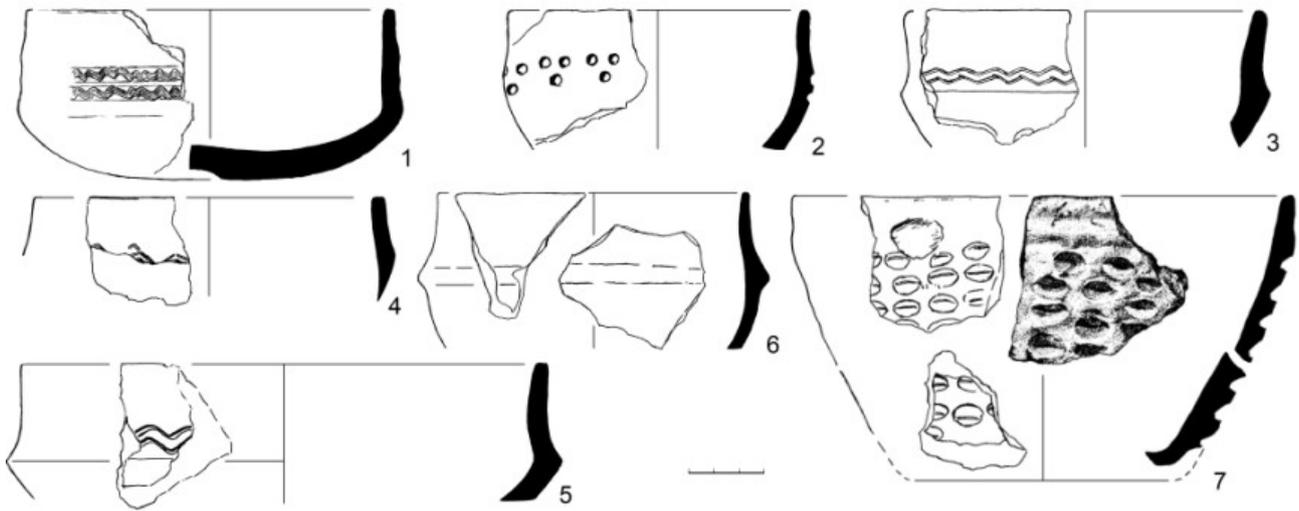

Рис. 2. Привозные миски Труворова городища: 1, 2 — тип 1; 3–6 — тип 2; 7 — тип 8: 1 — 1975-Е-10-пл.6-канавка; № 619; лощеная; 2 — 1978-О-23-пл.6-канавка; 332-1516; Д3; 3 — 1976-К-32-пл.5; 308-1853; Д2, лощеная; 4 — 1978-П-26-пл.5; 332-1171; Д2, лощеная; 5 — 1977-Л-28-пл.4; 310-1750; Д2, лощеная; 6 — 1973-К-48-пл.3-пл.5; 303-3287-4319; Д2, гладкая; 7 — 1978-Г-29, 3-31, И-28, К-26-28, Л-27, пл.5-6; 332-289, 350, 351, 556, 770, 882, 1133, 1647, 1648, 2742; Д6, Д9. Здесь и далее в подписях к рисункам указаны: полевой паспорт находки (год раскопок, квадрат, пласт, объект); музейный инвентарный номер; описание фрагмента — наибольший размер включений дресвы (Д, мм) и фактура поверхности (кроме основной массы грубой керамики)

Fig. 2. Imported bowls from Truvor's Hillfort: 1, 2 — type 1; 3–6 — type 2; 7 — type 8. 1 — 1975-E-10-пл.6-groove; № 619; polished; 2 — 1978-O-23-пл.6-groove; 332-1516; Д3; 3 — 1976-K-32-пл.5; 308-1853; Д2, polished; 4 — 1978-P-26-пл.5; 332-1171; Д2, polished; 5 — 1977-L-28-пл.4; 310-1750; Д2, polished; 6 — 1973-K-48-пл.3-пл.5; 303-3287-4319; Д2, smooth; 7 — 1978-G-29, 3-31, И-28, К-26-28, Л-27, пл.5-6; 332-289, 350, 351, 556, 770, 882, 1133, 1647, 1648, 2742; Д6, Д9. Here and below the legends specify: field registration certificate; museum inv. number and description of the fragment — the maximum size of the inclusions of crushed stone (Д, mm) and texture of the surface

«Изборск»); характеристика примеси (Д — дресва с наибольшим размером включений, мм), обработки поверхности. Заметим, что размер дресвы 2–3 мм, а также такие варианты обработки поверхности, как «лощенная», «гладкая», «ровная», являются признаками столовой, или «парадной», керамики. Грубая фактура, характерная для большинства лепной керамики памятника, специально не отмечалась. Все публикуемые фрагменты происходят из нижних горизонтов культурного слоя памятника (пласты 5, 6, углубления в материке; реже — пласты 3 и 4). В большинстве своем это горизонты с относительно чистыми наборами лепной керамики.

Тип 1. Округлобокие (не имеющие подчеркнутого ребра), круглодонные, верхняя часть прямая, вертикальная или наклонная внутрь. Три экземпляра без орнаментов зафиксированы С. В. Белецким (рис. 1, 2, 4, 5). В наших материалах представлен тремя экземплярами, каждый из которых уникален.

Один экземпляр (рис. 2, 1) имеет лощеную поверхность, пониженный перегиб тулова,

орнамент из двух поясков нерегулярной волны, нанесенной, вероятно, зубчатой щепкой в пределах двух пологих канавок, проложенных между едва заметными валиками. Наибольший диаметр — 15,2 см, высота 6,7 см. Фрагмент подобного по форме и орнаменту изделия происходит с городища Унипи́ха (Аун, 1992. Табл. XI, 9). В центре дна (но с небольшим отклонением от точного расположения по центральной оси) снаружи имеется углубление. Такая деталь отмечена на целом ряде округлодонных мисок (Шмидехельм, 1959. Табл. IV; Плохов, 2014. Рис. 2, 3), в том числе на городище Иру у мисок сходной профилировки (Tvauri, 2012. Fig. 31, 30–32). Предполагается, что она имеет отношение к технологии изготовления (Плохов, 2014. С. 240), но конкретной интерпретации пока нет. Возможно, объяснение этой детали другое: углубление делалось для придания сосуду устойчивости на плоскости. Если это так, то функционально углубление подобно «маленькому плоскому донцу в виде чуть заметного среза»,

наблюдаемому иногда у ребристых круглодонных чаш (Аун, 1992. С. 49), или рудименту кольцевого поддона, который также встречается в керамике типа Иру (*Tvauri*, 2012. Fig. 31, 39).

Вторая миска (рис. 2, 2) имеет короткий венчик и более глубокую нижнюю часть; круглодонность предположительна. Наибольший диаметр — 12,2 см, дресва до 3 мм. Орнамент — пояс треугольников вершинами вниз, составленных из трех неглубоких округлых ямок полукруглого сечения, — находит многочисленные аналогии на городищах и селищах Юго-Восточной Эстонии — Рыуге, Отепя, Унипиха (*Шмидехельм*, 1959. Табл. III, 5; Аун, 1992. С. 46, табл. VIII–XI).

Третья миска (*Лопатин*, 2012. Рис. 11, 4) — лощеная, светло-коричневая, орнаментирована тремя врезными горизонтальными линиями. Найдена в раскопе 1981 г. в пятом пласте, находится в постоянной экспозиции Музея-заповедника «Изборск». Аналогии: городище Отепя (Аун, 1992. Табл. XI, 12), городище Иру (*Mägi*, 2018. Fig. 6.1), могильники Заллахтове и Рагчино (*Хвоцинская*, 2004. Табл. XVIII, Б; XXXI, 1; *Стасюк*, 2011. Рис. 4, 1).

Тип 2. Ребристые круглодонные (рис. 2, 3–5). Верхняя часть профиля по ориентировке близка к вертикали, дугообразно переходит в заостренное ребро. Представлены мелкими фрагментами; о форме нижней части можно судить по многочисленным аналогиям на других памятниках и соседних территориях. Серия сосудов с орнаментом и без него, происходящих с сопредельных участков Труворова городища, опубликована С. В. Белецким (рис. 1, 1, 3, 6–9). В наших материалах представлен тремя экземплярами. Сосуды лощеные, включения дресвы — не более 2 мм. Намечаются два размерных стандарта — диаметрами 10–14 и 18–22 см, что соответствует двум типам (соответственно четвертый и третий второй группы) по классификации керамики М. Аун (Аун, 1992. С. 49).

Три фрагмента орнаментированы двухрядными врезными волной или зигзагом в верхней части (рис. 2, 3–5). Один из фрагментов не сохранил ребра (рис. 2, 4), но предположительно, по другим признакам, отнесен к этому типу. Такая орнаментация нечасто встречается в Юго-Восточной Эстонии и в ее пределах более характерна для северных городищ — Тарту, Унипиха (Аун, 1992. С. 50). При этом почти всегда волнистый орнамент сочетается с линейным, валиковым и ямочным (*Там же*. С. 46). Сочетания волн с горизонтальными линиями и валиками отмечены

на мисках этого типа из Ладоги и Рюрикова городища (*Плохов*, 2010. Рис. 1, 6; 2014. Рис. 2, 1–10), а также на керамике городища Пиллово-2 на Ижорской возвышенности, комплекс которого в целом сближается с североэстонским типом Иру (*Михайлова и др.*, 2016. Рис. 4; *Tvauri*, 2012. Fig. 31; 34). Зигзаг или волна без дополнительных элементов, но на округлобоких мисках, встретились в нескольких случаях в Старой Ладоге и Холопьем городке (*Плохов*, 2010. Рис. 1, 2, 3; 2014. Рис. 2, 12). Но наиболее точные аналогии изборским находкам происходят из могильника Луистари в юго-западной Финляндии (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. Pl. 21, 12; 57, G170, 3; 78, 13; 79, G292, 5). Отличия от подобной керамики Ладоги и Рюрикова городища свидетельствуют о том, что их происхождение связано с разными, хотя и родственными, регионами.

К данному типу можно отнести еще один сосуд, представленный двумя фрагментами, найденными в одном квадрате, хотя и на разной глубине (рис. 2, 6). Его поверхность гладкая, но выделана не столь тщательно, а ребро не заострено, а имеет вид валика — возможно, также по причине менее тщательной выделки. С. В. Белецкий реконструировал по этим фрагментам два сосуда (*Белецкий, Лесман*, 2003–2004. Рис. 6, 7, 8) и отнес их к отдельному типу воротничковых. Обращение к коллекции показало, что фрагменты весьма сходны по всем признакам, несмотря на разницу диаметра, реконструируемого по локальной кривизне дуги. Оттянутый валик сформован небрежно: на разных участках его сечение несколько различно. Два похожих сосуда происходят из юго-восточного Приладожья, где отнесены к импортам (*Спиридонов*, 1986. Рис. 2, 1, 2).

Тип 3. Ребристые с прямолинейной вертикальной верхней частью (рис. 3, 1, 2). Представлен двумя мелкими фрагментами, по которым можно судить о большом диаметре (22 и 26 см). Судя по наклону стенок ниже ребра, эти сосуды могли быть круглодонными, но уверенно судить об этом, как и об их высоте, невозможно.

Тип 4. Ребристые сосуды, по профилировке верхней части сходные с мисками типа 2, а по наклону стенок ниже ребра, скорее всего, представляющие собой горшки-миски с плоским дном вроде формы, реконструированной С. В. Белецким (рис. 1, 13). Представлены небольшой серией (рис. 3, 3–6), в которую входят экземпляры разных размеров, разного калибра дресвы (наибольший размер от 3 до 10 мм); поверхность бывает

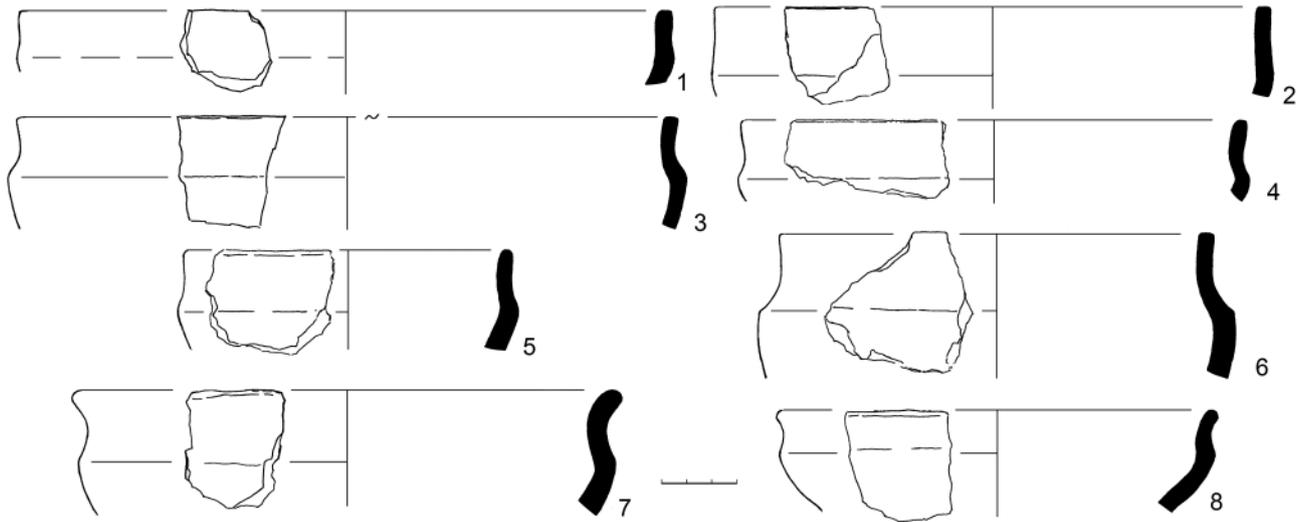

Рис. 3. Керамика Труворова городища: 1, 2 — миски (?) типа 3; 3–6 — горшки-миски типа 4; 7, 8 — миски типа 5: 1 — 1982-VIII-21-пл. 3; 1614-1309; Д5, гладкая; 2 — 1976-Н-34-пл.4; 308-1469; Д2, лощеная; 3 — 1982-VI-24-пл.4; 1614-1407; Д3, ровная; 4 — 1976-И-34-пл.6; 308-1664; Д3, горизонтальное заглаживание; 5 — 1976-3-33-пл.5; 308-1726; Д10; 6 — 1976-К-32-пл.5; 308-1847; Д5, ровная; 7 — 1976-Б-33-пл.4; 308-260; Д7; 8 — 1976-Б-34-пл.4; 308-611; Д3, горизонтальное заглаживание

Fig. 3. Pottery from Truvor's Hillfort: 1, 2 — bowls (?) of type 3; 3–6 — pots/bowls of type 4; 7, 8 — bowls of type 5. 1 — 1982-VIII-21-пл. 3; 1614-1309; Д5, smooth; 2 — 1976-Н-34-пл.4; 308-1469; Д2, polished; 3 — 1982-VI-24-пл.4; 1614-1407; Д3, equable; 4 — 1976-И-34-пл.6; 308-1664; Д3, horizontal smoothing; 5 — 1976-3-33-пл.5; 308-1726; Д10; 6 — 1976-К-32-пл.5; 308-1847; Д5, equable; 7 — 1976-Б-33-пл.4; 308-260; Д7; 8 — 1976-Б-34-пл.4; 308-611; Д3, horizontal smoothing

довольно ровной, иногда со следами горизонтального заглаживания.

Эти сосуды можно предположительно считать местными подражаниями подобным изделиям более тщательной выделки (Шмидехельм, 1959. Табл. III, 5, 6; Аун, 1992. Табл. X, 2, 4; Tvauri, 2012. Fig. 36), которые на памятниках Юго-Восточной Эстонии составляют единый набор с мисками типов 1 и 2. По классификации М. Аун, это вторая группа, первый тип (Аун, 1992. С. 48).

Тип 5. Раскрытые сосуды S-образного профиля, край венчика отогнут наружу (рис. 3, 7, 8; 4, 2–9). По профилировке сходны с большинством лепных горшков Труворова городища (Лопатин, 2007. Рис. 3), но наклон стенки в нижней части показывает резкое сужение к узкому дну. В некоторых случаях можно предполагать круглодонность (рис. 3, 8; 4, 3, 6). Отдельные экземпляры имеют укороченный и сильно профилированный край (рис. 4, 2, 6) или намеченное ребро на уровне плечика (рис. 3, 7, 8; 4, 5, 9). Детали профилировки нижней части одного из фрагментов свидетельствуют о том, что это придонный участок (рис. 4, 4); получаем реконструкцию целой формы

со следующими параметрами: $D_{\max} = 13,7$ см, $H = 6,5$ см, $d_{\min} = 9$ см. По признакам размерности дресвы и обработки поверхности в основном принадлежат к общей массе грубой лепной керамики памятника; лишь редкие экземпляры изготовлены более тщательно: дресва до 3–4 мм, горизонтальное заглаживание (рис. 3, 8; 4, 3, 5). На одном фрагменте имеется нагар, что свидетельствует о кухонном использовании (рис. 4, 7).

Учитывая оформление перегиба тулова в виде ребра, следует предполагать, что имело место местное подражание привозным мискам типов 1 и 2².

Тип 6. Отличается от типа 5 вертикальным расположением края венчика (рис. 5). Некоторые гипотетические реконструкции форм (рис. 5, 2, 3) заставляют предположить, что среди них есть горшковидные, хотя и относительно низкие.

² Согласно изысканиям А. А. Бобринского и Ю. Б. Цетлина, подражания мискам, выполненные мастерами, привычными к изготовлению горшков, имеют пропорции более высокие, чем прототипы (Цетлин, 2018. С. 130), однако применить это наблюдение к неполным формам нельзя.

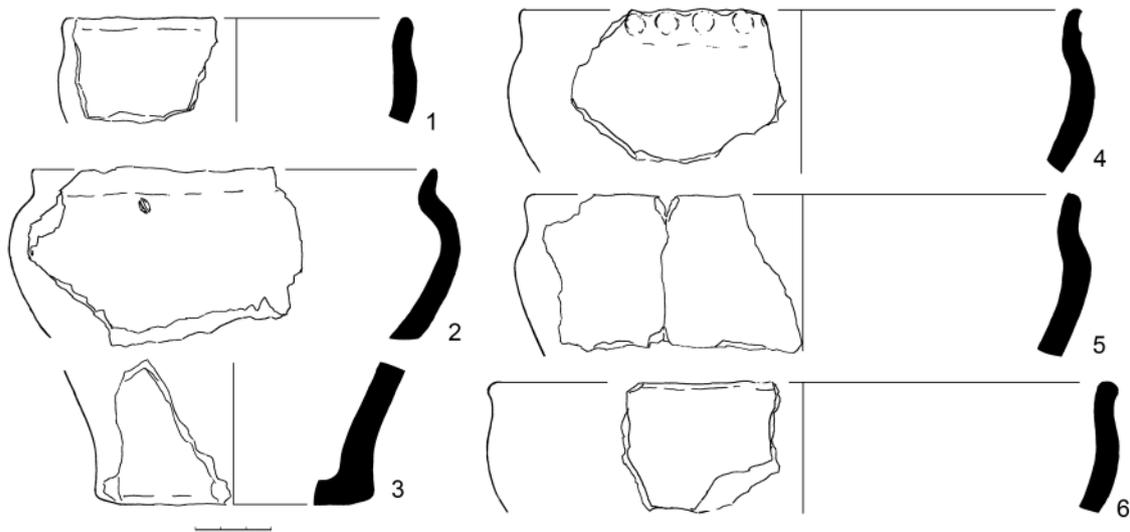

Рис. 5. Керамика Труворова городища: 1, 4–6 — миски типа 6; 2, 3 — гипотетическая реконструкция сосуда, в верхней части профилированного по типу 6: 1 — 1978-Ж-31-пл.5; 332-1104; Д5; 2 — 1978-Ж-28-пл.6; 332-943; Д6; 3 — 1978-Е-28-пл.5; 332-1005; Д6; 4 — 1981-VIII-IX-31-яма-23; полевой № 620; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-295; Д6; 6 — 1976-Ж-36-пл.6; 308-1614; Д6

Fig. 5. Pottery from Truvor's Hillfort: 1, 4–6 — bowls of type 6; 2, 3 — hypothetic reconstruction of the vessel profiled in the upper part as type 6: 1 — 1978-Ж-31-пл.5; 332-1104; Д5; 2 — 1978-Ж-28-пл.6; 332-943; Д6; 3 — 1978-Е-28-пл.5; 332-1005; Д6; 4 — 1981-VIII-IX-31-яма-23; field № 620; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-295; Д6; 6 — 1976-Ж-36-пл.6; 308-1614; Д6

встречается чаще (Аун, 1992. С. 47–48). Сходство этих мотивов декора заключается, помимо технологии нанесения пальцами гончара, в покрывании этими отпечатками в ряде случаев всей поверхности сосуда или ее значительной части. Отдельно мотив именно вдавлений отмечен для территории Латвии (Цимермане, 1980. С. 72–73) и Юго-Восточной Эстонии (Тваури, 2012. Р. 81). Целый сосуд реконструирован в коллекции с городища Асоте на Даугаве (Шноре, 1961. Рис. 154, 3); по профилировке и декору он похож на миску из Изборска, но имеет вытянутые горшковидные пропорции. Согласно недавней специальной публикации о керамике с ногтевыми и пальцевыми вдавлениями на территории Латвии и Литвы, наиболее близкие аналогии изборскому экземпляру локализуются в Латгалии и датируются концом I — началом II тыс. н. э. (Димпре, 2017. 3, 7, 8 att.). Спорадически такой же декор поверхности встречается на Северо-Западе России: в Старой Ладоге (вариант декора, очень похожий на изборский: Станкевич, 1951. Рис. 4, 3; 6, 1), Залахтовье (но здесь вертикальные защипы: Хвощинская, 2004. Табл. XLI, 16). По форме сосуда из Ладogi и Залахтовья сходны между собой (баночные,

с немного загнутым внутрь краем, что типично для керамики латгалов) и отличаются от изборского.

Типы 1, 2 и 8 объединяют предположительно привозные сосуды, из которых практически каждый экземпляр обладает своеобразием исполнения. Типы 1 и 2 связаны с прибалтийско-финскими землями, тип 8 — с балтскими, прежде всего с территорией латгалов. Типы 3–7 принадлежат местному гончарству, но часть их (3, 4 и, возможно, 5) в той или иной степени несет свидетельства подражания столовой посуде памятников Юго-Восточной Эстонии типа городища Рыуге.

По рассмотрении всех выявленных экземпляров можно вернуться к вопросу пропорциональности сосудов данной категории на основе нескольких достоверных реконструкций. У миски типа 1 (рис. 2, 1) $H : D_{\max} = 0,44$. Пропорции двух похожих мисок типов 5 (рис. 4, 4) и 7 (рис. 6, 4) соответственно: $H : D_{\max} = 0,47; 0,44$; $d_{\min} : D_{\max} = 0,66; 0,63$. Миска типа 8 более высокая и относительно узкодонная: $H : D_{\max} = 0,55$; $d_{\min} : D_{\max} = 0,56$. Хотя она инородна по происхождению, подобные пропорции, вероятно, свойственны и некоторым мискам местного производства (рис. 6, 6).

Необходимо обратить внимание на хронологический аспект присутствия сосудов типов 1 и 2 в нижнем горизонте культурного слоя памятника. В общем виде такая керамика относится к эпохе викингов. Однако есть целый ряд наблюдений, позволяющих говорить о более узкой хронологии. Так, миски с углублением в круглом днище на городище Иру относятся ко второй половине IX в. (Lang, 1996. S. 83). М. Аун указывает, что в рамках последней четверти I тыс. «более позднюю датировку орнаментированной керамики подтверждает ее наличие в верхних частях культурного слоя городища Рыуге⁴; на селище Унипиха — в комплексе находок IX–X вв.» (Аун, 1992. С. 51). В Северной Эстонии, из слоя железоделательной мастерской Тыдва с находками керамики данной группы, получена радиоуглеродная дата 890–1020 cal AD (95,4 %) (Kiudsoo et al., 2009. P. 100). Находки орнаментированных мисок подобных типов в Старой Ладоге и на Рюриковом городище относятся в большей мере к горизонтам X, чем IX века (Плохов, 2010. С. 176; 2014. С. 236–237). Миски типа 1 с линейным орнаментом найдены в Залахтовье и Ратчине в погребениях XI в. (Хвоцинская, 2004. С. 133; Стасюк, 2011. С. 93), в Луистари (Финляндия) — X в. (Лехтосало-Хиландер, 1979. Рис. 2, 6). В юго-восточном Приладожье сосуды типа 2 с валиком датируются не ранее X в. (Спиридонов, 1986. Рис. 2, 1, 2). В Луистари четыре миски типа 2, сходные по орнаменту с изборскими, происходят из комплексов раннего периода эпохи викингов — до 880 г., однако главным образом датированных по косвенным (топографическим) признакам (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 184). В погребениях Бирки и других могильников Средней Швеции круглодонные орнаментированные миски, входящие в группу АШ Д. Селлинг, датируются с середины IX до конца X в. (с преобладанием более поздних дат) и связываются происхождением с Юго-Западной Финляндией, где их хронология более широкая (Selling, 1955. S. 144–154). Таким образом, не претендуя на окончательность суждения, надо отметить, что рассмотрение этой категории сосудов скорее не подтверждает гипотезу (Белецкий, Лесман, 2003–2004) о запустении Труворова городища на протяжении X в.

Оценивая в целом место мискообразных форм в комплексе лепной керамики Труворова городища,

⁴ Согласно недавним исследованиям, радиоуглеродные даты верхнего слоя городища Рыуге захватывают первую половину X в. (Лиллак, 2010. С. 163).

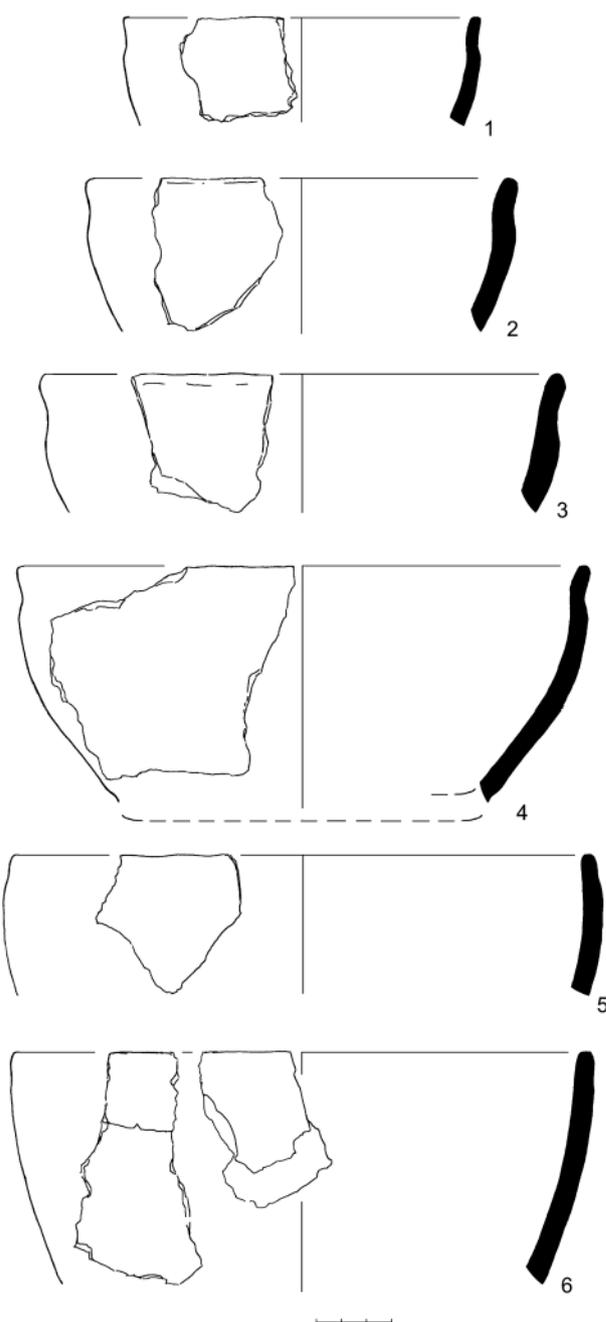

Рис. 6. Миски Труворова городища, тип 7: 1 — 1978-Ж-30-пл.5; 332-327; Д4; 2 — 1976-3-33-пл.5; 308-1829; Д6, горизонтальное заглаживание; 3 — 1976-3-33-пл.6; 308-1727; Д7; 4 — 1978-3-31-пл.6; 332-873; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-302; Д9; 6 — 1978-К-28-пл.5; 332-342, 343, 349; Д6

Fig. 6. Bowls from Truvor's Hillfort, type 7: 1 — 1978-Ж-30-пл.5; 332-327; Д4; 2 — 1976-3-33-пл.5; 308-1829; Д6, horizontal smoothing; 3 — 1976-3-33-пл.6; 308-1727; Д7; 4 — 1978-3-31-пл.6; 332-873; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-302; Д9; 6 — 1978-К-28-пл.5; 332-342, 343, 349; Д6

следует признать, что эта категория посуды представлена здесь более ощутимо, чем на синхронных памятниках Приильменя (Рюриково городище, Городок на Маяте) и днепро-двинского региона — Смоленск, Гнёздово, Витебск, Полоцк, Лукомль и др. (Плохов, 2005. С. 76; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 219, 1, 2; 272, 1, 5, 7; 335, 2; 337, 3; 338, 4; 358, 2; 371, 6, 8; Кренке и др., 2020. Рис. 8, 25, 37, 38). Серия мисковидных сосудов происходит из погребений культуры смоленско-полоцких длинных курганов белорусского Подвинья (Штыхаў, 1992. Мал. 34; Шмидт, 2008. Табл. 51, 1; 65, 1; 95, 8), однако погребальные комплексы дают искаженное представление о керамическом наборе в целом. Миски присутствуют среди лепной керамики Пскова (Белецкий, 1983. С. 52, рис. 7, 5, 8, 10; 9) и Старой Ладogi (Сениченкова, 2011. Рис. 1, ФVII; 2, ФI), но по публикациям сложно судить об их количестве или доле. Лепной керамический комплекс Городка на Ловати также содержит некоторое количество мисок, повторяющих в верхней части профилировку

горшков того же памятника; отдельные экземпляры сходны с изборскими (Горюнова, 2016. С. 27–28, рис. 75, 3; 77, 7, 8; 79, 1; 127, 1).

В данной статье представлено 35 фрагментов мисок всех типов (рис. 2–7). Общее число типологически определимых крупных фрагментов венчиков, выявленных в обработанной части коллекции, составляет 254. Соответственно, доля мисок — 13,8 %. Учитывая, что часть фрагментов, представленных здесь на рисунках, может принадлежать горшковидным сосудам, снижаем эту цифру ориентировочно до 10 %. Вероятно, не все представленные фрагменты принадлежат разным сосудам, но это в равной мере относится и к горшковидным формам. Следует предполагать, что значительное количество мисок среди лепной керамики Труворова городища отражает влияние соседних прибалтийско-финских культур⁵.

⁵ Благодарю коллег Алексея Плохова, Байбу Думпе и Роберта Спиргиса за ценные советы и помощь при подготовке статьи.

Аун, 1992 — Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: Олион, 1992. 200 с.

Белецкий, 1979 — Белецкий С. В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник. Культурная стратиграфия региона: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИА РАН. М., 1979. 456 с. // НОА ИА РАН. Р-2. № 2259.

Белецкий, 1983 — Белецкий С. В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 46–80.

Белецкий, Лесман, 2003–2004 — Белецкий С. В., Лесман Ю. М. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2003–2004. № 5: Мастера средневековья. С. 515–577.

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с.

Еремеев, Дзюба, 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Кренке и др., 2020 — Кренке Н. А., Еришов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В. Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Автор-

сост. Н. А. Кренке; отв. ред. Л. А. Беляев. М.; Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.

Лехтосало-Хиландер, 1979 — Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 81–92.

Лиллак, 2010 — Лиллак А. Новые датировки городища Рыуге // АИППЗ. Псков, 2010. Вып. 25 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 55-го заседания, 2009 г.). С. 162–164.

Лопатин, 2006 — Лопатин Н. В. О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа: Материалы II междунар. науч.-практич. конф. / Редкол. Е. В. Воронкова, С. А. Шеин. Изборск: б. и., 2006. С. 101–108.

Лопатин, 2007 — Лопатин Н. В. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2007. Вып. 22 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 52-го заседания). С. 217–231.

Лопатин, 2012 — Лопатин Н. В. Изборск // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 122–137.

Михайлова и др., 2016 — Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Втырка

- (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // АИППЗ. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. Вып. 31 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 61-го заседания, 2015 г.). С. 211–228.
- Плохов, 2005 — Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 74–81.
- Плохов, 2010 — Плохов А. В. Контакты населения Старой Ладogi с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 165–187.
- Плохов, 2014 — Плохов А. В. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks. Tallinn; Tartu: Tallinna Ülikooli ajaloo instituut; Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2014. С. 231–246.
- Седов, 1978 — Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М.: Наука, 1978. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 63–67.
- Седов, 2007 — Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
- Сениченкова, 2011 — Сениченкова Т. Б. Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало X в.) // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 26 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 56-го заседания, 2010 г.). С. 211–228.
- Спиридонов, 1986 — Спиридонов А. М. Лепная керамика юго-восточного Приладожья // КСИА. М.: Наука, 1986. Вып. 187: Славяно-русские древности. С. 23–28.
- Станкевич, 1951 — Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1951 Т. XV. С. 219–246.
- Стасюк, 2011 — Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато в 2009 г. // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 26 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 56-го заседания). С. 86–95.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.
- Цетлин, 2018 — Цетлин Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.
- Цимермане, 1980 — Цимермане И. Р. Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из этнической истории балтских народов: Сб. ст. / Отв. ред. Э. С. Мугуревич. Рига: Зинатне, 1980. С. 70–79.
- Шмидехельм, 1959 — Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии: Сб. ст. / Под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 154–185.
- Шмидт, 2008 — Шмидт Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск, 2008. 256 с.
- Шноре, 1961 — Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. 235 с.
- Штыхаў, 1992 — Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.
- Dumpe, 2017 — Dumpe B. Keramika ar nagu un pirkstu galu iespiedumiem Latvijas teritorijā. Latvijas Nacionālā vēstures muzeja zinātniskie lasījumi 2013.–2016. Gadā // Rakstu krājums (Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti, Nr. 23). Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2017. 33–55 lpp.
- Kiudsoo et al., 2009 — Kiudsoo M., Mäll J., Kallis I. Archaeological Excavations on the Iron-Smelting Site in Tõdva village // Archaeological Fieldwork in Estonia 2008 / Ed. E. Oras, E. Russow. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2009. P. 96–101.
- Lang, 1996 — Lang V. Muistne Rävāla: muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Muinasaja teadus, 4. Tõid arheoloogia alalt, 4. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1996. 629 s.
- Lehtosalo-Hilander, 1982 — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I: The Graves // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift 82: 2. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1982. 490 s.
- Mägi, 2018 — Mägi M. In Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill, 2018. 491 p.
- Selling, 1955 — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm: Petterson, 1955. 276 s.
- Tvauri, 2012 — Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia (Estonian Archaeology, 4). Tartu: University Press, 2012. 384 p.

Bowl-like forms of handmade pottery from Truvor's Hillfort

N. V. Lopatin

The set of handmade pottery from the Izborsk (Truvor's) Hillfort includes bowl-like forms which in terms of their proportions are subdivided into bowls and pots/bowls. The majority of this ware is represented by fragments therefore the conclusions on the shape of the bottoms are made on the basis of the inclination of the walls of the lower body and through analogues. Eight types of bowl-like vessels have been distinguished. Types 1 and 2 are table bowls differing in the presence of a rib. They all, probably, are round-bottomed, show indications of careful manufacture (fine tempers of crushed rock, polished or smoothened surface), and often are decorated. Type 3, according to the quality of its manufacture and shape, is a simplified variant 2 (with a rib). Type 4 comprises pots/bowls with a rib; some demonstrate careful manufacture. Types 5–7, in their profiles and coarse execution, are similar to the main mass of the handmade pottery from the site but differ in the details of the design of the rim. Type 8 is the single example of a flat-bottomed bowl of the truncated-conical form with the entire surface decorated with fingerprint impressions.

The vessels of types 1, 2 and 8 presumably are imported. Each their example is peculiarly executed. Types 1 and 2 are related with Baltic-Finnish lands, type 8 is associated with the territory of the Latgalian. Types 3–7 belong to the local pottery-making but some of them (3, 4 and, perhaps, 5) seem to be an imitation of the tableware of the Rõuge type from sites of South-Eastern Estonia.

Possibly, bowls of types 1 and 2 can be helpful for more precise definition of the chronology of the horizon with handmade pottery at Truvor's Hillfort. An overview of dates of the pottery of a similar style in the native lands (Finland and Estonia) and throughout the zones of its distribution in the form of influences and imports (from middle Sweden to as far as the south-east Ladoga region) demonstrates that particular dates in many cases are narrowed down to within the 10th century against the general background of the chronology within the Viking Age.

Bowl-like vessels among the set of the handmade pottery from Izborsk constitute about 10 percent, exceeding their ratio at synchronous sites of the Ilmen area and Dnieper-Dvina region. It seems that this fact reflects the influence of the neighbouring Baltic-Finnish cultures.

Свои и чужие. Об одном нетипичном погребении Которского погоста

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. Статья посвящена публикации одного нетипичного погребения по обряду ингумации, открытого на краю более раннего бескурганного (грунтового) могильника Которск XV, входящего в состав комплекса памятников Которского погоста. Анализ находок позволяет сделать некоторые предположения о причине его появления и родовых или культурных связях погребенной.

Annotation. This paper is a publication of one non-typical interment in the inhumation rite discovered at an edge of an early unmounted (flat-grave) burial ground of Kotorisk XV within the complex of sites of Kotorisk Pogost. Analysis of the finds suggests some suppositions concerning the reason of its appearance and kindred and familial ties of the woman buried here.

Ключевые слова: Новгородская земля, Которской погост, погребальные памятники, ингумация, бескурганные могильники.

Keywords: Novgorod Land, Kotorisk Pogost, burial sites, inhumation, unmounted cemeteries.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-219-226

Вопросы контактов населения различных регионов, межэтнических и культурных связей, миграций и переселения больших человеческих масс — целых племен, народов или отдельных коллективов — традиционно занимают особое место в трудах историков. В то же время микрорегиональный подход, характерный для археологических исследований последних десятилетий, позволяет проследить не только волны перемещений населения, но и судьбы отдельных семей, а иногда и людей.

Среди погребальных комплексов древнерусского времени, связанных с Которским поселением — центром средневекового погоста, есть один, стоящий особняком как по деталям погребального обряда, так и по набору найденных в нем украшений и деталей костюма, его рассмотрению посвящена моя статья.

В целом комплекс памятников у современной дер. Которск Плюсского района Псковской области

достаточно подробно изучен (Соболев, 2015. С. 4–10), состав и взаимное расположение входящих в него памятников также не раз становились предметом специального исследования (Кузьмин, 1991; Кузьмин и др., 2000; 2011; Соболев, 2016а; 2016б; 2017; Mikhailova, 2014; Михайлова, 2014; Михайлова, Соболев, 2019).

Наиболее ранние погребальные памятники, связанные именно с которским поселением², — бескурганные (или грунтовые) могильники с захоронениями по обряду кремации на стороне. Кальцинированные кости и остатки разнообразных вещей — деталей костюма, украшений, бытовых вещей, предметов вооружения, керамики — распределяются в слое могильника, представляющего собой перемешанный позднейшей распашкой слабогумусированный песок светло-серого

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, д. 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

² В состав комплекса памятников входит большая группа курганов КДК, насыпи которой начали возводиться не позднее VIII в. Однако следует признать, что на территории Северо-Запада поиски поселений этой культуры сложны, поэтому возможно, что поселение поблизости было, но пока не выявлено.

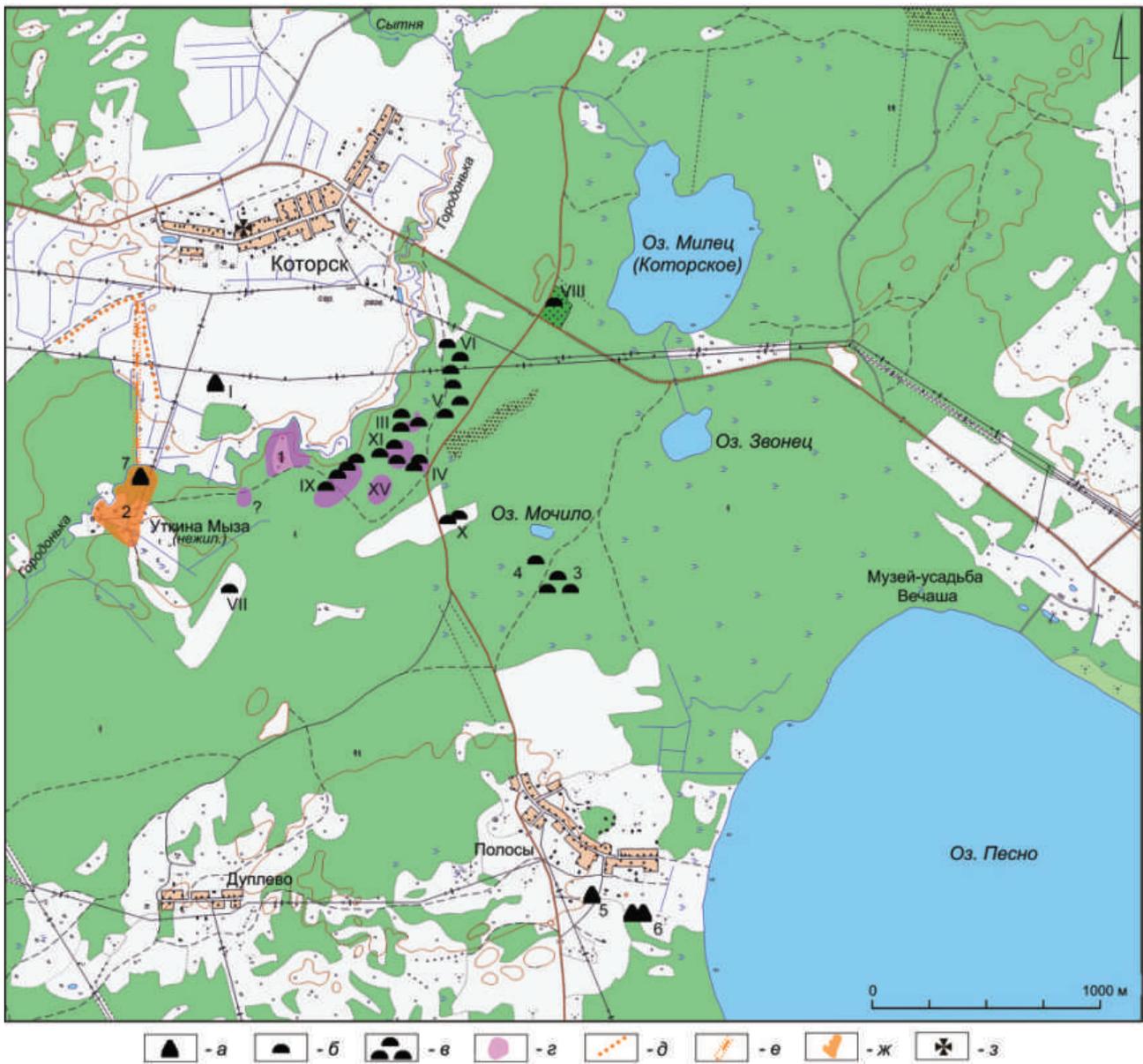

Рис. 1. Которской погост и памятники археологии вблизи него: 1 — Городище и селище Которской погост; 2 — южная часть территории усадьбы и парка Уткина Мыза; 3 — курганная группа Полосы III; 4 — одиночный курган Полосы IV; 5 — сопка Полосы I; 6 — группа сопок Полосы II; 7 — сопка в парке усадьбы Уткина Мыза. Римскими цифрами обозначены погребальные памятники населения Которского погоста (номера соответствуют индексам памятников). Условные обозначения: а — сопки; б — одиночные курганы; в — курганные группы; з — поселения; д — граница парка; е — подъездная аллея; ж — территория усадьбы; з — место средневековой церкви и приходского кладбища

Fig. 1. Kotorsk Pogost and archaeological sites near it: 1 — fortified settlement and unfortified site of Kotorsk Pogost; 2 — southern section of the area of the estate of Utkina Myza; 3 — kurgan group Polosy III; 4 — single kurgan Polosy IV; 5 — sopka (barrow with cremation) Polosy I; 6 — group of sopki Polosy II; 7 — sopka in the park of the estate of Utkina Myza. Roman numerals are burial sites of the residents of Kotorsk Pogost (the numbers correspond to the indices of the sites). Keys: а — sopki; б — single barrows; в — kurgan groups; з — settlement sites; д — boundary of the park; е — approach alley; ж — area of the estate house; з — place of the mediaeval church and parish cemetery

цвета, залегающий непосредственно под дерном. Мощность слоя не превышает 25 см.

Всего в составе комплекса на настоящий момент выявлено пять бескурганых могильников (рис. 1), материалы трех из них недавно были проанализированы Е. Р. Михайловой (Михайлова, 2014), в пределах одного из них — грунтового могильника Которск XV — и было открыто рассматриваемое необычное погребение.

Бескурганый могильник Которск XV был найден Б. Г. Лычом в 1997 г. Он расположен в 150–200 м к востоку от могильника Которск IX, на левом коренном берегу р. Городонька, на обращенной в сторону реки северной оконечности низкой озовой гряды, в сосновом лесу. Внешних признаков могильник не имеет (рис. 2).

В 1999 г. в северной части могильника под руководством С. Л. Кузьмина был заложен раскоп площадью 72 кв. м. Из него происходит коллекция из более 200 находок, преимущественно фрагментов украшений (пластинчатых привесок, обоймиц, так называемых наконечников, браслетов, цепочек, застежек, бус), позволяющая датировать кремации концом IX / началом X — началом / первой третью или первой половиной XI в. Материалы данного могильника оказались в целом аналогичны материалам исследованной широкой площадью могильника Которск IX и находкам из отдельных погребений, перекрытых насыпями курганов некрополей Которск III и Которск XI.

В пределах раскопа было обнаружено женское захоронение по обряду ингумации, совершенное на самом краю озовой гряды. Уникальность данного погребения в том, что оно не имело никаких надгробных сооружений или конструкций, следов их возведения или разрушения, не прослежены и остатки ровиков, часто свидетельствующие об изначально существовавшей в древности и позднее разрушенной надгробной насыпи. Это существенная деталь, так как все древнерусские ингумации, исследованные в Которском комплексе памятников, подкурганые (более 70 насыпей).

Могила имела отвесные стенки и плоское дно, овальную в плане форму, ее размеры достигали 1,0–1,2 × 2,6 м, глубина от поверхности материка — 0,40–0,45 м; ориентирована по линии запад–восток (рис. 3). В ее заполнении найдено несколько мелких фрагментов кальцинированных костей и оплавленных украшений (рис. 4, 9), попавших из

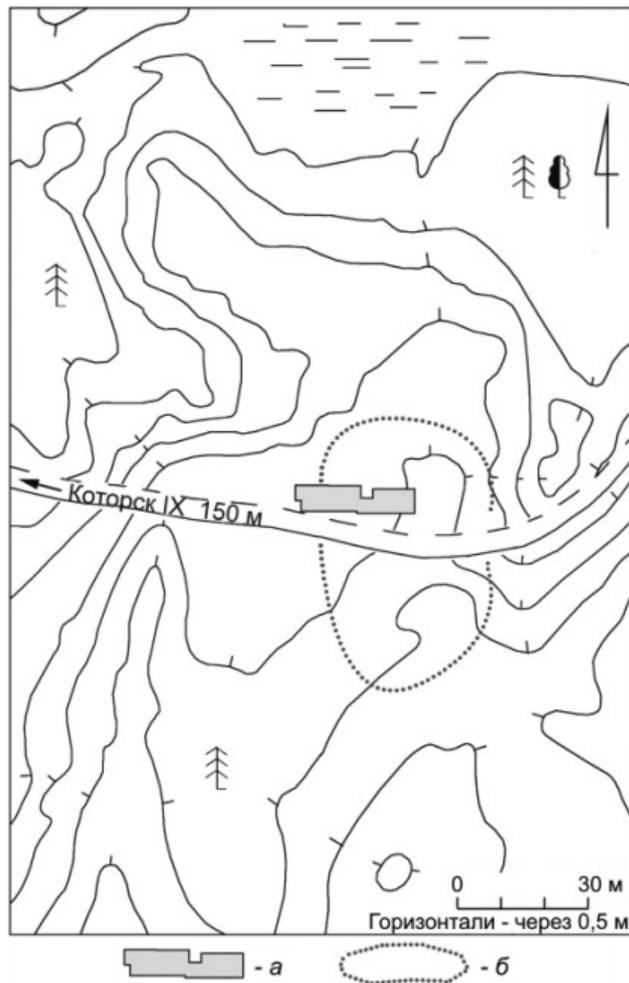

Рис. 2. Бескурганый могильник Которск XV. Топографический план. Условные обозначения: а — раскоп; б — предполагаемая граница грунтового могильника

Fig. 2. Unmounded cemetery Kotorok XV. Topographic plan. Keys: а — excavation, б — possible border of the ground graves

слоя бескурганного могильника. На дне открыты остатки скелета, головой на запад. От черепа сохранились лишь затылочная и теменная части, от скелета — фрагменты бедренных и правой лучевой костей, остальные кости в песчаном грунте полностью истлели (рис. 3). Судя по расположению костей, погребенная лежала вытянуто на спине, руки, вероятно, были согнуты под углом 90° и сложены на животе одна на другой. В районе черепа были найдены одно бронзовое проволочное перстнеобразное височное кольцо со спиральным завитком и следами несохранившихся напущенных на него бусин из свинцово-оловянистого сплава (рис. 4, 1), две бронзовые трапециевидные подвески с проволочными колечками для привешивания (рис. 4, 2, 3) и четыре довольно крупные непрозрачные зонные бусины,

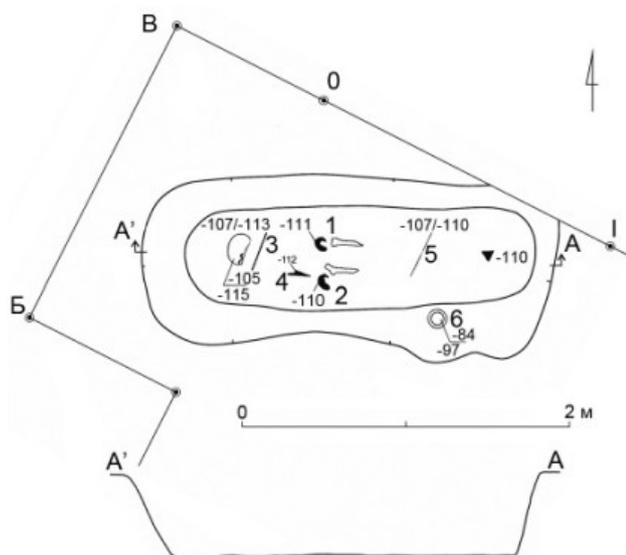

Рис. 3. Бескурганский могильник Которск XV. План и разрез погребения по обряду ингумации: 1, 2 — браслеты; 3 — бусы; 4 — нож; 5 — спиральки; 6 — горшок
 Fig. 3. Unmounded cemetery Kotorak XV. Plan and section of the inhumation grave: 1, 2 — bracelets; 3 — beads; 4 — knife; 5 — spirals; 6 — pot

цвет которых неустановим (рис. 4, 4). Справа, в районе предполагаемого пояса, был найден сработанный железный нож 4-й группы по Р. С. Минасяну (Минасян, 1980) с корродированным лезвием (рис. 4, 6). На руках погребенной было надето по широкому пластинчатому браслету, украшенному гравированным орнаментом (рис. 4, 10, 11). В районе ног были собраны бронзовые проволочные колечки и спиральки небольшого диаметра с сохранившимися внутри тонкими шерстяными нитями, вероятно, украшавшие нижнюю часть одежды или передника (рис. 4, 5). Также в ногах найдены два сильно затертых неопределимых фрагмента серебряных монет (рис. 4, 7, 8).

В ногах погребенной — в районе правого колена — стоял круговой горшок, украшенный по всему тулову врезным линейным орнаментом и рядом полукруглых наколов под венчиком (рис. 5, 5). Также в изножье были найдены фрагменты сильнокорродированной железной цепи из округлых и S-образных звеньев (рис. 5, 3, 4) и две подпрямоугольные пластинки с остатками пропущенных в отверстия звеньев цепи (рис. 5, 1, 2). Возможно, железные предметы — детали от ручки несохранившегося деревянного ведерка, стоявшего в погребении. Узкая датировка погребения достаточно затруднена.

В целом оно может быть датировано от середины XI до конца XII в.³

Схема убора погребенной в целом аналогична женским подкурганым ингумациям соседнего могильника Которск XI (курганы 4, погребение 2, и 5) (височные кольца с напущенными бусинами, изготовленными из оловянистого сплава, ожерелье, горшок и монеты в ногах (Михайлова, 2020. С. 438–441)). В то же время налицо и весьма заметные отличия: малое количество бус, отсутствие привесок к ожерелью или поясу и главное — украшение детали одежды проволочными колечками и спиральками. Также достаточно необычно смотрятся на общем фоне массивные ленточные браслеты.

Один из браслетов (рис. 4, 10) изготовлен из очень слаборасширяющейся от середины к концам пластины, его концы не имеют утолщений, только по краю идет небольшой валик. По форме он надежно соотносится с выделенным Н. В. Хвоцинской (Хвоцинская, 1994. С. 252) III вариантом залахтовских ленточных браслетов с расширяющимися концами, который соответствует III стадии браслетов этого типа по Х. А. Моора (Моора, 1931). Орнамент концов — плетенка, состоящая «как бы из серии ромбических ячеек. В центре каждой ячейки было выбито ... квадратное углубление» (Хвоцинская, 1994. С. 254), от которого к середине браслета отходит ряд аналогичной

³ Строго говоря, в погребении встречено всего три датированных предмета — проволочное височное кольцо с остатками напущенных на него бусин (26–8 яруса/989–1382 гг.) (Лесман, 1984. С. 134), основу которого составляет проволочное перстнеобразное кольцо диаметром около 2 см (23–12 яруса/1055–1299 гг.) (Лесман, 1990. С. 69), трапециевидные подвески (до 12 яруса/до 1299 г.) (Там же. С. 62) и нож (до 17 яруса / до 1197 г.) (Лесман, 1984. С. 138), которые позволяют сузить время формирования комплекса только до интервала 1055–1197 гг. Нумизматические материалы никак не влияют на датировку: фрагменты сильно затертые, надписи на них нечитаемы. По размерам и отдельным видимым знакам можно утверждать, что это арабский чекан или подражание ему. Стоит отметить, что на поселении и в слое бескурганских могильников были найдены только фрагменты дирхемов, тогда как в древнерусских ингумациях преобладало западноевропейское серебро. Арабские монеты перестали поступать в Европу в начале XI в. (Янин, 2009. С. 146), что позволяет видеть в них ранний хронологический признак. Однако нельзя не отметить, что в ингумациях Которского погоста арабские монеты, найденные в трех погребениях, имеют хронологический разрыв между временем чеканки и временем выпадения в комплекс до 200 лет.

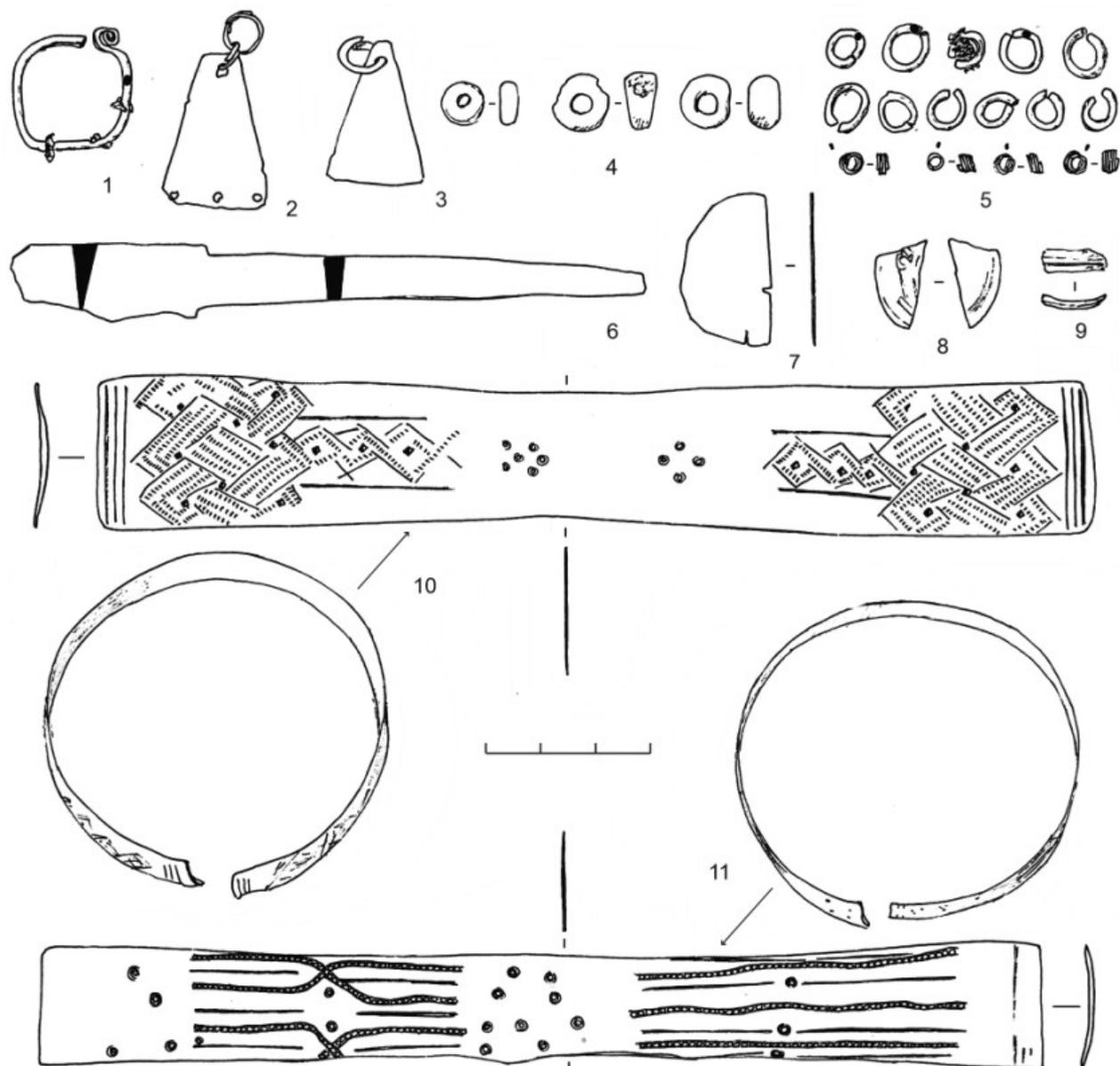

Рис. 4. Бескурганый могильник Которск XV. Находки из погребения по обряду ингумации: 1 — височное кольцо; 2, 3 — трапециевидные подвески; 4 — ирризованные стеклянные бусы; 5 — колечки и спиральки; 6 — нож; 7, 8 — фрагменты монет; 9 — фрагмент браслета; 10, 11 — браслеты. 1 — бронза, остатки оловянистого сплава; 2, 3, 5, 9–11 — бронза; 4 — стекло; 6 — железо; 7, 8 — серебро

Fig. 4. Unmounded cemetery Kotorsk XV. Finds from the inhumation grave: 1 — temple ring; 2, 3 — trapezoid pendants; 4 — iridized glass beads; 5 — rings and spirals; 6 — knife; 7, 8 — fragments of coins; 9 — fragment of a bracelet; 10, 11 — bracelets. 1 — bronze, remains of a tin alloy; 2, 3, 5, 9–11 — bronze; 4 — glass; 6 — iron; 7, 8 — silver

плетенки, завершающейся группой нанесенных штампом кружков. По схеме Н. В. Хвоцинской данная композиция орнамента соотносится с наиболее поздними типами ленточных браслетов (Там же. С. 255, рис. 2, 5).

Второй браслет (рис. 4, 11) был изготовлен из более узкой пластины, не имеющей утолщений

или валиков на концах. Орнамент составлен из вытянутых вдоль его оси гравированных прямых и пересекающихся линий, нанесенных гравером и зубчатым колесиком, также дополненных выбитыми, как кажется, достаточно хаотически, кружками. В целом браслет выглядит сделанным менее аккуратно. Он также может быть отнесен к тому

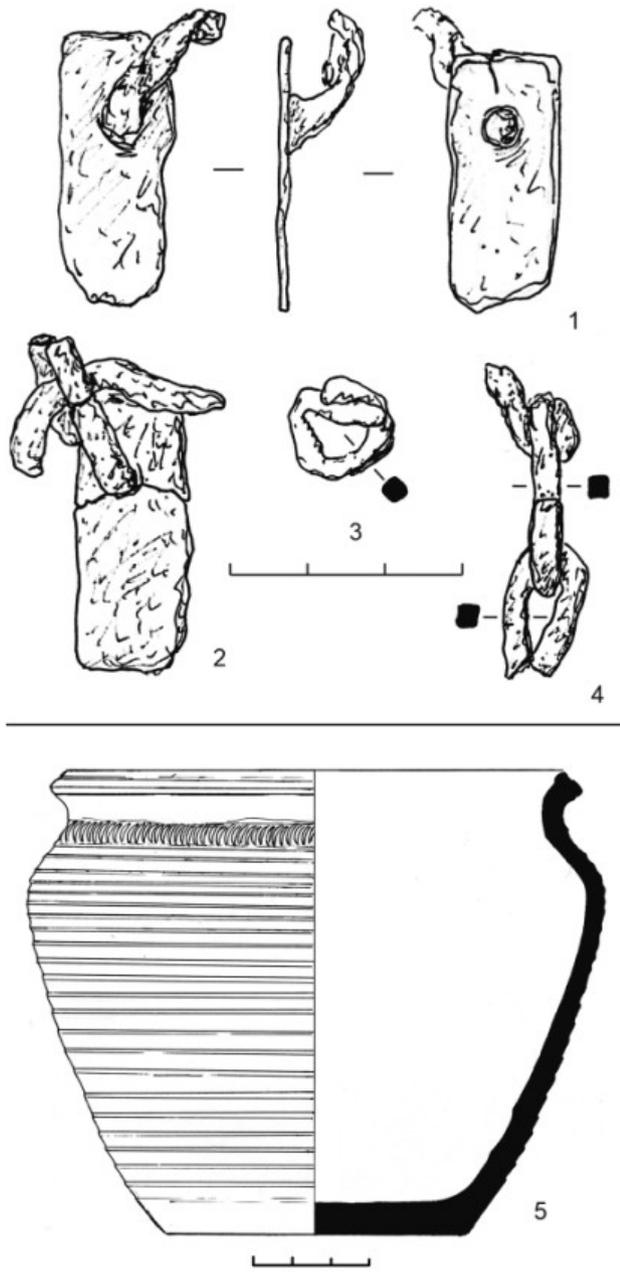

Рис. 5. Бескурганый могильник Которск XV. Находки из погребения по обряду ингумации (продолжение). 1–4 — железо; 5 — керамика

Fig. 5. Unmounded cemetery Kotorok XV. Finds from the inhumation grave (continued). 1–4 — iron; 5 — pottery

же III варианту (Хвоцинская, 1994. С. 252). Браслеты этого типа, по мнению Н. В. Хвоцинской, являются «ярким этническим индикатором материальной культуры одной из групп западного древнефинского населения» (Там же. С. 256).

Ю. М. Лесман, анализируя археологические находки последних десятилетий, происходящие

с западной части Ижорского плато, предположил более широкое территориальное и хронологическое распространение данного типа браслетов в пределах Новгородской земли, связав это с группами местного нерусского населения, несшего пограничную службу в Древнерусском государстве в XI и отчасти XII в., а возможно, уже и в конце X в. (Лесман, 2011).

Изготовленные из бронзовой проволоки спиральки и колечки были найдены в районе ног погребенной. К сожалению, проследить их точное расположение в могиле не удалось, не сохранились и связанные с ними фрагменты ткани, лишь отдельные законсервированные окислами металлов нитки (рис. 4, 5). Размер колечек, согнутых из проволоки диаметром около 1 мм, колебался между 4 и 8 мм, спиральки в 3–6 витков, свернутые из очень тонкой медной проволоки, в длину и в диаметре не превышали 5 мм. Украшение ткани проволоочными спиральками и колечками нехарактерно для древнерусского населения Верхнего Поплюсья. В то же время мелкие бронзовые элементы, втыкавшиеся, вплетавшиеся в ткань или нашивавшиеся на нее, характерны для многих средневековых народов Балтийского региона. Н. В. Хвоцинская, уделившая большое внимание особенностям изготовления и украшения тканей (Хвоцинская, 1993; 2004. С. 110–126), пришла к выводу, что полное совпадение орнаментальных композиций тканей и сочетание спиралек различных размеров в погребальных памятниках Эстонии и Восточного Причудья являются «важным аргументом в определении этнической принадлежности жителей Залахтовья», позволяя рассматривать их «как переселенцев с западного побережья Чудского озера» (Хвоцинская, 2004. С. 116). Конечно, количество собранных в рассматриваемом погребении спиралек весьма невелико и не может напрямую сопоставляться с деталями одежды, найденными, например, в залахтовских курганах (181, 185 или 208 — раскопки Н. В. Хвоцинской), но и не заметить очевидного сходства с фрагментом ткани из погребения 23 (раскопки К. Д. Трофимова; Трофимов, 1909) невозможно.

Обнаруженные в рассматриваемом погребении фрагменты арабских монет или подражаний им ставят его в один ряд с ранними подкурганскими ингумациями (Которск III, курган 35; Которск XI, курганы 6 и 10, погребение 1). В то же время прослеженные Н. В. Хвоцинской тенденции развития ленточных браслетов Залахтовья делают,

на мой взгляд, более вероятной позднюю датировку рассматриваемого комплекса в рамках обозначенного нами хронологического интервала. Косвенно это подтверждается отсутствием среди находок украшений; маркирующих ранний этап древнерусской культуры (Соболев, 2020).

Раскопки показали, что древнерусские курганные некрополи Которского погоста (Которск III, IX и XI) топографически связаны с более ранними бескурганскими кладбищами (Кузьмин и др., 2010. С. 80–81). Модель развития всех трех перечисленных кладбищ такова. Ранние ингумации (датируемые временем около середины XI в.) совершаются на краю дохристианских бескурганских могильников, хронологический разрыв с которыми изначально минимален. С течением времени курганы «наползают» на них, насыпь перекрывают отдельные кремации, консервируя их (например, Которск III, курган 17 или Которск IX, курган 23). Анализируемое погребение, на первый взгляд, почти укладывается в данную схему, однако именно микрогеография (совершение захоронения на краю склона), значительно больший хронологический разрыв (особенно принимая во внимание вероятную датировку погребения серединой — второй половиной XII в.) и отсутствие над ним насыпи

противоречат этой схеме. Вместе с тем вряд ли рассматриваемое захоронение имело экстраординарный (криминальный или, например, санитарный) характер. Наличие украшений и соблюдение некоторых деталей погребального обряда позволяют отвергнуть такую версию.

Факт совершения погребения на старом, неиспользуемом кладбище в условиях функционирования на расстоянии 200–250 м двух действующих должен иметь свое объяснение. Ранее мной и моими коллегами уже высказывалось предположение о том, что каждый бескурганский могильник и каждая наследующая ему древнерусская курганная группа Которского погоста являлись семейными некрополями. Данное предположение основано на размере поселения, насчитывавшего 3–5 дворов, и соответствующем числу дворов количеству синхронно функционирующих в его ближайших окрестностях грунтовых могильников, а позднее курганных групп.

Если предположение верно, то это объясняет захоронение «посторонней» женщины не на «своем» родовом кладбище, а на краю старого, давно неиспользуемого. Прослеженные аналогии деталям костюма указывают на возможное направление поиска «родины» погребенной.

Кузьмин, 1991 — Кузьмин С. Л. Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.* / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 1991. С. 153–168.

Кузьмин и др., 2010 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 70–82.

Кузьмин и др., 2011 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Которской погост — раннесредневековый центр на западе Новгородской земли // *Тр. III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород; Старая Русса, 2011*. С. 62–63.

Лесман, 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли: Межвузовский сб.* / Ред. Г. С. Лебедев. Л.: ЛГУ, 1984. С. 118–153.

Лесман, 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X–XIV вв.) // *Материалы по археологии Новгородской земли 1988* / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: б. и., 1990. С. 29–98.

Лесман, 2011 — Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // *РАЕ. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011*. № 1. С. 396–420.

Минасян, 1980 — Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // *АСГЭ. Л.: Искусство, 1980*. Вып. 21. С. 68–74.

Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Бескурганские могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // *Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура* / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Михайлова, 2020 — Михайлова Е. Р. Древнерусские курганы могильника Которск IX // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: ВАШ, 2020. С. 433–446.

Михайлова, Соболев, 2019 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Которское селище — рядовой погост,

- нерядовой памятник // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 51–68.
- Соболев, 2015 — Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород; Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. С. 4–32.
- Соболев, 2016а — Соболев В. Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 22. С. 238–245.
- Соболев, 2016б — Соболев В. Ю. Которской погост. Работы 2012–2014 гг. и некоторые итоги топографического обследования археологического комплекса // АиИПиПЗ. Вып. 31 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин). М.: ИА РАН, 2016. С. 255–261.
- Соболев, 2017 — Соболев В. Ю. Которской погост в системе средневековых крепостей запада Новгородской земли // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Тр. Восьмой Междунар. науч.-практич. конф. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 216–229.
- Соболев, 2020 — Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: ВАШ, 2020. С. 447–452.
- Трофимов, 1909 — Трофимов К. Д. Раскопки курганов при д. Залахтовье Кувшиново Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда. М.: Археолог. ин-т, 1909. 18 с.
- Хвоцинская, 1993 — Хвоцинская Н. В. Об особенностях костюма населения Восточнобалтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Отв. ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 157–166.
- Хвоцинская, 1994 — Хвоцинская Н. В. Новые данные о типологии широких ленточных браслетов // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-contact, 1994. С. 250–256.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Янин, 2009 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 414 с.
- Mikhailova, 2014 — Mikhailova H. Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land // Linnuste raamatu eestikeelene paralleelpealkiri. Muinasaja teadus. 24. Tartu, 2014. P. 157–186.
- Moora, 1931 — Moora H. Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1929. Tartu, 1931. S. 25–44.

The relatives and aliens. About one non-typical burial in Kotorsk Pogost

V. Yu. Sobolev

This paper is a publication of one non-typical burial in the inhumation rite discovered during excavations of an unbounded (flat-grave) burial ground of Kotorsk XV within the complex of sites of Kotorsk Pogost. Kotorsk XV is one of the unbounded cemeteries containing burials in the rite of cremation aside dated to the boundary between the 9th–10th and beginning/first half of the 11th century. An inhumation grave was made at the edge of an old pre-Christian cemetery; over the grave, no mound (kurgan) was erected, this fact being quite non-typical here. The remains of a costume and ornaments have parallels at the boundary of the Novgorod Land (east Lake Chudskoye region), including burials at the cemetery of Zalachtovye. Sometime ago the supposition was proposed that the unbounded burial grounds and succeeding to them Old-Russian kurgan groups were familial cemeteries of the inhabitants of Kotorsk Pogost. The remains interred according to the Christian rite but at the edge of a pre-Christian necropolis, possibly, belong to a woman with no familial connections with the residents of the pogost (parish).

Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона¹

В. Н. Кузнецова, И. В. Стасюк²

Аннотация. В статье рассматриваются ювелирные изделия волго-камского происхождения IX–XIII вв., найденные в археологических памятниках на территории Северо-Запада России, Латвии, Эстонии, Финляндии и Северной Швеции. Выделены группы камских, волжских импортов, изделий, характерных для волго-камского региона в целом, и «синкретичных» изделий древнерусского времени, сочетающих изобразительные традиции и техники разных регионов. Отмечается концентрация подобных находок в Юго-Восточном Приладожье и Новгороде.

Annotation. This paper considers jewellery objects of the Volga-Kama provenience of the 9th–13th century revealed at archaeological sites in the territory of North-Western Russia, Latvia, Estonia, Finland and North Sweden. Groups of Kama and Volga imports are identified for the products characteristic of the Volga-Kama region in general, and for “syncretic” objects of the Old-Russian period combining artistic traditions and techniques of different regions. The article notes the concentration of finds of this kind in the South-East Ladoga region and in Novgorod.

Ключевые слова: ювелирные изделия, средневековье, Волго-Камье, Северо-Запад России, Прибалтика, Фенноскандия, импорт.

Keywords: jewellery, Middle Ages, Volga-Kama region, North-Western Russia, Baltic region, Fennoscandia, importation.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-227-251

Украшения из сплавов цветных металлов являются яркой особенностью костюма средневекового населения лесной зоны Восточной Европы и, как правило, обладают региональной спецификой. В историографической традиции разнообразные подвески, игольники, копоушки и др. часто рассматриваются в качестве «этнических маркеров». Однако материалы погребальных памятников показывают, что украшение, поступившее порой из весьма удаленного региона и относящееся к другой культуре, включается в состав

убора, соседствует с местными разновидностями украшений.

В землях Восточной Балтии встречаются украшения, характерные для территории Волго-Уральского региона. На подобных находках зачастую делался акцент в публикации отдельных памятников. Попытка представить свод основных археологических находок с территории Волго-Камья на Северо-Западе Руси предпринималась в статье В. Н. Кузнецовой и Н. В. Григорьевой (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 60–66). В настоящей работе не только увеличивается количество учтенных импортных изделий, но и расширяются географические рамки — рассматриваются украшения и детали костюма, встреченные в археологических памятниках Северо-Запада России, Эстонии, Латвии, а также Фенноскандии.

Хрестоматийные и наиболее ранние примеры контактов между Балтийским и Уральским регионами — находки неволинской поясной гарнитуры конца VII — VIII в. из Старой Ладogi и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения»).

² Кузнецова В. Н. — Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; Стасюк И. В. — Отдел охранной археологии, ИИМК РАН.

из Вяяхкюрё в Остроботнии (*Goldina, Goldina*, 2018; *Kivikoski*, 1973. С. 83).

Маркером контактов с Прикамьем X–XI вв. преимущественно является зооморфная пластика (*Кузнецова*, 2018б). Так, в Старой Ладогe на берегу Волхова, «в том месте, где находится Земляное городище и его культурные слои оползают и размываются водой» (*Кирпичников, Сакса*, 2002. С. 137), крестьянами была обнаружена бляха, изображающая хищную птицу (рис. 1, 1). В дальнейшем В. И. Равдоникас подарил изделие А. М. Тальгрену, который в свою очередь передал находку в Национальный музей Финляндии (*Там же*). Говорить о точной датировке как данного изделия, так и в целом многих произведений пермского звериного стиля довольно сложно. Среди наиболее близких аналогий староладожской бляхе можно отметить находки из Усть-Сысольского уезда (*Спицын*, 1906. Рис. 436) из дер. Большие Долды Чердынского уезда (*Кулябина*, 2013. Кат. 132; *Спицын*, 1906. Рис. 298).

На поселении Илекса V в Карелии, датированном С. И. Кочкуркиной X–XI вв. по фрагментам лепной керамики, найдена полая «уточка» (рис. 1, 2) (*Кочкуркина*, 2017. С. 93, рис. 66, 1)³. Орнамент в виде углубленных насечек на корпусе, длинный нос, форма звеньев свидетельствуют о том, что изделие относится к прикамской традиции. Ближайшие аналогии изображению происходят из коллекции А. Е. и Ф. А. Теплоуховых (*Спицын*, 1902. Табл. VI, 5), могильников Висимского, Плесинского (*Голдина*, 1985. С. 231. Табл. XXIII, 12), Урьянского (*Голдина*, 1970. Табл. 51, 17) и в целом датируются IX в. Аналогичное изделие было найдено на Верхней Волге в постройке XIII Поповского городища на р. Унжа (*Леонтьев*, 1989. С. 82, рис. 19, 1). В коллекции находок этого памятника также имеются две неорнаментированные прикамские подвески-«уточки» (*Там же*. С. 82, рис. 16, 1–2).

К числу наиболее выразительных уральских импортов X–XI вв. относятся биконьковые подвески и подвески-«всадники» (рис. 1, 3–14). Двуглавые коньковые украшения были встречены в погребальных памятниках Юго-Восточного

Приладожья. Одна из биконьковых подвесок была найдена в женском трупосожжении в могильнике Подъелье (первое погребение кургана СIII по сквозной нумерации Н. Е. Бранденбурга, рис. 1, 4). Сам курган Л. А. Голубева датировала концом X в. «по сопровождающим вещам — скорлупообразным фибулам типа Паульсен 51b и коньковой подвеске из Верхнего Прикамья» (*Голубева*, 1979. С. 50). Здесь также встречались гривна глазовского типа и ряд других изделий. С. И. Кочкуркина датировала комплекс X в. (*Кочкуркина*, 1989. С. 171). Два изделия разных типов зафиксированы в кургане № 6 (комплекс VIII) могильника Заозерье начала XI в. (рис. 1, 3, 5). Они были прикреплены на цепочках к скорлупообразным фибулам (*Там же*. С. 196). Еще одно изделие происходит из Северной Швеции — из жертвенника Гротраск (рис. 1, 7) (*Serning*, 1956. Pl. 40, 6). Фрагмент биконьковой подвески (рис. 1, 6) также был обнаружен на Земляном городище Старой Ладоги в нижних напластованиях первой четверти или 20–30-х гг. X в. (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 60, 70, рис. 1, 1).

Подвески в форме всадника, попирающего змея, более многочисленны на Северо-Западе, чем биконьковые. Изделия входили в состав погребального инвентаря ряда памятников на территории Карелии (могильники Чёлмужи, Кокорино, Видлица), Юго-Восточного Приладожья (могильники Карлуха, Сязнега, Исаково и Усадище), в верховьях Оредежа (Вырица) (*Рябинин*, 1981. С. 20–21, кат. 224–235) (рис. 1, 8–14).

В Прикамье подвески-«всадники» происходят из дореволюционных сборов, поселений, а также мужских погребений Баяновского могильника (*Белавин, Крыласова*, 2010. С. 86). На землях Балтийского региона импортные находки меняют свое назначение. Так, в могильнике Чёлмужи четыре «всадника» (рис. 1, 11–14) находились в кургане 2 начала XI в., на тазовых костях погребенной (*Кочкуркина*, 2013. С. 126). Подвеска-всадник из кургана 6 могильника Карлуха (рис. 1, 9) и вовсе претерпела существенные трансформации — была дополнена иглой и превращена в фибулу (*Равдоникас*, 1934. Табл. IX, 3; *Рябинин*, 1981. Табл. X, 1). В этом комплексе прикамское украшение сочеталось с характерными местными изделиями — прорезными пластинчатыми подвесками-«уточками» (*Равдоникас*, 1934. С. 30).

Возвращаясь к могильнику Чёлмужи, отметим, что в кургане 5, во втором (женском) погребении

³ Авторы выражают благодарность канд. ист. наук, науч. сотруднику сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН И. М. Сумманен за предоставленные фотографии и информацию о находке.

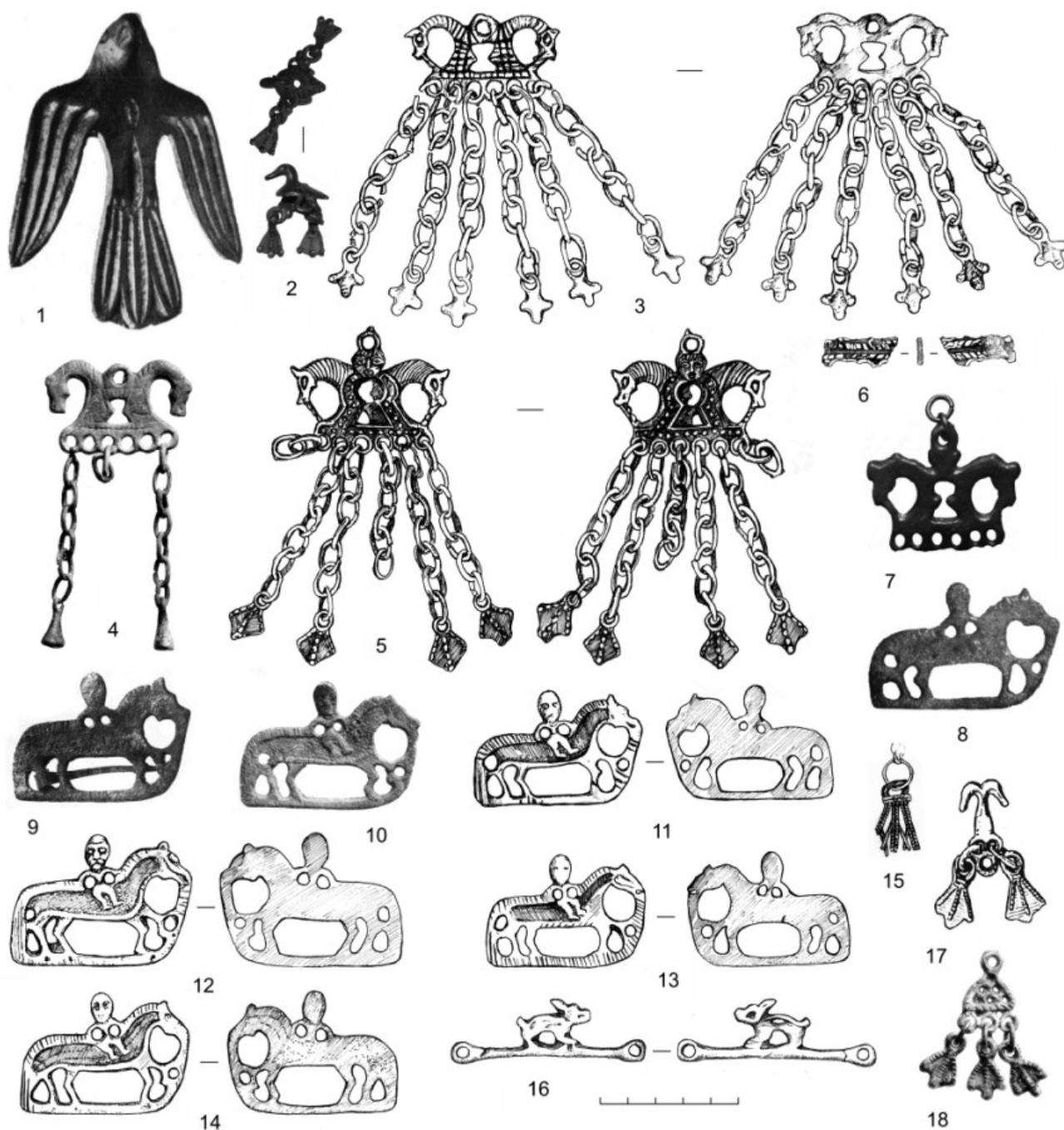

Рис. 1. Камские импорты в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1 — Старая Ладога (Tallgren, 1931. Fig. 4), без масштаба; 2 — Илекса (Археологический музей ИЯЛИ КарНЦ РАН 1060/2113); 3, 5 — Заозерье (ГЭ 700/86, 700/87); 4 — Подъелье (Бранденбург, 1895. Табл. III, 6); 6 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 1, 1); 7 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 6); 8 — Видлица (Равдоникас, 1934. Табл. V, 10); 9 — Карлуха (Рябинин, 1981. Табл. X, 1); 10 — Сязнега (Бранденбург, 1895. Табл. III, 2); 11–15 — Чёлмужи (ГЭ 1553/35–38, 1553/130); 16 — Алёховщина (ГЭ 700/303); 17 — Шангеничи-село (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 29, 4); 18 — Рыбежна (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13)

Fig. 1. Kama imports at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1 — Staraya Ladoga (Tallgren, 1931. Fig. 4), without scale; 2 — Пекса (Археол. музей ИЯЛИ КарНЦ РАН 1060/2113); 3, 5 — Zaozerye (ГЭ 700/86, 700/87); 4 — Podyelye (Бранденбург, 1895. Табл. III, 6); 6 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 1, 1); 7 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 6); 8 — Vidlitsa (Равдоникас, 1934. Табл. V, 10); 9 — Karlukha (Рябинин, 1981. Табл. X, 1); 10 — Syaznega (Бранденбург, 1895. Табл. III, 2); 11–15 — Chyolmuzhi (ГЭ 1553/35–38, 1553/130); 16 — Alyokhovshchina (ГЭ 700/303); 17 — Shangenichi-selo (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 29, 4); 18 — Rybezha (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13)

XI в.⁴ (Кочкуркина, 2013. С. 127) в составе сложного поясного украшения находился фрагмент трапециевидной подвески в форме лапы (рис. 1, 15) (Гроздилов, 1941. Табл. IV, 8). При неоднократной публикации изделие фигурировало как фрагмент ажурной пластины или подвески, но, в отличие от подвесок-«всадников» не рассматривалось как импорт. Трапециевидные ажурные подвески-«лапы» встречаются в памятниках Пермского Предуралья уже конца VII — VIII в. Они были встречены в женских погребениях Редикарского, Деменковского, Аверинского могильников и, согласно исследованию Н. Б. Крыласовой, входили в состав наконечников украшений (II тип) (Крыласова, 2001. С. 74). Разнообразные лапчатые подвески найдены в вымских могильниках XII в. (Савельева, 1987. С. 103, рис. 31, 31–40; 37, 74), а также в материалах Нижнего Приобья, имеющих весьма широкую дату (Савельева, 1987. С. 111; Чернецов, 1957. Табл. XXVIII, 12–18, 22–27; XLIV, 1–6, 19–21). Корпус чёлмужской лапы оформлен косичкой, что является характерной особенностью стилистики прикамских ювелирных изделий XI–XIII вв.

Примечательная находка происходит из кургана 1 у дер. Алеховщина конца XI в. на р. Оять. Изделие представляет собой костылек с петлями на концах, в центре которого размещена фигура зайца (рис. 1, 16) (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 117; Рябинин, 1981. Табл. XIII, 7). В своде, посвященном зооморфным украшениям, Е. А. Рябинин весьма осторожно — в затекстовой ссылке — в качестве аналогии для «зайца» из Алеховщины приводил находку с территории бассейна Нижней Оби (Рябинин, 1981. С. 31). Заключение исследователя представляется совершенно верным — украшение, несомненно, тяготеет к урало-сибирским изобразительным традициям. Дугообразный корпус с подчеркивающим этот изгиб жемчужным орнаментом отличает разнообразные зооморфные изделия как Прикамья, так и Зауралья. Особого внимания заслуживает размещение фигурки на костыльке с двумя петлями по краям. При дореволюционных сборах в пос. Калино Чусовского района было найдено зооморфное изображение, также расположенное на костыльке. В. А. Оборин и Г. Н. Чагин обозначили

изделие как подвеску в виде пушного зверька VII–VIII вв. (Оборин, Чагин, 1988. С. 170, кат. 111). Н. В. Кулябина датировала изделие этим же периодом, а в качестве аналогий также привлекала находки из Приладожья и Приобья (Кулябина, 2013. С. 206). В дер. Старица обнаружено изображение X–XII вв., предположительно медведя, помещенное не вдоль, а поперек стержня. В качестве аналогии последнему Н. В. Кулябина приводила изделие из Кичильковского I могильника (Кулябина, 2013. С. 199, кат. 96; Савельева, 1987. С. 96, рис. 30, 14). Находка встречена в погребении № 187 в северной части могильника, исследованной раскопом № 10 (Савельева, 2019. С. 144). Захоронения на этом участке содержали предметы XI–XIII вв. Э. А. Савельева, «основываясь на дате овального укороченного кресала из погр. 185» (Там же. С. 69), предположила, что «погребения раскопа № 10 были совершены в XIII в.» (Там же).

В кургане 3 могильника Шангеничи-село, относящегося к XI — началу XII в. (Кочкуркина, 2013. С. 86), была зафиксирована якорьковая подвеска с двумя лапчатыми привесками (рис. 1, 17) типа П.2.2 по Н. Б. Крыласовой (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 29, 4; Крыласова, 2007. С. 222–223). Привески-«лапки» аналогичной формы дополняют треугольную подвеску (рис. 1, 18) из кургана Рыбежно-17 XI в. (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13; Кочкуркина, 2013. С. 40) и уже упоминавшиеся биконьковые украшения.

Стоит отметить, что контакты с Прикамьем также прослеживаются по другим категориям находок, подробное рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи. К таковым относятся биметаллические кресала (Голубева, 1964; Голубева, Варенов, 1993), а также изделия из кости — гребни, копоушки, фрагменты ложки (Кузнецова и др., 2019).

Среди наиболее ранних находок, маркирующих контакты с волжско-финским миром, — фрагмент привески в форме трапециевидной «лапки» на костыльке из двух волют (рис. 2, 1) из раскопа 5 на Земляном городище Старой Ладogi⁵ (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 61). Волютообразные элементы весьма характерны для украшений, считающихся отличительной особенностью культуры средневековых поволжских финнов. Такая форма звеньев дополняет бутылковидные пронизки, треугольные подвески, ажурные зооморфные

⁴ Номер в ГК 16385300. Инв. Номер ГЭ 1553-130. КПГЭ.1948-24/130 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16518257> (дата обращения 31.01.2021).

⁵ САЭ-2012 № 1489.

подвески с квадратным щитком (*Там же*. С. 61, 71, рис. 2, 1–6). Последние Л. А. Голубева датировала в рамках IX в. (*Голубева*, 1979. С. 48–49).

На Северо-Западе Руси известны и собственно зооморфные украшения, характерные для средневекового населения Поволжья. Из ранних коллекций Новгородского государственного объединенного музея-заповедника происходит фрагмент конька мерянского типа (рис. 2, 2)⁶. К сожалению, контекст находки неизвестен. Однако, исходя из специфики музейного собрания, мы можем предполагать, что изделие было найдено на территории Новгородской земли (вероятно, Новгорода и ближайшей округи). Предмет представляет собой заднюю часть зооморфной подвески. Изделие составлено из двух рядов «косичек», чередующихся с гладкими жгутами; в верхней части — шарики ложной зерни. Фрагмент подвески в наибольшей степени схож с украшениями из Владимирских курганов (*Рябинин*, 1981. Табл. XIV, 14; XVI, 1), курганного могильника Посады в Тверском Поволжье (*Степанова*, 2011. Рис. 2, 9).

В классификации Е. А. Рябина подвески «коньки» «мерянского» или «владимирского» типа обозначены как тип XVII (*Рябинин*, 1981. С. 32–35). Исследователь определил время наибольшего распространения изделий второй половиной X — первой половиной XI в. Подвески «коньки» характерны для Волго-Окского междуречья, впрочем, определенное количество находок было выявлено раскопками Н. А. Макарова на территории Белозерья. Как правило, изделия рассматриваются в качестве маркеров контактов с Поволжьем и влияния мерянской культуры (*Макаров*, 2009. С. 92–94).

Вероятно, именно фрагмент «конька» происходит также из раскопок Н. И. Петрова в дер. Стёпаново Хвойнинского района Новгородской области (рис. 2, 3)⁷. Впрочем, находка могла быть и другой формой волжско-финского украшения, например, подвески в форме лунницы, подобной находке из Максимовского могильника (*Спицын*, 1901. Табл. XXVII, 2).

⁶ Номер в ГК 5053315. НГМ КП 7128 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5134570> (дата обращения 15.01.2021).

⁷ Номер в ГК 11653813. НГМ КП 48102/66 А-258/66. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771335> (дата обращения 15.01.2021).

С территории Финляндии из Луккаримяки (муниципалитет Ускела) происходит фрагмент украшения (рис. 2, 4), оформленный плетеными жгутами (в форме косички), с одной стороны находится петля для подвешивания, на противоположной стороне сохранились две петли для привесок (*Tomanterä*, 1991. S. 38, abb. 3). Такое расположение петель позволяет выдвинуть два предположения об изначальном облике украшения. С одной стороны, находку можно рассматривать в качестве фрагмента фибулы, впрочем, нам не известны изделия, где петли для привесок находились бы на одном уровне с петлей для иглы. С другой стороны, более вероятной представляется интерпретация находки в качестве фрагмента уже рассмотренных нами коньков «мерянского» или «владимирского» типа. Аналогичной плетенкой-косичкой оформлен корпус зооморфных украшений из владимирских курганов (*Голубева*, 1979. Табл. 14, 6, 8, 12; *Рябинин*, 1981. Табл. XVII, 2, 6), Починковского (*Голубева*, 1979. Табл. 14, 11) и Подболотьевского могильников (*Зеленцова*, *Милованов*, 2015. С. 128, рис. 5, 5; *Рябинин*, 1981. Табл. XVII, 7, 8) и др.

Из уже упоминавшегося могильника Подъелье в Юго-Восточном Приладжье происходит ажурная «коньковая» подвеска с прямоугольным щитком (рис. 2, 5) (*Бранденбург*, 1895. С. 124, табл. I, 5). Она была выделена Л. А. Голубевой в вариант 6 «наборных коньковых подвесок с прямоугольным щитком» (*Голубева*, 1979. С. 50). Стоит отметить, что практически все ажурные украшения волжских финнов имеют оригинальное декоративное решение, идентичные изделия являются большой редкостью. Найдена из Подъелья наиболее схожа с украшениями из Крюково-Кужновского и Лядинского могильников, датированных Л. А. Голубевой X–XI вв. (*Голубева*, 1979. С. 50, табл. 21, 6, 8; *Ястребов*, 1893. Табл. I, 1, 3).

К древностям волжско-финского облика относятся круглые застёжки (рис. 2, 6–10). Ажурные изделия происходят из памятников Финляндии — Бробака-Карья (рис. 2, 6) и Лукаримяки-Ускела (рис. 2, 8) (*Tomanterä*, 1991. Abb. 1–2). Изделия имеют одинаковый рисунок корпуса, представляющий собой волнистую линию между двумя косичками, однако у второго имеются петли для шумящих привесок по нижнему краю. Такая форма украшения, зачастую дополненная крайне схематичными конскими головами или столбиками с волютами, встречается в памятниках мордвы,

Рис. 2. Волжские импорты в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1, 15 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 2, 1, 7); 2 — Новгород (?) (НГМ КП 7128); 3 — Стёпаново (НГМ КП 48102/66 А-258/66); 4, 8 — Луккаринмяки-Ускела (Tomanterä, 1991. Abb. 3, 2); 5 — Подъелье (Бранденбург, 1895. Табл. I, 5); 6 — Бробака-Карья (Tomanterä, 1991. Abb. 1); 7 — Палттила-Лайтила (Ibid. Abb. 4); 9 — Новгород (НГМ КП 47734/129 А 245/129); 10 — Унна Сайва (Serning, 1956. Pl. 17, 1); 11 — Воскресенский ручей (Бранденбург, 1895. Табл. I, 7); 12 — Хелюля (Хернемяки) (Кочкуркина, 1981. Табл. 3, 12); 13, 14 — Шуя (Спирidonov, 2013. Рис. 5, 1-2); 16, 19 — Рюриково городище (Носов и др., 2019. Ил. 13, 5, 27); 17 — Карлуха (Равдоникас, 1934. Табл. IX, 4); 18 — Которск (Соболев, 2020. Рис. 1, 10). 5-7, 8, 10, 11 — масштаб различный

мари, муромы конца IX — XI в. Довольно близкая аналогия происходит из погребения 9 Чулковского могильника, который В. В. Гришаков считал относящимся к культуре муромы и датировал второй половиной VIII — X в. (Гришаков, 1988. С. 78, 81, табл. XI, 16). Среди схожих по оформлению с находками из Финляндии можно отметить изделия из Крюковско-Кужновского (Иванов, 1952. Табл. V, 3), Пановского (Алихова, 1969. Табл. 17, 7), Подболотьевского (Голубева, 1979. Табл. 23, 1) могильников. Примечательно, что на застежке из Бробака-Карья игла крепится не к петле, а непосредственно к корпусу изделия (к месту отсутствующего элемента волнистого орнаментального жгутика). Аналогичный вариант крепления представлен на изделии из Максимовского могильника (Спицын, 1901. Табл. XXIV, б).

Фрагменты кольцевидных фибул из Палттила-Лайтила в Финляндии (рис. 2, 7) (Tomanterä, 1991. S. 38. Abb. 4.), жертвенника Унна Сайва в Шведской Лапландии (рис. 2, 10) (Serning, 1956. Pl. 17, 1) и Борисоглебского раскопа Великого Новгорода (рис. 2, 9)⁸ (Степанов и др., 2009. С. 74, 78, рис. 7, 1), судя по всему, иллюстрируют более позднюю стадию развития этой категории украшений. Они не имеют ажурного декора, их корпус составляют плотно прилегающие друг к другу жгуты, но тем не менее, вероятно, они принадлежат к поволжской традиции. Данные находки также схожи с изделиями, распространенными в Ветлужско-Камском регионе во второй половине XI — XIII в. (Спицын, 1902. Табл. XVI, 6; XXXIII, 17; Белавин, 2000. Рис. 76, 1, 2, 4, 5, 7; Никитина, 2014. Рис. 68, 12; Вострокнутов, 2020. Рис. 69–72). Одна из аналогий происходит из погребения 26 Веселовского могильника, датированного Т. Б. Никитиной второй половиной XI в. (Никитина, 2014. С. 64).

⁸ НГМ КП 47734/129 А-245/129 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/ОБЪЕКТ/275281?query=%D1%84%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%BB%D0%B0&fund=11&index=43> (дата обращения 31.01.2021).

На фрагменте украшения из Палттила-Лайтила сохранилась петля для иглы, изделие оформлено «косичкой». По изгибу корпуса можно заключить, что изделие имело овальную форму. Полагаем, что в качестве ближайшей аналогии можно рассматривать фибулу из погребения 124 Лядинского могильника (Ястребов, 1893. Табл. I, 11). И. Р. Ахмедовым находка была отнесена к X в. (Ахмедов, 2016. Кат. 370). Схожее изделие было также встречено в погребении 388 Крюковско-Кужновского могильника (Иванов, 1952. Табл. II, 8). Данное погребение было отнесено В. И. Вихляевым, А. А. Беговаткиным, О. В. Зеленцовой, В. Н. Шитовым к 11 стадии — X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 146–147).

Характерными для средневекового Поволжья украшениями являются пронизки в форме рубчатых полутрубочек с привесками, последние часто имеют форму лап с перепонками (рис. 2, 11–18). Такие находки немногочисленны на территории Балтии, однако они представлены разнообразными вариантами. Изделия, происходящие из кургана (LXXXI по нумерации Бранденбурга) на правом берегу р. Паша у Воскресенского ручья X — начала XI в. (рис. 2, 11) (Бранденбург, 1895. С. 118, табл. I, 7; Кочкуркина, 1989, С. 155), могильников Хелюля (Хернемяки) X в. (рис. 2, 12) (Кочкуркина, 1981. С. 20, табл. 3, 12) и Шуя (рис. 2, 13) (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 1), украшены по верху волнистыми жгутиками⁹. Аналогичное оформление имеют многочисленные ажурные украшения Поволжья: подвески с трапециевидными и прямоугольными щитками, круглые застежки, схематичные зооморфные изделия. В Которском погосте (рис. 2, 18) и могильнике Карлуха в Приладжье (рис. 2, 17) были встречены рубчатые пронизки, дополненные рядами шариков по верхнему краю (Соболев, 2020. Рис. 1, 1; Равдоникас, 1934. Табл. IX, 4).

⁹ Из раскопок могильника происходят две пронизки, второе изделие, судя по рисунку из публикации А. М. Спиридонова, существенно повреждено (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 2) (рис. 2, 13–14).

Fig. 2. Volga imports at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1, 15 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 2, 1, 7); 2 — Novgorod (?) (НГМ КП 7128); 3 — Styopanovo (НГМ КП 48102/66 А-258/66); 4, 8 — Lukkarinmäki-Uskela (Tomanterä, 1991. Abb. 3, 2); 5 — Podyelye (Бранденбург, 1895. Табл. I, 5); 6 — Brobaka-Karjā (Tomanterä, 1991. Abb. 1); 7 — Palttila-Laitila (Ibid. Abb. 4); 9 — Novgorod (НГМ КП 47734/129 А 245/129); 10 — Unna Saiva (Serning, 1956. Pl. 17, 1); 11 — Voskresensky Ruchey (Бранденбург, 1895. Табл. I, 7); 12 — Khelyulya (Helylä Hernemäki) (Кочкуркина, 1981. Табл. 3, 12); 13, 14 — Shuya (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 1–2); 16, 19 — Rurik Gorodishche (Носов и др., 2019. Ил. 13, 5, 27); 17 — Karlukha (Равдоникас, 1934. Табл. IX, 4); 18 — Kotorisk (Соболев, 2020. Рис. 1, 10). 5–7, 8, 10, 11 — scales differ

Изделие из Карлухи находилось в завернутом в бересту комплексе вещей, который относился к трупосожжению 1 кургана 6 (*Кочкуркина, Линевский*, 1985. С. 21). Отсюда же происходит упоминавшаяся ранее прикамская подвеска-«всадник», превращенная в фибулу (*Кочкуркина*, 1973. С. 39–40). Одна из ближайших аналогий пронизке из Карлухи обнаружена на городище Попово (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXX, 19). Схожие изделия известны в мордовских и муромских могильниках: Пановском (*Алихова*, 1969. Табл. 4, 3; 14, 11), Лядинском (*Ястребов*, 1893. Табл. 4, 8), Максимовском (*Спицын*, 1901. Табл. XXVII, 4) и др.

На Земляном городище Старой Ладogi также найден фрагмент трубчатой пронизки с лапчатой привеской (рис. 2, 15)¹⁰. находка происходит из нижней части гумусированного слоя, который соотносится с горизонтами Г нижнее (XII в.) — Д верхнее (X–XI вв.) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 37. Л. 10–11; *Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 61. Рис. 2, 7).

Трубочка с тремя рельефными поясками на корпусе и тремя шумящими привесками в форме «лапок» (рис. 2, 16) встречена на Рюриковом городище (*Носов и др.*, 2017. Ил. 13, 5). Такая форма весьма распространена в памятниках, которые связываются со средневековой мерей, мордвой, муромой. К примеру, аналогии происходят из погребения 14 могильника Сарского городища (*Леонтьев*, 1996. Рис. 37, 5), мордовских могильников: Лядинского (*Воронина*, 2007. Рис. 36, 5; 44, 3, 4), Ново-Томниковского (*Ахмедов*, 2016. Кат. 372), Пановского (*Алихова*, 1969. Табл. 3, 11; 12, 2; 15, 2), Елизавет-Михайловского (*Алихова*, 1969. Табл. 33, 7; 39, 1; 45, 9), муромского Кочкинского могильника (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXIV, 6).

На Рюриковом городище также был обнаружен фрагмент изделия, который трудно связать с определенным украшением (рис. 2, 19), но очевидно его сходство с материалами Поволжья (*Носов и др.*, 2017. Ил. 13, 27).

С XI в. наблюдается некоторое сближение стилистических традиций Поволжья и Прикамья. А. М. Белавин связывал появление предуральских украшений XII–XIII вв., орнаментированных косоплеткой или ее имитацией, не только с распространением в регионе волжско-финских

украшений в IX–XI вв., но и с миграцией финского населения в Прикамье (*Белавин*, 2002. С. 173). Ряд изделий можно в равной степени соотносить и с тем, и с другим регионом. Кроме того, контакты с Древней Русью и вовсе приводят к появлению синкретичных изделий.

Тем не менее некоторые категории находок сохраняют ярко выраженную региональную специфику. К таковым относятся полые зооморфные подвески с привесками, размещенными поперек корпуса на переднем крае, характерные для Приуралья XI–XIII вв. Украшения отличаются от местных северо-западных изделий, для них также характерно наличие щитковых звеньев и привесок бубенчиков, массивный декор в виде жгутовых поясков. Подобные изделия были найдены в Новгороде (рис. 3, 1–2) (*Янин и др.*, 2006. Рис. 2, 1; *Покровская*, 2009. Рис. 3, 2), в кургане у дер. Дубровно (рис. 3, 3)¹¹ (*Рябинин*, 1981. Кат. 554, табл. XIX, 3; *Минасян, Матехина*, 2018. Ил. 45).

В целом, для родановской, чепецкой и вымской культур в XI–XIII вв. характерны украшения с массивными привесками на щитковых звеньях, обильным декором из ложной зерни, жгутовых поясков, косоплеток и пр. (рис. 3, 4–8). К данной традиции относятся арочные подвески (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 62–63), обнаруженные в курганах XI–XII вв. в Саньково (рис. 3, 5) и Кирилино (рис. 3, 6) на р. Паша в Юго-Восточном Приладожье (*Бранденбург*, 1895. С. 121, табл. III, 3; С. 126, табл. VII, 8), Заполье в Верхнем Полужье (рис. 3, 8) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122. Л. 26) и собственно в Новгороде — в слое середины XII в. (рис. 3, 7) (*Покровская*, 2018; *Янин и др.*, 2013. Рис. 3, 2).

Интересная арочная подвеска происходит из Чупы (рис. 3, 9) (Карелия, Лоухский район). С. И. Кочкуркина отмечала, что аналоги этой случайной подвеске неизвестны, и сопоставляла с древностями поволжских финнов (*Кочкуркина*, 2017. С. 94). Вероятно, в оформлении этого украшения проявилось объединение изобразительных традиций Волги и Камы. Выпуклые жгуты с насечками характерны для прикамских арочных подвесок, ажурный щиток — в большей степени для поволжских изделий, а волюты и горки из шариков ложной зерни — для обоих регионов.

Из могильника Ялгино в Тихвинском районе происходит шумящая пронизка, верхняя часть

¹⁰ СЛМЗ КП 94.161 А-2/15.

¹¹ ГЭ 864/18.

которой имеет шарообразную форму, а нижняя — коническую (рис. 3, 4). К сожалению, курган 4, из которого происходит изделие, был поврежден грабительским ходом (Богуславский, 1994. Л. 2). Аналоги украшения известны в Пермском Предуралье (коллекция А. Е. и Ф. А. Теплоуховых) (Спицын, 1901. Табл. X, 7; Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 203, 58, 59), бассейне р. Чепца (Качкашурский и Кузьминский могильники, городище Иднакар) (Иванов, 1998. Рис. 55, 10, 13–15; Иванова, 1992. Рис. 13, 39–41). М. Г. Иванова отмечала, что шумящие подвески с конусовидной основой характерны для погребальных чепецких памятников XI–XII вв. (Иванова, 1992. С. 34). А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, основываясь на форме звеньев, указывали, что в Предуралье такие украшения возникают не ранее XI в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 441).

Еще одна важная разновидность украшений, которая характеризует предуральские импорты — пронизки со «вздутиями» (рис. 3, 10–15). Е. А. Рябинин указывал на широкое распространение подобных изделий — «от Приладожья до области расселения пермских племен» (Рябинин, 1997. С. 131). Следует отметить, что форма пронизки — цилиндр с расширениями, или «вздутиями», — также характерна для Северо-Запада Руси. Подобные изделия часто связывают с культурой корелы, однако стилистические особенности — орнамент на корпусе, пропорции, форма привесок — всегда указывают на регион происхождения. Украшения Волго-Камья отличают ряды насечек между «вздутиями», рельефные пояски, привески на щитковых звеньях. На территории Балтии известны импортные находки, относящиеся к различным хронологическим периодам.

Из кургана на левом берегу р. Паша у урочища Царевщина происходит пронизка с тремя утолщениями X–XI вв. (рис. 3, 10) (Бранденбург, 1895. С. 126, табл. III, 18; Кочкуркина, 1989. С. 172). Аналогичные изделия были распространены в Прикамье и известны в Урьинском, Агафоновском, Висимском могильниках (Голдина, 1985. Табл. XXIV, 54) и др. Более поздние разновидности пронизок со «вздутиями» известны на селище Бор IV XI–XIII вв. в среднем течении р. Волма (рис. 3, 13) (Фролов, 1999. Рис. 4), городища Терву-Линнасаари (рис. 3, 15) (Кочкуркина, 2010. Табл. 38, 13) и слоев Новгорода XIII в. и XIV в. (рис. 3, 11–12) (Седова, 1981. С. 35, рис. 7, 5; Покровская, 2004. Рис. 1, б), а также жертвенника

Гротраск в Северной Швеции (рис. 3, 14) (Serning, 1956. Pl. 40, 7). Такие украшения часто встречаются в памятниках Прикамья (Спицын, 1902. Табл. X, 1, 23), Повымья (Савельева, 1987. Рис. 29, 79, 80, 82, 84, 88).

Для ряда украшений Волго-Камья основообразующим элементом являются волюты (рис. 4; 5). Подобные изделия получили названия умбоновидных, многоспиральных, очковидных (если основу изделия составляют два завитка).

Подвески, состоящие из одной крупной волюты с гладкими краями, были найдены в Новгороде (рис. 4, 1)¹² на уровне яруса 23 (середина XI в.) и в могильнике эпохи крестовых походов Маску Хуммиккала (погребение 37) на территории Финляндии (рис. 4, 3) (Kivikoski, 1973. № 113). Аналогичные изделия происходят из Лядинского (Ястребов, 1893. Табл. III, 27) и Максимовского могильников (Спицын, 1901. Табл. XXVIII, 3).

Единичные волюты различных размеров являются также основой разнообразных накладок. С обратной стороны у них находится небольшая дужка для крепления (пришивания?). Подобные импортные украшения были встречены в Приладожье. Спиральная накладка с тремя привесками-«лапками» происходит из кургана 6 могильника Колодечник, или Карлуха, по В. И. Равдоникасу, X — начала XI в. (рис. 4, 2) (Линевский, 1947. Л. 19, табл. XXII; Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 28–29), изделие с восьмью «лапками» (рис. 4, 4) — из кургана 6 могильника Яровщина начала XI в. (Кочкуркина, 1973. С. 38; 1989. С. 103). Украшения имеют многочисленные аналогии в материалах Волго-Камья (Спицын, 1901. Табл. XXIV, 3; Табл. XXIX, 3; Гришаков, 1988. Табл. V, 17; Архипов, 1973. Рис. 51, 1–3; Никитина, 2014. Рис. 22, 1; 36, 2; 92, 5; 181, 15; 297, 5).

В верхнем перемешенном слое Земляного городища Старой Ладogi найдена накладка с декором из треугольников ложной зерни и петлями для шумящих привесок (рис. 4, 5). Наиболее близкие аналогии известны из Огурдинского могильника, функционировавшего с рубежа X–XI вв. до второй половины XI в. в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2012. С. 217, рис. 5, 40), а также среди изделий XI–XII вв. из Маловенижского (Иванова, 1982. Рис. 5, 9, 16), Качкашурского и Омутницкого могильников в бассейне р. Чепцы (Иванов, 1998. Рис. 29, 7; Семенов, 1985. С. 111, рис. 4, 8).

¹² НГМ КП 28080 А-57/564. Н-77 23-253-33.

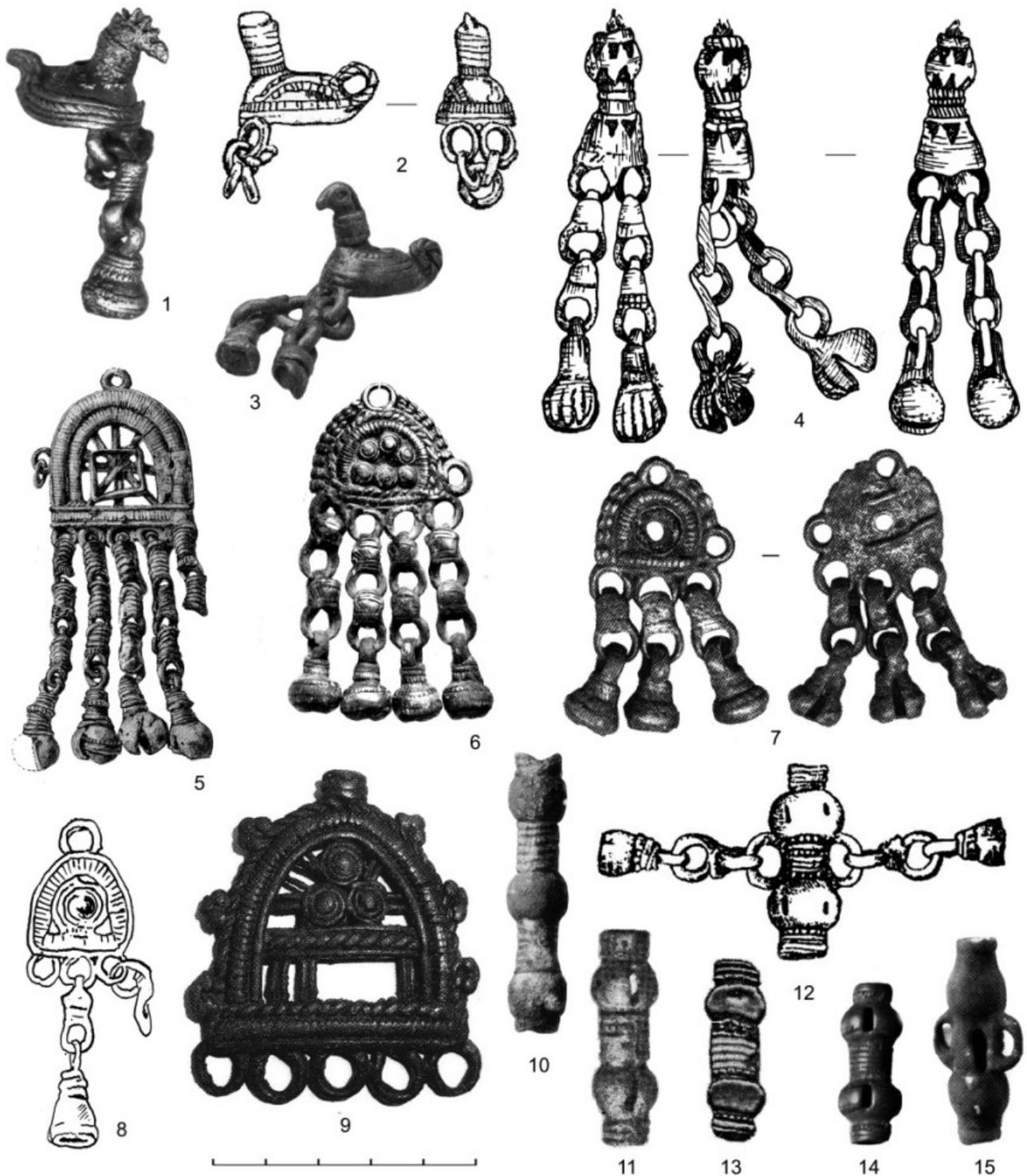

Рис. 3. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1, 2, 7, 11, 12 — Новгород (1 — Покровская, 2007. Рис. 4, 2; 2 — Янин и др., 2006. Рис. 2, 1; 7 — Янин и др., 2013. Рис. 3, 2; 11 — Седова, 1981. Рис. 7, 5; 12 — Покровская, 2004. Рис. 1, 6); 3 — Дубровно (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45); 4 — Ялгино (СЛМЗ КП 97089/А-19380); 5 — Саньково (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 8); 6 — Кирилино (Там же. Табл. III, 3); 8 — Заполье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122); 9 — Чупа (Кочуркина, 2017. Рис. 67, 2); 10 — Царевщина (Бранденбург, 1895. Табл. III, 15); 13 — Бор (Фролов, 1999. Рис. 4); 14 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 7); 15 — Терву-Линнасаари (Кочуркина, 2010. Табл. 38, 13). 3, 5, 6, 8, 10, 14 — масштаб различный

Из Великого Новгорода происходит случайная находка — миниатюрная накладка в форме волюты с двумя привесками-бубенчиками (рис. 4, 6)¹³.

Украшения из двух волют — так называемые очковидные подвески различных форм — были найдены в Старой Ладогге (рис. 4, 9), Новосельске (рис. 4, 7) и Раглицах (рис. 4, 8). Староладожская находка в форме двойной волюты с рубчатой дужкой встречена в напластованиях X–XII вв. и имеет множественные аналогии среди изделий Верхневолжья, Повелужья и Прикамья IX–XI вв. (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 64). Украшения из кургана 14 могильника Новосельск (XI в.) на р. Паша и жальника Раглицы (XII в.) в бассейне р. Луга представляют собой крупные волюты с небольшой дужкой в верхней части и шумящими привесками в нижней части (на подвеске из Раглиц привески утрачены, сохранились только петли) (Кочкуркина, 1973. С. 39, табл. 4, 13; Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227; Соболев, Торопов, 2014. С. 347–348). Как и в случае со староладожской находкой, для данных украшений известны многочисленные аналогии в памятниках Волго-Камья. Так, например, схожие изделия происходят из могильника Большое Молочное в Верхневолжье (Ленонтьев, 1999. Рис. 10, 25), Веселовского могильника и «Черемисского кладбища» в Ветлужско-Вятском междуречье (Архинов, 1973. Рис. 51, 7; Никитина, 2014. Рис. 92, 3, 7–9; 102, 1–2; 297, 1), из Аверинского могильника и дер. Зародята в Прикамье (Голдина, 1985. Табл. XVIII, 12) и др.

Довольно распространенной формой украшения для средневекового населения Волго-Окского междуречья, Прикамья и Повымья являлись подвески в форме составленных из волют треугольников (рис. 5) (Рябинин, 1997. Рис. 52, 9; 54, 10; Ястребов, 1893. Табл. III, 28; Голдина, 1985. Табл. XVIII, 10, 13, 15, 16; Савельева, 1987. Рис. 30, 24–26). Такие украшения были найдены в курганных могильниках Котино на Ижорском

плато (рис. 5, 1) (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11), Шангеничи-лес (рис. 5, 2) (Кочкуркина, Линевский, 1985. Рис. 23, 6) и Новинка (рис. 5, 3–5) (Кочкуркина, 1973. Табл. 4, 7) в Приладожье, в памятнике Вилусенхарью-Тампере в Финляндии (рис. 5, 7) (Tomanterä, 1991. S. 42, abb. 12) и городском слое Великого Новгорода (рис. 5, 6)¹⁴.

Подобные изделия, обнаруженные на Северо-Западе Руси и в Финляндии, дополнены звеньями различных форм. На подвесках из Вилусенхарью Тампере и Паксуйоки (Залющик) (Aspelin, 1877–1878. № 1098) сохранились длинные цепочки из щитковых звеньев с привесками-«лапками». Изделие из кургана 19 могильника Шангеничи-лес было дополнено привесками на звеньях такой же формы. Женский скелет, на котором находилась эта подвеска, также сопровождался кошельком с западно-европейскими монетами 1050–1070-х гг. чеканки (Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 58). Длинные цепочки, оканчивающиеся привесками-лапками, есть и на украшении другой формы из Паксуйоки (Залющик) (Aspelin, 1877–1878. № 1099).

С. И. Кочкуркина известные в Приладожье подвески из «трех спиральных кругов» (Кочкуркина, 1989. С. 277) относила к группе изделий XI–XII вв. В подвесках из курганов 5 и 10 могильника Новинка (рис. 5, 3–4) очевидны стилистические особенности, проявляющиеся в изделиях Предуралья со второй половины XI в., — они дополнены цепочками на массивных щитковых звеньях группы 1 варианта а, по А. В. Вострокнутову (Вострокнутов, 2013. С. 5, 7), а щиток состоит из мелких выпуклых волют.

В подвеске из Котино мотив спирали представлен не только на щитке, но и на щитках цепочек (рис. 5, 1). Такая форма звеньев встречается на разнообразных подвесках, в том числе на синкретичных изделиях, о некоторых из них речь пойдет далее.

¹³ НГМ КП 34232/205 А-94/205.

¹⁴ НГМ КП 39459 А136/57; Н-91 Фед. 18-186 № 51.

Fig. 3. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1, 2, 7, 11, 12 — Novgorod (1 — Покровская, 2007. Рис. 4, 2; 2 — Янин и др., 2006. Рис. 2, 1; 7 — Янин и др., 2013. Рис. 3, 2; 11 — Седова, 1981. Рис. 7, 5; 12 — Покровская, 2004. Рис. 1, 6); 3 — Dubrovno (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45); 4 — Yalgino (СЛМЗ КП 97089/А-19380); 5 — San'kovo (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 8); 6 — Kirilino (Там же. Табл. III, 3); 8 — Zapolye (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122); 9 — Chupa (Кочкуркина, 2017. Рис. 67, 2); 10 — Tsarevshchina (Бранденбург, 1895. Табл. III, 15); 13 — Bor (Фролов, 1999. Рис. 4); 14 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 7); 15 — Tervu-Linnasaari (Кочкуркина, 2010. Табл. 38, 13). 3, 5, 6, 8, 10, 14 — Scales differ

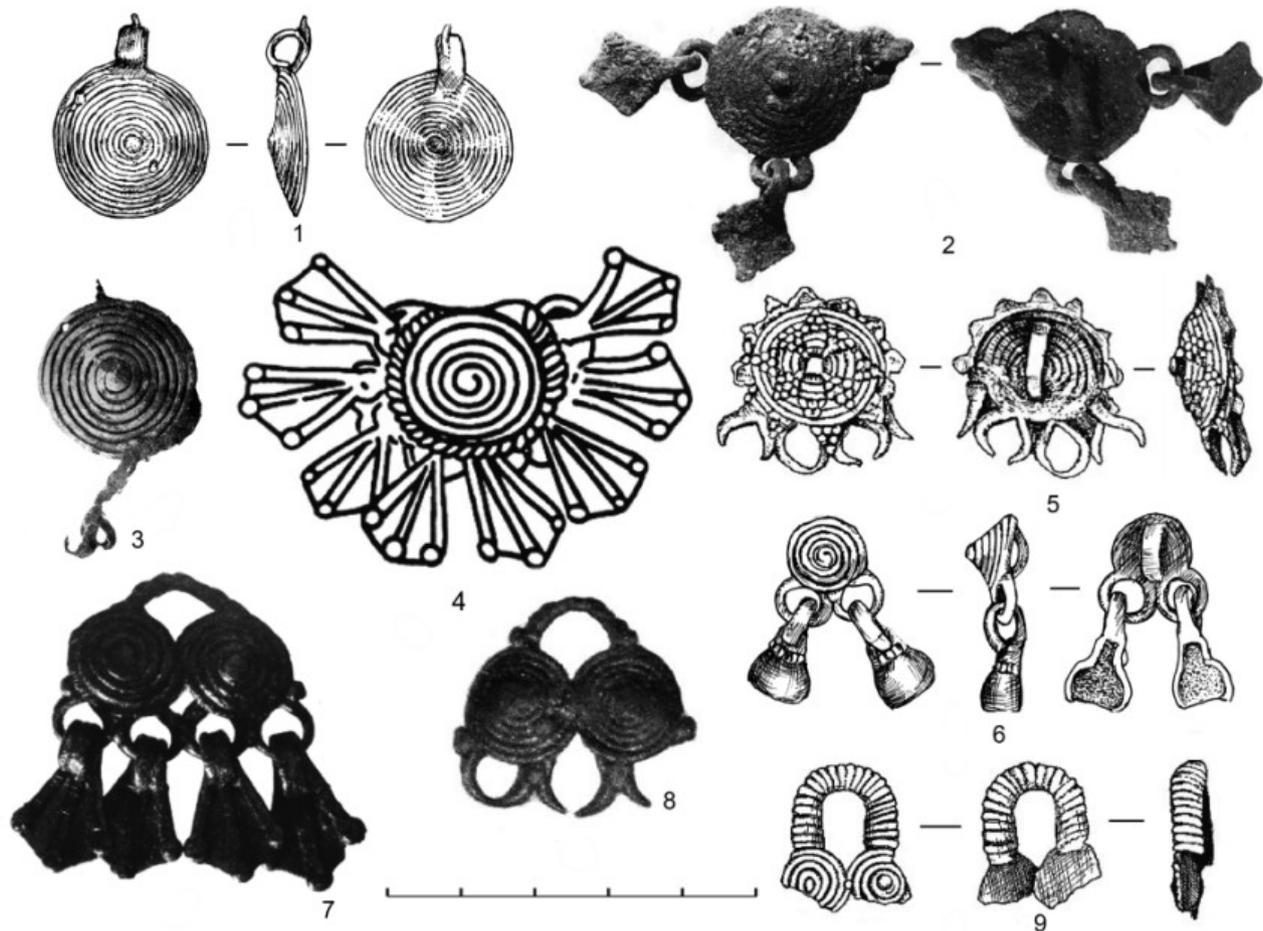

Рис. 4. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии: 1, 6 — Новгород (1 — НГМ КП 28080/564 А-57/564; 6 — НГМ КП 34232/205 А 94/205); 2 — Маску-Хуммиккала (*Kivikoski*, 1973. Abb. 1207); 3 — Карлуха (Колодечник) (*Линевский*, 1947. Л. 39. Табл. XXII); 4 — Яровщина (*Кочкуркина*, 1973. Табл. 4, 11); 5, 7 — Старая Ладога (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. Рис. 4, 1, 8); 8 — Новосельск (Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227); 9 — Раглицы (*Соболев, Торопов*, 2014. Рис. 3). 2-4, 7 — масштаб различный

Fig. 4. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics: 1, 6 — Novgorod (1 — НГМ КП 28080/564 А-57/564; 6 — НГМ КП 34232/205 А 94/205); 2 — Masku-Hummikkala (*Kivikoski*, 1973. Abb. 1207); 3 — Karlukha (Kolodechnik) (*Линевский*, 1947. Л. 39. Табл. XXII); 4 — Yarovshchina (*Кочкуркина*, 1973. Табл. 4, 11); 5, 7 — Staraya Ladoga (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. Рис. 4, 1, 8); 8 — Novosel'sk (Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227); 9 — Raglitsy (*Соболев, Торопов*, 2014. Рис. 3). 2-4, 7 — scales differ

Примечательной категорией находок являются конические подвески (рис. 6). Корпус изделий украшается рельефными поясками, часто волнистыми линиями и волютами, на нижнем крае расположены две-три петли для шумящих привесок. А. А. Спицын относил данные украшения к изделиям «чуждого характера» и отмечал, что «подобные подвески в очень малом количестве экземпляров найдены в курганах костромских и приладожских» (*Спицын*, 1896. С. 22). Е. А. Рябинин полагал, что «конические подвески с двумя шумящими привесками входят в обращение

в XII–XIII вв. Ареал этих украшений обширен, хотя и не охватывает территории к западу от р. Волхов» (*Рябинин*, 1997. С. 131). В целом, конические подвески — это весьма типичное изделие для Верхнего Поволжья и Белозерья. Так, более 40 конических подвесок было найдено в костромских курганах (*Рябинин*, 1986. С. 78).

На территории Северо-Запада Руси конические подвески также встречаются. Впрочем, в сопоставлении с находками, происходящими с Северо-Востока Руси, они довольно малочисленны. Наибольшее число находок происходит

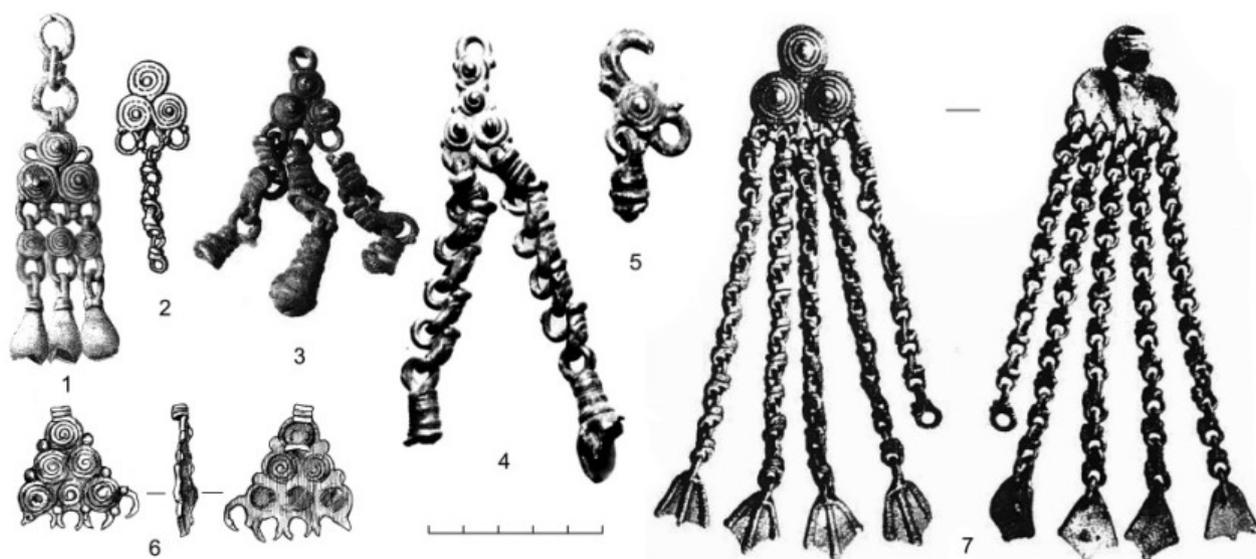

Рис. 5. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии: 1 — Котино (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11); 2 — Шангеничи-лес (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 23, 6); 3–5 — Новинка (Никольщина) (Линеvский, 1947. Л. 61. Табл. XXXII; Л. 74. Табл. XLIII); 6 — Новгород (НГМ КП 39459/57 А-136/57); 7 — Вилусенхарью-Тампере (Tomanterä, 1991. Abb. 12). 1, 3–5 — масштаб различный

Fig. 5. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics: 1 — Kotino (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11); 2 — Shangenichi-les (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 23, 6); 3–5 — Novinka (Nikol'shchina) (Линеvский, 1947. Л. 61. Табл. XXXII; Л. 74. Табл. XLIII); 6 — Novgorod (НГМ КП 39459/57 А-136/57); 7 — Vilusenharju-Tampere (Tomanterä, 1991. Abb. 12). 1, 3–5 — scales differ

из Новгорода (рис. 6, 1–8)¹⁵, что в целом неудивительно, учитывая историко-культурное значение города в эпоху средневековья и объемы археологических исследований.

Коническая подвеска также была найдена на Рюриковом городище (рис. 6, 9) в темно-сером перемешанном культурном слое (Носов и др., 2017. Рис. 5, 1). Аналогичные украшения встречаются в погребальных памятниках Северо-Западной Руси. Так, по одному изделию было найдено в курганах у дер. Кургино (рис. 6, 10), Кяргино-Гарняки (рис. 6, 12–13), Яровщина (рис. 6, 16), Новинка (Никольщина) (рис. 6, 17), Ефремково (рис. 6, 18) на р. Оять (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 106, рис. 43, 3; С. 140–141, рис. 63, 1–2),

дер. Кирилино на р. Паша (рис. 6, 14) (Бранденбург, 1895. С. 121, табл. III, 17), у дер. Дубровно в бассейне р. Шелонь (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45) (рис. 6, 20), могильнике у дер. Беседа на Ижорском плато (рис. 6, 15) (Спицын, 1896. С. 96, табл. VIII, 5), жальниках у дер. Раглицы в Верхнем Полужье (рис. 6, 11) (Соболев, Торопов, 2014. С. 347, рис. 3), Бор III в бассейне р. Волма (Фролов и др., 1995. Рис. 3), курганов у дер. Шомукша в бассейне р. Сясь¹⁶. Из дер. Софпорог в Северной Карелии происходит случайная находка конической подвески (рис. 6, 19) (Кочкуркина, 2008. С. 129, рис. 4).

Более широкую географию имеют находки треугольных подвесок (рис. 7, 1–10). Подобные изделия традиционно рассматриваются в качестве

¹⁵ НГМ А-18/44; НГМ КП-36697 А-109/379; НГМ КП-36697 А-109/380; НГМ КП-31296 А72/137 Н-80 р. Нут. 18-12; НГМ КП-34792 А-110/507; НГМ КП-34792 А-110/532; Рогатицкий раскоп 2014 уч. 5 кв -506; Номер в ГК 6631636. НГМ КП 47095/39 А-226/39 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6831175> (дата обращения 31.01.2021).

¹⁶ Номер в ГК 9622390. ТМ КП-1654/99 А-195 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9743209> (дата обращения 31.01.2021); Номер в ГК 9622427. ТМ КП-1654/102 А-197 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9743172> (дата обращения 31.01.2021).

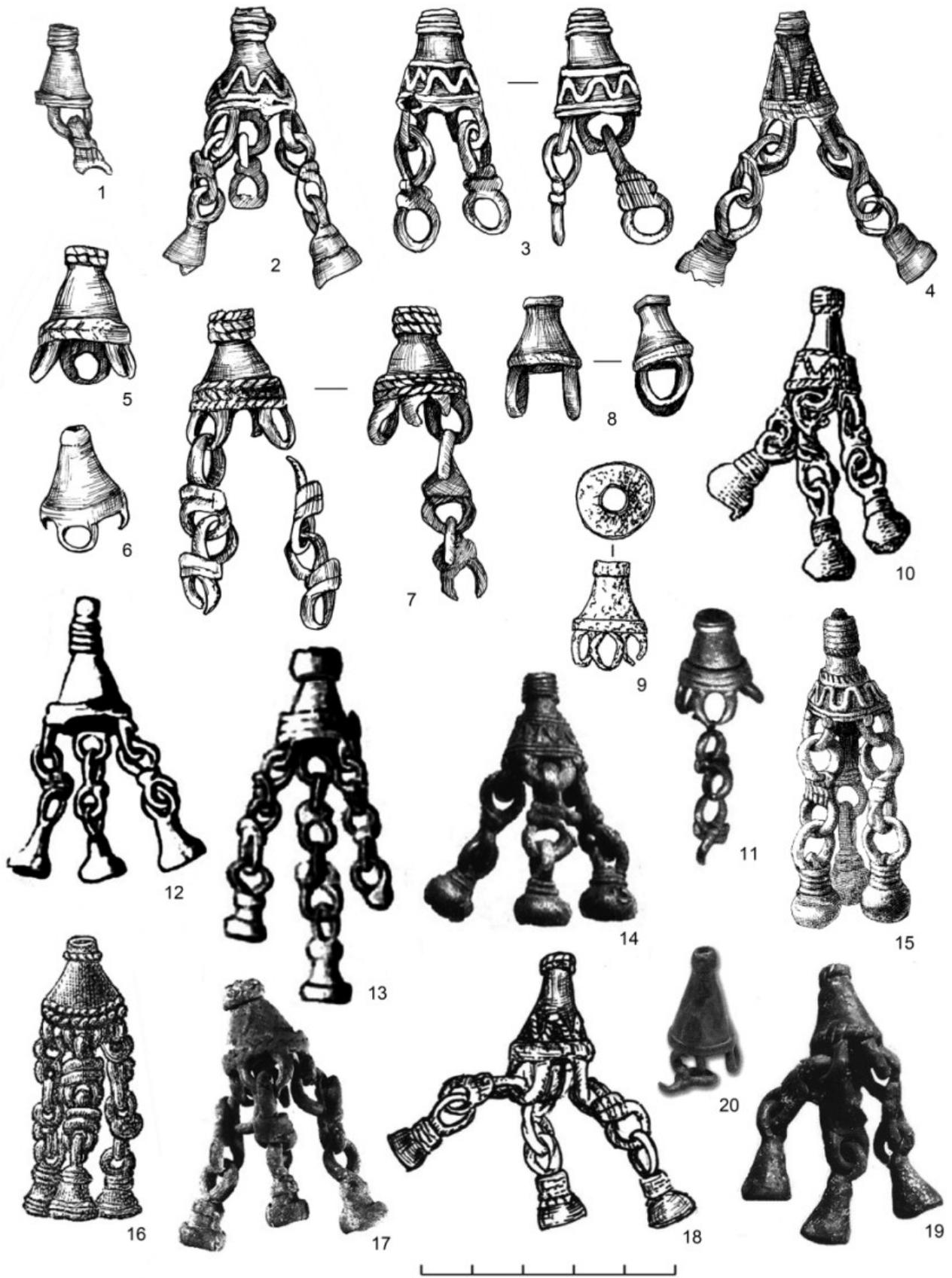

Рис. 6. Конические подвески из археологических памятников Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1–8 — Новгород (1 — НГМ КП 47095/39 А-226/39; 2 — НГМ КП 25408/44 А-18/44; 3 — НГМ КП 36697/379 А-109/379; 4 — НГМ КП 36697/380 А 109/380; 5 — Рогатицкий-2014 № 657; 6 — НГМ КП 31296/137 А 72/137; 7 — НГМ КП 34792/507 А 110/507; 8 — НГМ КП 34792/532 А 110/532); 9 — Рюриково городище (*Носов и др.*, 2017. Рис. 5, 1); 10 — Кургино (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. Рис. 43, 3); 11 — Раглицы (*Соболев, Торопов*, 2014. Рис. 3); 12–13 — Кяргино-Гарняки (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. Рис. 63, 1–2); 14 — Кирилино (*Бранденбург*, 1895. Табл. III, 17); 15 — Беседа (*Спицын*, 1896. Табл. VIII, 5); 16 — Яровщина (*Aspelin*, 1878. № 1126); 17 — Ефремково (Ратовичи) (*Линеvский*, 1947. Л. 112); 18 — Никольщина (ГЭ 1416/4); 19 — Софпорог (*Кочкуркина*, 2017. Рис. 68, 6); 20 — Дубровно (*Минасян, Матехина*, 2018. Ил. 45). 14–17, 20 — масштаб различный

Fig. 6. Conical pendants from archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1–8 — Novgorod (1 — НГМ КП 47095/39 А-226/39; 2 — НГМ КП 25408/44 А-18/44; 3 — НГМ КП 36697/379 А-109/379; 4 — НГМ КП 36697/380 А 109/380; 5 — Рогатицкий-2014 № 657; 6 — НГМ КП 31296/137 А 72/137; 7 — НГМ КП 34792/507 А 110/507; 8 — НГМ КП 34792/532 А 110/532); 9 — Rurik Gorodishche (*Носов и др.*, 2017. Рис. 5, 1); 10 — Kurgino (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. Рис. 43, 3); 11 — Raglitsy (*Соболев, Торопов*, 2014. Рис. 3); 12–13 — Kyargino-Garnyaki (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. Рис. 63, 1–2); 14 — Kirilino (*Бранденбург*, 1895. Табл. III, 17); 15 — Beseda (*Спицын*, 1896. Табл. VIII, 5); 16 — Yarovshchina (*Aspelin*, 1878. № 1126); 17 — Yefremkovo (Ratovich) (*Линеvский*, 1947. Л. 112); 18 — Nikol'shchina (ГЭ 1416/4); 19 — Sofporog (*Кочкуркина*, 2017. Рис. 68, 6); 20 — Dubrovno (*Минасян, Матехина*, 2018. Ил. 45). 14–17, 20 — scales differ

атрибутов финно-угорской культуры (*Голубева*, 1982. С. 118–119). В целом треугольные подвески различных форм были широко распространены на территории Волго-Камья в разные периоды. Украшения XI–XIII вв., характерные для Прикамья, часто оформлены массивными жгутами и дополнены треугольниками ложной зерни (*Иванова*, 1998. С. 143, рис. 58). Ближе всего именно к прикамским изделиям треугольная подвеска из могильника Горка 3 (рис. 7, 1) (*Станкевич*, 1947. Рис. 2), датированного С. И. Кочкуркиной XI в. (*Кочкуркина*, 1989. С. 191). Остальные треугольные подвески, встреченные на территории Балтии, весьма разнообразны, варьирует оформление и каркасного щитка, и его заполнения. Преимущественно они имеют слегка закругленную нижнюю часть и три-четыре петли для привесок. Стилистически они ближе не предуральским изделиям, а поволжским. Подобные изделия в трудах Е. А. Рябина фигурировали как украшения, относящиеся к «местным чудским древностям» Костромского Поволжья (*Рябинин*, 1997. С. 194). Они были также обозначены как поздняя разновидность «мерянских» украшений (*Там же*. С. 131).

Треугольная подвеска со щитком, составленным из гладких жгутов, происходит из кургана 3 могильника Видлица (рис. 7, 2). Вместе с этим изделием были найдены четыре западноевропейские монеты XI в. и прикамская подвеска-«всадник на змее» (*Равдоникас*, 1934. С. 14–15, табл. V, 12; *Кочкуркина*, 1989. С. 236). Еще одна подвеска с похожим оформлением щитка обнаружена в кургане 2

могильника Кузнецы и Чалых (рис. 7, 3) (*Бранденбург*, 1895. С. 97, табл. VII, 6), датированного С. И. Кочкуркиной и А. М. Линеvским XI–XII вв. (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. С. 9).

Изделие с центральной частью, заполненной перекрещивающимися по диагонали линиями, встречено в Новгороде в слое второй половины XII в. (рис. 7, 4) (*Гайдуков, Олейников*, 2014. Рис. 5, 2). Каркас подвески оформлен в виде трех жгутов, центральный перекручен. Обломок стилистически схожего изделия, но меньшего по размеру, зафиксирован в ходе раскопок 1986 г. на Земляном городище Старой Ладоги (рис. 7, 5)¹⁷; примечательно, что украшение дополнено только двумя петлями для шумящих привесок.

Треугольная подвеска с таким же декором центра найдена в Шведской Лапландии на жертвеннике Гротраск (рис. 7, 6) (*Serning*, 1956. Pl. 40, 4). Фрагмент изделия происходит также из памятника Унна Сайва (рис. 7, 7) (*Serning*, 1956. Pl. 17, 3). В центре изделия имеются следы вертикальной оси и диагональных линий, а на каркасе расположены пять округлых отверстий. Вероятно, украшение представляло собой оригинальную форму данной разновидности подвесок.

На сегодняшний день нам известно три экземпляра треугольных подвесок из Финляндии. Схожая с ладожским экземпляром находка встречена в Хянтила-Йува (рис. 7, 9) (*Tomanterä*, 1991. S. 40, abb. 9). В Палвиала Туллонен (район Карку) (рис. 7, 8) подвеска была найдена вне комплекса,

¹⁷ СЛМЗ НВФ-731 А-1/109.

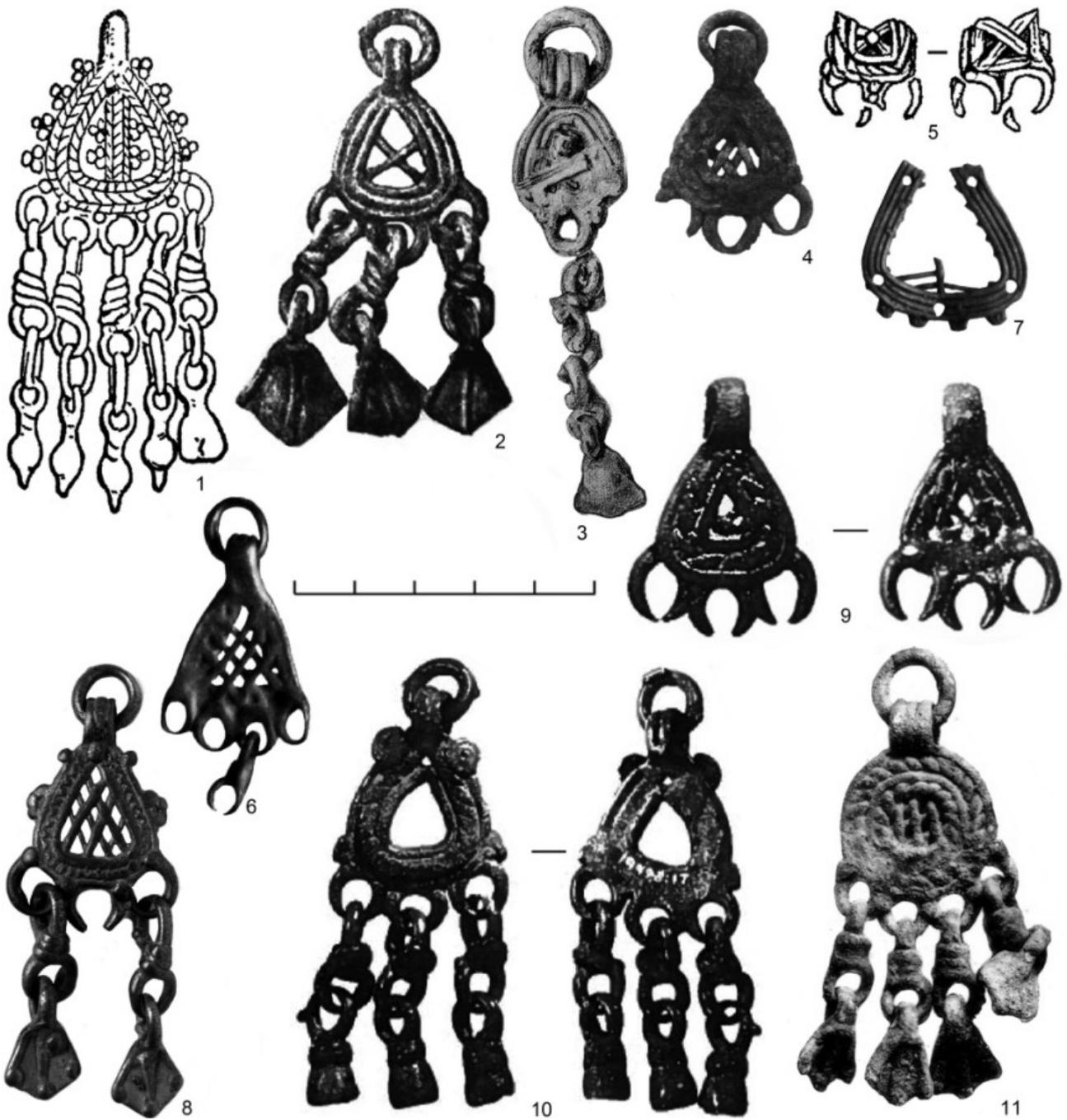

Рис. 7. Подвески треугольной и круглой формы из археологических памятников Северной и Восточной Балтии: 1 — Горка (Станкевич, 1947. Рис. 2); 2 — Видлица (Равдоникас, 1934. Табл. V, 12); 3, 11 — Кузнецы-Чалых (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 6; III, 8); 4 — Новгород (Гайдуков, Олейников, 2014. Рис. 5, 2); 5 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 3, 20); 6 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 4); 7 — Унна Сайва (*Ibid.* Pl. 17, 3); 8 — Палвиала-Туллонен (Tomanterä, 1991. Abb. 8); 9 — Хяниила-Йува (*Ibid.* Abb. 9); 10 — Лаутамяки-Теува (*Ibid.* Abb. 10). 1, 3, 6–11 — масштаб различный

Fig. 7. Pendants of the triangular and globular shape from archaeological sites of the Northern and Eastern Baltics: 1 — Gorka (Станкевич, 1947. Рис. 2); 2 — Vidlitsa (Равдоникас, 1934. Табл. V, 12); 3, 11 — Kuznetsy-Chalykh (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 6; III, 8); 4 — Novgorod (Гайдуков, Олейников, 2014. Рис. 5, 2); 5 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 3, 20); 6 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 4); 7 — Unna Saiva (*Ibid.* Pl. 17, 3); 8 — Palviaala-Tullonen (Tomanterä, 1991. Abb. 8); 9 — Hännila-Juva (*Ibid.* Abb. 9); 10 — Lautamäki-Teuva (*Ibid.* Abb. 10). 1, 3, 6–11 — scales differ

на могильнике эпохи викингов и предшествующего периода (*Ibid.* S. 40, abb. 8). Треугольная подвеска из Теува-Лаутамяки (рис. 7, 10) представляет собой наиболее оригинальное изделие из известных авторам (*Ibid.* S. 40, abb. 7). Центральная часть не заполнена, а в верхней части щитка помещены две небольшие волюты.

Более редкими (по сравнению с треугольными) являются круглые подвески. Такое изделие происходит из кургана 2 могильника между дер. Кузнецы и Чалых (рис. 7, 11) — схожая с волжскими украшениями круглая подвеска (*Бранденбург*, 1895. Табл. III, 8), аналогия которой известна в материалах Костромских курганов (*Нефедов*, 1899. Табл. 2, 2).

Треугольные, конические, а также составленные из волют подвески в XII–XIII вв. и на территории Волго-Камья, и Белозерья широко представлены в памятниках, чья культурная принадлежность соотносится как с финно-угорским, так и с древнерусским населением. В рассматриваемый период, вероятно, отнюдь не все изделия, украшенные плетенками, витыми жгутами, волютами и др., являлись непосредственными импортами из Северо-Восточных земель. На территорию Балтии могли «импортироваться» идея и стилистика. В этой связи логично обозначить находки, чья культурная принадлежность в историографии получила подчас диаметрально противоположные интерпретации. Ряд синкретичных ювелирных изделий XII–XIII вв. — игольники, массивные звенья цепей, некоторые разновидности фибул — рассматривались В. Н. Кузнецовой в отдельных публикациях (*Кузнецова*, 2019б; 2020а).

В рамках данной статьи стоит отметить наиболее интересные изделия. Выше мы писали о круглых застежках, характерных для Волго-Камья. В Теува-Лаутамяки найдено изделие с волнистым орнаментом и петлями для шумящих привесок (рис. 8, 1). Форма напоминает импортные фибулы, однако декор говорит об иной традиции: волна, крупные капли, обрамляющие петли для подвесок, характерны для древнерусских изделий. Например, эти элементы присутствуют в оформлении полых зооморфных подвесок. Уникальная на сегодняшний день фибула (рис. 8, 2) происходит из Старой Руссы, из раскопок А. Ф. Медведева 1968 г. (пласты 14–16)¹⁸. На дуге расположен

рельефный орнамент в виде волнистых линий и завитков. С одной стороны, он может быть рассмотрен как аллюзия на декор карельских фибул. С другой, он характерен для полых полиморфных и конических подвесок, которые были распространены на территории Верхнего Поволжья и Белозерья. В пользу ассоциации именно с этим кругом изделий говорят и жгуты, оконтуривающие корпус фибулы, и волюты, расположенные на дужке иглы. Совершенно нестандартным элементом являются петли для привесок, расположенные сбоку изделия (если считать верхней частью участок с редуцированными головками). К ним прикреплены длинные цепочки, составленные из щитковых звеньев. Привеской является умбоновидное, или волютообразное, украшение. Собственно оно, как и щитковые звенья цепочек, является характерным для Волго-Камья.

Все обозначенные элементы также фигурируют в декоре игольников с ажурной арочной спинкой (рис. 8, 3–5, 8, 9). Они являются, пожалуй, наиболее яркой разновидностью синкретичной металлопластики. Арка состоит из «косички», гладких или рельефных жгутов — элементов, характерных для средневековой металлопластики Волго-Камья. Схожие приемы можно увидеть в оформлении «коньков» владимирского типа, камских арочных подвесок и ряда других изделий. В то же время, сама форма игольника в виде горизонтальной трубочки связана с северо-западом лесной зоны Восточной Европы, а косорешетчатое заполнение арки «повторяет рисунок на круглых подвесках XII–XIII вв., характерных для Новгородской земли» (*Голубева*, 1973. С. 41).

В прибалтийских землях сама арочная форма украшений была весьма популярна. Так, в памятниках Латвии и Эстонии известны арочные подвески, выполненные в схожей с игольниками стилистике, но не имеющие функции игольников (рис. 8, 6, 10). Пропорции и оформление последних различны. Центральная часть заполнена косорешетчатым орнаментом, как правило, изделия дополнены привесками на щитковых звеньях (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI, 12; *Тыниссон*, 1984. Рис. 1, 20; *Tõnisson*, 1974. Taf. XXXIV), характерных для украшений Волго-Камья. Однако форма привесок вариативна. Так, случайная находка из

¹⁸ Авторы выражают глубокую признательность руководителю Центра археологических исследований

Новгородского ГУ С. Е. Торопову за информацию о находке.

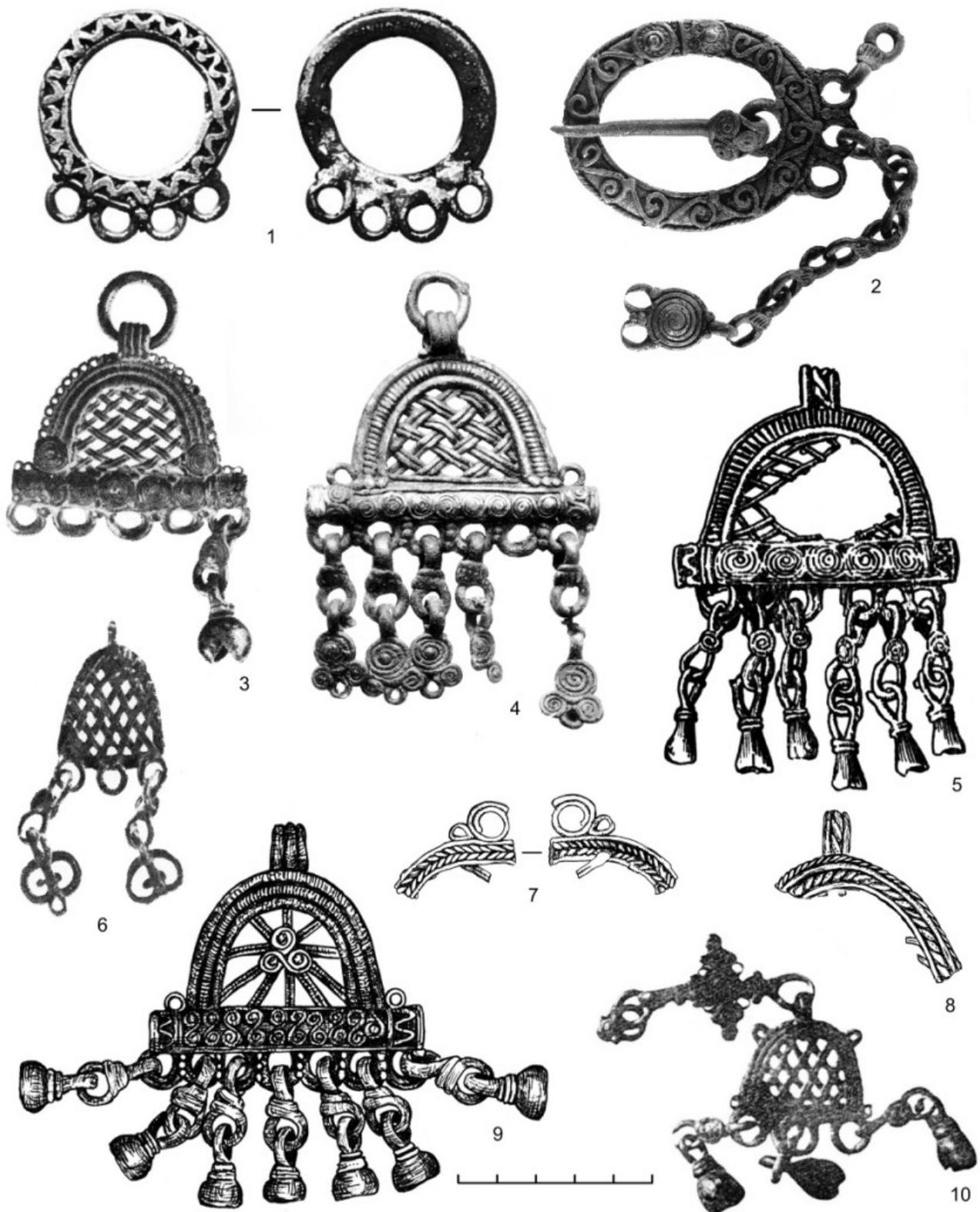

Рис. 8. Синкретичные изделия из археологических памятников Восточной Балтии: 1 — Теува-Лаутамяки (Tomanderä, 1991. Abb. 5); 2 — Старая Русса; 3 — Мади (Selirand, 1974. Tahv. XXXI, 3); 4 — Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4); 5 — Щепняк (Кочуркина, 1989. Рис. 91, 2); 6 — Карла Козе (Selirand, 1974. Tahv. XXXI, 4); 7, 8 — Новгород (7 — НГМ КП 46254/430 А 208/430; 8 — НГМ КП 42580/17 А-178/17); 9 — Никольщина (ГЭ 1416/6); 10 — Саласпилс Мартыньсала (Мугуревич, 1965. Табл. XXVI, 12). 1, 4 — масштаб различный

дер. Карла (вол. Коце, Эстония) (рис. 8, 6) дополнена фигурными привесками (Ф-видной формы) (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 4), часто встречающимися на прибалтийских украшениях (*Тыниссон*, 1984. Рис. 1, 22–23).

Из Козмодемьянского II раскопа Великого Новгорода происходит дугообразный фрагмент украшения, корпус которого был оформлен косячком (рис. 8, 7)¹⁹. Как и в случае с арочными игольниками, такое оформление является реминисценцией из волжско-финской традиции. С одной стороны фрагмента сохранился обломок диагональной линии, с противоположной — завиток с петелькой. Последняя деталь в наибольшей степени схожа с тем, как оформлены «хвосты» у полых коньков (*Рябинин*, 1981).

Импортные изделия X–XI вв. с территории Волго-Камья заметно отличаются от украшений Балтии как с точки зрения стилистики (звериный стиль, иная орнаментация и пр.), так и в технологическом отношении (ажурные поволжские украшения в так называемой наборной технике). Тем не менее они включаются в местный костюм, но довольно любопытно адаптируются к местной моде. Так, неволинские пояса из женского атрибута превращаются в мужской, а подвески «всадники», напротив, из мужского в женский.

В XII–XIII вв., с одной стороны, увеличивается количество находок, маркирующих контакты с Волго-Уральским регионом, с другой, многие из них — конические, треугольные подвески и др. — уже не выглядят как инокультурный элемент в древнерусском уборе. Изначально импортные изделия в какой-то момент становятся основой для появления синкретичных украшений.

Неслучайна путаница, возникающая относительно культурной принадлежности некоторых изделий. К примеру, пронизки со «вздутиями» не всегда вычленились как импорты, так как форма изделий схожа с так называемыми Ф-видными пронизками, считающимися характерными для

средневековой корелы. Игольники с арочной ажурной спинкой, дисковидные и трапециевидные разделители также часто рассматривались как «этнические украшения веси» (*Кузнецова*, 2019а; 2019б; 2020б).

На фоне активной древнерусской колонизации (появления изначально не моноэтнического или монокультурного древнерусского населения) и развития торговых связей для ряда изделий границы между характерными для того или иного региона типами становятся весьма размытыми. Отнюдь не случайным является появление различных ювелирных изделий в синкретичном стиле — как довольно массовых, так и редких. Так, «птица» из Ухтуа, вероятно, как заметили еще А. М. Тальгрэн и К. А. Нордман, была выполнена по мотивам Пермского звериного стиля. Однако орнаментальное решение (наличие завитков, изящных линий и др.), форма некоторых привесок говорят о переосмыслении идеи в контексте прибалтийско-финской стилистики (*Tallgren*, 1931. P. 113). Целый ряд древнерусских зооморфных подвесок возникает в результате контаминации черт северо-западной и северо-восточной традиций (*Кузнецова*, 2018а).

Исходя из имеющихся на сегодняшний день в нашем распоряжении данных, можно говорить о том, что наибольшая концентрация изделий, связанных с Волго-Уральским регионом (как в виде непосредственных импортов, так и в виде изделий, возникших под влиянием стилистики Волго-Камья), наблюдается в Юго-Восточном Приладожье и Новгороде (рис. 9).

Примечательно, что определенное различие в наборе изделий также присутствует. В Приладожье выявлены и наиболее ранний набор волгокамских импортов, и изделия XII–XIII вв., в том числе синкретичная пластика. Новгород и округа преимущественно представлены более поздним набором украшений середины — второй половины XI — XIII в.

¹⁹ НГМ КП 46254 А-208/430.

Fig. 8. Syncretic objects from archaeological sites of the East Baltics: 1 — Teuva-Lautamäki (*Tomanterä*, 1991. Abb. 5); 2 — Staraya Russa; 3 — Madi (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 3); 4 — Shakhново (*Бранденбург*, 1895. Табл. V, 4); 5 — Shchepnyak (*Кочкуркина*, 1989. Рис. 91, 2); 6 — Karla-Koze (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 4); 7, 8 — Novgorod (7 — НГМ КП 46254/430 А 208/430; 8 — НГМ КП 42580/17 А-178/17); 9 — Nikol'shchina (ГЭ 1416/6); 10 — Salaspils Martynsala (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI, 12). 1, 4 — scales differ

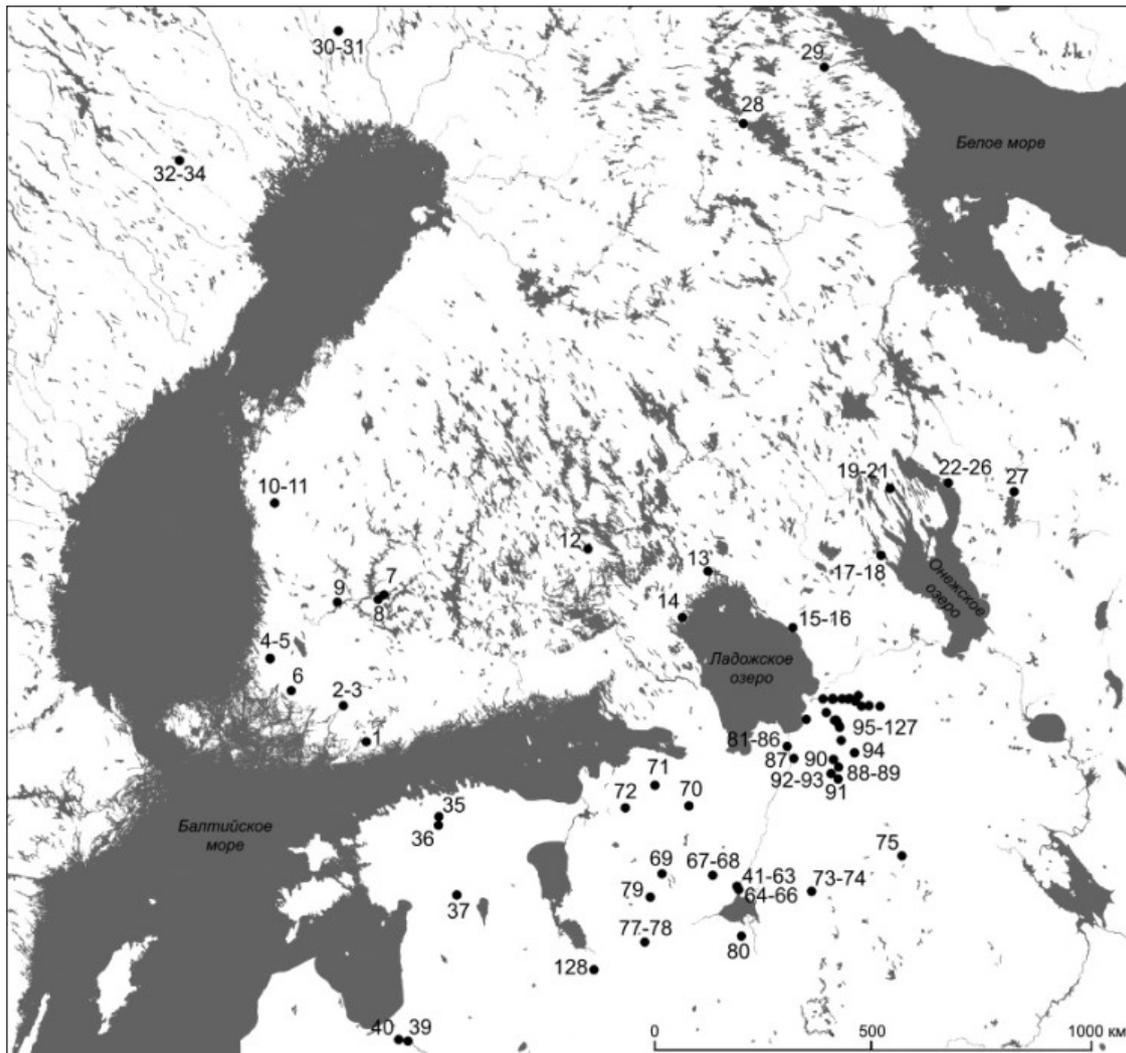

Рис. 9. Карта находок, упомянутых в статье: 1 — Бробака-Карья; 2–3 — Луккаринмяки-Ускела; 4–5 — Кюлямяки-Лайтила; 6 — Маску-Хуммиккала; 7 — Юсила-Кангасала; 8 — Вилусенхарью-Тампере; 9 — Палвиала-Каркку; 10–11 — Лаутамяки-Теува; 12 — Хяннила-Йува; 13 — Хелюля Хернемяки; 14 — Терву-Линнасаари; 15–16 — Видлица; 17–18 — Шуя; 19–21 — Кокорино; 22–26 — Чёлмужи; 27 — Илекса; 28 — Софпорог; 29 — Чупа; 30–31 — Унна Сайва; 32–34 — Гротраск; 35 — Маллавере; 36 — Карла Козе; 37 — Мад; 39 — Икскиле Кабеле; 40 — Саласпилс Мартыньсала; 41–63 — Новгород; 64–66 — Рюриково городище; 67–68 — Раглицы; 69 — Заполье; 70 — Вырица; 71 — Котино; 72 — Беседа; 73–74 — Бор III-IV; 75 — Стёпаново; 77–78 — Дубровно; 79 — Которск; 80 — Старая Руса; 81–86 — Старая Ладога; 87 — Новосельск; 88–89 — Паскуйоки (Залющик); 90 — Горки; 91 — Ялгино; 92–93 — Шомукша; 94 — Исаково-Усадище; 95–127 — Юго-Восточное Приладожье (Кузнецы-Чалых, Никольщина, Карлуха, Шангеничи, Яровщина, Кургино, Новинка, Заозерье, Алёховщина, Кяргино-Гярняки, Ефремково (Ратовичи), Шахново, Рыбежна, Воскресенский ручей, Сязнега, Кирилино, Щепняк, Подъелье, Царевщина, Саньково); 128 — Погорелка

Fig. 9. Map of the finds mentioned in the article: 1 — Brobaka-Karjä; 2–3 — Lukkarinmäki-Uskela; 4–5 — Kylämäki-Laitila; 6 — Masku-Hummikkala; 7 — Jussila-Kangasala; 8 — Vilusenharju-Tampere; 9 — Palviaala-Karkku; 10–11 — Lautamäki-Teuva; 12 — Hännilä-Juva; 13 — Helylä Hernemäki; 14 — Tervu-Linnasaari; 15–16 — Vidlitsa; 17–18 — Shuya; 19–21 — Kokorino; 22–26 — Chyolmuzhi; 27 — Ilekسا; 28 — Sofporog; 29 — Chupa; 30–31 — Unna Saiva; 32–34 — Grotrask; 35 — Mallavere; 36 — Karla-Koze; 37 — Madi; 39 — Ikskile Kabele; 40 — Salaspils Martynsala; 41–63 — Novgorod; 64–66 — Rurik Gorodishche; 67–68 — Raglitsy; 69 — Zapolye; 70 — Vyritsa; 71 — Kotino; 72 — Beseda; 73–74 — Bor III-IV; 75 — Styopanovo; 77–78 — Dubrovno; 79 — Kotorск; 80 — Staraya Rusa; 81–86 — Staraya Ladoga; 87 — Novosel'sk; 88–89 — Paskujoki (Zalyushchik); 90 — Gorki; 91 — Yalgiно; 92–93 — Shomuksha; 94 — Isakovo-Usadishche; 95–127 — South-Eastern Ladoga (Kuznetsy-Chalykh, Nikol'shchina, Karlukha, Shangenichi, Yarovshchina, Kurgino, Novinka, Zaozerye, Alyokhovshchina, Kyargino-Gyarnyaki, Yefremkovo (Ratovich), Shakhново, Rybezha, Voskresensky Ruchey, Syaznega, Kirilino, Shchepnyak, Podyelye, Tsarevshchina, San'kovo); 128 — Pogorelka

- Алихова*, 1969 — *Алихова А. Е.* Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969 (Археологический сб. Т. III). 176 с.
- Архипов*, 1973 — *Архипов А. Г.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 200 с.
- Ахмедов*, 2016 — *Ахмедов И. Р.* Мордва: между Хазарским каганом, Волжской Булгарией и Русью // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 440–461.
- Белавин*, 2000 — *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- Белавин*, 2002 — *Белавин А. М.* Культурные связи финнов Прибалтики и Поволжья с угро-финским населением Пермского Предуралья и вопросы этнической истории Прикамья // Древние этнокультурные связи финно-угров: Материалы рос. археологической конф., посв. 30-летию Марийского гос. ун-та и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. Йошкар-Ола: б. и., 2002. С. 171–175.
- Белавин*, *Крыласова*, 2008 — *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Белавин*, *Крыласова*, 2010 — *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, антропология и этнография Евразии. 2010. № 2 (42). С. 79–88.
- Белавин*, *Крыласова*, 2012 — *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.
- Богуславский*, 1994 — *Богуславский О. И.* Отчет о работах Приладожского отряда в 1994 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1994. Д. 43.
- Бранденбург*, 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.
- Вихляев и др.*, 2008 — *Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. 352 с.
- Воронина*, 2007 — *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 164 с.
- Вострокнутов*, 2013 — *Вострокнутов А. В.* Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского ГУ. 2013. № 12 (303). С. 5–12.
- Вострокнутов*, 2020 — *Вострокнутов А. В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья XI–XIV веков нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб.: Маматов, 2020. 328 с.
- Гайдуков*, *Олейников*, 2014 — *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Исследования на территории Воскресенской слободы Великого Новгорода в 2013 году (раскопы Алексеевский 3 и Алексеевский 4), 2014. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2006. Вып. 28. С. 62–71.
- Голдина*, 1970 — *Голдина Р. Д.* Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 57–112.
- Голдина*, 1985 — *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
- Голубева*, 1964 — *Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3. С. 115–131.
- Голубева*, 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Голубева*, 1979 — *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (САИ; Вып. Е1–59). 112 с.
- Голубева*, 1982 — *Голубева Л. А.* К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР, 1982. С. 110–124.
- Голубева*, *Варенов*, 1993 — *Голубева Л. А., Варенов А. Б.* Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. 1993. № 4. С. 94–109.
- Гришаков*, 1988 — *Гришаков В. В.* К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1988. С. 71–103.
- Гроздилов*, 1941 — *Гроздилов Г. П.* Сел. Челмужи // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 13–14.
- Зеленцова*, *Милованов*, 2015 — *Зеленцова О. В., Милованов С. И.* Курганные обряд погребения

- в Нижнем Поочье в эпоху средневековья // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 122–134.
- Иванов, 1952 — Иванов П. П. Материалы по археологии мордвы. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
- Иванов, 1998 — Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII в.). Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 308 с.
- Иванова, 1982 — Иванова М. Г. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмуртской ССР, 1982. С. 52–77.
- Иванова, 1992 — Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1992. 126 с.
- Иванова, 1998 — Иванова М. Г. Городище Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Кирпичников, Сакса, 2002 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред.: Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 134–144.
- Кочуркина, 1973 — Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
- Кочуркина, 1981 — Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л.: Наука, 1981. 160 с.
- Кочуркина, 1989 — Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
- Кочуркина, 2008 — Кочуркина С. И. Новые археологические находки эпохи средневековья в Северной Карелии // РА. 2008. № 4. С. 128–129.
- Кочуркина, 2010 — Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, 2010. 264 с.
- Кочуркина, 2013 — Кочуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2013. 160 с.
- Кочуркина, 2017 — Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.
- Кочуркина, Линевский, 1985 — Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
- Крыласова, 2001 — Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
- Крыласова, 2007 — Крыласова Н. Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.
- Кузнецова и др., 2019 — Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В., Миляев П. А. Новые находки зооморфных изделий в Старой Ладоге // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 218–227.
- Кузнецова, 2018а — Кузнецова В. Н. Изобразительные традиции Севера Руси и Прикамья в зооморфных подвесках XI–XIII веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. ст. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. Вып. 8. С. 610–621.
- Кузнецова, 2018б — Кузнецова В. Н. Находки средневековых украшений и деталей костюма в контексте контактов Северо-Запада Руси и Уральских земель // Археология Севера России Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 частях / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII). С. 260–265.
- Кузнецова, 2019а — Кузнецова В. Н. Дисковидные украшения в археологических материалах Северной Руси и Волго-Камья // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова: Сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. Кострома, 2019. С. 44–50.
- Кузнецова, 2019б — Кузнецова В. Н. Ювелирные изделия XII–XIII вв. в синкретичном «чудском» стиле // АиИПиПЗ. Псков: ИА РАН, 2019. Вып. 34 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 64-го заседания (2018 г.)). С. 300–313.

- Кузнецова, 2020а — Кузнецова В. Н. Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 334–345.
- Кузнецова, 2020б — Кузнецова В. Н. Находки редких разновидностей «цеперазделителей» с территории Севера Руси и Волго-Камья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИАР-Центр, 2020. Вып. 13. С. 54–62.
- Кузнецова, Григорьева, 2017 — Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2017. Вып. XII: Средневековая археология Евразии: от Камы до Дуная: Сб. науч. тр. к 50-летию юбилею Н. Б. Крыласовой. С. 60–73.
- Кулябина, 2013 — Кулябина Н. В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог / Под ред. Г. Н. Чагина. Пермь: ПКМ, 2013. 268 с.
- Леонтьев, 1989 — Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984) // Ранне-средневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1989. С. 5–105.
- Леонтьев, 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Леонтьев, 1999 — Леонтьев А. Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 18–66.
- Линевский, 1947 — Линевский А. М. Отчет по обследованию курганов X–XI вв. на реке Оять Ленинградской области в 1947 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 147.
- Макаров, 2009 — Макаров Н. А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2009. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. С. 91–102.
- Минасян, Матехина, 2018 — Минасян Р. С., Матехина Т. С. Находки Н. К. Рериха в бывшем Порховском уезде бывшей Псковской губернии в 1899 году, относящиеся к XI–XIII векам // Н. К. Рерих. «Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего». К 125-летию начала археологической деятельности академика живописи, археолога, коллекционера и путешественника Н. К. Рериха: альбом / Гл. ред. А. А. Бондаренко; отв. ред. Ю. Ю. Будникова. СПб.: Изд. СПб. Гос. музей-институт семьи Рерихов, 2018. 64 с.
- Мугуревич, 1965 — Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122: О раскопках С. А. Теплоухова в Северо-Западной области; Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 37: Полевой отчет Е. А. Рябинина о полевых исследованиях Староладожского земляного городища в 1982 г.
- Нефедов, 1899 — Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. М.: Тип. Н. И. Шарапова, 1899. Т. III. С. 161–236.
- Никитина, 2014 — Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: б. и., 2014 (Серия «Археология евразийских степей»; Вып. 14). 408 с.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.
- Оборин, Чагин, 1988 — Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. 184 с.
- Покровская, 2004 — Покровская Л. В. Привески Людина конца средневекового Новгорода: хронология (По материалам Троицкого раскопа) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2004. Вып. 18. С. 161–174.
- Покровская, 2009 — Покровская Л. В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х ч.: ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 37–47.
- Покровская, 2018 — Покровская Л. В. Шумящие привески с Троицкого раскопа // Археология Севера России Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; Вып. VII). С. 267–269.
- Равдоникас, 1934 — Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и

- юго-восточном Приладожье // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 94. 53 с.
- Русь и Балтика..., 2006 — Русь и Балтика в эпоху викингов: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. 119 с.
- Рябинин, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 124 с.
- Рябинин, 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, Лен. отд., 1986. 160 с.
- Рябинин, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Савельева, 1987 — *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 200 с.
- Савельева, 2019 — *Савельева Э. А.* Кичильковский I могильник XI–XIII вв. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.
- Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
- Семенов, 1985 — *Семенов В. А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Устинов: б. и., 1985. С. 92–118.
- Соболев, 2020 — *Соболев В. Ю.* Торговые контакты населения Которска // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 366–376.
- Соболев, Торопов, 2014 — *Соболев В. Ю., Торопов С. Е.* Комплекс памятников у деревни Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 28. С. 345–355.
- Спиридонов, 2013 — *Спиридонов А. М.* Раскопки могильника эпохи викингов в окрестностях Петрозаводска // Carelica. Научный электронный журнал. 2013. № 1 (10). С. 186–197 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://carelica.petrso.ru/2013/Chronicle_3.pdf (дата обращения 31.01.2021).
- Спицын, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Спицын, 1901 — *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.: Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1901 (МАР; № 25). 119 с.
- Спицын, 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902 (МАР; № 26). 70 с.
- Спицын, 1906 — *Спицын А. А.* Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 29–145.
- Станкевич, 1947 — *Станкевич Я. В.* Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР. С. 94–110.
- Степанов и др., 2009 — *Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В.* Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // НиНЗИИА. Великий Новгород: Визонт, 2009. Вып. 23. С. 62–79.
- Степанова, 2011 — *Степанова Ю. В.* Шумящие украшения мерянского типа на территории Верхневолжья // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. М.: СПб.: Альянс Архео, 2011. С. 79–89.
- Тыниссон, 1984 — *Тыниссон Э.* Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI–XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады третьего советско-финского симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая, 1981 г.). Л.: Наука, Лен. Отд., 1984. С. 181–187.
- Финно-угры и балты..., 1987 — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Фролов и др., 1995 — *Фролов А. А., Меснянкина С. В., Торопов С. Е.* Некоторые итоги археологических исследований в районе дд. Заручевье — Бор (Окуловский район Новгородской области) // НиНЗИИА. Новгород: НМЗ, 1995. Вып. 9. С. 71–82.
- Фролов, 1999 — *Фролов А. А.* Раскопки древнерусского поселения Бор IV в 1998 г. // НиНЗИИА. Новгород: НМЗ, 1999. Вып. 13. С. 24–32.
- Чернецов, 1957 — *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН, 1957 (МИА; № 35). 238 с.
- Янин и др., 2006 — *Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.* Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2006. Вып. 20. С. 5–14.
- Янин и др., 2013 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тянина Е. А.* Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г-1) // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 12–19.

- Ястребов*, 1893 — *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии СПб.: Тип. Н. И. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 63 с.
- Aspelin*, 1877–1878 — *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. II. L'Age Du Fer. Helsingfors: G.W. Edlund, 1877–1878. 396 s.
- Goldina*, *Goldina*, 2018 — *Goldina E., Goldina R.* Estonian Journal of Archaeology. 2018. 22, 2, P. 163–180.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göös AB OY, 1973. 150 s., 147 taf.
- Selirand*, 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmis-kombed varafeodaal-sete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand.). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 s.
- Serning*, 1956 — *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Stockholm: Almqvist & Wiksells Boktrryckeri AB, 1956. 222 s.
- Tallgren*, 1931 — *Tallgren A.M.* Biarmia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. №. 6. P. 100–120.
- Tomanterä*, 1991 — *Tomanterä L.* Wachsfiligran // Fennoscandia archaeologica. 1991. VIII. P. 35–49.
- Tõnisson*, 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur: II. Jh. Anfang 13. Jhs. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 209 s.

Mediaeval jewellery from the Volga-Kama area in the East-Baltic region

V. N. Kuznetsova, I. V. Stasyuk

Decorations made from nonferrous metals have, as a rule, regional specifics. They are often considered in historiography as 'ethnic markers'. However the finds from sites of northern and eastern Baltia demonstrate that, in the 9th–13th century, the ornaments, sometime provenient from very remote regions and belonging to a foreign culture, were included into the composition of the local set of decorations and were neighbouring with the local kinds of ornaments. In particular, objects characteristic of the Volga-Ural region are distinguishable. These include Kama imports (zoomorphic plastics, pendants-riders, a crutch with the figure of a hare), Volga imports ('openwork' zoomorphic ornaments, round brooches, diverse objects decorated with volutes and 'plaits', pendants in the form of relief horizontal pipes with appended paws or little bells), as well as objects characteristic of the Volga-Kama region in general (pendants of conical, arched, triangular or globular shape with rattling appendages). In the 12th–13th century, a convergence is observed between the artistic traditions of the Volga-Kama area, north-western Rus' and the Baltics which was expressed in the appearance of a group of syncretic objects combining the figurative motifs and jewellery techniques of the mentioned regions. These finds include needle cases with arched openwork backs, some variants of arched pendants with rattling appendages and round brooches. The present authors have examined 128 objects of the 9th–13th century with the provenience related directly or indirectly with the Volga-Kama region. The geography of the Baltic finds of Volga-Kama imports and syncretic objects is fairly expansive but two centres of their concentration are distinctly distinguishable: kurgans of the south-eastern Ladoga region and Novgorod; moreover, finds of the earliest age are characteristic of the Ladoga area, while in the urban strata of Novgorod, predominantly objects of the advanced Old-Russian period are concentrated. Staraya Ladoga can be considered as the third centre, which is although of less importance but also remarkable one.

Элитарные изделия из курганов на р. Оять (Ленинградская область)

С. И. Кочкуркина, О. В. Орфинская¹

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты элитарных изделий из курганов X–XII вв. на р. Оять: шелковые ткани, воротники с вышивкой, золотные нити. Авторы пришли к заключению о ценности изделий и предполагаемом месте их изготовления. Вероятно, существовали центры, куда поступали шелковые ткани и шелковые нити и где в меру своего умения женщины вышивали некоторые детали одежды, расходившиеся по значительной территории. Не очень высокий уровень выполнения вышивки не позволяет отнести воротники из приладожских курганов к продукции великокняжеских мастерских, но дорогие материалы (шелк и золотные нити) не могли быть предметами домашнего рукоделия.

Annotation. This paper considers fragments of elite objects of the 10th–12th century from kurgans on the Oyat River. It is silk textiles, embroidered collars, and gold-woven threads. The authors arrived at the conclusion about the high price of these objects and the hypothetical place of their manufacture. Possibly, there were centres to which silk cloths and silk threads were imported and where women, to the extent of their skill, embroidered some details of clothes, then distributed throughout a considerable territory. The rather inconsiderable qualitative level of the embroidering does not allow us to attribute the collars from the Ladoga kurgans to products of the grand-ducal workshops but the expensive materials (silk and gold-woven threads) could not have been objects of simple domestic needlework.

Ключевые слова: Приладожье, р. Оять, курганы, шелковые ткани, золотные нити, вышивка.

Keywords: Lake Ladoga region, Oyat River, kurgans, silk textiles, gold threads, embroidering.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-252-263

Ареал курганной (приладожской) культуры на рубеже I–II тысячелетий включал Юго-Восточное Приладожье и район Прионежья с бассейнами рек Сясь, Тихвинка, Воронежка, Паша, Капша, Оять, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица и северное побережье Онежского озера. В целом вскрыто более 700 насыпей. Примерно в полусотне географических точек имеются еще около 750 неисследованных курганов, сопки и некоторых других памятников. Кроме того, найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII вв.: на р. Паша — два, на р. Оять — один, на р. Свирь — шесть кладов. Три клада монет X–XI вв., выявленные на территории Карелии, также синхронны приладожской курганной культуре.

Курганы начали изучаться в 70-е гг. XIX в. финляндским исследователем Д. Е. Д. Европеусом. В 1878–1884 гг. погребальные памятники на р. Паша и ее притоках исследовал генерал артиллерии Н. Е. Бранденбург. Он опубликовал документацию о 120 насыпях, однако сохранившиеся дневники содержат информацию о большем числе. В предреволюционные годы изучением погребальных памятников занимался А. И. Колмогоров. По далеко не полным данным, он раскопал 69 насыпей и 22 сопки, но информация о них либо скудна, либо отсутствует вообще. В 1909 г. Н. И. Репников у дер. Городище на р. Сясь вскрыл пять курганов.

Много внимания курганным древностям уделял В. И. Равдоникас. Исследования, начатые им в 1915 и 1919 гг., с 1926 г. стали систематическими. Они охватили Юго-Восточное Приладожье, южную часть Карелии и северное побережье Онежского озера. В итоге В. И. Равдоникас исследовал 114 курганов в 33 группах, две сопки (дер. Красная

¹ Кочкуркина С. И. — ИЯЛИ Карельского НЦ; ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru. Орфинская О. В. — Центр египтологических исследований РАН; ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, 123001, Россия; e-mail: orfio@yandex.ru.

Заря) и пять кладбищ на Олонецком перешейке. В 40-х гг. XX в. известный финляндский археолог Э. Кивикоски обследовала две насыпи на р. Видлица. Большая заслуга в изучении курганов на р. Оять принадлежит А. М. Линевскому, раскопавшему в течение 1947–1949 гг. 174 погребальных памятника.

В 1960–1970 гг. курганы Приладожья и Прионежья исследовались С. И. Кочкуркиной, В. А. Назаренко, Г. С. Лебедевым, В. А. Кольчатовым, Т. Л. Верхорубовой и В. Я. Конечким. Тогда же научным сотрудником Тихвинского краеведческого музея И. П. Крупейченко произведены раскопки в Тихвинском и частично Бокситогорском районах Ленинградской области. В 1987–1990 гг. О. И. Богуславским и А. Д. Мачинской исследовался археологический комплекс (курганы, городище и селище) у дер. Городище; в 1989 г. А. М. Спиридоновым раскапывалась разрушенная группа курганов у дер. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера. Исследования единичных насыпей продолжались и позднее (Кочкуркина, 2017. С. 76–80).

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, приволжскими, среднеазиатскими народами и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях X в. части весов и гири вместе с предметами вооружения скандинавского типа, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большими опасностями. Приладожье являлось крупным поставщиком пушнины — самого ходового товара на всех рынках мира. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани, клады монет — яркие доказательства оживленной торговли в период раннего средневековья.

О населении, оставившем приладожские курганы, много спорили, но, в конце концов, пришли к заключению, что в основной своей массе оно было прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне.

Умерших в парадной одежде и в сопровождении тех предметов, которыми они пользовались в жизни, укладывали по разные стороны от очага: женщин — в западной части, мужчин —

в восточной, преимущественно на спине, головой на юг или с некоторым отклонением в сторону. На прогоревший костер/очаг ставили кухонный инвентарь: железный или бронзовый котел с цепью для подвешивания, сковороду, сковородник, лопатку, горшки, и потом курган насыпался до нужной высоты. Полный набор перечисленного инвентаря редок, чаще присутствовали один или несколько предметов. В курганах погребены взрослые, изредка — подростки, детские захоронения единичны (видимо, их хоронили иначе). О затухании курганной погребальной обрядности свидетельствуют малочисленные группы курганов XII–XIII вв. на Олонецком перешейке. Умершие погребены в могильных ямах и деревянных сооружениях — гробовищах, срубах, колодах — и ориентированы головой на запад и восток. В XIII в. курганы как форма погребальных памятников прекращают свое существование.

Курганы р. Оять отличались своеобразием погребального обряда и оригинальностью инвентаря, что позволяет говорить об особой этнической группе населения. Уже в X в. в погребальной традиции прибалтийско-финского оятского населения проявляются своеобразные черты: заворачивание сожженных (кальцинированных) костей умершего и вещей в бересту, покрывание умершего берестой и посыпание сверху кальцинированными костями непонятного происхождения, присутствие специфических вещей. Это, прежде всего, бусы-«флакончики», кресала с бронзовыми рукоятками, подвески, изображающие оленя или лося, прорезные и полые подвески-уточка. В ранних оятских курганах в одном и том же комплексе присутствовали как предметы западноевропейского происхождения, так и характерные для местного населения изделия. В погребениях X–XI вв. предметы, свойственные местному населению, становятся разнообразнее. К ним добавляются бронзовые ключи-амулеты, двойные бронзовые пронизки, пластинчатые кресала. Как и в предыдущей группе, на очагах и кострищах встречались слабо обожженные специально приготовленные для погребений лепные сосуды. Отголосками более древних традиций является наличие в более поздних курганах свертков из бересты с остатками кремации и вещами или отдельного комплекта вещей. Появляются срубы и могильные ямы, захоронения отдельных черепов и более-менее отчетливые следы жертвоприношений и насильственной смерти.

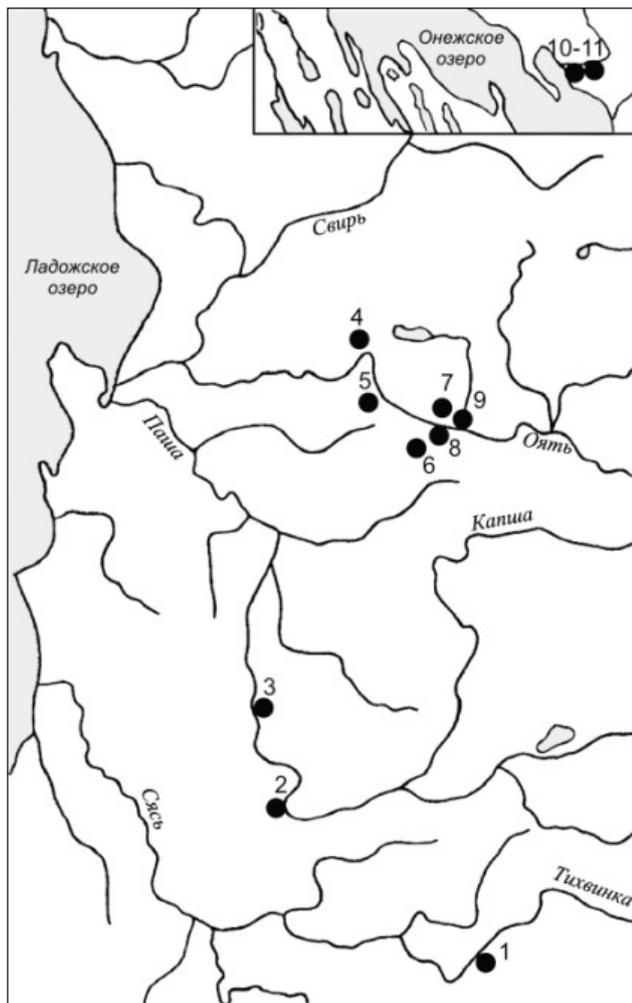

Рис. 1. Карта. Курганы с остатками текстиля: 1 — Новосельск-14; 2 — Заозерье-6; 3 — Леоново-112; 4 — Акулова Гора; 5 — Кургино; 6 — Алеховщина-1; 7 — Гайгово; 8 — Ньюбиничи; 9 — Кяргино-Круглицы; 10-11 — Чёлмузи

Fig. 1. Map. Kurgans with remains of textiles: 1 — Novoselsk-14; 2 — Zaozerye-6; 3 — Leonovo-112; 4 — Akulova Gora; 5 — Kurgino; 6 — Alyokhovshchina-1; 7 — Gaygovo; 8 — Nyubinichi; 9 — Kyargino-Kruglitsy; 10-11 — Chyolmuzhi

Курганы на р. Оять можно считать древневепскими, хотя не исключается вепская принадлежность и других насыпей, приписываемых местному прибалтийско-финскому населению. Этот вывод хорошо согласуется с результатами лингвотопонимических изысканий (Кочкуркина, 2016).

Богатейший материал курганов представлен ювелирными изделиями из цветного металла, предметами железодельного производства, вооружением, глиняной и металлической посудой, фрагментами текстиля.

Ткани из погребений приладожской курганной культуры впервые были подвергнуты комплексному анализу О. И. Давидан (Давидан, 1989). Ею изучены 78 образцов текстиля: 42 — из фондов Гос. Эрмитажа (раскопки В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черныгина), 36 — из фондов ИЯЛИ КарНЦ РАН (раскопки А. М. Ливневского). Технологический анализ осуществлен О. И. Давидан, анализ волокна проведен в химической лаборатории Гос. Эрмитажа Е. А. Миколайчук по методу, примененному ранее при исследовании староладожских тканей (Там же). В 2013–2014 гг. было проведено комплексное исследование оставшихся в фондах ИЯЛИ КарНЦ РАН 94 текстильных образцов (Кочкуркина, Орфинская, 2014).

Изделия, где использовались дорогие материалы, обычно относят к статусным. Почти наравне с золотом в период раннего средневековья ценились шелковые ткани, ленты, затканые золотными нитями, и золотные вышивки на шелке. Исследованию этих элитарных изделий и посвящена данная статья.

Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон применялись методы оптической микроскопии; качественный и количественный состав золотных нитей выявлен путем микрорентгеноспектрального анализа. Предметом исследования являются шелковые ткани и ленты с золотными нитями из курганных групп Кургино, Кургино-2, Кяргино-Круглицы и Акулова Гора (рис. 1).

Воротники с вышивкой

Фрагмент одного из воротников был обнаружен в погребении курганной группы Кургино-2, а фрагменты второго — в Кяргино-Круглицы-5, располагавшихся друг от друга на расстоянии около 40 км вдоль по реке.

Эти два фрагмента (рис. 2) имеют много общих черт.

1. Одинаковое изображение птиц в арках (рис. 3, 1). Сама композиция не отличается особой оригинальностью или выраженным русским стилем. Это довольно типичный сюжет для декоративных изделий византийского круга. Похожие изображения птиц и прочих зверей в арках известны на европейских вышивках, но, конечно, это не свидетельствует о европейском производстве: это общий сюжет, вероятно, своеобразная дань распространенной в то время моде.

Рис. 2. Общий вид фрагментов воротников с вышивкой: 1 — фрагмент из Кургино-2; 2 — фрагмент из Кяргино-Круглицы-5. Масштаб: а — для 1; б — для 2

Fig. 2. General view of the fragments of embroidered collars: 1 — fragment from Kurgino-2; 2 — fragment from Kyargino-Kruglitsy-5. Scale: a — for 1; b — for 2

2. Они сшиты из ткани, характеристики которой одинаковы для двух фрагментов, это шелк (саржа 2 : 1), окрашенный в зеленый цвет (рис. 3, 2–5).

3. Аналогичны уровень выполнения и техника вышивки (рис. 3, 6–7), характерная для многих вышитых изделий домонгольской Руси. Так, шов «в прикреп», который долго воспринимался как вышивка «на прокол», фиксируется в вышитых изделиях Древней Руси (Фехнер, 1993. С. 13–20; Катасонова, 2005; Титова и др., 2015. С. 115). В X–XII вв. подобный способ шитья был распространен не только на Руси, но также в Византии и странах Западной Европы (Фехнер, 1993. С. 5).

4. Использование одинаковых нитей для вышивки. Это золотные нити двух видов: с полоской металла из серебра² и серебра с двухсторонним

золочением. Позолоченные полосы были навиты на шелковый сердечник, а серебряные — на льняной.

Наличие двух фрагментов от однотипных изделий (но не от одного изделия) можно объяснить либо единым местом производства, продукция которого распределялась среди состоятельного населения, проживающего по берегам р. Оять, либо, что маловероятно, ошибкой при фиксации материала в 1940-х гг. Если исключить второе предположение, то можно заключить, что вышитые воротники были изготовлены одним мастером (об этом свидетельствуют техника и уровень выполнения работ), в составе одной партии (подтверждается одинаковыми исходными материалами), в течение достаточно короткого промежутка времени (один рисунок). Между погребениями Кургино-2 и Кяргино-Круглицы-5 существует небольшой хронологический разрыв, возможно, порядка 10–20 лет, в пределах XI в. Это хорошо вписывается в предложенную версию.

² От полоски металла сохранились только продукты коррозии серебра.

Рис. 3. Воротники с вышивкой: 1 — прорисовка вышитого рисунка, фрагмент из Кяргино-Круглицы-5; 2-5 — ткань; 6-7 — техника вышивки

Fig. 3. Embroidered collars: 1 — tracing of an embroidered design, fragment from Kyargino-Kruglitsy-5; 2-5 — cloth; 6-7 — technique of embroidering

Исходя из всего вышесказанного можно высказать предположение о существовании некоего «Центра N», куда поступали и шелковые ткани, и нити для вышивки. В данном случае нити можно разделить на самостоятельные потоки: шелковые нити, золотные нити (желтые — серебро с позолотой) на шелковом сердечнике и золотные нити (белые — серебро) на льняном сердечнике. Шелковые ткани, шелковые нити, а также золотные нити, состоящие из шелкового сердечника и

навитой на него полоски позолоченного металла, принято считать импортом. Происхождение нити, где полоска серебра намотана на льняной сердечник, не так очевидно.

Аналогичные изделия — вышитые шелковые воротники — зафиксированы во многих памятниках (Фехнер, 1993; Сабурова, Елкина, 1991; Энгватова и др., 2005; Яковчик, 2018). Однако наиболее близким по использованным материалам является воротник из курганного могильника

у пос. Волга (Тверская область) XII в. (Степанова и др., 2019). На этом фрагменте композиция строится также из арок, но их наполнение другое (поясная фигура и круг). Не только принадлежность изделия к одинаковым деталям одежды, но и декоративная арочная композиция роднит этот объект с воротничками из приладожских курганов. Главное их сходство — это ткань: зеленая саржа 2 : 1. Наблюдаются некоторые отличия в толщине нитей и степени крутки, которые можно объяснить различной степенью сохранности или длительностью использования этих тканей. Однако способ окраски и, главное, ее низкое качество позволяют отнести их к одному производственному центру. Но где он располагался? Это не центр с развитыми текстильными, в частности красильными, технологиями — это место, где производились простые ткани и осуществлялась их окраска на низком технологическом уровне³. К таким местам можно отнести периферию развитых центров Средней Азии.

Существенные различия между воротничками из приладожских курганов и воротником из могильника Волга заключаются в технике вышивки, которая выполнена швом «в прикреп» с золотными нитями, ровно лежащими на ткани, а не проходящими петлями наизнанку. Это более прогрессивный прием вышивки, который впоследствии закрепился как основной в золотном шитье.

Имея два таких объекта, существенно разнесенных по времени, можно предположить, что простые саржевые ткани зеленого цвета какое-то время приходили на Русь и получали распространение на разных ее территориях. Большой временной разрыв объясняется отношением людей к ценным вещам, которое существовало в любых культурах. Чем беднее и «проще» культура, тем дольше период бытования таких вещей. Вероятно, вышивкой занимались мастера в определенных центрах там же, где и изготавливались престижные изделия, далее становившиеся товаром. Уровень выполнения вышивки на данных воротничках не отличается высоким качеством,

³ Микроскопические исследования показали наличие крупинок синего красителя индиго на поверхности волокон, распределение этих скоплений неравномерное в пределах одного волокна и между волокнами. Это значит, что окрашивали или нити, или готовую ткань. Если окрашивали нити, то место окраски и место ткачества совпадают, а если окрашивали ткань, то они могут быть разнесены.

следовательно, это не мастерские, где работали профессионалы, например, княжеские или монастырские (Фехнер, 1993. С. 4). Шелковые и золотные нити — довольно дорогие материалы, значит, они не могли быть продуктом домашнего производства. Можно предположить существование крупного хозяйства, в котором вышивка являлась одним из направлений хозяйственной деятельности. Для средневековой Европы считалось необходимым для женщин высшего света заниматься рукоделием, в основном вышивкой (об этом свидетельствует, например, так называемый гобелен Бойе) и ткачеством лент (сохранилась лента XIII в. с надписью «королева Элеонора (Кастилии) сделала меня» (Spies, 2000. Р. 8)). Но такие вещи не предназначались для продажи. Возможно, на Руси женщины в богатых домах, подражая сестре Владимира Мономаха Анне Всеволодовне (Фехнер, 1993. С. 4), открывали мастерские по вышивке золотом и серебром при своих дворах или ближайших монастырях, как это было развито в XVI–XVII вв. (Калинина, 2003. С. 64).

Золотные ленты, тканые на дощечках

Ленты из курганной группы Кургино (рис. 4) вполне соответствуют стандарту импорта. В них использовались только шелковые нити, как для основы, так и для утка (базового и золотного).

Лента из курганной группы Кяргино-Круглицы (рис. 5), также сотканная на дощечках, отличается тем, что для формирования узора использовались два вида золотных нитей: с позолоченной полоской металла (сплав серебра с небольшим процентом золота и меди), навитой на шелковый сердечник, и нить, вероятно, с серебряной полоской (не сохранилась), навитой на льняной сердечник. Золототканая лента, где использовались нити с полоской металла из серебра и серебра с позолотой, встречается нечасто, для этого времени фиксируются единичные находки в Скандинавии (Spies, 2000. Р. 65) и в Пскове (Зубкова, Орфинская, 2015. С. 376), но там они навиты на шелковый сердечник.

Кроме того, для основы наряду с шелковой использовали и льняную нить. Ленты, где нити основы частично состоят из шелковых и льняных нитей, зафиксированы в Гнёздово (Орфинская, 2018. С. 423–442). Ленты из кургана Ц-189 и ПОль-62 имеют льняные нити, проходящие в кромках. Аналогичная картина наблюдается на некоторых лентах, обнаруженных в Северной Европе, где некоторые ученые считают их местными (Spies, 2000. Р. 58).

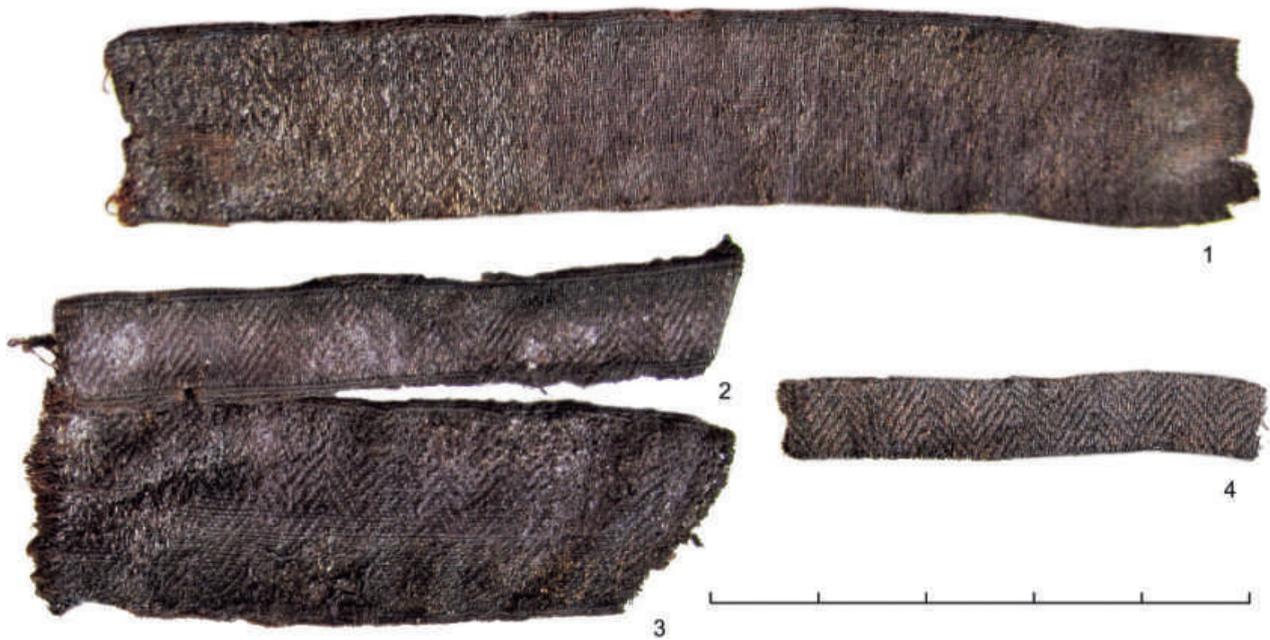

Рис. 4. Ленты из курганный группы Кургино-2: 1 — широкая лента с ромбическим узором; 2, 4 — узкие ленты с узором «зигзаг»; 3 — широкая лента с узором «зигзаг»

Fig. 4. Ribbons from kurgan group of Kurgino-2: 1 — broad ribbon with a rhombic pattern; 2, 4 — narrow ribbons with a “zigzag” pattern; 3 — broad ribbon with a “zigzag” pattern

Уточная нить в ленте из Кяргино-Круглицы тоже льняная. Эта характеристика объединяет ленту из Приладожья и ленты из Гнёздово. Такое активное использование льна свидетельствует об экономном отношении к шелку.

Крайне интересно, что в ленте и вышивке из одного кургана зафиксированы одинаковые нити (серебро на льняном сердечнике и серебро с позолотой на шелковом). Но состав металла в сохранившихся золотных нитях разных.

Использование нитей различной природы в одном изделии, например шерсти и льна, — явление вполне обычное. В приладожских курганах обнаружено несколько полушерстяных лент с различными вариантами рисунков. Причем в Гайгово-1 и Кургино-1 встречены фрагменты совершенно идентичных лент. Простота узора и доступность материалов позволяют высказать предположение, что это продукт местного домашнего производства. Ленты такого типа присутствуют в различных домонгольских могильниках и являются важным элементом костюма.

Использование шерстяных и льняных нитей в одном изделии характерно не только для лент, но и для тканей, к которым относится большая группа так называемых ажурных (Нахлик, 1963. С. 249–

250; Елкина, 2001. С. 16; Зоц Е., Зоц С., 2012. С. 68; Орфинская, 2012. С. 127). Название появилось благодаря разреженным полосам, которые делят ткань на квадраты. Именно на этих участках, где отсутствуют нити основы или утка, и были нити из растительных волокон, которые оказались полностью утраченными. Использование растительных волокон в данном случае позволяло создавать клетку из шерстяных и льняных нитей (красный–синий–белый или синий–белый, или коричневый–белый). Ажурные полушерстяные ткани вполне справедливо относят к производству, расположенному в центральной части Руси (по ареалу находок). В полушерстяных лентах, где лен введен в нити основы, он также служит для формирования узора. Льняная нить, которая работает как нить утка, чаще всего в узоре не участвует, являясь конструктивной, скрепляющей нити основы в единое полотно.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что лен использовался в текстильных изделиях двойко: для создания белого декора и в качестве рабочих нитей, не выходящих на поверхность лент. В последнем случае можно предположить, что у производителя был выбор между шерстяной или льняной нитями, и он выбирал

Рис. 5. Лента из курганной группы Кяргино-Круглицы: 1 — общий вид; 2 — схема узора (желтым выделены нити из серебра с позолотой); 3, 4 — микрофотографии при различных увеличениях: а — золотные нити на шелковом сердечнике; б — льняные нити основы

Fig. 5. Ribbon from the kurgan group of Kyargino-Kruglitsy: 1 — general view; 2 — scheme of the design (silver-gilt threads are marked with yellow); 3, 4 — microphotos at different magnifications: а — gold-woven threads on silk cores; б — flaxen threads of the warp

последнюю. Возможно, это косвенное подтверждение того, что в домонгольской Руси лен (конопля, крапива) был доступным сырьем. Современные исследования подтвердили наличие в культурном слое Ладоги IX–X вв. семян конопли и льна (Чухина и др., 2014. С. 248; 2015). Однако для произрастания льна требуются определенные условия, поэтому для многих территорий Руси лен являлся товаром. Но, вероятно, и в этом случае он был дешевле, чем окрашенная в красный или синий цвет шерсть.

Хочется отметить, что лента, сотканная на дощечках с одним утком, где узор создается за счет цветных нитей основы (шерстяные или полушерстяные), существенно отличается от золототканых лент (шелковых и полушелковых), где работают два утка, один из которых золотный (узоробразующий). Эти ленты не только относились к разным ценовым категориям, но и имели различное происхождение. Можно предположить, что ленты с цветной основой являлись продуктом местного домашнего производства, которое

Рис. 6. Золотные нити, найденные на Гнёздовском городище: 1, 2 — моток золотных нитей и фрагмент нити из него (ЦГ-XXV); 3, 4 — фрагмент металлической полоски (ЦГ-XXVI)

Fig. 6. Gold-woven threads found at the Gnezdovo site: 1, 2 — skein of gold-woven threads and fragment of thread (ЦГ-XXV); 3, 4 — fragment of a metal ribbon (ЦГ-XXVI)

было распространено повсеместно, на обширных территориях от Скандинавии до Египта. Производство же золототканых лент, требовавшее больших вложений (шелк и золотные нити) и высокого профессионализма, сосредоточивалось в ремесленных центрах.

Золотные нити

Анализируя находки, связанные с данной темой, хотелось бы остановиться на фрагментах золотных нитей, найденных в Гнёздово (Орфинская, 2018. С. 419, 420). Это остатки золотных нитей,

где сердечник был полностью утрачен (рис. 6). Интересной является одна из находок (ЦГ-XXVI), обнаруженная в культурном слое городища: небольшая полоска металла желтого цвета, шириной 0,3–0,1 мм, толщиной 0,04 мм. На одном конце она сужается и сходит почти «на нет». Следы, указывающие на ее использование, отсутствуют. Возможно, она являлась концом полоски металла для пряденой золотной нити (по толщине и ширине изделие ей соответствует), который отрезали. Если принять такую гипотезу, то можно предположить, что на данном месте (Гнёздово) могло

существовать производство пряденых золотных нитей. Еще одна интересная находка, также с городища: небольшой моток пряденых золотных нитей (ЦГ-XXV), от которых сохранилась только свитая металлическая часть. Данная нить, возможно, была заготовлена для вышивки или ткачества золотной ленты. Она могла быть купленной или иметь вторичное использование, то есть быть извлеченной из изделия с золотными нитями.

Исходя из рассмотренных находок можно высказать два осторожных предположения:

- на территории Гнёздовского городища умели изготавливать пряденые золотные нити из полоски металла, навитой на импортный шелковый или местный из растительных волокон сердечник;
- золотные нити (импортные или местные) могли использоваться вторично.

По литературным данным пряденые золотные нити средневековья имели сердечник не только из шелка и льна, но и из сухожилий (*Пинягина*, 2017. С. 108) или конского волоса (*Peters*, 2002. Р. 22; *Budny*, 1992. Р. 29). Нити с экзотическими сердечниками считаются производством местных мастеров. Нити с льняным сердечником нельзя считать исключительно местными, так как лен, наряду с шелком и тонкой шерстью, являлся товаром и был доступен по всей Европе со времен Римской империи (*Spies*, 2000. Р. 15), и везде мог считаться как местным, так и импортным.

Выводы

1. Нельзя исключить производство золотных нитей на территории Руси:

- 1.1. на импортном шелковом сердечнике;
- 1.2. на местном сердечнике из растительных волокон (чаще всего — льне);

1.3. на сердечнике из необычных материалов, например, сухожилий или конского волоса.

2. В центре по производству таких нитей у мастеров должен быть опыт работы с металлом, возможно, в рамках ювелирной мастерской.

3. Шерстяные и полушерстяные тканые на дощечках ленты допустимо считать местными. Они не являются изделиями, которые относятся к элитарным, но свидетельствуют о знании технологии ткачества на дощечках и, следовательно, о возможном применении этих знаний и навыков в ткачестве и более дорогих изделий.

4. Допустимо предположить местное производство золототканых лент из импортных шелковых и золотных нитей, но, более вероятно, с добавлением нитей из растительных волокон, как самостоятельных, так и в качестве сердечника для золотных нитей. Уровень изготовления золотной ленты из Кяргино-Круглицы высокий, что требует, вероятно, профессиональной специализации.

5. Можно предположить, что существовали некие центры, куда поступали шелковые ткани и шелковые нити и где, в меру своего умения, женщины вышивали вещи, расходившиеся по значительной территории. Не очень высокий уровень выполнения вышивки не позволяет отнести воротники из приладожских курганов к продукции великокняжеских мастерских, но дорогие материалы (шелк и золотные нити) не позволяют считать их и предметами домашнего рукоделия.

Давидан, 1989 — *Давидан О. И.* Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

Елкина, 2001 — *Елкина И. И.* Текстиль из древнерусских курганов округа Звенигорода // Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Звенигород: Звенигор. ист.-архитектур. и худож. музей, 2001. С. 15–28.

Зоц Е., Зоц С., 2012 — *Зоц Е. П., Зоц С. А.* Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // *Археология Подмосковья*. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 115–126.

Зубкова, Орфинская, 2015 — *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в.: В 2 т.* СПб.: Нестор-История, 2015. Т. 2: Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 367–388.

Калинина, 2003 — *Калинина Е. В.* Техника древнерусского шитья и некоторые способы выполнения художественных задач // *Убрус*. СПб.: Золотошвейная мастерская при Успенском подворье Оптиной пустыни, 2003. Вып. 1. С. 64–83.

Катасонова, 2005 — *Катасонова Е. Ю.* Золотное шитье домонгольской Руси [Электронный

- ресурс] / Режим доступа: <http://ubrus.ru/node/21> (дата обращения 10.03.2018).
- Кочкуркина, 2016 — Кочкуркина С. И. Археология и топонимика // Финно-угорская мозаика: Сб. ст. к юбилею И. И. Муллонен / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 21–32.
- Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 208 с.
- Кочкуркина, Орфинская, 2014 — Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.
- Нахлик, 1963 — Нахлик А. Ткани Новгорода: опыт технологического анализа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Наука, 1963 (МИА; № 123). Т. IV: Жилища древнего Новгорода. С. 228–313.
- Орфинская, 2012 — Орфинская О. В. Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 127–136.
- Орфинская, 2018 — Орфинская О. В. Текстиль Гнёздовского комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; Вып. 210). Вып. 1: Сб. к юбилею Д. А. Авдусина. С. 413–461.
- Пинягина, 2017 — Пинягина Н. С. Археологические шелковые ткани древней Руси XII–XIII вв., извлеченные из монолитов // Эрмитажная энциклопедия текстиля. Реставрация: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 104–111.
- Сабурова, Елкина, 1991 — Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаль // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА РАН, 1991. С. 53–77.
- Степанова и др., 2019 — Степанова Ю. В., Орфинская О. В., Соболев В. Ю. Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): История изучения и материалы раскопок // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 125–139.
- Титова и др., 2015 — Титова Л. А., Орфинская О. В., Чуткина С. С. Домонгольские тканые золотные ленты и фрагменты золотной вышивки из археологических раскопок в Старой Руссе. Результаты исследования // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация: Материалы VI науч.-практич. конф. (9–11 декабря 2014 г.). Вып. 6: Великий Новгород / Под ред. Т. М. Воронина. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 110–119.
- Фехнер, 1993 — Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 3–21.
- Чухина и др., 2014 — Чухина И. Г., Радыш Д. В., Григорьева Н. В. Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 года в Старой Ладоге // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Сб. ст. памяти Д. А. Мачинского: по материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII чтений памяти Анны и Д. А. Мачинских (Старая Ладога, 22–23 декабря 2013 г.) / Ред. В. Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 244–251.
- Чухина и др., 2015 — Чухина И. Г., Радыш Д. В., Григорьева Н. В. Опыт сопоставления результатов карпологических исследований Земляного городища Старой Ладogi и городища Камно // АиИППиЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 221–230.
- Энговатова и др., 2005 — Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 176–196.
- Яковчик, 2018 — Яковчик М. С. Золотные нити на территории Древней Руси домонгольского периода: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. // НБ МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2018. 499 л.
- Budny, 1992 — Budny M. The Maaseik Embroideries // Medieval World. 1992. Jan./Feb. P. 23–30.
- Peters, 2002 — Peters C. O. The Silk Road Textiles at Birka: An Examination of the Tablet woven Bands / Textile Society of America Symposium. Silk Roads, Other Roads: Proceedings of the 8th Biennial Symposium of the Textile Society of America (September 26–28, 2002). Smith College, Northampton, Massachusetts [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://digitalcommons.unl.edu/tsaconf/539> (дата обращения 10.10.2015).
- Spies, 2000 — Spies N. Ecclesiastical Pomp & Aristocratic Circumstance: A Thousand Years of Brocaded Tablet woven Bands. Minnesota: Arelate Studio Jarrettsville, Maryland, 2000. 341 p.

Elite objects from kurgans on the Oyat River (Leningrad Oblast)

S. I. Kochkurkina, O. V. Orfinskaya

The very rich heritage of the kurgan culture of the Ladoga and Onega regions of the 10th–12th century until presently attracts the interest of researchers. The use of modern techniques allows us to reveal such details of the material culture which it is impossible to establish by merely archaeological methods. This paper analyses fragments of textiles from tumuli on the Oyat River (Kurgino, Kyargino, Akulova Gora): silk textiles, collars with embroidering, gold-woven bands. The authors made the conclusion that, quite possibly, gold-woven threads were manufactured in the territory of Rus' in some centre where there were fairly skilled artisans and from where these products were distributed throughout vast territories. The rather inconsiderable qualitative level of embroidering suggests that collars from Ladoga barrows were not products of grand-ducal workshops. However the woollen and half-woollen bands woven on planks were undoubtedly local products.

Писала и книжные застёжки из раскопок на Большом Шепетовском городище¹

А. А. Пескова, А. Ю. Кононович²

Аннотация. Анализ значительной коллекции орудий для письма (писал) (20/24 экз.) и немногочисленных деталей книжных застёжек (4 экз.), происходящих из культурного слоя древнерусского городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Украина), показал, что большая часть обнаруженных на городище писал относится к распространённым общерусским типам 3, 6, 7, 11 (по типологии А. Ф. Медведева и Б. Б. Овчинниковой), бытовавшим в широком диапазоне XI–XIII вв. Одно писало относится к типу 13, определяемому специалистами как юго-западный; два писала представляют собой упрощённый вариант типа 8. Планиграфия находок выявляет приуроченность значительной их части к вершине городищенского холма — зоне концентрации фрагментов колоколов и кладов серебряных украшений, в том числе клада, включавшего вислые свинцовые печати.

Annotation. During excavations of the Od-Russian fortified settlement near the village of Gorodishche of the Shepetovka District of Khmelnytsk Oblast (Ukraine), a large collection of writing tools (styli) (20/24 items) was obtained, as well as parts of book clasps (4 items). Analysis of the find has shown that the majority of the styli found at the site belong to the commonly distributed general Russian types 3, 6, 7, and 11 (after the typology by A. F. Medvedev and B. B. Ovchinnikova) used during a wide range of the 11th–13th century. One stylus belongs to type 13 identified by specialists as a south-western type; two styli are a simplified variant of type 8. The plan of the findspots suggests a connection of the considerable part of the finds with the summit of the Gorodishche hill, i. e. the zone of concentration of fragments of bells and hoards of silver ornaments, including the hoard containing pending lead seals.

Ключевые слова: культура древнерусского города, писало, книжная застёжка, типология, хронология, планиграфия.

Keywords: culture of Old-Russian town, stylus, book clasp, typology, chronology, planigraphy.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-264-276

На полностью раскопанном под руководством М. К. Каргера в 1957–1964 гг. древнерусском городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Украина) была собрана значительная коллекция писал (стилей) — орудий для

письма по воску на досках — церах и на бересте, не исключая и более твердые материалы, а также найдены четыре детали книжных застёжек. Обе категории находок встречаются при раскопках древнерусских поселений не часто, но повсеместно, как правило, в небольшом количестве, за исключением Новгорода, и являются косвенными, но выразительными материальными свидетельствами грамотности жителей исследуемого средневекового поселения.

История изучения древнерусских писал насчитывает более 60 лет, начиная с короткой заметки Б. А. Тимощука, посвященной определению функционального назначения находки из раскопок на Ленковецком городище, и капитальной работы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (в рамках проекта № 18-09-00753-а «Большое Шепетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг.)»).

² Пескова А. А. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Кононович А. Ю. — Отдел истории русской культуры, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.

А. Ф. Медведева, создавшего типологию писал на основе анализа 50 находок, происходящих из раскопок в Неревском конце Новгорода, с привлечением 66 аналогичных предметов из 28 древнерусских поселений и одного кургана (Тимошук, 1956. С. 155–156; Медведев, 1960. С. 63–88, табл. 1–2). Типология А. Ф. Медведева, расширенная и уточненная Б. Б. Овчинниковой, применяется исследователями как универсальный инструмент при изучении этой категории находок, в каком бы месте обширной древнерусской территории они ни были обнаружены (Овчинникова, 1994. С. 83–86; 2000. С. 45–105). В исследование А. Ф. Медведева была включена и одна из первых находок писал на Шепетовском городище (рис. 1, 2) (Медведев, 1960. С. 69, табл. 2, № 36). Краткая и неточная информация о 13 писалах и трех «кинжальчиках» приведена в статье М. А. Миролюбова (Миролюбов, 2004. С. 5–6, рис. 1; 2). Сегодня мы можем полностью рассмотреть всю коллекцию.

Писала

Всего на городище, судя по данным описей, было найдено 24 писала (три бронзовых, остальные железные), в фондах Государственного Эрмитажа удалось выявить и проанализировать только 20 экз., один из которых утратил инвентарный номер (рис. 1, 1–20). Выделить его из оставшихся пяти номеров³, не отождествленных с определенными предметами, не удалось.

Больше всего писал в коллекции (6 экз.) имеют лопаточку в форме бокальчика с расширяющимися кверху («оттянутыми») краями (длина 10–13 см) и могут быть отнесены к типу 7, одному из самых распространенных на Руси и датированных XII–XIII вв. (Овчинникова, 2000. С. 52) (рис. 1, 1–6).

Два писала тоже имеют лопаточку в форме бокальчика, но остросереберного (признак типа 6), с перехватом в середине корпуса и отчетливые валики с «яблоками» при переходе к стержню. Однако они заметно отличаются друг от друга. У одного из них, железного, самого длинного в коллекции (16 см), лопаточка более узкая, слегка вытянутая, а ребра сглаженные, что сближает его, с одной стороны, с вариантом «а» типа 7, с другой — с вариантами «б» и «в» типа 3, датированными в Новгороде концом XI — серединой XII в. (Там же.

С. 48–49, 52) (рис. 1, 7). Самыми близкими аналогиями этому экземпляру являются писала из Белза и Пересопницы в Галицко-Волынской земле (Возний, 2013. Рис. 1, 6, 10). Другое остросереберное писало, отлитое из бронзы и украшенное кружковым орнаментом с обеих сторон (длина сохранившейся части 8 см) (рис. 1, 8), имеет бесспорные признаки типа 6 (середина XII в.), «который является как бы промежуточным в плане развития формы лопаточки между типом 3 и последующим типом 7» (Овчинникова, 2000. С. 51). Ближайшей аналогией этому экземпляру является железное писало из Галича, отнесенное еще в исследовании А. Ф. Медведева к типу 6, а в современной интерпретации — к типу 7 (Медведев, 1960. Рис. 5, 8; Возний, 2013. Рис. 1, 17), что, впрочем, неудивительно при отмеченной А. Ф. Медведевым глубокой взаимосвязанности типов 3, 6, 7.

Еще одно писало с лопаточкой в форме вытянутого бокальчика, с едва заметным перехватом в середине корпуса, подчеркнутым небольшими выступами (длина 13 см) (рис. 1, 12), имеет относительные аналогии во Владимире-Волынском (урочище Онуфриевщина) и на Ленковецком городище (Терский, 2010. Рис. 129, 6; Возний, 2013. Рис. 1, 8). И. П. Возный относит их к варианту «б» типа 3, с чем можно согласиться, отметив, однако, указанные характерные выступы как возможный локальный признак.

Особую группу в коллекции составляют пять писал с зубчатыми вырезами/выступами по краям лопаточек (длина 12,5–14,0 см), которые имеют признаки 10 и 11 типов (рис. 1, 10–11, 13–14). Писало с тремя выступами в виде ласточкиного хвоста (длина 12,5 см) (рис. 1, 10), без сомнения, принадлежит к варианту «а» типа 11 и датируется концом XII — XIII в., хотя ближайший территориально и типологически экземпляр с городища Басов Кут под Ровно по сопутствующим материалам — временем не позднее середины XII в. (Овчинникова, 2000. С. 56; Прищепа, 2016. Рис. 115, 7). В Твери аналогичное писало по дендрохронологической шкале относится к 1311–1330 гг. (Лапшин, 2009. С. 96, рис. 93, 5). Другое писало с крупной лопаточкой мягких очертаний, имеющей по одному глубокому боковому вырезу (длина 12,5 см) (рис. 1, 11), с одной стороны, напоминает по форме экземпляры с лопаточкой типа 11, вариант «а», но не имеет характерных для него зубчиков, с другой — экземпляры с лопаточкой типа 10, вариант «б» (Овчинникова, 2000. РААис. 7, 10–11; 8, 8).

³ Экспедиционные инв. номера: ГП-59/7394, ГП-60/1410, ГП-61/454, ГП-62/547, ГП-63/1317.

Рис. 1. Писала из раскопок Большого Шепетовского городища: 1–20 — писала (ГП-64/ 428, ГД-58/774, ГП-59/ 8330, ГП-61/7042, ГП-61/1191, ГП-59/7927, ГП-59/9178, ГП-61/1907, ГП-57/10684, ГП-59/9295, ГП-60/1637, ГП-62/207, ГП-63/1317, ГП-59/7595, б/н, ГП-61/608, ГП-59/7188, ГП-61/166, ГП-61/189, ГП-61/837). Фото А. И. Корниенко

Fig. 1. Styli from excavations of the Great Shepetovka Settlement: 1–20 — styli (ГП-64/ 428, ГД-58/774, ГП-59/ 8330, ГП-61/7042, ГП-61/1191, ГП-59/7927, ГП-59/9178, ГП-61/1907, ГП-57/10684, ГП-59/9295, ГП-60/1637, ГП-62/207, ГП-63/1317, ГП-59/7595, without no., ГП-61/608, ГП-59/7188, ГП-61/166, ГП-61/189, ГП-61/837).

Photo by A. I. Kornienko

Убедительная аналогия этому писалу находится в материалах окольного города Звенигорода Галицкого (*Гупало*, 2014. С. 205, 225, фото 28, 1). Писало с искусно выполненной изящной лопаточкой (рис. 1, 9), хотя и не имеющей на выступах зубчиков, по сложности профилировки мы относим тоже к типу 11; близких аналогий ему пока найти не удалось. Два последних писала в этой группе отличаются асимметричностью выступов на боковых сторонах лопаток (рис. 1, 13–14) и лишь отдаленно напоминают отдельные экземпляры типа 11, вариант «а» (*Овчинникова*, 2000. Рис. 8, 9). Относительно близкая аналогия одному из них (рис. 1, 14) находится в Твери (1311–1330 гг.) (*Лапшин*, 2009. С. 96, рис. 93, 1).

Два писала с Т-образным посоховидным завершением, без рельефных утолщений на стыке стержня и лопаточки (длина 8,0–8,5 см) (рис. 1, 15–16) можно отнести к типу 8 (имеющему много вариантов и очень широкую датировку XI–XV вв.), хотя этот городищенский вариант, предельно упрощенный, не отмечен на типологических таблицах А. Ф. Медведева и Б. Б. Овчинниковой. Наиболее близкие аналогии обнаруживаются в Новгороде — железное писало в кожаном чехле (длина 7,5 см по фото), происходящее с усадьбы «Б» Никитинского раскопа (ярус 3; 20-е — 40-е гг. XV в.), а также в Минске — писало с неопределенным контекстом (длина 9 см) (*Дубровин*, 2010. С. 79, рис. 70, 1; *Овчинникова*, 2010. Рис. 2, 4; *Загорюльский*, 1982. С. 248–249, рис. 152, 6). Относительно близкие по типу писала встречены в Прибалтике (в Кокнесе и Цесисе) (*Овчинникова*, 2000. С. 105, табл. 2, рис. 2с), а также в южнорусских землях — на посаде Пересопницы в урочище Пастовник, датируемом XII — первой половиной XIII в. (*Прищеп*, 2016. С. 186, рис. 121, 12, 13; 2017. С. 133, рис. 13, 3), но они длиннее (10,5–12,0 см), отличаются иными пропорциями и наличием рельефных валиков на стержне и могут быть соотнесены с вариантом «г» типа 8, датированным «в основном первой половиной XIII — второй половиной XIV в.» (*Овчинникова*, 2000. С. 53, рис. 6, 12).

Писало с треугольной лопаточкой и валиком при переходе к стержню (длина 10 см) (рис. 1, 20) относится к типу 13 (вторая половина XII — первая половина XIV в.) (*Овчинникова*, 2000. С. 57), особенно широко распространенному наряду с типом 12 в Галицко-Волынской земле (*Петегирич*, 1997. Рис. 1; *Пивоваров*, 2006. Рис. 45; *Терский*, 2010. Рис. 129; *Возний*, 2013. Рис. 1, фото 1).

Три похожих на писала стержня с рельефными утолщениями в верхней части, но без лопаточек (длина 10 см) (рис. 1, 17–19), на первый взгляд, можно было бы отнести к типу 15 (середина XIII — XVI в.) (*Медынцева*, 1997. С. 151, табл. 90, 24), но они имеют значительно меньшие размеры (тип 15, длина 14–16 см) и потому рассматриваются нами как писала, утратившие лопаточки⁴, либо как стержни от подсвечников или как булавки, которые тоже могли использоваться как инструмент для письма.

В целом можно сказать, что большая часть обнаруженных на городище орудий для письма относится к общерусским типам 3, 6, 7, 11, бытовавшим в широких рамках XI–XIV вв., в том числе в Галицко-Волыньских землях, откуда в большинстве случаев происходят и ближайшие аналогии писалам Шепетовского городища. И только один экземпляр относится к типу 13, выделяемому специалистами как характерный юго-западный тип. Два писала типа 8, судя по редким аналогиям, выполнены в северо-западных традициях.

Чтобы яснее представить количественную характеристику писал Шепетовского городища, обратимся к соответствующим показателям на других древнерусских памятниках.

Полностью изученная коллекция новгородских писал, по состоянию на 2010 г., насчитывала свыше 250 находок X–XV вв. (*Овчинникова*, 2010. С. 114–123). Количество писал, извлеченных из культурного слоя древнего Новгорода, представляет собой феномен, соотносимый только с насыщенностью его берестяными грамотами. В этих масштабах количество писал из раскопок Шепетовского городища (20/24 экз.) сопоставимо лишь с количеством находок на новгородских богатых и социально значимых усадьбах, таких как усадьба «Б» Неревского раскопа (24 экз.) или усадьба «Е» Троицкого раскопа (20 экз.) (*Овчинникова*, 2000. С. 65–66). Совсем иначе этот комплекс выглядит в сравнении с материалами из других древнерусских городов.

Целенаправленный учет и анализ писал из раскопок древнерусских поселений предпринимается нечасто. В настоящее время находки писал фиксируются, по нашим подсчетам, в культурном

⁴ Инструментальное исследование головок стержней не проводилось, но на одном из них (рис. 1, 19) следы слома видны невооруженным глазом.

слое более 70 древнерусских городов и единичных сельских поселений, из них 22 города находятся в юго-западных землях Руси, что особенно важно для сравнительного анализа и количественной оценки коллекции Большого Шепетовского городища. Обобщенные данные содержатся в нескольких статьях, посвященных материальным свидетельствам грамотности населения в городах Понеманья (*Гуревич*, 1973. С. 28–34; *Зверуго*, 1975. С. 122–127, рис. 38), а также в южнорусских землях (*Петегирич*, 1982. С. 39–45; 1997. С. 206–214; 2010. С. 135–150; *Пивоваров*, 2007. С. 24–30; *Черненко*, 2011. С. 191–199; *Возний*, 2013. С. 5–14). Есть суммарные сведения о находках писал по отдельным городам: Суздаль (около 20 экз.), Новогрудок (14 экз.), Дорогобуж на Горыни (12 экз.), Волковыск (12 экз.), Ярополч (11 экз.), Галич (10 экз.), Минск (7 экз.), Пересопница (7 экз.), Киев (6 экз.), Берестье (5 экз.), Белз (5 экз.) (*Седова*, 1992. С. 41–42; *Гуревич*, 1973. С. 28–34, рис. 6, 7; *Прищеп*, 2016. С. 185–186, рис. 121, 2–11, 14; *Зверуго*, 1975. С. 122–125, рис. 1–6, 10–15; *Седова*, 1978. С. 115, табл. 2, 3–8; *Петегирич*, 1997. С. 209, рис. 1, 1–5, 17; *Фіголь А., Фіголь О.*, 2017. С. 118–120, рис. 1; 2; *Загорюльский*, 1982. С. 224, 248–249, рис. 152, табл. XVII, 8; *Терський*, 2003. Рис. 34, 2–4; *Прищеп*, 2016. С. 186–187, рис. 121, 12–13; *Медведев*, 1960. Табл. 2, № 18–23; *Лысенко*, 1985. С. 390, рис. 260; *Петегирич*, 2010. Рис. 3, 2–5, 8). В Старой Рязани нам удалось учесть по публикациям 9 экз. (*Монгайт*, 1955. Рис. 140, справа; *Медведев*, 1960. С. 70, № 54; *Даркевич, Борисевич*, 1995. Табл. 1, 10; 12, 1, 9; 60, 3, 9; 61, 8; 93, 7, 8; 106, 4).

На этом фоне Шепетовское городище (20/24 экз.) предстает неординарным памятником, стоящим в одном ряду с известными, в том числе крупными, летописными городами. Столь значительное количество орудий письма только отчасти, на наш взгляд, обусловлено полным вскрытием культурного слоя на городище. Оно определенно может рассматриваться как близкое к действительности материальное отражение социокультурного уровня населения города и показатель существования значительной грамотной прослойки среди его обитателей. Заметим, что в опубликованных материалах Райковецкого городища, памятника, тоже полностью раскопанного и очень близкого Шепетовскому во многих отношениях, не отмечено ни одного писала, что, впрочем, может объясняться тем, что он издан далеко не полностью (*Гончаров*, 1950. С. 144–146).

Книжные застёжки

В шепетовской коллекции застёжки представлены тремя литыми бронзовыми шпеньками, часто называемыми «кинжальчиками», и одной книжной пряжкой⁵. Шпеньки, вставлявшиеся некогда в ребро верхней крышки книжного переплета, оказались нестандартными по форме и размерам (длиной от 3,5 до 4,0 см), с профилем различной конфигурации. Два из них имеют пирамидальные головки и простые валики при переходе к «лезвию» (рис. 2, 4, 5), у третьего — головка шаровидная и двойной валик (рис. 2, 3). Только один шпенок имеет сквозное отверстие в центре «лезвия» и следы слома в этом месте⁶ (рис. 2, 4). Единственная в коллекции миниатюрная пряжка от книжной застёжки имеет стандартную форму (2,0 × 1,5 см) (рис. 2, 1). В прямоугольную рамку такой пряжки обычно продевался кожаный ремешок, закрепленный другим концом на нижней крышке переплета, а кольцо пряжки накручивалось на выступающую из верхней крышки головку шпенька (*Симони*, 1903. Табл. IX, 14; *Мокрецова, Филиппов*, 2001. С. 172–176, ил. 2–3; *Мокрецова и др.*, 2003. С. 68, рис. 18; 19).

Помимо книжных застёжек на городище была найдена бронзовая накладка подтреугольной формы с криновидным рельефом, крепившаяся на двух штифтах (1,8 × 1,4 см)⁷ (рис. 2, 2). Она близка по очертаниям, но немного уступает по размерам накладкам из раскопок во Владимире-на-Клязьме, в городе Воине на южнорусском пограничье и на сельском поселении Григоровка в Каневском Поднепровье, относимым авторами исследований к деталям книжных переплетов (*Жарнов*, 2003. С. 55, рис. 7, 2; *Довженко и др.*, 1966. Табл. XVI, 13, 18; *Петрашенко*, 2004. С. 97–99, рис. 50, 13–17). Известны похожие находки в Белоозере, Киеве и на городище Княжая гора (*Захаров*, 2004. С. 194, рис. 112, 12; *Архипова*, 2006. С. 67, рис. 6, 8–10, прим. 8; *Ханенко Б., Ханенко В.*, 1902. С. 31, табл. XV, № 215). Белозерские, киевские и григоровские накладки отличаются тем, что имеют по одному острому и слегка загнутому крючковидному штифту на узком конце. С. Д. Захаров поместил их на одной таблице с книжными застёжками, заметив, что их назначение остается

⁵ Экспедиционные инв. номера: ГП-59/6560; ГП-59/6561; ГП-59/6562; ГП-61/1900.

⁶ В настоящее время предмет склеен реставраторами.

⁷ Экспедиционный инв. номер ГП-60/29.

невыясненным. Е. И. Архипова видит в них скорее ременные накладки и датирует концом XII — первой половиной XIII в. Владимирская накладка входит в комплекс находок, состоящий из 60 предметов (застежек, накладок и гвоздиков), происходящих из трех ям на месте предполагаемой усадьбы священника и являющихся, по мнению Ю. Э. Жарнова, «остатками от трех до пяти сгоревших в 1238 г. книг, скорее всего, религиозного содержания» (Жарнов, 2003. С. 55). Однако примеров использования таких накладок для украшения книжных переплетов нам пока найти не удалось.

Шпеньки-кинжалчики сегодня, пожалуй, уже никто из исследователей не считает амулетами, уверенно определяя их как элементы книжной застежки, выполненной в византийской традиции, просуществовавшей почти в неизменном виде не одно столетие и получившей широкое распространение, в том числе и на Руси. В редких случаях не исключается и вторичное использование их как амулетов (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 72, рис. 18). Еще немногим более 20 лет назад в обобщающем томе «Археология. Древняя Русь. Быт и культура» они фигурировали только как амулеты (Голубева, 1997. Табл. 92, 31, 33), а петли от книжных застежек в нем вообще не были упомянуты. Застежки византийских переплетов изготавливались из серебра (известны и золотые головки у серебряных шпеньков), бронзы, латуни, редко — из железа (Davidson, 1952. No. 2197–2201; Ross, 1965. S. 96–97, pl. LXVI, no. 142; Мокрецова и др., 2003. С. 68). Почти все выявленные нами книжные застежки, найденные на древнерусской территории, выполнены из медных сплавов, как и шепетовские, но среди них встречаются и позолоченные, как например, в Волковыске (Зверуго, 1966. С. 294). Известны также латунный «кинжалчик» из раскопок в Гнёздово и серебряная петля от застежки, происходящая из раскопок «богатого квартала» в окольном городе Новогрудка (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 72, рис. 18; Гуревич, 1973. С. 28–34, рис. 6; 1981. Рис. 69, 10).

Принято считать, что книжные застежки византийского типа оставались неизменными в течение столетий. Однако факт наличия или отсутствия на кинжалчиках центрального отверстия, служившего для дополнительного закрепления их гвоздиками в крышке переплета, ряд исследователей склонны рассматривать как хронологический признак. Исследователи-реставраторы византийских рукописей обратили внимание на то, что

Рис. 2. Детали книжного переплета из раскопок Большого Шепетовского городища: 1, 3–5 — книжные застежки (ГП-59/6560, ГП-59/6561, ГП-59/6562, ГП-61/1900); 2 — накладка (ГП-60/29). Фото А. И. Корниенко

Fig. 2. Parts of book binds from excavations of the Great Shepetovka Settlement: 1, 3–5 — book clasps (ГП-59/6560, ГП-59/6561, ГП-59/6562, ГП-61/1900); 2 — mount (ГП-60/29). Photo by A. I. Kornienko

шпеньки в группе восстанавливаемых ими манускриптов XII–XIV вв. не имели центральных отверстий. Сравнение с имевшими такие отверстия шпеньками, датированными IX–XI вв., из раскопок в Херсонесе привело их к выводу о том, что наличие отверстий «указывает на раннюю практику переплетчиков, связанную еще с коптской традицией» (Мокрецова и др., 2003. С. 68). Вывод реставраторов был принят исследователями Гнёздовского археологического комплекса, поскольку найденный там латунный кинжалчик имел отверстие и датировался ими X в. (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 72, рис. 18). Это далеко не бесспорное наблюдение, еще требующее, на наш взгляд, дополнительных подтверждений, возможно, окажется справедливым для переплетов византийских книг, но к древнерусским находкам оно не приложимо, поскольку шпеньки с отверстиями и без них использовались на Руси на протяжении всего домонгольского периода и позднее. В Ростиславле Рязанском, например, «кинжалчики» с отверстиями были обнаружены в комплексах второй половины XIV — XV в. (Коваль, 2015. С. 191, рис. 4, 5–7).

Археологические находки книжных застежек, совсем немногочисленные по сравнению

с находками писал, встречаются при раскопках далеко не каждого древнерусского города, обычно в количестве 1–3, реже 4–6 экз., при этом единичные экземпляры изредка фиксируются и при раскопках сельских поселений, где они, возможно, свидетельствуют о наличии церкви. Такие поселения, как правило, выделяются размерами, присутствием других «статусных» вещей и определяются исследователями как загородные княжеские или боярские усадьбы, как центры гнезд поселений, например, поселение в урочище Замостье — пригород летописной Пересопницы, селище в урочище Ольгополь в 10 км от г. Ровно, Григоровка в Каневском Поднепровье (Украина), селище Кистыш 3 в Суздальском Ополе и Вышеславское 18 в округе Суздаля (Прищепя, 2016. Рис. 54, 8, 10; 2019. Рис. 102, 8; Петрашенко, 2004. С. 97–99, рис. 50, 18–19; Макаров и др., 2005. С. 202, рис. 6, 15; 2019. С. 16, 27, рис. 6, 15). Выходят за рамки прослеживаемой тенденции только столичный Киев (свыше⁸ 20 экз.) (Боровский, Сагайдак, 1985. С. 40–41; Рябцева, 1996. С. 198, кат. 38, 39; Строчкова, 1996. Кат. 69–71; Мовчан и др., 2000. С. 103–104, рис. 1; Архипова, 2006. С. 66–67) и городище Старая Рязань (свыше 15 экз.) — памятник, исключительный во многих отношениях (Монгайт, 1955. С. 176, 180–181, рис. 138, 24; 139, 7–8; Даркевич, 1974. С. 41, рис. 20, 2; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 42, 7; 54, 11; 60, 3, 9; 74, 2; Стрикалов, 2014. С. 62–63, рис. 19, 11–16). В Новгороде удалось собрать сведения о не менее 14 находках книжных застёжек, происходящих из слов XI–XIV вв.⁹ (Седова, 1981. С. 146–147, рис. 57, 14;

Янин и др., 1986. Л. 51, рис. 75; 1987. Л. 116, рис. 224; 2015. С. 59, рис. 7, 1; 2016. С. 22, 23, рис. 6, 1; 2020. С. 14; Олейников, 2014. С. 494, рис. 7, 7; Новгородский детинец..., 2017. С. 122, рис. 57, 8–9; 58, 13; Кудрявцев, Андриенко, 2017. С. 47; Антипов, Жервэ, 2019. С. 113–114, рис. 8; Седов, 2019. С. 334). Среди других городов, в том числе малых, большим количеством книжных застёжек выделяются Серенск в Поочье (10 экз.) (Зайцева, 2009. С. 213, рис. 2, 1–2), Белоозеро на севере Руси (8 экз.), городище Княжая Гора (летоп. Родень) в Среднем Поднепровье (5 экз.) (Захаров, 2004. Рис. 112, 1–8; Мезенцева, 1968. С. 79–80, табл. V, 7), на Западе — летописный Червен (5 экз.), на Юго-Западе — Звенигород Галицкий (3 экз.) и Черновское городище на Буковине (6 экз.) (Czerwień..., 2012. Tabl. II.6.6–7; II.6.11–13; Гупало, Войцещук, 2012. С. 112, № 10, фото 445, № 214; 446, № 160; 447; Пивоваров, 2006. С. 211–214, рис. 45, 12–16, 19), в Понеманье — Новогрудок (5 экз.) (Гуревич, 1973. С. 28–34, рис. 6; 7), а также Владимир-на-Клязьме (4 экз.), Старая Русса (3 экз.) (Жарнов, 2003. С. 55, рис. 7, 4–6; Кабаев, Гальчук, 2015. Рис. 1, 17; Колосницын, Слюбов, 2017. С. 225; Торопова и др., 2020; Курортный I-13-79-191 2013¹⁰; 2020. С. 86, рис. 5, 3) и Ростиславль Рязанский (7 экз.) (Коваль, 2015. С. 191, рис. 4, 5–8). Шепетовское городище по этим показателям (4 экз.) вполне вписывается в группу названных городских поселений.

В ряде случаев книжные застёжки были найдены при раскопках древнерусских храмов или на прилегающей к ним территории (Десятинная церковь в Киеве, Благовещенская церковь в Чернигове, храм Архангела Михаила в Переяславле, Борисоглебский храм в Старой Рязани, деревянный храм на детинце Ростиславля Рязанского, новгородские храмы — церковь Ильи на Славне, церковь Богоявления на Мячине, церковь Благовещения на Городище и др.) (Рябцева, 1996. С. 198, кат. 38, 39; Строчкова, 1996. Кат. 69–71; Черненко, 2016. С. 88–89, рис. 4, 8, 10; Каргер, 1951. С. 61, рис. 10, 4; Монгайт, 1955. С. 176, рис. 139, 7; Коваль, 2015. С. 185, рис. 1; Антипов, Жервэ, 2019. С. 113–114, рис. 8; Седов, 2019. С. 334; Кудрявцев,

⁸ Специальный учет находок деталей книжных переплетов, в отличие от писал, до сих пор никем не предпринимался, мы также не ставили себе целью собрать все сведения о них, ограничиваясь опубликованными материалами и не претендуя на полноту подсчетов. Тем не менее мы надеемся, что полученные результаты относительно верно отражают степень распространенности данной категории находок. Надо иметь в виду, что слово «свыше», отмеченное при указании количества экземпляров книжных застёжек в Киеве, Новгороде и Старой Рязани, относится и ко всем остальным количественным показателям таких предметов, так как приводимые данные не являются исчерпывающими.

⁹ Приносим глубокую благодарность А. Е. Мусину и О. А. Тарабардиной за большую помощь в сборе сведений о находках книжных застёжек, особенно по Новгороду и Старой Руссе.

¹⁰ Курортный I-13-79-191. См.: Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого / Режим доступа: <http://www.novsu.ru/archeology> (дата обращения 05.01.2021).

Андрюенко, 2017. С. 47). Во Владимире-на-Клязьме книжные застёжки были найдены в археологическом контексте, связанном с усадьбой священника (Жарнов, 2003. С. 55, рис. 7, 4–6). Редкие в бытовых комплексах находки книжных застёжек чаще встречаются в местах проживания элитных групп населения, в частности на участках, отмеченных находками вещевых кладов, например на городище Старая Рязань, клад 2005 г. (Стрикалов, 2014. С. 62–63, рис. 19, 11–16) и, как показывают наши наблюдения, на рассматриваемом здесь Шепетовском городище.

Распределение находок писал и книжных застёжек на городище (рис. 3)

Почти все находки писал были рассредоточены на территории окольного города (одна находка зафиксирована в детинце), в основном в его центральной и южной части, и находились вне прямой связи с конкретными объектами, но иногда поблизости от них — в 3–4 м от клеток, около груд человеческих костей, в 4–6 м от жилищ. Лишь в двух случаях наблюдается компактное размещение находок.

В первом случае четыре находки писал располагались довольно близко друг к другу (на расстоянии от 1 до 4 м) на площади около 25 кв. м. В 10 м к востоку от этой относительно компактной группы было обнаружено еще одно писало, а в 5 м к северо-западу — книжная застёжка, наконец, в 14 м к западу от нее — еще одно писало, всего, таким образом, семь предметов, указывающих на присутствие здесь людей, имевших надобность делать какие-то записи. В пределах этой условно очерченной площадки с относительно компактным расположением писал было зафиксировано несколько объектов: остатки стены длиной 4 м от сгоревшей деревянной конструкции, рядом с которой был зафиксирован антропологически целый скелет человека, к западу от нее — два полуразрушенных пода печей, еще западнее — костице¹¹, и в разных местах отдельные нарушенные скелеты. Около большого пода печи было обнаружено много керамики, в том числе отдельные целые сосуды, фрагменты амфор, предметы бытовой и хозяйственной утвари, также в одном квадрате с человеческим скелетом, лежавшим рядом

с остатками разрушенной деревянной конструкции, найден боевой топор. С костищем также связаны находки фрагментов стеклянных браслетов и железной булавы. Судя по всему, здесь располагалась жилая постройка площадью не менее 16 кв. м, к западу от которой примерно в 20 м был обнаружен фрагментированный золотой колт, а в 15 м к востоку — связка серебряных и бронзовых височных колец (клад XIV).

Во втором случае два писала локализируются в соседних с костищем квадратах, третье — в 12 м к востоку от них; примерно на таком же расстоянии к западу фиксируется еще одно костище, рядом с которым была найдена бронзовая кацея. Ближайшим к ним объектом, свидетельствующим о возможной постройке, является под печи, около которого помимо большого количества керамики, обычного набора бытовых и хозяйственных предметов, фрагментов стеклянных браслетов был найден небольшой клад серебряных украшений (клад XI).

В обоих случаях мы имеем дело с остатками расположенных в 20 м друг от друга жилых построек, отмеченных сравнительно высоким до статком их жителей.

Отдельные находки писал, не входящие в зону выше описанного компактного размещения, были зафиксированы либо вблизи жилых построек с рядовым составом находок, либо рядом с массовыми захоронениями — грудями человеческих скелетов и разрозненных костей.

Немногочисленные книжные застёжки, как и писала, были рассредоточены на территории окольного города. Единственная бронзовая петля от застёжки, как уже упоминалось, была найдена там же, где локализованы шесть писал. Находки двух «кинжальчиков» расположены на вершине городищенского холма — неподалеку от скопления человеческих костяков, на расстоянии 4 м друг от друга, при этом в соседних квадратах были обнаружены вислая свинцовая печать и фрагмент оконного стекла. Третий «кинжальчик» найден значительно южнее, тоже в 3–4 м от скопления человеческих скелетов.

Орнаментированная крином накладка, связь которой с книжным переплетом пока вызывает у нас сомнения, найдена неподалеку от большого массового захоронения. Среди многочисленных находок, связанных с этим скоплением человеческих костей, наряду с бытовыми вещами и стеклянными украшениями были обнаружены

¹¹ В полевой документации М. К. Каргера скопления разрозненных человеческих костей, часто вперемешку с костями животных, обозначены как костища.

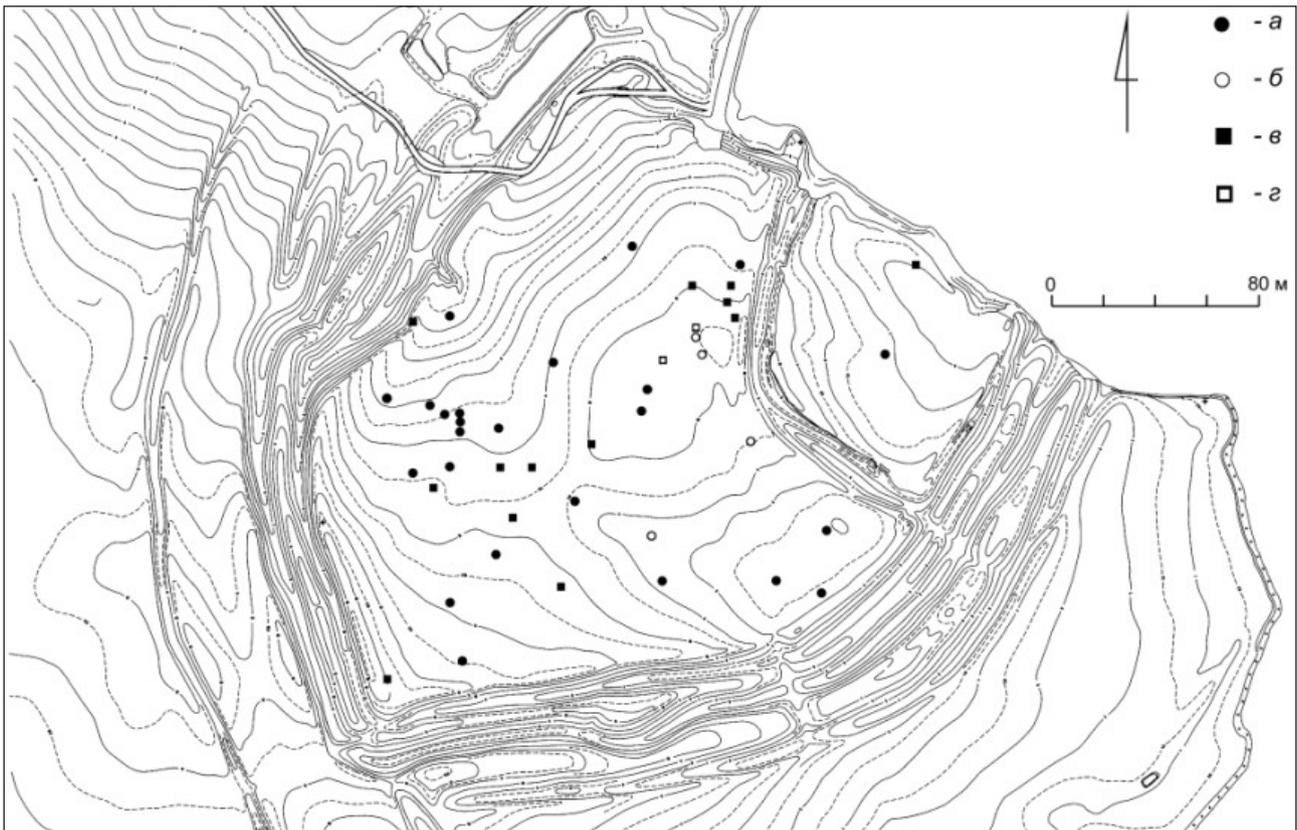

Рис. 3. Распределение находок писал, деталей книжных застёжек, кладов и печатей на территории Большого Шепетовского городища. Условные обозначения: *a* — писала; *b* — книжные застёжки; *v* — клады; *z* — свинцовые печати

Fig. 3. Distribution of finds of styli, details of book clasps, hoards and seals over the territory of the Great Shepetovka Settlement. Notation: *a* — styli; *b* — book clasps; *v* — hoards; *z* — lead seals

предметы, сопутствующие профессиональному воину (фрагменты сабли, шпора, наконечник меча), но также и ремесленнику (матрица для изготовления колтов, фрагмент тигля, клещи, бронзовые пластины, проволока).

Находки «кинжальчиков» на вершине городищенского холма заслуживают особого внимания, поскольку зафиксированы в зоне концентрации фрагментов колоколов и пяти кладов серебряных украшений, в том числе одного (клад IX), в состав которого входят три вислые свинцовые печати. Еще одна свинцовая печать, упомянутая ранее, была обнаружена в 16 м к северо-востоку от клада и, вероятнее всего, происходила из того же комплекса. Центр возвышения свободен от объектов, которые можно было бы атрибутировать как постройки. Все выявленные сооружения довольно хаотически располагаются по его периметру, что можно расценивать либо как следствие вековой распашки вершины холма, либо как указание

на то, что здесь некогда располагалась небольшая городская площадь размерами примерно 50 × 50 м. На территории городища есть и другие, свободные от застройки участки. Однако этот выделяется как топографически, так и присутствием большого количества «статусных» вещей.

Описанная картина распределения находок писал и книжных застёжек выявляет приуроченность большей их части к вершине городищенского холма, к жилым постройкам, расположенным немного ниже по склону в западном и юго-западном направлениях. При этом ни одна из этих находок не найдена непосредственно около печей, которые рассматриваются нами как основной, а порой и единственный признак для реконструкции жилищ на данном городище (их границы во время раскопок не были установлены). Тем не менее выявленная локализация находок с тяготением к определенным объектам может, на наш взгляд, свидетельствовать о проживании на этом

участке прослойки зажиточного грамотного населения, имевшего отношение к церкви или княжеской администрации, на что указывают вислые печати. Меньшая часть находок рассредоточена по всему околному городу и не имеет даже такой слабой привязки к объектам.

Хаотичный разброс находок, зафиксированный археологами на этом памятнике, имеет, по меньшей мере, три причины. Первая — тотальное

разрушение поселения при штурме города, вторая — перемещение вещей во время санитарной уборки тел погибших жителей, третья — вековая распашка площадки городища. Но даже и при таком плачевном состоянии культурного слоя анализ столь значимых категорий находок, как писала и книжные застешки, дает возможность раскрыть еще одну яркую сторону этого неординарного памятника.

Антипов, Жервэ, 2019 — Антипов И. В., Жервэ А. В. Раскопки и разведки памятников средневековой архитектуры в Великом Новгороде и Новгородском районе. Памяти Валентина Александровича Булкина // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 108–115.

Архипова, 2006 — Архипова Е. И. Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва стародавнього Києва (за матеріалами розкопок 2001–2002) // Археологія. Київ, 2006. № 1. С. 62–74.

Боровский, Сагайдак, 1985 — Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. Археологические исследования Верхнего Киева // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 38–60.

Возний, 2013 — Возний И. П. Писала XII — першої половини XIII ст. з території Південно-Західної Русі // Сумська старовина. Суми: Сумський державний Університет, 2013. N XLI–XLII. С. 5–14.

Голубева, 1997 — Голубева Л. А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 153–165.

Гончаров, 1950 — Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 220 с.

Гупало, 2014 — Гупало В. Д. Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 532 с.

Гупало, Войцешук, 2012 — Гупало В., Войцешук Н. Звіт про результати археологічних досліджень (розкопок) на пам'ятці археології «літописне городище Звенигород» в с. Звенигород Пустомитівського району Львівської області у 2010 році. Рукопис. Львів, 2012 // Науковий архів Науково-дослідного центру «Рятівна археологічна служба» Інституту археології НАН України. Львів. НД-2012: АР-1/1-7.

Гуревич, 1973 — Гуревич Ф. Л. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. 1973. Вып. 135: Славяно-русские древности. С. 28–34.

Гуревич, 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок: посад — околный город. Л.: Наука, 1981. 160 с.

Даркевич, 1974 — Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / Ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 19–71.

Даркевич, Борисевич, 1995 — Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Крут, 1995. 448 с.

Довженок и др., 1966 — Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка, 1966. 147 с.

Дубровин, 2010 — Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 335 с.

Ениосова, Пушкина, 2012 — Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V: Материалы V Судакской Междунар. науч. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Киев; Судак: Горобец, 2012. С. 34–85.

Жарнов, 2003 — Жарнов Ю. Э. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 48–58.

Загорульский, 1982 — Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: Изд-во Белорусский ГУ, 1982. 360 с.

Зайцева, 2009 — Зайцева И. Е. Предметы христианского культа из раскопок Серенска // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 5. С. 213–223.

Захаров, 2004 — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Зверуго, 1966 — Зверуго Я. Г. Некоторые итоги раскопок Волковыска // Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и

- смежных территорий / Ред. В. Ф. Исаенко. Минск: б. и., 1966. С. 284–298.
- Зверуго*, 1975 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
- Кабаев, Гальчук*, 2015 — *Кабаев Д. А., Гальчук Л. Л.* Археологические раскопки в квартале 22 исторического ядра г. Владимира // АВСЗ. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 5. С. 52–59.
- Каргер*, 1951 — *Каргер М. К.* Памятники Переяславского зодчества XI–XII вв. // СА. 1951. № 15. С. 43–63.
- Коваль*, 2015 — *Коваль В. Ю.* Культурные памятники Ростиславля Рязанского в контексте христианских древностей Рязанской земли // РА. М., 2015. № 4. С. 185–195.
- Колосницын, Сяборов*, 2017 — *Колосницын П. П., Сяборов В. Ю.* Археологические наблюдения у Спасо-Преображенского монастыря в Старой Руссе в 2016 г. // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2017. Вып. 31. С. 223–226.
- Кудрявцев, Андриенко*, 2017 — *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // Там же. С. 47–53.
- Лапшин*, 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факт филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с., ил.
- Лысенко*, 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 395 с.
- Макаров и др.*, 2005 — *Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.* Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I — первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 196–215.
- Макаров и др.*, 2019 — *Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Узулава Н. Д.* К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // АВСЗ. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 7–29.
- Медведев*, 1960 — *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X–XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 63–88.
- Медынцева*, 1997 — *Медынцева А. А.* Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 140–152.
- Мезенцева*, 1968 — *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ: Вид-во Київського університету, 1968. 183 с.
- Миролюбов*, 2004 — *Миролюбов М. А.* Памятники письменности и религиозного культа из раскопок древнего Изяславля // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXX: Из истории русской культуры, вып. 5 / Ред. Г. В. Вилинбахов, Г. А. Принцева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 5–24.
- Мовчан и др.*, 2000 — *Мовчан И. И., Боровський Я. Э., Климовський С. І.* Дослідження Старокіївської експедиції по вулиці Велика Житомирська в 1994 році // Археологічні дослідження в Україні 1994–1996: Сб. науч. тр. Київ: Прайм, 2000. С. 103–104.
- Мокрецова, Филиппов*, 2001 — *Мокрецова И. П., Филиппов М. Ю.* Металлическая фурнитура на обиходных древнерусских и византийских книжных переплетах // Художественный металл России: Материалы конф. памяти Г. Н. Бочарова (Москва, 22–24 апреля 1998 г.) / Ред. С. В. Гнутова. М.: РГГУ, 2001. С. 172–176.
- Мокрецова и др.*, 2003 — *Мокрецова И. П., Наумова М. М., Киреева В. Н., Добрынина Э. Н., Фонкич Б. Л.* Материалы и техника византийской рукописной книги (по реставрационной документации Гос. научно-исследовательского института реставрации). М.: Индрик, 2003. 320 с.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (МИА; № 49). 225 с.
- Новгородский детинец..., 2017 — Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Ред.-сост. Родионова М. А. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 264 с.
- Овчинникова*, 1994 — *Овчинникова Б. Б.* Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археол. изуч. Новгорода и 60-летию со дня рождения основателя Новгор. археол. экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.) / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: б. и., 1994. С. 83–86.
- Овчинникова*, 2000 — *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000 (Проблемы истории России; Вып. 3). С. 45–105.
- Овчинникова*, 2010 — *Овчинникова Б. Б.* Из истории письменных принадлежностей средневекового Новгорода: писала // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 114–123.
- Олейников*, 2014 — *Олейников О. М.* Археологические исследования в северной части Неревского конца

- Великого Новгорода (раскоп Досланский) // АиИПиПЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. Вып. 29. С. 225–234.
- Петегирич*, 1982 — *Петегирич В. М.* Археологічні джерела про писемність на південно-західних землях Київської Русі // Київська Русь: культура, традиції. Київ: Наукова думка, 1982. С. 39–45.
- Петегирич*, 1997 — *Петегирич В. М.* Про зняття письма та кириличні написи на предметах XI–XIV століть з Галицької землі // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII. С. 206–214.
- Петегирич*, 2010 — *Петегирич В.* Писемна культура еліти та «мовчазної більшості» у містах Надбужанщини княжої доби // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2010. Вип. 14. С. 135–150.
- Петрашенко*, 2004 — *Петрашенко В. А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев: б. и., 2004. 264 с.
- Пивоваров*, 2006 — *Пивоваров С. В.* Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI — перша половина XIII ст.). Чернівці: Зелена Буковина, 2006. 299 с.
- Пивоваров*, 2007 — *Пивоваров С. В.* Археологічні матеріали про писемність у давньоруського населення Буковини // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці: Видавництво «Прут», 2007. Т. 1 (23). С. 24–30.
- Прищеп*, 2016 — *Прищеп Б. А.* Погоринські міста в X–XIII ст. Рівне: ПП Дятлик М, 2016. 297 с.
- Прищеп*, 2017 — *Прищеп Б. А.* Посад літописної Пересопниці в урочищі Пастівник за археологічними джерелами // Возв'язь — Звягель — Новоград-Волинський у часовому зрізі тисячоліть / О. П. Моця (гол. ред.). Харків: Майдан; Київ: Стародавній світ, 2017. С. 115–135.
- Прищеп*, 2019 — *Прищеп Б. А.* Погориння у середьовіччі: населення, системи заселення, урбанізаційні процеси: Дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 / Інститут археології НАН України. Київ, 2019.
- Рябцева*, 1996 — *Рябцева С.С.* Знахідки з розкопок Десятинної церкви у колекції Державного Ермітажу (Санкт-Петербург) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 192–201.
- Седов*, 2019 — *Седов Вл. В.* Надвратная церковь Богоявления в новгородском Благовещенском монастыре на Мячине. По материалам раскопок 2005–2006 гг. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 331–343.
- Седова*, 1978 — *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седова*, 1992 — *Седова М. В.* Суздаль и его округа в X–XV веках.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / ИА РАН. М., 1992. 54 с.
- Симони*, 1903 — *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки. СПб.: О-во любителей древней письменности, 1903. 400 с.
- Стрикалов*, 2014 — *Стрикалов И. Ю.* Старая Рязань. Клад 2005 г. Археологический контекст // Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А. А. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. С. 57–68.
- Строкова*, 1996 — *Строкова Л.* Ювелірні вироби з колекції «Десятинна церква» у НМІУ та МІКУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення / Ред. П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 79–81, 154–159.
- Терський*, 2003 — *Терський С.* Пересопница. Краєзнавчий нарис. Рівне: Азалія, 2003. 160 с.
- Терський*, 2010 — *Терський С.* Княже місто Володимир. Львів: Вид. Нац. університету «Львівська політехніка», 2010. 320 с.
- Тимошук*, 1956 — *Тимошук Б. А.* Об инструментах для письма («стилях») // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 155–156.
- Торопова и др.*, 2020 — *Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., Карпова Т. В., Сяборов В. Ю., Юсифова А. А.* Работы старорусской археологической экспедиции Новгородского университета в 2018 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 31. С. 81–90.
- Фіголь А., Фіголь О.*, 2017 — *Фіголь А. Б., Фіголь О. Б.* Металопластика давнього Галича, технологія виготовлення та реконструкція // Інтерпретація археологічних джерел: здобудки та виклики. Матеріали наукової конференції молодих вчених. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 118–121.
- Ханенко Б., Ханенко В.*, 1902 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Киев: Фототип. С. В. Кульженко, 1902. Вып. V: Эпоха славянская (VI–XIII вв.). 78 с.

- Черненко, 2011 — Черненко О. Е. Пам'ятки писемности давньоруського Новгород-Сіверського // Сумська старовина. Суми, 2011. № XXXV. С. 191–199.
- Черненко, 2016 — Черненко Е. Е. Чернигов и наше-ствие монголов в свете археологических исследований // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 83–97.
- Янин и др., 1986 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1985 г. М., 1986 // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 11362, 11362а.
- Янин и др., 1987 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1986 г. М., 1987 // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 11363, 11363 г.
- Янин и др., 2015 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы XIII-Г, Г-1 и XV) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2015. Вып. 29. С. 51–65.
- Янин и др., 2016 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп–XVI) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2016. Вып. 30. С. 15–23.
- Янин и др., 2020 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2018 г. (Троицкие раскопы XV и XVI) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 11–24.
- Czerwień..., 2012 — Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy / J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn (red.) = Červen' — eine Burg zwischen Ost und West. Ausstellungskatalog = Červen' — un castrum tra Oriente e Occidente. Catalogo della mostra = Червень — град між Сходом і Заходом. Каталог виставки, Tomaszów Lubelski; Leipzig; Lublin; Rzeszów: Muzeum Regionalne im. dr. Janusza Petera, IAE PAN, IA UR, GWZO, 2012. 447 s.
- Davidson, 1952 — Davidson, G. R. *Corinth*. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 525 pp.
- Ross, 1965 — Ross M. C. *Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Vol. II: Jewelry, Enamels, and Art of the Migration Period. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1965. 144 pp., 107 pls.

Styli and book clasps from excavations at the Great Shepetovka Settlement

A. A. Peskova, A. Yu. Kononovich

At the Old-Russian fortified settlement near the village of Gorodishche of the Shepetovka District, Khmel'nitsk Oblast (Ukraine), completely excavated under the direction of Mikhail K. Karger in 1957–1964, a large collection of writing tools was obtained — 20 (24) metal styli (*pisalos*) (20 items are in the collection of the State Hermitage Museum, 24 items according to the expedition inventory list), as well as four parts of book clasps. On the Novgorod scale, this is comparable to the quantity of finds of styli at the richest and socially most important properties. Contrary to other Old-Russian settlements, the Shepetovka Settlement seems to be an unordinary site among the single series with the towns, including the large ones, well-known from chronicles. Typological analysis of the finds has shown that the majority of the styli found at the site belong to the commonly distributed general Russian types 3, 6, 7 and 11 (after the typology by A. F. Medvedev and B. B. Ovchinnikova) used during a wide range of the 11th–13th century. Moreover, the closest their analogies are traceable in Galitsk-Volhyn lands. One stylus (Fig. 1, 20) belongs to type 13 considered by specialists as a characteristic south-western type. Two styli of type 8, but of a rare variant (Fig. 1, 15–16), judging by the few not numerous parallels, were made in north-western traditions. Three rods resembling styli but without spatulas (Fig. 1, 17–19), at first glance seem to belong to type 15 (mid-13th–16th century), however they are considerably smaller (length 10 cm versa 14–16 cm). Therefore, we are dealing here either with styli with lost spatulas (any instrumental examination of the heads of the rods has not been conducted but, on one of them (Fig. 1, 19), the traces of breakage are discernible with the naked eye) or with pins or rods of candlesticks. The plan of the findspots suggests a connection of the considerable part of the finds with the summit of the Gorodishche Hill, i.e. the zone of concentration of fragments of bells and hoards of silver ornaments, including the hoard containing pending lead seals.

Медь Волховских берегов

Н. В. Григорьева, В. А. Крупеник, З. В. Крупеник^{1,2}

Аннотация. В статье приводятся результаты эксперимента по выплавке меди из руды, обнаруженной в известняковых береговых отложениях р. Волхов. Проведенный эксперимент свидетельствует о легкости обработки волховской руды, а исследования химического состава (микрзонд, ICP-MS) показывают высокую чистоту выплавляемого металла. Исследования проводились с целью обнаружить следы употребления местной руды в металлообработке эпохи средневековья. Для сравнения использовались медные слитки, обнаруженные при раскопках на Земляном городище в Старой Ладоге.

Annotation. This paper presents the results of an experiment for smelting of copper from the ore revealed in the riverside limestone deposits on the Volkhov River. This experiment has demonstrated the ease of processing the Volkhov ore, while investigations of the chemical composition (microprobing, ICP-MS) showed the high purity of the smelted metal. These investigations were carried out in order to identify the traces of the use of local ore in mediaeval metalworking. Copper ingots found during excavations at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga were used for comparison.

Ключевые слова: Северо-Запад, Старая Ладога, Земляное городище, медь, Древняя Русь, ICP-MS, изотопы Pb (MC-ICP-MS).

Keywords: North-West of Russia, Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, copper, Old Rus', ICP-MS, isotopes of Pb (MC-ICP-MS).

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-277-285

Среди материалов последних лет из раскопок средневекового поселения на территории Земляного городища Старой Ладоги по результатам микрорентгеноспектральных исследований целого ряда металлических находок были выделены не крупные по размеру бесформенные предметы, металл которых представляет собой «чистую» медь (образец № 1³ Cu-99,98-100 %;

образец № 2⁴ Cu-99,67-100 %; образец № 3⁵ Cu-79,89-100 %⁶) (рис. 1). С учетом чувствительности использованного метода и порога обнаружения

¹ Григорьева Н. В. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Крупеник В. А., Крупеник З. В. — Отдел региональной геологии и полезных ископаемых Западных районов, Сектор геологии докембрия, ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского; Средний пр., д. 74, Санкт-Петербург, 199106, Россия.

² Григорьевой Н. В. исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

³ Происходит из раскопок Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством

А. Н. Кирпичникова на Земляном городище Старой Ладоги в 2012 г. По полевой описи — № 258, обозначен как «Предмет бронзовый. Оплавлен.», был найден в кв. Т-ХІХ на глубине -6 в слое темно-коричневого гумуса. Размер 22,5 × 17 × 11 мм. Вес 3,6 г.

⁴ По полевой описи — № 398, обозначен как «Выплеск бронзовый», был найден в кв. Р-ХVІІ на глубине +22 в слое темно-коричневого гумуса. Размер 25 × 15 мм. Вес 6 г.

⁵ По полевой описи — № 416, обозначен как «Предмета бронзового фр-т», был найден в кв. Т-ХVІІІ на глубине -11 в слое темно-коричневого гумуса рядом с фрагментом глиняного тигля. Размер 23 × 8 мм. Вес 3,6 г.

⁶ Микрорентгеноспектральный анализ всех образцов был выполнен аналитиком Е. Л. Грузовой в Центральной лаборатории ВСЕГЕИ на установке Cam Scan MV 2300 системы микроанализа INK Energy.

Рис. 1. Слитки меди, обнаруженные при раскопках Староладожской археологической экспедиции на Земляном городище: 1 — образец № 1; 2 — образец № 3; 3 — образец № 2

Fig. 1. Copper ingots revealed during excavations by the Staraya Ladoga Archaeological Expedition at Zemlyanoye Gorodishche: 1 — sample no. 1; 2 — sample no. 3; 3 — sample no. 2

химических элементов примеси иных металлов в образце могут составлять не более 0,5 %.

Находки происходят из культурного слоя XII–XIII вв., содержащего только гончарную керамику. Две находки (образцы № 1 и 3) были найдены в пределах постройки № 6, расположенной в юго-восточном углу раскопа 5 (Кирпичников, 2013). В отчете упоминается, что одно из бревен постройки частично обуглено, однако других признаков пожара в культурно-хронологическом горизонте синхронной застройки в пределах раскопов в южной части Земляного городища нет. Еще одна находка (образец № 2) располагалась в 2–3 м к северо-западу от остатков сруба.

По внешнему виду эти находки невозможно связать с какими-либо предметами материальной культуры. Их поверхность имеет признаки воздействия высокой температуры (расплавления), отличается ноздреватостью и сглаженностью формы. Образцы покрыты патиной изумрудно-зеленого цвета, под которой металл сохранил коричнево-желтый цвет, что обнаружилось при отборе проб и расчистке поверхности при подготовке к проведению анализов. Совокупность указанных особенностей позволяет

интерпретировать эти находки в качестве первичного металлического сырья (меди), подготовленного (переплавленного) мастером-ювелиром для дальнейшего использования.

Изделия и заготовки из «чистой» меди в археологических материалах эпохи раннего и развитого средневековья известны, но встречаются редко. Использование нелегированного металла влияет на твердость, пластичность, цвет и другие качества сырья, что может усложнить процесс производства и ухудшить качество конечного изделия. Считается, что использовать неразбавленную медь средневековые ювелиры могли лишь в удалении от рынков металла, когда были ограничены в выборе сырья (Коновалов и др., 2008. С. 145). В Старой Ладоге до этого момента была известна только одна находка из чистой меди — кольцо из раскопок Е. А. Рябина на Земляном городище в 1982 г. (Там же. С. 168).

На настоящий момент нет данных, подтверждающих, что Северная Русь до XV в. располагала собственными металлическими месторождениями, поэтому все находки из цветных металлов эпохи раннего и развитого средневековья считаются привозными либо же произведенными с использованием привезенного слиткового металла рудников Востока или Западной Европы или из переработанного металлического лома (Гайдуков, Олейников, 2014б. С. 238; Коновалов и др., 2008. С. 155–162 и сл.). В 2013 г. на Торговой стороне в Новгороде в яме XV в. были найдены слитки черновой меди. Анализ соотношения изотопов Рb в металле слитков показал близость состава с имеющимися данными по рудным месторождениям Центральной и Южной Европы (Гайдуков, Олейников, 2014а). В Новгород слитки поступили при посредничестве ганзейских купцов, для которых еще с XII в. металл являлся одним из самых востребованных предметов торговли.

Не ставя под сомнение широкий импорт металлического сырья, заметим, что некоторые архивные данные и прямые геологические изыскания, выполненные авторами данной статьи, свидетельствуют о наличии меднорудного сырья непосредственно на Волховских берегах в непосредственной близости от Ладоги, о котором не могли не знать жители поселения.

Впервые медную руду в известняковых отложениях Поволховья описал выдающийся геолог, будущий директор Геолкома (ныне ВСЕГЕИ) Г. П. Гельмерсен (Гельмерсен, 1842. С. 210 и сл.).

Им были обследованы медные руды, обнаруженные в ломках известняковой плиты в районе Гостинопольской пристани. Осмотр известняков береговых обнажений Г. П. Гельмерсен проводил в районе дер. Дубовики, входящей в настоящее время в состав Волховского городского поселения, находящегося в 20 км от Старой Ладоги, выше по течению р. Волхов. В результате осмотра были описаны заполненные глиной вертикальные трещины в известняках силурийского возраста, из которых происходили зерна и куски медной руды. Для исследования в Горный институт было доставлено два пуда (≈ 32 кг) медистой глины, которая по результатам анализа содержала 9,37 % меди. По поводу происхождения этих руд Г. П. Гельмерсен пришел к выводу, что «масса, наполняющая трещины, нанесена в них водою» и ее источником являются вышележащие девонские отложения.

Через десять лет после этого, в 1852 г., в Старой Ладоге побывал писатель, основоположник научной российской педагогики К. Д. Ушинский. В своей «Поездке за Волхов» он отмечает «куски медной руды», которые обнаруживают рабочие при плитных ломках около Никольского монастыря, расположенного в южной части современной Старой Ладоги. К. Д. Ушинский пишет: «Работники, начиная ломку, стараются сначала отыскать трещину, которая идет вертикально и перерезывает все пласты. Этот отрез совершенно перпендикулярен и необыкновенно гладок, наполнен глиной, в которой изредка попадаются куски медной руды» (Ушинский, 1852. Отд. VI, 29).

Обнаруженные в середине XIX в. на берегах р. Волхов медные руды в дальнейшем были признаны «неблагонадежными» для использования. Однако руды, которые не соответствовали требованиям промышленности XIX в., вполне могли служить источником металла для кустарного производства средневекового времени.

По следам архивных письменных источников в 2016 г. авторами данной статьи были предприняты поиски медных руд в районе дер. Дубовики. При предварительном осмотре береговых обнажений в известняках были обнаружены маркизовые конкреции с оторочками медной зелени (рис. 2, 2, 3). При последующем, более детальном, обследовании обнажений в указанном районе были обнаружены вертикальные трещины, описанные Г. П. Гельмерсеном, — заполненные глиной с зёрнами медной черни (тенорита) в малахитовой рубашке (рис. 2, 1). Содержание меди

в глине по результатам анализов (здесь и далее данные ICP-MS⁷) составляет 5,4 %. Собранный материал был использован в экспериментальных плавках, проведенных с целью проверить возможность получения меди из руд, имеющих вблизи Старой Ладоги (рис. 2, 4).

Первоначальные опыты были осуществлены с медной зеленью, связанной с конкрециями (рис. 2, 4). Отобранные оруденелые породы (проба весом около 1 кг) были подвергнуты ручному обогащению. От пустой породы отделены куски, содержащие медную минерализацию, которые были раздроблены в ступке до порошкообразного состояния. Всего было получено 40 г концентрата с содержанием меди 1,7 %.

Из полученного порошка были сформированы округлые комки размером 0,8–1,2 см. Для связки порошка при проведении ряда плавков использовалась мука или сахарная пудра с добавлением истертого в порошок древесного угля и воды.

В качестве плавильной печи первоначально был взят керамический цветочный горшок объемом 0,5 л, стенки и дно которого были обмазаны огнеупорной глиной. Для дутья использовались ножные меха для накачивания надувной лодки.

Топливом служил березовый уголь, который закладывался в печь в несколько приемов. После прогрева печи вводилась смесь угля с концентрированной рудой. Плавка проводилась без дополнительного флюса, в качестве которого выступала сама истертая порода, содержащая медную зелень (плавка 1, образец № 4, и плавка 2, образец № 5). В одном случае к руде в качестве плавня был добавлен порошок железной руды (гематита) и кварца (плавка 3, образец № 6). После того как уголь прогорал, его остатки извлекались из печи, на дне которой осаждался шлак, образовавшийся из медесодержащей породы. В ноздреватом веществе шлака были заключены небольшие металлические образования сферической формы (микрослитки), которые отделялись в процессе промывки измельченного шлака.

Микронзондовое исследование выплавленных микрослитков показало высокую чистоту выплавленного металла. Медь в нем составляла более 99 %, из примесей фиксировалось только железо в количестве 0,21–0,99 %, попавшее

⁷ Анализ выполнен на масс-спектрометре с индуктивно-связанной плазмой «Элан-6100 DRC» фирмы «Перкин-Элмер» в Центральной лаборатории ВСЕГЕИ.

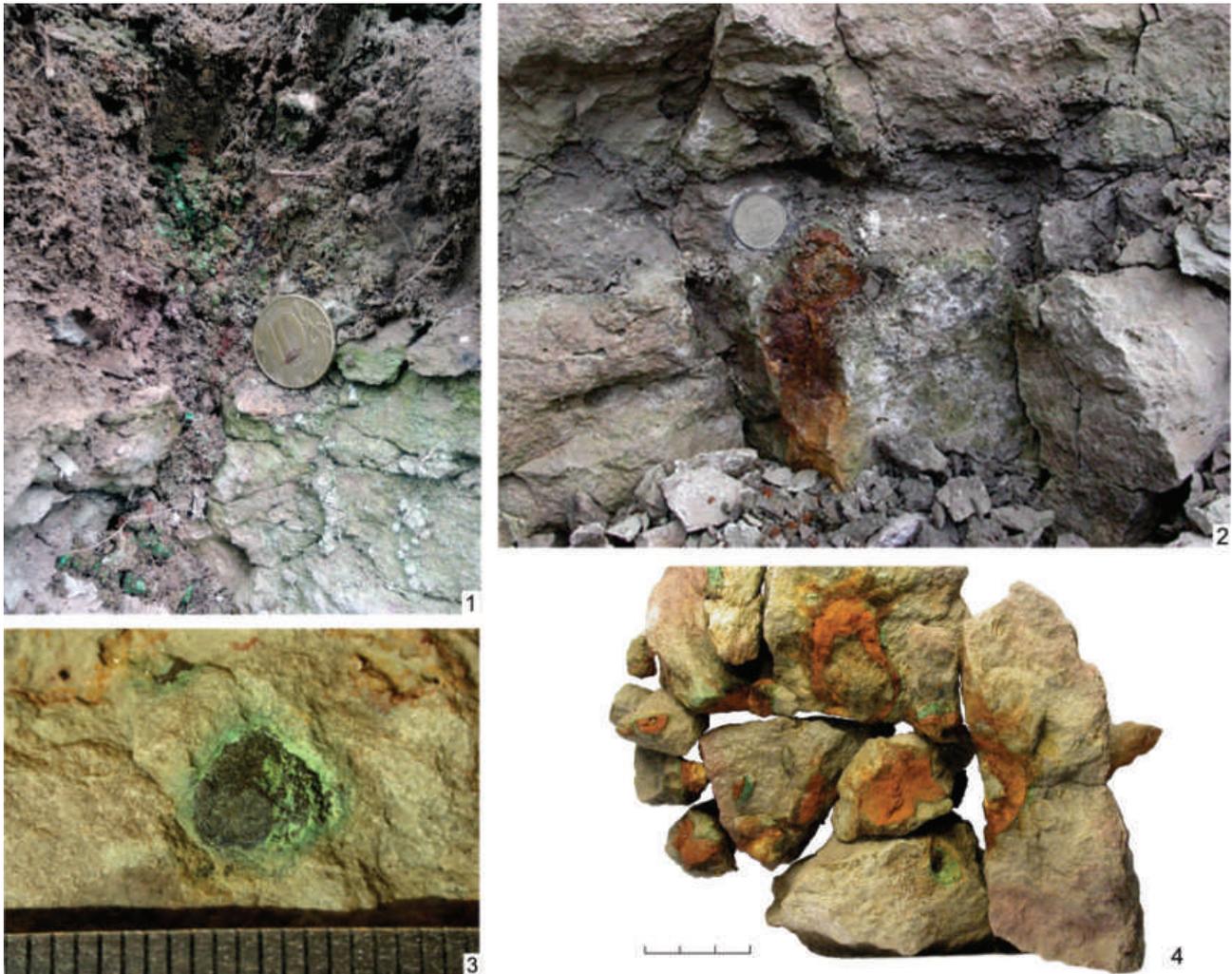

Рис. 2. Результаты обследования береговых известняков на р. Волхов в районе дер. Дубовики: 1 — вертикальная трещина в известняке, заполненная глиной и зернами медной черни (тенорита); 2, 3 — марказитовые конкреции с оторочками медной зелени; 4 — оруднелые породы, отобранные для пробных плавок

Fig. 2. Results of the investigation of riverine limestones on the Volkhov River in the vicinity of v. Duboviki: 1 — vertical fissure in limestone filled with clay and grains of copper niello (tenorite); 2, 3 — markasite concretions with edgings of copper green; 4 — ore-impregnated rock species selected for test smelting

в сплав из примеси сульфидов железа (марказита) в рудном концентрате (образец № 4) (рис. 3, А). При добавлении в шихту гематита в микрослитках был получен твердый раствор железистой бронзы (Cu — 96,0 %, Fe — 4,0 %) и медистого железа (Fe — 88,2 %, Cu — 10,9 %, P — 0,9 %) (образец № 6) (рис. 3, Б). Чаще всего железо, обнаруживаемое в результате анализа археологического металла, относится к категории загрязнений, приносимых с грунтом, но, возможно, как и в нашем случае, выявляемое железо отражает состав руды и флюса.

Медистые глины из трещин в известняках и из осыпи под ними также были использованы для

пробной плавки. Выделение рудного концентрата и подготовка к плавке были выполнены по схеме, описанной выше, с той лишь разницей, что концентрат для плавки не измельчался. Всего было выделено 70 г рудного материала — зерен медной черни размером 1–10 мм в малахитовой рубашке. Они представляют собой достаточно богатую медную руду. Содержание меди в концентрате составило 53,4 % (табл. 1). Половина концентрата (35,1 г) была использована в плавке.

Для эксперимента из огнеупорной глины была изготовлена более крупная печь (плавка 4). Она имела форму, близкую к цилиндру внутренним диаметром 9,5 см в нижней части и 11,0 см

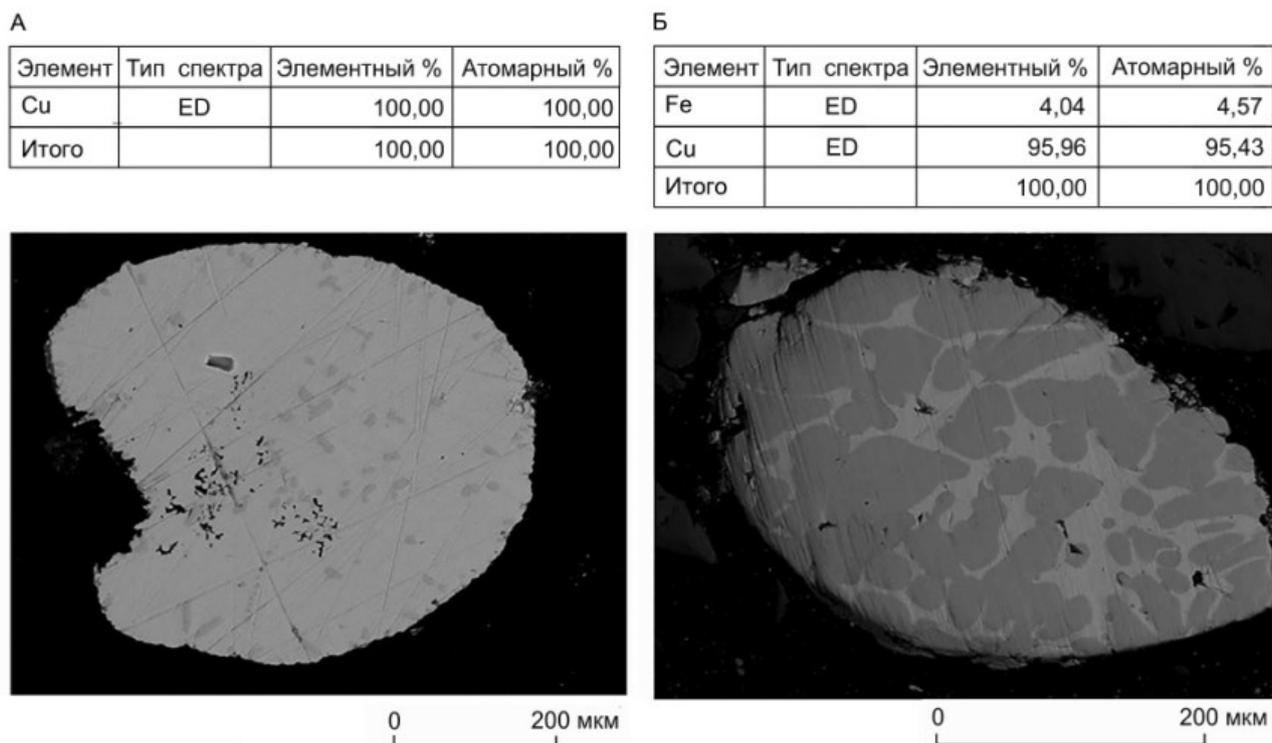

Рис. 3. Результаты микрозондового исследования микрослитков выплавленной меди: А — образец № 4; Б — образец № 6
 Fig. 3. Results of microprobe investigation of micro-ingots of the smelted copper: А — sample no. 4; Б — sample no. 6

в верхней, высотой 10 см. Для дутья сбоку было сделано круглое отверстие. Для подачи воздуха также использовались ножные меха, но большего объема, чем в первом случае. При плавке для увеличения высоты печи использовалась надставка — труба из тонкого черного листового железа диаметром 12 см и высотой 25 см. Общая высота печи, таким образом, составляла 35 см. Печка с надставкой была поставлена на плоскую известняковую плиту. Дутье производилось через глиняную трубку, вставленную в боковое отверстие печи. Плавка, вместе с первоначальным прогревом печи, продолжалась 17 мин.

После разборки печи и удаления углей на плите осталась лепешка из спекшихся окислов меди (куприта) красного цвета и небольших металлических слитков ярко-желтого цвета. Так как рудный концентрат практически не содержал пустой породы, при плавке почти не образовалось шлаков. Полученные слитки имели уплощенно-овальную форму с небольшими плавными выступами и бугорками. Самый крупный из них достигал 17 мм в длину (образец № 7) (рис. 4).

Всего в результате плавки получено 9,77 г чистой меди (без куприта), что составило 27,8 % от

веса начального рудного концентрата. Учитывая содержание меди в концентрате (53,4 %) и его вес (35,1 г), потенциально могло быть получено 18,7 г металла. Потери составили около 50 %, что объясняется несовершенством метода плавки, недостатками использованного оборудования, но главным образом неопытностью «металлургов».

Рис. 4. Слитки меди, полученные в процессе плавки 4. Образец № 7

Fig. 4. Copper ingots produced during smelting experiment 4. Sample no. 7

Сравнение слитков, полученных в результате экспериментальной плавки, и слитков из раскопок на Земляном городище показывает их сходство по форме или, точнее, ее отсутствию. То есть при раскопках мог обнаружиться (образцы № 1–3) не просто переплавленный слитковый металл, а результат плавки первичного сырья.

Все три слитка, найденные при раскопках (образцы № 1–3), а также два образца из пробных плавок (образцы № 7 и 8) были использованы для проведения количественной масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой высокого разрешения (ICP-MS) (табл. 1). Слитки из раскопок и экспериментальных плавок показали очень высокие содержания меди — 98,92–99,65 % — и по этому параметру практически совпали. Медь экспериментальных плавок несколько чище (99,64–99,65 %), чем медь из раскопок (98,92–99,51 %). Но по составу сопутствующих компонентов (примесей) они заметно отличаются. Слитки из раскопок содержат значительно более высокие концентрации металлов: цинка, свинца, олова, никеля. Их содержания в слитках из раскопок на 1–2 порядка выше, чем в продуктах экспериментальных плавок. Также в слитках с Земляного городища на 1–2 порядка больше мышьяка, сурьмы, теллура, фосфора и в 2–3 раза больше серебра.

Естественно, встает вопрос о причинах этих отличий. Во-первых, это может объясняться различным источником руд и металлов. Во-вторых — различной технологией получения металлов из руд. В химическом составе металла слитка с Земляного городища определяется цинк, свинец и серебро, которые могли непосредственно входить в исходные руды, что характерно для многих месторождений. То же касается мышьяка, висмута, селена. Но появление в сплаве олова, никеля, фосфора свидетельствует о попадании в «чистую» шихту постороннего материала, так как они не характерны для медных (со свинцом и цинком) руд. Олово добавляется к меди для получения бронзы, фосфор также вводится для улучшения ее литейных свойств.

Следует отметить, что несмотря на значительные относительные отличия содержаний названных элементов в проанализированных материалах, в абсолютном выражении разница составляет сотые, реже десятые, доли процента. Появление указанных примесей в образцах № 1–3, по нашему мнению, может быть связано с использованием в ремесленной мастерской при обработке

сырьевого материала многообразной технологической посуды, в которой до этого находились сплавы, содержащие олово, фосфор, свинец и другие элементы, улучшающие литейные свойства металла. Эти элементы неизбежно «загрязняли» плавильные печи, тигли и инструменты. Кроме того, при плавках медных руд к шихте могли добавлять шлаки и отходы предыдущих плавок. В таких условиях даже при плавке стопроцентно чистой меди будет получен состав с примесью названных элементов. Повторим, что суммарное их содержание в слитках Земляного городища очень незначительно (0,49–1,08 %).

Сравнение составов волховской руды и полученных нами из нее слитков указывает на то, что в ходе плавки произошла значительная потеря свинца, мышьяка, цинка. Это достаточно подвижные элементы, и, очевидно, плавка была излишне продолжительной. О том же свидетельствует большая потеря меди. В то же время серебро перешло в сплав полностью. При правильном ведении плавки в полученной меди могло быть более высокое содержание свинца, мышьяка и цинка.

Для углубленной характеристики рассматриваемых материалов были выполнены три определения изотопного состава свинца. Для изотопного анализа свинца был выбран один из обнаруженных при раскопках слитков (образец № 1), один слиток выплавленной меди (образец № 7) и зерно медной черни — тенорита — из вертикальных трещин волховских обнажений.

Анализы выполнены в Центре изотопных исследований ВСЕГЕИ. Состав свинца измерялся на масс-спектрометре Thermo Triton TI (метод TIMS) с использованием стандарта NIST 981. Средняя точность анализов составила 0,05 % (2σ) для отношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$. Измерялись отношения изотопов свинца $^{206}/^{204}$, $^{207}/^{204}$ и $^{208}/^{204}$. Результаты исследования приведены в таблице 2 и двух диаграммах (рис. 5). По изотопному составу свинца слиток Земляного городища значительно отличается от волховской руды и выплавленного из нее металла. В то же время он близок к упомянутым ранее новгородским слиткам (Гайдуков, Олейников, 2014а). Также установлено, что изотопные составы свинца волховской руды и металла, полученного из нее, значительно различаются. Фракционирование при плавке представляется невозможным. По-видимому, имеет место неоднородность состава свинца в рудах.

Таблица 1. Элементный состав найденной и выплавленной меди (ICP-MS)
Table 1. Elemental composition of the found ingots and smelted copper (ICP-MS)

№ п/п	Образец	Cu, %	Доля химического элемента, ppm (1×10 ⁶)														Сумма (без Cu)		
			Zn	Pb	Sn	Ag	As	Sb	Bi	Se	Te	Fe	Co	Ni	Mo	Cd	P	ppm	%
1	№ 1	99,51	10,4	1105,3	129,3	344,4	728,7	549,1	11,8	6,0	2,0	174	5,9	986	0,2	<1	495	4548	0,45
2	№ 2	98,92	30,7	816,1	5965,6	338,3	697,7	192,6	8,7	11,8	3,0	218	38,3	851	1,7	<1	1023	10196	1,02
3	№ 3	99,10	19,4	1321,7	473,5	416,7	1470,1	773,1	9,1	7,1	2,2	1633	8,8	606	1,7	<1	1337	8079	0,81
4	№ 7, медь из плавки 4	99,64	1,3	2,2	12,6	135,3	77,1	2,5	1,4	20,4	0,5	1812	8,8	45	0,1	<1	22	2142	0,21
5	№ 8, медь из плавки 5	99,65	4,7	8,6	0,2	171,9	3,5	<2	14,9	34,4	0,5	167	<0,5	12	<0,5	<1	57	475	0,05
6	Волховская руда*	53,39	9,9	93,2	н.о.	97,3	57,9	0,13	н.о.	н.о.**	258	0,03							
Нижний предел обнаружения			1,0	1,0	0,2	0,01	0,5	0,1	0,1	0,2	0,1	10	0,5	1,0	0,5	1	10		

* концентрат рудных минералов, использованный в плавках 4 и 5; ** н. о. — не определялось.

Таблица 2. Соотношение изотопов свинца, измеренное с помощью MC-ICP-MS, в зерне волховской медной черни, в образце выплавленной меди (образец № 7) и слитке меди из раскопок (образец № 1)
Table 2. Ratio between isotopes of lead identified using MC-ICP-MS in a grain of the Volkhov copper niello, from a sample of smelted copper (sample no. 7) and in an copper ingot (sample no. 1)

№ анализа	Проба	м, г	I 206Pb, mV	206Pb/204Pb	207Pb/204Pb	208Pb/204Pb	2σ	2σ	2σ
5074	Волховская руда	0,15911	982	25,5235	15,8555	39,6447	0,0026	0,0018	0,0058
5075	Образец № 7	0,26158	843	20,9664	15,7760	39,1923	0,0021	0,0016	0,0040
5076	Образец № 1	0,23030	4572	18,4505	15,7105	38,8217	0,0008	0,0007	0,0024

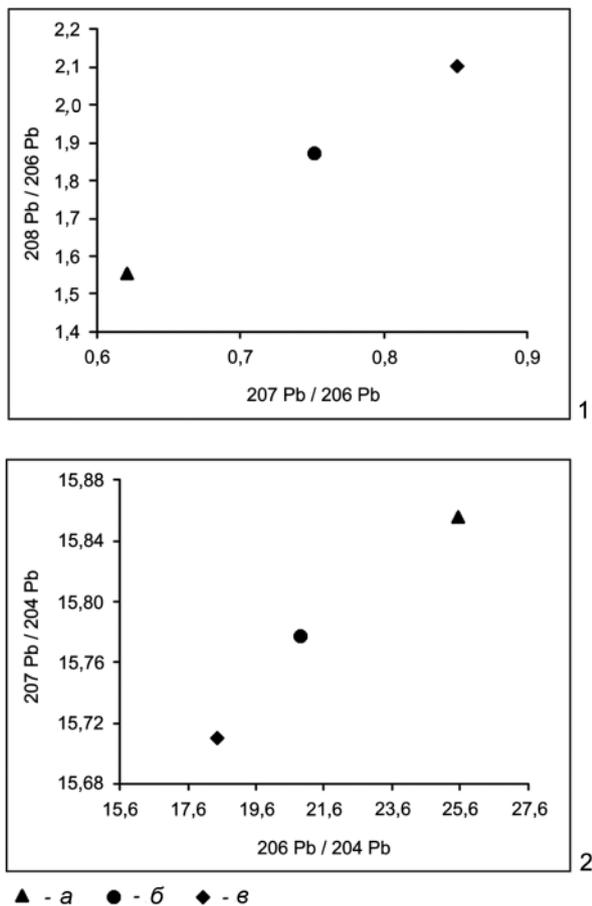

Рис. 5. Диаграммы изотопного состава Pb слитка из раскопок (образец № 1) и слитка, полученного в процессе экспериментальной плавки (образец № 7), а также зерна медной черни из волховских известняков: 1 — $^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$ — $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$; 2 — $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ — $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$. Условные обозначения: а — волховская руда; б — образец № 7; в — образец № 1

Fig. 5. Diagrams of the isotope composition of Pb in an ingot from excavations (Sample No. 1) and the ingot produced through experimental smelting (Sample No. 7) and also from a grain of copper green from Volkhov limestones: 1 — $^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$ — $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$; 2 — $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ — $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$. Keys: а — Volkhov ore; б — Sample No. 7; в — Sample No. 1

Различие изотопного состав свинца слитка Земляного городища и слитков, выплавленных авторами, может свидетельствовать о том, что они получены из руд разных источников. Либо возможно иное объяснение. Волховская медная руда имеет крайне низкие значения содержания свинца — $\text{Pb} < 0,01\%$. Поэтому даже небольшое загрязнение свинцом из постороннего источника

может существенно изменить соотношение компонентов в металле, что вполне вероятно в условиях производства. В данном случае изотопный состав свинца при заметных его содержаниях в медных сплавах ладожских находок нельзя рассматривать как признак их сходства или отличия от волховских медных руд. Полученные результаты носят предварительный характер и требуют дополнительных исследований для получения статистически значимых данных.

В результате проведенного эксперимента были получены важные сведения, открывающие возможности для дальнейшей исследовательской работы.

1. Подтверждено наличие медных руд в известняках нижнего Поволжья.

2. Обнаруженные руды легкодоступны и легкообогатимы.

3. Экспериментально установлена осуществимость выплавки меди из них кустарным способом, что доказывает возможность использования волховских медных руд в качестве металлического сырья. Тем более что местный известняк активно использовался при строительстве каменной крепости и ладожских церквей. Население Ладogi, несомненно, знало о наличии металла в береговых обнажениях. Со значительной долей осторожности можно предположить, что об этой меди было известно и намного раньше. Медная руда встречалась в культурном слое поселения эпохи бронзы Шкурина Горка, которое расположено в 2,5 км южнее дер. Дубовики, на берегу Волхова на тех же известняках. Автор раскопок М. А. Юшкова называет обнаруженные зерна медной черни отходами производства «выплесками» (Юшкова, 2003. С. 17). Могло ли население Приладожья VIII–V вв. до н. э. знать и использовать медь волховских известняков? Или она случайно попала в культурный слой?

4. По результатам изотопного анализа по свинцу образец меди, обнаруженный на Земляном городище, оказался близок к составу свинца новгородских слитков, происхождение которых связывают с месторождениями Австрии и Германии (Гайдуков, Олейников, 2014а. Рис. 3). Волховская медь из известняков оказалась в области низких изотопных отношений: $^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$ – $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$.

Несмотря на полученные любопытные результаты, остается много вопросов и неоднозначных ответов, прояснить которые поможет дальнейшая работа и накопление статистического материала.

- Гайдуков, Олейников*, 2014а — *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV в. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 263–266.
- Гайдуков, Олейников*, 2014б — *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Новые археологические свидетельства новгородско-ганзейской торговли цветными металлами в XV в. // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда (Казань, 20–25 октября 2014 г.). Казань: Отечество, 2014. Т. 3. С. 238–241.
- Гельмерсен*, 1842 — *Гельмерсен Г. П.* Отчет об исследовании месторождения медных руд, открытых в 1842 г. на правом берегу реки Волхова между Гостинопольскою пристанью и деревнею Дубовик // Горный журнал. 1842. Ч. IV, книжка XI. С. 210–220.
- Кирпичников*, 2013 — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2012 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1/2012. Д. 44.
- Коновалов и др.*, 2008 — *Коновалов А. А., Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. 191 с.
- Ушинский*, 1852 — *Ушинский К. Д.* Поездка за Волхов // Современник. 1852. Т. XXXV, отд. VI. С. 1–38.
- Юшкова*, 2003 — *Юшкова М. А.* Раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в 2002 г. // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. (Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.): Сб. ст. / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 12–26.

Copper from banks of the Volkhov River

N. V. Grigoreva, V. A. Krupenik, Z. V. Krupenik

This paper presents the results of an experiment for smelting of copper from the ore revealed in the riverside limestone deposits on the Volkhov River (Fig. 2). The copper ore of the Volkhov limestones at least twice is mentioned in publications of the 19th century particularly in the specialized work of the professional geologist Grigoriy P. Gelmersen (Gregor von Helmersen). The present experiment demonstrates the ease of processing the Volkhov ore and the high purity of the smelted metal (Fig. 3; 4; Table 1.). These investigations were carried out in order to identify the traces of the use of local ore in mediaeval metalworking. Copper ingots found during excavations at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga were used for comparison (Fig. 1).

The investigations were carried out with a limited quantity of the material and, so far, no traces of the use of Volkhov copper ore have been reliably identified. Definitions (MC-ICP-MS) of the isotope composition of lead in samples from the excavations showed closeness to the ingots found in Novgorod; their provenience has been linked with European ore deposits (Table. 2; Fig. 5). However local residents in the Middle Ages undoubtedly knew about the presence of the metal in the limestones because the latter were actively used in the construction of the stone walls of the fortress and later in the construction of churches.

Пломбы из Тверской, Новгородской и Смоленской областей в коллекции И. Н. Парусимова¹

С. В. Белецкий²

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций, посвященных пломбам из коллекции ростовского археолога И. Н. Парусимова. В ней воспроизводятся и комментируются шесть пломб, происходящих с территории Тверской, Новгородской и Смоленской областей. Все эти предметы уже были изданы И. Н. Парусимовым. В настоящей статье помещены уточнения к высказанным И. Н. Парусимовым наблюдениям.

Annotation. This paper continues a series of publications devoted to seals from the collection of the Rostov archaeologist Igor N. Parusimov. Here six seals from Tver, Novgorod and Smolensk oblasts are reproduced and discussed. All these items have already been published by I. N. Parusimov. In the present article, some comments are presented for the observations proposed by I. N. Parusimov.

Ключевые слова: Древняя Русь, княжеские знаки, пломбы, систематизация.

Keywords: Old Rus', princely signs, seals, systematization.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-286-289

Статья продолжает серию публикаций (Белецкий, 2019; 2020; 2021), посвященных древнерусским пломбам из коллекции ростовского археолога И. Н. Парусимова³. В ней воспроизводятся и комментируются шесть пломб, происходящих с территории Тверской (3 экз.), Новгородской (2 экз.) и Смоленской (1 экз.) областей. Все эти предметы ранее уже были изданы И. Н. Парусимовым (Парусимов, 2012; 2016). В статье помещены уточнения к высказанным наблюдениям.

Тверская область

№ 1 (рис. 1, 1). Ав⁴: четырехконечный крест, ободок точечный. Рv: погрудное изображение

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191196, Россия.

³ В настоящее время коллекция И. Н. Парусимова находится у автора статьи. После полной публикации она будет передана в Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа.

⁴ В статье использованы следующие сокращения: Ав — аверс; Рv — реверс; Д. — диаметр; В. — вес; М. н. — место нахождения; Пр. — принадлежность; Изд. — издание.

святого, нимб и ободок точечные. Д.: 15,9–17,4 мм. В.: 4,96 г. М. н.: окрестности г. Торжок. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2012. С. 36, 37, рис. 1, 15.

№ 2 (рис. 1, 2). Ав: шестиконечный крест, ободок линейный. Рv: погрудное изображение святого, нимб линейный. Д.: 10,2–13,4 мм. В.: 1,11 г. М. н.: окрестности г. Торжок. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2012. С. 36, 37, рис. 1, 16.

№ 3 (рис. 1, 3). Ав: знак в виде буквы И с перекрестием на вершине правой мачты, окончания правой мачты и левой лопасти креста завершаются точками. Правая лопасть креста завершается треугольником. Ободок точечный. Рv: буква П или Л. Следы точечного ободка. Д.: 14,5–15,7 мм. В.: 2,68 г. М. н.: окрестности г. Торжок. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2012. С. 36, 37, рис. 1, 17.

Все три пломбы найдены в окрестностях г. Торжок. Две пломбы (№ 1, 2) несут на лицевой стороне крест, а на оборотной — изображение святого. Они принадлежат к сфрагистическому разряду II/2 (Белецкий, 20016. С. 32, табл. 2). Хотя пломбы данного разряда относятся к числу наиболее распространенных на территории

Рис. 1. Пломбы: 1–3 — из окрестностей г. Торжок; 4–5 — из Новгородской области; 6 — из Смоленской области. Номера соответствуют номерам каталога. Фото К. В. Горлова

Fig. 1. Seals: 1–3 — from the vicinity of the city of Torzhok; 4–5 — from Novgorod oblast; 6 — from Smolensk oblast. The numbers correspond to those in the catalogue. Photo by K. V. Gorlov

древнерусского государства, среди предметов, найденных в разные годы в черте Торжка, они ранее не были обнаружены (Гайдуков, Малыгин, 1989. С. 246, 247; Белецкий, 1996. С. 46, 47). Третья пломба несет на лицевой стороне знак, а на оборотной — букву. Эта пломба принадлежит к сфрагистическому разряду IV/4 (Белецкий, 20016. С. 32, табл. 2). Такие пломбы в черте Торжка ранее уже фиксировались (Гайдуков, Малыгин, 1989. С. 246).

Новгородская область

№ 4 (рис. 1, 4). *Av*: шестиконечный крест. *Rv*: святой оплечно, фрагменты точечного нимба. Д.: 11,5–13,7 мм. В.: 2,50 г. М. н.: Новгородская область, Старорусский район, окрестности дер. Бурег. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2012. С. 37, 38, рис. 1, 23.

№ 5 (рис. 1, 5). *Av*: шестиконечный крест, ободок точечный. *Rv*: трезубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на правом зубце отрог внутрь, на вершине вертикального центрального зубца перекрестие, ножка вертикальная, левый зубец не вошел в площадь оттиска. Д.: 8,1–11,1 мм. В.: 0,95 г. М. н.: Новгородская область и район, поселок Наволок. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2016. С. 229, рис. 3, 35.

Пломба № 4 принадлежит к уже упоминавшемуся сфрагистическому разряду II/2 (Белецкий, 20016. С. 32, табл. 2). Как было отмечено, такие пломбы широко представлены в материалах раскопок и среди случайных находок на поселениях и в городах Древней Руси. Ранее уже

высказывалось предположение, что пломбы разряда II/2 привешивались к шкуркам животных, утверждая их в качестве « меховых денег » (Белецкий, Посвятенко, 1994. С. 4).

Пломба № 5 принадлежит к сфрагистическому разряду II/7. Среди пломб, несущих изображение княжеского знака, только у пломб этого разряда знак помещен не на аверсе, а на реверсе буллы. Сочетание изображения креста, символизирующего автономный характер власти держателя буллотирия (Белецкий, 20016. С. 30, табл. 1), с изображением лично-родового княжеского знака указывает на автономный характер власти держателя буллотирия в лице княжеской администрации, выступавшей от имени владельца знака и представлявшей его интересы. Очевидно, что сфрагистические регалии разряда II/7 являлись атрибутом юрисдикции чиновников, возглавлявших княжескую администрацию и исполнявших при князе функции канцлера (печатника): держатель буллотирия не просто действовал в рамках предоставленных ему полномочий, но располагал всей полнотой власти, заменяя князя при совершении юридических действий, однако при этом не являлся самостоятельным юридическим лицом (Белецкий, 1992. С. 6).

Помещенный на реверсе пломбы № 5 трезубец вошел в площадь оттиска лишь частично. Заметим, однако, что среди известных к настоящему времени древнерусских трезубцев есть знаки только одного типа, у которых правый зубец был отогнут наружу и имел отрог внутрь,

а центральный зубец был увенчан крестом — это знаки типа П/2/9, левый зубец у которых был симметричен правому зубцу (Белецкий, 2001а. С. 93, 94, 162, 172, табл. 50, 6–9; 60, 2, 3). Предполагая, что знак на пломбе № 5 мог относиться к типу П/2/9, аналогиями ему следует считать трезубцы на новгородских пломбах (Лихачев, 1930. Рис. 68, третий сверху ряд, первая, вторая и третья справа пломбы; нижний ряд, левая пломба) и пломбах из Городца на Волге (Лебедев, Дунин, 2000. Рис. 1, 6; Петров, 1997. Табл. 4, 13).

Смоленская область

№ 6 (рис. 1, б). Ав: шестиконечный процветший крест. Рv: погрудное изображение святого, нимб линейный. Д.: 15,0–16,7 мм. В.: 3,01 г. М. н.: Смоленская область, Духовщинский район, дер. Негородка. Пр.: коллекция И. Н. Парусимова. Изд.: Парусимов, 2012. С. 37, 38, рис. 1, 25.

Пломба № 6 принадлежит к упоминавшемуся сфрагистическому разряду П/2 (Белецкий, 2001б. С. 32, табл. 2). Как было отмечено выше, такие

пломбы широко представлены в материалах раскопок и среди случайных находок на поселениях и в городах Древней Руси.

Заключение

В коллекции И. Н. Парусимова пломбы, происходящие с территории Тверской, Новгородской и Смоленской областей, представлены небольшими сериями. Все они принадлежат к уже известным сфрагистическим разрядам. При этом пломбы, оттиснутые аналогичными матрицами, в других регионах Древней Руси пока как будто бы не встречены.

Это в очередной раз подтверждает необходимость максимально полного введения в научный оборот имеющихся коллекций пломб. До тех пор, пока не будет опубликован подробный научный каталог доступных для исследования древнерусских пломб и пока не будет проведен детальный штемпельный анализ этих памятников, древнерусские пломбы будут оставаться *terra incognita* русской средневековой сфрагистики.

Белецкий, 1992 — Белецкий С. В. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Сб. трудов конф. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: ИА РАН, 1992. С. 5–8.

Белецкий, 1996 — Белецкий С. В. Новые сфрагистические находки из Торжка // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: б. и., 1996 (Археологические изыскания; Вып. 31). С. 45–48.

Белецкий, 2001а — Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Ч. 2. Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: Петербургкомстат, 2001 (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 3). 188 с.

Белецкий, 2001б — Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб.: Петербургкомстат, 2001 (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 4). 192 с.

Белецкий, 2019 — Белецкий С. В. Древнерусские пломбы из Брянской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // Стратум. 2019. № 6. С. 221–226.

Белецкий, 2020 — Белецкий С. В. Древнерусские пломбы с территории Украины (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // Записки ИИМК. 2020. № 23. С. 132–143.

Белецкий, 2021 — Белецкий С. В. Древнерусские пломбы из Курской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // Записки ИИМК. 2021. № 25. В печати.

Белецкий, Посвятенко, 1994 — Белецкий С. В., Посвятенко В. А. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этно-политических и культурных связей: Тезисы докладов чтений памяти В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 1994 г.) / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: ИРИ, 1994. С. 3–5.

Гайдуков, Малыгин, 1989 — Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: МГУ, 1989. С. 240–256.

Лебедев, Дунин, 2000 — Лебедев В. Д., Дунин В. Н. Рисунки свинцовых пломб из архива Городецкого краеведа Ю. К. Мятова. Первичный анализ сюжетов опубликованного комплекса городицких пломб // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. Нижний Новгород / Отв. ред. П. Н. Петров. М.: Информэлектро, 2000. С. 148–162.

Лихачев, 1930 — Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 279 с.

Парусимов, 2012 — Парусимов И. Н. Новые находки пломб дрогичинского типа // Историко-археологические записки: Сб. ст. Кн. 2 / Отв. ред. Е. П. Токарева. Зимовники: Медиа-Полис, 2012. С. 34–42.

Парусимов, 2016 — Парусимов И. Н. Пломбы дрогичинского типа: новые находки // Русский сборник.

Вып. 8. Т. 1 / Отв. ред. А. А. Чубур. Брянск: Брянский ГУ, 2016. С. 225–230.

Петров, 1997 — Петров П. Н. Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I / Отв. ред. П. Н. Петров. Н. Новгород: б. и., 1997. С. 48–67.

Seals from Tver, Novgorod and Smolensk oblasts in I. N. Parusimov's collection

S. V. Beletskiy

This paper continues the series of publications devoted to Old-Russian seals from the collection of the Rostov archaeologist Igor N. Parusimov. Here six seals originated from the territories of Tver (3 items), Novgorod (2 items) and Smolensk (1 item) oblasts are reproduced and commented.

All the three seals from Tver Oblast were found in the surroundings of the city of Torzhok. Two of them bear representations of a cross and a saint. Earlier, a supposition has already been proposed that seals of this type were suspended to animal skins validating them as a kind of 'fur money'. The third seal has a representation of a sign and a letter.

One of the two seals found in Novgorod Oblast represents a cross and a saint. The second seal has an image of a cross on the obverse and a representation of a princely sign on the reverse. Sphragistic regalia of such a type served as an attribute of the jurisdiction of the officials heading the princely administration and executing the functions of a chancellor (seal keeper) under a prince.

The single seal coming from the territory of Smolensk Oblast bears representations of a cross and a saint.

Thus the seals from Tver, Novgorod and Smolensk oblasts in the collection of I. N. Parusimov are represented by small series. They all belong to the already known sphragistic types. At the same time, no seals impressed with analogous matrixes so far have been registered in other regions of Old Rus'.

Пломбы из Дрогичина и «дрогиичинские» пломбы: новое в изучении средневековых свинцовых пломб Восточно-Центральной Европы

А. Е. Мусин¹

Аннотация. В статье обосновывается торгово-фискальный характер средневековых пломб. Впервые выделяются пломбы династии Пястов, знаки которых соответствуют польским брактеатам. Концентрация древнерусских и польских пломб на границе может указывать на двойную юрисдикцию региона. Развитие пломбирования в Европе рассматривается как трансфер византийской традиции.

Annotation. The article argues the commercial and fiscal nature of medieval small lead seals. For the first time, seal tags of the Piast dynasty are attested. Their symbols correlated with Polish Hohlpfennigs. The concentration of Rus' and Polish seals on the border may indicate its dual jurisdiction. The practice of European small lead seals is regarded as transfers of the Byzantine tradition.

Ключевые слова: средние века, Древняя Русь, Польша, «дрогиичинские» пломбы, «пуговиичные» брактеаты, торговля, культурный трансфер.

Keywords: Middle Ages, Early Rus', Poland, small lead seals of "Drochiczyn type", Hohlpfennigs, trade, cultural transfer.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-290-318

Юриково городище, изучению которого посвятили себя Наталья Вадимовна Хвоцинская и Евгений Николаевич Носов, иногда называют «сфрагистической сокровищницей» Древней Руси. Действительно, здесь найдено более 2000 средневековых актов печатей-моливдовулов XI–XVI вв. Кроме этого, среди его древностей известны свинцовые пломбы меньших размеров, в силу привычки именуемые «дрогиичинскими». Согласно многолетним подсчетам П. Г. Гайдукова, с Городища определенно происходит более чем 435 пломб и их заготовок. Не менее чем 733 находки могут быть связаны с Городищем предположительно (Gaydukov, 2019. P. 229–233, 322–327, № 136–185).

Много это или мало? Ни то, ни другое. Это обычно. Сравнимая концентрация пломб, превышающая сотню экземпляров, известна на рядовых

памятниках, чей политический статус и историческое значение несравнимы с Городищем. В Новгороде на компактно расположенных усадьбах Десятичных раскопов в 2008–2010 гг. было найдено свыше 400 пломб, более 220 экземпляров — на усадьбах «У» и «Ж» Троицкого раскопа, около 130 пломб в каждом из раскопов — Лукинском-II и на Большой Московской улице в 2012 и 2014 гг., более 100 экземпляров в раскопе на Троицкой улице, д. 16, в 2016–2017 гг. и на Знаменской улице, д. 15, в 2018 г. (Gaydukov, 2019. P. 222, 223, 224, 226, 315–316, 319, 320, 321, № 78–79, 84–87, 113, 114, 122; ср.: Tarabardina, 2019. P. 684, 685, 689, 691; Volkhonsky, Singh, 2019). Многолетние сборы пломб у городища Чермно, предполагаемого центра Червенской земли X–XIII вв., позволили выявить и опубликовать лишь 1085 экземпляров, хранящихся ныне в Региональном музее им. д-ра Януша Петера г. Томашув Любельский (Люблинское воеводство, Польша) (см.: Florkiewicz et al., 2020).

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Итак, княжеская резиденция, центр власти огромной территории, по интенсивности использования пломб оказывается близка к обычной городской усадьбе. Однако именно эта «обычность» Городища, отличающаяся от его необычной административно-политической активности, отразившейся в находках актовых печатей, помогает ответить на вопрос: для чего служили средневековые свинцовые пломбы Восточно-Центральной Европы?

Наука пыталась открыть для себя пломбы «дрогичинского типа» неоднократно, но каждый раз отступала в недоумении перед загадками этих «маленьких сфрагистических сфинксов» (“mały sfinks sfragistyczny”; ср.: *Bolsunowski*, 1902. S. 54), ограничиваясь набором общих фраз или ученых предубеждений. Возникавшие в историографии гипотезы воспринимались как безусловные загадки свинцовых загадок. Чем свежее была гипотеза, тем охотнее ей отводили престижное место в публикациях, не затрудняясь ее критическим разбором и не обращая внимания на противоречия как уже имеющемуся сфрагистическому материалу, так и новым открытиям.

Однако новое — не всегда лучшее, особенно в случаях, когда старое уже содержит все, что стоит принимать во внимание при изучении пломб, называемых «дрогичинскими». Лишь избирательность историографии, ищущей в истории науки подтверждение собственной предубежденности, не позволяла до сих пор по достоинству оценить верифицируемые итоги изучения средневековых пломб, сформулированные еще в 1890-е гг.

Известно, что «первое открытие» пломб принадлежит К. Тышкевичу, который летом 1864 г. собрал на берегах р. Буг в Дрогичине или купил у местных жителей около 60 свинцовых пломб с выпуклыми изображениями и связал их с языческой религией или делопроизводством ятвягов (*Тышкевич*, 1865). Однако уже тогда чешский писатель и популяризатор науки К. Зап, как можно предположить, через Московское археологическое общество познакомился с изображениями пломб. Усмотрев сходство знаков на них с польскими и чешскими гербами и строительными метками западноевропейских мастеров, он предположил, что это были таможенные печати, свидетельствующие о торговых путях по Западному Бугу и Неману (*Б. и.*, 1865. С. 123).

Благодаря тому, что К. Тышкевич был иностранным членом Общества антикваров Лондона,

находки стали известны в Англии. О пломбах на заседании общества в ноябре 1865 г. сообщил его член А. Вей. Очевидно, во время презентации археолог-любитель Ч. Роач-Смит сравнил пломбы из Дрогичина с массивными свинцовыми пластинами-печатами римского времени подпрямоугольной формы, найденными в Британии. Эти печати со знаками когорт и легионов прикреплялись к перевозимым в империи товарам (*Sharp*, 1865. S. 694; ср.: *Roach-Smith*, 1868; см. также: *Abramowicz*, 1974. S. 120–122; ср.: *Kolendo*, 1994). Именно в этот момент возникло первое основание для интерпретации пломб *per analogiam*.

В России мнение о связи пломб и знаков на них с собственностью, производством и обменом впервые высказал А. А. Котляревский, сравнив изображения с гончарными клеймами (*Котляревский*, 1865). Его поддержали П. С. Ефименко и Е. Т. Соловьев, обратившие внимание на правовой характер подобных знаков, известных восточноевропейской этнографии (*Ефименко*, 1874. С. 56, 165; *Соловьев*, 1885. С. 78). Иногда встречающееся мнение, что П. С. Ефименко допускал связь свинцовых пломб с денежным обращением и меховыми деньгами, не находит подтверждения в тексте его исследования, где он лишь рассматривал возможность происхождения поздних денежных знаков от ранних торговых клейм (*Ефименко*, 1874. С. 165).

Таким образом, уже в 1860–1880-е гг., то есть в момент «первого открытия» пломб, было высказано общее мнение об их связи с правом собственности и товарно-производственными отношениями. Обоснованность этого мнения не смог поколебать скептицизм нумизмата и старшего члена ИАК В. Тизенгаузена, стремившегося подчеркнуть разницу в размерах и весе римских пластин и дрогичинских пломб и отмечавшего строгий юридический статус знаков на пластинах, известный из римского права (см. об этом: *Авенариус*, 1890. С. 15).

«Вторично» пломбы Дрогичина были открыты Н. П. Авенариусом (ср.: *Авенариус*, 1893. С. 281), который, переехав из Варшавы в Белосток, уже в 1887–1888 гг. стал исследовать Дрогичин и его окрестности. В процессе разведок он сумел собрать более 900 пломб, 700 из которых были переданы в ИАК и оттуда поступили в Российский исторический музей в Москве (*Авенариус*, 1890. С. 13). Вызванный его сборами интерес к пломбам способствовал их массовому поступлению в собрания киевских коллекционеров.

Н. П. Авенариус не только обратил внимание на археологический контекст и топографию находок пломб и начал изучать пломбы *de visu*, не доверяясь опубликованным рисункам (Авенариус, 1893. С. 10), но и первым выдвинул гипотезу об их древнерусском происхождении на основании изображенных на них славянских букв. В то же время он обратил внимание, не придав, впрочем, этому должного значения, что кроме букв здесь встречаются фигуры, в целом нехарактерные для знаковых систем Восточной Европы: кресты с точками, рука (*dextra Dei?*), рука с мечом, голова в шапке, птицы и четвероногие животные. Исследователь датировал пломбы «русско-литовским периодом» XII–XIV вв., когда древнерусский язык был «государственным» и «русские правительственные знаки» еще не были заменены латинскими или польскими (Авенариус, 1890. С. 13–18, табл. III, 1–32). Лишь позднее, не без влияния консерватизма новой эпохи, он признал все пломбы «местными дрогичинскими русскими православными» (Авенариус, 1893. С. 286).

Впрочем, это не единственное мнение, которое Н. П. Авенариус изменил в процессе изучения пломб. Другое суждение касалось их назначения. Так, в письме Д. И. Самоквасову около 1887 г. он писал: «Относительно свинцовых оттисков мне пришлось переменить прежнее мое мнение. На многих из них я нашел признаки, что они состоят из двух стиснутых половинок, и прихожу к заключению, что это были пломбы» (Археология, история..., 2007. С. 45–46). Исследователь никогда не высказывал своей отвергнутой гипотезы открыто, однако на основе косвенных данных его мнение легко реконструируется.

Так, Н. П. Авенариус писал, что сначала он не заметил отверстий в пломбах, однако позднее понял, что дрогичинские находки — несомненно, печати, пломбы или клейма, имевшие отверстия, куда помещались концы шнурка (Авенариус, 1890. С. 14). Они могли привешиваться к таможенным ярлыкам, товарам или документам и служить печатями учреждений и частных лиц. Позднее, продолжая признавать эти предметы пломбами, он воздержался от утверждения, были ли они таможенными или товарными, поскольку письменные источники о торговле и пломбах в Дрогичине и на Волыни не сообщали. Н. П. Авенариус полагал, что его находки не были таможенными, товарными или фабричными пломбами «в современном смысле слова», однако «торговля пушным

товаром» могла найти свое отражение в феномене пломб (Авенариус, 1893. С. 286). Использование его осторожного мнения для апологии однозначной связи пломб с запечатыванием « меховых денег » и отрицания их торгового или таможенного характера (ср.: Гулецкий, Дорошкевич, 2018а. С. 145; 2018б) является примером потребительского отношения к историографии.

Итак, похоже, что Н. П. Авенариус сначала считал пломбы цельнолитыми. В то же время он сравнивал знаки на них с изображениями на европейских монетах и предполагал, что неизвестные монеты волынских и галицких князей отразились в «дрогичинских пластинках». Скорее всего, первоначальная гипотеза исследователя заключалась в том, что «пластинки» были ни чем иным, как монетами Галицко-Волынского княжества.

Любительское коллекционирование как в XIX в., так и сегодня, способно порождать самые неожиданные предположения. Среди киевских коллекционеров, в руках которых оказались дрогичинские пломбы, был Н. А. Леопардов. Он считал Дрогичин «древним городом» и изначально был уверен, что изображения на пломбах были символами первых христиан, ушедших во время гонений в III в. из Рима в «дрогичинские катакомбы», или славян-христиан, лютичей и тиверцев, переселившихся на берега Буга с берегов Дуная (Леопардов, 1890а; 1890г; 1891б. С. 29). Н. А. Леопардов не боялся менять свои взгляды, оставаясь верным лишь славянскому патриотизму и анти-норманизму. Позднее он выказал себя сторонником торгово-таможенной гипотезы, считая некоторые буквы на пломбах греческими (Леопардов, 1890б; 1890в), и *per analogiam* признал их печатями коммерциариев, «царевых мужей» византийско-русских договоров, которыми византийские чиновники запечатывали купленные русами ткани. В Дрогичине пломбы отделялись от товаров, поскольку здесь брался налог в пользу киевского князя (Леопардов, 1891а; 1891б; 1891в).

Одновременно торгово-таможенная гипотеза получила развитие и в ином направлении — западноевропейском. И. В. Лучицкий выделил на пломбах три символические системы: геометрические линии, фигуры (лицо, рука, птица, зверь) и буквы (как славянские, так и латинские) и сравнил их с европейскими метками юридического характера (Merke, Hausmarke, Hofmarke; ср.: Michelsen, 1853; Homeyer, 1890; Рыбина, 1981). Он рассматривал их как знаки владельцев товаров из Торуня и

Данцига, о торговле которых с Восточной Европой было хорошо известно из ганзейских документов. Исследователь признавал гипотезу английских коллег о торговом назначении пломб единственно верной. Их концентрация в Дрогичине могла объясняться тем, что здесь происходила смена водного транспорта на местный сухопутный, и европейские пломбы теряли свое значение и откреплялись от товаров в связи с таможенными процедурами (Луцицкий, 1892). Возражения со стороны сторонников «славянофильской теории» происхождения пломб сводились к соображениям хронологического характера: европейские торговые пломбы могли появиться в Дрогичине лишь в позднее средневековье (Леонардов, 1891в. С. 20), поскольку «нельзя же предположить, что Дрогичин опередил всю Европу в употреблении свинцовых имущественных знаков» (Авенариус, 1897. С. 327).

В данном случае возможная интерпретация восточноевропейских пломб *per analogiam* с западноевропейскими позднесредневековыми пломбами, уже известными исследователям, и товарными пломбами XIX в. столкнулась с предубеждением культурно-хронологического характера. Это предубеждение кажется парадоксальным: восточнославянское происхождение пломб, удовлетворявшее патриотические чувства, одновременно исключало славяно-русский временной приоритет перед западноевропейскими экономическими достижениями.

Дискуссия 1893 г. на IX Археологическом съезде в Вильнюсе, несправедливо оцененная в историографии как «малопродуктивная» (см.: Перхавко, 1996. С. 214), закрепила основные гипотезы о назначении пломб и интерпретации их изображений: византийские истоки, восточноевропейское развитие, торговое значение, правовые знаки и их центральноевропейские аналогии. В. Г. Васильевский согласился признать пломбы аналогами печатей византийских таможенных чиновников. В. И. Сизов, С. П. Писарев и Н. И. Петров сравнили символы на пломбах с семейными тамгами, характерными для кустарных промыслов, и бортными знаками. З. Люба-Родзинский и И. А. Линиченко видели в знаках на пломбах гербы рутенской или польской шляхты, в силу чего И. Спрогис считал их судебными печатями. Концентрация находок пломб в Дрогичине оценивалась как остатки архива, в связи с чем допускалось, что сами пломбы могли служить в том числе

вислыми печатями к документам (см.: Протокол, 1893; Смородский, 1893; Brensztein, 1893; Сморожев, 1894; Stieda, 1894; Тр. IX АС..., 1897. С. 62; Авенариус, 1897).

Последнее десятилетие XIX в. и весь XX в. были отмечены либо развитием этих гипотез, либо их различными комбинациями, либо шокирующим отказом от них. Многочисленные труды К. В. Болсуновского, более известного как публикатора самой обширной до недавнего времени сводки находок (Болсуновский, 1894; ср.: Orlov, 2019), отличались системностью подхода, но не его новизной (Bołsunowski, 1891; 1895; 1896; 1897; 1902; 1903; 1904; см. также: Ершевский, 1993). В своих статьях он уделил особое внимание классификации и интерпретации знаков на пломбах, выделив сначала семь, а потом 10 категорий пломб на основе сочетания изображений на обеих сторонах (Bołsunowski, 1891. S. 148, 151; Болсуновский, 1894. С. L). Согласно его первоначальной гипотезе, эти знаки могли быть родовыми или же иметь корпоративный характер. Если его намерение изучить представленные на пломбах знаки Рюриковичей так и не осуществилось (ср.: Болсуновский, 1899–1914), то аналогии изображениям на пломбах, выявленные в польской геральдике, заслуживают внимания. Пломбы с такими знаками он считал памятниками польской сфрагистики (см.: Bołsunowski, 1895. S. 371). Помимо изображений латинских букв, крестов разных форм и животных, близких к европейским нумизматическим типам XI–XIII вв., выявленных им на пломбах, он указал конкретные параллели дрогичинским знакам в культуре Польши и Речи Посполитой: геральдические орлы Пястов и Ягеллонов, городские гербы Силезии и Великопольши и родовые гербы польской и русинской шляхты (ср.: Bołsunowski, 1895; ср.: Bołsunowski, 1896; 1897). Заметим, что к такого рода аналогиям склонялись не только З. Люба-Родзинский и И. А. Линиченко, но и К. Тышкевич на начальном этапе своего знакомства с пломбами, еще до того, как приписать их ятвягам (Tyszkiewicz, 1868. S. 124–125).

К сожалению, наблюдения К. В. Болсуновского о связи изображений на пломбах с польскими знаковыми системами не получили ни оценки, ни развития, в том числе и потому, что коллекционер сам от них отказался. Предпосылки для такого отказа существовали изначально. Неверно было бы полагать, что К. В. Болсуновский искал объяснение пломбам «в сфере экономических

отношений» и считал их таможенными (ср.: Лихачев, 1930. С. 62). Признавая теорию о торговом назначении пломб лишь «правдоподобной», он считал, что собственно товарные пломбы составляли только часть дрогичинской коллекции, и рассматривал их в качестве «прототипов» современных ему торговых и таможенных штемпелей, использовавшихся в эпоху, когда принципиальной разницы между печатями, штемпелями, клеймами и знаками собственности еще не существовало (Болсуновский, 1894. С. VIII, XXII).

Не позднее 1899 г. он сформировал свое окончательное мнение о происхождении и различных функциях пломб, в результате чего использование термина «пломба» стало лишь данью традиции, а сами пломбы превратились в «оловянки», или «оловянные пластины». Некогда К. В. Болсуновский писал о неустанной обязанности исследователя быть на страже собственного воображения, чтобы по причине внешних аналогий не увидеть в знаках иероглифы и символы, которыми они в принципе быть не могли (Bołsunowski, 1891. S. 181). Однако воображение было неудержимо и подвигло его интерпретировать и классифицировать пломбы не на основе «внешней» формы знаков, а на основе их «внутреннего» смысла (Bołsunowski, 1902. S. 56). Известно, что вторая часть его публикации о дрогичинских пломбах так и не появилась в России, зато увидела свет в Польше (Bołsunowski, 1902; 1903; 1904). Российские исследователи, конечно, знали о ней, но не дали ей соответствующей оценки (см.: Лихачев, 1930. С. 62; об эволюции взглядов К. В. Болсуновского см.: Pawlata, 2010; Piotrowski, 2017). Это помогло сохранить авторитет коллекционера в российской науке.

И все же коллекционер победил исследователя. К. В. Болсуновский в своей интерпретации пломб вернулся к невероятным мнениям К. Тышкевича и Н. А. Леопардова. Разочаровавшись в возможностях интерпретации пломб на основе славянской и византийской палеографии и сфрагистики (ср.: Bołsunowski, 1902. S. 55, 58, 62–66), он обратился к эзотерической символике как способу раскрытия их предназначения. Теперь он видел на них цифры и символы, а не польские гербы, тогда как сами пломбы в его представлении перестали принадлежать к славяно-русской культуре.

Появление «оловянных пластинок» в Дрогичине К. В. Болсуновский связал с деятельностью ордена Добжинских братьев и признал их

феноменом «региональной сфрагистики», хотя собственно печатями в его глазах «оловянки» уже не являлись (Bołsunowski, 1900. S. 108–109; такая эволюция свершилась не без влияния трудов А. Форжэ, опубликовавшего коллекцию религиозных, светских и цеховых знаков, собранных в схожем контексте — при расчистке дна р. Сена в Париже; см.: Forgeais, 1862–1866). Этот малоизвестный рыцарский орден кратковременно существовал на польских землях по приглашению князя Конрада Мазовецкого и между 1237 и концом 1240-х гг. имел резиденцию в Дрогичине (см.: Jusupović, 2006).

Прежде всего, для К. В. Болсуновского «оловянки» стали «христианскими лечебными пломбами», изображения на которых могли иметь «научно-врачебное» и «алхимическо-медицинское» значения, а буквы обозначали химические элементы и минералы. Сами «оловянки» служили амулетами, защищающими от болезней, злых духов и возвращения к языческим верованиям, ярлыками для лекарств, рецептами для изготовления и приема медикаментов и источниками (sic!) для составления врачебных и алхимических трактатов. Наконец, знаки на пломбах могли иметь «астрологическое» значение, связанное с литовским дохристианским способом отсчета времени или православным Типиконом, служить для записей фаз Луны и составления календарей и гороскопов, как персональных, так и общественных, и быть подспорьем в написании астрономических и астрологических сочинений (Bołsunowski, 1902. S. 67–72; 1903. S. 101, 108, 109; ср.: Болсуновский, 1899; Bołsunowski, 1900). Как и наши предшественники, оставим эти гипотезы без комментариев...

Если «интерес к пломбам как-то заглох» после публикаций К. В. Болсуновского (ср.: Лихачев, 1930. С. 61), то это было связано с их содержанием. В то же время в российской науке XX в. сложилось два основных направления их функциональной интерпретации. Н. П. Лихачев рассматривал пломбы как памятники сфрагистики, связанные по преимуществу с актовым и публичным, а не таможенным или частным делопроизводством, хотя и не отрицал возможность их торгово-производственного характера. Он подчеркивал геральдический характер знаков на пломбах и был уверен в адаптации этой древнерусской знаковой системы польскими родовыми гербами позднего средневековья (Лихачев, 1930. С. 66, 216; ср. мнение В. К. Трутовского, считавшего пломбы

печатами частных лиц преимущественно для документов частного характера, см.: *Трутовский*, 1926). Практически одновременно Б. А. Рыбаков, признавая за пломбами таможенно-торговый характер, считал, что они несут на себе знаки княжеского хозяйства, хотя и не исключал, что часть знаков могла быть связана с патриархальным ремеслом (*Рыбаков*, 1940. С. 244–245; 1948. С. 470).

Эти два подхода остаются господствующими и сегодня, несмотря на попытку «третьего открытия» пломб, вызванную не критическим введением в научный оборот сообщения арабского автора XII в. Абу Хамида аль-Гарнати об использовании «черного свинца» с «изображением царя» (ср. альтернативное прочтение В. Ф. Минорского — «знаком царства», то есть символом власти) для запечатывания и утверждения восточноевропейских средств платежа, представленных шкурами животных, некогда имевших ценный мех. Нельзя сказать, что эта информация не была известна исследователям еще в XIX в., но в начале 1950-х гг. оживление археологического исследования Дрогичина (*Musianowicz*, 1955; 1957) и появление польского, испанского и чешского переводов сочинения аль-Гарнати (*Lewicki*, 1951–1952; 1956; *Dubler*, 1953; *Hrbek*, 1954; 1955) позволили зародиться гипотезе об исключительной связи пломб с кожаном-меховыми деньгами и безмонетным периодом в экономике Восточной Европы. В России, не без влияния Т. Левицкого и его «предварительной заметки», а именно так исследователь назвал публикацию своей гипотезы о связи пломб «дрогичинского типа» с повествованием аль-Гарнати, главным проводником этой идеи стал А. Л. Монгайт (*Монгайт*, 1959; 1961. С. 318–321, 323–324), хотя незадолго до этого исследователь еще был уверен в торговом назначении пломб (*Монгайт*, 1955. С. 159–162).

Несмотря на существование дополняющих друг друга русских переводов аль-Гарнати (переводы Ю. А. Анциса и В. Ф. Минорского, использованные А. Л. Монгайтом и В. Л. Яниным; ср.: *Большаков*, *Монгайт*, 1971. С. 35–36; *Восточные источники*, 2009. С. 137–145), для объективной оценки его известия необходимо принимать в расчет нарративную стратегию арабского автора, описывавшего преимущественно явления местной жизни, вызвавшие его удивление, тогда как другие формы платежных средств и товарооборота не привлекли его внимания. Продолжают оставаться актуальными проблемы полисемантичности текста,

датировки произведения и даже источника информации, в том числе и вопрос о современности этого известия путешествию аль-Гарнати в Восточную Европу (*Malarczyk*, 2019), основания для которых были высказаны достаточно давно (*Ковалевский*, 1956. С. 44; ср. уверенность в адекватности и современности информации в: *Adamczyk*, 2004. С. 69–70). В целом сведения аль-Гарнати вызывают больше вопросов, нежели предлагают ответов (ср.: *Алфьоров*, 2011. С. 193).

Гипотеза о приоритетной, если не исключительной, связи пломб с денежным обращением произвела сильное впечатление на исследователей (см.: *Kiersnowski*, 1960. С. 442–447; *Ершевский*, 1989; *Adamczyk*, 2004. С. 31–68), допускавших существование своеобразной системы «кредитных билетов» на основе кожаных денег с соответствующими банковскими процентами (*Белецкий*, *Посвятенко*, 1994). Однако перспективы такого подхода были сполна охарактеризованы В. Л. Яниным. Написав, что благодаря сообщению аль-Гарнати удалось «окончательно разрешить вопрос о загадочном назначении так называемых пломб дрогичинского типа» как имевших отношение к денежному обращению, исследователь не поставил точки. Он продолжал: «сообщение Абу-Хамида ни в коей мере не позволяет признать за описанным им обычаем всеобщее значение для всей территории Руси», это была лишь одна из временных форм безмонетного обращения наряду с ремесленными товаро-деньгами и деньгами-мехами, имевшими ограниченный характер, что подтверждается отнюдь не повсеместным распространением пломб (*Янин*, 1969. С. 323; ср.: *Янин*, 1956. С. 187). Существующие случаи привлечения взглядов В. Л. Янина для «доказательства» полного господства кожаном-меховых денег и «нумизматического значения» пломб должны быть оценены как некорректные.

Для В. Л. Янина было характерно мнение о существовании различных функций пломб, от обслуживания товарно-денежного обращения в безмонетный период до удостоверения документов, однако представление о том, что значительная их часть служила актовными печатами, как кажется, было приоритетным (см.: *Янин*, 1970. С. 11, 150–153). Этот приоритет был унаследован Б. Д. Ершевским, развивавшим гипотезу о существовании пломб-печатей, которые могли скреплять, в том числе, и частную переписку (*Ершевский*, 1978а; 1978б). Сегодня эти подходы

находят развитие в экстравагантных утверждениях, что часть пломб могла использоваться для запечатывания берестяных грамот, на которых пыльное око исследователя способно разглядеть отверстия для продевания шнурка (Олейников, 2018).

Гипотеза торгового назначения пломб была кодифицирована трудами В. Б. Перхавко (Перхавко, 1996), которые стали главным источником знания о них для целого поколения заинтересованных лиц. Так продолжалось вплоть до «четвертого открытия» пломб, когда легальное и нелегальное использование металлодетекторов для поиска древностей в 2000-е гг. привело к стремительному расширению географии находок, взрывообразному росту их количества в частных руках, увеличению числа известных типов и актуализации старых гипотез. Пломбы зачастую становились достоянием коллекционеров, которые до этого собирали монеты и которым было жаль расставаться со старым увлечением. Это привело к тому, что пломба была усвоена «нумизматическая роль» в безмонетном обращении, пломбированию окончательно придан «кредитный характер», а сведениям аль-Гарнати — абсолютное значение. Новая жизнь старой гипотезы сопровождалась произвольной атрибуцией пломб конкретным князьям, зачастую построенной на внешних ассоциациях или зависящей от места обнаружения пломбы, а также построением волюнтаристских хронологий. В этих гипотезах Ярослав Мудрый проводит денежную реформу и учреждает пломбы, Любечский съезд в 1096 г. принимает решение о «праве региональной эмиссии» кожаномеховых денег, а изображения святых, которые якобы во множестве появляются на пломбах после 1130-х гг., превращаются в «портреты царя», которые аль-Гарнати видел на связках звериных шкурок (см. повторяющие друг друга спекуляции в: Жуков, 2016а; 2016б; Гулецкий, 2016; 2018; Гулецкий, Дорошкевич, 2018а; 2018б; 2018в).

Если последствия нелегального использования металлодетекторов описаны выше, то их применение при археологических раскопках, обусловившее новый уровень полевой фиксации находок, позволило поставить точку в дискуссии о хронологии пломб и существенно уточнить социо-культурный контекст их использования. Появление местных свинцовых пломб в Восточной Европе надежно датируется последним десятилетием XI в. (ср.: Tarabardina, 2019), а финальный этап их существования позволяет расстаться

с предубеждением об исчезновении такой практики в результате монгольского нашествия конца 1230 — начала 1240-х гг. Находки небольших по размерам пломб с надписями «КНЯ-ЗЯВЕ-ЛИКО-ГО/ПЕЧАТЬ» или литерами «С»/«Ф» в слоях конца XIII — XIV в. в Москве, Вязьме и Новгороде (Векслер, Зайцев, 2000; Зайцев, 2004; Векслер, Петухов, 2012. С. 69–73; 2015. С. 386, 387, 401, 402, 405–407, 412, 453; Волков, 2017. С. 117–119; Гайдюков и др., 2020. С. 25; см. также: Gaydukov, 2019. Р. 228, 247, 254–256, № 122, 327, 423–434) свидетельствуют, что восточноевропейская экономика продолжала развиваться и во второй половине XIII — XIV в., сохранив, пусть и в модифицированном виде, традиционные способы удостоверения хозяйственных отношений. Нельзя, впрочем, не отметить стремление к монополизации фискального контроля в руках администрации московских князей, выраженное в унификации сфрагистических типов, что, в конечном счете, привело к упадку и деградации пломб как удостоверительного инструмента.

В то же время общие наблюдения за развитием социально-экономических отношений и монетного дела на землях Украины в конце XIII — XIV в., как и выявление на пломбах символов, несвойственных древнерусской княжеской символике домонгольского времени, побудили ряд исследователей распространить хронологию активного использования свинцовых пломб в Восточно-Центральной Европе на XIV в. (см.: Алфьоров, 2011. С. 194, 197; Козубовский, 2015. С. 36).

Критический анализ предшествующей историографии, имеющиеся противоречия в современном знании о пломбах «дрогичинского типа», существенное уточнение их хронологии и вероятность присутствия на пломбах европейской символики позволяют заново задаться вопросом о предназначении средневековых свинцовых пломб Восточно-Центральной Европы и о культурной принадлежности характерной группы находок из Дрогичина и Чермно-Червеня.

Знаково-символическая система пломб из Дрогичина уже привлекала внимание исследователей своей исключительностью. Было установлено, что известные здесь знаки Рюриковичей имеют локальный и близкородственный характер и практически не встречаются среди княжеских тамг, известных в других землях Древней Руси. Это делает обоснованным предположение, что владельцы этих знаков принадлежали не просто

к одним и тем же ветвям династии Рюриковичей, но были представителями одних и тех же семей и занимали княжеские столы по преимуществу вблизи бассейна р. Буг в Волынской и Галицкой землях (Белецкий, 1999). Известно также, что среди дрогичинских пломб встречается значительное количество экземпляров с изображениями определенно «нерусского», по определению Н. П. Лихачева, происхождения, в том числе с латинскими буквами и европейскими и прибалтийскими символами, и «выяснение их происхождения могло бы сказать нам многое» (ср.: Лихачев, 1930. С. 73–74, 80; ср.: Козубовский, 2015. С. 36, со ссылкой на: Болсуновский, 1894. Табл. XVII, 786, 787, 788; XVIII, 823, 830, 837, 839; IV, 115, 163; XIX, 899). Одновременно среди исследователей, убежденных в исключительно древнерусском происхождении пломб, господствует мнение об отличии дрогичинских знаков от знаковых систем династии Пястов, что, впрочем, сопровождается в их трудах хронологической и иконографической эклектикой при выборе восточноевропейских аналогий (см.: Pawlata, 2016).

Выход из такой исследовательской ситуации должен быть найден в сравнительном анализе изображений на пломбах из Дрогичина с количественно сопоставимым и синхронным массовым материалом, который бы системно отображал знаково-символическую систему соседних территорий. Корпус таких памятников существует. Это «пуговичные» брактеаты (*brakteaty guziczkowe*, *Hohlpfennigs*), представленные небольшими по размерам (около 14–18 мм) и весу (около 0,1–0,3 г) экземплярами с выпуклыми изображением и валиком и вогнутым фоном, имевшими обращение в Польше Пястов в середине XIII — первой половине XIV в. В настоящее время, по подсчетам Б. Пашкевича, для исследования доступно около 18 000 монет.

Появление легких битых брактеатов с изображениями, поражающими своим разнообразием, было связано с экономическим феноменом *renovatio monetae*, предполагавшим изъятие из обращения прежних эмиссией и принудительный обмен старых монет на новые в пропорции 4 : 3. Периодичность таких изъятий является предметом дискуссии. Считается, что это могло совершаться раз в три года или даже чаще — ежегодно или каждые полгода, или же вообще, в силу очевидных организационных сложностей, происходило нерегулярно (Копицкий, 1997. С. 24). В Польше

такая практика известна со времени правления князя Мешко III Старого (1173–1177, 1199–1202 гг.) (см. одну из последних работ: *Suchodolski*, 2019), однако лишь в середине XIII в. развитие монетного дела привело к появлению «пуговичных» брактеатов (см.: *Paszkiewicz*, 1994; 2004; *Kopicki*, 1997; ср. брактеаты с территории Пруссии: *Paszkiewicz*, 2009a).

Экономический кризис, торговая революция и революция цен приводили к сосредоточению эмиссий в руках, прежде всего, княжеской администрации (ср.: *Paszkiewicz*, 1998), хотя исследователи допускают существование и иных эмитентов. Это вызывало обесценивание брактеатов, уменьшение их размеров и увеличение количества используемых знаков и символов при одновременной схематизации легкоузнаваемых образов власти. Такое иконографическое разнообразие до сих пор не позволяло создать единый каталог² и классификацию всех имеющихся изображений (ср.: *Garbaczewski*, 2007. С. 2–8), однако наиболее представительные и хорошо опубликованные клады второй половины XIII — начала XIV в. из Веленя, Бжегов, Сарбска, Радзанова, Пшиленка и Любоми дают в целом репрезентативную картину присущей брактеатам знаково-символической системы (см. о кладах: *Beyer*, 1876; *Dannenberg*, 1885; *Gutowski*, 1917; 1937; *Reyman*, 1972; *Jędrysek-Migdałska*, 1976; *Kopicki*, 1997. С. 55–81; *Paszkiewicz*, 2009b; *Milejski i in.*, 2017a; 2017b). В настоящее время исследователи выделяют следующие группы изображений на брактеатах: монограммы и инициалы, человеческие фигуры и их элементы, светские и религиозные символы и предметы, здания, растения и растительные мотивы, животные, в том числе птицы, хищные звери и связанные с ними мотивы, а также прочие фигуры — точки, их комбинации, круги, звезды, полумесяцы, стрелы, кресты разнообразных форм и др.

Символы и знаки на известных «пуговичных» брактеатах обретают практически полное соответствие на некоторых сериях пломб из Дрогичина и Чермно. Прежде всего речь идет об орнитоморфных образах, происхождение которых уже

² Последний исследовательский проект на эту тему в Польше “*Corpus polskich brakteatów guziczkowych (połowa XIII — początek XV wieku)*” (NCN, Opus 8, nr DEC-2014/15/B/HS3/02196, 2015–2018) предпринят Институтом археологии Университета г. Вроцлав под руководством профессора Б. Пашкевича.

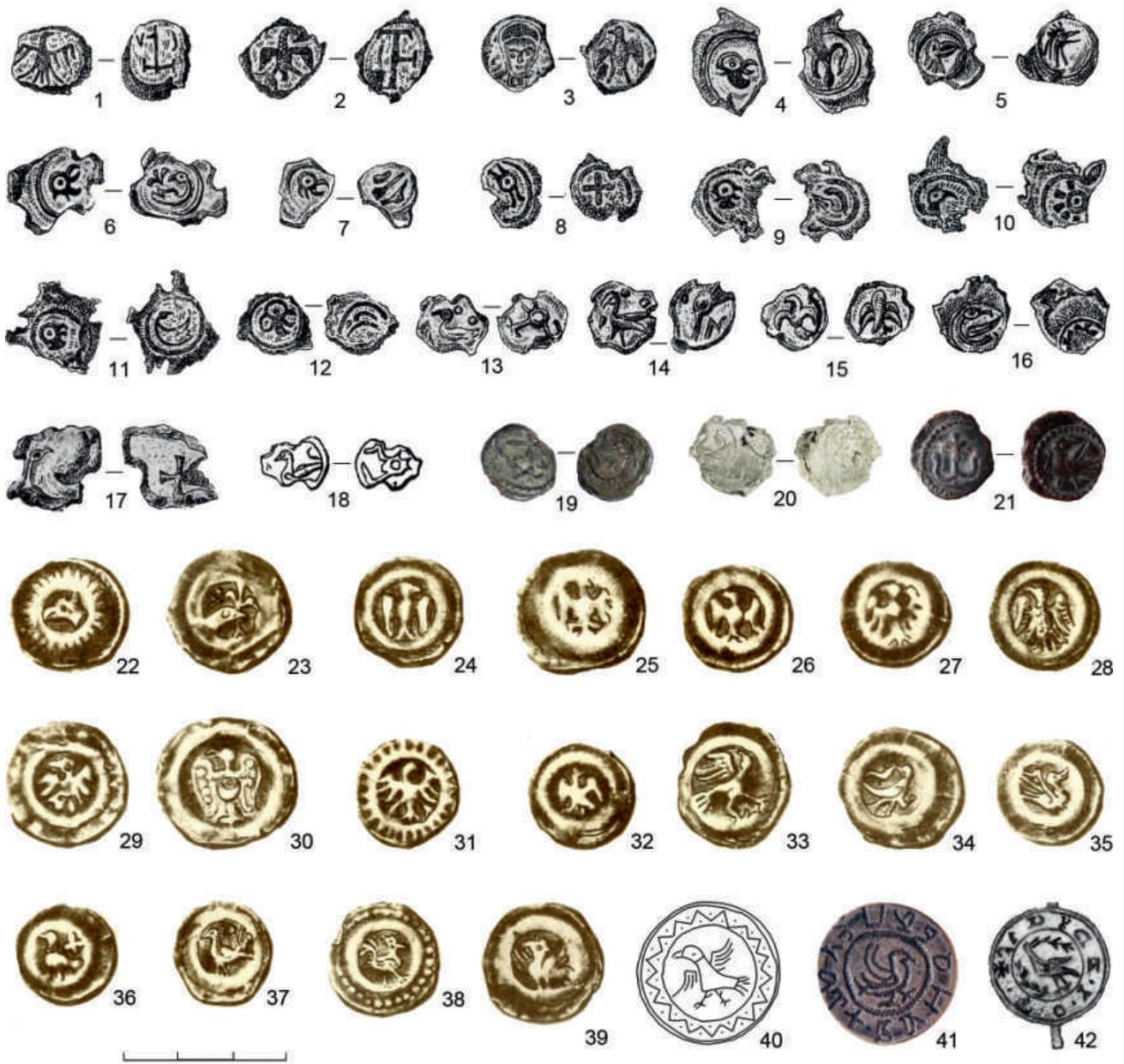

Рис. 1. Орнитоморфные изображения на свинцовых пломбах, «пуговичных» брактеатах и перстнях, XIII–XIV вв.: 1–18 — Дрогичин, Польша (Болсуновский, 1894. Табл. XVIII, 837, 838; XVII, 781; V, 174, 176, 178–183; XIX, 895, 896, 897; XVIII, 835, 836; IV, 165; Авенариус, 1890. С. 13); 19–20 — Чермно, Польша (Florkiewicz et al., 2020. № II.9, МТ/1410/2/А; NN.264, МТ/1912/130/А); 21 — Зеленча, Украина, фото Р. Мыська; 22–39 — Веленьский клад, Польша (Beyer, 1876. Tab. IV, 132, 135–150, 158); 40 — Тустань, Украина, рисунок Р. Мыська; 41 — Демидовский клад, Украина (Зарубий, 2012. Рис. 20); 42 — Венгрия (Litauszki, 2012. Tab. 12, 6). Компьютерная графика рис. 1–6 — Н. Войцешчук

Fig. 1. Ornithomorphic representations on small lead seals, Hohlpfennigs and signet-rings, 13th–14th century: 1–18 — Drohiczyn, Poland (Болсуновский, 1894. Табл. XVIII, 837, 838; XVII, 781; V, 174, 176, 178–183, 895, 896, 897; XVIII, 835, 836; IV, 165; Авенариус, 1890. С. 13); 19–20 — Czermno, Poland (Florkiewicz et al., 2020. no II.9, МТ/1410/2/А; NN.264, МТ/1912/130/А); 21 — Zelencha, Ukraine, photo by R. Mys'ka; 22–39 — Wielen' hoard, Poland; 40 — Tustan', Ukraine, drawing by R. Mys'ka; 41 — Demidov hoard, Ukraine (Зарубий, 2012. Рис. 20); 42 — Hungary (Litauszki, 2012. Tab. 12, 6). Computer design fig. 1–6 — N. Voytseshchuk

Н. П. Лихачев называл «нерусским» (ср.: *Лихачев*, 1930. С. 73–74, рис. 53) (рис. 1). В дрогичинской коллекции известно несколько пломб с изображением головы человека и птицы с распростертыми крыльями на обеих сторонах (*Болсуновский*, 1894. Табл. XVII, 781–783), птицы с распростертыми крыльями (*Там же*. Табл. XVIII, 837, 838), а также многочисленные пломбы с головой хищной птицы с открытым клювом (*Там же*. Табл. V, 173, 174, 176, 178, 179; XVIII, 835–838; XIX, 895, 896, 897) (рис. 1, 1–15). Аналогичные изображения известны на польских брактеатах второй половины XIII в. (см., например: *Beyer*, 1876. Tab. IV; ср. изображения в: *Garbaczewski*, 2007. S. 187–188, гус. 354, 355, 359) (рис. 1, 22–39).

Считается, что изображение головы орла в короне было типично для «широких» брактеатов Шленска второй половины XIII в. Они могли принадлежать эмиссиям Генриха IV Пробуса (1270–1290 гг.), князя Вроцлавского и принцепса Польши в 1288–1290 гг. На это указывает иконография надгробия князя, сегодня находящегося в Национальном музее во Вроцлаве (*Gumowski*, 1936. Nr 156–157). Вкладах конца XIII в. брактеаты с изображением орла в короне как будто бы уже не встречаются (*Paszkiwicz*, 2019. S. 165), однако здесь известен образ птицы с распростертыми крыльями и обращенным геральдически вправо открытым клювом без венца, что восходит к более ранним изображениям (*Gumowski*, 1936. S. 664, гус. 64b; о возможной связи этого образа с эмиссиями сандомирского князя Владислава Локетка, 1289–1292 гг., см.: *Paszkiwicz*, 1986). Орел с распростертыми крыльями присутствует и на брактеатах князя Владислава I Опольского (1246–1281/1282 гг.) с надписью *Uladizlaus* в сочетании с изображением мужской головы в профиль в нижней части поля. Этот образ мог быть заимствован из властной символики правителей Сицилии, в частности, короля Манфреда (1258–1266 гг.) (*Paszkiwicz*, 1999; ср.: *Garbaczewski*, 2007. S. 188). В историографии существует мнение, что брактеаты с таким изображением связаны с эмиссиями как Великопольши, так и Малопольши (см.: *Kopicki*, 1997. S. 78, tab. X–XI; ср. попытку представить похожее изображение как голову грифона и связать его с г. Щецин в: *Kopicki*, 1995a. S. 214; 1995b. S. 254).

Этот образ, как мы уже отметили, имеет полные аналогии среди пломб из Дрогичина. Существующее в литературе мнение о принципиальных

отличиях «дрогиичинских птиц» от польской геральдики (*Pawlata*, 2016. S. 111–112) не находит подтверждения в сравнительном анализе изображений. В этой связи стоит отметить, что в коллекции Чермно практически не представлены пломбы с изображением птиц. На двух пломбах орнитоморфный образ идентифицируется предположительно (II.9, МТ/1410/2/А; NN.174, МТ/1912/100/А)³. Лишь одно изображение может быть уверенно определено как птица, представленная в профиль (NN.264, МТ/1912/130/А) (рис. 1, 19–20). Аналогии такому боковому изображению птицы известны в Дрогичине, но в количестве всего лишь нескольких экземпляров (*Авенариус*, 1890. С. 13; *Болсуновский*, 1894. Табл. IV, 165 (?); V, 180, 181, 183, 199; ср.: *Beyer*, 1876. Tab. IV, 145–150, 158) (рис. 1, 16–18, 33–39).

Эта ситуация представляется важной для понимания развития территориальной и корпоративной символики Галицкой земли. Как в историографии, так и в массовых представлениях об истории бытует мнение, что птица исторически была символом власти на этих землях или даже территориальным гербом, что ассоциируется с производным от галки топонимом Галич (см. например: *Гречило*, 2000; очевидно, это мнение восходит к информации Яна Длугоша, который во второй половине XV в. подобным образом описывал символ на штандарте галицкого полка во время Грюнвальдской битвы 1410 г.: *Halicensis terra que nigram monedulam coronatam, volanti similem*; ср.: *Piekosinski*, 1899. S. 425, 378, nr 597, гус. 725). Обычно это предположение стремятся подтвердить тремя категориями артефактов. Во-первых, это находки серебряных литых перстней-печаток галицких бояр, имеющих подобное изображение и известных, например, в составе Демидовскогоклада (Львовская область, Украина, т.р.к. 1346 г.; см.: *Зарубий*, 2012). Во-вторых, это оттиснутые подобными перстнями восковые печати, скреплявшие грамоты князя Болеслава-Юрия II 1334 и 1335 гг. (*Лаппо-Данилевский*, 1907. С. 295–296). В-третьих, это более скромные щитковые перстни из медных сплавов начала XIV — XV в. с гравированными изображениями птиц в различных вариантах, которые иногда именуется перстнями «галицко-волынского типа».

³ Здесь и далее каталожные и инвентарные номера пломб из Чермно приводятся в соответствии с публикацией: *Florkiewicz et al.*, 2020.

Рис. 2. Пломбы и «пуговичные» брактеаты с изображением геральдического зверя, XIII в.: 1–6 — Дрогичин, Польша (Болсуновский, 1894. Табл. V, 188–191; XVIII, 839–840); 7–11 — Чермно, Польша (Florkiewicz et al., 2020. № NN.201, МТ/1676/3/А; NN.202, МТ/1676/21/А; NN.203, МТ/1676/33/А; NN.204, МТ/1676/12/А; NN.205, МТ/1676/35/А); 12–22 — Веленьский клад, Польша (Beyer, 1876. Tab. V, 183–193); 23 — Радзановский клад, Польша (Milejski i in., 2017a. Рис. 4b)

Fig. 2. Small lead seals and Hohlpfennigs with representations of heraldic beast, 13th century: 1–6 — Drohiczyn, Poland (Болсуновский, 1894. Табл. V, 188–191; XVIII, 839–840); 7–11 — Czermno, Poland (Florkiewicz et al., 2020. no NN.201, МТ/1676/3/А; NN.202, МТ/1676/21/А; NN.203, МТ/1676/33/А; NN.204, МТ/1676/12/А; NN.205, МТ/1676/35/А); 12–22 — Wielen hoard, Poland (Beyer, 1876. Tab. V, 183–193); 23 — Radzanów hoard, Poland (Milejski i in., 2017a. Рис. 4b)

Похоже, однако, что процесс утверждения образа птицы в галицкой символике не связан с древнерусским наследием. Сам тип перстней с изображением птицы мог быть заимствован в этот период из Венгрии (рис. 1, 42) (Мусин, 2016), где такие серебряные печатки как раз получают широкое распространение (Litauszki, 2012. Tab. 12, 4–7; 13, 1–8; 14, 1–4). Свое влияние на закрепление этого символа в местной культуре должна была оказать и польская символическая система.

Тот факт, что образ птицы был нехарактерен для политической культуры Галицкой земли до XIV в., не означает, что он не мог использоваться в оформлении местных пломб и печатей конца XII — первой половины XIII в., как об этом свидетельствуют редкие экземпляры, например, пломба, найденная у городища Зеленча близ Теребовля (Тернопольская область, Украина) (рис. 1, 21). Некоторые исследователи (Siemianowska, 2010. S. 23) уже усматривали определенные параллели между изображением птицы на фрагменте буллотирия из Галича и некоторыми экземплярами из Дрогичина (ср.: Пастернак, 1944. С. 182–183, рис. 70, 21; Болсуновский, 1894. Табл. V, 181), однако это не означает, что здесь использовался официальный

символ, характерный для всей Галицкой земли (ср.: Алферов, 2010. С. 24).

Еще одно отражение польской властной символики на пломбах стоит видеть в образе хищного зверя (рис. 2). Незначительное количество таких пломб с крайне схематизированным изображением присутствует в коллекциях Дрогичина (Болсуновский, 1894. Табл. V, 188–191; XVIII, 839–840) (рис. 2, 1–6) и Чермно (NN.189, МТ/1676/3/А; NN.190, МТ/1676/21/А; NN.191, МТ/1676/33/А; NN.192, МТ/1676/12/А; NN.193, МТ/1676/35/А) (рис. 2, 7–11), однако они совершенно неизвестны другим землям Древней Руси. В историографии можно встретить мнение, что, начиная с короля Даниила, лев был территориальным знаком Галицко-Волынской державы (Дашкевич, 1998), который мог отразиться и на пломбах (Алферов, 2010. С. 24–25). Однако это мнение не подтверждено источниками. Князь Лев Данилович, судя по сохранившимся канцелярским описаниям, вплоть до начала XIV в. использовал для утверждения своих документов печать с двузубцем (*signum ad modum dentis, sigillum dentale*) (см.: Мусин, 2020. С. 268). Лев появляется на княжеских печатях Галиции и Волыни только

Рис. 3. Пломбы и «пуговичные» брактеаты с изображениями креста с четырьмя точками и различных символов, XIII в.: 1, 2, 29 — Дрогичин, Польша (Болсуновский, 1894. Табл. IV, 151, 133, Табл. II, 61); 3, 4, 9–12, 15, 16, 20, 24, 27 — Чермно, Польша (Florkiewicz et al., 2020. № II.30, МТ/1318/1/А; NN.81, МТ/1676/18/А; II.114, МТ/1264/А; NN.535, МТ/1676/55/А; NN.516, МТ/1676/101/А; NN.529, МТ/1676/118/А; NN.280, МТ/1704/51/А; NN.281, МТ/1676/97/А; I.44, МТ/1805/18/А; II.33, МТ/1454/1/А; NN.294, МТ/1676/71/А); 5–8, 13, 14, 17–19, 21–23, 25, 26, 28, 30 — Веленьский клад, Польша (Beyer, 1876. Tab. I, 11, 12, 14, 15, 16; Tab. I, 1, 2; Tab. II, 59; I: 34, 35; Tab. I, 32–34; Tab. II, 36, 37; Tab. II, 66; Tab. I, 40)

Fig. 3. Small lead seals and Hohlpfennigs with representations of cross with four spots and different symbols, 13th century: 1, 2, 29 — Drohiczyn, Poland (Болсуновский, 1894. Табл. IV, 151, 133, Табл. II, 61); 3, 4, 9–12, 15, 16, 20, 24, 27 — Czermno, Poland (Florkiewicz et al., 2020. no II.30, МТ/1318/1/А; NN.81, МТ/1676/18/А; II.114, МТ/1264/А; NN.535, МТ/1676/55/А; NN.516, МТ/1676/101/А; NN.529, МТ/1676/118/А; NN.280, МТ/1704/51/А; NN.281, МТ/1676/97/А; I.44, МТ/1805/18/А; II.33, МТ/1454/1/А; NN.294, МТ/1676/71/А); 5–8, 13, 14, 17–19, 21–23, 25, 26, 28, 30 — Wieleń hoard, Poland (Beyer, 1876. Tab. I, 11, 12, 14, 15, 16; Tab. I, 1, 2; Tab. II, 59; I: 34, 35; Tab. I, 32–34; Tab. II, 36, 37; Tab. II, 66; Tab. I, 40)

в 1310–1330-е гг. как общепринятый в латинской Европе символ власти (*Ланно-Данилевский*, 1907. С. 223, 225, 236–239, 283, рис. 1, табл. I, II).

Представляется, что К. В. Болсуновский первым наметил верный подход к интерпретации изображения хищного зверя на пломбах (*Болсуновский*, 1894. С. 14; со ссылкой на: *Beyer*, 1876. Tab. V, 184), хотя одновременно он усматривал аналогии этому символу и на монетах Золотой Орды (со ссылкой на: *Френ*, 1832. Табл. XIII, 8; II; XLVI). Действительно, на брактеатах из клада в Велене изображения хищников достаточно многочисленны (*Beyer*, 1876. S. 39–40, tab. V, 183–193; ср.: *Milejski i in.*, 2017a. S. 232, рис. 4b) (рис. 2, 12–23), однако сколько-нибудь надежной атрибуции этих монет конкретным польским князьям не существует. Добавим, что близость этого изображения к предельно схематизированному изображению грифона не всегда позволяет надежно различить два разных символа на «пуговичных» брактеатах. Иногда изображения грифона связывают с Серадской землей и эмиссиями князя Лешка Черного (1261–1279 гг.) (*Garbaczewski*, 2007. S. 172–173, рис. 323–325).

Некоторые фигуры и знаки также параллельно представлены на пломбах и брактеатах (рис. 3). К ним определенно относится знак в форме равноконечного креста с точками в средокрестии между ветвями, известный в Дрогичине (ср.: *Болсуновский*, 1894. Табл. I, 14; III, 92, 93 (?), 96 (?), 97 (?); IV, 132–134, 142, 151; IX, 383, 394) (рис. 3, 1–2), Чермно (I.11, МТ/1812/11/А; II.30, МТ/1318/1/А; II.35, МТ/1301/2/А; NN.81, МТ/1676/18/А; NN.82, МТ/1676/76/А; NN.83, МТ/1912/46/А; NN.85, МТ/1912/261/А; NN. 594, МТ/1921/44/А; ср.: *Лихачев*, 1930. С. 75, рис. 54) (рис. 3, 3–4) и на многочисленных брактеатах (см., напр.: *Beyer*, 1876. Tab. I, 11, 12, 14–16) (рис. 3, 5–8). Очевидно, этот знак восходит к оформлению так называемого Kreuzpfennig и относится не к брактеатам Пруссии, а к польскому чекану второй половины — конца XIII в. (*Paszkiwicz*, 2009a. S. 20, 102, 329, рис. 1, e, tab. XII).

Изображение стрелы, иногда на подставке, которое уже Н. П. Лихачеву напоминало «первичные знаки польской геральдики» (*Лихачев*, 1930. С. 80), не менее 35 раз встречается в коллекции Чермно (I.39, МТ/1784/А; I.40, МТ/1792/1/А, I.41, МТ/1805/17/А; I.42, МТ/1761/1/А; I.43, Cz/255/2015; II.100, МТ/1297/3/А; II.101, МТ/1450/1/А; II.102, МТ/1449/А; II.103, МТ/1347/А; II.104, МТ/1324/1/А; II.105, Cz/136/2015/А; II.106, МТ/1654/А; II.107,

МТ/1350/2/А; II.108, МТ/1322/А; II.109, МТ/1488/1/А; III.53, МТ/1351/2/А; III.54, Cz/W/2013/72; III.55, МТ/1439/А; III.56, Cz/W/2013/714; III.57, МТ/1257/7/А; NN.88, МТ/1912/145/А; NN.105, МТ/1912/107/А; NN.106, МТ/1912/342/А; NN.252, Cz/46/15; NN.253, Cz/3/15; NN.254, МТ/1912/101/А; NN.255, МТ/1676/93/А; NN.256, МТ/1676/42/А; NN.257, МТ/1921/3/А; NN.258, МТ/1676/131/А; NN.259, МТ/1912/230/А; NN.260, МТ/1912/119/А; NN.261, МТ/1912/295/А; NN.262, МТ/1704/53/А; NN.263, МТ/1912/181/А), менее известно в Дрогичине (*Болсуновский*, 1894. Табл. III, 113; XI, 482 (?); XVII, 826) и в целом характерно для польских брактеатов. Впрочем, на монетах Веленского клада этот символ практически не представлен, а известные здесь типы стрел имеют либо простую поперечную перекладину, либо перекладину, заканчивающуюся полукруглыми фигурами (*Beyer*, 1876. Tab. II, 43, 44). Существующие атрибуции чекана со стрелой г. Стржалков (*Kopicki*, 1995a. S. 213; 1995b. S. 254), как кажется, не находят признания в ученом сообществе (ср.: *Kopicki*, 1997. S. 62, tab. VII). Принадлежность символа остается неясной.

К европейской эмблематике должен принадлежать и знак в форме латинской буквы “Y” с тремя точками между ветвями, заключенный в круг, иногда неверно интерпретируемый как кириллическая буква «Ч». Нам не удалось однозначно выявить такой знак среди пломб корпуса К. В. Болсуновского, однако он неоднократно встречается в Чермно (II.114, МТ/1264/А; NN.535, МТ/1676/55/А; NN.516, МТ/1676/101/А; NN.529, МТ/1676/118/А) (рис. 3, 9–12) и присутствует на польских брактеатах (*Beyer*, 1876. Tab. I, 1, 2) (рис. 3, 13–14). Гипотезы относительно его атрибуции нам неизвестны.

Фигура, объединяющая полумесяц и звезду или точку, присутствует как на пломбах из Чермно (см.: например, II.33, МТ/1454/1/А), где изображение, ассоциирующееся с полумесяцем, встречается достаточно часто, иногда — вместе с буквой «Д» на другой стороне (I.46, Cz/156/2015; II.33, МТ/1454/1/А; NN.254, МТ/1912/101/А; NN.290, МТ/1676/59/А; NN.291, МТ/1676/62/А; NN.292, МТ/1912/127/А), так и на брактеатах (*Beyer*, 1876. Tab. II, 36, 37) (рис. 3, 24–26). Этот символ иногда связывают с брактеатами Великопольши или Малопольши, с персональными эмиссиями князя Генриха III Глоговского (1274–1309 гг.) или частным чеканом семейства герба Лелива, которое уже в XIII в. пользовалось схожей символикой

Рис. 4. Изображение растительного мотива на пломбах, брактеатах, печатях и византийских тканях, XII–XIV вв.: 1–6 — Дрогичин, Польша (Болсуновский, 1894. Табл. XIX, 898; V, 168–172); 7–9 — Чермно, Польша (Florkiewicz et al., 2020. № NN.200, МТ/1912/226/А; NN.197, МТ/1676/13/А; NN.198, МТ/1912/260/А); 10 — облачение византийского императора Алексея I Комнина на книжной миниатюре (Biblioteca Apostolica Vaticana, Gr. 666, f.2r); 11–16 — Веленьский клад, Польша (Beyer, 1876. Tab. III, 81–85, 88); 17 — печать из коллекции Н. Лихачева (Лихачев, 1930. Рис. 47)

Fig. 4. Representations of a vegetative motif on small lead seals, Hohlpfennigs, lead seals and Byzantine textiles, 12th–14th century: 1–6 — Drohiczyn, Poland (Болсуновский, 1894. Табл. XIX, 898; V, 168–172); 7–9 — Czermno, Poland (Florkiewicz et al., 2020. no NN.200, МТ/1912/226/А; NN.197, МТ/1676/13/А; NN.198, МТ/1912/260/А); 10 — vestments of the Byzantine emperor Alexios I Komnenos on a miniature illustration of 12th century illuminated manuscript (Biblioteca Apostolica Vaticana, Gr. 666, f.2r); 11–16 — Wieleń hoard, Poland (Beyer, 1876. Tab. III, 81–85, 88); 17 — lead seal from N. Likhachev's collection (Лихачев, 1930. Рис. 47)

(Kopicki, 1997. S. 35, 44, 55, 56, 104; ср.: Kopicki, 1995a. S. 250; 1995b. S. 305).

Символ, напоминающий колесо со спицами, достаточно редкий, известен как в Чермно (NN.280, МТ/1704/51/А; NN.281, МТ/1676/97) (рис. 3, 15–16), так и в символике Пястов (Beyer, 1876. Tab. I, 34, 35, II, 59; ср.: Kopicki, 1997. S. 58) (рис. 3, 17–19). С этим знаком может быть связано и изображение розетки, вновь встречающееся как в Дрогичине (Болсуновский, 1894. Табл II, 88, III, 117, IV, 146, XII, 530) и Чермно (см., напр.: I.44, МТ/1805/18/А), так и на польских брактеатах (Beyer, 1876. Tab. I, 32–34; ср.: Kopicki, 1997. S. 57; Garbaczewski, 2007. S. 80–83) (рис. 3, 20–23). Впрочем, общехристианская символика розетки, которая встречается и на византийских и древнерусских печатях начиная с XI в. (см. например: Laurent, 1965. № 1797), не позволяет однозначно связать такие изображения с западной или восточной знаковой системой. Атрибуция пломб с розеткой зависит от символа на другой стороне.

Казалось бы, к подобным выводам должен привести нас анализ изображений, напоминающих растительный мотив, который иногда возможно перепутать с розеткой. Он известен на пломбах из Дрогичина (Болсуновский, 1894. Табл. V, 168–172, XIX, 898) (рис. 4, 1–6) и Чермно (II.80, МТ/1533/4/А; NN.197, МТ/1676/13/А; NN.198, МТ/1912/260/А; NN.199,

МТ/1912/70/А; NN.200, МТ/1912/226/А)⁴ (рис. 4, 7–9). Некоторые аналогии этому символу можно найти в византийском искусстве XI–XII вв., где пальметты часто украшали ткани и одежду (см: Dawson, Sumner, 2015. P. 69, 71, fig. 51, 3) (рис. 4, 10). Однако растительные мотивы, в том числе и напоминающие дерево, хорошо известны на «пуговичных» брактеатах, восходящих к эпохе князя Мешко Старого (Beyer, 1876. Tab. III, 81–85, 88; Kopicki, 1997. S. 43, 61; Garbaczewski, 2007. S. 309, 315–316, гус. 606) (рис. 4, 11–16), и в европейской сфрагистике (Лихачев, 1930. С. 43–44, рис. 47) (рис. 4, 17). В целом, европейские эмблемы с растительным мотивом менее вариативны, тогда как в византийском искусстве конца XI — XII в. насчитывается не менее восьми различных типов изображений пальмы (рис. 4, 10).

Вернемся к знакам и фигурам. Фигура, представленная тремя точками или трехлепестковой розеткой, встречается на пломбах Чермно (NN.294, МТ/1676/71/А; NN.295, МТ/1912/288/А; NN.296, МТ/1921/50/А; NN.297, МТ/1676/127/А; NN.298,

⁴ Растительный мотив на пломбах из Чермно был выявлен Ивоной Флоркевич в процессе работы над каталогом, авторы которого были благодарны проф. Мирославу Круку за указание на аналогии этому знаку в византийской культуре и помощь с библиографией.

Рис. 5. Пломбы и «пуговичные» брактеаты с изображениями геральдической лилии, XIII в.: 1–3 — Дрогичин, Польша (Болсуновский, 1894. Табл. IV, 159, 160, 164); 4–20 — Чермно, Польша (Florkiewicz et al., 2020. № П.32, МТ/1468/3/А; NN.76, МТ/1676/20/А; NN.77, CZ/4/15; NN.78, MN/1921/17/А; NN.79, МТ/1676/31/А; II.110, МТ/1370/1/А; NN. 265, МТ/1676/37/А; NN. 266, Cz/44/15; I.2, МТ/1734/1/А; NN.5, МТ/1676/36/А; NN.6, МТ/1676/26/А; NN.7, МТ/1912/17/А; NN.8, МТ/1912/15/А; NN.9, МТ/1912/68/А; NN.10, Cz/37/15; NN.11, Cz/45/15); 21–28 — Веленьский клад, Польша (Beyer, 1876. Tab. II, 69–75; VI, 211); 29 — Польша (Milejski i in., 2017b. Ryc. 5, j)

Fig. 5. Small lead seals and Hohlpfennigs with representations of fleur-de-lys, 13th century: 1–3 — Drohiczyn, Poland (Болсуновский, 1894. Табл. IV, 159, 160, 164); 4–20 — Czermno, Poland (Florkiewicz et al., 2020. no П.32, МТ/1468/3/А; NN.76, МТ/1676/20/А; NN.77, CZ/4/15; NN.78, MN/1921/17/А; NN.79, МТ/1676/31/А; II.110, МТ/1370/1/А; NN. 265, МТ/1676/37/А; NN. 266, Cz/44/15; I.2, МТ/1734/1/А; NN.5, МТ/1676/36/А; NN.6, МТ/1676/26/А; NN.7, МТ/1912/17/А; NN.8, МТ/1912/15/А; NN.9, МТ/1912/68/А; NN.10, Cz/37/15; NN.11, Cz/45/15); 21–28 — Wieleń hoard, Poland (Beyer, 1876. Tab. II, 69–75; VI, 211); 29 — Poland (Milejski i in., 2017b. Ryc. 5, j)

МТ/1912/236/А) и на брактеатах (Beyer, 1876. Tab. II, 66; ср.: Корпик, 1997. S. 57) (рис. 3, 27, 28). В романском искусстве она могла быть символом Святой Троицы, а «пуговичные» брактеаты с таким изображением могли происходить со Шленска.

Символы, представленные t- и f-образными фигурами, известны на древнерусских печатях и геральдических подвесках уже в XI в. Они иногда интерпретируются как перечеркнутая буква «зело» или даже как княжеский знак (Сорокин, 2017; Белецкий, 2019. С. 116, 118). На пломбах и брактеатах эти символы встречаются нечасто (Болсуновский, 1894. Табл. II, 61; XII, 960; NN.183, МТ/1676/130/А; Beyer, 1876. Tab. I, 40) (рис. 3, 29, 30), однако они сравнимы со знаком *curvatura*, широко представленным в польской символике (Piekosinski, 1899. S. 46, рис. 44, 45). Столь же сложно отнести к какой-либо определенной знаковой системе и трискелион, известный на пломбах

(Болсуновский, 1894. Табл. XI, 481, 482, 492; III.31, МТ/1667/А; III.61, МТ/1331/2/А; NN.179 (?), МТ/1912/220/А; NN.282, МТ/1912/140/А; NN.283, МТ/1912/36/А), но как будто бы не представленный на брактеатах.

Интересно сравнить различные типы изображений лилии на пломбах и брактеатах (см.: Beyer, 1876. Tab. II, 69–75; VI, 211; Milejski i in., 2017b. S. 261, рис. 5, j; ср.: Garbaczewski, 2007. S. 55–56) (рис. 5, 21–29). Такие изображения есть в коллекции Дрогичина, где они представлены, судя по рисункам, весьма схематично (Болсуновский, 1894. Табл. IV, 159, 160, 164) (рис. 5, 1–3), и Чермно, где есть как схематичные стилизованные изображения (II.110, МТ/1370/1/А) (рис. 5, 9), так и пломбы, которые по ряду иконографических и морфологических признаков имеют западноевропейское происхождение (II.32, МТ/1468/3/А; NN.76, МТ/1676/20/А; NN.77, CZ/4/15; NN.78, MN/1921/17/А; NN.79, МТ/1676/31/А;

NN.265, MT/1676/37/A; NN.266, Cz/44/15) (рис. 5, 4–8, 10, 11). Ранняя дата пломб и брактеатов с образом лилии определенно указывает, что распространение этого символа в Польше не было связано с королем Людовиком Венгерским и правлением здесь представителя Анжуйской династии (1370–1380 гг.), а существующие атрибуции брактеатов с лилией князьям восточного Поморья (*Kopicki*, 1995a. S. 32; 1995b. S. 12; ср.: *Kopicki*, 1997. S. 60) не во всем представляются убедительными, хотя «балтийский путь» распространения этой символики в Центрально-Восточной Европе вполне вероятен.

Стоит обратить внимание на серию из не менее девяти пломб со схематичным изображением лилии, о котором упоминалось выше, и святого с копьем, происходящую из Чермно (I.2, MT/1734/1/A; NN.5, MT/1676/36/A; NN.6, MT/1676/26/A; NN.7, MT/1912/17/A; NN.8, MT/1912/15/A; NN.9, MT/1912/68/A; NN.10, Cz/37/15; NN.11, Cz/45/15; III.7 (?), Cz/W/2013/674) (рис. 5, 12–20). В целом такое оформление пломб и печатей, когда на одной стороне изображается святой, а на другой — фигуративный символ или знак Рюриковичей, характерно для Древней Руси. Однако символ лилии здесь не встречается. Стоит предположить, что перед нами отражение влияния польской знаково-символической системы на инсигнии власти князей из династии Рюриковичей или представителей их администрации. Нам известны и обратные примеры. Так, на брактеатах иногда встречается символ, весьма близкий к процветшему кресту, широко представленному на древнерусских пломбах и печатях (см.: *Beyer*, 1876. Tab. II, 60).

Таким образом, на пломбах из Дрогичина и Чермно определенно присутствуют изображения, характерные для властной символики и монетного дела династии Пястов. Однако остается вопрос: не является ли это следствием культурного трансфера, польского влияния на систему идентификационных знаков и, соответственно, оформление свинцовых пломб в Древней Руси?

До сих пор было принято считать, что в польском археологическом материале не представлены находки, аналогичные восточноевропейским пломбам «дрогичинского типа», которыми товары из Восточной Европы могли заново опечатываться в Дрогичине при их дальнейшей транспортировке на территорию Польши (*Рыбаков*, 1940. С. 244–245; 1948. С. 470; ср.: *Liwoch*, 2013. S. 108). Некоторые авторы настаивали, что отсутствие древнерусских пломб «за границей» якобы «подтверждает

кредитный характер пломбирования» (*Гулецкий*, 2016). Однако эта убежденность оказалась развеяна новыми археологическими открытиями.

В настоящее время пломбы, сравнимые с древнерусскими находками, но несущие на себе изображения, знаки и символы, имеющие аналогии исключительно среди «пуговичных» брактеатов, хорошо известны в количестве около 200 экземпляров на территориях, контролируемых Пястами, прежде всего — в бассейне рек Висла и Нарев в Мазовецкой земле (*Gaydukov*, 2019. P. 274–275, 371–372, № 596–598). Несмотря на технологическое и визуальное сходство, эти пломбы отличаются от своих восточноевропейских аналогов не только по изображениям, но и по своим параметрам. Их размеры (от 10 до 22 мм), толщина (от 1,00 до 5,74 мм) и вес (от 1,5 г и более) могут превышать соответствующие характеристики известных нам пломб «дрогичинского типа» (ср.: *Белецкий*, 2017). На известных на сегодняшний день пломбах присутствуют геральдические орнитоморфные образы, изображения человеческой головы и руки, «соломонова узла» (ср.: *Болсуновский*, 1894. Табл. I, 24) и розетки, стрелы, кресты с четырьмя точками в средокрестии и буквы латинского алфавита (рис. 6).

Раньше всего такие пломбы были обнаружены в Пултуске (более 150 экз.; см.: *Mierosławski, Pela*, 1989. S. 3; *Pela*, 2000. S. 26; *Dulicz, 2001. S. 18; Gawlas*, 2015. S. 21; *Jakubowska*, 2018; 2019; ср.: *Перхавко*, 2006. С. 266, где не критическое восприятие информации о находках привело к включению этих пломб в древнерусский корпус), позднее — в Грудуске и Макуве Мазовецком (более 100 экз. на двух памятниках; см.: *Gaydukov*, 2019. P. 274–275, 371–372, № 597, 597b), Насельске (5 экз.; см.: *Błoński*, 2018. S. 118–121, гус. 117; *Błoński, Bogucki*, 2019), Плоцке (6 экз.; см.: *Trzeciecki*, 2019), Понятах Велких (1 экз.; см.: *Affelski, Bogucki*, 2019), на городище Пиотрувка на территории г. Радом (1 экз.; см.: *Trzeciecki i in.*, 2020. S. 169, 176, 234–235, tab. 116, 2; мнение о еще одной находке с этого памятника (*Gaydukov*, 2019. P. 275, 372, № 597d) стало следствием неверной интерпретации средневековой западноевропейской пломбы; ср.: *Wołoszyn*, 2003. T. IV. № Radom-8; T. VI. Tab. CCIV, 3) и в Сандомире (1 экз.; см.: *Florek, Stempin*, 2015).

Стоит добавить, что среди польских находок, в частности на пломбах из Грудуска, известны экземпляры с изображением мужской головы с бородой в профиль, которое было интерпретировано как фигура «бородатого рыбака в кожаной

Рис. 6. Польские свинцовые пломбы на территории Мазовецкой и Сандомирской земли, XIII в.: 1 — Насельск (Błoński, Bogucki, 2019. Fig. 2, 1); 2, 7, 12 — Плоцк (Trzeciecki, 2019. Fig. 2, 2, 6, 4); 3-6, 8-10 — Пултуск (Jakubowska, 2019. Fig. 3, 6; 4, 3, 4; 3, 1, 7; 5, 1, 4); 11 — Пиотрówka (Радом) (Trzeciecki i in., 2020. Tab. 116, 2)

Fig. 6. Polish small seals from the territory of the Mazovian and Sandomirian Lands, 13th century: 1 — Nasielsk (Błoński, Bogucki, 2019. Fig. 2, 1); 2, 7, 12 — Płock (Trzeciecki, 2019. Fig. 2, 2, 6, 4); 3-6, 8-10 — Pułtusk (Jakubowska, 2019. Fig. 3, 6; 4, 3, 4; 3, 1, 7; 5, 1, 4); 11 — Piotrówka (Radom) (Trzeciecki i in., 2020. Tab. 116, 2)

шляпе» (*Pastuszka*, 2011). Несмотря на существование изображений мужских голов, в том числе и в профиль, среди пломб из Дрогичина на основе рисунков К. В. Болсуновского затруднительно определить конструкцию или даже наличие головного убора (ср., например: *Болсуновский*, 1894. Табл. V, 199, 201). Однако образ на пломбе из Грудуска опознается без труда. Перед нами — типичное для средневековья изображение иудея, известное на брактеатах правителей из династии Пястов, поскольку представители иудейских общин зачастую руководили княжескими монетными дворами (*Gumowski*, 1975. S. 72, 100; *Haczewska, Paszkiewicz*, 2004. S. 111, tab. I, 8; *Garbaczewski*, 2007. S. 324–328, рис. 638, 639, 641; *Milejski i in.*, 2017b. S. 259, рис. 4; дискуссию, а также вопрос об участии еврейской общины в средневековой польской администрации см.: *Paszkiewicz*, 2000; *Gorlińska*, 2015).

Таким образом, изображения на свинцовых пломбах, открытых в средневековой Польше, не только соответствуют нумизматическим типам Пястов XIII — первой половины XIV в., но и находят соответствия исключительно среди пломб из Дрогичина и Чермно, будучи совершенно неизвестными в других землях Древней Руси. Их стоит признать пломбами администрации Пястов, которые имели торговый, таможенный или фискальный характер и не были связаны с утверждением кожано-меховых денег и безмонетным периодом. При этом очевидно, что феномен польских пломб генетически связан с восточноевропейскими пломбами «дрогичинского типа», поскольку ни в Центральной, ни в Западной Европе такие свинцовые удостоверительные знаки не встречаются. Соответственно, западные соседи не могли повлиять на появление подобной практики в Польше.

Такой вывод представляется чрезвычайно важным для изучения средневековых торговых и товарных пломб. С одной стороны, он позволяет установить факт воздействия восточно-европейской практики пломбирования на польскую коммерческую и налоговую систему в результате культурного трансфера не позднее середины XIII в. С другой стороны, заимствовав саму форму пломбы и способ опечатывания предметов или товаров из Руси, польские правители использовали на пломбах язык символов и знаков, привычный для собственных граждан. Знаковая система, характерная исключительно для

серии пломб из Дрогичина и Чермно и находок на поселениях в бассейне рек Висла и Нарев, отражает нумизматические типы «пуговичных» брактеатов.

Налицо полная синхронность в появлении, оформлении и обращении свинцовых пломб и «пуговичных» брактеатов в Польше в середине XIII — первой половине XIV в. Очевидно, это было связано с децентрализацией чеканки монеты в условиях *renovatio monetae* и становлением региональных фискальных и таможенных систем (см. на эту тему: *Paszkiewicz*, 2004). Видимо, князья из династии Пястов использовали в XIII в. дополнительные возможности для экономической эксплуатации местного общества и контроля межрегиональных связей как внутри польских земель, так и на пограничье с Восточной Европой. Новые способы организации товарно-денежных отношений привели не только к появлению брактеатов, подражавших западноевропейским образцам (*Kopicki*, 1997. S. 93), но и свинцовых пломб, копировавших практику восточноевропейских Рюриковичей. Эти наблюдения заставляют признать, что пломбы, открытые в Мазовецкой и Сандомирской землях, а также аналогичные и близкие им экземпляры из Дрогичина и Чермно являются польскими, а не древнерусскими пломбами. Таким образом, не все пломбы из Дрогичина являются пломбами «дрогичинского типа», поскольку это название традиционно относится к древнерусским удостоверительным свинцовым знакам.

Символика польских пломб, найденных на берегах рек Висла, Нарев, Буг и Гучва, будучи системно изучена, может позволить соотнести их с конкретными территориально-административными системами и княжескими семьями в средневековой Польше. Это является непростой задачей, поскольку основной источник нашего знания о властной символической Пястов этой эпохи, их «пуговичные» брактеаты, в большинстве случаев остаются анонимными (*Kopicki*, 1995a. S. 35–38; 1995b. S. 14–20; 1997. S. 94, 99), а существующие атрибуции остаются дискуссионными. В эту эпоху локальная власть могла использовать для своего чекана все многообразие символов, определенно встречающихся в нумизматических типах соседних земель и городов (ср. разнообразие знаков на шленских брактеатах, которые затруднительно связать с конкретным эмитентом: *Kopicki*, 1995a. S. 304–303; 1995b. S. 373–397). Конфликтность этой ситуации могла до определенной степени

нивелироваться экономическим взаимодействием между различными ветвями династии Пястов (ср.: *Kopicki*, 1997. S. 24).

Однако ситуация не представляется безнадежной. Как уже отмечалось, геральдическое изображение птицы, во множестве представленное на пломбах из Дрогичина, связывается преимущественно со шленскими Пястами. Несмотря на то, что польская геральдика в своем окончательном виде сформировалась не ранее середины XIV в., ряд символов на пломбах и брактеатах XIII в. можно соотнести с гербами некоторых аристократических родов (*Halecki*, 1910; *Kopicki*, 1997. S. 25–26, 97). Известные клады демонстрируют в ряде случаев региональную приуроченность брактеатов с определенной символикой (*Kopicki*, 1997. S. 44, 49, 88–89). Параллельные наблюдения за символами на «пуговичных» брактеатах и их территориальным распространением, с одной стороны, и на польских пломбах на польско-древнерусском пограничье, с другой стороны, способны выявить стабильные коммерческие и культурные связи эпохи средневековья и уточнить торговые пути этой эпохи.

Концентрацию польских пломб середины XIII — первой половины XIV в. в Побужье и долине рек Висла и Нарев, непосредственно в средневековой Мазовии и у ее границ, справедливо связать с деятельностью князя Конрада Мазовецкого (1200–1247 гг.) и его сына Земовита (1248–1262 гг.). К сожалению, используемая этими князьями властная символика остается неизвестной. В историографии существовали попытки атрибуировать этим правителям некоторые типы брактеатов (см.: *Kopicki*, 1995a. S. 32; 1995b. S. 12; 1997. S. 46), однако связанные с этими типами знаки не находят прямого отражения на пломбах и иных памятниках ни в Мазовецкой земле, ни в Побужье. Известно, однако, что оба польских князя имели тесные политические связи с правителями Волынской и Галицкой земель: отец был женат на Агафье, дочери владимирского и перемышльского князя Святослава Игоревича, а сын — на Предславе, дочери князя Даниила Романовича. Лишь князь Болеслав II (1262–1313 гг.) по очевидным историческим причинам переориентировал свою политику на Литву и Чехию. Не исключено, что тесные семейные и культурные контакты с Русью этой ветви Пястов стали фоном, а возможно и стимулом к заимствованию и адаптации восточноевропейской практики

пломбирования в коммерческих и фискальных целях Польского государства.

В связи с многосторонностью средневековых культурных трансферов стоит обратить внимание на возможность обратного влияния. В частности, речь может идти о воздействии польской символики на идентификационные знаки на древнерусских пломбах в XIII в. Выше мы уже обратили внимание на серию пломб, сочетающих традиционное для восточноевропейской сфрагистики изображение святого и нехарактерную для нее лилию. Кроме этого, в Дрогичине и Чермно встречаются пломбы, на аверсе которых может быть помещена одна из разновидностей тамги Рюриковичей, а на реверсе — символ или фигура, имеющие строгое соответствие среди польских «пуговичных» брактеатов. Систематичность появления подобных экземпляров на пограничье позволяет, на наш взгляд, поставить вопрос не только о польском влиянии на древнерусскую культуру власти, но и задуматься о возможности двойной кондоминиальной юрисдикции этих пограничных территорий, феномен которой хорошо известен в средневековой Восточной Европе (*Шабульдо*, 2007; *Musin*, 2020).

В связи с предлагаемой гипотезой стоит обратить внимание на известия Хроники Винсента Кадлубка и Великопольской хроники, а также на информацию так называемого добавления к «Цвифальтенской хронике», касающиеся правления Болеслава II Кривоустого и Казимира II Справедливого. Согласно этой информации, обычно отрицаемой как «явное преувеличение» латинских хронистов, некоторые пограничные древнерусские земли, а именно Перемышльская, Владимирская, Берестейская и Дрогичинская, находились «в управлении» Пястов или в зависимости от них, и платили им налоги («Великая хроника»..., 1987. С. 118, 122, 135–137, 224; Западноевропейские источники, 2010. С. 199, 281, 297, 311–312, 317–318, 321–322). Однако Ипатьевская летопись описывает похожую ситуацию в Побужье в 1207–1214 гг., когда польский князь Лешко Белый принимал активное участие в распределении княжеских столов и распоряжался воинскими отрядами местных князей (ПСРЛ, 1908. Стб. 720–721, 728–730, 730–731, 733). Упомянутая в летописях и хрониках политико-экономическая система, существовавшая в Побужье, в полной мере соответствует нашим знаниям о характере налогообложения и управления кондоминиальными территориями. Логично

предположить, что в этой буферной зоне, где встречались две экономические и фискальные системы, вполне могла сложиться общая торгово-таможенная юрисдикция, предполагавшая совместное утверждение сбора двойных пошлин в пользу участников кондоминиума. Отражением этой практики и могли стать пломбы, отмеченные одновременно символикой Рюриковичей и Пястов.

Остается прояснить еще один момент в истории средневековых свинцовых пломб на территории Побужья: удивительная концентрация пломб в Дрогичине, достигающая 14 000–15 000 экземпляров, и высокий процент среди них польских пломб пока не находят удовлетворительного объяснения. Обычно это связывают с пограничным положением Дрогичина и его ролью *gateway city* на пути Припять — Буг — Нарев — Висла (см.: *Krzysztofik*, 2004; *Siemianowska*, 2010. S. 25). Существование здесь целой сети таможенных пунктов, собиравших пошлины как с водного, так и сухопутного транспорта (*theloneo in ipso Drochicin de nauibus siue de curibus*), о чем упоминает жалованная грамота князя Конрада Мазовецкого рыцарям Добжиньского ордена от 8 марта 1237 г. (*Kochanowski*, 1919. S. 421–422, nr 366; *Матузова, Назарова*, 2002. С. 354), также могло служить увеличению товаропотока и, соответственно, массовому откреплению пломб. Активность торговых коммуникаций по рекам Буг и Нарев через Пултуск, известный многочисленными находками пломб, продолжалась, по крайней мере, до конца XIII в., о чем свидетельствует экспедиция князя Владимира Васильковича, отправившего по этому пути зерно из Берестья голодающим ятвягам в 1278/1279 г. (ПСРЛ, 1908. Стб. 879).

Представляется, однако, весьма значимым, что в целом дорога через Дрогичин отображена в письменных источниках достаточно фрагментарно, в отличие от других путей, идущих из Торуня во Владимир и Львов, минующих этот город. Существовавшие на этих путях таможенные пункты подробно перечисляются в сохранившихся описаниях 1350–1360-х гг. Так, путь на Волынь со старыми мытницами (*thelonea antiqua de Thorun in Ladimiriam*) проходил через Люблин, Холм и Городло, тогда как старая дорога на Львов шла от Крешова на Любачев и Городок, а новая лежала через Ярослав и Перемышль (*Höhlbaum*, 1882. S. 312–314; ср.: *Weymann*, 1938. S. 51–52, 101–102). Очевидно, что задолго до середины XIV в. главные торговые пути из Польши на восток

проходили не только южнее Дрогичина, но и огибали Червенскую землю. Так, таможня в Городло определенно существовала к 1288 г. (ПСРЛ, 1908. Стб. 903). Такая ситуация соответствует утрате Чермно своего политического и хозяйственного значения во второй половине XIII в. (см. о хронологии: *Dzieńkowski et al.*, 2020. P. 445, 453).

Складывается впечатление, что уникальная концентрация торгово-таможенных пломб в Дрогичине, в том числе и польского происхождения, и резкий рост его значения как пункта транзитной торговли были вызваны достаточно случайными причинами. Эти причины хорошо известны. Начиная с середины XIII в. постоянные войны между князьями Даниилом и Василько Романовичами и Пястами в Червенской земле и Побужье, монгольское нашествие и контроль Золотой Орды над волынскими и галицкими князьями, частые набеги ордынцев на Польшу и Венгрию через эти территории вытеснили на север главную торговую артерию «запад — восток» на определенный срок. Это позволило Дрогичину стать ее центром и потому — главной «сокровищницей малой сфрагистики» Восточно-Центральной Европы и, прежде всего, Польши.

Упадок Дрогичина в первой половине XIV в. как крупного центра транзитной торговли совпал не только со стабилизацией ситуации и перенесением главных торговых путей на юг, но и с отказом Польского государства от брактеатов как основной единицы денежного обращения. С конца XIII в. здесь вводится специальный налог (*Münzgeld*), заменивший *renovatio monetae*, а последовавший за этим выпуск новых полновесных серебряных денег в форме квартников положил конец господству легкой битой монеты (*Kopicki*, 1997. S. 23; *Paszkiwicz*, 2019). Характерно, что старшие свидетельства о таких практиках середины XIV в. относятся непосредственно к Мазовецкой земле (*Grodecki*, 1921. S. 52–56). Очевидно, что новые способы контроля и утверждения торговых и фискальных отношений привели к деградации польского института пломб, характерного для предшествующего времени, что могло повлиять и на соответствующую практику на западно-украинских землях, которые вскоре были инкорпорированы в состав Польского королевства и Литовского княжества.

Подведем итоги нашему исследованию. Эпохе средневековья была присуща «власть свинца», связанная с необходимостью и потребностью утверждения моливдовулами различных общественных отношений. Эта «власть свинца» определенно

повлияла на заимствование высокоавторитетной византийской практики пломбирования испанскими Омейядами в VIII в., торгово-таможенные печати которых хорошо известны на Пиренейском полуострове (см.: *Sénac, Ibrahim, 2017*). Появление и функционирование свинцовых пломб в Восточной Европе явилось результатом культурного трансфера византийской практики пломбирования в древнерусскую политическую и экономическую культуру. Известно, что Н. П. Лихачев отрицал фискальное значение пломб на основе контекста находок, поскольку пломбы, аналогичные печатям византийских коммерциариев, были бы собраны в одном месте для отчета имперских чиновников (*Лихачев, 1930. С. 88*). Однако разница двух административных структур, византийской и древнерусской, делает это допущение неочевидным. Сегодня факт совстречаемости печатей византийских коммерциариев и древнерусских пломб в закрытых археологических комплексах, например в Новгороде (см., например: *Исаев и др., 2018. С. 128; Tarabardina, 2019. Р. 685, 690–691*), позволяет положительно решить вопрос о зависимости вторых от первых. Появление древнерусских свинцовых товарно-таможенных пломб приходится на конец XI в., когда в жизни восточноевропейских обществ можно наблюдать новый этап подражания византийским традициям, что стоит назвать «вторичной византизацией» (подробнее см.: *Мусин, 2020. С. 269–270*).

Следующий этап трансфера «власти свинца» приходится на XIII в., когда мазовецкие Пясты заимствовали институт пломбирования от своих восточных партнеров в целях контроля торговых и фискальных операций, поместив на свинцовые пломбы характерные для них идентификационные знаки. Сочетание на пломбах символики Рюриковичей и Пястов может свидетельствовать о двойной таможенной юрисдикции в Побужье и кондоминиальном статусе этой пограничной территории.

Однако на заимствовании польским обществом древнерусской практики, византийской

в своих истоках культурный трансфер «власти свинца» в Европе не закончился. Стоит предположить, что именно Польша передала институт пломбирования в Западную Европу (см.: *Musin, Toropov, 2020. Р. 374–375*), где уже в конце XIII в. появляются многочисленные текстильные и товарные пломбы, которые просуществовали в модифицированном виде вплоть до современности.

Обстоятельства и характер культурного трансфера «власти свинца» позволяют определить главное назначение пломб *per analogiam* как с предшествующей традицией пломбирования, римской и византийской, так и последующей, западноевропейской и современной. Относительно синхронное существование польских и древнерусских пломб позволяет отказаться от представлений об их «нумизматическом значении», обязательной связи с безмонетным периодом и удостоверением стоимости кожано- меховых денег. Нельзя исключать, что пломбами могли запечатывать меха и товаро-деньги, однако такая практика являлась лишь частным случаем пломбирования товаров. Главной функцией свинцовых пломб всегда оставалось утверждение фискальных и коммерческих операций.

Вышесказанное объясняет относительно ограниченное количество свинцовых пломб, происходящих с Рюрикова городища. Его история отмечена политической и судебно-административной активностью, что отразилось в находках значительного количества вислых печатей. Пломбы, непосредственно связанные с таможенной и торговой активностью, известны здесь в значительно меньшем количестве. Это должно свидетельствовать, что такие функции были присущи Городищу в меньшей степени. Подобная ситуация соответствовала принципам древнерусской княжеской власти, которая передавала право сбора налогов и свои торговые операции на откуп частным лицам и чиновникам на местах, не сосредотачивая эту деятельность в руках придворного аппарата.

Авенариус, 1890 — Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // Древности Северо-западного края. СПб.: Тип. Имп. АН, 1890 (МАР; Т. 4). Т. 1, вып. 1. С. 1–42.

Авенариус, 1893 — Авенариус Н. П. Несколько слов о дрогичинских пломбах // Записки ИРАО. Новая серия. СПб., 1893. Т. 6, вып. 3–4. С. 279–288.

Авенариус, 1897 — Авенариус Н. П. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах // Тр. IX Археологического съезда в Вильно. Т. 2. М.: Тип. Лиснера и Ремана, 1897. С. 325–328.

Алферов, 2010 — Алферов А. Рубежи, ребра, сорочьи лапки, крюки... Торговые пломбы Киевской Руси // Антиквар. 2010. № 11 (48). С. 22–25.

- Алфьоров*, 2011 — *Алфьоров О.* Пломбы дорожничинского типа: методологичні рекомендації до опису та каталогізації // Сфрагистичний щорічник. 2011. Т. 1. С. 189–221.
- Археология, история..., 2007 — Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / С. П. Щавелев (ред.). Курск: Изд-во КГМУ, 2007. 506 с.
- Б. и.*, 1865 — [*Б. и.*]. Дополнительные сведения к предыдущей статье [Тышкевич К. П. Свинцовые оттки, найденные в реке Буге у Дрогичина] // Древности. 1865 (Тр. ИМАО; Т. I, вып. 2). С. 123–125.
- Белецкий*, 1999 — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К. В. Болсуновского) // *Stratum Plus*. Кишинев: ВАШ, 1999. № 6: Время денег. С. 288–330.
- Белецкий*, 2017 — *Белецкий С. В.* Размеры и вес актовых печатей // *Ex Ungue Leonem*: Сб. ст. к 90-летию Л. С. Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 334–342.
- Белецкий*, 2019 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатах в публикациях В. В. Нечитайло // *Записки ИИМК РАН*. 2019. № 21. С. 97–124.
- Белецкий*, *Посвятенко*, 1994 — *Белецкий С. В.*, *Посвятенко В. А.* Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. VI Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 1994 г.): Тезисы докладов*. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 3–5.
- Болсуновский*, 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев: Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1894. Т. I, XLVIII. 90 с.
- Болсуновский*, 1899 — *Болсуновский К. В.* Свинцовые пластинки (пломбы) с условными знаками церковных праздников. М.: Лубенский музей Е. Н. Скаржинской, Исторический отдел; Тов-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1899. 12 с.
- Болсуновский*, 1899–1914 — *Болсуновский К. В.* Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. Киев: Тип. И. Ф. Крыжановского, 1899. Вып. 1. 9 с.; 1908. Вып. 2. 6 с.; 1914. Вып. 3. 13 с.
- Большаков*, *Монгайт*, 1971 — *Большаков О. Г.*, *Монгайт А. Л.* (пер., изд.). Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. 136 с.
- Векслер*, *Зайцев*, 2000 — *Векслер А. Г.*, *Зайцев В. В.* Загадочные «великокняжеские» пломбы // *Гербовед*. 2000. № 3 (41). С. 17–21.
- Векслер*, *Петухов*, 2012 — *Векслер А. Г.*, *Петухов С. П.* Памятники сфрагистики XIII–XVII вв. из раскопок в Москве // *Археология Москвы — линия жизни: Сб. статей и материалов в связи с 80-летием А. Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством*. М.: Т-Принт Групп, 2012. С. 68–90.
- Векслер*, *Петухов*, 2015 — *Векслер А. Г.*, *Петухов С. П.* Анализ монет и свинцовых пломб // *Векслер А. Г.* Москва. Раскопки на Великом посаде: улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор: Материалы исследований. М.: ТМ Продакшн, 2015. С. 383–455.
- «Великая хроника»..., 1987 — «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: перевод и комментарии / Л. М. Попова, Н. И. Щавелева (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
- Волков*, 2017 — *Волков И. В.* Монеты и свинцовые пломбы из раскопок 2016 г. на Софийской набережной в Москве // *Археология русского города: Материалы научно-практического семинара 2016 г.* М.: Столичное археологическое бюро, 2017 (Тр. САБ; Т. 1). С. 112–126.
- Восточные источники, 2009 — Восточные источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия* / Ред.-сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. 13. 250 с.
- Гайдуков и др.*, 2020 — *Гайдуков П. Г.*, *Олейников О. М.*, *Богомолов А. В.*, *Короткова Е. В.*, *Перейма Д. В.* Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // *НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ*, 2020. Вып. 33. С. 24–31.
- Гречило*, 2000 — *Гречило А.* Територіальні символи Галицько-Волинської держави другої половини XIII — початку XIV століть // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. 2000. Т. 240. С. 255–263.
- Гулецкий*, 2016 — *Гулецкий Д. В.* Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики*. М.: Патриот, 2016. Вып. 2. С. 10–24.
- Гулецкий*, 2018 — *Гулецкий Д. В.* Древнерусские свинцовые пломбы как нумизматический источник домонгольского периода // *Средневековая нумизматика Восточной Европы*. М.: Внешторгиздат, 2018. Вып. 7. С. 114–133.
- Гулецкий*, *Дорошкевич*, 2018а — *Гулецкий Д. В.*, *Дорошкевич Н. А.* Денежные пломбы полоцких князей XI–XII вв. // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики*. Минск: Рифтур

- принт, 2018. Вып 5: Сфрагистический сборник. С. 125–181.
- Гулецкий, Дорошкевич, 2018б — Гулецкий Д. В., Дорошкевич Н. А. Меха́вые деньги Древней Руси XI–XIII вв. Минск: Рифтур принт, 2018. 280 с.
- Гулецкий, Ярошевский, 2018в — Гулецкий Д. В., Ярошевский Н. А. Древнерусские свинцовые пломбы с властной символикой Рюриковичей: история и проблемы изучения (по данным украинских находок последних лет) // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск: Рифтур принт, 2018. Вып 5: Сфрагистический сборник. С. 80–124.
- Дашкевич, 1998 — Дашкевич Я. Геральдичне зображення лева в період Галицько-Волинської держави (перша половина XIV ст.) // Знак. 1998. № 16. С. 6–8.
- Ершевский, 1978а — Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // СА. 1978. № 2. С. 240–248.
- Ершевский, 1978б — Ершевский Б. Д. Об атрибуции новгородских печатей-пломб XII — начала XIII в. с изображением княжеских знаков // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 38–55.
- Ершевский, 1989 — Ершевский Б. Д. Письменные источники и материалы новгородской сфрагистики о безмонетном периоде // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1989. Вып. 2. С. 69–72.
- Ершевский, 1993 — Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы в исследованиях К. В. Болсуновского // Старожитності південної Русі: матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.». Чернігів: Сіверяньска думка, 1993. С. 143–146.
- Ефименко, 1874 — Ефименко П. С. Юридические знаки (Опыт исследования по сравнительному обычному праву) // ЖМНП. СПб., 1874. Кн. 10. С. 53–83; Кн. 11. С. 145–170; Кн. 12. С. 271–293.
- Жуков, 2016а — Жуков И. А. Меха́вые и кожаные деньги Киевской Руси // III Междунар. нумизматическая конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 г.): Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ, 2016. С. 321–349.
- Жуков, 2016б — Жуков И. А. Об атрибуции вислых печатей Полоцкого княжества XI–XII вв. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М.: Патриот, 2016. Вып. 2. С. 25–45.
- Зайцев, 2004 — Зайцев В. В. Находки «великокняжеских» пломб XIV–XV вв. в Москве // Археология Подмоскoвья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2004. Т. 1. С. 350–352.
- Западноевропейские источники, 2010 — Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Ред. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. 512 с.
- Зарубій, 2012 — Зарубій Е. Персні княжої доби Львівського Історичного музею // Наукові студії. Історико-краєзнавчий музей м. Винники. 2012. Вип. 5. С. 143–176.
- Исаев и др., 2018 — Исаев А. А., Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Великий Новгород, Софийская сторона (ул. Обороны, 2) // Городища, селища, могильники: раскопки 2017 года: Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 25. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–131.
- Ковалевский, 1956 — Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 347 с.
- Козубовський, 2015 — Козубовський Г. А. Про деякі економічні наслідки походів Гедиміна 20-х рр. XIV ст. // Археологія. 2015. № 3. С. 33–43.
- Котляревский, 1865 — Котляревский А. Замечания к статье К. П. Тышкевича «О свинцовых оттисках» // Древности. М., 1865 (Труды ИМАО. Т. I, вып. 2). С. 242–248.
- Лаппо-Данилевский, 1907 — Лаппо-Данилевский А. Печати последних галичско-vladimirских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь Малой Руси: Сб. материалов и исследований. СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. С. 211–308.
- Леонардов, 1890а — Леонардов Н. А. По поводу дрогичинских находок // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 1, серия 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1890. С. 9–10.
- Леонардов, 1890б — Леонардов Н. А. О сходстве изображений на Херсонесских свинцовых монетах с изображениями на дрогичинских свинцовых знаках-пломбах // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 2, серия 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1890. С. 8–11.
- Леонардов, 1890в — Леонардов Н. А. Ответ Н. Авенариусу // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 2, серия 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1890. С. 12.
- Леонардов, 1890г — Леонардов Н. А. Набросок о дрогичинских свинцовых пломбах. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1890. 10 с.

- Леопардов*, 1891а — *Леопардов Н. А.* О печати царева мужа // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 1, серия 2. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. С. 19–24.
- Леопардов*, 1891б — *Леопардов Н. А.* О славянах как основателях г. Дрогичина на р. Буге // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 3–4, серия 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. С. 29–31.
- Леопардов*, 1891в — *Леопардов Н. А.* Приложение к статье «О печати царева мужа» // Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 3–4, серия 1. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. С. 20.
- Лихачев*, 1930 — *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1930 (Тр. Музея палеографии; Т. 2). 279 с.
- Лучицкий*, 1892 — *Лучицкий И. В.* По поводу «Дрогичинских древностей»: Заметки к истории торговых сношений Ганзы с Северо-Западной и Южной Русью // Чтения в Историческом обществе прп. Нестора летописца. Киев, 1892. Т. 6. С. 73–104.
- Матузова, Назарова*, 2002 — *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* (ред.). Крестonosцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 488 с.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань / М.: Изд-во АН СССР, 1955 (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; Т. 4. МИА; № 49). 228 с.
- Монгайт*, 1959 — *Монгайт А. Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 169–181.
- Монгайт*, 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
- Мусин*, 2016 — *Мусин А.* Перстни с изображением птицы в Галицко-Волынской земле XIV в.: к вопросу о происхождении и интерпретации // Памятки Тустані в контексті освоєння Карпат у доісторичну добу та в середньовіччі; проблеми їх збереження та використання: Матеріали III Міжнародної наукової конференції. Львів: Державний історико-культурний заповідник «Тустань», 2016. С. 70–74.
- Мусин*, 2020 — *Мусин А. Е.* Двухзубец Рюриковичей: начало и конец легенды // *Stratum Plus*. Кишинев: ВАШ, 2020. № 6: Тайнства перемещений. С. 263–275.
- Олейников*, 2018 — *Олейников О. М.* К вопросу о назначении свинцовых пломб дрогичинского типа // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИРРЦ, 2018. Вып. 11. С. 6–11.
- Пастернак*, 1944 — *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні дослідження у 1850–1943 рр. Краків; Львів: Українське вид-во, 1944. 238 с., XVI табл.
- Перхавко*, 1996 — *Перхавко В. Б.* Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М.: Археографический центр, 1996. С. 211–247.
- Перхавко*, 2006 — *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia, 2006. 607 с.
- Протокол, 1893 — Протокол заседания II отделения (истории, географии и этнографии) в 10 часов утра // Известия IX археологического съезда в Вильно. 1893. № 8 (7 августа). С. 1–2.
- ПСРЛ, 1908 — ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб., 108 с.
- Рыбаков*, 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. Вып. VI. С. 227–257.
- Рыбаков*, 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
- Рыбина*, 1981 — *Рыбина Е. А.* Западноевропейская система знаков собственности // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 282–297.
- Смородский*, 1893 — *Смородский А. П.* Девятый археологический съезд в Вильне. Минск: Губернская тип., 1893. 85 с.
- Соловьев*, 1885 — *Соловьев Е. Т.* О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего мира (Знаки собственности в России). Историко-археологический очерк. Казань: Тип. Губернского правления, 1885. 273 с.
- Сорокин*, 2017 — *Сорокин И. Ю.* К атрибуции личных княжеских знаков Рюриковичей второй половины XI века // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск: Рифтур принт, 2017. Вып. 3. С. 73–80.
- Сторожев*, 1894 — *Сторожев В. Н.* IX Археологический съезд в Вильно // Историческое обозрение. СПб.: б. и., 1894. Т. 7. С. 1–24.
- Тр. IX АС..., 1897 — Тр. IX Археологического съезда в Вильно. Т. 1–2 / Ред. П. С. Уварова, С. С. Слуцкий. М.: Тип. Лиснера и Ремана, 1897. Т. 2. 126 с.
- Трутовский*, 1926 — *Трутовский В. К.* Рязанские пломбы // Отчет этнографо-археологического музея

- І Московского государственного университета. М.: Изд-во І МГУ, 1926. С. 7–11.
- Тышкевич*, 1865 — *Тышкевич К. П.* Свинцовые отги-ски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности. М., 1865 (Тр. ИМАО Т. I, вып. 2). С. 115–122.
- Френ*, 1832 — *Френ Х. Д.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Университету. СПб.: Тип. Имп. АН, 1832. XVI, 80 с.
- Шабульдо*, 2007 — *Шабульдо Ф. М.* Кондоминант-ный статус украинских земель в XIV в.: От первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамаю // *Balkanica Poznaniensia. Acta et studia. Ludy koczownicze Eurazji.* Poznań: UAM, 2007. S. 157–182.
- Янин*, 1956 — *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. I. С. 138–163.
- Янин*, 1969 — *Янин В. Л.* Деньги и денежные системы // *Очерки русской культуры XIII–XV вв.* М.: Изд-во МГУ, 1969. Ч. I. С. 317–347.
- Янин*, 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. I: Печати X — начала XIII в. 328 с.
- Abramowicz*, 1974 — *Abramowicz A.* Dalecy i bliscy. Szkice z dziejów archeologii // *Acta Archaeologica Lodziensia.* 1974. № 23. S. 7–128.
- Adamczyk*, 2004 — *Adamczyk J.* Płacidła w Europie Środkowej i Wschodniej w średniowieczu. Formy, funkcjonowanie, ewolucja. Warszawa: Neriton, 2004. 387 s.
- Affelski, Bogucki*, 2019 — *Affelski J., Bogucki M.* An early medieval small lead seal from the settlement in Ponia-ty Wielkie, Pułtusk district Wczesnośredniowieczna plomba ołowiana z osady w miejscowości Ponia-ty Wielkie, pow. pułtuski // *The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermnno in their East European context = Sfinks słowiańskiej sfragistyki: plomby „typu drohiczyńskiego” z Czermnna w kontekście wschodnioeuropejskim* / Eds. A. Musin, M. Wołoszyn. Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa; Kraków: GWZO, IAE PAN, IA UR, ИИМК РАН, 2019 (U Źródła Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 6: 1). P. 1041–1049.
- Beyer*, 1876 — *Beyer K.* Wykopalisko Wieleńskie (Fileh-не). Warszawa: Druk. J. Ungera, 1876. 61 s.
- Błoński*, 2018 — *Błoński M.* Nasielsk we wczesnym średniowieczu. Warszawa: IAE PAN, 2018. 349 s.
- Błoński, Bogucki*, 2019 — *Błoński M., Bogucki M.* Early medieval small lead seals reminiscent of “Drohiczyn type” from archaeological excavations at Nasielsk: a short presentation / *Wczesnośredniowieczne plomby w „typie drohiczyńskim” z Nasielska: krótka prezentacja znalezisk* // *The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermnno in their East European context...* 2019. P. 1027–1039.
- Bołsunowski*, 1891 — *Bołsunowski K.* Znaki pieczętne na ołowiu (plomby) znajdujący w Bugu przy mieście Drohiczyne. Studium sfragistyczne // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków*, 1891. R. 3. T. 1: 1 (7). S. 146–151; T. 1: 2 (8). S. 181–185.
- Bołsunowski*, 1895 — *Bołsunowski K.* Znaki pieczętne na ołowiu (plomby) znajdujący w Bugu pod Drohiczy-nem. Studium sfragistyczne // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków*, 1895. R. 7. T. 2: 4 (26). S. 371–383.
- Bołsunowski*, 1896 — *Bołsunowski K.* Znaki pieczętne na ołowiu (plomby) znajdujące w Bugu pod Drohiczy-nem. Studium sfragistyczne // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków*, 1896. R. 8. T. 3: 1 (27). S. 15–18.
- Bołsunowski*, 1897 — *Bołsunowski K.* Znaki pieczętne na ołowiu (plomby) znalezione w Lubowie, przy Sta-rej Riazani i na wyspie Kamenowaty // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków*, 1897. R. 9. T. 3: 1–2 (31–32). S. 229–233.
- Bołsunowski*, 1900 — *Bołsunowski K.* Wiadomości o domniemanym kalendarzu litewskim „Berło Gedy-mina” zwanym // *Pamiętnik III Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie urządzonego przez Towarzystwo Historyczne Lwowskie w dniach 4, 5 i 6 czerwca 1900.* Kraków: Nakładem Uczestników zjazdu, 1900. Cz. 1: Referaty. Sekcja III. S. 1–10.
- Bołsunowski*, 1902 — *Bołsunowski K.* Znaki symboliczne na ołowiu (plomby). Ich znaczenie i klasyfikacja // *Światowit.* Warszawa, 1902. № 4. S. 54–72.
- Bołsunowski*, 1903 — *Bołsunowski K.* Znaki symboliczne na ołowiu (plomby). Ich znaczenie i klasyfikacja. War-szawa: Rubieszewski i Wrotnowski, 1903. 37 s., XXI tab.
- Bołsunowski*, 1904 — *Bołsunowski K.* Znaki symboliczne na ołowiu (plomby). Ich znaczenie i klasyfikacja (Dokończenie) // *Światowit.* Warszawa, 1904. № 5. S. 94–109.
- Brensztein*, 1893 — *Brensztein M. E.* List w sprawie Zjazdu Archeologicznego w Wilnie // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków*, 1893. R. 5. T. 2, nr. 4 (18). S. 126–128.

- Dannenberg*, 1885 — *Dannenberg H.* Zwei unweit Leba gemachte Münzfunde. I. Der Brakteatenfund von Sarbske // *Zeitschrift für Numismatik*. 1885. T. 12. S. 280–306.
- Dawson, Sumner*, 2015 — *Dawson T., Sumner G.* By the Emperor's Hand: Military Dress and Court Regalia in the Later Romano-Byzantine Empire. Barnsley: Frontline Books, 2015. 476 p.
- Dubler*, 1953 — *Dubler C. E.* Abū Hāmid el Granadino y su relación de viaje por tierras Eurasiáticas. Texto arabe, traducción e interpretación. Madrid: Impr. y Editorial Maestre, 1953. 425 p.
- Dulinicz*, 2001 — *Dulinicz M.* Załączki miast na wczesnośredniowiecznym Mazowszu (X–XII w.) // *Rocznik Mazowiecki*. 2001. T. 13. S. 11–23.
- Dzięnkowski et al.*, 2020 — *Dzięnkowski T., Wołoszyn M., Florkiewicz I., Dobrowolski R., Rodzik J., Hajdas I., Krąpiec M.* Digging the history. Absolute chronology of the settlement complex at Czermno-Cherven' (eastern Poland). Research status and perspectives // *Sprawozdania Archeologiczne*. 2020. Vol. 72: 2. P. 409–466.
- Florek, Stempin*, 2015 — *Florek M., Stempin A.* Badania archeologiczne na Wzgórzu Staromiejskim w Sandomierzu w roku 2015 // *Zeszyty Sandomierskie*. 2015. T. 40. S. 55–59.
- Florkiewicz et al.*, 2020 — *Florkiewicz I., Jusupović A., Musin A.* Early medieval small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno: a catalogue = Plomby „typu drohiczyńskiego” z Czermna: Katalog znalezisk // *Florkiewicz I., Jusupović A., Musin A. et al.* The Sphinx of Slavic sigillography — small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno. Material evidence = Sfinks słowiańskiej sfragistyki — plomby „typu drohiczyńskiego” z Czermna. Podstawy źródłowe. Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa; Kraków: GWZO, IAE PAN, IA UR, ИИМК РАН, 2020 (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 6: 2). P. 53–354.
- Forgeais*, 1862–1866 — *Forgeais A.* Collection de plombs historiés trouvés dans la Seine. Paris: Chez l'auteur et chez Aubry, 1862–1866. Vol. 1–5.
- Garbaczewski*, 2007 — *Garbaczewski W.* Ikonografia monet piastowskich 1173 — ok. 1280. Warszawa; Lublin: Polskie Towarzystwo Numizmatyczne, 2007. 378 s.
- Gawlas*, 2015 — *Gawlas S.* Ustrojowe i społeczne uwarunkowania lokacji miejskich na ziemiach polskich w I. połowie XIII wieku // *Archaeologia Historica Polona*. 2015. T. 23. S. 7–56.
- Gaydukov*, 2019 — *Gaydukov P.* The topography of finds of early medieval small lead seals from East-Central and Eastern Europe: catalogue = Rozprzestrzenienie znalezisk wczesnośredniowiecznych plomb ołowianych w Europie Środkowo-Wschodniej i Wschodniej: Katalog // *The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context...* 2019. P. 187–440.
- Gorlińska*, 2015 — *Gorlińska D.* Żydzi w administracji skarbowej polskich władców casu rozbicia dzielnicowego. Kraków: Societas Vistulana, 2015. 372 s.
- Grodecki*, 1921 — *Grodecki R.* Polityka mennicza ksiąząt polskich w okresie piastowskim // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. 1921. Nr 1–6. S. 45–72.
- Gumowski*, 1917 — *Gumowski M.* Wykopalisko monet z XIII w. w Brzegach nad Nidą. Kraków: Akademia Umiejętności, Druk. Uniw. Jagiellońskiego, 1917. 65 s.
- Gumowski*, 1936 — *Gumowski M.* Moneta na Śląsku do końca XIV wieku // *Historja Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400*. Kraków: PAU, 1936. T. 3. S. 533–717.
- Gumowski*, 1937 — *Gumowski M.* Wykopalisko brakteatów w Radzanowie // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. 1937. T. XIX. S. 1–24.
- Gumowski*, 1975 — *Gumowski M.* Hebräische Münzen im Mittelalterlichen Polen. Graz: Akademische druck und Verlagsanstalt, 1975. 136 S.
- Haczewska, Paszkiewicz*, 2004 — *Haczewska B., Paszkiewicz B.* Skarb z XII–XIII wieku z Krakowa — drugie zbliżenie (nieznane brakteaty polskie) // *Notae Numismaticae*. 2004. T. 5. S. 83–116.
- Halecki*, 1910 — *Halecki O.* Herby na brakteatach wielkopolskich // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. 1910. Nr 4–10. S. 52–54, 72–73, 85–86, 107–108, 123–124, 139–140, 158–160.
- Höhlbaum*, 1882 — *Höhlbaum K.* (Hrsg.). *Hansisches Urkundenbuch*. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses), 1882. Bd. III. 608 S.
- Homeyer*, 1890 — *Homeyer C. G.* Die Haus- und Hofmarken. Berlin: R. v. Decker, 1890. 423 S.
- Hrbek*, 1954 — *Hrbek J.* Nový arabský pramen o východni a středni Evropě // *Československa Ethnografie*. 1954. T 2: 2. S. 157–175.
- Hrbek*, 1955 — *Hrbek J.* Arabico-Slavica. I. Abu Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib // *Archive Orientalni*. 1955. T. 23. S. 109–135.
- Jakubowska*, 2018 — *Jakubowska I.* Wczesnośredniowieczne plomby z Pułtuska. Prezentacja i interpretacja zespołu plomb nowego typu // *Media aetas — historia viva / średniowiecze — historia żywa: VI Kongres Mediewistów Polskich Wrocław, 20–22 września 2018: Abstrakty*. Wrocław: Fundacja dla Uniwersytetu Wrocławskiego, 2018. S. 91–92.

- Jakubowska*, 2019 — *Jakubowska I.* Early mediaeval small lead seals from Pułtusk: a brief overview = Wczesnośredniowieczne ołowiane plomby z Pułtuska: krótka prezentacja // The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context... 2019. P. 1059–1076.
- Jędrysek-Migdalska*, 1976 — *Jędrysek-Migdalska E.* Skarb brakteatów z Radzanowa nad Wkrą // Rocznik Muzeum Mazowieckiego w Płocku. 1976. Z. 8. S. 7–66.
- Jusupović*, 2006 — *Jusupović A.* Domus quondam dobrinensis. Przyczynek do dziejów templariuszy na ziemiach Konrada Mazowieckiego // Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 2006. T. 71, z. 1. S. 7–18.
- Kiersnowski*, 1960 — *Kiersnowski R.* Pieniądz kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej. Warszawa: PWN, 1960. 535 s.
- Kochanowski*, 1919 — *Kochanowski J. K.* (wyd.). Codex diplomaticus et commemorationum Masoviae = Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich. Warszawa: TNW, W. Łazariski, 1919. T. 1. 602 s.
- Kolendo*, 1994 — *Kolendo J.* Suite sur le lingot de plomb portant des inscriptions mis au jour à Novae // Archeologia. 1994. T. 55. S. 91–93.
- Kopicki*, 1995a — *Kopicki E.* Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z Polską związanych. Warszawa: PTN, 1995. Cz. 1.; Teksty (poz. 1–7058). 315 s.
- Kopicki*, 1995b — *Kopicki E.* Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z Polską związanych. Warszawa: PTN, 1995. Cz. 1. Tablice (poz. 1–7058). 397 s.
- Kopicki*, 1997 — *Kopicki W.* Polskie brakteaty guziczkowe, 2. poł. XIII w. — 1. poł. XIV w. Próba interpretacji. Warszawa: PTN, 1997. 138 s.
- Krzysztofik*, 2004 — *Krzysztofik R.* Miasta-wrota. Zarys teorii i przegląd badań // Czasopismo Geograficzne. 2004. T. 75. S. 213–231.
- Laurent*, 1965 — *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Paris: Éditions du CNRS, 1965. Vol. V: L'Eglise. 538 p.
- Lewicki*, 1951–1952 — *Lewicki T.* Ze studiów nad zrodłami arabskimi. I. Opis Sławianszyny w dziele podróżnika arabskiego Abu Hamida al-Andalusiego // Slavia Antiqua. 1951–1952. T. 3. S. 136–178.
- Lewicki*, 1956 — *Lewicki T.* Znaczenie handlowe Drohiczyzna nad Bugiem we wczesnym średniowieczu i zagadkowe plomby ołowiane znalezione w tej miejscowości. Notatka tymczasowa // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1956. T. 4: 2. S. 598–599.
- Litauszki*, 2012 — *Litauszki Z.* Árpád- és késő középkori pecsétgyűrűk a dél-alföldi régióban (Kutatások Bács Kiskun, Békés és Csongrád megyében). (MA Thesis. University of Szeged. Faculty of Humanities and Social Sciences). Szeged: s. n., 2012. 191 p.
- Liwoch*, 2013 — *Liwoch R.* Plomby z Drohiczyzna w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Krakowie // Археологія і давня історія України. 2013. Вип. 11. S. 105–113.
- Malarczyk*, 2019 — *Malarczyk D.* “...a seal with an image of the King” — Abū-Hāmid al-Ġharnātī's report on the use of black lead in Eastern Europe “...pieczęć z wizerunkiem króla” — przekaz Abū-Hāmid al-Ġharnātiego na temat użycia czarnego ołowiu w Europie Wschodniej // The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context... 2019. P. 103–112.
- Michelsen*, 1853 — *Michelsen A. L. J.* Die Hausmarke. Eine germanistische Abhandlung. Jena: F. Frommann, 1853. 80 S.
- Mierosławski, Pela*, 1989 — *Mierosławski M., Pela W.* (red.). Pułtusk w świetle odkryć archeologicznych: Katalog wystawy. Pułtusk: Muzeum Regionalne, 1989. 8 s.
- Milejski i in.*, 2017a — *Milejski P., Sroka Ł., Wawrzczak R.* Nowe spojrzenie na skarb brakteatów z Radzanowa (pow. płocki) // Folia Numismatica. 2017. T. 31/2: Supplementum ad Acta Musei Moraviae Scientiae sociales. CII: Studie. S. 227–247.
- Milejski i in.*, 2017b — *Milejski P., Sroka Ł., Wawrzczak R.* Produkcja i kompozycja stempli menniczych na przykładzie wybranych brakteatów guziczkowych // Archaeologia Historica Polona. 2017. T. 25. S. 251–267.
- Musianowicz*, 1955 — *Musianowicz K.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w roku 1954 w Drohiczyźnie, powiat Siemiatycki // Wiadomości Archeologiczne. 1955. T. 22, z. 3–4. S. 332–346.
- Musianowicz*, 1957 — *Musianowicz K.* Wczesnośredniowieczny ośrodek handlowy w Drohiczyźnie pow. Siemiatycki // Wiadomości Archeologiczne. 1957. T. 24, z. 4. S. 291–298.
- Musin*, 2020 — *Musin A.* “Czernokuństwo” — nowogrodzko-litewskie kondominium w południowej części Ziemi Nowogrodzkiej w XV w. // Unie między państwowe-parlamentaryzm-samorządność. Studia z dziejów ustroju Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2020. S. 111–131.
- Musin, Toropov*, 2020 — *Musin A., Toropov S.* A cloth seal of Tournai found at Czermno (Poland) in the European context = Plomba towarowa z Tournai znaleziona w Czermnie (Polska) i jej kontekst europejski // Florikiewicz I., Jusupović A., Musin A. et al. The Sphinx of Slavic sigillography — small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno. Material evidence = Sfinks słowiańskiej sfragistyki — plomby „typu drohiczyńskiego” z Czermna. Podstawy źródłowe. Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa; Kraków: GWZO, IAE

- PAN, IA UR, ИИМК РАН, 2020 (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. Vol. 6: 2). P. 355–424.
- Orlov, 2019 — Orlov K. Karol Bołsunowski's collection of small lead seals from Drohiczyn in the State Hermitage Museum: storage and conservation, research and publication issues = Ołowiane plomby z Drohiczyzna z kolekcji Karola Bołsunowskiego w zbiorach Państwowego Muzeum Ermitażu: uwagi na temat ich przechowywania, konserwacji, opracowania oraz publikacji // The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of "Drohiczyn type" from Czermno in their East European context... 2019. P. 113–139.
- Pastuszka, 2011 — Pastuszka W. Grudusk — niezwykła podróż do średniowiecznego grodu. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archeowiesci.pl/2011/03/27/grudusk-niezwykla-podroz-do-sredniowiecznego-grodu> (дата обращения: 01.01.2021).
- Paszkiwicz, 1986 — Paszkiwicz B. Mennictwo Władysława Łokietka // Wiadomości Numizmatyczne. 1986. T. XXX, z. 1–2. S. 3–111.
- Paszkiwicz, 1994 — Paszkiwicz B. Brakteaty polskie w 1. tercji XIV w. // Wiadomości Numizmatyczne. 1994. T. 38. S. 1–55.
- Paszkiwicz, 1998 — Paszkiwicz B. Mennictwo śląskie wobec „rewolucji handlowej” XIII wieku // Kultura średniowiecznego Śląska i Czech: „Rewolucja” XIII wieku. Wrocław: UW, CBŚiB, 1998. S. 35–49.
- Paszkiwicz, 1999 — Paszkiwicz B. The Sicilian Design on the Opole Coin and the Genesis of the White Eagle // Notae Numismatae. 1999. Vol. 3/4. P. 341–351.
- Paszkiwicz, 2000 — Paszkiwicz B. Pieniądz górnośląski w Średniowieczu. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2000. 385 s.
- Paszkiwicz, 2004 — Paszkiwicz B. Początki polskiej monety dzielnicowej: kilka spostrzeżeń // Wiadomości Numizmatyczne. 2004. T. 48. S. 1–18.
- Paszkiwicz, 2009a — Paszkiwicz B. Brakteaty — pieniądz średniowiecznych Prus. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009. 528 s.
- Paszkiwicz, 2009b — Paszkiwicz B. Skarb brakteatów polskich i morawskich z Lubomi na Górnym Śląsku (początek XIV stulecia) // Numismatický sborník. T. 23. 2008. Praha: Centrum mediévistických studií Univerzity Karlovy, 2009. S. 123–161.
- Paszkiwicz, 2019 — Paszkiwicz B. Uwagi o mennictwie wielkopolskim w okresie kwartnikowym // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2019. Спецвипуск. S. 162–174.
- Pawlata, 2010 — Pawlata L. Plomby typu drohiczyńskiego w zbiorach muzealnych woj. podlaskiego // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. 2010. T. 6. S. 151–184.
- Pawlata, 2016 — Pawlata L. Plomby typu drohiczyńskiego — problematyka badań // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. 2016. T. 12. S. 83–140.
- Pela, 2000 — Pela W. Stare Miasto w Pułtusku w świetle źródeł archeologiczno-architektonicznych // Pułtusk. Studia i materiały z dziejów miasta i regionu. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna, 2000. T. IV. S. 11–34.
- Piekosinski, 1899 — Piekosinski F. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków: PAU, 1899. 486 s.
- Piotrowski, 2017 — Piotrowski M. Karol Bołsunowski i jego kolekcja plomb typu drohiczyńskiego. Ilustracja do rozważań o sprawczości rzeczy // Radość gromadzenia. Sztuka porządkowania. Dawne kolekcje, wykazy, katalogi w perspektywie badawczej. Lublin: Werset, 2017. S. 27–115.
- Reyman, 1972 — Reyman J. Skarb brakteatów guzickowych z Przyłęku, pow. Jędrzejów // Wiadomości Numizmatyczne. 1972. Z. 4 (62). S. 201–233.
- Roach-Smith, 1868 — Roach-Smith C. R. On Roman Lead Seals found at Brough upon Stanmore // Collectanea Antiqua, 1868. Vol. 6. P. 117–120.
- Sénac, Ibrahim, 2017 — Sénac P., Ibrahim T. Los precintos de la conquista omeya y la formación de al-Andalus (711–756). Granada: Universidad de Granada, 2017. 156 p.
- Sharp, 1865 — Sharp D. Archaeological Institute, the November 3 // The Athenaeum. 1865. № 1986 (18 November). P. 694–695.
- Siemianowska, 2010 — Siemianowska E. Odciski, płytki, ołowianki, plomby czyli Bołsunowskiego i innych rozterki nad sfinksem sfragistyki // Życie codzienne przez pryzmat rzeczy. Kultura materialna Średniowiecza w Polsce. Toruń: Wydawnictwo UMK, 2010. S. 8–33.
- Stieda, 1894 — Stieda L. Über die Plomben von Droigitschin // Festschrift zur Feier des fünfzigjährigen Bestehens der Altertumsgesellschaft. Königsberg: Ostpreussische Zeitungs- und Verlags-Druckerei, 1894. S. 17–31.
- Suchodolski, 2019 — Suchodolski S. Na czym polegał system "renovatio monetae"? // Biuletyn Numizmatyczny. 2019. Nr 4 (396). S. 273–285.
- Tarabardina, 2019 — Tarabardina O. The dendrochronology and chronological distribution of small lead seals from medieval Novgorod based on the materials of excavations of 2000–2017 = Dendrochronologia a rozkład chronologiczny ołowianych plomb z terenu średniowiecznego Nowogrodu w świetle wyników badań wykopaliskowych z lat 2000–2017 // The Sphinx

- of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context... 2019. P. 681–702.
- Trzeciński, 2019* — *Trzeciński M.* Early medieval small lead seals reminiscent of “Drohiczyn type” at Płock: a short presentation = *Wczesnośredniowieczne plombi w „typie drohiczyńskim” z Płocka: krótka prezentacja znalezisk* // *The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context...* 2019. P. 1051–1057.
- Trzeciński i in., 2020* — *Trzeciński M., Auch M., Stańczuk K.* Grodzisko Piotrówka w Radomiu w świetle badań archeologicznych 2010–2013 r. Warszawa: IAE PAN, 2020. Cz. 1: Stratygrafia i chronologia. 478 s.
- Tyszkiewicz, 1868* — *Tyszkiewicz K.* O kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Studium archeologiczne. Berlin: B. Bechr, 1868. 287 s.
- Volkhonsky, Singh, 2019* — *Volkhonsky V., Singh V.* Small lead seals of the 12th century from medieval Novgorod, Lyudin End, Troitsky excavation, Homestead “Ж” = Ołowiane plombi z XII w. odkryte w obrębie sadyby “Ж” (wykop Troickij) w Końcu Ludynskim średniowiecznego Nowogrodu // *The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context...* 2019. P. 741–826.
- Weymann, 1938* — *Weymann S.* Cła i drogi handlowe w Polsce piastowskiej. Prace Komisji Historycznej. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauki. T. 13: 1. Poznań: PTPN, 1938. 144 s.
- Wołoszyn, 2003* — *Wołoszyn M.* Archeologiczne zabytki ruchome pochodzenia bizantyńskiego i ruskiego z okresu od połowy X. do połowy XIII. w. z obszaru Polski południowej: Maszynopis pracy doktorskiej. Uniwersytet Jagielloński. Kraków: s. n., 2003. T. I–VII.

Small lead seals from Drohiczyn and small lead seals of “Drohiczyn type”: new light on the research on medieval “seal tags” in East-Central Europe

A. E. Musin

The article, at the background of the historiography, argues the commercial and fiscal nature of small lead seals of the late 11th–14th centuries that was already established at the end of the 19th century. The hypothesis on their “numismatic nature” and their exclusive connection with commodity skin- and fur- money, which was developed as a result of the uncritical use of information of the Arab author Abu Hamid al-Garnati, is criticized. For the first time small lead seals associated with the administration of the Piast dynasty are attested in archaeological materials. Their symbols correlate with symbols and types of Polish Hohlpfennigs of the mid-13th — beginning of the 14th century. The Polish tradition of these symbols were noticed already at the end of the 19th century, however, the general conviction of the Early Rus’ origin of all small lead seals in the East-Central Europe did not allow until now to return to old hypotheses. Polish small lead seals were typical for settlements of the basin of Western Bug River, first of all, Drohiczyn and Czermno, and also recorded in the Mazovian Land. They are not detected in other parts of the Eastern Europe. The emergence of Piast’s small lead seals could be associated with the politics of Prince Konrad Mazowiecki (1200–1247). The concentration of Early Rus’ and Polish seals at border regions may confirm the dual jurisdiction of these territories that has several confirmations in written sources. The extraordinary collection of small lead seals found at Drohiczyn should be explained by its temporary role as a point of active transit trade in the second half of the 13th century when transcontinental routes in the Galician and Cherven’ Lands were menaced by military activities. The smaller number of small lead seals found at the Rurikovo Gorodishche in comparison with lead seals is explained by the separation of political and trade-fiscal functions in the princely administration. The emergence and development of the practice of small lead seals in Europe is regarded as cultural transfer of the Byzantine tradition via Early Rus’ and Poland to the Western Europe in the 11th–13th centuries.

Залахтовский археологический комплекс: грунтовые могильники XIII–XVII вв. (результаты исследований)

А. В. Михайлов¹

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования грунтовой части Залахтовского могильника (восточный берег Чудского озера). В течение трех полевых сезонов (2004, 2006, 2008 гг.) на четырех раскопах общей площадью 682 кв. м было исследовано 227 погребений, относящихся к трем грунтовым могильникам. Наиболее ранний грунтовый могильник относится ко времени XII–XIII вв., еще один могильник датируется XIV–XV вв., самый обширный (и самый поздний) связан с периодом XIV–XVII вв.

Annotation. This study is devoted to the results of investigations of the unmounted part of the Zalakhtoyve burial ground (eastern bank of Lake Chudskoye). During three field seasons (2004, 2006, and 2008), in four excavations areas covering in total 682 sq. m, 227 burials belonging to three flat-grave cemeteries have been dug. The earliest flat-grave burial ground is dated to the 12th–13th century, another one is dated to the 14th–15th century, and the most expansive (and the latest) cemetery is attributed to the period of the 14th–17th century.

Ключевые слова: Чудское озеро, Залахтовье, грунтовый могильник, ингумация, погребальный обряд, XIII–XVII вв.

Keywords: Lake Chudskoye, Zalakhtoyve, flat-grave burial ground, inhumation, burial rite, 13th–17th centuries.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-319-331

В районе дер. Залахтовье Гдовского района Псковской области, расположенной на берегу залива Лахта Чудского озера, находится один из крупнейших на территории Восточного Причудья археологических комплексов, который включает стоянку эпохи неолита–палеометалла, селище второй половины I тыс. н. э. — XII в., пять курганных групп и одиночный курган, а также три средневековых грунтовых могильника. Центральное место комплекса занимает курганный группа 1 (самый крупный курганный могильник Причудья), в составе которой насчитывается свыше 250 насыпей.

В течение 10 полевых сезонов (с 1973 по 1984 г.) исследования курганной группы 1 проводились Гдовским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Н. В. Хвоцинской. Поводом для проведения археологических работ стало

масштабное разграбление памятника в 1972 г. Как отмечает Н. В. Хвоцинская, «...более половины курганов XI–XII вв. в северной части могильника оказались варварски разграблены или полностью уничтожены» (Хвоцинская, 2004. С. 16). В различных частях некрополя экспедицией были раскопаны отдельные насыпи, а в центральной части памятник исследовался сплошной площадью (1164 кв. м). Работы Наталии Вадимовны позволили обнаружить в Залахтовье новые типы погребальных сооружений, которые не фиксировались предшествующими исследователями (включая дерево-земляные конструкции и грунтовые кремации X–XI вв.), а также выявить интересные детали погребальной обрядности. В ходе работы экспедиции Н. В. Хвоцинской были открыты синхронное могильнику поселение, несколько курганных групп и грунтовый могильник XII–XIII вв. В 1986 г. изучение насыпей культуры длинных курганов Залахтовского могильника было продолжено сотрудником Гдовского отряда С. Г. Поповым.

¹ Лаборатория социогуманитарной регионики, ПсковГУ; ул. Леона Поземского, д. 6, г. Псков, 180000, Россия; e-mail: navigarch@gmail.com.

Следующий этап изучения Залахтовского археологического комплекса начался снова с сообщения о разрушении памятника. В мае 2004 г. в отдел археологии Псковского музея-заповедника поступило сообщение о том, что в дер. Залахтовье при строительстве частного дома на северной оконечности курганной группы были разрушены погребения неизвестного ранее грунтового могильника (рис. 1).

Изучение грунтовой части Залахтовского могильника проводилось в течение трех полевых сезонов. В результате работ экспедиции Псковского музея-заповедника (2004, 2006 гг.), Псковского государственного педагогического университета (2008 г.) были открыты три средневековых грунтовых могильника. Общая исследованная площадь превысила 680 кв. м, на ней было изучено 227 погребений (рис. 2).

Грунтовый могильник расположен в 0,3 км к юго-западу от дер. Залахтовье, между берегом залива Лахта Чудского озера и шоссе Псков — Гдов (90-й км), на западном склоне северной оконечности песчаной дюнной гряды, проходящей на протяжении 2 км вдоль восточного берега залива и возвышающейся на 3–4 м над уровнем воды. С севера песчаная гряда ограничена ручьем, впадающим в залив.

Единый массив раскопов 2004, 2006, 2008 гг., работы на котором проводились в спасательных целях, находился на границе соснового леса и заброшенного поля, в 25 м к северо-востоку от крайних насыпей курганной группы 1 у дер. Залахтовье. Для исследования была выбрана площадка, включающая часть котлована, вырытого для постройки жилого дома. Первоначальная площадь раскопа 2004 г. составила 96 кв. м, а вместе с прирезками для уточнения границ могильника — 136 кв. м. Раскоп 2006 г. непосредственно примыкал с севера к участку работ 2004 г. Его первоначальная площадь, выведенная до уровня материка и пятен могильных ям, составляла 140 кв. м. Исследование погребений проводилось на площади 100 кв. м. В 2008 г. работы велись на площади 246 кв. м. Таким образом, за три полевых сезона на площади в 442 кв. м было полностью изучено сельское кладбище XIV–XVII вв. (рис. 3).

На раскопе слой представлен материковым гумусированным песком мощностью от 0,4–0,5 до 0,8–0,9 м. Могильные ямы в нем прослеживались слабо, если только они не были впущены более глубоко в материк. Всего исследовано 188 погребений, сохранившихся полностью либо частично

(в силу естественных или антропогенных причин). В ходе строительных работ было потревожено 22 захоронения. Наибольшему разрушению подверглась юго-западная часть могильника.

Все сохранившиеся скелеты лежат в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на юго-запад, с небольшими отклонениями. Исключение составило лишь погребение 41, имеющее северо-западную ориентировку. Встречено различное положение рук покойников.

1. Предплечья рук сложены в области таза и пересекаются (погребения 14, 15, 17, 19, 40, 44, 59, 63, 72, 73, 82, 96, 97/89, 99, 100, 103, 106, 111, 112) — 16,8 %.

2. Предплечья рук сложены в области живота параллельно друг другу (погребения 20, 21, 24, 47, 56, 105, 107, 108, 113, 116) — 8,8 %.

3. Предплечья рук сложены в области груди и пересекаются (погребения 36, 37, 41, 94) — 3,5 %.

4. Предплечья рук сложены в области таза и не пересекаются (погребения 48, 61, 77, 95) — 3,5 %.

5. Правая рука в области таза, левая согнута в локте под углом 90° (погребения 68, 70, 98) — 2,7 %.

6. Левая рука спущена в область таза, правая вытянута (погребения 25, 38) — 1,7 %.

7. Одна рука спущена в область таза, другая в области груди. Оба предплечья параллельны (погребения 3, 9) — 1,7 %.

8. Левая рука в области таза, правая согнута в локте под углом 90° (погребения 87, 104) — 1,7 %.

9. Левая рука вытянута, правая спущена в область таза (погребение 2) — 0,9 %.

10. Левая рука в области груди, правая согнута в локте под углом 90° (погребение 12) — 0,9 %.

11. Левая рука согнута в локте под углом 90°, правая в области груди (погребение 60) — 0,9 %.

12. Левая рука вытянута, правая спущена в область таза (погребение 69) — 0,9 %.

13. Встречено также нетрадиционное положение рук, когда левое предплечье спущено в область таза, а правое находится под тазовой костью (погребение 31) — 0,9 %.

Более чем в половине погребений (55,7 %) положение рук неопределимо.

В двух случаях в южной части могильника (погребение 174 и пустая могильная яма в кв. 108) над пятнами могильных ям прослежены фрагменты каменной обкладки. Каждый из них состоит из 4–5 достаточно плотно уложенных в слегка изогнутую линию валунов, ориентированных

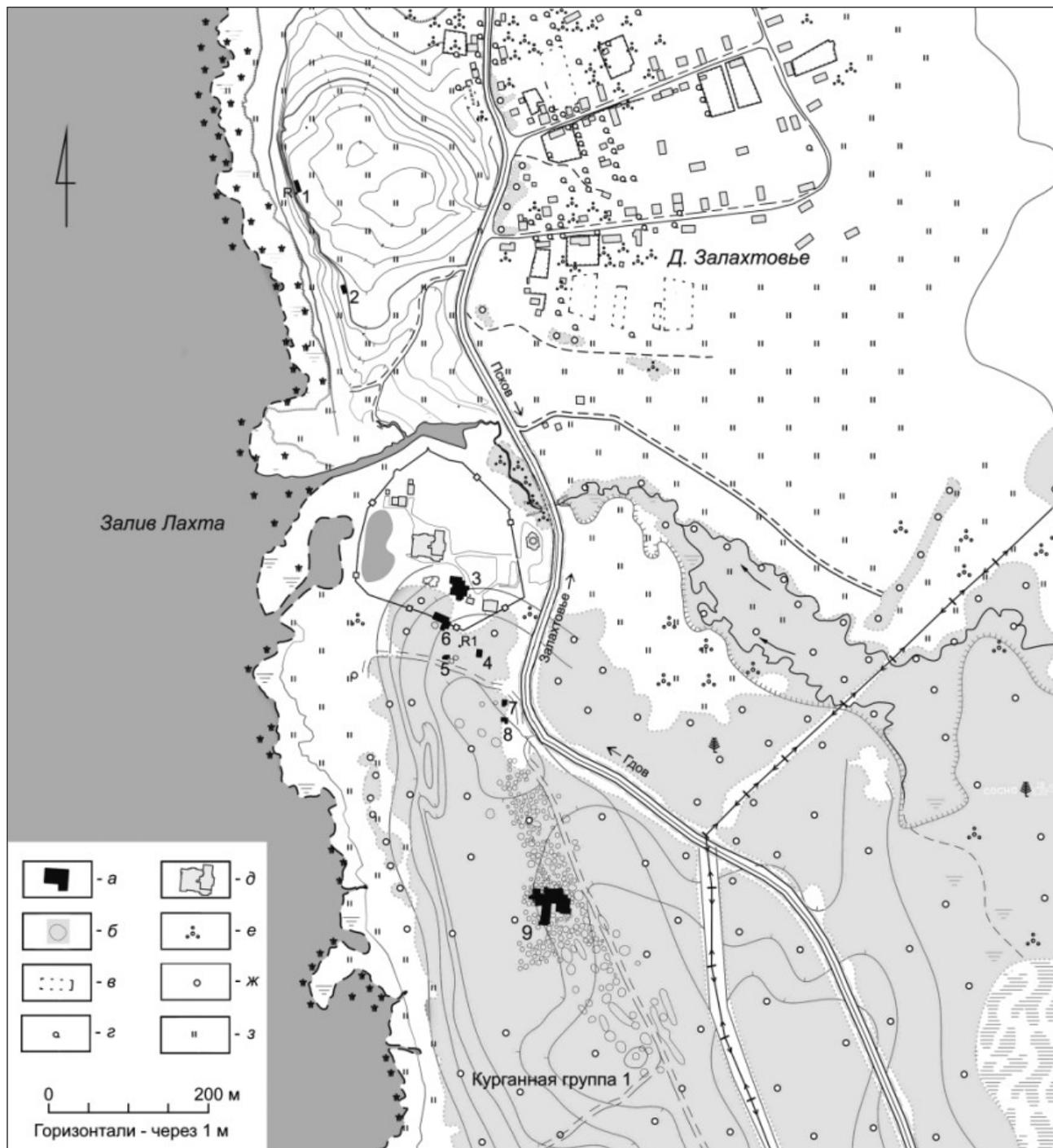

Рис. 1. Залахтовский археологический комплекс. Раскопы 2004, 2006, 2008 гг.: 1 — раскоп 1 (селище), 2008 г.; 2 — раскоп 2 (селище), 2008 г.; 3 — раскоп 3 (могильник), 2004, 2006, 2008 гг.; 4 — раскоп 2 (могильник), 2008 г.; 5 — раскоп 3 (могильник), 2008 г.; 6 — раскоп 4 (могильник), 2008 г.; 7–9 — раскопы Н. В. Хвошинской. Условные обозначения: а — археологические раскопы; б — курган; в — пашня; г — редколесье; д — постройки; е — кустарник; ж — лес; з — луг

Fig. 1. Zalakhovye archaeological complex. Excavations of 2004, 2006 and 2008: 1 — excavation 1 (settlement site), 2008; 2 — excavation 2 (settlement site), 2008; 3 — excavation 3 (cemetery), 2004, 2006 and 2008; 4 — excavation 2 (cemetery), 2008; 5 — excavation 3 (cemetery), 2008; 6 — excavation 4 (cemetery), 2008; 7–9 — excavations by N. V. Khvoshchinskaya. Keys: а — archaeological excavations; б — kurgan; в — ploughed field; г — open woodland; д — buildings; е — bushes; ж — forest; з — meadow

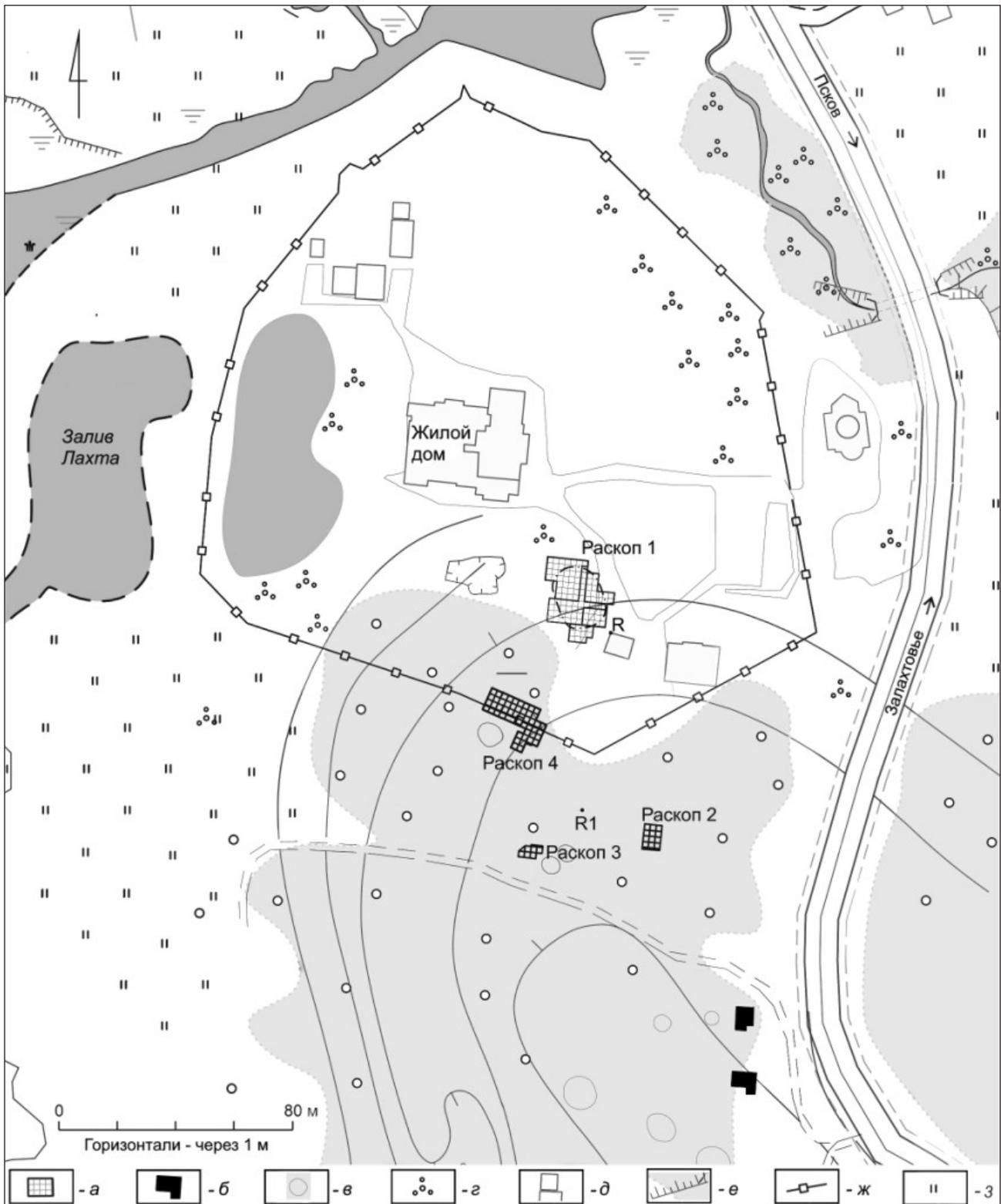

Рис. 2. Раскопы на территории грунтовой части могильника. Условные обозначения: а — раскопы 2004, 2006, 2008 гг.; б — раскопы Н. В. Хвощинской; в — курган; г — кустарник; д — постройки; е — обрывистый берег; ж — забор; з — луг

Fig. 2. Excavations at the flat-grave area of the cemetery. Keys: а — excavations of 2004, 2006, 2008; б — excavations by N. V. Khvoshchinskaya; в — kurgan; г — bushes; д — buildings; е — precipitous bank; ж — fence; з — meadow

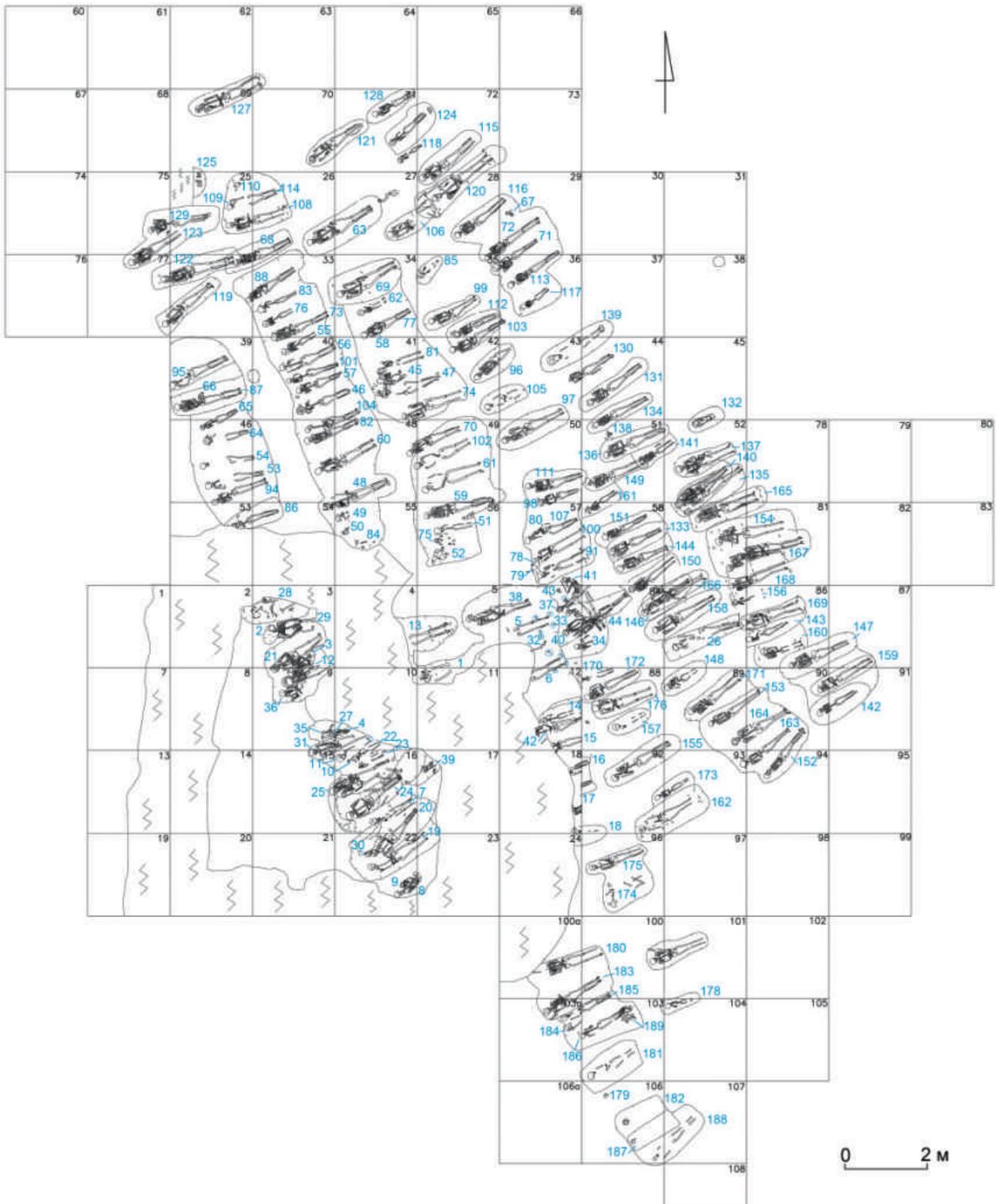

Рис. 3. Сводный план могильника XIV–XVII вв. (раскоп 1). Цифры синего цвета — номера погребений
Fig. 3. Composite plan of the burial ground of the 14th–17th century (excavation 1). Blue numbers — burial numbers

вдоль длинной оси могильной ямы (юго-запад–северо-восток). Выявленные фрагменты каменных обкладок позволяют связывать эти погребения с кругом жальничных могильников, широко представленных в Восточном Причудье.

Мощные прослойки древесного тлена позволяют утверждать, что девять погребений находились в колодах (домовинах) (погребения 2, 12, 21, 112, 115, 130, 132, 139, 141), а многочисленные находки кованых гвоздей (22 погребения) говорят также об использовании гробов (погребения 4–6, 13, 24, 27, 31, 32, 69, 91, 106, 108, 110, 117, 120, 154, 160, 162, 165, 167–169.). Захоронения в домовинах (колодах) характерны, в первую очередь, для детских погребений, хотя встречаются и среди взрослых.

По расстоянию между гробовыми гвоздями, встреченными и зафиксированными *in situ* в заполнении могильных ям, в ряде случаев можно реконструировать размеры погребальных конструкций.

Одно из погребений (145) было совершено, видимо, в лодке. Тело молодого мужчины было помещено в однодревную лодку с расширенными бортами или в ее часть. Учитывая, что череп погребенного был существенно смещен в сторону и перевернут, нельзя исключать, что лодка, использованная для захоронения, имела поднятую носовую часть.

Захоронения совершены во впущенных в материк ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами, глубиной от 0,3 до 1,3 м от современной дневной поверхности (ям глубиной до 0,5 м — 60, до 1 м — 92, свыше 1 м — 15). Подавляющее большинство могил имеют глубину от 0,5 до 1,0 м. Стоит отметить, что наиболее мелкие могилы занимают центральную часть могильника в пределах 3–5 рядов. Наиболее глубокие ямы сосредоточены на северной и южной оконечностях кладбища. Нельзя исключать, что глубина могильной ямы может быть использована как один из признаков при определении относительной хронологии погребений. В этом случае, при прочих равных параметрах, могильные ямы глубиной свыше 1 м следует считать наиболее поздними в составе могильника. В заполнении 20 из них (погребения 1–3, 6, 9, 11, 13, 14, 19–21, 24, 25, 28, 45, 57, 69, 91, 105, 106) встречены фрагменты гончарной керамики второй половины XIV — начала XVI в.² Обломки сосудов, которые могут быть

связаны с некими обрядовыми действиями, известны и на других грунтовых могильниках региона. Так, в 1899 г. В. Н. Глазовым были проведены раскопки на грунтовом могильнике у дер. Замогилье Торошинской волости. В заполнении погребальных ям обнаружены уголь и фрагменты гончарной керамики. В. Н. Глазов датировал обследованный памятник XVI–XVII вв. (Глазов, 1899. Л. 28). Однако среди обломков сосудов, встреченных при выборке могильных ям, имеются формы XV в. Кроме того, в ходе работ комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища в 1960 г. И. К. Лабутиной (Голуновой) был исследован могильник у дер. Чудская Рудница. В дерновом слое и верхней части песчаного слоя были найдены фрагменты круговой неорнаментированной керамики XV–XVIII вв. (Раппопорт и др., 1966. С. 50, 57).

В раскопе прослеживалась четко выраженная рядность захоронений — 5–6 параллельных линий, расстояние между которыми составляет 0,2–0,4 м. Еще одной особенностью могильника является многоярусность некоторых могильных ям и наличие подзахоронений, когда более поздние захоронения частично нарушают или полностью разрушают более ранние погребения. Большая часть многоярусных погребений фиксируется в западной части могильника, в центральной части 1-го ряда (раскоп 2004 г.). Видимо, эта часть кладбища, потревоженная впоследствии другими погребениями, является наиболее ранней. Достоверно определяются три могильные ямы, содержащие погребения в несколько ярусов: яма 2 (три яруса, содержащие шесть погребений, в том числе два из них совершены в колодах), яма 3 (три погребения, расположенные в трех ярусах), яма 14 (два погребения в двух ярусах).

В одном случае (погребение 137) достоверно фиксируется единовременное парное погребение. В могильную яму была помещена женщина с маленьким ребенком (около трех лет). Данное погребение является одним из самых поздних в могильнике. Судя по находкам нательных крестов у обоих захороненных, оно должно быть датировано рубежом XVII/XVIII вв. — началом XVIII в.

В нескольких случаях прослеживается нарушение поздними захоронениями более ранних (погребения 20, 22, 24, 25, 58, 66, 80, 86, 96, 109). Подобная картина напоминает ситуацию, которая традиционно фиксируется на городских позднесредневековых кладбищах, где четко огорожена

² Для датировки керамического комплекса использованы типологические и хронологические шкалы, созданные для посуды средневекового Пскова.

площадь, отведенная для захоронений при приходском храме или монастыре. Возможно, что и рассматриваемый могильник имел некую изгородь. Однако археологически она не фиксируется, несмотря на то что в раскопе были открыты все границы кладбища.

Большинство изученных погребений безынвентарны. Всего в могильнике обнаружено 32 средневековых (за исключением погребения 41, относящегося к XVIII–XIX вв.) захоронения с инвентарем. В погребении 2 обнаружена бронзовая пуговица с ушком, имеющая железный сердечник (рис. 4, 4). Из погребения 3 происходит железная игла. В двух погребениях (12 и 85) встречаются псковские монеты-чешуйки. Монета из погребения 85 атрибутируется более отчетливо: это псковская четвертьца, имеющая достаточно широкую дату — 20–30-е гг. XV — начало XVI в. Находки псковских монет известны в погребениях могильника в дер. Чудская Рудница, в жальниках у дер. Большие Поля и Малая Каменка.

В погребениях 9, 10, 37 встречены бронзовые узкопластинчатые неорнаментированные перстни с сомкнутыми концами (рис. 4, 3). Из погребений 9, 33, 35, 37, 44, 46, 64, 66, 67, 73, 75, 83, 88, 98 (что составляет 53 % от общего числа индивидуальных находок, встреченных в могильнике) происходят трехбусинные височные кольца (рис. 4, 1, 2). Обычно они встречаются парой в одном погребении (у левого и у правого виска), однако в захоронениях 33, 46, 66, 67, 88 найдено только одно височное кольцо, а в погребении 35 оно соседствовало с серьгой в виде вопросительного знака (бусина не сохранилась) (рис. 4, 7). В погребении 41 выявлен двусторонний бронзовый нательный крест с эмальями (рис. 4, 6). В уже упоминавшемся парном погребении 137 также зафиксированы поздние нательные крестики. Из детского захоронения этого же погребения происходит единственная шарообразная бусина из темно-синего стекла. Кроме этого, в слое кладбища обнаружены два бронзовых плетеных браслета, не связанных ни с одним из погребений (рис. 4, 5).

В зафиксированных шести рядах могил больше всего инвентарных захоронений встречено во втором ряду — одиннадцать, в четвертом ряду их пять, в пятом ряду — четыре, в первом ряду — три, в третьем ряду — одно.

Анализ инвентарных погребений на основе проведенных половозрастных определений позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Все

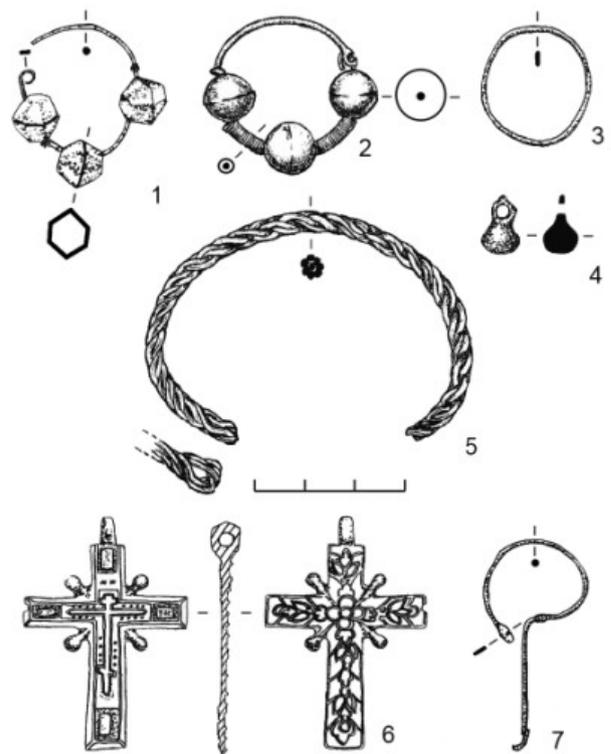

Рис. 4. Типовой набор погребального инвентаря XIV–XVII вв. (по материалам раскопа 1): 1, 2 — трехбусинные височные кольца; 3 — узкопластинчатый неорнаментированный перстень; 4 — пуговица; 5 — плетеный браслет; 6 — нательный крест; 7 — серьга в форме знака вопроса. 1–7 — цветной металл

Fig. 4. Typical set of funerary inventory of the 14th–17th century (after materials from excavation 1): 1, 2 — three-bead temple rings; 3 — narrow-lamellate undecorated finger-ring; 4 — button; 5 — braided bracelet; 6 — cross-pendant; 7 — earring in the form of question mark. 1–7 — nonferrous metal

захоронения с вещами — женские, при этом подавляющее большинство погребенных детского, подросткового и юношеского возраста (от 2–3 до 18–20 лет). Именно для погребений этого возрастного диапазона характерно наличие трехбусинных височных колец (исключение составляет погребение 86 — возраст захороненного 14–16 лет, в котором найден только пластинчатый перстень). Так, в погребении 73 (возраст захороненного 18–20 лет) вместе с височными кольцами встречен витой браслет, в погребении 75 (возраст — 2–3 года) обнаружена подвеска из обломка пластинчатого браслета, украшенного «плетенкой», к которой на льняном шнурке подвешены три бубенчика. В захоронениях более взрослых женщин трехбусинные височные кольца не встречаются:

в погребении 79 (возраст захороненной — 25–35 лет) обнаружен ложновитой браслет, в погребении 100 (возраст захороненной — 35–45 лет) — плетеный браслет и пластинчатый перстень, в погребении 105 (возраст захороненной старше 55 лет) — пластинчатый перстень. Возможно, мы имеем дело с традицией захоронения умершей незамужней женщины (оптимального брачного возраста) с выполнением символического обряда венчания покойной в связи с представлением о необходимости брака как на земле, так и в загробной жизни (Маслова, 1984. С. 93), когда на усопшую одевалось лучшее платье и украшения. Подобная традиция, по этнографическим данным, дожила до XIX — начала XX в.

На основании погребального инвентаря, происходящего из погребений могильника, реконструировать женский костюм достаточно сложно. Очевидно, что наиболее распространенными украшениями служили трехбусинные височные кольца поздних типов. В состав убора также входили различные браслеты и простые, как правило, без орнамента, узкопластинчатые перстни с сомкнутыми концами. Фрагментов одежды или ее элементов, за исключением единственной пуговицы с ушком, не сохранилось.

Из всего комплекса погребального инвентаря для датировки отдельных погребений и могильника в целом могут быть использованы лишь височные украшения. Узкопластинчатые неорнаментированные перстни, монеты, равно как и пуговица с круглым ушком, имеют очень широкие хронологические рамки (Лесман, 1990. С. 46–47; Седова, 1981. С. 155). Бронзовые плетеные браслеты по новгородским аналогиям могут быть отнесены к XI–XV вв. (Седова, 1981. С. 102). Как уже отмечалось, височные украшения представлены серьгой в виде вопросительного знака и трехбусинными кольцами, имеющими напускные круглые бусины (в одном случае гранчатые — погребение 37), спаянные из двух половинок и разделенные навитой на кольцо тонкой проволокой. Только в одном случае встречен фрагмент литого трехбусинного височного кольца. По новгородским аналогиям, такие кольца датируются временем с рубежа X–XI до середины — конца XIV в. (Там же. С. 14; Лесман, 1990. С. 70). В Пскове подобные находки (в том числе с гранчатыми бусинами) известны в слоях второй половины XIV — XV в. (Сергина, 1983. С. 97). Интересна в этой связи и находка в одном погребении трех-

бусинного височного кольца и серьги в виде вопросительного знака, которые получают широкое распространение с начала XIV до середины XV в. (Седова, 1981. С. 16; Лесман, 1990. С. 70–71). Таким образом, на основании анализа вещей и керамического материала исследованную часть могильника можно датировать XIV–XVI вв.

Из общей хронологии выпадает погребение 41, в котором мужской скелет ориентирован головой на северо-запад, а в районе грудной клетки был обнаружен нательный двусторонний крестик с эмалями, относящийся к XVII–XVIII вв., а также упоминавшееся парное погребение 137 с крестиками XVII в. В данном случае, видимо, мы имеем дело со вторичным использованием средневекового кладбища в новое время для захоронения чужого для местного социума умершего либо же покойника «нечистого», который по определенным причинам не мог быть погребен на кладбище сельского погоста.

Исследованный могильник представляет собой небольшое (площадью около 400 кв. м) сельское средневековое кладбище, развивавшееся по традиционным для христианских некрополей правилам (рядность захоронений, подхоранивание в одну могилу, несколько ярусов погребений). По нашему мнению, сельское кладбище XIV–XVI вв. является финальной стадией функционирования погребального комплекса у дер. Залахтовые, возникновение которого, как уже отмечалось, относится к VI–VII вв. н. э. После прекращения захоронений на этом месте еще какое-то время среди местного населения сохранялась память о «старом кладбище», где могли хоронить «нечистых» покойников (погребение 41).

Летом 2008 г. в 65 м к юго-востоку и в 70 м к югу от раскопа 1 было заложено два небольших разведочных раскопа (раскоп 2 и 3 соответственно) с целью определения северной границы грунтового могильника XII–XIII вв., впервые зафиксированного Н. В. Хвоцинской в 1975 г., когда на северной окраине курганной группы 1 у дер. Залахтовые в двух раскопах было выявлено пять захоронений. Все погребения находились в широких грунтовых прямоугольных ямах, расположенных на значительном расстоянии друг от друга (от 1 до 4 м). Умершие были ориентированы головой на запад, в одном случае — на юго-запад. Сопровождающий инвентарь встречен только в трех захоронениях (монетовидная подвеска-дирхем, нож, горшок, поясное кольцо,

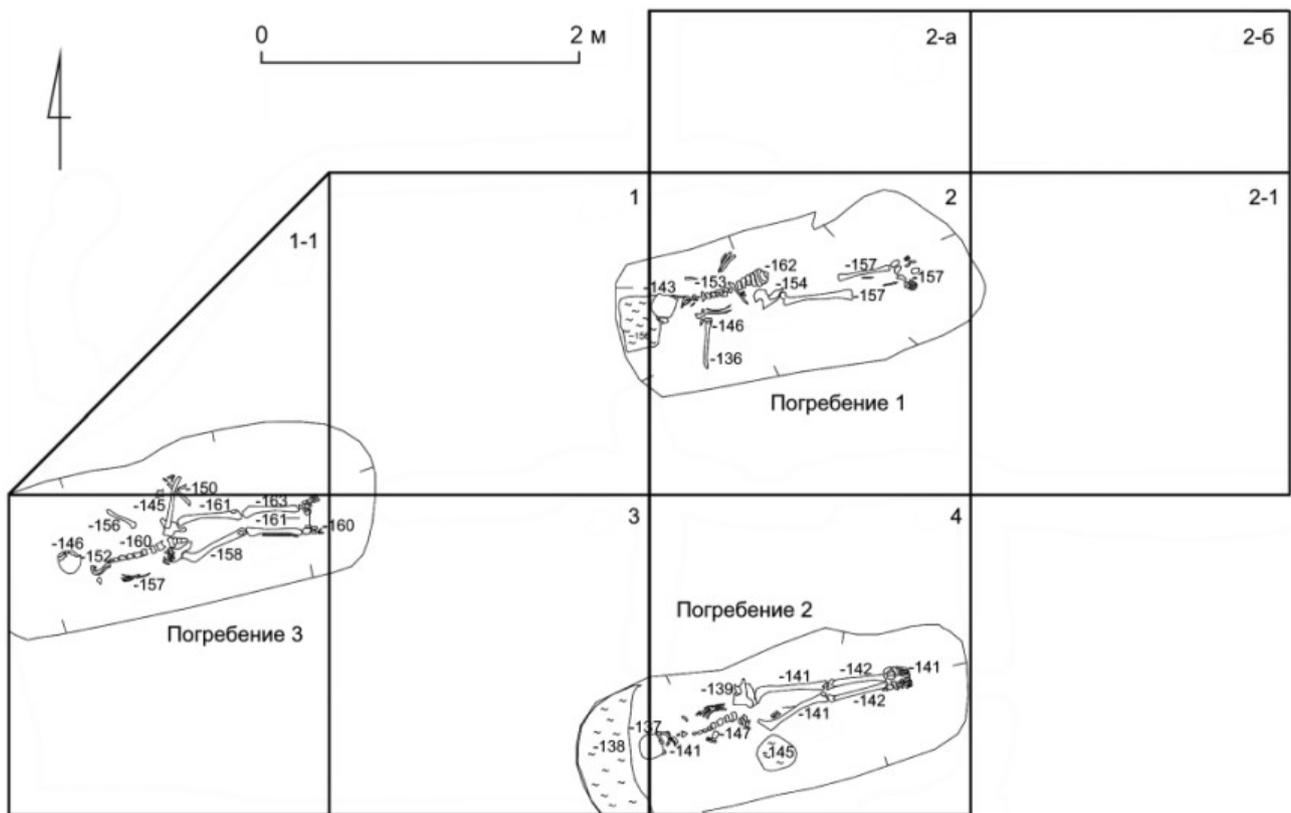

Рис. 5. Раскоп 3. Сводный план погребений
 Fig. 5. Excavation 3. Composite plan of the burials

витой перстень, простой пластинчатый браслет). По мнению Н. В. Хвоцинской, погребения относятся к позднему (по сравнению с находящимися поблизости курганами) древнерусскому грунтовому могильнику и могут быть датированы XII–XIII вв. (Хвоцинская, 2004. С. 58).

В раскопе 2 (площадью 36 кв. м) следы могильника обнаружены не были. Раскоп 3 (его площадь составила 28 кв. м), расположенный у лесной дороги, ведущей к берегу залива Лахта, содержал три безынвентарных захоронения по обряду ингумации (рис. 5). Погребенные помещались в обширную подпрямоугольную яму со скругленными углами длиной от 1,9 до 2,6 м и шириной 0,8–1,0 м. Остатки домовин в виде пятен органического тлена за головой усопших были зафиксированы в погребении 1 (принадлежало женщине 35–45 лет) и погребении 2 (принадлежало мужчине старше 55 лет). Следует отметить, что кости в захоронениях 1 и 3 были смещены со своих мест, часть из них отсутствовала. По нашему мнению, такая картина связана с поздними вторжениями в могилы.

В сентябре 2008 г. при осмотре траншеи под фундамент нового забора вокруг частного земельного владения в отвалах грунта были обнаружены отдельные кости человеческого скелета, а также пластинчатый орнаментированный браслет. Стало очевидно, что траншея нарушила неизвестную до настоящего времени часть грунтового могильника. Для изучения потревоженных земляными работами погребений, уточнения датировки и особенностей топографии могильника был заложен раскоп 4 (рис. 6). Он находился в 25 м к юго-юго-востоку от южной границы раскопа 1, в редком сосновом лесу. С юга к нему примыкает самая северная из сохранившихся насыпей курганной группы 1. Общая площадь раскопа составила 176 кв. м. На нем были зафиксированы 52 пятна могильных ям. Из них 37 погребений, попавших на площадь раскопа, были полностью исследованы. Изученные захоронения расположены рядами, всего выявлено семь линий. В четырех параллельных рядах скелеты ориентированы по направлению запад-восток с некоторым смещением к югу, в оставшихся трех (также параллельных

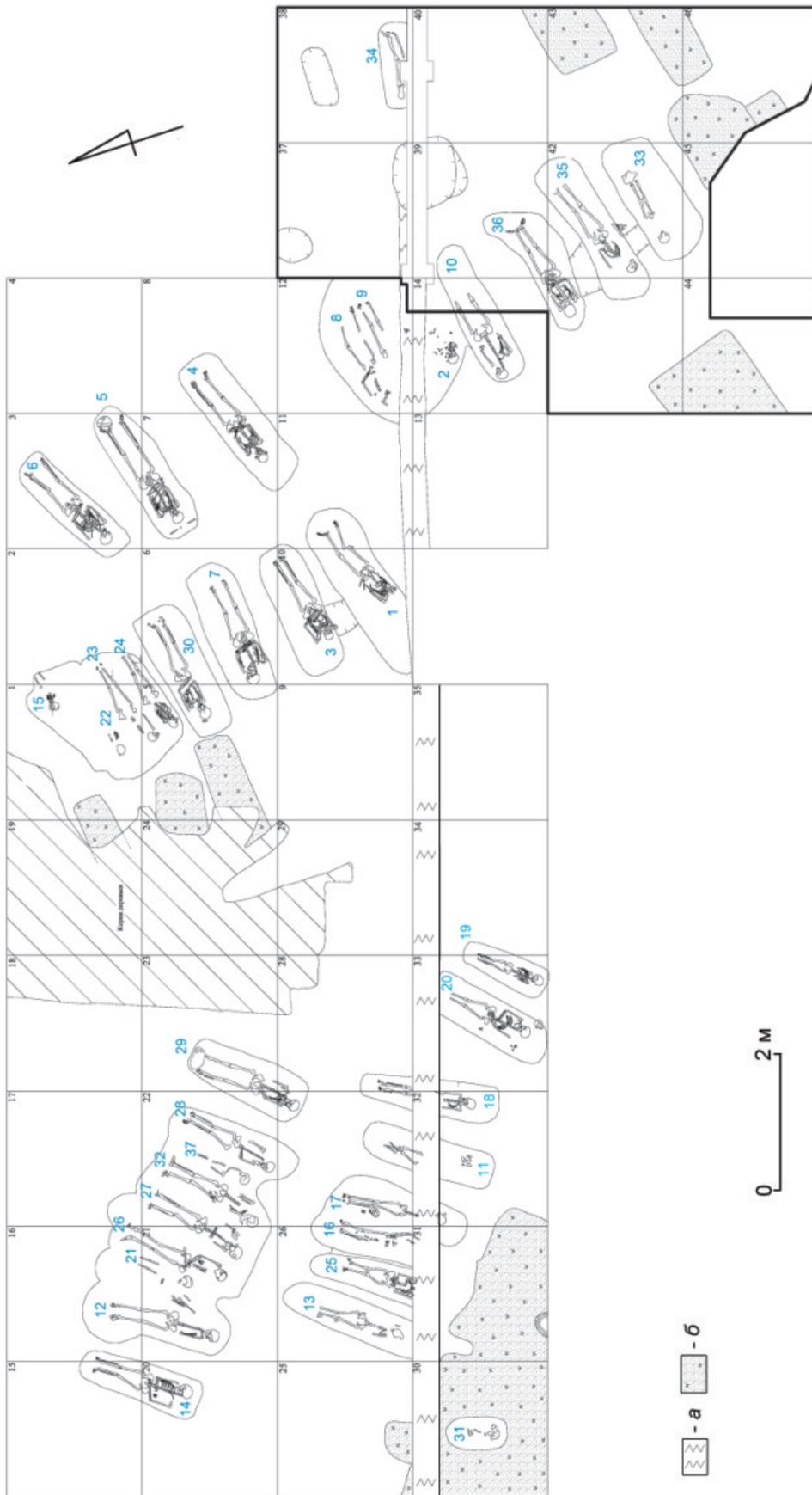

Рис. 6. Раскол 4. Сводный план погребений. Условные обозначения: *a* — траншея перекопа, *б* — пятна могильных ям.

Цифры синего цвета — номера погребений

Fig. 6. Excavation 4. Composite plan of the burials. Keys: *a* — redug trench, *б* — spots of grave pits. Blue numbers — burial numbers

друг другу) прослеживается ориентировка по направлению юго-запад–северо-восток с отклонением к югу. Складывается впечатление, что главным ориентиром при совершении захоронений являлась курганная насыпь, расположенная непосредственно к югу от раскопа.

Безусловно, погребения были каким-то образом маркированы на поверхности земли. В двух случаях над пятнами могильных ям были раскрыты некрупные гранитные валуны от остатков жальничных обкладок, которые, видимо, имели округлую форму и были сооружены после совершения захоронений. Следует отметить, что камни были обнаружены на 10–30 см ниже уровня современной дневной поверхности, в слое гумусированного песка.

Только в одном случае (погребение 5) обнаружены гвозди от гроба. В трех погребениях (5, 29, 33) в ногах лежали камни: в мужских погребениях 5 и 29 — гранитные валуны, в детском погребении 33 — известняковая плитка.

Из 37 изученных погребений четырнадцать являются инвентарными. К наиболее ранним захоронениям могильника относятся: погребение 2, в котором встречены 34 мелкие кольцевидные бусины молочно-белого стекла, два бубенчика с крестовидной прорезью, бубенчик со щелевидной прорезью, две бронзовые спиральные пронизки; погребение 35 с серебро- и золотостеклянными бочонковидными бусинами; погребение 22, сопровождающееся серебряным височным трехбусинным кольцом, на котором бусины сформированы шариками зерни.

Височные кольца встречены в шести захоронениях (4, 15, 20, 22, 27, 30). Помимо уже упомянутого височного кольца из погребения 22 — это трехбусинные (погребение 27) и многобусинные (погребения 4, 30) височные кольца. В погребениях 15 и 20, видимо, также находились бусинные кольца, от которых сохранились только проводочные основы.

Достаточно распространенной находкой являются украшения рук. Они представлены пластинчатыми, плетеными, витыми и ложновитыми браслетами и встречены в шести захоронениях (3, 4, 7, 14, 27, 32).

В трех могилах (18, 27, 30) обнаружены западноевропейские монеты. В погребении 18 монета зафиксирована на черепе, в погребении 27 на черепе обнаружены две монеты, в погребении 30 монета располагалась между коленей. В двух слу-

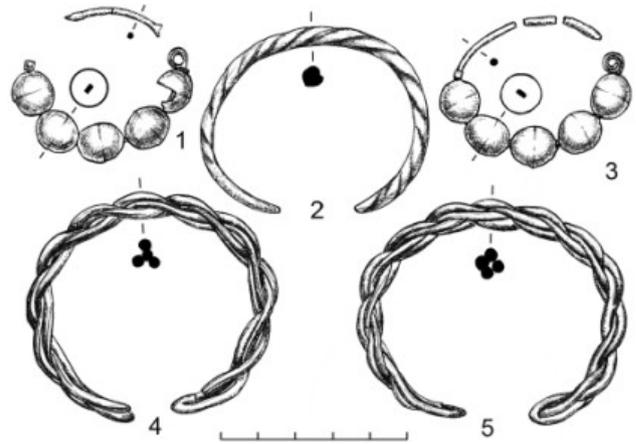

Рис. 7. Находки из погребения 4: 1, 3 — многобусинные височные кольца; 2 — ложновитой браслет; 4, 5 — плетеные браслеты. 1–5 — цветной металл

Fig. 7. Finds from burial No. 4: 1, 3 — multi-bead temple rings; 2 — false-twisted bracelet; 4, 5 — braided bracelet. 1–5 — nonferrous metal

чаях (погребения 18, 30) монеты удалось атрибутировать. Это артиги Дерптского епископства, чеканенные в начале XV в. Монета из погребения 30 серебряная, а монета из погребения 18 — медная, покрытая полудой.

По разнообразию сопутствующего инвентаря выделяются три женских захоронения. В погребении 4, слева и справа от головы, находились бронзовые височные кольца с шестью напускными бусинами, спаянными из двух половинок, на правом предплечье — два плетеных браслета, на левом — плетеный и ложновитой браслеты (рис. 7). В погребении 27 на верхней лобной части черепа, справа, обнаружена западноевропейская монета, на правом виске находилась еще одна. Слева и справа от головы располагались серебряные трехбусинные височные кольца, бусины которых украшены сканью и шариками зерни. На правой руке — крученный перстень с заходящими концами и два ложновитых браслета с уплощенными концами, на левом предплечье — еще один ложновитой браслет (рис. 8). В погребении 32, справа от головы, обнаружен пластинчатый перстень, украшенный рельефной плетенкой, на запястье правой руки — два браслета: витой и пластинчатый. На пальцах правой руки — пластинчатый перстень с заходящими концами и три щитковых перстня (рис. 9), а в районе правого бедра — полая шумящая привеска-конек с бубенчиками и трубочка-«косник».

Проведенные работы позволили проследить эволюцию грунтовой части некрополя

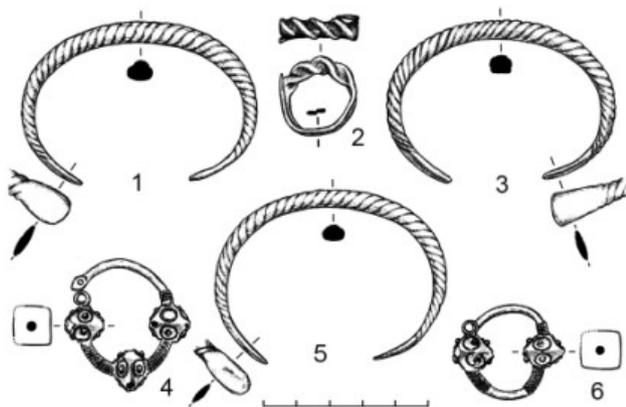

Рис. 8. Находки из погребения 27: 1, 3, 5 — ложновитые браслеты с уплощенными концами; 2 — крученный перстень с заходящими концами; 4, 6 — трехбусинные височные кольца. 4, 6 — серебро; 1-3, 5 — цветной металл

Fig. 8. Finds from burial 27: 1, 3, 5 — falsely-twisted bracelets with flattened terminals; 2 — twisted finger-ring with overlapping terminals; 4, 6 — three-bead temple rings. 4, 6 — silver; 1-3, 5 — nonferrous metal

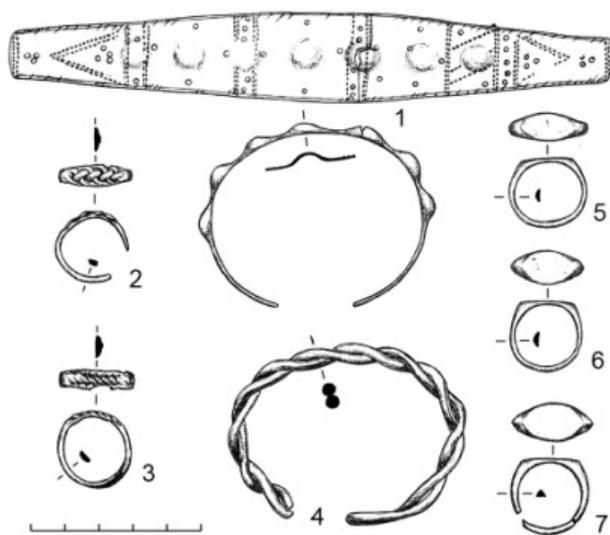

Рис. 9. Находки из погребения 32: 1 — пластинчатый орнаментированный браслет; 2 — орнаментированный перстень; 3 — орнаментированный перстень с заходящими концами; 4 — витой браслет; 5-7 — перстни со щитком. 1-7 — цветной металл

Fig. 9. Finds from burial 32: 1 — lamellar ornamented bracelet; 2 — decorated finger-ring; 3 — decorated finger-ring with overlapping terminals; 4 — twisted bracelet; 5-7 — finger-rings with a bezel. 1-7 — nonferrous metal

на протяжении XII–XVII вв. и выявить три группы захоронений, которые составляли самостоятельные могильники, сменявшие в течение времени друг друга.

Наиболее ранним следует признать грунтовый могильник, раскопанный Н. В. Хвоцинской. В его основе лежит жальник XII–XIII вв., для которого характерно свободное размещение могил при отсутствии какой-либо упорядоченности, глубокие и широкие могильные ямы, ориентировка погребенных в направлении запад–восток с небольшим отклонением к югу, малочисленность погребального инвентаря (трехбусинное височное кольцо с бусинами из шариков крупной зерни, мелкие кольцевидные бусы, единичные золото- и серебростеклянные бочонковидные бусы, бронзовые пронизки). В двух случаях прослежены фрагменты жальничных обкладок.

В XIV–XV вв. в северной части жальника функционировал грунтовый могильник, который отличался от своего предшественника по ряду параметров: ориентировкой погребений (половина погребений имеет южную ориентировку), вещевым инвентарем (появляются многобусинные кольца, трубочки-косники, перстни-печатки, шумящие привески, разнообразные браслеты, в четырех погребениях встречены ливонские монеты начала XV в.), промежутком между могилами и их шириной. Могильные ямы становятся уже, расстояние между ними существенно сокращается, появляется четко выраженная рядность захоронений.

В это же время (XIV в.) в некотором отдалении на открытом пространстве возник еще один могильник, представляющий собой типичное сельское кладбище (по сути, это первое на территории Северо-Запада России средневековое сельское кладбище, полностью исследованное археологически). Он функционировал на протяжении XIV–XVII вв.

Вещевой комплекс грунтовых могильников у дер. Залахтовье очень близок к погребальному инвентарю гдовских жальников. В жальничных погребениях региона встречаются и бусинные височные кольца, и узкопластинчатые перстни, а также плетеные и витые браслеты. Традиционно подобные погребения в составе жальничных могильников датируются XIII–XIV вв. Не вызывает сомнения одновременность существования двух погребальных традиций в пределах одного региона: жальничных могильников и грунтовых христианских кладбищ.

- Глазов, 1899 — Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. В. Н. Глазовым в районе Псковского уезда и губернии по Открытому листу Императорской Археологической комиссии 694 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1, 1899, 90.
- Лесман, 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1988. С. 29–98.
- Маслова, 1984 — Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.
- Раппорт и др., 1966 — Раппорт П. А., Станкевич Я. В., Голунова И. К. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г.: Тр. комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966. С. 33–59.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сергина, 1983 — Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983. С. 81–104.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовые). СПб.: Дмитрий Буланин (Тр. ИИМК РАН; Т. VI). 428 с.

Zalakhtovye archaeological complex: flat-grave burial grounds of the 13th–17th century (results of the investigations)

A. V. Mikhaylov

On the eastern bank of Lake Chudskoye, there is situated the Zalakhtovye archaeological complex comprising a kurgan burial ground of the 6th–12th century, the largest in the region. It is adjoined by a number of mediaeval flat-grave cemeteries. During three field seasons (2004, 2006, and 2008) in four excavations covering the total area of 682 sq. m, 227 burials belonging to three flat-grave cemeteries have been dug (Fig. 1).

The flat-grave cemetery of which the southern section was excavated by Natalya V. Khvoshchinskaya should be recognized as the earliest of them. Its core is constituted by a *zhalnik*-grave cemetery of the 12th–13th century. It is featured by a free arrangement of the graves showing no regularity, deep and broad grave pits, the west-east orientation of the interred with a slight deviation to the south, a scanty funerary inventory (three-bead temple ring from globules of coarse filigree, small ring-shaped beads, single gold- and silver-glass barrel-shaped beads, bronze spacer-beads) (Fig. 4).

In the 14th–15th century, a flat-grave burial ground was functioning in the northern section of the *zhalnik* cemetery differing from its predecessor in a number of parameters: the orientation of the burials (half of the graves has a southern orientation), grave goods (pipe-shaped plait ornaments, signet-rings, rattling pendants, diverse bracelets, also multi-bead rings appear; in four graves, Livonian coins of the early 15th century were encountered); the grave pits become more narrow, the distance between them substantially decreases, and a distinct row arrangement of the interments appears (Fig. 5–8).

During the same period (14th century), at some distance in the open space, another burial ground emerges presenting a typical rural cemetery (actually, this is the first in North-Western Russia mediaeval country cemetery completely investigated archaeologically). This burial ground was functioning throughout the 14th–17th century (Fig. 2–3).

Копья в комплексе вооружения воинов Ладоги XV–XVII вв.¹

П. А. Миляев²

Аннотация. В статье рассматриваются наконечники копий XV–XVII вв. из раскопок в Старой Ладоге. Подробно описаны сами изделия, контекст их обнаружения, приведены датировки. Данные находки наглядно демонстрируют изменения в составе комплекса вооружения воинов на Северо-Западе Руси, произошедшие вследствие утверждения огнестрельного оружия как основного средства нападения и обороны, а также изменения тактики ведения боя.

Annotation. This paper considers spear heads of the 15th–17th century from excavations in Staraya Ladoga. A description is presented of the objects themselves, the context of their discovery and the dating. These finds vividly demonstrate the changes in the composition of the set of armament in North-Western Rus', which occurred due to the introduction of firearms as the main means of attack and defence, as well as the changes in the tactics of conducting battles.

Ключевые слова: Ладога, наконечники копий, холодное оружие, позднее средневековье, Смутное время, Земляное городище, Ладожская каменная крепость.

Keywords: Ladoga, spear heads, cold weapon, late Middle Ages, Time of Trouble, Zemlyanoye Gorodishche, Ladoga stone fortress.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-332-353

За весь период археологических исследований в Старой Ладоге обнаружено более 400 находок, характеризующих военное дело периода позднего средневековья — раннего Нового времени. В коллекции широко представлены огнестрельное и холодное оружие, экипировка стрелков, различные боеприпасы, снаряжение коня и всадника. Необходимо отметить высокую насыщенность поздних слоев Ладоги данными категориями находок. Интересной по своему составу является коллекция предметов, относящихся к холодному оружию ближнего боя, часть которой уже получила освещение в литературе (Миляев, 2018а. С. 198–209; 2019б. С. 271–283). Данная статья посвящена анализу комплекса наконечников колющего древкового оружия — копий и пик XV–

XVII вв., происходящего из раскопок в Старой Ладоге. Указанная категория находок, обнаруженных в городах и крепостях Северо-Запада России, изучена явно недостаточно по сравнению с изделиями IX–XIII вв. Имеются сведения о наконечниках копий XV–XVII вв., происходящих из Новгорода, Пскова и городов Псковской земли, Ивангорода (Медведев, 1959. С. 125–130; Сергина, 1983. С. 96; Салмин, 2017. С. 298; Артемьев, 1998. С. 105; Петренко, 1991. С. 66, рис. 2, 24–25). Важной является работа В. И. Кильдюшевского, в которой исследователь провел исчерпывающий анализ коллекции холодного оружия, собранной за все годы раскопок в крепости Орешек (Кильдюшевский, 1999. С. 63–79). Большое значение имеет фундаментальный труд О. В. Двуреченского, где кроме находок, полученных в ходе археологических работ, автором было изучено большое количество наконечников копий, хранившихся в северных монастырях — Кирилло-Белозерском и Соловецком (Двуреченский, 2015. С. 69–118, 316–343). Некоторые сведения о деталях колющего древкового вооружения XVI–XVII вв. из этих арсеналов

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

имеются и в ряде других работ (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 87; Наследие Соловецкого монастыря..., 2006. С. 150). Для территории русского Северо-Запада необходимы публикации и аналитика полных комплексов находок предметов вооружения, происходящих с территории одного памятника за все годы его раскопок, точно локализованных, имеющих внятный контекст и максимально аргументированную датировку. Введение в научный оборот коллекции наконечников копий XV–XVII вв. из Старой Ладogi позволит уточнить особенности формирования комплекса вооружения русских и иноземных воинов, несших службу в северо-западных городах и крепостях. Кроме того, становится возможным проследить его изменения, связанные с определенными этапами развития военного дела в Московском государстве и странах Европы.

Коллекция наконечников колющего древкового оружия XV–XVII вв. и их фрагментов из раскопок в Старой Ладoge довольно многочисленна и составляет 19 экземпляров. При этом лишь два из них имеют удлинненно-треугольную боевую часть, у остальных перья граненые, вытянутых шиловидных очертаний. Большинство находок представлены сохранившимися целиком или поврежденными в разной степени, но не утратившими своей формы изделиями. Доля фрагментов в составе комплекса невелика — всего четыре предмета. По территории средневековой Ладogi находки распределяются следующим образом: на Земляном городище обнаружено шесть наконечников копий и их обломков, в каменной крепости — пять, на посаде — восемь изделий. При этом количество предметов, обнаруженных в пределах ладожских крепостных сооружений, оказывается примерно равным числу находок на территории неукрепленного поселения. Однако наконечники копий, происходящие с территории каменной крепости и Земляного города, отличаются преимущественно крупными размерами и некоторым разнообразием. Среди них выделяются отдельные детали специализированного древкового оружия высокого качества изготовления, часть из которых имеет европейское происхождение. Это может свидетельствовать о размещении в пределах городских укреплений профессиональных и зажиточных воинов. Находки, зафиксированные на территории Ладожского посада, в основном представлены одинаковыми типовыми изделиями небольших размеров,

зачастую грубовато изготовленными. Это было дешевое массовое вооружение рядовых воинов. Кроме наконечников колющего древкового оружия в Ладoge обнаружено два втока XV–XVII вв., один на территории Земляного города, второй — в южной части посада. При этом ситуация схожа с описанной ранее. Находка, происходящая из раскопок в пределах деревоземляных укреплений, имеет индивидуальную форму, отличается высоким качеством изготовления и явно принадлежит к деталям профессионального древкового оружия. Напротив, вток, обнаруженный на территории посада, является широко распространенным типовым изделием.

Большинство наконечников копий, встреченных при раскопках в Ладoge, отражают развитие военного дела во второй половине XVI — XVII в., более ранние находки единичны. Это можно связать с тем, что активные боевые действия периода позднего средневековья — раннего Нового времени, происходившие непосредственно на территории города, относятся исключительно к началу XVII в. — Смутному времени. Судя по всему, именно в этот период было утрачено большинство наконечников копий. Известно, что центром размещения как русских, так и иноземных войск были Ладожская каменная крепость и Земляной город, они же были в центре всех военных событий и столкновений (Бранденбург, 1896. С. 104–111; Селин, 2008. С. 42–53; Селин, Ганкарсон, 2012. С. 223–232; Милыев, 2020б. С. 246–247; Милыев, Горлов, 2020. С. 192–193). Позже город являлся важным военным центром на русско-шведском пограничье. Примечательно, что на территории Земляного городища и каменной крепости на данный момент при раскопках не выявлено металлообрабатывающих мастерских XV–XVII вв., с которыми можно связать находки предметов вооружения. Территория Ладожского посада изучена меньше, чем пространство внутри городских укреплений, однако и здесь контекст находок не позволяет связать их с каким-либо производственным комплексом.

Наиболее ранними являются наконечники копий с пером удлинненно-треугольной формы. Особенно интересный происходит из материалов исследований А. Н. Кирпичникова в 1973 г. на территории Ладожской каменной крепости (рис. 1, 5). Наконечник обнаружен в шурфе № 6, заложенном на участке юго-восточного прясла фортификационных сооружений (к югу от Тайничной

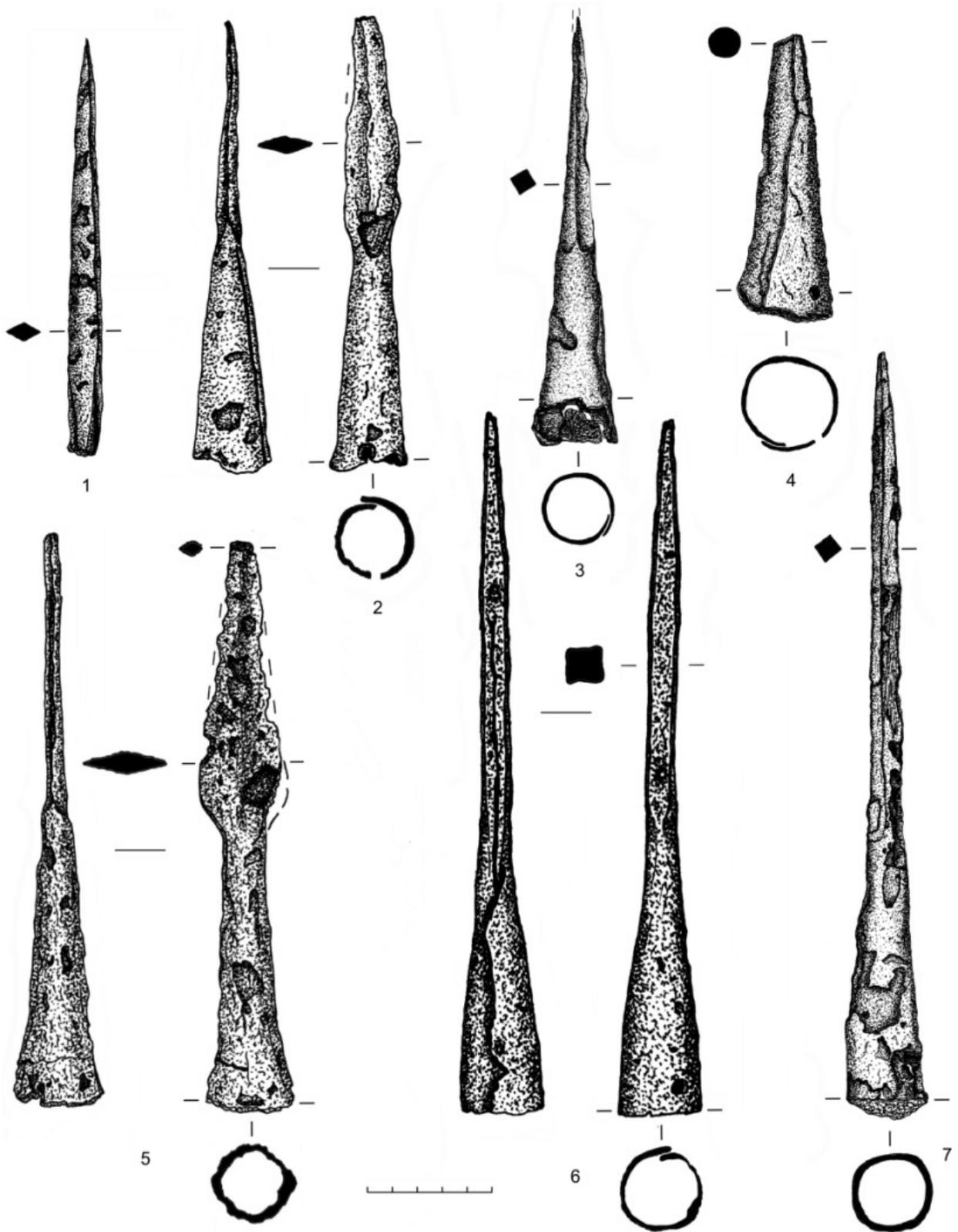

Рис. 1. Старая Ладога. Наконечники копий XV–XVII вв. и их фрагменты: 1, 5 — каменная крепость; 2 — посад, левый берег реки Ладозжки, ул. Варяжская; 3–4, 6–7 — Земляное городище. Все — железо

Fig. 1. Staraya Ladoga. Spear heads of the 15th–17th century and their fragments: 1, 5 — stone fortress; 2 — posad, left bank of the Ladozhka River, Varyazhskaya Str.; 3–4, 6–7 — Zemlyanoye Gorodishche. Iron

башни) и располагавшемся севернее современных раскопов 2017–2018 гг. Интересующий нас предмет был найден ниже культурных напластований, датированных А. Н. Кирпичниковым XVI–XVII вв., — насыпи из грунта, перемешанного со щебнем, и слоя черного гумуса с углями³. Наконечник копья (СЛМ КП-7278 А-5821) залегал на поверхности каменной кладки крепостной стены начала XII в. (на глубине -2,2 м от поверхности дерна), верхняя часть которой была разобрана при строительстве в конце XV в. новой артиллерийской крепости (Кирпичников, 1973а. С. 9 (опись находок); 1973б, рис. 15, 1; 29, № 112). То есть данную находку можно отнести к XV в. или, возможно, к несколько более раннему времени — второй половине XIV в. Длина наконечника копья 217 мм, перо вытянуто-треугольных очертаний, с плавно скругленными плечиками в основании, его максимальная ширина составляет 32 мм. Втулка изделия в виде вытянутого конуса длиной около 105 мм и диаметром в основании 35 мм, отверстие для крепежного гвоздя не просматривается. Края ее бокового шва выполнены внахлест, внутри сохранился фрагмент дерева от древка. Интересно, что сечение пера в его нижней части, примерно на половину длины, линзовидное, выше появляется небольшое сглаженное ребро, и наконечник копья мог завершаться граненым острием ромбовидного сечения. Таким образом, возростала способность вытянуто-треугольного пера наконечника пробивать доспехи противника, а вытянутая, широкая в основании втулка, высотой почти равная перу, позволяла выдерживать таранный копейный удар. К сожалению, конец находки обломан, изначальную ее длину точно установить нельзя.

Наконечник копья из раскопок 1973 г. в Ладужской каменной крепости является одним из вариантов дальнейшего развития изделий XI–XIII вв. типа III по классификации А. Н. Кирпичникова

³ В ходе раскопок 2015–2018 гг. в Ладужской каменной крепости выяснилось, что насыпь из суглинка со щебнем является основной частью конструкции деревянных укреплений — «земляной стены», возведенной предположительно после Смутного времени и упомянутой в письменных источниках XVII в. Пожар на поверхности черного гумуса под насыпью относится, скорее всего, к Смутному времени, а сам слой мог формироваться в течение второй половины XVI в. Таким образом, датировка А. Н. Кирпичникова, в общем, подтверждается.

(Кирпичников, 1966. С. 12–14). От более ранних образцов древнерусского времени ладожская находка отличается иными пропорциями пера и втулки, соответствуя основным параметрам изделий XIV–XV вв. (Кирпичников, 1976. С. 20, табл. I, 3). Ближайшими аналогиями являются два фрагмента наконечников копий из раскопок в крепости Орешек. Один из них датируется второй четвертью XIV в., второй — XV в. (рис. 2, 7). Верхние части их вытянуто-треугольных перьев обломаны, что не позволяет полностью реконструировать форму и размеры данных изделий (Кильдюшевский, 1999. С. 71, рис. 2, 3–4). Схожие наконечники копий XIV–XV вв. были обнаружены при раскопках в Латвии (Brūzis, 2016. Tabl. I. XVIII, 2, 4; I.XX, 3, 6).

Вероятнее всего, наконечник копья, обнаруженный в 1973 г. на территории Ладужской каменной крепости, относится к вооружению конных ратников, которые являлись основной силой русских войск в XIV–XV вв., в том числе новгородского (Кирпичников, 1976. С. 12, 19; Быков, 2020. С. 61–67). На страницах письменных источников нет подробной информации об отрядах, находившихся в Ладоге на протяжении указанного периода. Однако о присутствии в городе конных профессиональных воинов свидетельствуют находки колесцовых шпор XIV–XV вв. типа VII по классификации О. В. Двуреченского (Бранденбург, 1896. Табл. LXIII, 7; Корзухина, 1958. Рис. 6, 3; Двуреченский, 2018. С. 129–131, рис. 26, 3). Именно они входили в состав комплекса снаряжения тяжеловооруженных всадников — «кованой рати» (Кирпичников, 1976. С. 50).

Еще один наконечник копья с удлиненно-треугольным пером был обнаружен в верхнем мешаном слое при раскопках 2015 г. на территории Ладужского посада у дома № 9 по Варяжской улице (Миляев, 2018б. С. 198, 200). Длина изделия 184 мм, внешний диаметр втулки 30 мм (рис. 1, 2). Перо с плечиками в нижней части имеет ромбовидное сечение, острие наконечника обломано. Втулка высокая, усеченно-конической формы, на ее боках есть явно различимый шов, выполненный с наложением краев друг на друга, и округлое отверстие для крепежного гвоздя. Так как на территории раскопа у дома № 9 по Варяжской улице почти не было обнаружено хорошо выраженных культурных напластований раннего и развитого средневековья, очевидно, что данный наконечник копья, относится к более позднему периоду.

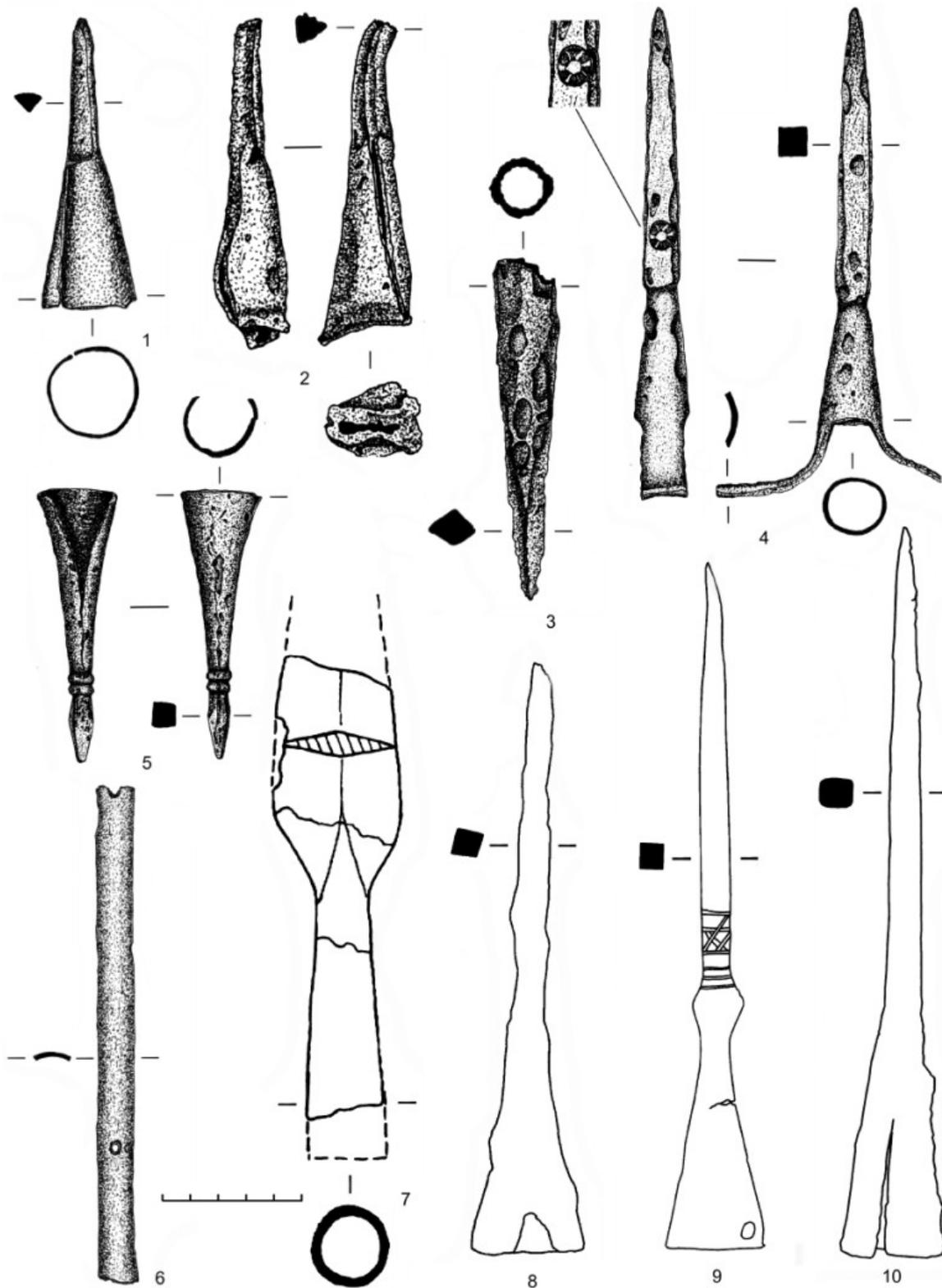

Рис. 2. Наконечники копий XV–XVII вв. и их фрагменты, втулки: 1–6 — Старая Ладога (1–2, 4 — каменная крепость; 3 — посад, южная часть; 5–6 — Земляное городище); 7 — крепость Орешек (Кильдюшевский, 1999); 8 — Старица; 9–10 — Москва (Двуреченский, 2015). Все — железо

Fig. 2. Spear heads of the 15th–17th century and their fragments, butt-weights: 1–6 — Staraya Ladoga (1–2, 4 — stone fortress; 3 — posad, southern section; 5–6 — Zemlyanoye Gorodishche); 7 — fortress of Oreshek; 8 — Staritsa; 9–10 — Moscow. Iron

Его можно отнести к XV–XVII вв., более точную дату определить затруднительно.

Данное изделие соответствует типу III, по классификации А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1966. С. 12–14), и типу 2, по О. В. Двуреченскому (*Двуреченский*, 2015. С. 93). Такие наконечники копий, появившись еще в раннем средневековье, существовали до XVII в. включительно. Находки позднего средневековья — раннего нового времени, аналогичные ладожской, были встречены в нескольких городах и крепостях на территории России: Москве, Голинской слободе под Епифанью и Пскове (*Двуреченский*, 2015. Рис. 38–39; *Салмин*, 2017. Рис. 1, 12).

Среди рассматриваемых наконечников колющего древкового оружия из раскопок в Старой Ладоге подавляющее большинство имеют вытянутые граненые шиловидные перья и относятся к эпохе Московского государства⁴. Первый обнаружен в ходе расчистки сгоревшей в пожаре деревянной постройки горизонта В, располагавшейся преимущественно в квадратах XIX–XI, OIX–XI (рис. 1, 7). Изделие выявлено в северо-западной части остатков сооружения и залегало горизонтально среди развала обугленного дерева в квадрате НХ с внешней стороны сруба, у его западной стены на уровне пола (нивелировочные отметки +17 — +0,01 от R). Рядом был найден фрагмент крупной дужки от железного котла (*Гроздилов*, 1949. Л. 39). Полная длина наконечника копья — 305 мм, перо шиловидное, в виде четырехгранного стержня квадратного сечения 12 × 12 мм (ГЭ Ла/806). Втулка коническая, вытянутая, диаметром 35 мм, внутри нее сохранился фрагмент деревянного древка; отверстие для крепежного гвоздя, а также боковой шов незаметны, скорее всего, скрыты коррозией. По типологии О. В. Двуреченского подобные изделия относятся к типу 1, вариант Б, и пик их распространения на территории Московского государства приходится на вторую половину XVI — середину XVII в. (*Двуреченский*, 2015. С. 73, 81).

⁴ В XV–XVII вв. колющее древковое оружие в письменных источниках чаще всего обозначалось термином «копье» без уточнения формы его наконечника. Наименование «пика» появилось только в первой половине XVII в. и относилось, прежде всего, к пехотному древковому оружию, характерному для европейских армий и русских полков нового строя (*Двуреченский*, 2015. С. 70; *Чубинский*, 2016. С. 311). В данной статье используется историческая терминология.

Однако дату ладожской находки можно существенно уточнить. Основание сгоревшей срубной постройки размерами около 4 × 4 м, где был найден описанный выше граненый наконечник копья, сохранилось на уровне нижних венцов. Внутри нее был расчищен дощатый пол, а в юго-западном углу — развал печи, сложенной на глине из валунов и большого количества кирпича. В ходе раскопок здесь были найдены многочисленные изделия из железа и цветных металлов, в частности замок типа Е по типологии Б. А. Колчина, характерный для XVI–XVII вв., ножи, обувные подковки, гвозди, скобы, поделки из кости и рога, багор, фрагменты слюдяных вставок в оконные переплеты. Отдельно стоит отметить целую глиняную флягу с зеленой поливой и характерным декором из волнистых и концентрических линий (*Миляев, Горлов*, 2020. С. 189). Данные сосуды, скорее всего, являлись продукцией псковских мастеров и были широко распространены в конце XVI — XVII в. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 20; *Курбатов А.*, 2013. С. 126). Время гибели этого комплекса устанавливается надежно. В 1,0–1,5 м к северу на тех же нивелировочных отметках было открыто хозяйственное сооружение (квадраты HVI–VII, OVI–VII), на полу которого обнаружен золотой голландский дукат 1607 г., посуда из каменной массы германского производства, фрагменты стеклянных штофов и другие находки. Обе постройки, несомненно, синхронны, относятся к одному строительному ярусу и, наиболее вероятно, сгорели в пожаре 1611 г. в ходе боевых действий Смутного времени (*Миляев, Горлов*, 2020. С. 176–189, 192–194). Таким образом, описанный выше наконечник копья можно уверенно датировать началом XVII в.

Военные потрясения Смуты нашли отражение в предметах, относящихся к вооружению и военной экипировке, выявленных внутри и вблизи остатков сооружения. Это фрагмент диоптрического прицела от огнестрельного оружия (*Миляев*, 2019а. С. 466, рис. 3, б), наконечник стрелы, фрагмент перекрестья сабли и характерный крючок от западноевропейской португалии для ношения шпаги (*Там же*. С. 273, 277, рис. 3, 5). Из боеприпасов стоит отметить пули из свинца и железа, а также ядро.

Второй граненый наконечник копья был найден в 1949 г. на Земляном городище в ходе снятия верхнего мешаного слоя гумуса⁵ на прирезке

⁵ Данный слой в дневниках Г. П. Гроздилова и описи находок именовался «огородная земля».

в южной части раскопа, примыкавшей к внутреннему склону насыпи деревоземляных укреплений конца XVI — XVII в. (ГЭ Ла/665) (рис. 1, 3). Работы осуществлялись на площади квадратов М–Ф, А XVI–XVII, находка была обнаружена на глубине 0,4 м от поверхности дерна⁶. Длина наконечника — 175 мм, при этом изначально она была больше, поскольку острие изделия обломано. Втулка диаметром 35 мм вытянуто-конической формы, часть ее нижнего края повреждена, шов на боку выполнен внахлест. Отверстие для крепежного гвоздя незаметно, скорее всего забито коррозионными массами или находилось на несохранившейся части изделия. Перо шиловидное, четырехгранное, имеет сечение, близкое к квадратному, 7 × 6 мм. Данный наконечник копья менее крупный и массивный, чем описанный ранее, при этом также относится к типу 1, вариант Б, по классификации О. В. Двуреченского (*Двуреченский*, 2015. С. 73, 81). Чаще всего подобные находки датируются в рамках второй половины XVI — первой половины XVII в., однако предпочтительнее отнести ее к концу XVI — началу XVII столетия. На правильность такого предположения указывает и найденный вместе с данным наконечником копья в слое «огородной земли» ружейный фитильный замок западноевропейского мушкета конца XVI — начала XVII в. (*Миляев*, 2019а. С. 457). Огнестрельное оружие с подобными механизмами воспламенения заряда использовалось преимущественно солдатами наемных отрядов на шведской службе, занимавших Ладугу в Смутное время (*Миляев*, 2020а. С. 10, 12, 45–46, ил. 2, 2). После 1619 г. какие-либо военные столкновения непосредственно вблизи города прекращаются и более никогда не возобновляются, поэтому утрата подобных деталей вооружения становится маловероятной (*Селин*, 2016. С. 465–467).

Третий наконечник копья с граненым пером был обнаружен на территории Земляного городища в 1985 г. экспедицией под руководством Е. А. Рябинина при разборе осыпи одной из стенок раскопа (*Рябинин*, 1985. С. 1) (рис. 1, 6). Вероятнее всего, предмет происходит из насыпи западной куртины деревоземляной бастионной крепости, возведенной предположительно в середине

80-х гг. XVI в. (СЛМ КП-98612/198, А2-288). Сохранность данной находки очень хорошая, ее полная длина составляет 275 мм, перо шиловидное четырехгранное квадратного сечения 14 × 14 мм. Втулка коническая, довольно короткая, диаметром 34 мм, в ней пробито округлое отверстие диаметром 5 мм для закрепления наконечника на древке гвоздем, края бокового шва сложены внахлест и прокованы. Как и два предыдущих, данное изделие относится к типу 1, вариант Б, по О. В. Двуреченскому (*Двуреченский*, 2015. С. 73, 81), однако вряд ли можно его датировать ранее, чем строительство Земляного города в Ладогe, то есть 80-ми гг. XVI в. (*Кирпичников*, 1979. С. 471–472). Верхняя дата этого наконечника копья определяется сложнее; деревоземляные бастионные укрепления неоднократно ремонтировались и подсыпались в течение XVII в., предмет мог попасть в насыпь во время строительных работ. Наиболее правильно датировать эту находку последней четвертью XVI — XVII в.

Наконечники копий типа 1, вариант Б, по типологии О. В. Двуреченского были широко распространены на территории Московского государства. Для трех описанных выше ладожских находок наиболее близкими по форме аналогиями являются экземпляры из Москвы, Тушинского лагеря, Старицы и Пскова (*Бойцов*, 1995. С. 262, рис. 2, 4; *Двуреченский*, 2015. С. 77–78, рис. 22, 1; 23, 1, 3–4; *Салмин*, 2017. С. 298, рис. 1, 13) (рис. 2, 8, 10). Все они датируются концом XVI — XVII в. Подобные наконечники XVII в. хранились в арсенале Соловецкого монастыря (*Наследие Соловецкого монастыря...*, 2006. С. 150, кат. 249). Несколько изделий схожей формы, относящихся к XV–XVII вв., происходят из раскопок на территории республики Беларусь (Минск) и Латвии (Цесис, Рига, Мартинсала) (*Плавинский*, 2008. С. 366, рис. 3, 2; *Бохан*, 2012. С. 13–14; *Brūzis*, 2016. L. 133–136. Tabl. I.XXIV, 5–6, 9).

В 2000 г. на Земляном городище экспедицией А. Н. Кирпичникова был обнаружен наконечник копья с граненым пером, заметно отличающийся от описанных ранее (СЛМ КП-99176/139, А-24145) (рис. 3, 2). Длина находки составляет 165 мм, однако не является изначальной, поскольку острие обломано. Втулка в виде вытянутого конуса высотой 84 мм имеет в основании диаметр 30 мм, ее нижний край частично поврежден, характер бокового шва определить не представляется возможным. Отверстие для крепежа к древку

⁶ К сожалению, предметы из верхних мешаных слоев не фиксировались подробно, и нам не известен точный квадрат, в котором была сделана находка, указан только участок южной прирезки и слой.

не сохранилось, или, вероятно, скрыто коррозией. Перо изделия шиловидное, четырехгранное, квадратного сечения, размерами 10 × 10 мм в нижней части. Особенностью данного наконечника пики является наличие так называемого «яблока» — округлого расширения, расположенного на шейке между верхней частью втулки и основанием пера. На ладожской находке «яблоко» диаметром около 20 мм в поперечном разрезе имеет профиль, близкий к биконическому, с приплюснутыми полюсами и плавно скругленным центральным ребром. Описанное выше изделие с территории Земляного городища относится к типу 1, вариант В, по типологии О. В. Двуреченского, к его второй (поздней) хронологической группе. Такие наконечники копий датируются концом XVI — первой половиной XVII в., отличаются довольно простой техникой исполнения, а также полным или частичным отсутствием орнаментации, характерной для более ранних экземпляров. Форма «яблока», которую мы видим на ладожском изделии, довольно редко встречается, наиболее близкой аналогией является находка из Москвы, относящаяся к XVI в. (Двуреченский, 2015. С. 81, 84, 89, рис. 28, 3; 33, 1) (рис. 2, 9).

Датировку описанного выше наконечника копья из Старой Ладogi можно уточнить по контексту залегания его в культурном слое. Он был обнаружен на Земляном городище в раскопе 3 и располагался частично под оплывшей внутренней полкой насыпи южной куртины Земляного города, верх которой был срыт. Изделие находилось в слое коричневого гумуса с остатками щепы, углем, обломками плит и кирпича (квадрат Ж XVIII, глубина +58 от R) в пределах остатков срубной постройки размерами приблизительно 4 × 4 м, выявленной в квадратах Ж-3-И XVII–XVIII на отметках от +75 до +42 от R. В северо-западном углу сооружения был расчищен развал печи, сложенной из кирпичей и валунов на подквадратном основании из параллельно уложенных досок. Исследованные в 2000 г. культурные напластования изначально были датированы концом XV — третьей четвертью XVI в., не позже времени строительства деревоземляной бастионной крепости (Кирпичников, Сорокин, 2002. С. 151–153, 156, рис. 2; 7, 1). Однако при последующих раскопках было выяснено, что граница внутреннего склона куртины Земляного города в позднем средневековье находилась южнее, и на участке раскопа 3 часть объектов может иметь более позднюю

датировку (Кирпичников, 2007. С. 193). В ходе работ с материалами 2000 г. удалось определить, что в северной и западной частях исследованного участка располагались сооружения начала XVII в., предположительно сгоревшие в пожаре 1611 г. при боевых действиях Смутного времени (Миляев, 2020б. С. 237). Непосредственно под обугленными остатками одного из них залегали край нижнего венца западной стены и часть развала печи более ранней постройки, внутри которой и был найден наконечник копья с граненым пером. Вероятнее всего, данное срубное сооружение, а также указанный предмет вооружения можно датировать в пределах второй половины — конца XVI в. Не противоречат таким временным рамкам и сопутствующие находки: фрагмент донца стеклянной бутылки — штофа, часть железного пробоя, пряжка из медного сплава и развал белоглиняного сосуда. Возможно, наконечник копья с «яблоком» в основании пера, острие которого было сломано, хранился в постройке для последующей перековки в качестве железного сырья.

В 1945 г. на Земляном городище в Старой Ладoge экспедицией В. И. Равдоникаса была найдена втулка наконечника колющего древкового оружия с обломанным пером (ГЭ 18/1693) (рис. 1, 4). Изделие конусообразной формы длиной 120 мм и диаметром 40 мм в нижней части. Края бокового шва выполнены внахлест, для закрепления детали на древке сверху предмета имеется округлое отверстие для гвоздя. Отнести данную находку к какому-либо из типов невозможно, однако ее датировку можно уточнить по контексту залегания в культурном слое. Изделие было обнаружено в ходе исследования горизонта В на участке квадратов Б-8, Б-9, В-8, В-9 на глубине 0,65–0,85 м от поверхности дерна. Предположительно, данный фрагмент наконечника копья находился на уровне вымостки из плит известняка, валунов и фрагментов кирпичей или несколько ниже нее. Мощеное пространство перед западным фасадом церкви св. Климента могло быть сооружено в XV в. (вероятно, в середине столетия) и существовало до начала XVII в. (Платонова, Санкина, 2018. С. 74–77, 80–82). Примерно на его уровне, западнее располагались деревянные срубные постройки, сгоревшие при боевых действиях Смутного времени, которые исследовались в 1945, 1948 и 1949 гг. Исходя из указанных обстоятельств, предположительная датировка предмета может быть определена XVI — началом XVII в.

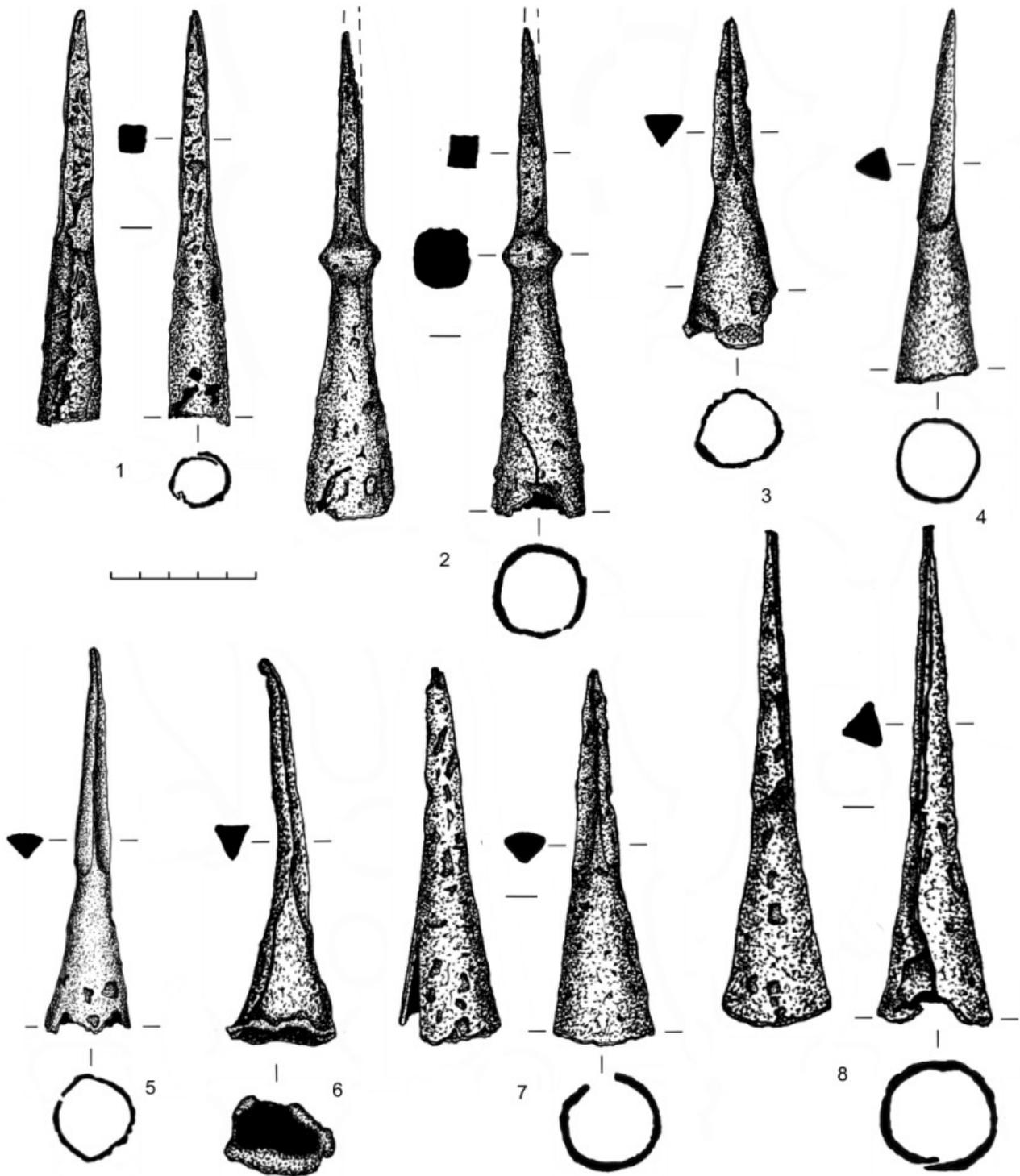

Рис. 3. Старая Ладога. Наконечники копий XVI–XVII вв. и их фрагменты: 1 — посад, Никольский монастырь; 2 — Земляное городище; 3–8 — посад, левый берег реки Ладожки, ул. Варяжская. Все — железо

Fig. 3. Staraya Ladoga. Spear heads of the 15th–17th century and their fragments: 1 — posad, St Nickolas Monastery; 2 — Zemlyanoye Gorodishche; 3–8 — posad, left bank of the Ladozhka River, Varyazhskaya Str. Iron

Несомненно, все четыре граненых наконечника копий, обнаруженные при раскопках на Земляном городище в Старой Ладоге, являются оружием русских воинов. Аналогичные находки не раз встречены в ходе исследований во многих городах и крепостях Московского государства. Обычно изделия типа 1, варианты Б и В, считаются вооружением конных ратников (*Двуреченский*, 2015. С. 101). Касательно наконечника второй половины — конца XVI в., обнаруженного в 2000 г., данное утверждение верно (рис. 3, 2). Это качественно выполненное легкое, изящное изделие, с тонким пером и «яблоком» на шейке, действительно является оружием всадника. Стоит отметить, что во второй половине XVI столетия копьё в поместной коннице использовались все реже, более того, их количество неуклонно сокращалось. В то время данное оружие имело элитный статус, им владели преимущественно состоятельные дети боярские, а также признанные мастера ближнего «съёмного боя» (*Курбатов О.*, 2011. С. 79–80; 2013. 231–233).

Что касается трех других, более поздних наконечников копий типа 1, вариант Б, с территории Земляного городища, то в их отношении не все так однозначно (рис. 1, 3, 6–7). Особенно это касается изделий, утраченных в ходе боевых действий Смутного времени. В начале XVII столетия использование поместными всадниками копий в сражениях становится крайне редким, после Смуты от них отказались совсем. Холодное оружие стало быстро замещаться огнестрельным. Особенно активно этот процесс происходил в северо-западных районах Московского государства (*Курбатов О.*, 2006. С. 2; 2011. С. 80; 2013. С. 233). Другим немаловажным фактом является то, что в указанный период количество конных воинов, которые должны были нести службу в Ладоге, было очень небольшим. В 20-е гг. XVII в. их количество было не более 16–17 человек, позже они и вовсе перестают упоминаться в письменных источниках. При этом дети боярские жили преимущественно в своих поместьях вне пределов города, хотя могли иметь жилища внутри укреплений (*Бранденбург*, 1896. С. 64–65, 253–254)⁷. Исходя из указанных фактов, три граненых наконечника копий периода конца XVI — XVII в. с территории Земляного городища, скорее всего, являются

оружием пехоты — основной силы при обороне Ладожской крепости. На это также указывают их довольно большие размеры и вес, удлинённые втулки, грубоватая отделка изделий. Они не являются продуктами штучного изготовления, производились в больших количествах и были доступны небогатым ратникам.

Известно, что колющее древковое оружие с наконечниками разных форм во второй половине XVI — начале XVII в. могло использоваться в ближнем бою стрельцами (*Пенской*, 2019. С. 212–216). Причем оно являлось необязательным и приобреталось самими воинами, исходя из личных предпочтений и достатка. Копьями снаряжались даточные люди, жители городских посадов, казаки и даже сельское население (*Богоявленский*, 1938. С. 268; *Филатов*, 2001. С. 181, 184; *Молочников*, 2013. С. 208). В частности, во второй половине XVII столетия это оружие часто упоминается в письменных источниках как вооружение ладожских посадских и даже ямщиков (*Бранденбург*, 1896. С. 258, 266, 270). Длина древка копья пехотинца вряд ли превышала 2,5–3,0 м, оно снабжалось наконечником и зачастую втоком на противоположном конце. Судя по материалам раскопок, это было личное оружие, хранившееся непосредственно в домах ладожан.

Интересное сообщение имеется в воспоминаниях капитана европейских наемников Пьера Делавиля, захватившего в 1610 г. Ладогу. Он указывает, что отряд конных воинов, которым командовал его младший брат Жак, сделал вылазку на север против одного из отрядов войска боярина И. М. Салтыкова, осадившего зимой 1611 г. крепость. Удар всадников был нацелен в сторону Никольского Медведского монастыря на лагерь, где расположились служилые люди-новгородцы князя Г. К. Волконского, а также казаки Тимофея Шарова и Миняя Карамышева (*Селин*, 2008. С. 45, 48–49). Пьер Делавиль пишет, что на отряд его брата, который хотел уже отступить, «...напала вышедшая через задние ворота лагеря рота копейщиков...», в результате чего он был разбит, а часть людей пленена (*Делаиль*, 2008. С. 137). Вероятно, в данном случае мы имеем одно из свидетельств организации в русском войске начала XVII в. пехотных подразделений, вооружённых копьями, для противодействия вражеской коннице. Подобные попытки несколько раз предпринимались в Смутное время, однако чаще всего были неудачными (*Курбатов О.*, 2014. С. 88–89). Можно предположить, что

⁷ Например, известно, что в 1646 г. такое подворье в Земляном городе было у сына боярского Агея Петрова, сына Увалова.

новгородские дворяне князя Волконского были в основном всадниками, в таком случае копыя могли использоваться пешими казаками.

В ходе исследований, проводившихся в разные годы на территории Ладужской каменной крепости, было выявлено четыре находки, которые можно отнести к древковому колющему оружию. Наиболее интересным из них является наконечник пики, обнаруженный во время раскопок Н. Е. Бранденбурга в одной из трех печур прясла между Воротной и Климентовской башнями (ГЭ 888/10) (рис. 2, 4). Длина изделия составляет 183 мм, перо шиловидное, четырехгранное, квадратного сечения 11 × 11 мм. На основании конической втулки высотой 45 мм и диаметром 24 мм по бокам имеются две полосы — «прожилыны», шириной 15 мм. Ими оковывали древко пики, закрепляя гвоздями или сквозными железными штифтами, расклепанными с обоих концов. Для лучшего прилегания пластины немного выколочены наружу по всей длине. «Прожилыны» обломаны и отогнуты в разные стороны, что явно произошло при демонтаже наконечника с древка. В нижней части пера наконечника пики при помощи штампа выбито круглое клеймо диаметром 9 мм с изображением колеса или солярного символа (?), фигура представляет собой выступающий круг в центре углубления с отходящими от него прямыми линиями — лучами. Данное изделие, несомненно, имеет западноевропейское происхождение.

Аналогии ладожской находке во множестве представлены в материалах раскопок, в частных коллекциях и музейных собраниях. Наконечники пик XVII в. с прожилынами по бокам втулки были обнаружены при раскопках в одном из районов Стокгольма (Швеция) и в замке Кокнесе (Латвия) (Ruša, 1998. Att. 11, 2; Carlsson et al., 2019. S. 334) (рис. 4, 1–2). На граненом пере находки из Латвии, вероятно, имеется клеймо в виде П-образной фигуры. Целые пики XVI–XVII вв. с аналогичными деталями имеются в собраниях Германии и Швейцарии (Fischer Galerie..., 2007. S. 92–93, cat. 118–121; 2015. S. 28, cat. 1066, 3) (рис. 4, 4). Интересен экземпляр данного оружия XVI — начала XVII в. (?) из цейхгауза города Золотурн (Швейцария), у которого на пере наконечника имеется круглое клеймо с изображением пятиконечной звезды (Wegeli, 1905. S. 66, fig. 6, 616) (рис. 4, 3).

Фрагментом такого же наконечника пики — частью «прожилыны» — может являться железная полоса шириной 14 мм с двумя отверстиями,

найденная при раскопках Н. И. Репникова 1911 г. в верхних поздних слоях Земляного городища (ГЭ 2082/14) (рис. 2, 6). Пластина длиной 180 мм обломана с обеих сторон, в сечении она имеет характерный плавный изгиб, который обеспечивал лучшее прилегание оковки к древку. Впрочем, совершенно быть уверенным в подобной интерпретации нельзя.

Во второй половине XVI — XVII в. пикинеры наряду с мушкетерами составляли основу армий большинства европейских государств (Бехайм, 1995. С. 22, 236–237; De Groot, 2017. P. 11–20). Длина пик могла достигать более 5 м, они массово изготавливались оружейниками, в некоторых мастерских ставили на наконечники свои клейма с разными изображениями (Wegeli, 1905. S. 66, fig. 6, 616–619). В русской армии первые специализированные подразделения пикинеров, организованные по европейскому образцу, появились в 30-е гг. XVII в., хотя отдельные попытки их внедрения предпринимались и раньше. Опыт оказался не очень удачным, и в 50-е гг. XVII столетия отряды расформировали, однако древковое оружие все же продолжало выдаваться в полки (Курбатов О., 2014. С. 88–89; Малов, 2006. С. 37, 42). В частности, с 60-х гг. XVII в. длинные пики («списы») находились на хранении в Ладужской каменной крепости (Бранденбург, 1896. С. 259, 261, 274). Важно отметить, что наконечник, обнаруженный в Ладоге, значительно отличается по форме от известных нам соответствующих деталей пик русских полков нового строя, к тому же на них не было выявлено клейм (Двуреченский, 2015. С. 81, 93, рис. 36). Таким образом, данную находку однозначно можно отнести к вооружению европейских воинских контингентов и датировать началом XVII в. На данный момент она является одним из наиболее ранних фрагментов подобного оружия, обнаруженного при раскопках на территории России. Примечательно, что подавляющее большинство сохранившихся до наших дней шведских пик имеют наконечники с перьями квадратного сечения, аналогичные обнаруженному в Ладоге (Brzezinski, Hook, 2000. P. 18; Carlsson et al., 2019. S. 334).

В ходе раскопок Н. Е. Бранденбурга на участке северо-западного прясла Ладужской каменной крепости был обнаружен фрагмент наконечника копыя (ГЭ 888/38) (рис. 1, 1). Он находился внутри третьей печуры, считая от Стрелочной башни в направлении Воротной. От изделия сохранилось лишь шиловидное четырехгранное перо

ромбовидного сечения, размерами 169 × 16 мм, втулка полностью обломана. Отнести данную находку к какому-либо типу невозможно. Судя по сопутствующим находкам, предмет может относиться к XVI–XVII вв.

Два других наконечника копий, обнаруженные на территории каменной крепости, целесообразнее рассмотреть вместе с полностью аналогичными находками из раскопок на территории Ладожского посада как крупную серию однотипных изделий с определенными особенностями в конструкции и боевом применении.

Всего при раскопках на территории Ладожского посада было выявлено семь наконечников колющего древкового оружия, из них шесть полностью одинаковые. Единственный выпадающий из этой серии экземпляр был найден во время раскопок Н. К. Стеценко в 1988 г. на территории Никольского мужского монастыря (СЛМ КП-НВФ-800-115) (рис. 3, 1). Наконечник копья сохранился хорошо, длина находки составляет 140 мм, втулка диаметром 22 мм высокая, усеченно-конической формы, края шва на ней выполнены внахлест. Перо шиловидное, четырехгранное, квадратного сечения, с размерами в основании 10 × 10 мм. Нижний край изделия поврежден ржавчиной, вероятно, на отсутствующем фрагменте находилось отверстие для крепежного гвоздя, впрочем, его могло и вовсе не быть. Данный наконечник определенно относится к типу 1, вариант Б, по классификации О. В. Двуреченского, наиболее распространенному во второй половине XVI — середине XVII в. Полностью аналогичное изделие, схожее по размерам, форме и пропорциям с ладожской находкой, было обнаружено во время исследования казачьих слобод Епифани в Тульской области на поселении Голино-1, датированном XVII в., не позднее его третьей четверти (*Гоняный и др.*, 2011. С. 35–36, 50, рис. 2, 3; *Двуреченский*, 2015. С. 81, рис. 22, 3). Видимо, именно к этому временному отрезку принадлежит и описанное выше изделие из Ладоги. Вероятно, данный наконечник копья относится ко времени разорения Никольской обители в Смуту «немецкими людьми» или связан с позднее располагавшейся поблизости от монастыря Казачьей слободой (*Бранбенбург*, 1896. С. 34, 58–59).

В ходе археологических исследований 2013–2015 гг. на Варяжской улице в Старой Ладоге была найдена серия из шести однотипных наконечников копий (*Миляев*, 2018б. С. 195–198)

(рис. 3, 3–8). Все они схожи по конструкции, имеют шиловидное перо трехгранного сечения и усеченно-коническую втулку, на которой хорошо заметен шов, выполненный с наложением краев или, чаще всего, встык. На двух изделиях в нижней части есть отверстия для закрепления на древках при помощи гвоздей, на других они отсутствовали или были уничтожены коррозией. Длина наконечников от 112 до 155 мм (в среднем 122–135 мм), внешний диаметр втулок от 29 до 37 мм (чаще всего 30–35 мм). На одном экземпляре есть следы вторичного использования: изделие деформировано, верхняя часть втулки сплющена ударами сверху (рис. 3, 6). Судя по всему, после утраты своих первоначальных функций он применялся в качестве некоего вспомогательного инструмента. Интерес вызывает то обстоятельство, что три наконечника копий были найдены на небольшом участке раскопа 2015 г. в смежных квадратах, на расстоянии 1–2 м друг от друга (рис. 3, 3, 5, 6) и еще один — в слое строительного мусора при прокладке траншей под кабель, в 2 м западнее юго-западного угла дома № 9 по Варяжской улице (рис. 3, 4). Ранее два таких же изделия были обнаружены при археологических исследованиях в 2013 г. на Варяжской улице, в 7 м к западу от раскопа 2015 г., в верхних мешаных напластованиях (СЛМ КП-99155/30, А-23634; СЛМ КП-99155/35, А-23639) (рис. 3, 7–8)⁸. Таким образом, шесть экземпляров однотипных и схожих по размеру наконечников копий эпохи позднего средневековья — раннего нового времени были найдены на сравнительно небольшом участке Ладожского посада.

Позже, в ходе раскопок 2017–2018 гг., в Ладожской каменной крепости на территории юго-восточного прясла, южнее Тайничной башни, было обнаружено еще два идентичных изделия. Первый наконечник найден в 2017 г. на центральной части раскопа (квадрат 34, глубина -156 от R) при расчистке в верхнем мешаном слое скопления фрагментов керамики, предварительно датированных XVII в. (рис. 2, 1). Длина изделия 106 мм, однако изначально она была

⁸ В более ранних работах изображения данных наконечников соответствуют их состоянию до реставрации (*Миляев*, 2018б, рис. 4.38, 5–6). В данной статье приводятся рисунки изделий, отреставрированных в лаборатории ИИМК РАН Н. С. Кургановым и К. В. Горловым. Пользуясь случаем, автор выражает им глубокую благодарность.

Рис. 4. Пехотные пики XVI–XVII вв., наконечники пик, полевые заграждения: 1 — Стокгольм, Швеция (Carlsson et al., 2019); 2 — замок Кокнесе, Латвия (Риља, 1998); 3 — Золотурн, Швейцария (Wegeli, 1905); 4 — Люцерн, Швейцария (Fischer Galerie..., 2007); 5 — «испанские рогатки». Фрагмент гравюры Генри Хексхэма (Henry Hexham), 1642 г. (Миляев, 20186). 1–2 — железо; 3–5 — железо, дерево; без масштаба

Fig. 4. Pikes of the 16th–17th century and heads of pikes, defensive obstacles: 1 — Stockholm, Sweden; 2 — castle of Koknese, Latvia; 3 — Solothurn, Switzerland; 4 — Luzern, Switzerland; 5 — ‘chevaux de frise’, fragment of the engraving by Henry Hexham, 1642. 1–2 — iron; 3–5 — iron, wood; without scale

больше, поскольку его острие обломано; втулка в виде короткого конуса диаметром 34 мм в основании. Отверстия для крепления наконечника на древке нет, края бокового шва соединены встык. Перо изделия шиловидное, граненое, треугольного сечения, шириной 6 мм. Второй аналогичный предмет был найден в 2018 г. в ходе продолжения археологических исследований на данном участке крепостного прясла. Фрагмент наконечника выявлен при разборке верхних мешаных слоев и завалов строительного мусора над остатками каменных фортификационных сооружений на береговом склоне к р. Волхов. Датировать находку точно невозможно, однако вместе с ней были встречены предметы, относящиеся в основном к XVI–XVII вв. Данный наконечник копья сильно деформирован, перо согнуто, острие обломано, втулка смята, а ее края несут на себе следы ударов (рис. 2, 2). Эти повреждения могли быть получены, с одной стороны, в результате вторичного использования изделия в качестве вспомогательно-инструмента, подобно уже рассмотренной находке с территории Ладожского посада, с другой стороны — из-за его попадания и последующего долговременного нахождения в слоях, насыщенных строительным мусором и колотыми плитами известняка. Длина фрагмента наконечника составляет 120 мм, ширина втулки — около 35 мм, перо граненое, треугольного сечения, шириной 10 мм. Края бокового шва соединены встык, отверстие для закрепления детали на древке не выявлено. Несмотря на значительные повреждения, видно, что данное изделие полностью аналогично по параметрам, абрису и конструкции описанным выше находкам с территории Ладожского посада и из раскопок 2017 г. в каменной крепости.

Таким образом, общее количество полностью идентичных наконечников копий из раскопок в Старой Ладоге достигает восьми экземпляров. Очевидно, что изначально все описанные выше изделия были одинаковыми, современная разница обусловлена степенью их сохранности и повреждениями. По всей вероятности, они были продуктом массового изготовления и стандартизированы по определенным образцам.

Что касается наконечников копий из раскопа 2015 г. у дома № 9 по Варяжской улице, то по сопутствующим нумизматическим находкам и данным дендрохронологического анализа спилов с деревянных конструкций, выявленных в ходе исследования культурных напластований, их

можно датировать XVII в. (Милыев, 2018б. С. 197). К этому же времени относится и находка из раскопок 2017 г. на территории юго-восточного прясла Ладожской каменной крепости.

Данные изделия принадлежат к типу 1, варианту Б, по классификации О. В. Двуреченского, более всего они были распространены во второй половине XVI — середине XVII в. (Двуреченский, 2015. С. 73–81). Заметное отличие находок из Ладогги заключается в их небольших размерах по сравнению с экземплярами из других городов и крепостей Московского государства и в довольно грубом качестве изготовления. Наиболее вероятно, что они являются наконечниками полупик, которые имели древки длиной около 2 м с одинаковыми «копейцами» на обоих концах. Это оружие применялось в ближнем бою, а также для сооружения полевых заграждений — «испанских рогаток» (надолбов) (рис. 4, 5). Европейская пехота использовала полупики в течение всего XVII в. (De Groot, 2017. S. 23; Бехайм, 1995. С. 240–241; Brzezinski, Hook, 2000. S. 15–17). В московских войсках они получили широкое распространение только с середины указанного столетия (Курбатов О., 2014. С. 88; Малов, 2006. С. 37, 42, 334, 336) и позже применялись в русской армии в течение первой трети XVIII в. (Татарников, 2008. С. 24, 70–71, 112). Во второй половине XVII в. «копейца полупичные» тысячами единиц изготавливались кузнецами Московского государства (Никитин, 1971. С. 23), в схожих объемах их производство было налажено в Европе (Brzezinski, Hook, 2000. S. 16; De Groot, 2017. S. 23).

Найденные при раскопках в Старой Ладогге детали полупик могут относиться равно как к Смутному времени, так и ко второй половине XVII в., более точную дату определить на данный момент не представляется возможным. Если принять во внимание первую версию, то, вероятнее всего, это оружие применялось иноземными наемниками и шведскими солдатами, занимавшими Ладоггу с 1610 по 1617 г., русские войска тогда его не использовали. Известно, что на территории Ладожского посада, в частности, на месте, где была найдена серия из шести «копеец», в 1616 г. стоял лагерь крупного военного отряда наместника Выборга Арвида Теннисона. В сообщениях информаторов отмечается, что он стоит в шатрах, разбитых вдоль берега р. Ладожка. Оборону обеспечивали три артиллерийских орудия, размещенных на основных дорогах в направлении

Орешка и Тихвина, опасность нападения отрядов русских служилых людей и казаков была вероятна (Селин, 2008. С. 65–66). И хотя в донесении говорится, что «...острошку у Арвея нет...», место расположения войск могло быть по периметру ограждено рогатками для противодействия коннице. Вероятно, этим фактом может объясняться большое количество наконечников полупик, найденных в районе центральной улицы посада древней Ладogi — Варяжской.

Если принять во внимание версию о более поздней дате интересующих нас находок, то письменные источники свидетельствуют, что с 1668 г., а возможно и несколько ранее, в арсенале Ладожской каменной крепости имелись длинные пехотные пики и полупики с короткими древками (Бранденбург, 1896. С. 259). Это вооружение предположительно использовалось войсками гарнизона при небольших стычках на границе и в начале Северной войны, однако при этих событиях утрата целой серии наконечников на территории городского посада маловероятна. Позже рогатки из полупик могли применяться войсками Петра I, часть которых в 1701–1702 гг. собиралась в Ладогe перед походом на Нотебург (Орешек) (Селин, 2008. С. 105–106). Однако эта версия еще требует дополнительного подтверждения.

Чаще всего нижние концы древков копий, а также топориков, бердышей и иного оружия снабжались втоками. За все время раскопок в Старой Ладогe было найдено два подобных изделия, относящихся к позднему средневековью — раннему новому времени. Интересный вток индивидуальной формы был обнаружен в 1913 г. в ходе раскопок Н. И. Репникова на Земляном городище в слое 2, содержащем поздние напластования (ГЭ 3793/110) (рис. 2, 5). Длина находки составляет 94 мм, втулка с заметным расширением в верхней части имеет диаметр 29 мм, ее края не сомкнуты, и на боку имеется разрыв подтреугольной формы. Нижняя часть втока откована в виде миниатюрного граненого шипа квадратного сечения 8 × 8 мм. Между острием и втулкой на шейке выполнено два декоративных кольцевых валика. Описанная выше находка из раскопок на Земляном городище в Старой Ладогe формально относится к типу 2, по О. В. Двуреченскому, и датируется XVI–XVII вв. Однако на изделиях этого типа, обнаруженных на территории Московского государства, какие-либо декоративные элементы отсутствуют (Двуреченский, 2015.

С. 113, рис. 58). Стоит отметить, что втоки, украшенные различными рельефными поясками, более характерны для западноевропейского древкового оружия позднего средневековья — раннего нового времени: боевых молотов, алебард, протазанов и др. (*De don Juan, Beer*, 1889. Taf. 52, II–III; *Reverseau*, 1982. Tabl. 10; *De Groot*, 2017. S. 13). Можно предположить, что вток из раскопок Н. И. Репникова на Земляном городище является изделием иноземного мастера, однако установить это доподлинно не представляется возможным. Интересно, что схожие детали с декоративными валиками имеются на некоторых образцах алебард и протазанов второй половины XVII в. из Оружейной палаты в Москве, выполненных русскими оружейниками по европейским образцам или являющихся предметами импорта, а также на нескольких бердышах (Висковатов, 1841. С. 68, 90). Предположительно, указанный вток из Ладogi можно датировать в рамках второй половины XVI — XVII в., вероятно его связь с боевыми действиями Смутного времени.

Единственный вток, происходящий с территории посада, был случайно обнаружен в 1984 г. на картофельном поле в южной части Старой Ладogi (СЛИМ КП–94767 А4–130) (рис. 2, 3). Изделие имеет коническую форму, втулка плавно, без уступов, переходит в короткое острие. Длина находки — 120 мм, диаметр втулки — 25 мм, ее верхняя часть обломана, вероятно, там находилось отверстие для закрепления втока на древке. Острие детали граненое, ромбовидного сечения, длиной около 45 мм. Подобные изделия, распространенные в XV–XVII вв., относятся к типу 1, по О. В. Двуреченскому, они были найдены во многих городах и крепостях Московского государства (Двуреченский, 2015. С. 113, рис. 58, 1–2). Более точную датировку втока с территории Ладожского посада определить затруднительно.

Сведения о вооружении ладожан во второй половине XVII в. можно почерпнуть из многочисленных письменных источников, которые органично дополняют данные археологии. По ним видно, что вплоть до 60-х гг. XVII столетия в комплексе вооружения ладожских служилых людей значительных изменений не происходит. Впервые наличие в арсенале крепости нового оружия, в частности колющего древкового, фиксируется в Описи Ладogi 1668 г. «В Ладогe-ж в казне прислано из Лавужского острогу: ...150 копеечных без древков, 98 пик долгих и коротких

с древками...», то же написано и в следующем 1669 г. (*Бранденбург*, 1896. С. 259, 261). Их появление связано с событиями русско-шведской войны 1656–1658 гг., когда гарнизон Лавуйского острога, стоявшего на «Свейском рубеже», был значительно усилен людьми и оружием. В 1657 г. у стен укрепления состоялось сражение войск воеводы А. Потемкина с крупным шведским четырехтысячным отрядом, в результате которого противник отступил (*Селин*, 2008. С. 97–98). После окончания войны гарнизон заставы был уменьшен до двух десятков человек (*Бранденбург*, 1896. С. 260, 266; *Шмелев*, 2004. С. 7, 18–19), вероятно, после этого часть избыточного военного имущества была отправлена на хранение в Ладожскую крепость. Интересен состав присланного оружия и снаряжения, где, кроме копий и пик, числились алебарды, бердыши, топоры, лядунки драгунские, кроме того, в крепостном арсенале ранее уже находилось более сотни мушкетов с фитильными замками (*Бранденбург*, 1896. С. 259).

Нет сомнения, что перед нами комплекс вооружения, характерный для полков нового строя второй половины XVII в., максимально приближенный к европейскому образцу. Одной из его отличительных черт является использование пехотных пик на длинных древках, а также применение более коротких полупик и собранных из них полевых заграждений — рогаток (*Малов*, 2006. С. 42). Изначально новое вооружение появилось преимущественно в полках, размещенных

в центральной части Московского государства, позже нововведения так или иначе стали затрагивать все более отдаленные воинские подразделения. Несомненно, что в преддверии войны 1656–1658 гг. правительство в Москве централизованно отправляло партии оружия в города и крепости Северо-Запада, усиливая гарнизоны и полевые войска. Присланное на хранение в Ладогу колющее древковое оружие оставалось в крепости до конца XVII в., его состав и количество согласно описям показаны в таблице.

Из представленных данных видно, что во второй половине XVII в. в Ладожской крепости хранились как целые предметы колющего оружия ближнего боя с древками, так и их составные части — древки и наконечники. Причем количество отдельных деталей или превышало число целых экземпляров, или примерно равнялось ему. Видимо, при необходимости изготовление дополнительных древков и монтаж наконечников мог осуществляться на месте. Все указанные предметы вооружения обозначены термином «пики», то есть имели граненые шиловидные перья.

В конце 60-х гг. XVII в. в крепостном арсенале находилось 98 длинных и коротких пик с древками и 150 отдельных наконечников. К середине 80-х гг. указанного столетия количество древкового колющего вооружения заметно сократилось, однако причины такого изменения на данный момент неясны. В 90-х гг. XVII столетия часть оставшихся на-

Таблица. Колющее древковое оружие второй половины XVII в., хранившееся в арсенале Ладожской крепости (*Бранденбург*, 1896; *Мильчик*, 2014)

Table. Shafted stabbing weapons of the second half of the 17th century kept in the armoury of the Ladoga fortress (*Бранденбург*, 1896; *Мильчик*, 2014)

Год	Отдельные наконечники	Оружие с древками	Древки отдельно
1668	«...150 копей пичных без древков...»	«...98 пик долгих и коротких с древками	–
1669	«...150 копеец пичных без древков...»	«...98 пик долгих и коротких с древками	–
1685	«...90 копеец пичных без древков...»; «...27 копеец коротких...»	«...40 долгих древков с копейцами...»; «...32 пики с копейцами...»	–
1692	«...90 копеец пичных без древков...»; «...27 копеец коротких...»	«...40 долгих древков с копейцами...»; «...32 пики с копейцами...»; «...30 пик на одних концах копейца...»	«...7 древков долгих без копеец...»
1693	«...90 копеец пичных без древков...»; «...27 копеец коротких...»	«...40 долгих древков с копейцами...»; «...32 пики с копейцами...»; «...30 пик на одних концах копейца...»	«...7 древков долгих без копеец...»
1694	«...90 копеец пичных [без] древков...»	«...33 древка длинных с копейцы...»; «...30 пик коротких с копейцы...»; «...30 пик на одних концах копейца...»	«...7 древков долгих без копеецов...»

конечников копий, предположительно, была смонтирована на древки, и количество целого оружия увеличилось до 93–102 единиц, отдельных деталей осталось 90 экземпляров. Количество пик в Ладожской крепости было значительным, если учесть, что гарнизон насчитывал немногим более 200 человек (*Бранденбург*, 1896. С. 69, 232, 253, 258, 275), вероятно, часть вооружения предназначалась для выдачи в случае войны посадским людям — ополченцам. Пики из ладожского арсенала хранились исключительно в пределах стен городских укреплений, сначала, предположительно, в «полатке» — небольшом помещении в нижней части Воротной башни, а позже — в амбаре на территории крепостного двора (*Бранденбург*, 1986. С. 34–35, 269, 274; *Мильчик*, 2014. С. 342). Стоит отметить, что они почти не применялись в боевых действиях, хотя не исключено их использование стрельцами гарнизона при локальных пограничных столкновениях второй половины XVII в. и в начальный период Северной войны (*Селин*, 2008. С. 100, 104–105). Впрочем, точных сведений об этом не имеется. Таким образом, утрата наконечников пик в мирное время и выпадение их в культурный слой на территории города маловероятны. Арсенал в Ладожской крепости прекратил свое существование на рубеже XVII и XVIII вв., согласно описи 1701 г. артиллерия и все военное имущество «...в прошлых годах...» были вывезены в Великий Новгород (*Мильчик*, 2014. С. 345).

Что касается разновидностей колющего древкового оружия, имевшегося в распоряжении ладожских служилых людей, то основную информацию мы можем почерпнуть из более подробных описей 90-х гг. XVII в., более ранние документы дают лишь общую информацию. Наиболее уверенно можно выделить «пики долгие» — пехотные копья европейского образца («списы») с гранеными наконечниками, снабженными «прожилинами» и длинными древками. Кроме них в ладожском арсенале второй половины XVII в. находятся «пики короткие с копейцами» и «пики на одних концах копейца». Можно предположить, что в первом случае имеются в виду полупики с укороченными древками и одинаковыми небольшими наконечниками на обоих концах, подобные серии находок на территории Ладожского посада. Второе указанное наименование интерпретировать довольно сложно. Вероятно, это полупики, у которых «копейца» были смонтированы только на одном конце древка, однако точно определить это невозможно.

Кроме служилых людей колющим древковым оружием во второй половине XVII в. были вооружены жители Ладожского посада. В 1655 г. в росписи Ладоги указывается «посадских людей 58 человек с самопалы и с топоры и с копыи», кроме них отмечено «Ладожскаго яму охотников 20 человек с топоры и с копьем». К сожалению, точное количество людей, вооруженных тем или иным оружием, не указывается. Более подробные сведения имеются в росписи 1666–1667 гг., где отмечены «17 человек с копыи, а иные с топоры», в 1692–1693 гг. копиями были вооружены 4–5 посадских людей (*Бранденбург*, 1896. С. 258, 266, 270). Холодное оружие ближнего боя — копия и топоры (топорки), более дешевое и доступное, нежели огнестрельное, было широко распространено у ладожан. При этом стоит отметить, что в отличие от пик из арсенала в крепости, числившихся в «казне Великого Государя», оружие посадских людей было их личной собственностью и хранилось в домах. В случае вражеского нападения или осады они совместно с гарнизоном Ладожской каменной крепости и Земляного города должны были отбивать противника. Кроме того, обстановка на границе во второй половине XVII в. не всегда была спокойной, зачастую происходили вооруженные инциденты, совершались различные преступления (*Шмелев*, 2004. С. 23–24; *Селин*, 2016. С. 545–551). В таких случаях оружие использовалось ладожанами для самообороны, в частности это касается ямских охотников, для которых копьё или топор могли служить защитой от грабителей на дороге. По сведениям, зафиксированным в письменных источниках, нельзя точно сказать, какими типами наконечников снабжалось древковое колющее оружие посадских людей Ладоги. Судя по археологическим данным, большая их часть была с гранеными шиловидными перьями, хотя могли использоваться и удлинённо-треугольные.

По составу комплекса наконечников копий XV–XVII вв. из раскопок в Старой Ладоге можно проследить основные его изменения, связанные с развитием русского и европейского военного дела, а также политическими событиями. Наиболее ранние части колющего древкового оружия — наконечники с удлинённо-треугольным пером — отражают характерную для позднесредневековой Руси тактику нанесения отрядами конных воинов таранного удара копиями. Наиболее показателен в этом плане наконечник XV в. из раскопок

в Ладожской каменной крепости, имеющий выделенное острие, позволяющее пробивать вражеский доспех, а также длинную массивную втулку, рассчитанную на большие нагрузки (рис. 1, 5). Известно, что в XV столетии в крепостях Новгородской земли имелись постоянные военные отряды, так называемые «засады» (Быков, 2020. С. 39). Судя по имеющимся в нашем распоряжении археологическим находкам указанного периода — предметам вооружения, снаряжения коня и всадника, — подобное подразделение имелось и в Ладоге. В его составе были тяжеловооруженные конные воины, у которых копье для нанесения таранного удара было одним из основных видов вооружения. Точная численность отряда и его состав нам неизвестны, в письменных источниках содержится немного сведений о городе XV в., однако количество всадников явно было невелико. Это могли быть воины дружин литовских служилых князей, которым Ладогу во второй половине XIV — начале XV в. отдавали в кормление, или же ближайшее окружение ладожских наместников (Мусин, 2002. С. 82–83). В мирное время воины могли выполнять различные административные функции и поручения (Быков, 2020. С. 37).

В конце XV в. после присоединения земель Великого Новгорода к Москве Ладожская каменная крепость была коренным образом перестроена (Кирпичников, 1984. С. 67). Старые древнерусские укрепления были разобраны почти до основания, а поверх них возведены новые, с пятью мощными башнями, предназначенными для «огненного боя». С этого времени гарнизон Ладоги состоял преимущественно из пехотинцев с огнестрельным вооружением, холодное оружие стало играть второстепенную роль и значение копий постепенно утрачивалось.

В первой половине XVI в. в Ладожской крепости, вероятнее всего, несли службу пищальники. В качестве вспомогательного оружия ближнего боя ими могли использоваться копья, однако подтвердить это археологическими находками на данный момент нельзя.

Основная часть коллекции наконечников копий из раскопок Старой Ладоги характеризует тактику использования колющего древкового оружия в Московском государстве второй половины XVI — XVII в. При этом большинство находок связаны с боевыми действиями Смутного времени и датируются концом XVI — началом XVII в. К этому времени наконечники копий

удлиненно-треугольных очертаний были почти полностью вытеснены более универсальными и эффективными в бою изделиями с граненым шиловидным пером (Двуреченский, 2015. С. 101). Комплекс ладожских находок полностью подтверждает и отражает данный процесс. Большинство изделий относятся к типу 1, вариант Б, одному из наиболее распространенных на территории Московского государства.

Во второй половине XVI — XVII в. оборону Ладоги осуществлял стрелецкий гарнизон, усиленный после Смуты отрядами пеших казаков⁹. Основным у них было огнестрельное оружие. Количество конных воинов — детей боярских было очень небольшим, в пределах 20 человек, они несли службу в городе до начала 30-х гг. XVII в. Копья с длинными гранеными шиловидными наконечниками, типа обнаруженных на Земляном городище, были вспомогательным вооружением пехоты — стрельцов, посадских людей, ополченцев и, возможно, казаков, которые могли принимать участие в боях Смутного времени (рис. 1, 3, 6–7). Колющее древковое оружие в конце XVI — начале XVII в. конными воинами использовалось все реже. Оружие всадника характеризует найденный на Земляном городище легкий граненый наконечник пики с «яблоком» в основании пера (рис. 3, 2). После Смутного времени копейный бой больше не применялся поместной конницей на северо-западе Московского государства (Курбатов О., 2006. С. 2; 2011. С. 80; 2013. С. 233).

Особо стоит отметить находку в Ладожской каменной крепости специализированного наконечника длиной пики с «прожилинами» и клеймом на пере (рис. 2, 4). Он является свидетельством присутствия в городе в 1610–1617 гг. европейских военных контингентов, в числе которых были профессиональные пехотинцы — пикинеры. К вооружению иноземных воинов могут предположительно относиться и наконечники полупики, обнаруженные на территории Ладожского посада и каменной крепости (Миляев, 2020а. С. 45–47) (рис. 2, 1–2; 3, 3–8). Попытки использования колющего древкового оружия европейских образцов русскими воинами

⁹ Только в середине 80-х гг. XVII в. все ладожские казаки стали конными, и в качестве их основного вооружения в письменных источниках указываются пистолеты, карабины и сабли — типичное снаряжение рейтар второй половины столетия (Бранденбург, 1896. С. 270, 275). До этого казаки в Ладоге были пешими с огнестрельным оружием.

в Смутное время было эпизодическим, однако в результате военных реформ 30–50-х гг. XVII столетия оно стало массово использоваться пехотой Московского государства (Малов, 2006. С. 42).

Во второй половине XVII в. на вооружении гарнизона Ладоги появились копья, относящиеся к европейской военной традиции, — длинные пехотные пики («списы») и полупики. Они были присланы в крепость на хранение вместе с другим военным снаряжением из Лавуевского острога после окончания боевых действий со Швецией

1656–1658 гг. и, вероятно, могли использоваться ладожскими стрельцами при локальных пограничных инцидентах второй половины XVII в., а также в первые годы Северной войны. В это же время вследствие доступности колющее древковое оружие ближнего боя часто имелось в наличии у посадских людей и ямщиков. Согласно имеющимся данным, в Ладоге копья использовались разными категориями населения вплоть до начала XVIII в., когда город и крепость окончательно утратили военное значение.

Артемов, 1998 — Артемов А. Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. 420 с.

Бехайм, 1995 — Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.

Богоявленский, 1938 — Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4. С. 258–283.

Бойцов, 1995 — Бойцов И. А. Производственное оружие середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1995. С. 256–269.

Бохан, 2012 — Бохан Ю. М. Узбраенне насельніцтва Беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях. Мінск: Беларусь, 2012. 151 с.

Бранденбург, 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1896. 323 с.

Быков, 2020 — Быков А. В. Структура и численность новгородского войска в XIII–XV веках // Novogardia. Электронный международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. № 1 (5), 2020 г. С. 25–70 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://novogardia.info/index.php/1k/article/view/184/177> (дата обращения 01.02.2021).

Висковатов, 1841 — Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Часть первая. СПб.: Военная типография, 1841. 157 с.

Гоняный и др., 2011 — Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М.: Русская панорама, 2011. Вып. 2. С. 32–57.

Гроздилов, 1949 — Гроздилов Г. П. Дневник № 2 археологических работ в Старой Ладоге в 1949 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 135. 1949 г.

Двуреченский, 2015 — Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2015. 498 с.

Двуреченский, 2018 — Двуреченский О. В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории русских княжеств и Московского государства второй половины XIII — XVII в. // Военная археология: Сб. материалов научного семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 118–182.

Делавиль, 2008 — Делавиль П. Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии, со времен царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля / Пер. С. А. Мезина, коммент. Я. Н. Рабиновича // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2008. Вып. 23. С. 124–139.

Кильдюшевский, 1999 — Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок в крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 63–79.

Кильдюшевский, 2002 — Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2002. С. 5–33.

Кирпичников, 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Е 1–36). Вып. 2. 147 с.

Кирпичников, 1973а — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Ладожской крепости. Описи находок и иллюстраций, акт передачи находок в Староладожский музей, отзыв П. А. Раппопорта // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 170. 1973.

- Кирпичников*, 1973б — *Кирпичников А. Н.* Иллюстрации к отчету и фотографии раскопок и находок в Староладожской крепости // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 172. 1973.
- Кирпичников*, 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Кирпичников*, 1979 — *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1978 г. / Редкол. Д. С. Лихачев и др. Л.: Наука, 1979. С. 471–499.
- Кирпичников*, 1984 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 279 с.
- Кирпичников*, 2007 — *Кирпичников А. Н.* Новые данные о позднесредневековой Ладоге (по материалам раскопок в 2006 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос: Сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Плешков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 190–212.
- Кирпичников*, *Сорокин*, 2002 — *Кирпичников А. Н.*, *Сорокин П. Е.* Исследования староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2002. С. 151–158.
- Кирпичников*, *Хлопин*, 1972 — *Кирпичников А. Н.*, *Хлопин И. Н.* Великая государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972. 254 с.
- Корзухина*, 1958 — *Корзухина Г. Ф.* Отчет о разведке на территории Староладожской каменной крепости в 1958 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 10, 1958.
- Курбатов О.*, 2006 — *Курбатов О. А.* «Оружность» русской конницы. 1630-е — начало 1650-х гг. // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. М.: Цейхгауз, 2006. № 23. С. 2–4.
- Курбатов О.*, 2011 — *Курбатов О. А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология: Сб. материалов проблемного совета при Государственном Историческом музее. М.: Русская панорама, 2011. Вып. 2. С. 58–91.
- Курбатов О.*, 2013 — *Курбатов О. А.* «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2013. Спец. выпуск. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I: Статьи. Вып. II. С. 227–235 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2 (23.04.2013) (дата обращения 01.02.2021).
- Курбатов О.*, 2014 — *Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.
- Курбатов А.*, 2013 — *Курбатов А. В.* Неизвестные мастера прошлого // Староладожский сборник. Вып. 10. СПб.: Каламос, 2013. С. 122–127.
- Малов*, 2006 — *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
- Медведев*, 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 121–191.
- Мильчик*, 2014 — *Мильчик М. И.* Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. СПб.: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия», 2014. 351 с.
- Миляев*, 2018а — *Миляев П. А.* Фрагменты западноевропейского клинкового оружия и детали портупей для ношения шпага и рапир второй половины XVI — первой четверти XVII в. из Старой Ладоги // АиИПиПЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2018. Вып. 33 (Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 63-го заседания). С. 198–209.
- Миляев*, 2018б — *Миляев П. А.* Предметы вооружения конца XVI — XVII в. из раскопок на территории Ладожского посада в 2015 г. // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Приложение к главе 4 / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 195–206.
- Миляев*, 2019а — *Миляев П. А.* Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI — XVII в. из Старой Ладоги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2019. Вып. 12. С. 447–471.
- Миляев*, 2019б — *Миляев П. А.* Клинковое оружие из раскопок в Старой Ладоге // НиНЗиИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 271–283.
- Миляев*, 2020а — *Миляев П. А.* Европейские воинские контингенты в Ладоге и их вооружение по данным археологии и письменных источников (1610–1617 гг.). Оружейный семинар Гос. Эрмитажа. Заседание 30 апреля 2020 г. СПб.: ГЭ, 2020. 56 с.
- Миляев*, 2020б — *Миляев П. А.* Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI — начала XVII в. из Старой Ладоги.

- Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 27. С. 232–252.
- Миляев, Горлов, 2020 — Миляев П. А., Горлов К. В. Постройки с золотыми голландскими дукатами начала XVII в. на Земляном городище в Старой Ладогe (по материалам раскопок Староладожской археологической экспедиции 1948–1949 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: ТНИИР-Центр, 2020. С. 170–198.
- Молочников, 2013 — Молочников А. М. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать // История военного дела: исследования и источники. 2013. Спец. выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны Ч. I: Статьи. Вып. II. С. 203–226 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.milhist.info/2013/04/10/molochnikov_1 (10.04.2013) (дата обращения 01.02.2021).
- Мусин, 2002 — Мусин А. Е. Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Ладогa и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2002. С. 69–87.
- Наследие Соловецкого монастыря..., 2006 — Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: Каталог / Сост. Т. М. Кольцова. М.: СканРус, 2006. 320 с.
- Никитин, 1971 — Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-34). 84 с.
- Пенской, 2019 — Пенской В. В. «Янычары» Ивана Грозного: стрелецкое войско во 2-й половине XVI — начале XVII в. М.: Эксмо: Яуза, 2019. 320 с.
- Петренко, 1991 — Петренко В. П. Исследование Ивангорода // КСИА. М.: Наука, 1991. Вып. 205: Славяно-русские древности. С. 61–71.
- Плавинский, 2008 — Плавинский Н. А. Пики XI–XVI вв. с территории Беларуси // АиИПиПЗ. Псков: ИА РАН; ПАЦ, 2008. Вып. 23 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 53-го заседания). С. 359–373.
- Платонова, Санкина, 2018 — Платонова Н. И., Санкина С. Л. Стратиграфия верхних горизонтов Земляного городища Старой Ладоги и грунтовый могильник у церкви Св. Климента (по материалам раскопок 1938–1940 гг.) // Новое в археологии Старой Ладоги. Глава 3. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 66–134.
- Рябинин, 1985 — Рябинин Е. А. Описание индивидуальных находок из раскопок Земляного городища в Старой Ладогe в 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 172. 1985.
- Салмин, 2017 — Салмин С. А. Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок Псковского Окольного города // Культура русских в археологических исследованиях. Сб. науч. статей. Омск: Изд. дом «Наука», 2017. С. 296–303.
- Селин, 2008 — Селин А. А. Ладогa при Московских царях. СПб.; Старая Ладогa: Нестор-История, 2008. 193 с.
- Селин, 2016 — Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2016. 864 с.
- Селин, Ганкарсон, 2012 — Селин А. А., Ганкарсон Я. Новый документ о взятии Ладоги Иваном Салтыковым // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 223–232.
- Сергина, 1983 — Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983. С. 81–104.
- Татарников, 2008 — Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. М.: Любимая книга, 2008. 235 с.
- Филатов, 2001 — Филатов Н. Ф. Личное боевое оружие посадских Нижнего Новгорода в XVII веке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сб. науч. и метод. тр. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 180–185.
- Чубинский, 2016 — Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копьe, сулицы, совни // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Тр. Седьмой Междунар. науч.-практич. конф. (18–20 мая 2016 года). СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2016. Ч. V. С. 310–340.
- Шмелев, 2004 — Шмелев К. В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб.: Из-во СПбГУ, 2004. № 15–16. С. 1–44.
- Brzezinski, Hook, 2000 — Brzezinski R., Hook R. The Army of Gustavus Adolphus. Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 2000. 47 p.
- Brūzis, 2016 — Brūzis Rūdolfs. Tuvciņas ieroči Latvijā 14.–16. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2016. 383 lpp.
- Carlsson et al., 2019 — Carlsson M., Svensson K., Johansson M., Bergman A. In fundo dicto suthræmalm lam de nou constructum...Arkeologisk dokumentationav

- bebyggelsen i den nya medeltida stadsdelen på Södermalm. Lämningar från Vikingatid till 1600-talets mitt. Slussenprojektet 1. Stockholm: Arkeologikonsult, 2019. 460 s.
- De Groot*, 2017 — *De Groot B.* Dutch Armies of the 80 Years' War 1568–1648 (1). Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 2017. 50 p.
- De don Juan, Beer*, 1889 — *De don Juan V., Beer R.* Bilderinventar der Waffen, Rüstungen, Gewänder und Standarten Karl V. in der Armeria Real zu Madrid // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. Band 10. Wien: Im Selbstverlage der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses, 1889. S. CCCXXVII–CCCC.
- Fischer Galerie..., 2007 — Fischer Galerie. Kunst — und Antiquitätenauktion. Antike Waffen und Militaria. Auktion 6. bis 8. September 2007. Katalog. Luzern: UD Print AG, 2007. 279 s.
- Fischer Galerie..., 2015 — Fischer Galerie. Antike Waffen und Militaria. Auktion 10–11 September 2015. Katalog. Luzern: UD Print AG, 2015. 419 s.
- Reverseau*, 1982 — *Reverseau J. P.* Musée de l'Armée Paris. Les armes et la vie. Dargaud Éditeur. Paris, Barcelone, Lausanne, Londres, Milan, Montreal, New York, Stuttgart, 1982. 72 s.
- Ruša*, 1998 — *Ruša M.* Arheologiskie izrakumi Kokneses pīlī // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1996. un 1997. gada pētījumu rezultātiem. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1998. L. 58–60.
- Wegeli*, 1905 — *Wegeli R.* Katalog der Waffen-Sammlung im Zeughause zu Solothurn. Solothurn: Buchdruckerei C. Gassmann, 1905. 170 s.

Spears in the complex of the armament of warriors of Ladoga of the 15th–17th centuries

P. A. Milyaev

This paper is dedicated to analysis of the complex of the heads of shafted stabbing weapons of the 15th–17th century from the excavations in the territory of Staraya Ladoga. The collection under study comprises 19 items. Single finds are dating from the 15th century or slightly older period; their majority are dated to the second half of the 16th–17th century. At Zemlyanoye Gorodishche, six spear heads and their fragments have been found; from the stone fortress, five, and from the *posad* (unfortified suburb), eight items have been recovered. The earliest are the examples with the feather of an elongated triangular shape. They were found in the territory of the Ladoga stone fortress and during excavations of 2015 in the *posad*. These items of weaponry bear evidence that in the 15th century a small detachment of warriors, including horsemen, was present in Ladoga. Among the spear heads of the late Middle Ages and early modern period, the predominant majority have faceted awl-like feathers. Some finds from the area of Zemlyanoye Gorodishche can be linked with the horizon of buildings burnt in the course of battle activities during the Time of Trouble in 1611. During the excavations of the Ladoga stone fortress, the head of a specialized stabbing weapon of the European provenience was discovered — an infantry pike. It is dating from the time of the presence of foreign military contingents in Ladoga in the Time of Trouble. In the territory of the *posad* and stone fortress, a series of eight identical typical spear heads was uncovered which possibly are parts of half-pikes — “Swedish feathers” which were used in close combat and for construction of defensive obstacles. In the second half of the 17th century, in the arsenal of the Ladoga fortress, spears of the European type appear characteristic of the “new-mannered” regiments. The finds presented in this paper reflect the changes in the Russian and European military science of the late Middle Ages and early modern period when firearms became the main means of fighting while cold weapons acquired an auxiliary rank.

Средневековый Выборг — город, построенный на скале¹

А. И. Сакса²

Аннотация. Выборг является уникальным городом во всем регионе Скандинавии и Прибалтики и на Северо-Западе России, так как он был заложен и построен на выходе скального Балтийского щита с его неровностями поверхности. Его основание определилось постройкой в 1293 г. Выборгского замка и стремлением шведов закрепиться на этой завоеванной у Новгорода территории. Представленная в статье история сложения городской структуры, ее особенностей и применяемых строителями технических приемов интересна всем, кто занимается городами региона Балтики и Северо-Запада России.

Annotation. Vyborg is a town unique in the entire region of Scandinavia and Baltic littoral, as well as in North-Western Russia, since it was founded and built on the outcrop of the Baltic Shield with its uneven surface. The foundation of the town was related with the construction of the Vyborg Castle in 1293 and the endeavour of the Swedes to strengthen themselves in this territory won from Novgorod. The history of the development of the urban architecture presented in this paper, as well as its peculiarities and the techniques employed by the builders, will interest all those who are concerned with cities of the region of the Baltic Sea and North-Western Russia.

Ключевые слова: Выборг, сложение городской структуры в уникальных условиях неровностей скальной поверхности.

Keywords: Vyborg, establishment of urban architecture in the unique conditions of the uneven rock surface.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-354-358

Каждому, кто побывал в Выборге, он представляется европейским городом с монументальным средневековым замком на острове, сохранившимися в его мысовой материковой части руинами церкви монастыря доминиканцев и кафедрального собора с Часовой башней, домами, относящимися к XVII в., великолепными образцами северного модерна и финской довоенной архитектуры. На общих современных фотографиях города топография Выборга с центральной скальной возвышенностью и другими неровностями рельефа визуально незаметна. Но достаточно оказаться в его исторической части, чтобы ощутить доминирующее начало этой возвышенности, формирующей с расположенными на ней и по ее периметру

старинными домами уникальный и очаровательный облик Выборга. При более внимательном знакомстве с городом в различных его частях отмечаются выходы скалы, резкие высотные перепады дневной поверхности. На скале поставлена Часовая башня кафедрального собора.

Эти особенности выборгского рельефа в общих чертах нанесены на карты города начиная с XVIII в. Самая ранняя карта Выборга датируется концом 1630-х гг., и на ней показаны постройки и городские укрепления XV–XVI вв. Именно на эту карту О. И. Меурманом, отвечавшим в 1920-х гг. за охрану древних памятников города, были нанесены высотные горизонталы, демонстрирующие общую картину (рис. 1). Однако детальные данные по первоначальному рельефу отдельных участков были получены нами в ходе исследовательских и охранных раскопок 1998–2012 гг., затронувших центральную, западную и восточную части средневекового города. Уже первые раскопки в восточной части на каменной стене

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0007.

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

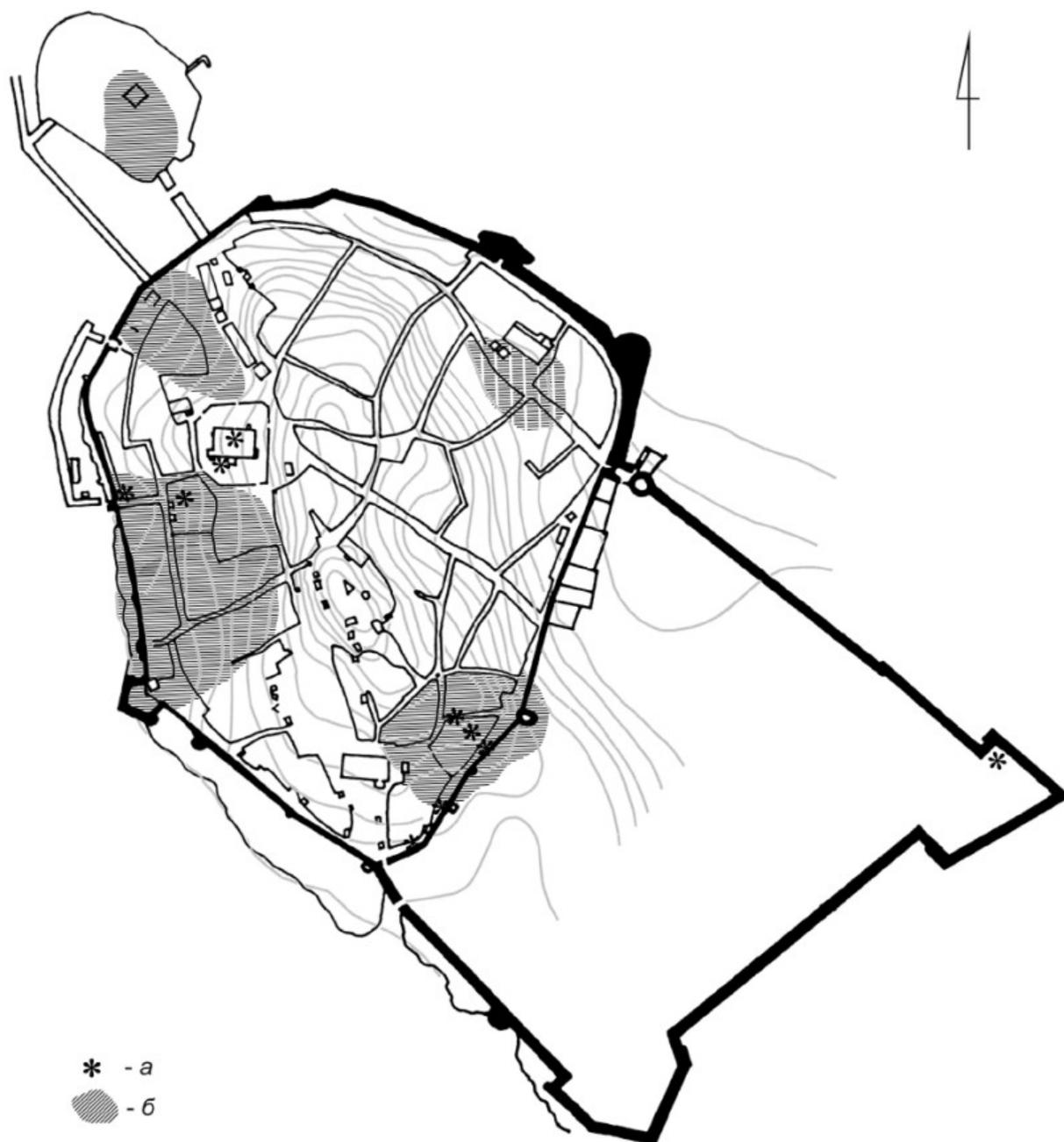

Рис. 1. План Выборга до начала регулярной застройки (1640-е гг.). Условные обозначения: *a* — места раскопок 1999–2021 гг.; *b* — очаги первых поселений будущего города

Fig. 1. Plan of Vyborg prior to the regular urban building (1640s): *a* — areas of excavations of 1999–2012; *b* — points of the origin of the first settlements of the future town

у Сторожевой башни (1999–2000 гг.) и на улице Титова, в месте ее пересечения с улицей Сторожевой башни, показали, с какими сложностями столкнулись строители городской стены и первых жилых и хозяйственных построек. В целом, проведенные в 1998–2012 гг. раскопки охватили восточную (ул. Титова и Сторожевой башни, 1998–2001 гг.),

западную (ул. Южный вал, 2003 г.) и центральную (ул. Выборгская, 2004, 2006, 2011–2012 гг.) части города. В общей сложности раскопано около 600 кв. м площади средневекового города, а работы по надзору за новым строительством в Выборге проведены на площади около 3000 кв. м (Сакса, 2015. С. 256–271; 2018. С. 198–213; 2019.

С. 348–378; 2020; Тюленев, 1995; Saksa, 2016. С. 237–252; Saksa et al., 2020. P. 12–37).

Охранные раскопки 2007 г. по адресу ул. Краснофлотская, 4, продемонстрировали, что здесь, в самой центральной части Выборга, на восточном склоне городской возвышенности поверхность скалы была настолько неровной, что первый каменный дом на участке был возведен лишь во второй половине XVII в. Его нижний этаж занимали подвалы, что было характерно для большинства известных ранних виборгских каменных домов. Дом был построен буквально впритык к выступающему гранитному «лбу». Проблема «свободного ровного места» вскрылась и при раскопках бастиона Эуропэ Рогатой крепости (Горнверка) второй половины XVI в. в парке им. Ленина, который также был возведен у самого наружного края выступа скалы.

По результатам наших археологических раскопок можно не только представить, но и увидеть, каким был первоначальный рельеф до того, как накопился культурный слой и уровень дневной поверхности в исторической части города поднялся на три и более метра.

Проведенные в последние два десятилетия раскопки в средневековой части города выявили одну общую закономерность. А именно наличие мощного, толщиной до трех и более метров культурного слоя с горизонтами деревянной застройки. Причем во всех случаях нижние горизонты представлены слоями темно-коричневой земли с большим количеством щепы, навоза и костей животных, находками рыболовных принадлежностей, остатками деревянных конструкций, в которых даже в самых нижних частях использовались уже бывшие в употреблении бревна. Датируются эти горизонты от начала XV в. до рубежа XV–XVI вв.

В строительной деятельности многое определялось рельефом мысовой части города, его исторического ядра, для которого характерны были значительные высотные перепады, глубокие выемки и крутые скалистые террасы — «языки» и «лбы».

Этим обстоятельством и объясняется наличие слоев темно-коричневой земли в основании культурного слоя на исследованных участках толщиной до 40–80 см. Именно на этих слоях были в первой четверти — середине XV в. устроены бревенчатые подкладочные основания-платформы и поставлены дома и другие городские постройки. К этому же времени относятся первые мощенные бревнами улицы и дренажные желоба.

Во второй половине XV — XVI в. Выборг приобретает все основные черты средневекового

города с квартальной застройкой и уличной сетью. Имеются основания говорить также о быстром и почти полном изменении материальной культуры в городе, в значительной мере в этот период ориентированном на торговлю. Материальная культура и быт горожан приобретают характерный для всех городов Балтийского региона облик, что наглядно отражается в находках керамической посуды, обуви, бытовых вещей, ремесленных инструментов, монет и украшений. Строительная деятельность была очень интенсивной; горизонты с остатками различных деревянных сооружений сменялись буквально через каждое поколение жителей. В городе преобладали деревянные дома.

Особо следует отметить полученные в результате этих работ новые данные по исторической топографии Выборга. Уже в процессе работ первых лет стало очевидным, что первоначально город не занимал всей территории, ограниченной в 1470-е гг. городской каменной стеной. Он состоял, вероятно, из нескольких самостоятельных поселков, возникших у подножия центрального скального возвышения на территории будущих кафедрального собора, доминиканского и францисканского монастырей. Остатки одного такого существовавшего еще до прихода шведов на территории будущего Выборга карельского поселения были нами открыты в восточной части старого города на ул. Титова. По своей форме они еще были ближе к поселениям сельского типа, чем к средневековым городам. Экономической базой их населения были рыболовство и животноводство, а также огородничество и земледелие. Самые ранние выявленные нами следы такой деятельности в материковой части города датируются началом XIV в.

Следовательно, на территории будущего города, вполне вероятно, уже до постройки шведами Выборгского замка в 1293 г. существовало постоянное население не только на Замковом острове, где В. А. Тюленевым было открыто карельское городище, сожженное шведами во время так называемого третьего крестового похода в Карелию в 1293 г. и захвата трех западных новгородских погостов. До этого времени считалось, что городской мыс был заселен лишь в первой половине XIV в., когда пространство Замкового острова стало тесным для растущего торгово-ремесленного населения Выборга и оно расселилось в форме подковы по ближайшей к замку береговой линии. Историческое развитие в городе, как выясняется, происходило в значительной мере на базе уже имеющегося на мысу населения и было неравномер-

ным даже в границах отдельных участков. И лишь с конца XV в. и в XVI в. городская территория стала занимать большую часть мыса. Это стало возможным и с распространением каменного строительства, позволившего заселить склоны центральной возвышенности, которые в первоначальный период городской истории были еще выше и круче, ведь культурный слой в городе достигает трех и более метров. В условиях неровностей рельефа заселение низменных и влажных участков требовало больших усилий по нивелировке поверхности, перемещению грунта и созданию деревянных подкладочных платформ под постройки.

Домостроительство в Выборге в значительной мере определялось тем, что он был пограничным шведским городом. Так, начатое в 1470-х гг. строительство каменной городской стены со сторожевыми и приворотными башнями протяженностью примерно 1,5 км вызвало потребность в тягловой силе и продуктах питания для ее строителей. Это нашло наглядное отражение в наших раскопках на ул. Выборгская, 8, где небольшие (до 10 кв. м.) характерные для начала выборгской истории дома после пожара 1477 г. были заменены более крупными двухчастными строениями, в которых существовали жилое помещение и хозяйственное, в частности для содержания домашнего скота.

Последующее время характеризовалось постоянными торговыми войнами и запретами торговли на Балтике, что положительно сказалось на выборгской торговле, поскольку город занимал выгодное положение в восточной части Финского залива с выходом по речной системе Вуоксы в Ладожское озеро к Неве и по Волхову к Новгороду. В Выборге постоянно находились купцы из городов побережья Балтийского моря, торговавшие с Русью. Это вызвало потребность в строительстве новых жилых помещений для торговцев, а также хлебов и конюшен. В городе появляется купеческая гильдия (первое упоминание — 1499 г.). При раскопках 2004–2012 гг. (310 кв. м) на ул. Выборгская, 8, была исследована большая жилая бревенчатая двухчастная постройка на каменном фундаменте и конюшня. Здесь же найдены торговые пломбы, многочисленные монеты, импортные вещи, замки и книжные застёжки. Общий контекст находок позволяет связать открытую постройку с деятельностью торговой гильдии. В это же время осваиваются ранее непригодные для строительства участки в самом центре города, в 120 м к югу от городской церкви, изобилующие значительными перепадами высот в скальной первоначальной поверхности.

Выборг по результатам раскопок 1998–2012 гг. представляется как город с четырьмя культурно-историческими традициями. На начальном этапе, в XV в., в нем, шведском по принадлежности городе, наглядно представлено первоначальное карельское население, основу экономики которого еще в значительной мере составляли животноводство и рыболовство. Рыболовный промысел и был тем видом деятельности, который нес в себе потенциал будущего торгово-экономического развития. В конце XV–XVI вв. характер городской застройки кардинально меняется. Появляются новые постройки, как жилые, так и хозяйственного назначения, занимавшие уже всю территорию средневекового города в пределах, ограниченных каменной городской стеной 1470-х гг. С последней четверти XV в. в городе начало осуществляться каменное строительство (построены кафедральный собор, церкви доминиканского и францисканского монастырей, ратуша и др.). Во второй половине XVI в. со строительством каменных укреплений (бастионов и куртин) Рогатой крепости (Горнверка) Выборг значительно расширяется к востоку. Один из бастионов под названием Панцерлакс сохранился в прибрежной части города, а остатки второго бастиона — Эуропэ (Эуряпя) — были на высоту до 3 м буквально выкопаны нами из земли в 2007 г. на территории парка им. Ленина. По материалам раскопок также отчетливо видно, как изменились быт и занятия горожан. Среди посуды преобладает импортная, из Германии и других областей Европы и Прибалтики. Оттуда же поступают изделия из кожи, ткани, металла и дерева. Особенность материальной городской культуры Выборга проявляется не только в бытовании предметов иноземной торговли, но и в их видовом и качественном составе.

В 1640 г. разрабатывается проект плана регулярной застройки, согласно которого он должен был разделен на прямоугольные кварталы. На месте кривых, соответствующих рельефу средневековых улиц предполагалось провести прямолинейные. Основу уличной сети составили четыре главные улицы, проходившие от замка вдоль мыса к юго-востоку. Была также спроектирована новая городская площадь перед Абовским мостом напротив замка, куда переносились ратуша и рынок. Представление об облике Выборга того времени дает известный рисунок Эрика Дальберга (1682 г.). Этот план просуществовал в общих чертах до 1710 г., когда войска Петра I овладели Выборгом. Город и прилегающие к нему земли вошли в состав Российской империи.

- Сакса*, 2015 — *Сакса А. И.* Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.
- Сакса*, 2018 — *Сакса А. И.* Выборг в конце эпохи Средневековья – начале Нового времени // Нескончаемое лето. Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной. В. К. Сингх и др. СПб.: Любавич, 2018. С. 198–213.
- Сакса*, 2019 — *Сакса А. И.* Выборг — город на перекрестке истории // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии): Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 348–378.
- Сакса*, 2020 — *Сакса А. И.* Из истории одного выборгского средневекового дома. Археологические исследования в Выборге у «Дома купеческой гильдии» в 2004–2012 гг. СПб.: Арка, 2020. 280 с., илл.
- Тюленев*, 1995 — *Тюленев В. А.* Изучение старого Выборга. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 84 с.
- Saksa*, 2016 — *Saksa A. I.* The early stages of the history of Vyborg (the results of archaeological research 1998–2012) // New sites, new methods. The finnish antiquarian society, 2016. Helsinki, 2016 (Iskos 21). P. 237–252.
- Saksa et al.*, 2020 — *Saksa A., Suhonen M., Uino P.* Viipuri maan alla — keskiaikainen karttakuva ja arkeologinen aineisto / Vyborg underground — Medieval Map Image and Archaeological Finds. Viipuri — Vyborg. Historiallinen kaupunkikartasto — Historic Towns Atlas. Suomi—Finland. Toim / Toim. K. Katajala, M. Hietala, M. Niemi, P. Uino, M. Helminen, A. Härkönen, H. Hirvonen. Helsinki: AtlasArt, 2020 (Scandinavian Atlas of Historic Towns. New Series, no. 3). S. 12–37.

Mediaeval Vyborg — a town built on a rock

A. I. Saksa

This paper considers the questions concerned with the initial building of Vyborg. After the results of the archaeological excavations of the last two decades, it is possible not only to guess but also to see what had been the original relief before the cultural layer was accumulated here. In relation to the building activities, much was defined by the relief of the promontory part of the town, i.e. its historical core. Of the latter, significant altitude drops, deep depressions and sharp rocky terraces ('foreheads' and 'tongues') were characteristic. Already during the investigations of the first years, it became clear that originally, within the territory of the town there were several settlements arisen at the foot of the central rocky elevation. The earliest traces of these activities revealed by us in the inland part of the city are dated to the beginning of the 14th century.

Vyborg, after the results of excavations of 1998–2012 seems to have been a town of four cultural and historical traditions. At the initial stage in the 15th century, the original Karelian population is distinctly represented in this town of an initially Swedish belonging. The basis of its economy was still constituted by animal husbandry and fishing. In the late 15th and 16th century, the character of the urban house building changed cardinaly. Vyborg acquired all the main features of a mediaeval town with house quarters and a street grid. The material culture and everyday life of the citizens came to resemble those of all the cities of the Baltic region oriented to the international trade. New buildings, both dwelling and economic ones, appeared occupying already the entire territory of the mediaeval town within the area limited by the stone urban wall of the 1470s. In the last quarter of the 15th century, stone construction started in the city (the cathedral, churches of the Dominican and Franciscan cloisters, the town hall, etc.). In the second half of the 16th century, Vyborg expanded considerably eastwards owing to the construction of stone defences (bastions and curtains) of the Hornwerk (Horned Fortress). In 1640, a project of the plan of regular city's development was designed, but it had not been completely realized until 1710 when the city became part of the Russian Empire after Vyborg was seized by the army of Peter I.

ИСТОРИЯ НАУКИ

«При археологических работах исполнял возложенные на меня обязанности ревниво, аккуратно и беспрекословно...». Надсмотрщик Керченского музея Самуил Петрович Петренко¹

М. В. Медведева²

Аннотация. В статье рассматривается деятельность надсмотрщика Керченского музея древностей С. П. Петренко на основе документов Императорской археологической комиссии из собрания Научного архива ИИМК РАН. Он проработал на этой должности 27 лет и принимал участие в раскопках многих знаковых для российской археологии памятников в конце XIX — начале XX в. Впервые публикуется неизданная до этого полностью статья Н. И. Репникова, посвященная вкладу С. П. Петренко в археологию.

Annotation. This paper considers the activities of the supervisor of the Kerch Museum of Antiquities S. P. Petrenko basing on documents of the Imperial Archaeological Commission from the collection of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture (ИИМК) RAS. Petrenko had been working in this position for 27 years and participated in excavations of many sites significant for Russian archaeology in the late 19th — early 20th century. Here the unpublished paper by N. I. Repnikov devoted to the contribution of S. P. Petrenko to archaeology is first completely presented.

Ключевые слова: Императорская археологическая комиссия, Керченский музей, С. П. Петренко, история археологии, архивные документы, Научный архив ИИМК РАН.

Keywords: Imperial Archaeological Commission, Kerch Museum of Antiquities, S. P. Petrenko, history of archaeology, archive documents, Scientific Archives of ИИМК RAS.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-359-378

Немало выдающихся археологических открытий было сделано в эпоху Императорской археологической комиссии. О них нам хорошо известно из многочисленных публикаций, а имена ученых-первооткрывателей в большинстве случаев прекрасно знакомы современным исследователям. Но кто стоял у истоков этих открытий? Кто на практике лопатой и мастерком добывал эти данные для ученых? Рядовые сотрудники Комиссии, труженики поля, на которых держались

раскопчные и камеральные работы, честно несли свою службу на благо российской археологии. Их имена хранят архивные документы, но знают о них немногие. Совершенно особое место в этом ряду принадлежит надсмотрщику Керченского музея Самуилу Петровичу Петренко (рис. 1). Участие его в раскопках археологических памятников постоянно упоминается на страницах рукописных отчетов ИАК, а его фотоизображение встречается в альбомах чаще, чем руководивших работами членов ИАК. Фигура С. П. Петренко уже становилась предметом изучения (Емельянова, 2015; 2019), однако материалы Научного архива ИИМК РАН позволяют дать более развернутую характеристику его работам в составе штата Керченского музея.

Керченский мещанин С. П. Петренко проживал на Госпитальной улице в Керчи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 232), где в XIX в.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: pharc@mail.ru.

было обнаружено множество удивительных археологических находок, относящихся к эпохе Боспорского царства. Ведь именно там располагался элитный участок некрополя IV–V вв. (Шаров, 2016. С. 125) с подземными склепами. В погоне за золотыми вещами погребальные сооружения нещадно грабились так называемыми «счастливчиками» — местными жителями, занимавшимися раскопками «на счастье», в надежде найти клад и продать подороже торговцам или коллекционерам. «Счастливчики» были настоящим бедствием для государственной археологии. По сути они являлись обычными грабителями — охотниками за сокровищами, которые переставали вести какую-либо хозяйственную деятельность и превращали добычу древностей в основной источник доходов. Именно на Госпитальной улице такими «счастливчиками» в 1904 г. был обнаружен склеп с богатейшим комплексом вещей в «готском» стиле (Виноградов, 2019. С. 499), из-за которого, как предполагают, впоследствии был убит бандитами директор Керченского музея В. В. Шкорпил (Федосеев, 2002. С. 170). Проживание в эпицентре кладоискательской деятельности Керчи не могло не обусловить сферу занятости местных жителей. С. П. Петренко также не избежал этой участи и начал с карьеры «счастливчика», но если большинство таких персонажей так и оставались обычными грабителями археологических памятников, то С. П. Петренко успешно удалось перейти от незаконной деятельности к государственной работе на пользу археологической науки.

В целом, в документах Археологической комиссии описывается несколько случаев успешного вовлечения кладоискателей в профессиональную археологию в начале XX в. на юге России. При раскопках Ольвии Б. В. Фармаковский активно использовал «счастливчиков» в процессе исследования памятника, особенно пригодилось их умение искать непотревоженные грунтовые погребения на территории некрополя (рис. 2, 3). В Керчи один из бывших «счастливчиков» был нанят для охраны склепа Деметры с великолепно сохранившейся античной живописью и безупречно выполнял свою работу сторожа. Некоторые отличились в процессе раскопок в Керчи, и по рекомендации директора Керченского музея их приглашали работать и в другие экспедиции, проводимые Комиссией.

С. П. Петренко оказался самым неординарным в этом смысле «работником» Керченского

музея. С 1889 г. он состоял при Императорской археологической комиссии и трудился сначала только в Керчи. По поручению Керченского музея он проводил раскопки на многих находившихся под угрозой расхищения «счастливчиками» участках местных помещиков. Помимо непосредственного участия в земляных работах он занимался «приведением в порядок древностей, древних ваз, терракот, серебра, бронзы, костей и проч.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39. Л. 1) (рис. 4) и командировался «временным надсмотрщиком в разные губернии Российской Империи и за границу».

В 1898 г. он принимал участие в раскопках известного скифского погребального комплекса Чмыревой могилы под руководством Ф. К. Брауна. Впоследствии в 1911 г. со слов С. П. Петренко, который «разбирал лошадей и помнит все подробности», было составлено описание устройства погребения коней, включенное Н. И. Веселовским в отчетную документацию о раскопках этого памятника в 1909–1910 гг. (Вахтина, 2019. С. 628–629).

В 1899 г. С. П. Петренко направили помогать Ю. А. Кулаковскому в окрестности Бахчисарая, а в 1900 г. он работал на Тамани под началом К. Е. Думберга (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39. Л. 1). О работе С. П. Петренко в 1900 г. на раскопках насыпи над склепом на участке нотариуса Фельдштейна упоминает доследовавший там в 1905 г. гробницу с остатками живописи инкрустационного стиля М. И. Ростовцев в своей монографии «Античная декоративная живопись на юге России». «...В 1900 г., как указывает руководивший в это время раскопками Петренко, ясно заметны были следы двух старых „казенных“ раскопок на северной и южной сторонах. О раскопках 1900 г. ... В. В. Шкорпил со слов упомянутого Петренко сообщает следующее (письмо от 23 мая 1912 г.): „Уже в 1900 г. был обнаружен склеп с фресками и сделана большая разведка, при которой достигли каменного саркофага, стоящего в заднем левом углу самой большой комнаты. Костяки найдены были разбросанными вокруг саркофага или каменного ложа. Среди костей попадались обломки простой глиняной посуды, обломки стеклянных шарообразных сосудов без ручек, бронзовый ключ, золотые листики от погребального венка. По сообщению Петренко, краски на стенах отличались при открытии склепа яркостью и сохранностью, особенно корзина

Рис. 1. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. С. П. Петренко — в центре фотографии. Отп. О.633/24*
Fig. 1. Excavation of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of the photo. Impr. O.633/24

Рис. 2. Группа местных жителей на раскопках Ольвии, 1905 г. Фото В. Малько. Отп. О.2730/15
Fig. 2. Group of local residents at the excavations of Olbia, 1905. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/15

Рис. 3. Рабочие со щупами на некрополе Ольвии в поиске погребений под руководством Н. И. Репникова, 1905 г. Отп. О.2730-71
Fig. 3. Workers at the necropolis of Olbia searching with probes for burials under the direction of N. I. Repnikov, 1905. Impr. O.2730-71

Рис. 4. С. П. Петренко за склейкой вазы в Ольвии, 1905–1906 гг. Фото В. Малько. Отп. О.2730/104
Fig. 4. S. P. Petrenko gluing together a vase in Olbia, 1905–1906. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/104

* Оригиналы всех фотографий находятся в Фотоотделе НА ИИМК РАН. В подписях указан номер отпечатка.

Рис. 5. Керчь. Склеп на усадьбе нотариуса Фельдштейна. «Свозка кургана» в 1900 г. На переднем плане слева — С. П. Петренко. Фото М. С. Рубанчика. Отп. F 197/32

Fig. 5. Kerch. Tomb at the estate of the notary Feldstein. "Excavation of a kurgan" in 1900. In the foreground, left — S. P. Petrenko. Photo by M. S. Rubanchik. Impr. F 197/32

с плодами, изображенная на левой стороне склепа. Тогдашний арендатор Непомнящий соскабливал со стен Рельеф саркофага, — краску и, разбавляя ее в воде, красил баркас» (Ростовцев, 1914. С. 260) (рис. 5).

В течение шести первых сезонов систематического изучения Ольвии С. П. Петренко работал там надсмотрщиком на раскопах Городища и на некрополе под руководством Б. В. Фармаковского (рис. 6, 7). Вероятно, его участие в Ольвийской экспедиции продолжалось бы и далее, если бы в 1906 г. не случилась неприятная история с хищением ценной археологической находки в Ольвии на его участке. В 1907 г. в своей «докладной просьбе» председателю ИАК графу А. А. Бобринскому по поводу кражи артефактов, произошедшей на раскопе в Ольвии предыдущим летом, С. П. Петренко так описывает свою работу в музее: «...находился я безотлучно 18 лет в Музее Древности в качестве рабочего, а также надзирателем

при раскрытии и разборке кургана, также и наклеивкой разных найденных древних сосудов, а также приходилось быть прикомандированным в ночное время в обход, где рисковал своей жизнью. Да и в присутствии Вашего Сиятельства я производил раскоп...» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 232). Директор Керченского музея В. В. Шкорпил тогда же дал ему превосходную характеристику. В отличие от других надсмотрщиков он смог полностью поручиться за С. П. Петренко: «Насколько я знаю П., я вполне уверен, что он не способен совершить такую подлость, тем более все его и его семейства существование вполне зависит от Комиссии, от которой он почти круглый год получает пропитание, занимая то место надсмотрщика, то клейщика или простого рабочего» (Там же. Л. 291). Записка С. П. Петренко и характеристика, данная ему В. В. Шкорпилем, были рассмотрены на одном из заседаний ИАК, и директору Керченского музея

Рис. 6. Перед входом в домик Ольвийской экспедиции. Слева направо: Л. А. Моисеев, Б. В. Фармаковский, Н. И. Репников, С. П. Петренко. 1906 г. Фото В. Малько. Отп. О.2730/76

Fig. 6. In front of the entrance to the house of the Olbian expedition. From left to right: L. A. Moiseyev, B. V. Farmakovskiy, N. I. Repnikov, S. P. Petrenko. 1906. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/76

Рис. 7. Участники Ольвийской экспедиции во время посещения работ председателем ИАК графом А. А. Бобринским в 1906 г. Слева направо: Н. И. Репников, Б. В. Фармаковский, С. П. Петренко, Л. А. Моисеев, А. А. Бобринский, сын А. А. Бобринского Алексей. Фото В. Малько. Отп. О.2731/69

Fig. 7. Participants of the Olbian expedition during the visit of the chairman of IAC Count A. A. Bobrinskiy in 1906. From left to right: N. I. Repnikov, B. V. Farmakovskiy, S. P. Petrenko, L. A. Moiseyev, A. A. Bobrinskiy, Aleksey (son of Count A. A. Bobrinskiy). Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2731/69

древностей было разрешено оставить его на службе при музее.

После этого С. П. Петренко еще неоднократно командировался в различные экспедиции и работал на раскопках многих знаковых для российской археологии памятников. В течение нескольких лет он принимал участие в археологических исследованиях Березани под началом Э. Р. Штерна (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 39. Л. 1об.). В 1903–1905 гг. он помогал Н. И. Репникову на раскопках могильника Суук-Су (рис. 8–12), а в 1907 г. участвовал в его же разведках и раскопках в Крыму, в том числе при исследовании базилики в Партените (Репников, 1909а; 1909б). На фотографиях, сделанных во время этих работ, на груди С. П. Петренко красуется специальный знак «надсмотрщик Керченского музея», обозначающий, что он исполняет поручение музея (рис. 13–17). В 1908 г. он был командирован в Херсонес, где проработал восемь месяцев под руководством

Н. И. Репникова и Р. Х. Лепера, позднее там же он принимал участие и в раскопках Н. М. Печенкина на территории Страбонова Херсонеса (рис. 18–20).

Со временем С. П. Петренко стал сам руководить рабочими на раскопе. Его активно привлекали и к камеральным работам, неоднократно приглашали в Петербург для обработки коллекций и склейки керамики. Фактически он стал профессиональным техническим сотрудником археологических экспедиций ИАК. География его поездок расширилась и уже не ограничивалась только югом России. В 1909 г. надсмотрщик Керченского музея С. П. Петренко был приглашен С. Ф. Ольденбургом в его первую Туркестанскую экспедицию для наблюдения за раскопками, но, к сожалению, в самом начале заболел и вынужден был вернуться (Ольденбург, 1914. С. 1; Попова, 2008. С. 252). В 1911–1913 гг. участвовал в археологических работах на Земляном городище

Рис. 8. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. В центре группы рабочих — С. П. Петренко. Отп. О.633/8

Fig. 8. The excavations of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of a group of workers. Impr. O.633/8

Рис. 9. Могильник Суук-Су. Раскопки у балки, 1905 г. Справа стоит С. П. Петренко. Отп. О.633/27
Fig. 9. Cemetery of Suuk-Su. Excavations near the ravine, 1905. Standing right: S. P. Petrenko. Impr. O.633/27

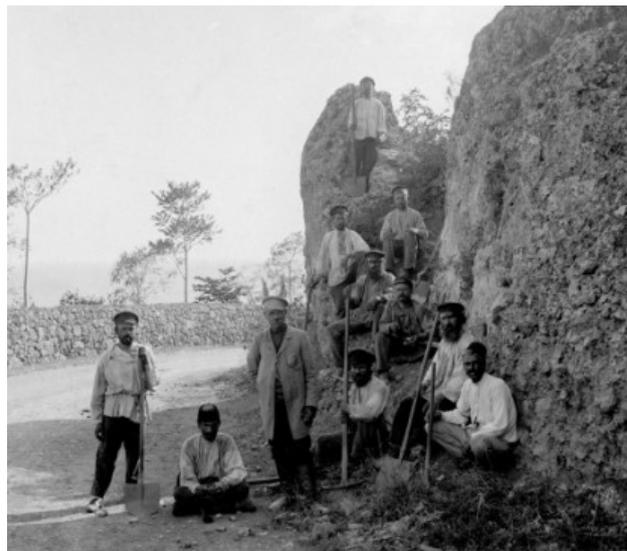

Рис. 10. Могильник Суук-Су. Раскопки у балки, 1905 г. С. П. Петренко с группой рабочих. Отп. О.633/29
Fig. 10. Cemetery of Suuk-Su. Excavations near the ravine, 1905. S. P. Petrenko and the workers. Impr. O.633/29

Рис. 11. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. В центре группы рабочих — С. П. Петренко. Отп. О.633/11
Fig. 11. The excavations of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of a group of workers. Impr. O.633/11

Рис. 12. Раскопки могильника Суук-Су в 1905 г. Слева стоит С. П. Петренко. Отп. О.633/38

Fig. 12. Excavations of the cemetery of Suuk-Su in 1905. S. P. Petrenko standing to the left. Impr. O.633/38

Рис. 13. Раскопки в Партените в 1907 г. Начало работ. Справа сидит С. П. Петренко. Отп. Q 455/5

Fig. 13. Excavations at Partenit in 1907. Beginning of the works. Sitting to the right: S. P. Petrenko. Impr. Q 455/5

Рис. 14. Группа рабочих, принимавших участие в раскопках базилики в Партените в 1907 г. В центре стоит С. П. Петренко, во втором ряду четвертый слева сидит Н. И. Репников. Отп. Q 455/61

Fig. 14. Group of the workers who were taking part in the excavations of the basilica at Partenit in 1907. Standing in the centre: S. P. Petrenko, sitting in the second row, the fourth to the left: N. I. Repnikov. Impr. Q 455/61

Рис. 15. Раскопки в Партените в 1907 г. С. П. Петренко и Н. И. Репников (сидят на скамье) и группа рабочих. Отп. Q 455/67

Fig. 15. Excavations at Partenit in 1907. S. P. Petrenko and N. I. Repnikov (sitting on a bench) and a group of workers. Impr. Q 455/67

Рис. 16. С. П. Петренко на раскопках базилики в Парените, 1907 г. Работы в юго-западной части развалин. Отп. Q 455/64

Fig. 16. S. P. Petrenko at the excavations of the basilica at Partenit in 1907. Works at the south-western part of the ruins. Impr. Q 455/64

Рис. 17. Раскопки в Парените, 1907 г. С. П. Петренко (слева) за упаковкой находок. Отп. Q 455/124

Fig. 17. Excavations at Partenit, 1907. S. P. Petrenko (left) packing the finds. Impr. Q 455/124

Рис. 18. Раскопки Херсонеса, 1910 г. Стены улицы у здания № 1. На переднем плане С. П. Петренко, сзади — Н. М. Печенкин. Отп. Q 430/8

Fig. 18. Excavations of Chersonesos, 1910. Walls in the street near house no. 1. S. P. Petrenko in the foreground; behind — N. M. Pechenkin. Impr. Q 430/8

Рис. 19. Раскопки Херсонеса, 1910 г. С. П. Петренко у восточной стены здания № 2. Отп. Q 430/9
Fig. 19. Excavations of Chersonesos, 1910. S. P. Petrenko near the eastern wall of house no. 2. Impr. Q 430/9

Рис. 20. Раскопки в Херсонесе, 1910 г. С. П. Петренко в помещении с пифосами в здании № 2. Отп. Q.430/10
Fig. 20. The excavations of Chersonesos, 1910. S. P. Petrenko in the room with pithoi in house no. 2. Impr. Q.430/10

Старой Ладogi под руководством Н. И. Репникова, с которым он был хорошо знаком со времен раскопок в Крыму. Здесь С. П. Петренко организовывал процесс работ и следил за рабочими, раскапывающими уникальный «мокрый» культурный слой с сохранившимися деревянными конструкциями (рис. 21).

В 1914 г. его пригласили принять участие в раскопках Первого Мордвиновского кургана вместе с Н. Е. Макаренко и В. В. Саханевым. Исследования кургана под руководством М. И. Ростовцева планировалось провести на самом высоком методическом уровне, видимо, по этой причине и был приглашен опытный С. П. Петренко. Он изображен на многих фотоснимках, сделанных в ходе этой экспедиции (рис. 22, 23).

В 1916 г. С. П. Петренко отличился в деле спасения для науки случайно найденного кладоискателями замечательного мраморного саркофага на Тамани (Виноградов, 2019. С. 518–520), который в настоящее время украшает экспозицию Государственного исторического музея. После сообщения об обнаружении казаками, «занимающимися тайными археологическими раскопками», на Лысой горе красивого саркофага В. В. Шкорпил направил туда С. П. Петренко и еще одного рабочего для расчистки и перемещения саркофага в безопасное место (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 4. Л. 33–38). Тогда же С. П. Петренко занимался склейкой и чисткой двух пелик, найденных вместе с саркофагом в кургане Лысая гора возле станицы Таманской. В результате в 1917 г. по случаю Пасхи он был представлен председателем Императорской археологической комиссии к награждению серебряной медалью для ношения на груди на Станиславской ленте за «ревностное исполнение обязанностей, безупречную честность и поведение» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39).

Перед этим, в своем прошении А. А. Бобринскому в мае 1916 г., С. П. Петренко писал: «Прошу Вас Ваше Сиятельство обратить внимание на мое сотрудничество и 27-летнее пребывание при работах Императорской археологической комиссии в Керчи, и осмеливаюсь надеяться, что Ваше Сиятельство не оставите без внимания мои труды ввиду того, что за означенный период времени приходилось работать у разных лиц, и этим, быть может, объясняется то обстоятельство, что труды мои остаются без внимания» (Там же. Л. 1об.–2).

К сожалению, в связи с произошедшими политическими событиями награждение С. П. Петренко, вероятно, не состоялось, а сам он вскоре скончался. Значение его скромного и «незаметного», но весьма значимого для российской археологической науки труда так и остается недооцененным, поэтому особенно важно вспомнить о его заслугах. Не имевший специального образования, за время своей работы при Археологической комиссии он превратился в блестящего практика-раскопщика, универсального помощника начальника археологической экспедиции практически любого профиля. С. П. Петренко с удовольствием приглашали во все экспедиции. Он владел техникой раскопок разных типов археологических памятников, прекрасно занимался камеральной обработкой находок и на месте работ, и в Петербурге, умел отлично находить общий язык со своими подчиненными — рабочими на раскопе — и всегда пользовался их неизменным уважением. С. П. Петренко не совершил великих научных открытий, но его деятельность высоко ценили профессиональные археологи. Руководители экспедиций доверяли ему и часто на него оставляли раскоп в свое отсутствие. Работа и опыт таких умелых практиков и сейчас остается весьма востребованной в производстве археологических раскопок.

Теплые дружеские отношения связывали его с 1903 г. с Н. И. Репниковым. С. П. Петренко был постоянным помощником почти во всех его экспедициях от Крыма до Старой Ладogi (рис. 24). После смерти С. П. Петренко Н. И. Репников написал небольшую статью о нем (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25), которая была подготовлена не ранее весны 1918 г. Заметка осталась неопубликованной, но сведения из нее частично уже использовались современными исследователями (Емельянова, 2015; 2019). Учитывая ее особую ценность как блестяще раскрывающей не только умения и таланты С. П. Петренко в деле раскопок, но и содержащей крайне интересные сведения о процессе археологических исследований на юге России, считаем важным опубликовать текст целиком в авторском варианте³.

³ Текст документа передается с сохранением стилистических и фонетических особенностей, в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

Рис. 21. Раскопки на Земляном городище Старой Ладоги. Откачка воды из раскопа, 1913 г. Стоит С. П. Петренко. Отп. Q 220/66

Fig. 21. Excavations at Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga. Pumping out water from the excavation pit, 1913. S. P. Petrenko standing. Impr. Q 220/66

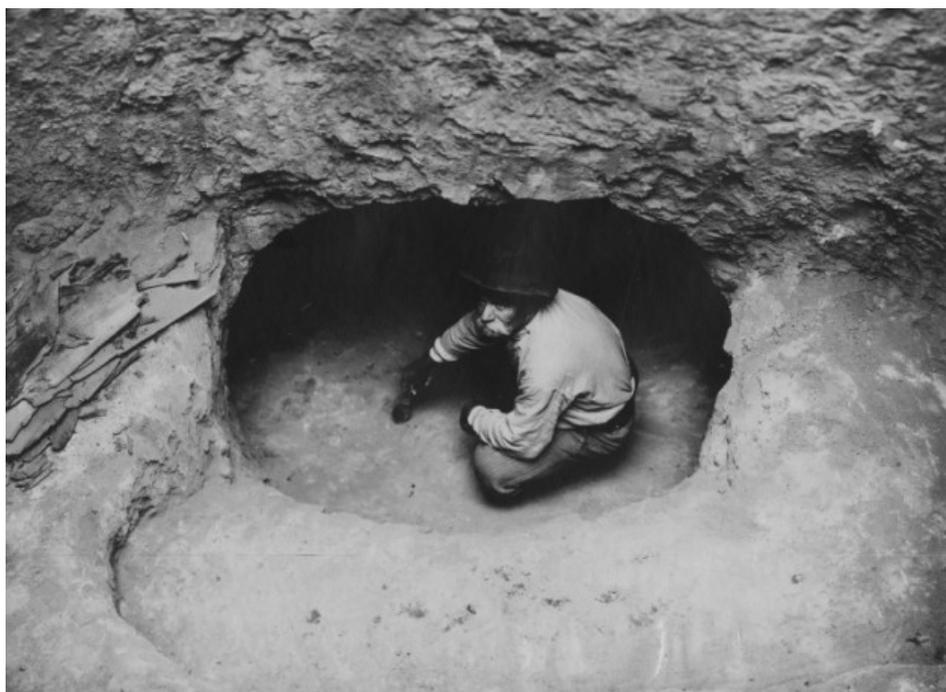

Рис. 22. Раскопки Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. С. П. Петренко расчищает вход в катакомбу. Отп. Q 600/11

Fig. 22. Excavations of the First Mordvinovskij barrow in 1914. S. P. Petrenko clearing the entrance to the catacomb. Impr. Q 600/11

Рис. 23. Начало раскопок Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. На переднем плане стоит С. П. Петренко, справа сидит Н. Е. Макаренко. Отп. Q 600/29

Fig. 23. Beginning of the excavations of the First Mordvinsky barrow in 1914. S. P. Petrenko standing in the foreground, N. E. Makarenko sitting to the right. Impr. Q 600/29

Рис. 24. Н. И. Репников и С. П. Петренко на раскопках могильника у дер. Скеля в Байдарской долине, 1907 г. Отп. Q 455/93

Fig. 24. N. I. Repnikov and S. P. Petrenko at the excavations of the cemetery near v. Skelya in the Baydar valley in Crimea, 1907. Impr. Q 455/93

ПАМЯТИ ДРУГА

Семен Петрович Петренко⁴

В начале моей археологической деятельности после успешно начатых летом 1903 г. исследований готского могильника Суук-Су около Гурзуфа Археологическая комиссия признала необходимым экстренно среди зимы продолжить начатую работу.

Ввиду трудности ее решили дать специалиста-надсмотрщика из Керчи, известили ныне покойного В. В. Шкорпила, прося уделить кого-либо из его сотрудников.

Прибыв на место работ ранее назначенного времени и начав работу со старым летним составом рабочих, я проработал два-три дня.

В назначенный день к нашим работам на склонах Лысого бугра, где расположен был могильник, подошел бравый коренастый мужчина лет сорока, шедший с полным сознанием того, что идет именно туда, куда ему нужно.

Поравнявшись с рабочими и спросив, «здесь ли заведующий работами Археологической комиссии», назвал меня, получив утвердительный ответ, незнакомец направился ко мне, разбиравшему в этот момент обнаруженную гробницу.

— Честь имею явиться, надсмотрщик Петренко из Керчи, — промолвил он, передавая свои бумаги и рекомендательное письмо В. В. Шкорпила. Нас окружили рабочие. Из письма было ясно, что податель сего есть рабочий-надсмотрщик Керченского музея Семеон Петрович Петренко, посылаемый мне как опытный наблюдатель за рабочими.

Заметив жест желая продолжать прерванную работу, он мягко заметил:

— Не извольте беспокоиться, позвольте продолжить разбор.

Получив согласие, С. П. ловким движением вытащил швайку из-за ремня кушака на спине.

Быстро, артистически был закончен разбор гробницы, обнаруживший костяк и находившиеся на нем предметы.

Засмотрелись на работу столпившиеся рабочие, как-то присмирив и затихнув.

Произведена запись, и сделан нужный обмер.

Приняв рабочих в свое ведение, С. П. преобразился: спокойно, без лишней рисовки и торо-

пливости была продолжена прерванная работа и закончен рабочий день.

Обсудив вечером предстоящее исследование и выслушав пожелания относительно будущих работ, С. П. попросил разрешения заняться перестроением рабочих и их группировкой.

К полудню следующего дня нельзя было узнать людей, все как-то подтянулось, сосредоточилось, каждой паре рабочих нашлось и место, и дело. Работа закипела, пошла своим чередом, сменяясь то днями радости по поводу счастливых находок, интересных и богатых погребений, то днями разочарований и ожиданий. С. П. был ровен, спокоен и неизменен, точно выточенный из стали, без нервов. Наши отношения завязывались и крепли. В долгие зимние вечера он, помогая готовить к отправке в Археологическую комиссию найденные древности, делился своими воспоминаниями о прежних своих раскопках в Керчи, на Таманском полуострове, Мелитопольских степях, в Ольвии, в долинах рек Качи и Альмы и у мыса Тарханкута.

Рассказ его был прост, ясен и правдив. Для начинающего археолога это была увлекательная, красивая повесть, рисующая практическую сторону производства археологических раскопок, это были своеобразные лекции по технике их, но столь оригинальные и широко поставленные, что их навряд ли будут где-либо читать специалистам. Наши отношения упрочились, и С. П. перевел своего слушателя на новые темы, в ряде образных рассказов обрисовав обратную сторону археологического дела на юге России, введя теоретически в мир керченских кладоискателей «счастливец», он подробно охарактеризовал их быт, приемы обнаружения ими гробниц, рассказал о той непримиримой постоянной ночной «войне», которая идет у них с рабочими Керченского музея древностей, он говорил о скупщиках найденных древностей и пр.

С. П. увлекательно говорил на тему, о которой не имеет представления большинство наших археологов. Исчерпав и эти темы, он перешел к новым, составляющим профессиональную тайну, — это была реставрация и подделка древностей в Керчи.

Незаметно прошли три месяца работ, нужно было возвращаться в Петербург, мы расстались с С. П. друзьями.

Летом 1904 г. при посещении гостем работ Б. В. Фармаковского в Ольвии мы встретились вновь.

⁴ Во всех официальных документах ИАК С. П. Петренко значится как Самуил Петрович, но, видимо, в обычной жизни он представлялся как Семен Петрович.

С. П. наблюдал за работой на одном из бесчисленных курганов Ольвии.

В течение двух недель, проведенных здесь, он ввел своего ученика практически в дело раскопок больших южнорусских курганов, познакомив на практике с делом подбоев, работами тачкой, вложив поистине свою душу в то, чтобы ученик усвоил себе все приемы и меры предупреждения обвалов и «колов» — подбоев, весьма опасных во время работы.

На деле и практике были показаны значения ленты, обреза могильной ямы, выкида и проч. тонкости техники курганных раскопок. Законченные исследования кургана Б. В. Фармаковским были перенесены на ровное поле — сплошной некрополь. Здесь С. П. ознакомил меня с приемами отыскивания могил вытяжным щупом, специальный прием местных «счастливец»-кладоискателей на грунтах, состоящих из глины белоглазки.

В свободное от своих обязанностей время, при закате солнца, когда в степи даже, казалось бы, ровная поверхность начинает бросать длинную тень, С. П. ознакомил своего ученика с приемом находить аллеи сплошных грунтовых могил на ровных местах, наблюдать присыпки в полах курганов, различать западины и следы старых грабительских выкидов из древних минных работ. С. П. вводил в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, недоступного большинству не только наших археологов, но и профессиональным рядовым «счастливым».

Эти знания и есть удел лишь таких одаренных натур, какой был С. П.

В 1905 г. археологическая компания сложилась довольно прихотливо. Археологическая комиссия прикомандировала меня к Б. В. Фармаковскому, который в этом году начал значительные работы на Ольвийском городище.

Здесь судьба свела меня опять с С. П., который вместе с двумя другими надсмотрщиками приехал из Керчи.

Были начаты грандиозные раскопки городища, в ряде мест работало до 100 человек рабочих ежедневно.

Работа была сложной, требовавшей большого напряжения и сугубой бдительности от наблюдателя за рабочими, почти сплошь состоявшими из местных жителей — «счастливец», прекрасно ориентирующихся в рыночной стоимости каждой найденной мелочи.

Попав, естественно, на участок городища совместно с С. П., было приступлено к работам. В его партии между прочим работали самые отчаянные «счастливы», которых, скажу прямо, побаивались другие надсмотрщики, с этим народом мне пришлось столкнуться впервые, это были оригинальные люди. Присматриваясь к отношению С. П. к его подчиненным и последних к нему, выяснялось любопытное явление. Спокойный и справедливый, но требовательный к аккуратному и тщательному ведению работ, он был всеобщим любимцем.

От его острого, всегда пристального взгляда не укрывался ни один шаг его команды, всякое движение рабочего было ему ясно, от него не укрылось бы ничто, что шло бы в ущерб делу раскопок.

Рабочие все это отлично знали и учитывали. Наши взаимоотношения при работах выразились в практической стороне дела: в работах вагонетками, устройстве рельсового пути, перекидной работе тачками в вагонетки, очистке оснований открываемых древних зданий, грунтовых ям, разделений культурного пласта на слои, разборе последнего, — все это было показано ученику во всех тонкостях, попутно он был введен в закулисную сторону работ на городищах юга. Практическими приемами было показано то, что делают рабочие при исследованиях кабинетных археологов, после которых вещи попадают к перекупщикам. Для этих практических занятий были очень умно и тактично использованы, между прочим, некоторые из «счастливец», о которых упоминалось ранее. Еще в одну новую фазу был введен ученик.

Из Ольвии предстояла поездка в Крым, где в том же районе Гурзуфа и Суук-Су были необходимы дополнительные работы, ведшиеся по поручению Археологической комиссии на общественных землях и А. Л. Бертье-Делагарда — на земле частного лица.

С технической стороны это были те же условия работ, что и в момент нашего знакомства, тем не менее С. П. неустанно и упорно, с одной ему присущей настойчивостью не упускал случая ввести ученика в дело раскопок сплошным, глухим перевалом при столь сложных условиях, какие имелись в этом могильнике, — они заключались в громадной трудности определения материка в намывном однородном глинистом грунте, сползшем с холма, и установления в нем наличия могил. Все сводилось здесь к ряду мелких технических

приемов, разбираться в которых в совершенстве мог лишь С. П., безошибочно устанавливавший наличие или отсутствие их в каждом из исследуемых участков. По окончании работ этого года мы расстались вновь.

Летом следующего 1906 г. Археологической комиссией мне поручалось самостоятельное исследование на Ольвийском некрополе, параллельно с работами Б. В. Фармаковского на городище.

Узнавший об этом по приезде к нам на место раскопок С. П. впервые за все время, как я его знал, заволновался и занервничал. Видимо, он оценивал те возможности и шансы, которые могут быть пущены им в дело предстоящих его ученику раскопок на столь громадном и неопределенном пространстве, каким является Ольвийский некрополь.

Пред ним открывалась возможность благодаря аппарату его знаний уметь чувствовать условия и характер южнорусских некрополей направить дело так, чтобы достичь максимума результатов.

Узнав, что главной задачей, поставленной Археологической комиссией, является обнаружение архаического некрополя и в таком случае его систематическое исследование, С. П. просил отложить выбор места до вечера, когда на закате мы вышли в степь.

Как сейчас помню этот тихий вечер в степи, на берегу широкого Бугского лимана. Впереди нас на закат расстилался огромный некрополь, получивший характерное название «Сто могил». С. П. шел на запад спокойно, уверенно, порой пригибаясь к земле, наблюдая все время характер едва заметного рельефа поверхности. «Аллеи» сплошных могил шли рядами, чередуясь с курганами и ровными местами. Долго бродили мы по степи. С. П. был сосредоточен и молчал.

Наконец, оживившись, сказал: «Начинайте здесь, эта аллея мне нравится». Решили начать именно с этого места. Поставленные наутро рабочие щупом определили обрезы могил, находящихся в аллее. Их было три: одна заключала чернофигурное энохэ первой половины VI в. до Р. Х., другие, будучи ограбленными в древности, дали черепки так называемого коринфского стиля, то есть именно то, что и было нам нужно. Случаю было угодно лишить меня возможности работать с С. П. в эту компанию и дальше.

Сложность работ на городище у Б. В. Фармаковского оторвала от меня С. П., с грустью и

большой неохотой, как бы предчувствуя, что он повиновался приказу, с городища перешел его товарищ, другой керчанин.

Начатая аллея была использована. Предстоял выбор нового места. Работали отборные — первейшие «счастливицы», выбранные самим С. П. из всего наличия этого персонала Парутина. Работали, смею уверить, не за страх, а за совесть, искренне, без лукавства, с открытой душой. Выбирали места так, как их никогда не выбирали раньше при казенной работе и навряд ли выбирали потом. «Счастливицы», привязавшиеся ко мне, творили чудеса, большинство могил, ими намечаемых, было даже не ограблено в древности, но «архаический» некрополь уходил от меня.

С. П., с которым мы жили под одним, как со всеми членами экспедиции, кровом, корил и выговаривал все время своему заместителю, но, не имея возможности отлучиться с городища и не ведя работ непосредственно, не мог двинуть их в желательном ему направлении, т. е. «поймать», как он говорил, желательную ему полосу погребений.

В программу заданий Археологической комиссии входило исследование одного из бесчисленных курганов Ольвийского некрополя, нужно было сделать выбор. В праздник рано на заре С. П. отправился в степь один, вернувшись, сообщил, что курган им выбран, и что он, несмотря на наличие шести западин от грабительских ям, не тронут. Было приступлено к раскопке именно этого кургана — погребение его действительно оказалось целым.

Работы на некрополе окончились. Между тем исследования на городище развернулись грандиозно. С. П. работал вовсю, но без оживления — делово, он не вкладывал в них душу, ибо был лишь идеальным исполнителем чужих, для него далеких по духу, желаний и интересов исследователя.

Наметился близкий конец археологической кампании этого года, не будучи заинтересован персонально в работах на городище, я бывал на них лишь периодически — зрителем.

Большой сенсацией этого года была находка одной костяной пластинки с резьбой от [...] ⁵ и

⁵ В тексте в этом месте пропуск. Костяные пластинки с антропоморфными рельефными изображениями, по мнению Б. В. Фармаковского, могли украшать «круглый предмет, сужающийся к низу», возможно, сосуд в виде рога. Подробнее об этом см.: *Фармаковский*, 1909. С. 39–43.

нескольких фрагментов от него. Эта находка была роковой для моего друга.

По возвращении в Петербург, в конце года, чрез посредничество Э. Р. фон Штерна были присланы остальные пластинки, составлявшие [...], они были приобретены от известного на юге одесского антиквара Гохмана.

Факт того, что они были выкрадены с раскопок, не подлежал сомнению, указывалось, что они куплены у надсмотрщика, но которого — был вопрос.

Обвинения и предположения не касались, естественно, до моих взаимоотношений к С. П. Началось следствие, сильно затянувшееся. Наступало время новой археологической кампании, нужно было ехать в Крым, где предстояли работы в большом масштабе. С. П. значился под опалой и запрещением. Лишь после больших усилий и вмешательства покойного Н. И. Веселовского, категорически заявившего, что «дело выбора сотрудника зависит от исследователя», мне удалось добиться права взять С. П. на свои работы.

Первую половину лета 1907 г. заняли работы по исследованию основания развалин Партенитской базилики, памятника, не представляющего технической новости, вторая задача была посложнее — предстояло выяснить культуру «так называемых дольменов Крыма» и найти могильники раннего средневековья в Байдарской долине как материал для будущих систематических работ.

В последнем случае предстояло решать задачу со всеми неизвестными, то есть найти никому неизвестные еще могильники, о которых даже само население не имело представления, найдя их, выяснить их культуру, избегая раскопок из опасения того, что местное население после нашего отъезда их разграбит.

С. П. и здесь с честью вывел своего ученика из поставленных ему заданий. Он нашел три никому ранее неизвестных катакомбных могильника и в одном из них ухитрился вскрыть 4 склепа и 1 могилу, не привлекая внимания населения к памятнику. Что же касается упомянутых ранее дольменов, то с технической стороны исследование их не представляло новости. Выполнив работы, мы расстались вновь.

Осенью, уже в бытность мою в Петербурге, закончилось следствие по делу об украденных в Ольвии костяных пластинках, закончилось, выяснив его полнейшую непричастность к этому

делу⁶, и еще раз повторяю, безразличную для наших взаимоотношений.

В начале 1908 г. скончался заведующий раскопками Херсонеса К. К. Костюшко-Валюжинич, по поручению Археологической комиссии временное заведывание работами поручалось мне.

В марте мы встретились с С. П. вновь, и встретились там, где давно с ним мечтали встретиться.

Предстояла спешная, большая работа по исследованию некрополя, отходящего под военные постройки, предстояли также работы впереди Зеленой башни древней городской стены.

Пред С. П. встало трудное и тяжелое задание, но не технического свойства, а чисто организационного.

Кадр рабочих, с которым пришлось ему вести эти работы, был местный, коренной, связанный долгими годами работ Археологической комиссии в Херсонесе. У него выработался свой уклад, свои воззрения и приемы — резко противоположные с тем, что С. П. считал нужным и в чем убедил своего ученика.

«Новшества» С. П. в Херсонесе были встречены открытым бунтом. Главари его были мною немедленно удалены, через день С. П. сам первый просил за них, и они вновь были приняты на работу.

Петренко и тут вышел победителем, поставив все на свой лад, завоевав общую симпатию рабочих.

В Херсонесе С. П. развернулся вовсю, в свободные от работ дни мы совместно изучали Херсонес, намечая места будущих исследований, составляли план большого повторного изучения всего открытого путем новых дополнительных раскопок.

В самый разгар четвертого месяца работ, когда определялась возможность того, что ученик С. П. останется вторым заведующим в Херсонесе, он заболел малярией и крупозным воспалением легких. С. П. как нянька выносил его на руках, ведя в течение этого времени работу по устройству нового проезда к местному музею древностей, что входило в план очередных работ. Вскоре за сим в Херсонес прибыл новый заведующий Р. Х. Лепер, которому и переданы были мною работы, причем С. П., конечно, был аттестован с лучшей стороны. Через месяц, когда, возвращаясь, оправившись,

⁶ Они были украдены и проданы старшим надсмотрщиком Демиденко, сознавшимся в краже. С. П. числился во второй группе ольвийских надсмотрщиков (Прим. Н. И. Репникова).

из Ялты через Севастополь в Петербург, мне пришлось посетить Херсонес, чтобы проститься со своими бывшими сотрудниками, я узнал, что С. П. отказывается вести работы в нем и просит отпустить его в Керчь. Он также скоро уехал из Херсонеса, как я слышал, при всеобщем сожалении всех рабочих, сопротивлявшихся его «новшествам».

С моими южными работами было покончено. Казалось бы, мы расстались навсегда и не встретимся больше в поле.

Прошло два года. Здесь, на севере, после разведок 1909 г. в следующем году намечались работы в Старой Ладоге от Русского музея, вызванный из Керчи С. П. прибыл, как всегда, аккуратно.

Но он был смущен тем, что ему придется работать там, где он не бывал, и с теми древностями, которых он не знал.

Успокоив и сказав ему, что мы будем теперь вместе учиться новому для него, мы приступили к ладожским раскопкам, ведя их без перерыва четыре летние кампании подряд.

Здесь С. П. ждал новый неожиданный материал — остатки деревянных построек, идущих ярусами, это был, как он выражался, «материал деликатный», и с ним С. П. обошелся по деликатному, так, как навряд ли кто-либо, кроме него, сумел бы. Очистка открываемого производилась почти исключительно им или же под бдительным его наблюдением и выполнена была образцово.

С. П., видимо, тяготился севером, но отказать другу в просьбе приехать на работы не хотел.

Осенью 1913 г. я побывал впервые в Керчи, это был праздник для С. П., ценивший его В. В. Шкорпил уволил его от работ с содержанием на весь недельный период моего пребывания здесь.

Керчь была показана во всех подробностях, с раннего утра мы ходили и ездили по ее окрестностям, осматривая все решительно.

С разрешения В. В. Шкорпила С. П. показал ученику на производившихся в это время работах весь комплект технических приемов отыскивания гробниц швайкой, практикующийся в Керчи. Последний раз мы встретились с С. П. здесь, в Петербурге, в 1916 г., когда он был вызван в Археологическую комиссию для реставрации и склейки древностей, это была еще одна из его специальностей, ради которой его вызывают, начиная с 1913 г. Ни в Керчи, ни в Петербурге не было лучшего реставратора южнорусской керамики. С. П. жил у меня, работая долгий период в Комиссии и в Эрмитаже.

В свободное время мы с жаром обсуждали одно давно задуманное мною предприятие в горном Крыму.

Работа здесь обещала дать исключительный научный материал по средневековью. Эта тема захватила С. П. и была в его духе. Как дополнение к ней он предложил исследовать один катакомбный могильник готского периода, в окрестностях Керчи, на частной земле, который был ему известен и был не тронут кладоискателями.

Мы расстались с тем, чтобы встретиться летом 1917 г.

Но судьба судила иначе, грозные события лишили меня возможности выполнить задуманное.

А смерть С. П. лишила навсегда возможности встретить друга и учителя в деле производства раскопок.

Его выдвинуло время больших раскопок Археологической комиссии в России, и он был, несомненно, в первом ряду ее технического персонала.

Н. Репников

Вахтина, 2019 — Вахтина М. Ю. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Ред.-сост. М. В. Медведева, А. Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 537–653.

Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Там же. С. 354–536.

Емельянова, 2015 — Емельянова Н. С. Семен Петрович Петренко — учитель Николая Ивановича

Репникова // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: Материалы науч. конф., посв. началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (г. Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь: Тарпан, 2015. С. 54–55.

Емельянова, 2019 — Емельянова Н. С. С. П. Петренко и Н. И. Репников: учитель и ученик // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в городе Севастополе, 2019 (Серия А «Античность и средневековье»). № XXX (IX). С. 17–22.

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3; 1916 г. Д. 4; Д. 39; Ф. 10. Оп. 1. Д. 25.
- Ольденбург*, 1914 — *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1914. 313 с.
- Попова*, 2008 — *Попова И. Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века: Сб. ст. / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 148–157.
- Репников*, 1909а — *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. Вып. 30. С. 99–155.
- Репников*, 1909б — *Репников Н. И.* Партенитская базилика. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. Вып. 32. С. 91–140.
- Ростовцев*, 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Изд-во ИАК, 1914. Т. II: Текст. 112 с.
- Фармаковский*, 1909 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии // Отчет ИАК за 1906 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. С. 1–50.
- Федосеев*, 2002 — *Федосеев Н. Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Шаров*, 2016 — *Шаров О. В.* Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 120–130.

**“During archaeological works, I fulfilled zealously,
carefully and unquestioningly the duties entrusted to me...”
Supervisor of the Kerch Museum Samuil Petrovich Petrenko**

M. V. Medvedeva

The remarkable archaeological discoveries made in the late 19th — early 20th century and the names of their authors are widely recognized, but it is little known about the ordinary workers who virtually recovered the ancient treasures during archaeological excavations. In this relation, a prominent place belongs to the supervisor of the Kerch Museum of Antiquities S. P. Petrenko who had worked for the Imperial Archaeological Commission (IAC) for 27 years.

The main place of his work and living was in Kerch but he was sent not once on missions of supervision over the workers at excavations by different archaeological expeditions. S. P. Petrenko worked with Boris V. Farmakovskiy in Olbia, Ernst R. von Stern in Berezan, Nikolay I. Repnikov in Suuk-Su, Partenit, Chersonesos and Staraya Ladoga, and with N. E. Makarenko at the Mordvinovskij barrow; he participated in the rescuing of the unique marble sarcophagus in Taman from looters and in other investigations of IAC. Along with the excavations, S. P. Petrenko was occupied with laboratory works and gluing together fragments of south-Russian pottery. In 1916, the chairman of IAC Aleksey A. Bobrinskiy nominated S. P. Petrenko for an award for the irreproachable service and zeal.

Petrenko's services and experience as a skilled excavator were highly valued by professional archaeologists. Warm and friendly relations tied S. P. Petrenko with N. I. Repnikov who wrote a brief essay in his memory. This manuscript is preserved in the personal archives of N. I. Repnikov and is here first published in author's complete variant.

Список сокращений

АВ	—	Археологические вести. Санкт-Петербург
АВСЗ	—	Археология Владимиро-Суздальской земли
АиИПиПЗ	—	Археология и история Пскова и Псковской земли
АО	—	Археологические открытия
АСГЭ	—	Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БС	—	Балтийская система высот
ВАШ	—	Высшая Антропологическая Школа
ВИМАИВиВС	—	Военно-исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ГМЗ	—	Государственный музей-заповедник
ГУ	—	государственный университет
ДВО РАН	—	Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА ИРАО	—	Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества
ИА	—	Институт археологии
ИАЭ	—	Институт археологии и этнографии
ИВИ РАН	—	Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИГАИМК	—	Известия государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ	—	Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯК	—	Институт истории, языка и культуры
ИИЯЛ	—	Институт истории, языка и литературы
ИПХ	—	издательско-полиграфический холдинг
КарНЦ	—	Карельский научный центр
КАЭЭ	—	Камская археолого-этнографическая экспедиция

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КПДК	—	культура псковских длинных курганов
КСИА	—	Краткие сообщения Института Археологии. Москва
КСИИМК		Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ		Ленинградский государственный университет
ЛОИА		Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР		Материалы по археологии восточных губерний России
МАР		Материалы по археологии России
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии РАН
МГУ	—	Московский государственный университет
МДАПВ	—	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИИМК РАН. РО	—	Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел
НА ИИМК РАН. ФО	—	Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Фотоотдел
НАН	—	Национальная академия наук
НГБ	—	Новгородские грамоты на бересте
НГОМЗ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИ	—	научно-исследовательский институт
НиНЗИиА	—	Новгород и Новгородская земля. История и археология
НИС	—	Новгородский исторический сборник
НМЗ	—	Новгородский музей-заповедник
НОА	—	Научно-отраслевой архив
НОАЭ	—	Новгородская областная экспедиция
НЦ	—	научный центр
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник
ПАЦ	—	Псковский археологический центр
ПГПУ	—	Пермский государственный педагогический университет
ПКМ	—	Пермский краеведческий музей
РА	—	Российская археология. М.
РАЕ	—	Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАН	—	Российская академия наук
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РСАЭК	—	Региональная студенческая археолого-этнографическая конференция
РСМ	—	Раннеславянский мир
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	—	Советская археология. М.
САБ	—	Столичное археологическое бюро
САИ	—	Свод археологических источников
Сб. ст.	—	сборник статей
СО	—	Сибирское отделение РАН
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
СПБИН РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТартГУ	—	Тартуский государственный университет
ТАС	—	Тверской археологический сборник
ТНИИР-Центр	—	Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
Тр.	—	труды
SMYA	—	Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 31**

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Подписано в печать 28.06.2021. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 47,75. Тираж 300 экз. Заказ 1262

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 31 —

